

ГОДЪ

XLVI

ВѢСНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года мая 1-го дня.

Содержаніе: Разсвѣтъ. — Въ области церковно-приходской жизни. Ш. Къ вопросу объ участіи священника въ общественныхъ дѣлахъ. — Сербское Священническое Общество („Свещеничко Удруженъ“) въ королевствѣ Сербскомъ.

Р а з с в ѣ т ь .

Всего лишь только въ предшествующемъ № (17-мъ) журналъ нашъ привѣтствовалъ „зарю новыхъ дней“, а теперь уже святую Русь облило своими ласкающими и животворными лучами солнца полного разсвѣта. Оно быстро и мощно разбудить къ здоровой жизни и благотворной дѣятельности миллионы хорошихъ русскихъ людей, надъ которыми, по какому-то роковому недоразумѣнію, Дамокловымъ мечемъ висѣли „прещеніе“ и кара гражданскихъ и даже уголовныхъ законовъ. Во все-радостнѣйшій день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ этотъ *праздниковъ праздникъ*, съ высоты Царскаго Престола раздалось благостное Монаршее слово, „обезпечивающее каждому“ изъ русскихъ „подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по

повелѣніямъ его совѣсти“, „устраняющее“ всякія „ствѣненія въ области религіи“. И не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что „Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату“ отъ 17-го апрѣля сего 1905-го года „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“ „послужить къ вѣщшему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатью Господнею, поученіемъ, кротостію и добрыми примѣрами“, и составитъ знаменательнѣйшую эру какъ въ исторіи Православной Русской Церкви, такъ и въ исторіи общественнаго развитія нашего, потому что, по мнѣнію свѣтской періодической печати, этимъ Указомъ положенъ конецъ религіозной розни и враждѣ въ русскомъ народѣ, при чемъ Православная Церковь перестаетъ быть предметомъ страха и нелюбви инославныхъ и иновѣрныхъ, и Россія дѣлаетъ весьма важный шагъ къ болѣе тѣсному сближенію со всѣмъ остальнымъ образованнымъ міромъ. Отъ Востока мы взяли пока все, что только онъ могъ дать намъ хорошаго; и въ то время, какъ

Родъ людской тамъ спитъ глубоко

Ужъ девятый вѣкъ,

на Западѣ жизнь бьетъ ключомъ, наука, литература, искусство и всевозможныя прикладныя знанія идутъ впередъ такими гигантскими шагами, что передъ этимъ движеніемъ блѣднѣетъ подчасъ самая смѣлая фантазія. Западная культура и цивилизація въ свое время навязана была намъ насильно Петромъ Великимъ; но съ тѣхъ поръ мы уже окончательно вошли въ семью западно-европейскихъ народовъ, внесли въ улей міровой культуры не одну каплю своего меду и нравственно сроднились съ Западомъ, тогда какъ Востокъ, кромѣ массы самыхъ тяжелыхъ хлопотъ и политическихъ осложненій, ничего уже болѣе не даетъ и не дастъ намъ. Вотъ почему тяготѣніе наше во всѣхъ областяхъ жизни,—мы не говоримъ, конечно, о святой вѣрѣ православной,—должно быть именно къ Западу, а не къ Востоку, и Указъ отъ 17 апрѣля значительно облегчаетъ желательное и существенно необходимое для насъ сближеніе съ Западомъ.

Еще болѣе благотворныя послѣдствія будетъ имѣть Указъ 17-го апрѣля для внутренней жизни нашего отечества. Указомъ этимъ, какъ извѣстно, въ корнѣ уничтожаются цѣлыя вѣвка уже царящія рознь и вражда между православнымъ населеніемъ нашего отечества и одними изъ самыхъ вѣрныхъ и преданнѣйшихъ сыновъ его—старообрядцами. Ближайшее же будущее, быть можетъ, порадуетъ Православную Церковь Русскую полнымъ воссоединеніемъ старообрядцевъ съ нею, на что выражаетъ надежду и Самъ Государь Императоръ въ Своей телеграммѣ отъ 16-го апрѣля на имя московскаго генераль-губернатора: „Повелѣваю,—говоритъ Государь въ этой телеграммѣ,—въ сегодняшній день наступающаго Свѣтлаго Праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовень московскаго Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы. Да послужить это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ Моего довѣрія и сердечнаго благоволенія къ старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу. Да благословитъ и умудритъ ихъ Господь съ полной искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ Русской Православной Церкви, воссоединить ихъ съ нею и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь“ („Правительств. Вѣстн.“ отъ 20 апр.).

Да не смущаетъ вѣрныхъ чадъ Церкви Православной, что Высочайшій Указъ „Объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“ можетъ имѣть—въ особенности на первыхъ порахъ—своимъ послѣдствіемъ отпаденіе нѣкоторыхъ отъ православной вѣры „въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе“. *Во-первыхъ*, „запрещенный плодъ сладокъ“, и колеблющіяся, получивши теперь полное право перехода изъ православія „въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе“, сильно призадумаются надъ такимъ важнымъ вопросомъ, углубятся

въ изученіе основныхъ истинъ православнаго вѣро-и правоученія,—и, безъ сомнѣнія, большинство изъ нихъ обратится въ ограду Православной Церкви горячо убѣжденными въ ея святости и преданнѣйшими ея сынами.—*Во-вторыхъ*, что касается числившихся только по имени и на бумагѣ православными, то они являлись болѣзнетворной заразой, разъѣдающей язвой на организмъ Церкви, а вовсе не состояли дѣйствительными, а тѣмъ болѣе—желательными членами ея; они служили только соблазномъ для „меньшихъ братій“, и фактическое отпаденіе ихъ отъ православія будетъ лишь официальнымъ признаніемъ того, что давно уже совершилось внутренно, но только не было оформлено на бумагѣ. „По замыслу Христа,—скажемъ словами М. Меньшикова,—Церковь есть община единовѣрныхъ, связанныхъ между собою симпатіей общаго убѣжденія. Стало быть, нужна *прежде всего* (курсивъ автора) искренность убѣжденія, иначе не будетъ ни единенія, ни любви. Общество притворяющихся вѣрующими не можетъ составить Церкви, какъ и общество колеблющихся, недоумѣвающихъ, неуспѣвшихъ подумать о вѣрѣ или просто безпечныхъ къ ней“ („Письма къ ближнимъ“, „Нов. Вр.“ 1905 г., № 10459).—Наконецъ, *въ-третьихъ*, уклоняющіеся въ различныя секты—это, вѣдь, собственно говоря, хотя и не устоявшія, но лучшія изъ духовныхъ чадъ, ищущія истины и не удовлетворяющіяся однимъ слѣпымъ слѣдованіемъ тому, что имъ сообщено догматически, но надлежащимъ образомъ *не разъяснено*. И въ уклоненіи ихъ въ секты не болѣе ли виновны ихъ *неучительные* пастыри, чѣмъ сами они? Вѣдь и „общество,—продолжимъ словами того же М. Меньшикова,—запуганныхъ проклятiями и карами небесными и земными тоже не составляетъ Церкви“; равно какъ не составляетъ Церкви и „общество людей невѣжественныхъ и суевѣрныхъ, связанныхъ общимъ непониманіемъ“ (тамъ же). А кто виновенъ во всемъ этомъ?..

Итакъ, если когда, то теперь въ особенности пастыри должны быть, по заповѣди св. ап. Павла, „образцемъ для вѣрныхъ

въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“; должны неослабно „заниматься чтеніемъ, наставленіемъ, ученіемъ“; „не нерадѣть о пребывающемъ“ въ нихъ дарованіи, которое дано имъ „по пророчеству съ возложеніемъ руць священства“; „вникать въ себя и въ ученіе; заниматься симъ постоянно: ибо, такъ поступаая, и себя спасутъ и слушающихъ ихъ“ (1 Тим. 4, 12. 13. 14. 16). Тогда не будетъ ни отпаденій, ни уклоненій; тогда каждый приходъ обратится именно въ то, чѣмъ онъ долженъ быть,—въ тѣсную родную семью, живущую въ Богѣ и для Бога, подъ мудрымъ и любовнымъ руководствомъ своего духовнаго „отца“, „батюшки“ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Много подвиговъ подъяло на плечахъ своихъ православное духовенство и всегда выходило изъ нихъ съ честію. Твердо вѣримъ, что, съ Божіею помощію, покажетъ оно себя достойнымъ своего высокаго и священнаго призванія и въ предстоящемъ новомъ подвигѣ. *Изыдите же, доблестные борцы за святое православіе, на дѣло свое и на дѣланіе! Съ вами Богъ и искреннія, горячія молитвы за успѣхъ великаго дѣла вашего всѣхъ истинныхъ чадъ Церкви Православной...*

Г. Б.

Въ области церковно-приходской жизни ¹⁾.

III.

Къ вопросу объ участіи священника въ общественныхъ дѣлахъ.

Въ переживаемое нами время, когда совершается болѣзненно-творческій („жена, егда раждаетъ, скорбь имать“...) процессъ всесторонняго обновленія русской жизни, вопросъ

¹⁾ См. № 13-й за 1905 г.

объ участіи священника въ общественныхъ дѣлахъ получаетъ жгучій интересъ современности, рѣшительно не позволяющій откладывать его рѣшеніе въ долгій ящикъ: можетъ ли быть рѣчь объ откладываніи, очень, впрочемъ, сродномъ и давно знакомомъ русскому человѣку, когда вопросъ такъ настойчиво выдвигается быстро слѣдующими другъ за другомъ событіями нашей внутренней жизни и такъ неотступно стоитъ предъ мыслью и совѣстью православно-русскаго пастыря, чутко воспринимающаго и глубоко переживающаго всякое событіе, такъ или иначе затрогивающее религіозно-нравственную жизнь его паствы?! Съ особенною неотступностью стоитъ намѣченный вопросъ предъ сознаниемъ того священника, въ приходѣ котораго есть фабрика или заводъ, захваченные рабочимъ движеніемъ: какъ отнестись пастырю къ этому движенію? молчать и... молиться, или же говорить и дѣйствовать? если — послѣднее, то что говорить и какъ дѣйствовать? Вообще—какъ отнестись пастырю къ той борьбѣ между рабочими и работодателями, которая происходитъ на нашихъ глазахъ? Было бы громадной и, можетъ быть, непоправимой ошибкой усвоить этому вопросу лишь теоретическое значеніе: слава Богу! нашъ рабочій людъ не настолько еще удаленъ отъ Церкви, чтобы не обращаться къ своимъ пастырямъ за разъясненіемъ своихъ мучительныхъ недоумѣній, вызываемыхъ современными соціально-экономическими отношеніями. Дальше. Въ настоящее время готовится преобразование городскаго и земскаго самоуправленія. Общество, частію черезъ своихъ представителей въ различнаго рода комитетахъ, комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, частію въ различнаго рода собраніяхъ—земскихъ и др., частію черезъ посредство печати, принимаетъ посильное участіе въ обсужденіи подготовляемыхъ преобразованій. Спрашивается: не слѣдуетъ ли нашему духовенству примкнуть къ этой преобразовательной работѣ, чтобы обезпечить для себя активное участіе въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, чтобы—то есть—открыть себѣ доступъ въ городскія думы, въ земскія собранія, на мірскіе сходы? Въ частности, теперь много говорятъ объ учрежденіи мелкой

земской единицы, при чемъ организація этой единицы представляется весьма различно: въ то время, какъ одни хотятъ придать ей безусловный характеръ—въ томъ смыслѣ, что принадлежность къ извѣстному сословію не принимается во вниманіе при организаціи мелкой земской единицы—лица, имѣющія оубдлость въ предѣлахъ извѣстной волости, принимаютъ участіе въ волостномъ самоуправленіи независимо отъ принадлежности къ тому или другому сословію, такъ что, скажемъ, въ предсѣдатели волостного схода или волостного правленія можетъ быть избрано лицо какого-угодно сословія; другіе мечтаютъ о всесословности будущей мелкой земской единицы, или—это будетъ точнѣе—о введеніи въ ея составъ лицъ привилегированныхъ сословіи, при чемъ послѣднимъ будетъ принадлежать роль своего рода откуповъ надъ народною массою. Первые представляютъ себѣ будущее волостное правленіе (или волостную управу) выборнымъ органомъ безусловнаго волостного схода (на подобіе земскихъ или городскихъ управъ); вторые хотятъ сдѣлать волостное правленіе органомъ администраціи, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ и члены волостного правленія—если не всѣ, то большинство—назначались бы администраціей. Замѣчательно, что первые ничего не говорятъ о привлеченіи священника къ участію въ волостномъ самоуправленіи, а вторые не прочь включить его въ составъ проектируемаго правленія въ качествѣ непремѣннаго члена. Высказывается иногда (главнымъ образомъ представителями второго направленія) и такая мысль, чтобы органами управленія мелкой земской единицей сдѣлать существующія теперь въ нѣкоторыхъ приходсахъ церковно-приходскія попечительства, подвергнувши ихъ предварительному преобразованію, послѣ котораго они, разумѣется, получаютъ характеръ не столько церковнаго братства, религіозно-просвѣтительнаго союза, сколько органа министерства внутреннихъ дѣлъ. Тогда и священникъ, какъ непремѣнный членъ преобразованнаго въ такомъ духѣ церковно-приходскаго попечительства, будетъ столько же чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ,

сколько духовнымъ пастыремъ. Вопросъ: насколько желательна такая форма участія священника въ общественной жизни?—не можетъ быть обойденъ молчаніемъ.

Итакъ, долженъ ли священникъ и, если долженъ, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ?

Прежде чѣмъ высказывать свои посылныя соображенія по данному вопросу, замѣтимъ, что наше духовенство и церковная печать склонны рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, просматривая „Церковный Вѣстникъ“ за прошлый годъ, мы встрѣчаемся съ пожеланіями, чтобы священникамъ былъ открытъ доступъ и въ городскія думы и на мірскіе сходы съ правомъ рѣшающаго голоса. „Сельскому священнику, — пишетъ о. Романъ Шаринъ, — трудно исполнить свою миссію безъ права голоса и участія на сходахъ. Последніе являются средоточіемъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ крестьянина и рѣшаютъ сложныя задачи. А сколько такихъ задачъ входитъ въ программу нашей дѣятельности! Вѣдь всѣ наболѣвшіе вопросы школьнаго обученія, самообразованія (повидимому, рѣчь идетъ о содѣйствіи народному самообразованію), призрѣнія и попеченія о сиротахъ деревни лежатъ на нашей пастырской отвѣтственности и призываютъ насъ на помощь. Что же можемъ сдѣлать мы, бѣдные труженики, обладающіе ничтожными средствами для выполненія своихъ обязанностей?“ Къ такого рода „ничтожнымъ средствамъ“ о. Шаринъ относитъ, повидимому, и проповѣдь: „самая живѣйшая проповѣдь не принесетъ достойныхъ плодовъ при нашей безголосности на сходахъ. Слова церковныхъ поученій забываются и безусловно умолкаютъ передъ стихійными силами, господствующими на сходахъ. Я увѣренъ, — заключаетъ свою мысль почтенный авторъ, — что наше участіе на сходахъ, съ одной стороны, сглаживало бы рѣзкость и грубость произвола, съ другой — постоянно напоминало бы о нашихъ словахъ, проповѣдуемыхъ съ церковной кафедръ. Безъ такого реального воздѣйствія на крестьянъ

намъ слишкомъ трудно довести до конца дѣло служенія народу. Пора, наконецъ, разстаться съ мыслью о священникѣ, какъ лишь церковномъ служителѣ, и признать въ немъ общественаго дѣятеля“ („Ц. В.“ 1904, № 38, кол. 1189—1190; ср. № 3, перед. статья; № 13, кол. 390—391; № 34, кол. 1064—1065 и др.).—Совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло авторъ статьи: „Священникъ, какъ общественный дѣятель“, помѣщенной въ № 36 „Церковнаго Вѣстника“ за 1903 годъ. Авторъ, укрывшійся подъ инициалами А. А. Л., мірянинъ, состоящій церковнымъ старостою и предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства. По мнѣнію г. Л., „всѣ попытки ввести священника въ водоворотъ гражданской жизни общества“ должны быть разъ навсегда оставлены, и это—прежде всего и главнымъ образомъ—потому, что такого рода попытки „идутъ въ разрѣзъ съ основными требованіями христіанскаго ученія о пастырствѣ“, по смыслу которыхъ дѣло пастыря состоитъ не въ попеченіи о мірскихъ интересахъ пасомыхъ, а въ учительствѣ („недостойтъ намъ, оставльшимъ слово Божіе, служить тропезамъ“): его долгъ—„начертать предъ слушателями образъ жизни истиннаго христіанина и постараться быть, по апостолу, этимъ образомъ“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, участіе пастыря въ общественной жизни должно носить чисто пастырскій характеръ: молебствіе предъ открытіемъ дворянскаго или земскаго собранія, приведеніе гласныхъ къ присягѣ, общественные юбилеи учреждений и лицъ, похороны общественнаго дѣятеля—„всѣ это можетъ дать проповѣднику прекрасный поводъ высказать христіанскій взглядъ на прочныя начала общественности и государственности“. Тѣмъ болѣе опасно пастырю принимать активное участіе въ засѣданіяхъ городскихъ думъ, на земскихъ собраніяхъ и мірскихъ сходахъ, что, вступая въ эту область, онъ погружается въ самую гущу партійной борьбы, не гнушающейся никакими средствами (картина дѣятельности нашихъ земскихъ, думскихъ и другихъ подобныхъ собраній, набросанная г-номъ Л., слишкомъ мрачна, даже удручающа для

того, чтобы привяты ея за вѣрное отображеніе дѣйствительности). „Да и достанетъ ли, наконецъ, у него на все это времени? Утромъ служба, потомъ школа, затѣмъ требоисправленія, а тамъ ждетъ и своя „домашняя церковь“, и свои личныя нужды, и потребности семьи. Когда же тутъ заниматься еще дѣлами общественными, сопряженными нерѣдко съ продолжительными разъѣздами и отлучками?“ Впрочемъ, „все сказанное нисколько не исключаетъ участія, и притомъ самаго дѣятельнаго, со стороны представителей духовенства въ тѣхъ мірскихъ дѣлахъ, инициативу коихъ всегда брала на себя Церковь. Сюда относятся дѣла просвѣщенія людей въ духѣ Церкви и благотворенія“.

Таковы мысли церковнаго старосты по вопросу объ участіи священника въ общественныхъ дѣлахъ. Какъ видитъ читатель, два автора—сельскій священникъ и церковный староста—кореннымъ образомъ разошлись въ рѣшеніи одного и того же вопроса. На чьей же сторонѣ правда?

Священникъ—служитель Церкви. Задача Церкви—распространеніе и утвержденіе среди людей царства Божія. А что такое царство Божіе?—Это—единеніе разумно-нравственныхъ существъ между собою не ради временнаго благополучія, а ради служенія Богу, какъ реальному, живому совѣщенію чистѣйшей истины, безусловной правды, высочайшаго добра, какъ единому премудрому (Луд. 25), единому безгрѣшному, единому благому (Мѣ. 19, 17). Для осуществленія этой великой задачи Церковь располагаетъ средствами исключительно нравственнаго характера; таковы: молитва, проповѣдь, возбуждающій примѣръ, самая организація жизни на основахъ нераздѣльной любви къ Богу и ближнему („смотрите, какъ живутъ христіане!“), наконецъ—церковная дисциплина, осуществляемая, конечно, церковными средствами (безъ содѣйствія гражданской власти). Совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ средствъ, при благодатной помощи Самого [Вѣчнаго Царя, царство Божіе мало-по-малу утверждается среди людей еще здѣсь, на землѣ; но полное и окончательное его утвержденіе

ожидается въбрующими въ будущемъ, въ другихъ условіяхъ существованія, когда истребится послѣдній врагъ—смерть, когда Самъ Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 26. 28). Раскрывая предъ учениками характеръ царства Божія, Христосъ не бралъ на Себя рѣшенія такихъ вопросовъ, которые могутъ и должны быть разрѣшены (имѣемъ въ виду разрѣшеніе не только теоретическое, но и практическое) естественными человѣческими силами; таковы, напр., вопросы политики, науки, философіи и т. п. Поэтому, было бы напрасно искать въ ученіи Христа разрѣшенія вопроса о томъ, кто болѣе правъ въ спорѣ о прирожденныхъ идеяхъ—Локкъ или Лейбницъ, или какая астрономическая теорія ближе къ истинѣ—Птоломея или Коперника: вопросъ объ истинности той или другой теоріи, научной или философской, рѣшается не на религіозныхъ, а на научныхъ основаніяхъ, и это рѣшеніе тогда только подлежитъ оцѣнкѣ съ христіанской точки зрѣнія, когда оно такъ или иначе затрагиваетъ основные принципы христіанства. Если, напр., ваше рѣшеніе той или другой проблемы логически неразрывно связано съ отрицаніемъ вѣры во Христа, какъ воплотившагося Сына Божія, тогда оно подлежитъ суду Церкви, и этотъ судъ не можетъ дать другого приговора, кромѣ отрицательнаго, согласно апостольскому слову: „всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста“ (1 Іоанн. 4, 3). Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что приговоръ Церкви, какъ института, покоящагося на началахъ религіозно-правственныхъ, имѣетъ не юридическую, а нравственную санкцію: если Церковь, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій, не измѣнила своей природѣ, какъ это произошло съ церковію римско-католическою, которая хотѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ двѣ власти—духовную и свѣтскую,—какъ это, къ сожалѣнію, бывало временами и съ помѣстными церквами Православнаго Востока,—она не броситъ васъ въ тюрьму, не обречетъ на смерть „безъ

пролитія крови“, она лишь выдѣлитъ васъ изъ своей среды, продолжая молить Бога о вашемъ обращеніи и ища доступна къ вашему сознанию. Точно также христіанство не беретъ на себя рѣшенія вопросовъ политическихъ или экономическихъ: оно мирится съ самыми разнообразными формами политическаго устройства, равно какъ съ различными способами организациіи труда, если только ими не попирается начало любви, если только при ихъ осуществленіи личность человѣка, обладающая безусловнымъ достоинствомъ, не обращается въ вещь, имѣющую условную рыночную цѣну въ зависимости отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ. Но если при организациіи политическихъ, гражданскихъ или экономическихъ отношеній попирается законъ любви, Церковь, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей—пастырей и архипастырей, возвышаетъ свой голосъ въ обличеніи тѣхъ, кто попираетъ законъ любви, хотя бы представителямъ Церкви грозили за это лишенія и бѣдствія. Конечно, мы говоримъ объ идеалѣ. Фактически пастыри далеко не всегда оказывались на высотѣ своего отвѣтственнаго призванія: вѣдь и они—люди. Но все-таки исторія Церкви знаетъ имена пастырей, мужественно возвышавшихъ свой голосъ въ защиту гонимой истины или попираемой любви. Достаточно назвать имена такихъ святителей, какъ Василиій Кесарійскій или Филиппъ Московскій.

Таковы приципы, которыми опредѣляется отношеніе пастыря къ общественнымъ дѣламъ: задача пастыря—способствовать устроению царства Божіа, переступающаго границы времени и пространства; но такъ какъ процессъ его устроения протекаетъ все-таки въ условіяхъ времени и пространства, то пастырь не можетъ быть безучастнымъ къ разнообразному содержанію земной жизни своихъ пасомыхъ: оно должно быть насквозь пропитано христіанскимъ духомъ. Хранителемъ этого духа является приходскій храмъ, проводникомъ—приходскій пастырь: онъ такъ обставляетъ храмъ, такъ совершаетъ богослуженіе, чтобы молящіеся были обвѣяны

благоуханіемъ святыни (см. объ этомъ въ нашихъ „Замѣткахъ о храмѣ“, напечатанныхъ въ „Рук. для сельск. пастырей“ за 1901 г.); онъ возноситъ молитвы къ престолу Божію „о своихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣжествіихъ“; онъ идетъ къ удрученнымъ муками совѣсти или житейскими невзгодами съ ласковымъ словомъ участія; онъ вразумляетъ заблуждающихся и обличаетъ упорныхъ; онъ благовременно и безвременно проповѣдуетъ Слово Божіе—„не въ превосходствѣ слова или мудрости“ (1 Кор. 2, 1), а въ увлекающей силѣ глубокаго убѣжденія въ правотѣ Христова ученія и участливаго вниманія къ духовнымъ нуждамъ пасомыхъ; памятуя слово Господне: „милости хочу, а не жертвы“, онъ призываетъ пасомыхъ къ дѣламъ благотворенія и организуетъ помощь бѣднымъ; онъ устрояетъ свой собственный домъ въ духѣ христіанской простоты и назидательной церковности. Домъ пастыря открытъ для всѣхъ „скорбящихъ и озлобленныхъ (удрученныхъ), милости Божіей и помощи требующихъ“. Онъ зорко присматривается къ жизни своихъ пасомыхъ—личной, семейной и общественной, и если замѣчаетъ тамъ или здѣсь отклоненіе отъ царскаго пути правды Христовой, идетъ къ уклонившимся съ словомъ,—да! съ словомъ, потому что другого оружія у него нѣтъ,—предостереженія, увѣщанія, обличенія, не взирая на лица, а въ своей клятвѣ и храмѣ Божіемъ молится о вразумленіи заблудшихъ, о возвращеніи отпадшихъ. Такимъ путемъ онъ воспитываетъ въ лицѣ своихъ пасомыхъ не только добрыхъ сыновъ царства Божія, но и честныхъ общественныхъ дѣателей.

Не дѣло пастыря, *какъ пастыря*, вмѣшиваться въ борьбу научныхъ или философскихъ направленій, политическихъ или общественныхъ партій, потому что христіанство, какъ откровеніе вѣковѣчной и вселенской правды, какъ залогъ вѣчной жизни, не связано съ торжествомъ того или другого направленія, той или другой партіи: основаніемъ Церкви служить Христось, Который „вчера, и сегодня, и во вѣки тотъ же“ (Евр. 13, 8). Конечно, какъ *человѣкъ*, въ частности—какъ

ученый, пастырь можетъ сочувствоватьъ одному какому-либо направленію въ наукѣ или политикѣ; но это сочувствіе не должно имѣть рѣшающаго вліянія на его пастырскія отношенія къ лицамъ, принадлежащимъ къ противоположной партіи или направленію. Если, допустимъ, священникъ, по своимъ политическимъ взглядамъ, стоитъ ближе къ „Московскимъ“, чѣмъ къ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, неужели онъ и отъ своихъ пасомыхъ потребуетъ вѣры въ „Московскія Вѣдомости“?! Неужели ему будутъ близки только тѣ изъ его пасомыхъ, которые раздѣляютъ его политическое исповѣданіе?! Неужели онъ и въ церковь внесетъ ту проповѣдь о сословной обособленности, о дворянскихъ привилегіяхъ, тотъ утилитарно-государственный взглядъ на значеніе Церкви, которые не сходятъ со страницъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (на столбцахъ этой газеты появилось въ 1901 году, по поводу рѣчи Стаховича о „свободѣ совѣсти“, классическое въ своемъ родѣ изреченіе: „пусть-де Церковь страдаетъ“ отъ стѣсненія свободы совѣсти, „зато государство, зато народъ выигрываетъ“,—изреченіе, принятое съ сочувствіемъ, къ великому нашему изумленію, нѣкоторыми органами церковной печати?! Если бы пастырь допустилъ это, онъ изъ представителя Церкви Христовой превратился бы въ... агента опредѣленной политической партіи,—ужасное превращеніе! Нѣтъ, дѣло священника—не заниматься политикой, а распознавать *духи*, отъ Бога ли они, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что не всякій, глаголющій: „Господи! Господи!“ и принимающій благословеніе отъ священника, по тому самому есть уже истинный христіанинъ..

Не вмѣшиваясь въ партійную борьбу, внимательный пастырь слѣдитъ за дѣятельностью ученыхъ или общественныхъ собраній, и если узнаетъ (конечно, изъ достовѣрныхъ источниковъ), что въ этихъ собраніяхъ забывается или попирается правда Христова, онъ принимаетъ мѣры противъ этого, только *отнюдь не полицейскаго, а чисто пастырскаго характера*, начиная съ слова убѣжденія и кончая примѣненіемъ

требованій церковной дисциплины (епитимія, лишеніе св. причастія и т. д.). Слѣдуетъ добавить, что и при примѣненіи послѣдняго рода мѣръ требуется отъ пастыря мудрая осторожность, чтобы онѣ не вызвали, вмѣсто раскаянія, ожесточенія со стороны согрѣшившаго.

Однако,—скажутъ,—это уже мѣры исправительныя, лѣчебныя, тогда какъ самыми надежными мѣрами для охраненія „народнаго здравія“ (тѣлеснаго или духовнаго—всѣ равно) слѣдуетъ признать мѣры характера профилактическаго, т. е. предупреждающаго ту или другую болѣзнь,---зачѣмъ же вы—скажутъ—отклоняете священника отъ принятія профилактическихъ мѣръ противъ забвенія или попранія правды Христовой на ученыхъ или общественныхъ собраніяхъ? почему вы не направляете его въ эти собранія въ качествѣ полноправнаго члена, какъ хочетъ того почтенный о. Шаринъ?—Конечно,—отвѣтимъ,—профилактическимъ мѣрамъ принадлежатъ главное значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа (въ широкомъ смыслѣ этого слова); но развѣ пастырская дѣятельность, взятая во всей полнотѣ ея собственно-пастырскихъ проявленій, не есть самое надежное профилактическое средство противъ нравственныхъ недуговъ нашего общества? Необходимо только прибавить къ сказанному, что нельзя возлагать въ высшей степени трудное и ответственное дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія народа, ближайшимъ образомъ—приходской паствы, на одного только священника—по той простой причинѣ, что какъ ни выносливы пастырскія плечи, все-таки и ихъ выносливости есть предѣлъ. Разъ общественному дѣятелю предъявлены непосильныя требованія, для него остаются два выхода изъ затруднительнаго положенія: или изнемочь подъ непосильнымъ бременемъ, какъ та кляча, на которую мужикъ, собираясь везти сушеную рыбу на базаръ, наложилъ поклажи столько, сколько могъ увязать, или же—какъ это чаще бываетъ—выполнять свои обязанности „спустя рукава“, по-философски: „у меня,—говоритъ всё еще здравствующій, къ сожалѣнію,

герой безсмертной комедіи,—у меня что дѣло, что ни дѣло, обычай мой такой: подписано—и съ плечь долой“. Первое—ужасно, второе—пошло. Завѣдомо обрекать священника на мученичество или опошленіе—одинаково жестоко. Залогъ успѣха пастырскаго дѣланія, помимо субъективныхъ условій, заключается еще въ объединеніи около приходскаго священника всѣхъ тѣхъ элементовъ прихода, которымъ близко дѣло устройства царства Божія: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое,—сказалъ Христосъ,—тамъ и Я посреди ихъ“ (Мѡ. 18, 20). Къ сожалѣнію, въ наше время отовсюду слышатся жалобы на разобщенность такого рода элементовъ, въ частности—на ослабленіе связей между пастырями и пасомыми, о чемъ нельзя довольно наплакаться. Вотъ на эту-то сторону дѣла и должны быть направлены совокупныя усилія всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя еще не порвали связей съ Церковію. Безъ сомнѣнія, причины такого явленія, какъ распадъ приходской общины, сложны и разнообразны. Не входя въ подробное ихъ изысканіе (для этого потребовалось бы особое изслѣдованіе, въ которомъ чувствуется настоятельная нужда), замѣтимъ однако, что одною изъ главныхъ причинъ ослабленія связи между пастырями и пасомыми является, по нашему глубокому убѣжденію, бюрократическій порядокъ назначенія въ приходы—пастырей, въ епархіи—архипастырей, вслѣдствіе чего какъ тѣ, такъ и другіе привыкли опираться въ своей дѣятельности не столько на единеніи съ пасомыми, сколько на поддержкѣ сверху. Слава Богу! въ послѣднее время въ сознаніи нашего общества начинается мысль о непригодности въ церковной жизни бюрократическаго строя, что даетъ нѣкоторую надежду на его упраздненіе,—тогда, безъ сомнѣнія, наступитъ оживленіе церковной жизни какъ въ ея центрѣ, такъ и на периферіи, т. е. въ приходахъ. Тогда, можетъ быть, снова возродятся тѣ церковно-приходскія братства, которыя въ свое время сослужили великую службу дѣлу охраненія православнаго населенія юго-западной Руси отъ ино-вѣрческой пропаганды,—возродятся, конечно, въ новыхъ фор-

махъ, соотвѣтствующихъ измѣнившимся потребностямъ жизни. А пока что, приходскимъ священникамъ надо всемѣрно заботиться не столько объ участіи въ засѣданіяхъ городскихъ думъ, на земскихъ собраніяхъ и мірскихъ сходахъ, сколько объ установленіи живого, непрерывнаго и дѣятельнаго общенія съ преданными Церкви членами приходской общины. Первостепенную важность имѣетъ при этомъ самый *характеръ* общенія, который опредѣляется, въ свою очередь, характеромъ сообщающихся элементовъ, равно какъ задачами общенія; однако нельзя оставлять безъ вниманія и той *формы*, въ какой можетъ практически осуществиться объединеніе религіозно-жизненныхъ элементовъ приходской общины: надо же условиться, гдѣ и когда собираться для обсужденія вопросовъ, выдвигаемыхъ приходскою жизнью; надо же поддерживать порядокъ въ самомъ собраніи, обуславливающей собою плодотворность совмѣстной работы; надо же распределить— по закону раздѣленія труда—различныя функціи общаго дѣла, сложнаго и разнообразнаго, между отдѣльными лицами и т. д. Исторія завѣщала вполнѣ подходящую для такого дѣла форму: это—братство, которое—именно въ силу его братскаго характера—предпочтительнѣе формы, изобрѣтенной XIX-мъ вѣкомъ и отдающей запахомъ бюрократизма: разумѣемъ церковно-приходское попечительство. Съ какой бы стороны мы ни подходили къ вопросу объ оживленіи церковно-приходской жизни, идетъ ли у насъ рѣчь о достойномъ проведеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней или объ улучшеніи церковнаго чтенія, мы приходимъ къ одному выводу: Carthago delenda est! И мы не устанемъ повторять этого вывода. Да! въ томъ зданіи, которое называется приходомъ, капитальныя стѣны не нужны, потому что онѣ затрудняютъ общеніе между обитателями зданія. Пусть оно высится, открытое, свѣтлое и просторное, какъ Св. Софія въ Царьградѣ!..

Итакъ, если приходскій священникъ хочетъ обезпечить наиболѣе прочный успѣхъ за своимъ пастырскимъ дѣланіемъ,

онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы—въ той или другой формѣ—объединить разрозненныя силы приходской общины. Само собою разумѣется, что содѣйствіе осуществленію этого поистинѣ святого дѣла лежитъ также и на обязанности всякаго мірянина, не порвавшаго связи съ своимъ приходскимъ храмомъ. Какая бы при этомъ ни была избрана форма для осуществленія поставленной задачи—братство или попечительство, надо строго помнить объ одномъ, что это—форма церковной, а не гражданской жизни, покоящаяся на основахъ религіозно-нравственныхъ, а не юридическихъ и располагающая при осуществленіи своихъ задачъ мѣрами исключительно нравственного, а никакъ не полицейскаго характера, чѣмъ, разумѣется, не исключается обращеніе къ защитѣ закона, когда нарушаются элементарныя права братства,—напр., право собственности. Съ такимъ (духовнымъ) характеромъ братствъ или попечительствъ рѣшительно не мирится та роль, которую хотятъ навязать имъ нѣкоторые органы печати, желая превратить церковно-приходскія попечительства въ органы гражданского управленія страной. Подобнаго рода превращеніе можетъ быть куплено дорогою цѣной—цѣною смерти попечительствъ, какъ органовъ церковной жизни, какъ учреждений, покоящихся на нравственныхъ началахъ. Такая мѣра еще была бы понятна въ связи съ стремленіемъ превратить наше Русское государство въ теократію; а какъ это стремленіе отсутствуетъ, то и рассматриваемая мѣра должна быть признана идущею въ разрѣзъ какъ съ основами нашего государственнаго строя, не имѣющаго теократическаго характера, такъ и съ духомъ церковной жизни. Нѣтъ, приходъ—не волость, церковь—не волостное правленіе, а потому было бы напрасной попыткой превратить церковно-приходское попечительство въ органъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а священника—въ ближайшаго сотрудника волостного старшины, если только прямо не въ старшину. Тогда, пожалуй, пришлось бы волостные сходы собирать въ самой цер-

кви. Нѣтъ, „домъ Мой домою молитвы наречется“ (Мѡ. 21, 13)...

Сказаннымъ, впрочемъ, отнюдь не исключается, чтобы волостной старшина былъ членомъ церковно-приходскаго братства, а священникъ принималъ участіе въ различнаго рода общественныхъ собраніяхъ. Скажемъ больше: если бы суждено было осуществиться проекту объ организаціи мелкой земской единицы, то было бы весьма желательно, чтобы священнику предоставлено было положеніе непремѣннаго члена въ собраніяхъ полноправныхъ членомъ этой единицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ желательнымъ участіе священника въ земскихъ и думскихъ собраніяхъ; но только во всѣхъ указанныхъ случаяхъ участіе священника въ общественныхъ дѣлахъ (на этомъ мы въ особенности настаиваемъ) должно носить чисто пастырскій характеръ: въ данномъ случаѣ задача священника состоитъ въ томъ, чтобы а) предстательствовать предъ собраніями о содѣйствіи со стороны общества Церкви въ ея мѣрахъ, направленныхъ къ удовлетворенію религіозно-нравственныхъ нуждъ православнаго населенія (постройка и благоуукрашеніе церквей, поддержка церковно-приходскихъ учрежденій: братствъ или попечительствъ, школь, богадѣлень и пр., достойное провозженіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, борьба съ народнымъ пьянствомъ и т. п.), б) „печаловаться“ о пригнетенныхъ бѣдностью и безправіемъ, в) внести въ дѣятельность общественныхъ собраній христіанскій духъ, который характеризуется дивнымъ, но, къ сожалѣнію, далеко не частымъ сочетаніемъ откровенной правдивости и непокупной честности съ миролюбіемъ. Что же касается вопросовъ правовыхъ или хозяйственныхъ, то не дѣло священника, какъ священника (а вѣдь мы говоримъ объ его участіи въ общественныхъ собраніяхъ въ качествѣ именно священника), заниматься ихъ обсужденіемъ и разрѣшеніемъ; тѣмъ болѣе не его дѣло—принимать участіе въ различнаго рода выборахъ, неизбѣжно связанныхъ съ борьбою партій. Что касается того, какъ именно дѣйствовать священнику въ обще-

ственныхъ собраніяхъ, то его обязанность—руководиться при этомъ тѣмъ принципомъ, который указанъ въ руководственныхъ для всѣхъ пастырей словахъ Спасителя: „входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему“ (Мѡ. 10, 12). Единственное средство, гармонирующее съ этимъ привѣтствіемъ,—слово убѣжденія: другого средства не можетъ быть въ распоряженіи пастыря, какъ общественнаго дѣятеля. Орудованіе этимъ средствомъ—дѣло далеко не легкое: мы не говоримъ про ораторскія побрякушки, которыя, на нашъ взглядъ, не къ лицу христіанскому пастырю,—мы имѣемъ въ виду тотъ тактъ, который бы помогъ пастырю быть скромнымъ и миролюбивымъ безъ измѣны своимъ убѣжденіямъ, правдивымъ и твердымъ безъ жесткости и рѣзкости въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ; а порою потребуется и мужество исповѣдничества. Впрочемъ, вѣра (а безъ вѣры какое пастырство?!) укажетъ пастырю поддержку и ободреніе въ поднимающемъ пастырскій духъ обѣтованіи: „егда приведутъ васъ на соборища и власти и владычества, не печетесь, како или что отвѣщаете, или что речете: Святой бо Духъ научитъ вы въ той часъ, яже подобаеть рещи“ (Лук. 12, 11—12). Только бы не лишиться Св. Духа!.. Но что, если слово пастырскаго убѣжденія окажется безсильнымъ сломить чужое предубѣжденіе,—что тогда? Тогда, вотъ что: „если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома или изъ города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“ (Мѡ. 10, 14). Это—слова Спасителя. И если бы—къ случаю видимой бесплодности слова—явился у пастыря, подобно „сынамъ громовымъ“, соблазнъ прибѣгнуть къ мѣрамъ иного порядка, вплоть до полицейскаго содѣйствія, пусть онъ вспомнитъ то, что сказалъ Христосъ Іакову и Іоанну, когда тѣ хотѣли низвести огонь на самарянъ, не принявшихъ Христа: „не знаете,—сказалъ Христосъ,—какого вы духа“ (Лук. 9, 55); а отъ унынія пусть охраняетъ пастыря непреложныя слова Пастыреначальника: „ученикъ не выше учителя, и слуга не выше господина своего“ (Мѡ. 10, 24), а

потому, „если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше“ (Іоанн. 15, 20).

Всѣмъ сказаннымъ даются общія основанія и для рѣшенія назрѣвшаго вопроса пастырской совѣсти и пастырской практики—какъ отнестись пастырю къ такой формѣ рабочаго движенія, какъ забастовка и т. п. Вопросъ—сколько важный, столько же, надо сознаться, и трудный для практическаго разрѣшенія. Сама по себѣ стачка не представляетъ чего-либо ужаснаго; на западѣ къ стачкамъ уже привыкли, да и нашимъ законодательствомъ въ принципѣ онѣ не отрицаются, потому что допускаемые нашими законами такъ называемые синдикаты сахаропромышленниковъ представляютъ собою по существу не что иное, какъ стачку. Но если допускается стачка сахаропромышленниковъ, можно ли возмущаться по существу противъ допущенія стачки среди рабочихъ? „Quod licet Jovi, non licet bovi“ въ данномъ случаѣ, думается, не приложимо. Такъ взглянулъ на дѣло и Комитетъ Министровъ, разсматривавшій 28 и 31 января представленіе Министра Финансовъ о мѣрахъ, опредѣляющихъ отношенія промышленниковъ и рабочихъ: между прочимъ, онъ призналъ желательнымъ измѣненіе дѣйствующихъ положеній о стачкахъ и забастовкахъ. Впрочемъ, предоставимъ разбираться въ этомъ вопросѣ лицамъ болѣе насъ компетентнымъ, а съ своей стороны прибавимъ къ сказанному, что стачка становится грознымъ явленіемъ тогда, когда стачечники прибѣгаютъ къ насилію, которое если и допускается христіанствомъ, то лишь въ качествѣ крайняго средства при огражденіи интересовъ ближняго. Въ виду этого, на пастырѣ лежитъ высокая и трудная обязанность—употребить всѣ мѣры своего *пастырскаго* воздѣйствія (молитва, церковная дисциплина, слово убѣжденія, печалованіе за обиженныхъ) для того, чтобы удержать рабочихъ отъ примѣненія насильственныхъ мѣръ. Сознаемъ, что эта обязанность—въ высшей степени трудная и отвѣтственная, требующая отъ пастыря—въ качествѣ непремѣнныхъ условій своего выполненія—большого запаса любви не только къ

ближнему, но и къ той вѣковѣчной правдѣ, которая такъ часто попирается въ отношеніяхъ между людьми. Въ свою очередь, для неліцепріятнаго и твердаго служенія правдѣ необходимо „нравственное мужество, облеченное въ одежду вдохновенной смѣлости и представительства“ (слова преосвящ. Нарвскаго Антонина). Къ сожалѣнію, у нашихъ пастырей, даже при любви къ ближнему, не всегда оказывался достаточный запасъ нравственнаго мужества. Помнится, еще въ годы юности больно ударили мнѣ по сердцу слова какого-то поэта, обращающагося къ священникамъ съ такимъ упрекомъ (привожу по памяти): „Вы—слуги Божьи? такъ ли? Но для кого вашъ Богъ страдалъ и умеръ? кому служилъ Онъ? сильнымъ? богатымъ? Зачѣмъ же вы съ сильнѣйшими въ союзѣ?“ Еще: „любовь, прощеніе и кротость—высокія и честныя слова; но тѣ слова кому вы говорите?“ Еще: „когда бѣднякъ безъ хлѣба въ виду безумныхъ пиршествъ издыхаетъ, вы къ бѣдному подходите съ крестомъ и учите умѣренности скромной“. Какъ ни рѣзки эти слова, но нельзя въ нихъ не признать значительной доли правды. Не бываетъ ли такъ, что, скажемъ, сельскій священникъ ведетъ даже семейное знакомство съ деревенскимъ капиталистомъ, котораго самъ же считаетъ міроѣдомъ?—Выходитъ по-фамусовски: „хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ“. И если у капиталиста возникаетъ столкновение съ крестьянами, всегда ли послѣдніе встрѣтятъ нравственную поддержку въ своемъ пастырѣ? „Для умиротворенія народа,—читаемъ въ статьѣ о. Михаила Чельцова,—требуется искорененіе въ жизни народа и въ отношеніяхъ къ нему и его къ другимъ всяческой неправды, нуженъ твердый, постоянный, безбоязненный и увѣренный голосъ о правдѣ и за правду Божію, какъ бы и кому бы ни былъ не пріятенъ этотъ голосъ. Вотъ въ этомъ-то и горе наше,—продолжаетъ о. Михаилъ,—что мы сами, духовные учителя и отцы, слишкомъ много уже смотримъ на лица и на ихъ положенія и недостаточно твердо и послѣдовательно говоримъ о правдѣ Бо-

жией. Въ жизни рабочихъ увидимъ неправду—мы ополчаемся противъ нея и ихъ, а во власть имущихъ узрѣли ее—мы какъ-то стараемся если и не совсѣмъ оправдать, то какъ-нибудь извинить ихъ, не обличаемъ неправду дѣющихъ, а только народъ призываемъ къ терпѣнiю“ („Церк. Вѣстн.“, 1905 г., № 6, статья: „Въ чемъ избавленiе?“). Но вѣдь „если говорятъ одну половину правды,—продолжимъ словами iеромонаха Михаила Семенова,—скрывая другую намѣренно и своекорыстно, то и первая правда уже ложь. Мы приходилось читать,—продолжаетъ почтенный авторъ,—одну (очень извѣстную) проповѣдь, авторъ которой дошелъ до своеобразнаго цинизма. Опъ говорятъ объ отношенiи между богатыми и бѣдными, и доказываетъ, что въ сущности существованiе бѣдныхъ даже хорошо, потому что бѣдные нужны для освѣженiя и разнообразiя жизненной картины, какъ нуженъ свѣтъ и тѣни; что если бы не было бѣдности и нужды, то свѣтъ бы не производилъ впечатлѣнiя; что, благодаря именно этому разнообразiю, получается впечатлѣнiе—повторяю по памяти циничныя выраженiя проповѣди—въ родѣ дуга, на которомъ не одного цвѣта цвѣтки, а самые разнообразные: и красные, и синiе и др. Для чего была сказана эта проповѣдь? Если для утѣшенiя бѣдныхъ, то едва ли ихъ утѣшить положенiе быть тѣнями для того, чтобы виднѣе былъ свѣтъ. Авторъ въ самомъ дѣлѣ—эстетикъ?—Можетъ быть. Это еще хорошо, но возможно предположить, что эта проповѣдь есть намѣренное оправданiе факта, т. е. льстивое прислуживанiе факту, силѣ, власти, наличному положенiю и оправданiе этого положенiя—раболѣпническое и холопское. И само собою разумѣется, что, разъ возможна такая ложь и такое приспособленiе изъ устъ священника, его словамъ не будутъ вѣрить даже тогда, когда его слова—правда. А скажите—развѣ мало этихъ проповѣдей о красотѣ бѣдности, написанныхъ ради спокойствiя богатыхъ?“ Вотъ что читаемъ въ статьѣ, представляющей отвѣтъ на вопросъ: „почему намъ (пастырямъ) не вѣрятъ?“ („Церк. Вѣстн.“, 1905 г., № 5).— Не вѣрятъ потому, что

правда-то наша односторонняя; а пока нѣтъ къ намъ довѣрія,— до тѣхъ поръ можно ли говорить объ успѣхѣ нашего пастырскаго воздѣйствія на общественную жизнь? Съ другой стороны, если у пастыря далеко не всегда хватаетъ нравственнаго мужества для того, чтобы сказать правду власти или капиталъ имущимъ, то гдѣ же ему взять мужества для того, чтобы итти печаловаться объ угнетенныхъ?!

Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ пастырямъ: вѣдь и они—люди, а *humanum ergare est*; но что самое главное—они съ раннихъ лѣтъ живутъ и дѣйствуютъ въ такихъ условіяхъ (бытовыхъ, правовыхъ, экономическихъ), которыя воспитываютъ не столько мужественную стойкость въ борьбѣ за правду, сколько робкую осторожность, а порою и угодливую приспособляемость въ словахъ и дѣйствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, экономическая зависимость отъ прихожанъ—внизу, административное усмотрѣніе—вверху,—да это такіе тиски, которые развѣ богатыря не сожмутъ, да и то, если онъ встрѣтитъ поддержку и ободреніе. А вѣдь священникъ, особенно сельскій, часто бываетъ мучительно одинокъ и беспомощенъ въ своей пастырской дѣятельности: его промахи и ошибки—ихъ только нѣмой не пересуживаетъ. А кто слыпитъ его одинокіе вздохи да стоны? кто знаетъ и понимаетъ ту тяжкую, порою безысходную драму, которая выпадаетъ на долю чуткаго, вдумчиваго пастыря? Естественнѣе всего искать совѣта и поддержки у епархіальнаго архіерея; но тотъ, кто знаетъ, какъ у насъ стоятъ отношенія между пастырями и архипастырями, пойметъ, почему многіе и многіе пастыри стараются какъ можно рѣже бывать въ епархіальномъ городѣ: у насъ слишкомъ мало живого общенія между пастырями и архипастырями... Хорошо еще, если жена одинокаго труженика, при чуткости, не лишена мужества; а что если у нея мало и того и другого? Тогда—„кому повѣмъ болѣзнь мою, и печали моя кому возвѣщу?“ Кому, кромѣ Бога? „Вы оставите Меня одного, но Я не одинъ, потому что Отецъ со Мною“ (Іоанн. 16, 32),—такъ говорилъ Христосъ въ про-

щальной бесѣдѣ съ учениками; однако и Онъ, въ часъ смертельной скорби (см. Мѡ. 26, 38), чувствовалъ потребность въ общеніи съ Своими учениками, которыхъ только-что назвалъ друзьями Своими...

Говорятъ: „каковъ пошъ, таковъ и приходъ“. И въ этомъ, на мой взглядъ, много правды. Но не меньше ея, думается, и въ другомъ изреченіи, что „страна достойна своего правителя“, и если наши священники далеко не всегда оказываются на высотѣ своего положенія, то не падаетъ ли за это доля вины и отвѣтственности и на прихожанъ? „Безмѣрно и вѣчно значеніе Церкви,—пишетъ покойный С. А. Рачинскій,—и отдѣльному мірянину не дано вліять на ея неисповѣдимыя судьбы. Но каждому изъ насъ дано, по мѣрѣ силъ, способствовать созиданію отдѣльныхъ ячеекъ, изъ коихъ слагается великое церковное тѣло. Эти ячейки—приходы, по преимуществу сельскіе, несравненно крѣпче связующіе людей, чѣмъ быстро мѣняющіеся въ своемъ составѣ приходы городскіе. Безмѣрно дорогá, въ этомъ смыслѣ, каждая кирпичина, каждая копейка, идущая на созданіе сельскаго храма“ („Сельск. Школа“, изд. 3, стр. 357—358). Еще дороже, конечно, сердечное, живое и дѣятельное участіе „богочестиваго“ прихожанина въ устроеніи малой церкви—прихода. Но,—спросимъ словами того же самаго автора, котораго мы уже приводили въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ,—„для многихъ ли ихъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевеливуть пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благодидный, безвредный придатокъ?—И мы жалуемся на то, что священники наши плохи! Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленно, позорною смертію, похожею на самоубійство (такъ ли это,

дорогой читатель? отзовись!). Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы (неужели *всп?*—мнѣ думается, Сергѣй Александровичъ дошелъ до чрезмѣрнаго преувеличенія,—не такъ ли, читатель?), сохраняя въ своихъ вѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ (всѣ-таки, значить, не всѣ живыя силы отлили изъ среды нашего духовенства!). Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери настежь (онѣ и прежде всегда бы раскрылись передъ твердою волею, передъ искреннимъ призваніемъ), но никто въ нихъ не входитъ. При такомъ отношеніи къ Церкви нашихъ образованныхъ классовъ, „дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ?“ дивиться ли „тому, что у насъ попадаются священники, вовсе не понимающіе значенія Церкви для школы и школы для Церкви“,—вообще, не стоящіе на высотѣ своего положенія? „Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо“ (тамъ же, стр. 39—41). Такъ писалъ покойный „татевскій подвижникъ“ еще 25 лѣтъ тому назадъ, но отъ его словъ вѣетъ свѣжестью текущаго дня, и вопросъ: „кто же въ этомъ виноватъ?“ (стр. 39)—кто виноватъ въ томъ, что священники плохи, что церковно-приходская жизнь не бьетъ ключемъ?—продолжаетъ звучать въ нашихъ ушахъ. Итакъ, кто виноватъ?—Всѣ за всѣхъ виноваты“, отвѣтимъ на это глубокимъ изреченіемъ старца Зосимы (у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“), которое имѣетъ полное приложеніе въ области церковно-приходской жизни. Виноваты, конечно, и священники; но развѣ они всегда встрѣчали поддержку вверху—у архипастырей, внизу—

у пасомыхъ?! Пусть же тѣ и другіе раздѣляютъ со священниками тяжесть отвѣтственности за печальное состояніе церковно-приходской жизни, а всѣ вмѣстѣ—пасомые, пастыри и архипастыри—вмѣсто того, чтобы препираться другъ съ другомъ изъ-за степени своей вины и отвѣтственности, пусть объединятся въ дружной работѣ надъ оживленіемъ нашей церковной жизни. „Медлить не возможно. Предостереженій было довольно“ (Рачинскій, стр. 42).

Это—одна сторона дѣла. Изъ-за нея не слѣдуетъ забывать про другую: и пасомые, и пастыри, и архипастыри—люди; какъ люди, они находятся съ неизбѣжной зависимости отъ тѣхъ пространственно-временныхъ условій, въ которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать, а потому и характеръ, равно какъ успѣхъ ихъ дѣятельности, зависитъ не только отъ ихъ личныхъ условій, но и отъ разнаго рода внѣшнихъ условій. Не будучи всемогущими, послѣднія, однако, довольно могучи; а потому, напрасно Рачинскій, при обсужденіи причинъ омертвенія нашей церковной жизни, отклоняетъ ссылку „на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу Церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства“ (стр. 39—40). Нѣтъ, подобнаго рода постановленія сдѣлали свое дѣло: они содѣйствовали разобщенію между пасомыми и пастырями, между пастырями и архипастырями; они заставили нашихъ пастырей оглядываться—то съ надеждой, а то и съ опаской—на губернаторовъ, становыхъ, земскихъ начальниковъ; они оградили нашу Церковь „отъ прямого соприкосновенія съ чужимъ религіознымъ убѣжденіемъ, съ чужими духовными силами“ „двойной стѣнной уголовнаго и цензурнаго принужденія“. Результатъ былъ тотъ, что наша Церковь „задремала подъ сѣнью казенной опеки“. „Какъ же пробудить, чѣмъ же всколыхнуть дремлющую силу нашей Церкви?—Если она задремала подъ сѣнью казенной опеки, то ясно, что нужно снять эту усыпляющую охрану, открыть доступъ возбуждающему дѣйствию чужихъ силъ, дать просторъ для свободной борьбы, для подвиговъ ума.

и духа. Борьбою и подвигами жила Церковь въ цвѣтуція времена своего прошлаго, ими же и возродится. Всѣ, кто еще вѣрять въ Церковь, должны желать и требовать ея освобожденія, чтобы оправдалась ихъ вѣра“ (изъ открытаго письма Владиміра Соловьева къ С. А. Рачинскому. См. Собр. соч. Вл. Соловьева, т. IV, стр. 178—181).

Такъ писалъ Владиміръ Соловьевъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Мы живемъ въ то время, когда его желанія, повидимому, близки къ осуществленію: Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату 12-го декабря минувшаго года, возвѣстилъ рядъ освободительныхъ реформъ. Надо полагать, намѣченныя реформы пробудятъ дремлюція церковныя силы. Да онѣ уже и пробуждаются. Достаточно прочесть „Церковный Вѣстникъ“ за текуцій годъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мы уже приводили выдержки изъ статей о. Михаила Чельцова („блага священника“) и о. Михаила Семенова (іеромонаха): онѣ ясно говорятъ о пробужденіи пастырскаго самосознанія среди нашего духовенства. Мы знаемъ, что названныя пастыри не одиноки въ своихъ воззрѣніяхъ... Что касается свѣтскаго общества, то оно въ своемъ религіозномъ развитіи переживаетъ, повидимому, процессъ дифференціаціи: въ то время, какъ одни рѣшительно порываютъ послѣднія связи не только съ Церковію, но и съ религіею вообще (таковы, напр., авторы статей, помѣщенныхъ въ оборникѣ: „Очерки реалистическаго міросозерцанія“), другіе видятъ въ религіи высшее проявленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ основу истинно-человѣческой жизни, благоговѣютъ предъ христіанствомъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ относиться къ „исторической“ или—какъ они выражаются—„официальной“ Церкви если не враждебно, то подозрительно. Есть, конечно, среди современной интеллигенціи и такіе, которые искренно преданы Православно-Русской Церкви: вмѣстѣ съ пастырями они болѣютъ ея болѣзнями и жаждутъ ея обновленія.

Всѣ сказанное позволяетъ думать, что наша родная Церковь находится на пути къ обновленію. Безъ сомнѣнія, вмѣ-

стѣ съ ея освобожденіемъ изъ-подъ „казенной опеки“ поднимется нравственный авторитетъ пастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилится и его вліяніе на общественную жизнь: сила пастыря не въ союзѣ съ земскимъ начальникомъ или становымъ приставомъ, а въ возвышеніи его нравственнаго авторитета.

П. Кудрявцевъ.

„Сербское Священническое Общество“ („Свещенничко Удруженье“)

въ королевствѣ Сербскомъ.

„Священническое Общество“ въ Сербіи является однимъ изъ весьма полезныхъ учрежденій въ жизни Сербской церкви и духовенства. Оно способствуетъ болѣе тѣсному единенію сербскаго пастырства въ дѣлѣ нравственной и матеріальной взаимопомощи и осуществленія священныхъ и высокихъ его задачъ въ народѣ. Это учрежденіе—сравнительно недавнее. До 1890 г. сербское духовенство въ королевствѣ не имѣло никакихъ правъ въ области своего сословнаго управленія. Въ этомъ же году законъ предоставилъ ему право имѣть свои собственные священническіе сѣзды—срезскіе (уѣздные), окружные и епархіальные. Сѣзды имѣли, впрочемъ, цѣль слишкомъ ограниченную—избраніе духовенствомъ изъ своей среды депутатовъ и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по управленію (*наместника, соотвѣтствующаго нашимъ благочиннымъ, и окружнаго протопресвитера, имѣющаго болѣшій объемъ власти, чѣмъ наши уѣздные протоіереи въ старину*). Съ 1 іюня 1894 года право избранія должностныхъ лицъ было отнято отъ сербскаго духовенства и передано епископамъ и ихъ собору, и священническіе сѣзды упразднены. Но духовенство отъ этого потеряло немного. У него еще ранѣе священническихъ сѣздовъ возникло и на ряду съ послѣднимъ развивалось вышеупомянутое „Священническое Общество“ съ гораздо болѣшими правами и обширнымъ кругомъ дѣятельности. Мысль объ образованіи особаго „священническаго общества“ впервые была высказана и горячо проведена священникомъ Жичской епархіи Сабинянымъ въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Хришћански Весник“ за 1886 г. Указавъ здѣсь на разьединенность священниковъ, на ихъ увлеченіе суетой мір-

ской и на взаимные раздоры, о. Сабининъ заключалъ: „безъ братскаго общенія, взаимнаго усовершенствованія и искренне-душевнаго единенія мы вѣчно будемъ пусты, и на насъ всегда будутъ смотрѣть, какъ на сухую вѣтвь“. Призывъ о. Сабинина встрѣтилъ большое сочувствіе. Уже въ 1888 г. образовалось священническое общество въ Жичской епархіи, утвержденное тогда же правительствомъ. Примѣръ Жичской епархіи поднялъ и остальное духовенство, и, благодаря участливому отношенію къ этому дѣлу митроп. Сербскаго Михаила и еп. Нишскаго Геронима, 20 авг. 1899 г. въ г. Нишѣ послѣдовало фактическое открытіе всеобщаго сербскаго Священническаго Общества. Тогда же были составлены и правила этого Общества, впоследствии не разъ измѣнявшіяся и дополнявшіяся. Цѣль Священническаго Общества—оградить священниковъ отъ участія въ политической борьбѣ и чрезъ отдаленіе отъ народа и удаленіе отъ политики священникамъ „образовать новую клерикальную общину“ (партію). Соотвѣтственно съ такой цѣлію, и задачи Священническаго Общества заключаются въ слѣдующемъ: 1) утвержденіе вѣры и христіанской нравственности въ народѣ; 2) взаимопомощь и самоусовершенствованіе духовенства въ соотвѣтствіи съ современными потребностями вѣры и Церкви; 3) изысканіе средствъ къ развитію и поддержанію духовной литературы; 4) изысканіе и испытаніе методовъ для усиленной пастырской дѣятельности въ соотвѣтствіи съ потребностями паствы; 5) забота о единообразности совершенія церковныхъ обрядовъ по правиламъ св. Церкви; 6) ознакомленіе со всѣми явленіями въ жизни паствы, направленными противъ вѣры и духовенства и изысканіе мѣръ къ устраненію таковыхъ явленій; 7) попеченіе о матеріальномъ бытѣ духовенства, объ обезпеченіи неспособныхъ къ труду священниковъ и ихъ вдовъ и сиротъ; 8) борьба съ суевѣріями и распространеніе богословскихъ знаній; 9) усовершенствованіе церковнаго проповѣдничества, пѣнія и благолѣпія; 10) посильная матеріальная помощь въ крайней нуждѣ и 11) изысканіе практическихъ способовъ для обезпеченія церковныхъ имѣній и капиталовъ. Задачи Общества идутъ гораздо далѣе того, чѣмъ занимаютъ у насъ на съѣздахъ и благочинническихъ собраніяхъ (духовная литература, проповѣдничество и др.). Общество имѣетъ свой капиталъ, образующійся изъ членскихъ взносов, собирается въ скупщины—мѣстныя и главную (послѣдняя ежегодно 20 августа). Для непрерывнаго веденія дѣлъ Священническаго Общества и осуществленія его задачъ служатъ главный комитетъ („главни одбор“) и подкомитеты (пододбори) по округамъ. Общество

издаётъ свой органъ „Весник Српске Цркви“ (съ 1890 г.), въ которомъ печатаются и протоколы главнаго комитета и священнической скупщины. Общество состоитъ подъ защитой Архіерейскаго Собора и чрезъ него проводитъ свои постановленія и пожеланія.

Въ августѣ прошлаго 1904 г. состоялось въ Бѣлградѣ, въ залѣ Сербской Великой Школы (университетъ), 15-е очередное собраніе священнической скупщины, на которой было изъ четырехъ епархій королевства 152 депутата-священника. На немъ присутствовали, какъ гость, и министръ просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ Люба Давидовичъ. По приглашенію уполномоченныхъ, собраніе посѣтилъ и благословилъ въ самомъ началѣ митроп. Иннокентій. Въ докладахъ и дебатахъ скупщины, кромѣ обычныхъ выборовъ должностныхъ по Обществу лицъ, затронуты были и всесторонне обсуждались нѣкоторые животрещающіе вопросы пастырскаго служенія и условий жизни сербскаго духовенства, каковы: необходимость ходатайства предъ правительствомъ о назначеніи всему духовенству опредѣленнаго жалованья, а престарѣлымъ и слабымъ физически священнослужителямъ и ихъ осиротѣлымъ семействамъ пенсіи; о пресѣченіи соблазна, производимаго поведеніемъ нѣкоторыхъ монашествующихъ лицъ; о нападкахъ на сербское духовенство въ одномъ изъ мѣстныхъ духовныхъ органовъ („Хришћански Весник“), о мѣрахъ къ укрѣпленію вѣры и народности въ подростящемъ поколѣніи и др. Протоіерей Михаилъ *Недичъ* въ своемъ докладѣ—„О наставленіи молодежи въ дни воскресные и праздничные“, отмѣтивъ важное значеніе православной вѣры въ жизни сербовъ и опасность для сербской народности со стороны новыхъ идей, отравляющихъ молодое поколѣніе по выходѣ его изъ *основной народной школы*, предлагаетъ съ своей стороны слѣдующія мѣры: 1) просить народныхъ учителей, которые не могутъ не желать распространенія и усиленія вѣры и національныхъ идей, чтобы они, какъ почетные духовные воспитатели народа, развивали какъ можно больше дѣятельности въ этомъ направленіи; 2) чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учреждены были при церквахъ „духовныя школы“, которыя посѣщались бы всѣми дѣтьми, окончившими курсъ *основной школы* до 20 лѣтъ; наставниками здѣсь могли бы бытъ священники, которые изьясненіемъ Евангелія и Апостола, преподаваніемъ полезныхъ духовныхъ наукъ, постояннымъ общеніемъ, руководствомъ къ чтенію полезныхъ книгъ, контролированіемъ ихъ частной жизни, мало-по-малу, но основательно ввѣдряли бы въ сердце и душу молодежи чистыя понятія о

св. вѣрѣ и народности; 3) просить интеллигенцію, чтобы она аккуратнымъ посѣщеніемъ церкви подавала примѣръ народу въ преданности вѣрѣ и Церкви, и 4) просить государственную власть, чтобы она никакиѣхъ сходовъ, никакиѣхъ общественныхъ работъ (кулуке) въ воскресные и праздничные дни не наряжала. Въ происшедшихъ затѣмъ дебатахъ была подтверждена настоятельная необходимость пастырямъ позаботиться о воспитаніи народа въ вѣрѣ и нравственности, предлагалось *главному одбору* Священническаго Общества вступить по этому дѣлу въ соглашеніе съ *главнымъ одборомъ* Учительскаго Общества и въ этомъ же смыслѣ сдѣлать измѣненіе и дополненіе въ законѣ о церковныхъ властяхъ; указывалось на трудность осуществленія выше изложенныхъ предложеній, по причинѣ неодинаковыхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи священниковъ и учителей. По замѣчанію одного изъ членовъ, причина этого несогласія лежитъ въ противорелигіозномъ воспитаніи въ учительскихъ школахъ, которыя, по политическимъ побужденіямъ, обособлены отъ Богословской школы; требуется, чтобы они опять соединились тѣсно съ „Богословіей“. Прота *Божичъ* обратилъ вниманіе на то, что въ Россіи и Карловицкой митрополіи Законъ Божій въ основныхъ школахъ преподаютъ священники; тоже и въ Босніи и Герцеговинѣ. „Мы (т. е. сербы королевства),—говорилъ онъ,—въ этомъ отношеніи одни были исключеніемъ уже давно, и это, кажется, въ виду того, что въ теченіе 36 лѣтъ до 1876 года всѣ учителя у насъ были богословы, готовившіеся къ священническому сану; а послѣ того всѣ учителя основныхъ школъ назначаются изъ воспитанниковъ учительскихъ школъ и, какъ православные сербы, преподаютъ и Законъ Божій“. Возлагая вину за слабость вѣры и нравственности не на учителей, а на семейное воспитаніе, Божичъ предлагаетъ ввести по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ *катихизическія поученія*, т. е. послѣдовательное объясненіе катихизиса, или общенародныя вѣбогослужебныя бесѣды священниковъ въ школѣ или церкви. Священническая скупщина единогласно приняла предложеніе протоіерея М. Недича.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го апрѣля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылакою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1905-го года мая 8-го дня.

Содержаніе: Вѣротерпимость и наши нужды.—Значеніе личнаго усовершенствованія для общественной жизни.—Вопросъ объ устройствѣ матеріальнаго быта духовенства въ Сербскомъ королевствѣ.—Одинъ изъ самыхъ простыхъ и дѣйствительныхъ способовъ лѣченія холеры.

Вѣротерпимость и наши нужды.

Обстоятельства текущаго дня снѣшать, обгоняя самую быструю мысль... Родина наша вступила на путь творческой работы обновленія. Готовятся большія реформы для общегосударственнаго благоустройства. Слѣшно подсчитывается активъ и пассивъ политическихъ, экономическихъ и духовныхъ силъ, движущихъ по историческому руслу стихійную громаду Россіи...

Волны событій и реформаціоннаго движенія застучали и въ двери Церкви и взволновали давно остановившуюся за ними жизнь. Пульсъ православно-церковной жизни подъ силою событій забился нервно, учащенно, тревожно... Церковь Православно-Русская стала въ полосу знаменательныхъ

минуть... Есть всё основаніе согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что настала „страшный, роковой“ часъ для Русской Церкви. Грозные вопросы этого часа властно требуютъ бывшую доселѣ молчаливой и пассивно-спокойной Церковь къ немедленному самоотчету и сильному, напряженному дѣлу...

Каждый день несетъ что-нибудь новое. Каждый день подвигаетъ жизнь государства впередъ, и запаздывающіе, медлительные близки къ серьезной опасности быть забытыми... Нельзя молчать, мало—говорить только; время дѣлать, всёю запасомъ силъ и дѣятельной энергіи отвѣчая на то, что испытующе ставитъ предъ сознаниемъ быстроидущая жизнь..

Это должна понять особенно Православная Церковь, это отчетливо должны сознать пастыри церковные,—сознать притомъ, какъ священное обязательство, возлагаемое исторіей на ихъ плечи—съ увѣренностью, что обязательство это можетъ быть и должно быть выполнено подъ угрозою тяжкаго историческаго суда, который произнесутъ надъ ними будущія поколѣнія церковныхъ работниковъ, болѣе того—вся Церковь, если обязательство не будетъ выполнено или будетъ выполнено неразумительно... Моментъ рѣшительный: судьба всего будущаго церковнаго благополучія передается въ руки церковныхъ дѣятелей настоящаго...

Медлить—страшно, убаюкивать совѣсть успокоительными увѣреніями въ несвоевременности живой работы—наивно и преступно. Время громко зоветъ насъ *препоясать чресла своя* и становиться на работу немедленно же...

Въ свѣтломъ воздухѣ великаго дня Воскресенія раздался новый, особенно торжественный, внушительный, требовательный, голосъ, зовущій насъ съ чрезвычайною повелительностью отъ нашего печальными вѣками выношевнаго мертвнаго бездѣйствія къ бодрому дѣлу воскресенія жизни Церкви во имя воскресшаго Господа...

Полное значеніе, важность и силу Высочайшаго Указа о вѣротерпимости усчитаетъ исторія и благодарное сердце тѣхъ, кого воля Государя подарила къ Свѣтлomu празднику такую безпримѣрную лаской...

Мы съ искреннимъ чувствомъ братолюбивой радости раздѣляемъ ликующее торжество благодѣтельствованныхъ... Мы слишкомъ понимаемъ, что это торжество есть вмѣстѣ и праздничное торжество дѣла Божія, благодатию небесною совершающагося въ Православной Церкви...

Мы безмѣрно счастливы сознаниемъ, что отнынѣ отнято отъ лица Церкви Православной великое поношеніе, святъ одинъ изъ тяжелыхъ крестовъ, несчастнымъ недоразумѣніемъ возложенный и жестоко укоризною лежавшій до сего времени на ея многотерпѣливой душѣ...

Печальный крестъ, около котораго столѣтіями нагущалась злокачественная атмосфера, гдѣ въ душныхъ облакахъ перекрецивались затаенное недоброжелательство, злое чувство, даже ненависть однихъ, по праву считавшихъ себя несправедливо утѣсненными въ свободѣ своей совѣсти,—и скорбное, подчасъ остро-болѣзненное недоумѣніе другихъ, вынужденно вовлекавшихъ свою христіанскую совѣсть компромиссами въ безнадежное и нравственно неоправдываемое дѣло—мѣрами внѣшняго стѣсненія полагать предѣлъ внутреннему развитію и самоопредѣленію тѣхъ, кто были или стали уже давно чуждыми православію...

Мы радуемся затѣмъ, что отнынѣ отвѣйна будетъ въ житницѣ церковной пшеница отъ плевелъ, и изъ храма Христа доброю волею уйдутъ (отвѣтственные за свою душу только предъ небомъ и совѣстью своею) тѣ, которыхъ внѣшняя рука приковала къ кораблю Церкви и противъ ихъ воли удерживала въ томъ, въ чемъ не хотѣла участвовать ихъ мятежная душа,—и освобожденная отъ чуждыхъ приложений, количественно, можетъ быть, и уменьшенныхъ, но качественно несомнѣнно улучшенная, Церковь Православная

воскреснетъ для новой жизни во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ...

Мы твердо вѣримъ, наконецъ, что настала часъ, когда и чуждые намъ по вѣрѣ, и ищущіе Бога, и всякой вѣрѣ чуждые поймутъ насъ правильнѣе и доброе воздадутъ о Церкви Православной: первые во имя Христа на нашу братскую любовь не отвѣтятъ, какъ раньше, подозрительнымъ и враждебнымъ недоувѣріемъ (а это—болѣе вѣрный, чѣмъ прежде, путь къ созданію церковнаго единенія съ ними); вторые, разрѣшивши тягость сомнѣнія, безъ колебанія примкнутъ къ намъ; третьи—до дня, когда Господь посѣтитъ душу ихъ благодатію, въ совѣсти своей не найдутъ болѣе словъ укоризны для насъ...

Мы вѣруемъ этому, на этомъ покоится наша радость... Но, радуясь, мы должны понимать, что радость обязываетъ, настоящая минута радости—въ особенности. Если когда, то теперь, по поводу совершившагося, православно русскому папству въ особенности надѣе вѣрнѣе призадуматься надъ собою, всесторонне осмотрѣться, собрать всю свою энергію и дѣятельно—настойчиво повторяемъ—стать на отвѣтственное дѣло сохраненія и укрѣпленія Церкви Православной...

Вопросъ ставится угрожающе. Доселѣ за механически поставленными щитами виѣшней поддержки мы могли почитать подъ сѣнью безпечности, малодѣтельными и малодѣятельными. Мы съ тревогой, конечно, глядѣли на бѣгство изъ-подъ нашей руки *на страну далече* дѣтей своихъ, нами плохо (будемъ откровенны) вскормленныхъ на груди церковной... Но не предавались (сознаемся) безутѣшной скорби объ ихъ судьбѣ, увѣряя себя, что это—не безнадежно страшно, что кто-то и что-то, какъ-ни-какъ, подстерегаетъ это бѣгство и кладетъ ему предѣлъ. И потому—„отчего бѣгутъ?“—не было, какъ бы нужно, во всѣ нервы нашей души и не многихъ заставляло болѣть нестерпимою мукою папстры, ищущаго одну даже заблудшую овцу...

Теперь, когда „подстерегающий“ оставил насъ, развѣ можемъ, развѣ смѣемъ мы жить дальше по совѣсти только съ роковою спутницею — молчаливою безпечною?—Да не будетъ!

Угрожающее предостереженіе подошло къ паперти нашей Церкви: широко распахнувшіяся двери—соблазнительная дорога не для одиночнаго только, а и массоваго бѣгства. А если по ней побѣгутъ отъ насъ тысячи?..

За дѣло и какъ можно скорѣе!—вотъ повелительный выводъ изъ Указа 17 апр., обращенный къ нашему долгу.

„Отчего бѣгутъ?“... Не станемъ взвѣшивать на вѣсахъ формальной правды, какъ умные законники, дѣла виноватыхъ и правыхъ и поймемъ вопросъ просто, какъ побужденіе къ дѣлу.

Ясно: силѣ возможнаго зла мы должны противопоставить живую силу зиждительнаго добра. Угрожаемое зданіе Церкви должно скрѣпить незаблемыми скрѣпами въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оно особенно уязвило и слабо... Легко ли это?—О, какъ не легко!..

Намъ давно говорятъ о нашихъ личныхъ пастырскихъ немощахъ. Не будемъ говорить лишнихъ и такъ часто неискреннихъ словъ самооправданія. Сознаемся: наши немощи давно идутъ за нами и часто даютъ всходы печали и слезъ. Но скажемъ смѣло вѣрное по благодати священства слово, не позволяющее намъ спуститься и до крайнаго самоуничтоженія.

Мы готовы на дѣло. Мы понимаемъ, что паства православная, отнынѣ отданная *всему* на наше попеченіе, сильна будетъ противъ всякой иной силы только крѣпкою духовною, на евангельской любви положенной, связью съ нами, ея душепопечителями. Мы понимаемъ, что эта связь, *Духу* благодати *содѣйствующу*, завязывается полнымъ довѣріемъ и совѣстливымъ уваженіемъ къ священному авторитету па-

стыря со стороны паствы и непостыднымъ, благоговѣйнымъ служеніемъ дѣлу Божію домостроительства—со стороны пастыря...

Мы готовы на дѣло. Но мы понимаемъ, но мы съ болью сердца видимъ, что только избранникамъ Неба, исключительно одареннымъ героямъ подвига и долга, секретъ генія которыхъ въ томъ, что они могутъ подчинять себѣ всѣ случайности и препятствія жизни, дано испытывать счастье этого вождельнаго полномѣрнаго единенія. Мы понимаемъ, что среднихъ силъ пастырь—не герой и не геній, а немощью обложенный человѣкъ, которому и при добромъ желаніи, по человѣчеству, не всегда дано осилить искушительныя испытанія, связывающія его слово и руки, и которому, поэтому, падаютъ въ несчастный жребій такъ часто и ошибки и несправедливыя укоризны...

Мы готовы на дѣло и при немощи нашей. Мы съ мучительною скорбью знаемъ, что въ большинствѣ нашъ пастырскій авторитетъ не высокъ въ оцѣнкѣ даже простыхъ пасомыхъ (о слабовѣрной и легкой на немилость интеллигенціи ужъ не говоримъ: на ея судѣ мы давно сняты со счетовъ общественной жизни по безнадежности).. И развѣ не всегдашняя завѣтная, золотая мечта нашего сердца—стоять облеченными въ полное величіе своего священнаго сана, свѣтильниками ученія и дѣла любви, чтимыми и любимыми?

Но, ради Бога, надо же быть, наконецъ, справедливыми хоть теперь, когда вопросъ о возрожденіи нашего пастырскаго вліянія становится вопросомъ о цѣлости и бытіи русскаго православія вообще. Надо же, наконецъ, честно признать, что спутанныя руки не способны къ славной работѣ, трепещущія страхомъ уста—не сильны горѣть пламенемъ слова, запуганная, вѣчно язвима и унижаемая совѣсть при-
тупляется, умолкаетъ или сгораетъ въ недостойныхъ жизненныхъ компромиссахъ...

И потому, когда мы слышимъ, какъ теперь, читая Высочайшій Указъ, что Высокою милостію вспомошествоуются немощи чужихъ по вѣрѣ, и развязывается совѣсть мертвыхъ вѣроу, да позволено будетъ имѣть дерзновеніе просить и себѣ милости.

И будемъ просить... Это—наше право, еще въ большей мѣрѣ—наша обязанность...

Если не забыты уроки исторіи, записавшей на своихъ страницахъ великое дѣло Православной Церкви въ строеніи и спасеніи самодержавнаго государства нашего; если вѣрять, что пригодится еще, можетъ быть, не однажды родинѣ спасающая мощь Церкви; если въ выясняющейся уже, близящейся къ днямъ нашимъ, великой борьбѣ началъ безрелигіозной культуры съ началами христіанской жизни желаютъ искренно торжества у насъ Евангелія: тогда да будетъ позволено намъ желать и просить (не большаго, чѣмъ даво другимъ въ Указѣ 17 апр.), чтобы связанный духъ пастырства былъ освобожденъ къ жизни и созидательному дѣлу...

Зрѣютъ, говорятъ, церковныя реформы, воздухъ наполненъ уже добрыми надеждами... Намѣчены программы обновленія Церкви съ верху до низу.—Будемъ ждать. А пока время съ жизнію торопливо бѣгутъ впередъ, и не ясно еще, что будетъ сдѣлано для улучшенія пастырскаго дѣланія, соображая совершившееся Указомъ, хотъ кратко, какъ пожеланіе и горячую просьбу, выразимъ, что *неотложно* нужно теперь намъ ¹⁾...

Нужно, чтобы 87-миліонная православная Русь крѣпко объединилась по приходамъ вокругъ своихъ пастырей и между собою; чтобы она охвачена была, какъ одинъ человекъ, живымъ сознаниемъ своего религіозно-церковнаго единства;

¹⁾ Откладываемъ полное развитіе соображеній о желательныхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни до другого времени.

чтобы она поняла и заинтересована была въ необходимости живо сплотиться вокругъ алтарей Господнихъ, какъ единственныхъ убѣжищъ своего спасенія, и вмѣстѣ съ пастырями, душа въ душу, начала работу созиданія крѣпости церковной.

Для этого да позволено будетъ просить, чтобы сняты были перегородки, которыя мѣшаютъ сердечно приблизиться къ намъ паствѣ нашей и связываютъ нашу пастырскую совѣсть и энергію; чтобы мы, пастыри, открытыми, а не смущенно потушенными очами смотрѣли въ глаза „міру“, „міръ“ же не смѣшивалъ бы насъ съ наемными слугами посторонняго дѣла, а видѣлъ бы въ насъ своихъ душепопечителей...

I. Пусть отойдутъ отъ рукъ нашихъ нашу энергію подающіе, мелкіе, назойливо досадительные, нашему дѣлу далекіе—кропотливые труды, переряживающіе насъ изъ священныхъ облаченій въ одежду ремесленниковъ канцелярскаго стола, мало знающаго правый судъ и христіанскую милость и только запугивающаго немощную совѣсть грозными претенціями и взысканіями¹⁾. Въ этой одеждѣ мы—подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, не понятны, болѣе того—не пріятны (и справедливо!) нашимъ мірянамъ. Этимъ колеблется нашъ авторитетъ. Какъ сильно?—У каждаго приходскаго пастыря найдется не одинъ томъ скорбной хроники изъ этой области.

II. Пусть снятъ будетъ съ насъ позоръ нашего нищенства, полный кричащаго ужаса... Кто протягивалъ руку за крестьянскими пятаками (а ихъ протягиваютъ всѣ сельскіе батюшки), тотъ знаетъ, какъ нестерпимо жгутъ они руки и душу, какую глубокую могилу вырываютъ они самымъ святымъ порывамъ пастырскаго сердца и какою непроницаемою

---

¹⁾ Разумѣемъ канцелярію брачныхъ обысковъ, метрику, сношеній съ свѣтской администраціей по санитарнымъ, воинскимъ дѣламъ и т. п.

черною стѣной стоятъ между пастыремъ и приходомъ¹⁾)... Освобожденная такимъ образомъ энергія и облегченная совесть наша найдутъ тогда себѣ плодотворное примѣненіе въ прямомъ творческомъ дѣлѣ пастырства, потому что на святомъ мѣстѣ общенія съ мірянами станутъ тогда лишь взаимное довѣріе и любовь...

III. Пусть скрѣплены будутъ это довѣріе и любовь широкимъ участіемъ мірянъ въ приходскомъ дѣлѣ. Для этого—не излишняя смѣлость умоляюще просить, чтобы каждый православный приходъ былъ подлежащею властью утвержденъ, какъ юридически полноправный „союзъ православія“, или „православное братство“, съ правомъ свободно организоваться подъ руководствомъ пастыря и подъ епископскимъ попеченіемъ въ сплоченную церковную общину, дѣятельно живущую въ своемъ приходѣ интересами вѣры и Церкви,—не стѣсненно отъ ненужнаго въ святомъ дѣлѣ взаимной любви посторонняго, внѣшняго вмѣшательства (желаніе, не превышающее того, что дано уже другимъ)... Тогда каждый мірянинъ почувствуетъ дѣло своего прихода, какъ близкое и дорогое ему и Богу любезное дѣло... Тогда онъ сердцемъ повлечется къ пастырю своему, такъ какъ увидитъ, что „батюшка“ *не своихъ си ищетъ*, а радѣетъ о мірскомъ благѣ во имя Божіе и рука въ руку съ нимъ создаетъ могущественнѣйшую нравственную твердыню изъ своего прихода...

И не будетъ идилическимъ мечтаніемъ или теоретическою ложью—увѣрвать тогда, что въ границахъ этого „союза православія“ въ живую плоть и кровь облекутся тѣ приходскія учрежденія, которыя доселѣ были или безплотными призраками, населявшими портфели консисторіи, или жалкими, худосочными и безкровными пародіями на дѣйствительныя учрежденія.

¹⁾ Матеріаловъ для добраго рѣшенія этого большого вопроса теперь много.

Намъ видится въ близкой перспективѣ осуществленной идеи приходскаго братства возникновеніе въ каждомъ приходѣ возглавляемаго священникомъ *попечительнаго совѣта* изъ мірянъ, выборныхъ и облеченныхъ довѣріемъ всего прихода и ему подотчетныхъ, который вѣдаетъ храмовое хозяйство, обезпеченіе своего клира (сборомъ ежегоднаго приходскаго налога — деньгами и натурой), созданіе и обезпеченіе церковно-приходской школы; который (гдѣ это по силамъ будетъ) организуетъ братскую помощь бѣднымъ больнымъ, безпріютнымъ (братскія кассы взаимопомощи, пріюты, богадѣльни со штатомъ сестеръ сердобольныхъ)¹⁾; который, по тщательному усмотрѣнію священника, выдѣляетъ изъ себя „союзъ ревнителей православія“ для поддержки колеблющихся собратьевъ; который помогаетъ священнику въ организациіи бесѣдъ, чтеній, въ устройствѣ читаленъ, библіотекъ, обществъ трезвости...

Раздвинемъ границы перспективы. Вся многомиліонная православная Россія вошла въ „приходскія братства“. Между ближайшими братствами — живой, правильный періодическій взаимообмѣнъ на скружныхъ собраніяхъ изъ священниковъ приходскихъ и выборныхъ членовъ „совѣтовъ“, съ выборнымъ, для предсѣдательства священникомъ округа; между приходами цѣлой епархіи — епархіальное собраніе выборныхъ братчиковъ подъ руководствомъ епископа; наконецъ, общецерковное російское (хоть изрѣдка) собраніе представителей братствъ всѣхъ епархій Россіи.

Вѣримъ, — если все это будетъ исполнено, тогда пробудится во весь объемъ своихъ великихъ, теперь пока связанныхъ, силъ душа Церкви Православной, срастутся сухія кости, обложатся плотію, кровь жизни закипитъ въ органахъ церковныхъ, и животворенная — дѣйствительно *соборная* — Цер-

¹⁾ Мѣсто примѣненія для силъ существующихъ повсюду такъ называемыхъ „черничекъ“.

ковъ Русская поднимется на ноги, крѣпкая внутренними силами, чуждая боязни за себя и за свою будущую исторію, грозная для всѣхъ, кто бы подумалъ поднять на нее свои руки.

Вѣримъ, что это можетъ быть такъ, и потому просимъ—
да будетъ!

Свящ. *Е. Капраловъ.*

Значеніе личнаго усовершенствованія для общественной жизни.

Тяжелое переживаемъ время. Смутные и тревожные настали дни. Дорогая сердцу нашему родина трепетомъ объята и нервно взволнована. Что-то неладное творится съ нею. Говорятъ: нервные не выдерживаютъ грозы. Еще задолго до появленія ея они томятся, а въ самую грозу совершенно разнемогаются. Нѣчто подобное переживаетъ и наша родина. Давно на горизонтѣ туманной русской жизни замѣтно собираются тучки. Вотъ онѣ сгустились и сумрачно понадвинулись. На Дальнемъ Востокѣ изъ грозныхъ тучъ сверкнула зловѣщая молнія, и грянулъ громъ. Тяжелымъ, глухимъ рокотомъ пронеслись раскаты его отъ Манчжурскихъ горъ до Валдайскихъ высотъ,—и дрогнула Русь святая, разнемоглась, разнервничалась... Вѣковой недугъ ея обнаружился. Незамѣтно въ тиши скрываемыя язвы общественно-государственнаго организма стали открытыми для всѣхъ, и никто уже больше не сомнѣвается, что жизнь въ Россіи—нездоровая, что такъ дальше жить нельзя, что нужно снѣшить помочь своей родинѣ освободиться отъ тяжкаго недуга. И вотъ поднялась суета. Заволновалось, зашумѣло все. Раздались тысячи голосовъ со всѣхъ концовъ необъятной Руси. Каждый спѣшитъ высказаться, каждому хочется дать свой совѣтъ. Волнуются, шу-

мять, стараются перекричать другъ друга, а иные, не выдержавши, пустили уже и силу въ ходъ... Просто жутко глядѣть на это бушующее море человѣческихъ страстей, и въ шумномъ рокотѣ волнъ его не легко разобраться...

Въ эти тяжелыя минуты, переживаемыя нашею родиной, преступно бездѣйствовать и глядѣть равнодушно на ея страданія, безмолвно выжидая, чѣмъ дѣло кончится. Мы всѣ должны воспрянуть духомъ и, сбросивъ вѣковѣчную слячку, принять самое живое участіе въ умиротвореніи родины.

Что же намъ дѣлать? чѣмъ помочь родинѣ?

Пока, кажется, большинство убѣждено въ томъ, что Русь нуждается только въ одномъ—въ государственной работѣ. „Нужно,—говорять,—создать новыя формы общественнаго строя, и тогда все будетъ хорошо“. На эту нужду въ государственной работѣ, на обновленіе обветшалыхъ формъ общественнаго строя указалъ и Вѣщеносный Вождь нашъ въ Своемъ манифестѣ отъ 12 декабря 1904 года. Да и кто можетъ утверждать, что такой или иной порядокъ и форма общественно-государственнаго строя безразличны въ жизни народа? Вѣдь всѣ мы хорошо знаемъ, что одни условія благоприятствуютъ нашей доброй дѣятельности, другія—не благоприятствуютъ. И не Самъ ли Господь нашъ научилъ насъ ежедневно взывать къ Отцу Небесному: „Отче нашъ!.. не введи насъ во искушеніе“. „Искушеніе“ же это есть не что иное, какъ такія обстоятельства, которыя затрудняютъ осуществлять благіе порывы души,—такія условія жизни, которыя не только не помогаютъ вырѣть, окрѣпить и принести плодъ сѣменамъ добра, заложеннымъ Богомъ въ сердце наше, но даже убиваютъ въ корнѣ все доброе, великое и святое. Нужно имѣть очень сильную натуру, чтобы не стѣсняться путями, налагаемыми на насъ неблагоприятными условіями жизни, и свободно прокладывать самостоятельную дорогу. А много ли такихъ богатырей духа? Не большинство ли изъ насъ—посредственность, которыхъ нужно поддерживать и поддерживать?.. Не ставьте же препонъ слабому и шатающему-

ся, такъ какъ онъ и безъ того слабъ и неустойчивъ; но лучше уравнийте ему жизненный путь и сгладьте шероховатости, чтобы и слабый и сильный шли рука объ руку, и слабый своими паденіями не сбивалъ бы съ дороги сильного.

Да, условія жизни или среда, порядокъ и внѣшняя организація общественной жизни имѣютъ важное значеніе. По мнѣнію социалистовъ, усовершенствованіе этихъ факторовъ общественнаго благополучія само собою приводитъ къ цѣлямъ нравственнымъ, къ нравственному усовершенствованію людей. „Если общество устроить нормально, то всѣ въ одинъ мигъ стануть праведными“, говорили социалисты шестидесятихъ годовъ. Съ такимъ абсолютнымъ значеніемъ внѣшнихъ реформъ готовы, кажется, согласиться и въ настоящее время требующіе для Россіи реформъ—и только реформъ.—Но не слишкомъ ли преувеличиваютъ ихъ значеніе? Не бдльшаго ли ожидаютъ отъ реформъ, чѣмъ сколько онѣ сами по себѣ могутъ дать? Въ силахъ ли новыя формы государственной жизни вложить душу въ общественный организмъ, если у него потеряна или слаба жизнеспособность?

Хлопочуть объ оздоровленіи Россіи—и предлагаютъ чисто палліативныя мѣры. Правда, въ критическія для больного минуты врачи нерѣдко прибѣгаютъ къ чисто палліативнымъ мѣрамъ, но одновременно съ тѣмъ стараются лѣчить недугъ въ самомъ его корнѣ.

Россія переживаетъ критическое время, и палліативы умѣстны,—но они недостаточны для полнаго ея оздоровленія. Нужно глубже вдуматься въ причины ненормальностей русской жизни. Нужно заглянуть въ самый корень вещей. Внѣшнія формы жизни—это оболочка, содержаніе же ей даетъ сама личность, созидающая форму. Вотъ на эту-то созидающую личность и нужно обратить особенное вниманіе. Никакія реформы безъ реформированія личности не имѣютъ значенія.

Извѣстный англійскій ученый Смайльсъ, разсуждая о національномъ значеніи характера отдѣльной личности, гово-

рить: „Какъ бы хороши ни были сами по себѣ общественныя учрежденія, они только въ очень незначительной мѣрѣ могутъ способствовать поддержкѣ національнаго характера. Учрежденія оживляются духомъ отдѣльныхъ лицъ, которыя устанавливають нравственный уровень и прочность націи. Правительство, въ сущности, бываетъ обыкновенно не лучше народа, которымъ управляетъ. Гдѣ масса нравственно здорова, добросовѣстна, тамъ нація управляется честно и съ достоинствомъ. Но тамъ, гдѣ люди порочны, себялюбивы, безчестны, гдѣ ихъ не связываетъ ни правда, ни законъ,—тамъ правленіе неизбежно окажется въ рукахъ негодяевъ и людей неспособныхъ“¹⁾... „Политическая нравственность не будетъ имѣть прочнаго существованія, если въ основѣ ея лежитъ безнравственность отдѣльныхъ лицъ. Политическія права, какъ бы они широки ни были, не могутъ возвысить народа, въ которомъ развратъ господствуетъ между отдѣльными лицами. Даже свободу въ рукахъ развращеннаго народа придется признать за вредъ. Словомъ, прочность учреждений страны обуславливается стойкостью характера ея гражданъ. Развращенныя единицы, какъ бы ни была велика ихъ сумма, не могутъ образовать великой націи... Безъ честности характера отдѣльныхъ лицъ народъ не можетъ обладать настоящею силою, крѣпкою связью и прочнымъ здоровьемъ. Онъ можетъ быть богатымъ, просвѣщеннымъ и утонченно изящнымъ, но при всемъ этомъ стоять на краю гибели. Нація, состоящая изъ людей, которые живутъ только для себя и не имѣютъ другихъ цѣлей, кромѣ своего личнаго удовольствія,—изъ людей, для которыхъ ихъ собственное ничтожное я составляетъ все,—такая нація приговорена къ смерти, и паденіе ея неминуемо“. Для оздоровленія такой націи необходимо „честнымъ людямъ, если таковыя найдутся среди общей тьмы, за-

¹⁾ С. Смайльсъ. Характеръ. Переводъ съ англійскаго Майковой. С.-Петербургъ, стр. 31.

няться возстановленіемъ и возвышеніемъ личнаго характера, такъ какъ только имъ однимъ нація можетъ быть спасена“¹⁾.

Ту же мысль проводить и нашъ отечественный писатель—моралистъ гр. Л. Н. Толстой, взглядъ котораго на значеніе личности въ общегосударственной жизни заслуживаетъ вниманія въ особенности потому, что высказанъ именно по поводу современныхъ событій русской жизни.

Въ своемъ отвѣтѣ на запросъ одной филадельфійской американской газеты, по поводу русской земской противоправительственной агитаціи, Толстой говоритъ: „Цѣль агитаціи земствъ—ограниченіе самодержавія и установленіе представительнаго правительства. Достигнуть ли вожаки агитаціи своей цѣли, или будутъ продолжать мутить общество, въ обоихъ случаяхъ вѣрнымъ доказательствомъ всего этого дѣла будетъ отсрочка истиннаго соціального улучшенія. Истинное соціальное улучшеніе можетъ быть достигнуто только при религіозномъ и нравственномъ совершенствѣ всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціального улучшенія посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, что можно замѣтить въ конституціонныхъ государствахъ Франціи, Англіи и Америки“²⁾.

Итакъ, „великій писатель земли Русской“ въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ могъ только призвать русское общество къ тихой сознательно-мирной культурной работѣ, „къ религіозно-нравственному совершенству“. Онъ не требуетъ государственной ломки, хотя и видитъ много непоурядка въ родной землѣ, и это—потому, что не придаетъ существеннаго значенія внѣшней организаціи; онъ глубже всматривается въ причину явленій, хочетъ отыскать самый корень злого недуга русской жизни, чтобы не залѣчивать палліати-

¹⁾ Тамъ же, стр. 31—35.

²⁾ Православный Собесѣдникъ, январь 1905 г., стр. 150.

вами свою родину, но оздоровить ее совершенно. Желая своей родинѣ истиннаго прогресса, онъ требуетъ нравственнаго возвышенія ея духа, чего не видитъ и на Западѣ при самыхъ новыхъ формахъ общественно-государственной жизни, такъ какъ и здѣсь и тамъ—общій недугъ, только не въ одинаковой формѣ выражающійся. Тамъ, на Западѣ, онъ лучше замаскированъ и не такъ бросается въ глаза, но болѣе проникаемые наблюдатели давно уже подмѣтили его, и сѣтованія ихъ за послѣднее время раздаются все чаще и чаще. Вотъ, напр., извѣстный соціологъ Гребертъ Спенсеръ въ своемъ философскомъ завѣщаніи подъ заглавіемъ: „Факты и поясненія“, жалуется, что „элементы первобытнаго варварства оживаютъ въ душахъ культурныхъ людей, слишкомъ многому научившихся и слишкомъ малому научившихся. Одичаніе врывается во всѣ отрасли общественной жизни. Наука, искусство, литература—все носитъ слѣды этого грустнаго явленія. Въ искусствѣ господствуютъ чувственные или упадочные сюжеты; литература принизилась до шовинизма“, писатели „приобрѣтаютъ всемірную славу не благородствомъ и красотой формы, не глубиной и оригинальностью содержанія, а просто—воздѣйствіемъ на кровожадные инстинкты толпы“. Вторженіе первобытнаго варварства въ нашу культурную жизнь повергаетъ чуткую душу Спенсера въ пессимизмъ, граничащій съ отчаяніемъ. Философъ не видитъ исхода изъ этого сумеречнаго состоянія, когда, несмотря на пышный расцвѣтъ науки, пламя истинной мысли гаснетъ, „вѣшность заглушаетъ содержаніе, и плоды растущей техники покупаются цѣной исчезновенія лучшихъ духовныхъ силъ. „Техника и наука развиваются, но нравственность падаетъ; интеллектъ одерживаетъ побѣду за побѣдой, но разумъ и воля вырождаются“. Будущее рисуется Спенсеру въ мрачныхъ краскахъ: онъ не вѣритъ въ возрожденіе человѣчества, и ему кажется, что эволюція нашего рода упирается въ несодolimую преграду.— Къ такимъ печальнымъ выводамъ привело философа-соціолога глубокое размышленіе надъ культурной жизнью запада. Сре-

ди мишурнаго блеска западной культуры онъ подмѣтилъ разложеніе, которое и составляетъ сущность общеевропейскаго недуга, удачно названнаго другимъ ученымъ „анархіей духа“¹⁾.

Вотъ эта именно „анархія духа“ лежитъ въ основѣ и нашего роднаго недуга. И какъ она распатала русскій организмъ!.. Всмотритесь только пристальнѣе въ омутъ русской жизни, и вы, къ прискорбію своему, убѣдитесь, насколько духъ угасъ, насколько измельчала личность. Сильныхъ и великихъ натуръ не много. Всѣ жалуются, что нѣтъ могучихъ характеровъ, а все больше попадается дребедень вакая-то, вѣчно брюзжащая, всѣмъ недовольная, стонущая и ноющая, безвольная и безталанная, хотя и съ большимъ самомиѣніемъ. Всюду недовольство, всюду раздраженіе. Всѣмъ тяжело дышится. Словно кошмаръ какой давить, сжимаетъ грудь. О, когда бы скорѣе проснуться! Когда бы скорѣе жадно вдохнуть свѣжую струю воздуха и ожить душой! И кто не ждетъ этого обновленія, кто не жаждетъ его?—Но гдѣ его найти, какъ его устроить?.. Дадутъ ли его новыя формы жизни, новые порядки, которыхъ мы ждемъ въ лихорадочномъ волненіи и, кажется, не напрасно?—Но вѣдь на Западѣ господствуютъ эти именно новые порядки, а анархія духа тѣмъ не менѣе есть и тамъ и постоянно дѣлаетъ успѣхи. Да не съ Запада ли прежде всего послышались стоны и жалобы, что нравственный прогрессъ остановился, что личность мельчаетъ? Не этотъ ли упадокъ духа побудилъ философа Ницше настаивать на томъ, что главная задача нашего вѣка—создать типъ сильной духовной личности? Къ сожалѣнію, философъ, ставъ на ложный путь, указалъ для этой цѣли такія средства, которыми можетъ быть достигнуто только обратный результатъ—полное моральное вырожденіе человѣчества, а не его оздоровленіе.

Вотъ почему въ настоящее время, на ряду съ вопросами политическаго и экономическаго характера, должны быть вы-

¹⁾ Проф. Струве (въ Варшавѣ по поводу критики Ницше).

двинуты и вопросы, касающіеся основъ чисто духовной жизни личности. Вотъ почему въ настоящее время, какъ никогда болѣе, необходимъ призывъ къ религіозно-нравственному возрожденію личности, такъ какъ только этимъ, уже испытаннымъ въ исторіи, путемъ можетъ быть достигнутъ истинный духовный подъемъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества и государства.

Переживаемое нынѣ цивилизованнымъ міромъ духовное состояніе до нѣкоторой степени напоминаетъ собою то состояніе нравственнаго упадка и одряхлѣнія духа, состояніе общаго недовольства, разочарованія и выжиданія чего-то новаго, лучшаго, въ какомъ находились культурнѣйшіе народы древняго міра предъ пришествіемъ на землю Христа Спасителя. Одряхлѣвшій античный міръ ждалъ обновленія. И вотъ, Самъ Господь снисшелъ на землю, чтобы умиротворить мятущееся челоуѣчество, чтобы дать покой его измученному духу, чтобы устроить на землѣ для челоуѣка царство Божіе, т. е. такой порядокъ жизни, который бы основывался не на господствѣ насилія, грубаго эгоизма, а на началахъ всеобщей любви, полной справедливости, признанія всѣхъ законныхъ правъ личности.

Какъ же Господь устроилъ это царство? Требовалъ ли Онъ какихъ государственныхъ реформъ и измѣненія политическаго строя?—Нѣтъ: Онъ началъ съ реформы души челоуѣческой. Древнему міру не вѣдомо было это новое царство, и самъ онъ не могъ создать этого царства, такъ какъ искалъ его вѣвѣ духа челоуѣческаго. Христосъ Спаситель перенесъ центръ тяжести извнѣ внутрь челоуѣка. Духъ челоуѣка Онъ призналъ источникомъ общественной, политической и всякой исторической жизни; поэтому, возвышеніе челоуѣческаго сердца, нравственное усовершенствованіе, духовный ростъ личности Онъ поставилъ главною задачею общества, все же остальное отодвинулъ на второе мѣсто. „Ищите прежде царства Божія и правды его,—говорилъ Онъ:—и все прочее приложится вамъ“, придетъ къ вамъ само собою. Наступленіе этого

царства Спаситель обусловил нравственнымъ перерожденіемъ человѣка, обновленіемъ всего его внутренняго существа. „Истино говорю тебѣ,—сказалъ Иисусъ Христосъ Никодиму:—если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царства Божія“.

Царство это зарождается внутри человѣка,—„царство Божіе внутри васъ есть“,—но развивается оно вовнѣ.

Въ постепенномъ развитіи царства Божія можно отмѣтить какъ бы *два* ступени: „Сначала царство Божіе зарождается и водворяется въ невидимомъ внутреннемъ мірѣ душъ; а затѣмъ отображаемая во внѣшней средѣ съ такою же естественною психологическою необходимостью, съ какою всякое живое настроеніе, какъ вѣра и любовь, выражается въ жизни, во внѣшнихъ дѣлахъ“¹⁾. Параллельно съ возстановленіемъ царства Божія внутри насъ растетъ и развивается царство Божіе внѣ насъ, организуется на христіанскихъ основахъ весь строй жизни семейной, общественной, государственной и международной, такъ что личное духовное обновленіе отдѣльныхъ людей предшествуетъ обновленію и очищенію и всего внѣшняго строя жизни и неизбежно вызываетъ его“²⁾. Ростъ царства Божія медленный, но вѣрный! „Постепенно вырастаетъ дерево царствія Божія на землѣ, постепенно зрѣетъ закваска, положенная въ три мѣры муки, постепенно возстановляется святая гармонія духа, отражаясь и на жизни человѣчества“³⁾.

Вотъ путь, намѣченный Господомъ для возрожденія человѣчества. Этимъ путемъ пошли первые послѣдователи Христа.

Исторія христіанства свидѣтельствуетъ намъ, какъ принесенныя на землю Христомъ Спасителемъ жизненныя начала дѣйствительно возродили одряхлѣвшій языческій міръ. Христіанство произвело коренной переворотъ въ жизни чело-

¹⁾ Проф. П. Свѣтловъ. Идеи царства Божія. „Богословскій Вѣстникъ“, январь 1904 г.

²⁾ Тамъ же, Н. Неплюевъ. Молитва Господня.

³⁾ Тамъ же, Н. Неплюевъ. Христіанское міровоззрѣніе.

нѣчества. Оно оздоровило его, вдохнуло въ него жизненную силу и поставило на путь правильнаго развитія. Возрожденная христіанствомъ личность пересоздала семью, общество, государство. Царствовавшіе въ этихъ сферахъ разнузданность страстей и развратъ, дикость и жестокость нравовъ и обычаевъ, господствовавшій всюду эгоизмъ и деспотическій произволъ были сломлены чистотою и святостію христіанскихъ идеаловъ любви и самоотверженія.

Христіанскіе апологеты первыхъ вѣковъ могли смѣло и открыто указывать на то, что христіане—лучшіе члены общества, лучшіе граждане въ государствѣ: это былъ общизвѣстный фактъ. Вездѣ, гдѣ только христіане ни соприкасались съ нехристіанами,—въ путешествіяхъ ли, въ сношеніяхъ ли односельчанъ, въ торговлѣ, на службѣ ли гражданской или военной,—вездѣ они выдѣлялись изъ среды язычниковъ высотой жизни. Язычники все это видѣли и не могли не плѣняться правдивой красотой христіанской жизни. Истинное могущество возрожденнаго христіанскаго духа побѣждало душу язычника. Христіанство безъ внѣшняго оружія покоряло языческой міръ и пересоздавало его. Худшіе изъ язычниковъ, съ принятіемъ христіанства, духовно перерождались до неузнаваемости и въ свою очередь обновляюще воздѣйствовали на окружающую ихъ среду.

Чѣмъ шире была сфера ихъ жизненныхъ отношеній, чѣмъ больше былъ кругъ ихъ дѣятельности, тѣмъ плодотворнѣе была эта дѣятельность, тѣмъ больше они содѣйствовали водворенію царства Божія на землѣ. Казалось, чѣмъ скорѣе станутъ подъ знамя Христова народы, тѣмъ скорѣе наступитъ царство Божіе на землѣ.

Но вотъ, прошло девятнадцать вѣковъ. Цивилизованнѣйшіе народы міра носятъ священное имя Христово. Гдѣ же царство Божіе? гдѣ могущество духа человѣческаго? гдѣ благодатный миръ и святая радость сыновъ царствія?—Нѣтъ ихъ... Вмѣсто нихъ мы находимъ „анархію духа“. Изъ среды христіанъ слышатся жалобы на всеобщій упадокъ и разложеніе. Всюду нестроенія, всюду разладъ: и въ жизни семейной, и въ жизни общественной, и, наконецъ, въ государствѣ. Гдѣ

же причина того, что христіанство, такъ могуче начавшее возрождать человѣчество, теперь какъ бы потеряло свою живительную силу?

Это объясняется очень просто. Не христіанство потеряло силу живительную, а именующіе себя христіанами перестали пользоваться въ жизни христіанскими началами. „Легко убѣдиться въ томъ, что христіанская религія, бывшая некогда жизнью и дѣломъ, нынѣ стала у насъ пустымъ символомъ“²⁾, говоритъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ богослововъ. Было время, когда стать христіаниномъ значило—стать инымъ человѣкомъ; теперь же званіе христіанина, повидимому, не налагаетъ никакихъ обязанностей. Если прежде защитники христіанъ смѣло и во всеуслышаніе указывали на высоту ихъ жизни, порицая жизнь язычниковъ, то теперь эти порицанія и упреки можно отнести скорѣе къ христіанамъ. Не будемъ говорить о другихъ христіанскихъ народахъ, взглянемъ на родныя картины. „Достаточно, говорятъ, быть православнымъ, чтобы не налагать узды на сквернословный языкъ, не воздерживаться отъ пьянства, разврата. Нынѣ, говорятъ, христіане довольствуются только тѣлеснымъ омовеніемъ въ водахъ крещенія, которое ни къ чему не обязываетъ...“ Что можно отвѣтить на эти порицанія? что говоритъ дѣйствительность? что мы можемъ привести въ доказательство того, что наше православіе—не церемоніи, окапчивающіяся ничѣмъ?

„Церковные идеалы наши,—продолжаетъ тотъ же богословъ,—дѣйствительно, не простираются дальше того, чтобы имя Божіе славилось отъ моря до моря едиными устами, чтобы однообразное богослуженіе украшало всю нашу землю, чтобы церковное управленіе дѣйствовало стройно,—дальше того, что—символь, форма“¹⁾. „Формализму и обрядовѣрью въ области религіи соответствуетъ въ жизни безправственность, распущенность, некультурность. Въ право-

¹⁾ М. Тарѣевъ. Духъ и плоть. „Богословск. Вѣстникъ“, январь 1905 г.

²⁾ Тамъ же.

славныхъ селеніяхъ и городахъ изо дня въ день наблюдаются сцены пьяныхъ безобразій, семейныхъ жестокостей, дикихъ суевѣрій, ужасной народной тьмы. И поразительнымъ кажется то, что эти безобразія и эта тьма не нарушаютъ стройности заведенныхъ порядковъ, что не дрогнетъ сердце выполняющаго церковные уставы для этой толпы, что не цѣпенѣтъ рука, вписывающая носителей этого пьянства и сквернословія въ списки христіанъ“¹⁾). Насколько принизилась нравственность христіанъ, насколько христіане превзошли своею безнравственностію язычниковъ, достаточно привести одинъ фактъ изъ современной жизни на Дальнемъ Востока.

Архимандритъ Димитрій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вопросъ объ устройствѣ матеріальнаго быта духовенства въ Сербскомъ королевствѣ.

Однимъ изъ самыхъ жизненныхъ и первыхъ вопросовъ блага духовенства въ Сербіи, выдвинутыхъ въ послѣдніи 10 лѣтъ, является вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта священниковъ. Сербія—уже давно королевство, и заботы о надлежащемъ устройствѣ ея учреждений и матеріальномъ обезпеченіи служащихъ всѣхъ разнообразныхъ профессій закончены давно; только бытъ священниковъ оставался и донинѣ тяжелымъ вопросомъ, ждущимъ своего рѣшенія. Органъ Сербскаго Св.-архіерейскаго Собора «Гласникъ Правосл. Церкви» (св. 1) указываетъ *дѣтъ* причины этого явленія: «всякая политическая перемѣна,—говоритъ онъ,—производила то, что дѣло объ устройствѣ положенія священниковъ начиналось опять сначала. потому что сербскіе политики старались извлечь изъ него прежде всего практическую пользу для своего режима. И только отъ того, что вопросъ объ устройствѣ свя-

¹⁾ Тамъ же.

щенническаго быта былъ предметомъ политической и партійной эксплуатаціи, и что онъ всегда зависѣлъ отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ дѣятелей, радѣтели благопріятнаго рѣшенія его и терпѣли неудачу, и надежда духовенства на улучшение своего положенія рушилась». Минувшій годъ былъ для бѣлаго духовенства въ Сербіи удачнѣе, и въ настоящее время можно ожидать скорого рѣшенія этого слишкомъ затянувшася и наболѣвшаго вопроса. Какъ и слѣдовало ожидать, первенствующую роль въ движеніи этого вопроса впередъ имѣлъ *главный одборъ* (комитетъ) Священническаго Общества. 25 авг. 1903 г. онъ имѣлъ аудіенцію у короля Петра I съ изъясненіемъ ему вѣрноподданическихъ чувствъ отъ имени всего сербскаго священства, «бывшаго всегда мощной опорой престолу и народу при своей службѣ отечеству. Король спрашивалъ: «Набоженъ ли нашъ народъ и преданъ ли своей вѣрѣ»? Предсѣдатель *одбора* прот. Марко Петровичъ отвѣчалъ, что «набожность сербскаго народа теперь не такова, какъ была прежде, и что если она пришла въ нѣкоторый упадокъ, то этому есть важныя причины, которыя нужно устранить». Король заявилъ о своей крѣпкой и горячей любви къ православнои вѣрѣ и Церкви, какъ къ «источникамъ общественной правственности и жизнеспособности», и о своихъ «надеждахъ на сербское священство, что оно воспитаетъ народъ въ вѣрѣ, дабы онъ былъ преданъ Богу и силенъ правственностью и характеромъ». «Я знаю,—сказалъ затѣмъ король,—что все это не можетъ быть достигнуто сразу, но нужно трудиться, и это будетъ достигнуто». Зная, что дѣлу воспитанія народа вредитъ прежде всего тяжелое положеніе духовенства, принужденнаго жить случайными, непосредственными сборами съ народа, а не постояннымъ жалованьемъ, *главный одборъ* поставилъ этотъ вопросъ на очередь для рѣшенія правительствомъ. Съ цѣлью узнать отношеніе къ этому вопросу тогдашняго министерства, *одборъ* испросилъ себѣ пріемъ у тогдашняго министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ *Л. Стояновича* (18 ноябр.). Министръ отнесся къ этому дѣлу сочувственно, но находилъ невозможнымъ вчинить его передъ

тогдашней народной скупщиной. Въ томъ же убѣдило его и совѣщаніе со священниками-депутатами тогдашней народной скупщины. Требовался, по крайней мѣрѣ годъ, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить ходатайство предъ народнымъ представительствомъ. Въ февралѣ 1904 года министромъ просв. и церк. дѣлъ былъ назначенъ Люба *Давидовичъ*—сынъ священника. *Главный* одборъ былъ и у новаго министра, который за-благовременно постарался познакомиться съ положеніемъ этого вопроса. Принятый г. Давидовичемъ весьма доброжелательно, одборъ получилъ отъ него обѣщаніе образовать въ скоромъ времени спеціальную комиссію для составленія закона объ устройствѣ быта священниковъ въ связи съ вопросомъ о пенсіи престарѣлымъ и слабымъ священнослужителямъ. Въ началѣ іюня министръ предложилъ отношеіемъ одбору составить самому требуемый проектъ, послѣ предварительныхъ сношеній съ пододборами (подкомитетами), «такъ какъ приходское духовенство, при нажитомъ опытѣ, одно въ состояніи указать то, какимъ образомъ правильнѣе устроить его бытъ, съ обращеніемъ вниманія на общественныя и матеріальныя условія сербскаго народа, хорошо ему извѣстныя». Требуемый проектъ не заставилъ себя долго ждать. Въ основу при его составленіи былъ положенъ проектъ Крагуевацкій (напеч. въ іюньской кп. «Вѣстн. Сербской церкви» за 1904 г.). Тщательно просмотрѣнный и переработанный, согласно замѣчаніямъ пододборовъ, проектъ этотъ былъ своевременно представленъ въ очередную XV священническую скупщину, 18 авг. 1904 г. По одобреніи священнической скупщиной, онъ представленъ «Св. Архіерейскому собору» на утвержденіе. Послѣдній, сдѣлавъ нѣсколько поправокъ и замѣчаній къ проекту, прецедовидилъ его къ министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ съ просьбой принять его и представить къ узаконенію въ народной скупщинѣ». Постъ министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ занимаетъ уже не Л. Давидовичъ, а *Андрей Николчъ*, который, къ счастью, также расположенъ къ духовенству и еще въ 1892 г. хотѣлъ провести этотъ проектъ черезъ «народную

скупщину». Теперь проект на разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, а затѣмъ будетъ представленъ, наконецъ, въ «народную скупщину», и сербское духовенство одушевлено надеждами.

Одинъ изъ самыхъ простыхъ и дѣйствительныхъ способовъ лѣченія холеры.

Въ № 10454-мъ «Новаго Времени» за текущей годъ г. Н. Верещагинъ, въ виду угрожающей намъ въ нынѣшнемъ году холеры, сообщаетъ одинъ изъ самыхъ простыхъ, но вмѣстѣ и самыхъ дѣйствительныхъ способовъ лѣченія этой страшной болѣзни, которымъ безъ всякаго затрудненія можетъ воспользоваться даже самъ заболѣвшій, если только онъ не потерялъ еще силъ и сознанія.

Нужно замѣтить, что холерный грибокъ (*запятая*)—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергичныхъ заразныхъ грибковъ, и если въ первое время его внѣдренія въ организмъ число грибковъ пока не велико, то дальнѣйшее размноженіе ихъ идетъ съ такой поражающей быстротой, что сравнительно черезъ короткій промежутокъ времени образуются цѣлыя колоніи, при чемъ грибки эти избираютъ мѣстомъ своего развитія внутреннюю оболочку кишекъ и, внѣдряясь въ нее все глубже и глубже, пробѣдаютъ ее, послѣдствіемъ чего бываетъ кровавый поносъ, корчи и пр. и, наконецъ, смерть. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно человѣческая помощь является уже бессильною, а потому нужно стараться захватить болѣзнь какъ можно раньше.

Самое развитіе холернаго грибка въ организмъ сопровождается сильнымъ пониженіемъ температуры у больного. Грибокъ какъ бы сознательно отнимаетъ у организма одно изъ главныхъ его средствъ для борьбы съ заразнымъ началомъ холеры—животную теплоту. Вотъ почему необходимо усиленное *искусственное согрѣваніе* больного, восстанавливающее въ организмъ теплоту, при которой въ немъ оживаетъ способ-

ность борьбы, и организмъ получаетъ возможность и силы справиться съ холернымъ зараженіемъ. Въ странахъ, гдѣ холера не переводится (къ Крайнему Востоку—въ Китаѣ, въ Японіи), гдѣ заболѣваніе холерой—обычное явленіе, спѣшать только не пропустить момента зараженія, чтобы приложить горячую грѣлку къ желудку и тѣмъ сдѣлать зараженіе уже неопаснымъ. Въ письмѣ къ нижегородскому губернатору Н. М. Баранову въ прошлую холеру лейтенантъ Кузнецовъ писалъ, что въ бытность его на Крайнемъ Востоку ему приходилось часто наблюдать, какъ рабочіе, заболѣвшіе холерой, тутъ же вынимали грѣлку, которую они всегда имѣютъ при себѣ, зажигали уголекъ, помѣщали его въ грѣлку и, положивъ послѣднюю себѣ на желудокъ подъ платье, спокойно продолжали работу въ полной увѣренности, что этой мѣры вполне достаточно для пріостановки дальнѣйшаго развитія болѣзни. Между прочимъ, лейтенантъ Кузнецовъ прислалъ для образчика и нѣсколько грѣлокъ съ угольками.

Даже самое зараженіе холерой успѣшно предупреждается въ Индіи англійскими миссіонерами, ухаживающими за холерными больными, тѣмъ, что они предварительно обертываютъ себѣ тѣло фланелью въ два ряда наблюдая, чтобы фланель какъ можно выше закрывала желудокъ и въ то же время покрывала весь животъ. Съ такимъ набрюшникомъ—увѣряютъ миссіонеры—можно смѣло не бояться зараженія при уходѣ за холерными больными: достигаемое при этомъ поднятіе температуры въ организмѣ даетъ ему силы противостоятъ самой возможности заразы. Въ нашей русской практикѣ также давнымъ-давно извѣстно, что при холерномъ заболѣваніи необходимо примѣнять именно теплоту въ различныхъ видахъ и формахъ: или напоить заболѣвшаго поскорѣе горячей водой (*четыре-пять* стакановъ), послѣ чего у него обыкновенно появляется обильная испарина; или заставить вспотѣть на горячей печкѣ, предварительно укутавши его хорошенько (черемисы укутываютъ въ войлокъ и кладутъ больного на самую горячую печку); или добиться поту, обкладывая тщательно уку-

таннаго больного мѣнками съ горячей золой или съ горячимъ овсомъ (мѣшки при этомъ нужно мѣнять—одни прикладываются, другіе грѣются) и т. п.

Въ имѣніи отца г. Н. Верещагина—въ Череповскомъ уѣздѣ, Новгородской губ.—въ началѣ 50-хъ годовъ лѣчили холеру такъ: заболѣвшаго сажали на низкій табуретъ, закрывали армякомъ, который у шеи повязывался платкомъ, чтобы тепло не выходило наружу, подъ армякъ возлѣ больного ставили горящій самоваръ, а чтобы онъ не залился, самоварную трубу отводили въ рукавъ армяка; черезъ нѣсколько времени больной весьма обильно покрывался потомъ.

Смоленскому помѣщику А. П. Герну удавалось спасать заболѣвшихъ холерою тѣмъ, что у него всегда была наготовѣ жарко натопленная деревенская баня («дежурная баня», какъ называлъ ее А. П. Гернъ). Самъ Н. Верещагинъ согрѣвалъ заболѣвавшихъ ученицъ бывшей Едомоновской школы тѣмъ, что хорошо укрывалъ ихъ, а затѣмъ прикладывалъ къ подошвамъ поверхность кипящаго самовара. При этомъ больныя въ первыя *пять* минутъ старались даже придвигать подошвы къ самовару, но минутъ черезъ *десять*, въ теченіе которыхъ у нихъ выступалъ обильный потъ, заявляли, что ногамъ горячо, а еще черезъ нѣсколько секундъ уже совсѣмъ не могли удержать ногъ у самовара: очевидно, у нихъ возстановлялась чувствительность вмѣстѣ съ возстановленіемъ нормальной температуры организма.

На долю приходскихъ—въ особенности *сельскихъ*—священниковъ выпадесть, безъ сомнѣнія, наибольше борьбы съ страшною азіатскою гостьей,—ихъ мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, помѣщая настоящую замѣтку. Нужно только помнить, что для вполнѣ успѣшнаго лѣченія холеры черезъ согрѣваніе болѣзнь должна быть захвачена какъ можно раньше. А для этого необходимо ознакомить всѣхъ и каждого съ первыми признаками холернаго заболѣванія, а также съ разными способами согрѣванія больного. Во время самой эпидеміи необходимо учредить *дежурныя бани* и *дежурныя избы* по раз-

нымъ мѣстамъ села (чтобы не терять дорогого времени на дальнюю доставку заболѣвшаго). Въ банѣ можно просто согрѣть больного на полкѣ, въ *дежурныхъ* же *избахъ* должна быть всегда жарко натопленная русская печка или лежанка, достаточный запасъ горячей воды, кипящіе самовары, мѣшки (въ печкѣ) съ золой и овсомъ, одѣяла для укутыванія больныхъ съ цѣлью ускоренія выпота и т. п. Быстрое согрѣваніе больного, конечно, легче и удобнѣе всего произвести у него же дома; въ случаѣ же перевозки въ *дежурную баню* или въ *дежурную избу* необходимо приложить къ животу или къ подошвамъ ногъ больного грѣлку.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го мая 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года мая 15-го дня.

Содержаніе: Какъ подготовить приходъ къ возможнымъ въ будущемъ реформамъ церковно-приходской жизни.—Значеніе личнаго усовершенствованія для общественной жизни (окончаніе).—Нашъ долгъ къ павшимъ героямъ.—Доброе постановленіе.—Богословское образованіе въ Сербіи.—Къ Богу (стихотвореніе).

Какъ подготовить приходъ къ возможнымъ въ будущемъ реформамъ церковно-приходской жизни.

Мы, православные пастыри, стоимъ предъ вопросомъ объ измѣненіи въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ нынѣшняго строя нашей церковно-приходской жизни. Вопросъ этотъ ставится независимо и помимо насъ, но онъ насъ ударитъ прежде всего и больше всего. Необходимо, поэтому, озаботиться, чтобы ударъ пришелся не по большому мѣсту и былъ „не къ смерти, а ко спасенію“.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ совершится эта реформа: путемъ ли возвѣщенныхъ правительственныхъ предначинаній, или же путемъ косвеннымъ, путемъ измѣненія общихъ условій русской жизни; но реформа совершится до-

вольно скоро. Къ ней неизбежно приведетъ уже одно то, что старообрядцы и сектанты получили права на свободную организацію своей религіозной жизни...

Этого же права стануть добиваться и православные. И какъ можно не дать православнымъ того, что даютъ старообрядцамъ и сектантамъ?—Не дать—это значить поставить въ униженное и, во всякомъ случаѣ, стѣсненное положеніе православныхъ сравнительно съ старообрядцами и сектантами, это значить—дать поводъ переходить въ старообрядчество и различныя секты не только противникамъ Православной Церкви, но и всѣмъ ищущимъ свободныхъ формъ церковной жизни. Съ того самаго часа, какъ утверждена свобода вѣроисповѣданія для старообрядцевъ и сектантовъ, ихъ общины какъ правоспособныя религіозныя общины, съ выборными пастырями, съ правомъ построенія храмовъ и молитвенныхъ домовъ, съ правомъ на свободное и открытое богослуженіе и проч., съ того самаго часа возникаетъ вопросъ и о томъ, чтобы всѣ соотвѣтствующія права были признаны и за православными общинами, за православнымъ приходомъ. Возникаетъ этотъ вопросъ подъ угрозю массовыхъ отпаденій въ старообрядчество или сектантство.

Для духовенства это положеніе имѣетъ значеніе съ той стороны, что отъ него потребуютъ допущенія самаго широкаго участія прихожанъ-мірянъ въ церковной жизни прихода.

Теперь уже можно безошибочно сказать, что духовенство въ большинствѣ отрицательно относится къ этому вопросу. Если въ духовныхъ журналахъ встрѣчаются статьи, какъ голосъ будто бы духовенства, въ пользу допущенія мірянъ къ широкому участію въ церковно-приходскихъ дѣлахъ, то эти статьи обнаруживаютъ скорѣе благожелательность теоретическаго ума, чѣмъ откровенный голосъ людей практической жизни. Вопросъ объ оживленіи современнаго церковно-приходскаго строя, поставленный на пастырскихъ собраніяхъ столичнаго духовенства въ Петербургѣ и могущій

тамъ именно найти свое практическое и авторитетное рѣшеніе, сразу запутался о понятіе приходской территоріи и о средства приходской регистраціи, т. е. свелся къ благоприличному отклоненію.

Этотъ же вопросъ, прямо и рѣшительно поставленный въ рефератѣ протоіерея о. Никандра Колпикова, предложенномъ вниманію и обсужденію пастырскаго собранія въ г. Кіевѣ, вызвалъ отрицательное къ себѣ отношеніе у присутствовавшихъ слушателей. По напечатаніи его, въ провинціи произошло среди священниковъ положительное смущеніе, и въ Кіевѣ, къ преосвященному предсѣдателю пастырскихъ собраній, полетѣли и на пастырскомъ собраніи были прочитаны „смирениѣйшіе доклады“, рѣзкіе протесты, вопли и стоны и призыванія кары—до небеснаго суда включительно.

Такое отрицательное отношеніе духовенства къ вопросу о допущеніи мірянъ къ участию въ церковно-приходскихъ дѣлахъ—къ участию, понимаемому, какъ церковно-приходское самоуправленіе, объясняется отнюдь не тѣмъ, что духовенство не желаетъ видѣть жизненнаго проявленія Церкви Христовой, выражающагося въ тѣсномъ органическомъ союзѣ всѣхъ истинновѣрующихъ со Христомъ и между собою, слѣдовательно—и въ живомъ, активномъ, а не пассивномъ участіи мірянъ въ жизни церковной. Нѣтъ,—если духовенство отрицательно относится къ этому вопросу, то не въ забвеніи догмата Церкви, не въ боязни уступить изъ своихъ рукъ то, что, въ силу различныхъ неблагопріятныхъ для развитія церковно-приходскаго строя условій жизни, сосредоточилось въ нихъ, а вслѣдствіе весьма естественнаго страха за судьбы вѣрющей имъ Богомъ Церкви Христовой.

Для кого не ясно, что святая, немущая, по словамъ апостола, скверны или порока, Церковь Христова, будучи таковой въ существѣ своемъ, заключаетъ въ себѣ, въ числѣ членовъ своихъ, много плевель, много злыхъ или порочныхъ людей? Оставляемые расти до великой жатвы Божіей и не отмычаемые нынѣ, при ослабленіи церковной дисциплины,

Церковью, какъ падшіе, а потому и недостойные, наравнѣ съ прочими, пользоваться ея благодатными дарами и правами, эти плевелы остаются въ Церкви и, получивъ права на ея дѣла, могутъ причинить много вреда этимъ послѣднимъ. Отдать дѣло Церкви въ руки толпы, сдѣлать его предметомъ народныхъ страстей и безпокойства—у кого изъ пастырей Церкви хватить на это рѣшимости?!..

Но мы должны готовиться къ тому, что надвигается на насъ вопреки нашимъ соображеніямъ и страхамъ. Мы должны привыкнуть къ мысли, а слѣдовательно и приготовиться къ тому, что рано или поздно наступитъ время свободнаго и самодѣтельнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Къ этому насъ должно было подготовить еще Высочайше утвержденное Положеніе 1864-го года о церковно-приходскихъ попечительствахъ при православныхъ приходсахъ. Въ томъ же году издано было Положеніе о церковныхъ братствахъ, основныя правила которыхъ также Высочайше утверждены.

Однако, идея самодѣтельнаго участія мірянъ въ церковно-приходской жизни мало привилась къ самой жизни даже путемъ учрежденія этихъ попечительствъ и братствъ. И пусть попечительства могли еще не вызывать къ себѣ сочувствія со стороны духовенства. Мало согласованныя съ духомъ истинно-церковной православной жизни, поставлявшія часто во главѣ церковно-приходской жизни людей *свѣтскихъ*, дававшія участіе въ церковной жизни людямъ только *богатымъ*, эти попечительства всегда относились и относятся къ дѣлу церковному какъ-то по-мірски, внѣшне-юридически,—или сверху, покровительственно, не какъ кровное дѣтище церковное, а какъ внѣшняя—частію благотворительная, частію административная—организация. Но Положеніе о братствахъ—другого, истинно церковнаго характера. Эти послѣднія состояются изъ лицъ *разнаго званія и состоянія*. Они учреждаются для *служенія нуждамъ* и пользамъ Православной Церкви. Они, наконецъ, оправдали себя въ дни тяжкихъ испытаній Православной Церкви и русской народности—въ

эпоху польскихъ-уніатскихъ притѣсненій. И тѣмъ не менѣе, Положеніе о братствахъ также осталось почти безъ осуществленія...

А между тѣмъ, будь братство въ приходѣ, будь оно не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, и священнику нечего было бы опасаться грядущихъ реформъ. Вокругъ него и храма была бы не толпа, въ руки которой страшно отдать дѣло церковное, не считающіеся полноправными хрестіанами только потому, что по метрикѣ они таковы, и что ослабѣвшая церковная дисциплина не отдѣлила ихъ въ разрядъ *надшихъ*, а избранники прихода, сознательно заявившіе свою ревность по Церкви,—овцы, идущія за голосомъ своего пастыря. Изъ состава современнаго прихода братство выдѣлило бы и представило бы собою дѣйствительный православный приходъ, т. е. истинную православную приходскую Церковь, сознательную, живую, имѣющую право принимать участіе въ своихъ дѣлахъ.

Отчего Положеніе о братствахъ не имѣло успѣха?—Вопросъ этотъ сложный, но разобраться въ немъ необходимо, если только дѣйствительно мы желаемъ освѣтить себѣ путь навстрѣчу грядущему измѣненію условій церковно-приходской жизни.

Причина неуспѣха, прежде всего, общая. Она лежитъ въ нашемъ отрицательномъ отношеніи къ общественной самодѣятельности. Отъ упадка древне-русскаго прихода прошло уже много времени, достаточно, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы вытравить изъ церковно-приходской жизни, а слѣдовательно и изъ нашего сознанія, живую память объ этомъ прекрасномъ проявленіи догмата Церкви въ жизни русскаго народа. Чтò осталось отъ древне-русскаго прихода, тò представляетъ интересъ только для археолога, а практическаго дѣятеля мало чему учить. Мало учить церковной общественности и современная жизнь. Мы изучаемъ эту общественность на сходахъ—сельскихъ и волостныхъ, на думскихъ городскихъ засѣданіяхъ и въ земскихъ собраніяхъ и, не обладая знаніемъ общественныхъ наукъ, отрицательно относимся

къ самой идеѣ общественности и, во всякомъ случаѣ, чуждаемся даже мысли о возможности подобныхъ церковно-общественныхъ сходо́въ и засѣданій. Какъ ни мертво бюрократическое веденіе церковныхъ дѣлъ, какъ ни отвращается иногда наше чувство отъ канцелярскаго рѣшенія живыхъ дѣлъ церковнаго прихода, но мы предпочитаемъ этотъ режимъ за его порядокъ, внѣшній міръ и спокойствіе. Намъ кажется, что канцелярское рѣшеніе дѣлъ, *бумага*, не въ состояніи такъ затемнить и обезличить разумъ и волю церковную—живую связь пастыря и пасомыхъ,—связь епископской церковной власти и каноновъ съ желаніями и потребностями народа, какъ эта толпа, гдѣ столько умовъ, сколько головъ. Даже братство, это собраніе избранныхъ, внушаетъ намъ съ этой стороны подозрѣніе. И вотъ причина, почему духовенство мало прилагаетъ труда къ образованію приходскихъ братствъ, несмотря на то, что предписанія объ образованіи братствъ сыпались въ изобиліи, а самый вопросъ освѣщался въ духовной литературѣ съ рѣдкою любовью и всесторонностью.

Съ 1864 года, т. е. со времени изданія Положенія о братствахъ, было, впрочемъ, создано нѣсколько братствъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Но эти братства учреждались въ большихъ городахъ, гдѣ много просвѣщенныхъ и вліятельныхъ людей, гдѣ много всякихъ средствъ. Эти братства, по большей части, имѣютъ спеціальныя назначенія: просвѣтительное, благотворительное, миссіонерское, строительное; дѣятельность ихъ распространяется на обширный районъ, часто на всю губернію, и съ приходомъ въ тѣсномъ его смыслѣ эти братства ничего общаго не имѣютъ. Самый успѣхъ этихъ братствъ, быстрый и блистательный, убивалъ идею приходскихъ братствъ. Многіе изъ приходскихъ священниковъ стали подражать въ устройствѣ своихъ приходскихъ братствъ этимъ блестящимъ и широкопоставленнымъ учрежденіямъ и, при отсутствіи силъ и средствъ, приходили скоро къ разочарованію; другіе, видя окружающую ихъ скудость, отказывались даже и отъ мысли о образованіи въ своемъ приходѣ братской организаціи.

Самое Положеніе о братствахъ приводило нѣкоторыхъ священниковъ, пытавшихся образовать братства, въ недоумѣніе, ошибки и столкновенія. Въ этомъ Положеніи предусмотрено, что подвести всѣ могущія образоваться братства подъ одинъ уставъ не возможно, и потому предоставлено каждому имѣть свой уставъ; но въ слѣдующемъ затѣмъ правилѣ дѣлается указаніе, что „въ составляемыхъ для братствъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіеся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и ви́шніе обычаи“. Это указаніе Положенія было принято почти повсемѣстно за руководственное и обязательное, и вотъ пошли воскрешать нѣкогда великихъ мертвецовъ.

Отъ древнихъ братствъ у насъ остался обычай стоять на богослуженіи съ громадными самодѣльной работы свѣчами (*ставниками*), варить медъ въ дни приходскихъ праздниковъ и собирать по домамъ провизію: куръ, масло, яйца, муку, крупу для причта и приходскихъ общихъ обѣдовъ въ храмовые дни. Попробуетъ священникъ оживить эти обычаи въ учреждаемомъ братствѣ, вздумаетъ удовлетворить нужды своей церкви выдѣлкою для церковной продажи домашней работы свѣчей,—въ результатѣ столкновеніе съ управленіемъ епархіальнаго свѣчного завода и воспрещеніе духовной консисторіи; станетъ братство варить и продавать медъ,—все на нужды той же церкви,—акцизное вѣдомство привлекаетъ къ суду и подвергаетъ штрафамъ; пойдутъ приверженныя къ храму бабки собирать провизію для причта,—нареканий не оберешься... Попытки оживить, такимъ образомъ, археологическіе памятники древности терпѣли неудачу, а вмѣстѣ съ тѣмъ замирали и возникавшія было самыя братства.

Наконецъ, не удавались попытки образовать приходское братство по причинѣ чисто технической. Мы не обладаемъ умѣньемъ пропагандировать и осуществлять въ общественной жизни наши идеи. Мы не улавливаемъ теченій общественной мысли и настроеній, не пользуемся даже обычными средствами руководства ею. Слышимъ мы часто, что вотъ

тамъ правительство закрыло чайную, тамъ—библіотеку или читальню, тамъ разогнало сходку студентовъ или мастеровыхъ, тамъ арестовало мирнаго книгоношу—офеню,—и мы готовы съ полною наивноcтью удивляться этимъ запретамъ, а не задуматься надъ тѣмъ, что вотъ есть же люди, которые находятъ пути въ народъ и самымъ разнообразнымъ способомъ сѣютъ сѣмена своихъ убѣжденій. Хоть бы у нихъ мы поучились находить способы сѣять то, что для насъ—несомнѣнная истина, что является предметомъ общественнаго и государственнаго желанія, и что не только не подвергается запрету, но удостоивается одобренія и поощренія. Какъ будто открытое поле для дѣйствій связываетъ наши силы.

Проникнется ли иногда кто изъ насъ мыслью образовать въ приходѣ братство самъ, подъ вліяніемъ хорошей статьи въ газетѣ или журналѣ, или получить соотвѣтствующій указъ консисторіи, онъ не знаетъ, какъ начать дѣло. Чаще всего скажетъ въ храмѣ за богослуженіемъ поученіе на тему: „братство возлюбите“,—въ первомъ случаѣ, а во второмъ—просто ограничится прочтеніемъ указа и приглашеніемъ исполнить волю начальства. Если поученіе трогательно,—народъ умиляется; если священникъ представитъ идеаллически прекрасную картину древне-русскаго прихода или подробнѣйшимъ образомъ очертитъ дѣятельность такихъ всероссійскихъ извѣстныхъ братствъ, какія существуютъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Казани,—народъ проникается удивленіемъ и благодарнымъ чувствомъ; если съ должною властью объявитъ волю начальства,—народъ выразитъ тихую, но малообщающую покорность. Тѣмъ не менѣе, братство въ приходѣ все таки не создается. Его въ дѣйствительности не будетъ даже и тогда, когда священнику удастся выбрать должностныхъ членовъ братства: членовъ совѣта, казначея и проч. Прихожане становятся замкнутыми и необычайно осторожными уже въ виду одного намека на то, что для братства потребуются денежные взносы... Народъ знаетъ эти взносы только въ двухъ видахъ: или въ видѣ подати, ко-

торая его постоянно давить, но которая неизбежна, или въ видѣ пожертвованій и милостыни „ради Христа“. Но дѣлать добровольные взносы для отдаленной цѣли, хотя бы и самой прекрасной—это не вмѣщается въ его сознание...

Только въ самое послѣднее время,—и то въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, городскихъ приходахъ,—стали образовываться братства, какъ добровольное соединеніе лучшихъ, преданныхъ Православной Церкви и приходскому дѣлу, прихожанъ вокругъ своего священника и приходскаго храма. Въ Кіевѣ, напр., такое братство образовалось въ Борисоглѣбскомъ приходѣ и на Юрковицѣ. Сюда же, по своему характеру и дѣятельности, можно отнести и дамское отдѣленіе церковно-приходскаго попечительства на Лукьяновкѣ...

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одного братства въ сельскихъ приходахъ, устроеннаго съ цѣлью выдвинуть изъ разношерстной толпы прихожанъ людей, преданныхъ Церкви, которыхъ можно было бы безбоязненно допустить къ участию въ дѣлахъ церковныхъ. Но болѣе или менѣе удачныя попытки въ этомъ родѣ уже дѣлаются. Кромѣ того, съ цѣлью выяснитъ возможность осуществленія идеи братства, какъ соединенія лучшихъ людей прихода, мы бесѣдовали болѣе чѣмъ съ сотнею сельскихъ приходскихъ священниковъ и вынесли глубокое убѣжденіе, что дѣло братствъ—далеко не безнадежное и хотя не легко, но все же осуществимое. Мы подробно остановились надъ уясненіемъ причинъ общихъ неудачъ въ этомъ дѣлѣ только потому, что причинами мы считаемъ главнымъ образомъ недоразумѣніе, ошибки, неумѣнье въ осуществленіи идеи, а не ошибочность самой идеи братствъ, какъ самодѣтельнаго церковно-приходскаго кружка. Сознать свои ошибки, поучиться на ошибкахъ другихъ—это уже половина дѣла, залогъ будущаго успѣха.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Значеніе личнаго усовершенствованія для общественной жизни.

(Окончаніе 1).

Нынѣ мы ведемъ на Дальнемъ Востокѣ войну и терпимъ пораженія. Военныя неудачи прискорбны, но гораздо прискорбнѣе то, что мы, православные, уступаемъ язычникамъ въ этической культурѣ. Вотъ что объ этомъ писалъ недавно православный епископъ Дальняго Востока Иннокентій: „Весьма грустными явленіями въ общественной жизни Манчжуріи объясняются многія жертвы, понесенныя Россіей на Дальнемъ Востокѣ. Живя въ городѣ Дальнемъ, я удивлялся и скорбѣлъ душой о той безпечности и непробудномъ разгулѣ, который царилъ тамъ наканунѣ самыхъ военныхъ событій. Казалось, для русскаго жителя далекой окраины нѣтъ ничего страшнаго, и онъ можетъ безъ трепета встрѣтить своего наступающаго врага. Но первые роковые удары изъ смертоносныхъ орудій повергли всѣхъ въ неописуемый ужасъ: всѣ потеряли голову, все побѣжало...

„По настойчивому желанію мѣстной и военной власти, на 1-й седмицѣ Великаго поста я выѣхалъ въ Харбинъ. Здѣсь меня окончательно поразила картина нравственнаго упадка мѣстнаго русскаго населенія. Уличная непролазная грязь вполне гармонировала съ полной нравственной распущенностью города. Нельзя было показаться на улицу, чтобы не встрѣтиться съ пьянымъ обывателемъ и не услышать уличной брани...

„Цѣлыя полчища публичныхъ японскихъ жещинъ, которыхъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью выпроваживали (во время войны) изъ новыхъ русскихъ колоній, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о здѣшнихъ нравахъ; такой грубый развратъ не могъ не вызвать въ туземныхъ жителяхъ отвращенія къ русскому человѣку, стремящемуся просвѣщать инородцевъ...

1) См. № 19-й за 1905-й г.

„Не вдаваясь въ перечисленіе всѣхъ ненормальныхъ явленій мѣстной общественной жизни, достаточно сослаться на мѣстныя иностранныя газеты, уподобляющія наши новые русскіе города Содому и Гоморрѣ. Переѣзжая изъ новыхъ русскихъ городовъ въ иностранныя китайскіе, невольно приходится убѣдиться въ нравственномъ перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми“ 1)...

Что можетъ быть краснорѣчивѣ этого грустнаго свидѣтельства русскаго іерарха? Какая тяжелая картина!.. „Застывшая форма,—говорить по этому поводу г. Тарѣевъ,—все собою прикрываетъ; благолѣпный обрядъ успокаиваетъ нечистую совѣсть. И вотъ тамъ, гдѣ сердце должно бы разрываться на части, оно наполняется религіознымъ самодовольствомъ, почиваетъ въ надеждѣ на милость Божію“ 2). Не удивительно послѣ всего этого, если осуществленіе на землѣ царствія Божія приостановилось въ своемъ поступательномъ движеніи.

Прискорбнѣ же всего то, что тормозомъ въ развитіи царства Божія явились не враги внѣшніе, а враги внутренніе, которые гораздо опаснѣе враговъ внѣшнихъ. Вражда и ненависть къ христіанству язычества, магометанства, юдаизма и открытаго невѣрія не такъ страшны ему, какъ врагъ внутренній, гнѣздящійся въ нѣдрахъ самого христіанства, въ Церкви, какъ плевелы между пшеницею, всегда готовы заглушить послѣднюю. Явные антихристы не опасны христіанству, „гораздо опаснѣе тѣ бессознательные или злонамѣренные антихристы, которые упорно и нагло называютъ себя христіанами, хотя не желаютъ согласовать съ волею Отца Небеснаго ни мысли свои, ни чувства, ни жизнь; которые не принимаютъ Христа, думаютъ, чувствуютъ и живутъ такъ, какъ бы Онъ и не приходилъ на землю;“ 3) эти христіане являются самыми опасными врагами христіанства, клевета на него всѣмъ складомъ, ума,

1) „Церковный Вѣстникъ“, № 30 1904 г.

2) „Богословск. Вѣстн.“, Январь 1905 г.

3) Н. Неплюевъ. Христіанское міровоззрѣніе.

всѣмъ характеромъ симпатій, всѣмъ строемъ жизни своей“¹⁾).

Къ великому несчастію, у насъ на святой православной Руси этотъ внутренній врагъ за послѣднее время слишкомъ усилился, и страшно дѣлается за судьбу родины.

Невольно хочется сказать, ужъ не къ намъ ли относятся слова Откровенія: „ты говоришь я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Откр. 3, 17). „Знаю,—говоритъ Господь,—твои дѣла; ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ... Вспомни, что ты принялъ и слышалъ, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя, какъ тать, и ты не узнаешь, въ который часъ найду на тебя“ (Откр. ст. 1 и 3).

Чувствуется, что этотъ часъ посѣщенія Господня уже приближается. Господь видимо, уже наказываетъ насъ. Довольно же искушать долготерпѣніе Божіе! Востанемъ отъ сна грѣховнаго и посѣщимъ къ Отцу Небесному со слезами покаянія! „Согрѣшихомъ,—скажемъ Ему,—беззаконовахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою, ниже сотворихомъ, ниже соблюдохомъ, якоже заповѣдалъ еси намъ, но не предаждь насъ до конца, Отцевъ Боже!“

Вотъ съ чего намъ нужно начать, истинные сыны Россіи, искренно скорбящіе о несчастіи родины.—Начнемъ съ покаянія и самоосужденія,—и спасена будетъ многострадальная родина наша.

По грѣхамъ нашимъ воздалъ намъ Господь. Мѣра беззаконій нашихъ исполнилась, и минувшій тяжелый годъ былъ неизбѣжнымъ, заслуженнымъ возмездіемъ, историческимъ воздаяніемъ за наши общіе тяжелые грѣхи.

Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ,
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.

¹⁾ Тамъ же.

Нѣтъ! Этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами,
 Онъ сросся съ вашими сердцами,—
 Сердцами, мертвыми къ любви.
 Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
 За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
 За пьянство бѣшеныхъ страстей,
 За слѣпоту, за злодѣянья,
 За сонъ умовъ, за хладъ сердець,
 За гордость темнаго незнанья,
 За плѣнь народа; наконецъ,
 За то, что, полные томленья,
 Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
 Пошли просить вы исцѣленья
 Не у Того, въ Его-жь рукѣ
 И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
 И огонь любви, и свѣтъ умовъ,—
 Но у бездушнаго кумира—
 У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!..
 За всѣ бѣды роднаго края,
 Предъ Богомъ благости и силъ,
 Молитесь, плача и рыдая,
 Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ".

Итакъ, стремленіе къ самоусовершенствованію мы должны начать смиреннымъ самоосужденіемъ, такъ какъ это начало является общимъ принципомъ нравственнаго возвышенія человѣка. Самоосужденіе, какъ фактъ внутренней жизни человѣка, не позволяетъ переносить свою виновность на другихъ, на среду, на ненормальность устройства общества съ отрицаніемъ отвѣтственности за преступленія, но заставляя ихъ даже проникаться виновностію другихъ, какъ своею, видѣть въ ней свое участіе.) Ставя себя въ живую связь съ окружающей средой, человѣкъ долженъ сознавать, что онъ самъ неминуемо оказываетъ то или другое, но постоянное и неуловимое часто воздѣйствіе на эту среду. „Вотъ ты,—говорить Достоевскій,—прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злоб-

ный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвной душой; ты не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты ужъ тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй,—а все потому, что не уберется предъ дитятей... Все, какъ море-океанъ, все течетъ и соприкасается; въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается¹⁾. Оказывая такое воздѣйствіе на среду, на окружающихъ людей, человѣкъ, по взгляду Достоевскаго, долженъ сознавать себя отвѣтственнымъ и за среду и за дѣянія людей, составляющихъ среду. Здѣсь-то и находить мѣсто афоризмъ старца Зосимы: „всѣ во всемъ и предъ всѣми виноваты“²⁾.

Да, дѣйствительно, всѣ во всемъ виноваты... И кто можетъ сказать, что онъ совершенно не причастенъ страданію родины? Кто можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ ничего не принесъ отъ себя въ общую сумму нравственнаго упадка и разложенія своей родины, не содѣйствовалъ прямо или косвенно ея усыпленію?

Не всѣ, конечно, одинаково въ этомъ виноваты, но каждый по мѣрѣ участія своего въ общественной жизни: одинъ больше, другой меньше. Къ сожалѣнію, большинство въ настоящее время слишкомъ далеко отъ самоосужденія и считаетъ себя въ правѣ „разносить“ все и всѣхъ, только не себя. Этимъ отличается въ особенности наша молодежь, искренняя и благородная, но цорывистая и увлекающаяся, и потому хватающая часто черезъ край въ своихъ опрометчивыхъ и поверхностныхъ сужденіяхъ. Себя-то она ужъ никакъ не винить, но съ ожесточеніемъ указываетъ на тѣхъ, кто постарше, сваливая всю вину на нихъ.

Такъ было всегда, такъ есть и теперь. Было также всегда и то, что искренно возмущавшіеся беззаконіями дру-

¹⁾ Достоевскій, т. XII, стр. 380.

²⁾ Тамъ же, „Братья Карамазовы“.

гихъ когда становились на ихъ мѣстѣ, творили такія же беззаконія, если даже не большія. Пока были малы,—и зло, приносимое ими, было не велико; а заняли постъ поотвѣтственнѣе и выше,—и зла стали приносить больше.

Поэтому, сваливаніе вины съ себя не полезно намъ, не поможетъ оно горю нашему. Да это и не въ характерѣ истинно-русскаго человѣка, который, по мнѣнію большого знатока русской души—Достоевскаго, сознавая себя виновнымъ за свои грѣхи, сознаетъ также себя отвѣтственнымъ и за грѣхи другихъ. Онъ, напр., называетъ преступниковъ „несчастными“, говоря этимъ названіемъ какъ бы такъ: „вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы лучше,—можетъ быть, и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе“ ¹⁾.

Сознавая себя виновнымъ не только за себя и за свои преступленія и грѣхи, но и за грѣхи другихъ, русскій человѣкъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, способенъ къ самоисправленію, къ самоотверженной любви для ближнихъ. Въ величавомъ образѣ „Власа“ Достоевскій показалъ намъ, съ какою стремительностію, съ какою силою покаянія и жаждою страданія русскій человѣкъ можетъ отдаться самоисправленію. Почувствовавши свою вину, осудивши свою прежнюю грѣховную жизнь, онъ бросаетъ все и идетъ работать для Бога.

Сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла ²⁾. О, если бы и мы, граждане Россіи, въ эти покаянные дни, глубоко почувствовавъ свою вину предъ родиной и простивъ другъ другу согрѣшенія, устремили свои силы также на дѣло Божіе, на созиданіе царства Божія въ родной землѣ! Здѣсь всѣмъ работа пайдется,—и великая работа. Здѣсь много мѣста, много простора благородному соревнованію. Пусть же здѣсь всякій,

¹⁾ Достоевскій, т. IX, стр. 183.

²⁾ Достоевскій. Дневникъ писателя. V. Власть.

причисляющій себя къ передовому классу, покажетъ себя таковымъ на дѣлѣ.

Смиримся же, други; въ паденьи своемъ
Повинны мы всѣ безъ изъятя.

Прощенье другъ другу—и честно пойдемъ
Путемъ покаянія, братья!

Встань же, Россія! родная, встань

На трудъ трисвятой обновленья,

На честную битву, на славную брань,—

Настала пора пробужденья.

Кто-бъ ни былъ ты—воинъ, купецъ, селянинъ,

Художникъ, судья, воевода,—

Въ комъ русское сердце, кто родинѣ—сынъ,

Кому дорога честь народа!

Востанемте дружно, забывъ о себѣ,

На общую потребу спасенья;

Всѣмъ дѣло найдется въ суровой борьбѣ,

Въ работѣ святой возрожденья! ¹⁾

Итакъ, на путь духовно-нравственнаго совершенства! Это единственно умѣстная и цѣлесообразная программа культурнаго обновленія и переустройства русской жизни.

„Сплотимся же предъ престоломъ Русскаго Царя дружной семьей и вмѣстѣ съ нимъ начнемъ энергичную, созидательно-плодотворную, мирно-христіанскую борьбу съ проявленіемъ невѣжества, нравственно-религіознаго одичанія (основной причиной всѣхъ нашихъ бѣдъ). Тѣмъ болѣе, что и самый моментъ для этой борьбы теперь самый удобный, именно теперь, когда оглушительный ревъ японскихъ пушекъ всколыхнулъ русскій народъ, вывелъ его изъ сладкой дремоты самообольщенія и поставилъ лицомъ къ лицу съ *пошлостью* обыденной реальной жизни“.

Встань же, Россія! родная, встань!... О родина святая! Какъ хочется вѣрить, что нынѣшняя печаль твоя будетъ къ

¹⁾ Розенгеймъ.

радости!.. „Подобно отдѣльнымъ людямъ, — говоритъ Смайльсъ, — и націи очищаются и укрѣпляются испытаніями. Къ числу наиболѣе славныхъ страницъ въ исторіи какого-нибудь народа принадлежать тѣ, гдѣ описаны страданія, благодаря которымъ развился народный характеръ. Любовь къ свободѣ и отечеству, конечно, совершила многое, но благородно перенесенныя страданія и испытанія сдѣлали еще больше“ ¹⁾. Пусть и твои, родина, тяжелыя страданія будутъ благородно перенесены сынами твоими, послужатъ къ твоему обновленію и принесутъ тебѣ неисчислимыя блага.

Если доблестнымъ героямъ Портъ-Артура въ тяжелыя минуты испытаній мѣсяць засчитанъ за годъ, то тебѣ, многострадальная родина, въ это несчастное для тебя время, засчитается день за годъ. И скажешь ты скоро: „какъ мало прожито, и какъ много пережито!“... Слезами омоешься и въ родной крови очистишь совѣсть твою предъ Господомъ и, вставъ отъ сна грѣховнаго, пойдешь, возрожденная новыми путями. Вѣдь не напрасно же именуешься ты святою! Въ этомъ имени сказывается твой идеаль (къ несчастью, забытый тобою). Встань же и иди этимъ новымъ путемъ, путемъ исканія царства Божія и правды Его, — и все прочее приложится тебѣ.

Если это будетъ такъ, то тебя ждетъ великое будущее. И не нужно быть пророкомъ, чтобы согласиться съ Достоевскимъ, предназначавшимъ тебѣ занять міровое положеніе въ исторіи. „Будущее Европы, — говорилъ онъ, — принадлежитъ Россіи“. „И возсіяетъ міру народъ нашъ, и скажутъ всѣ люди: „камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла“. И свѣтъ возсіялъ снизу“ ²⁾.

Это будущее предназначеніе Россіи Достоевскій понималъ въ томъ смыслѣ, что она среди другихъ народовъ, гдѣ „каждая народная личность живетъ для себя и въ себя“,

¹⁾ С. Смайльсъ. Характеръ, стр. 32.

²⁾ Т. XI, стр. 498. т. X, стр. 153.

будетъ способствовать окончательному единенію человѣчества и послужить орудіемъ осуществленія царства Божія на землѣ. Неустанная жажда, инстинктъ всенароднаго братскаго единенія во Христѣ безсознательно живутъ въ сердцѣ многомилліоннаго русскаго народа. Это своего рода социализмъ, но „русскій социализмъ“. Поэтому, Россіи предназначено изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону“¹⁾.

Но такую будущность Россіи можетъ создать лишь личность, возрожденная въ духѣ Христовой любви.

Отсюда и начнемъ, друзья Россіи!. Пусть каждый вѣрный сынъ родины, кто бы онъ ни былъ, какой бы постъ ни занималъ, — всякій — отъ простолюдина до верховнаго сановника, — оглянувшись на небезупречное дѣланіе свое на нивѣ Божьей, скажетъ искренно предъ Господомъ, какъ нѣкогда мытарь Закхей: „Господи, если кого обидѣлъ, четверицею воздамъ!..“ Если нерадѣніемъ о своемъ долгѣ, небрежнымъ и неаккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей лишалъ ближнихъ моихъ той пользы, какой они въ правѣ были ожидать отъ меня, то отнынѣ учетверю мою энергію и самоотверженно поработаю на пользу моихъ братьевъ!.. Пусть скажетъ такъ и сдѣлаетъ такъ, — и тогда родная страна наша услышитъ милостивыя слова Господа: „днесь спасеніе дому сему“...

Архимандритъ *Димитрій*.

Нашъ долгъ къ павшимъ героямъ.

„Я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли... И даны были каждому изъ нихъ одежды бѣлыя, и сказано имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и

¹⁾ Т. XI, стр. 470.

братья ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, дополнять число“ (Апок. 6, 9, 11). Такъ награждаетъ Божественный Агнецъ, Страдалецъ-Христосъ, въ вѣчномъ царствѣ Своемъ тѣхъ, которые, подобно Ему, отъ полноты любви, положили животъ свой за славу имени Божія. Прекрасенъ этотъ неувядаемый „вѣнецъ правды“, *егоже воздастъ Господь въ день онъ Праведный Судія всѣмъ*, „возлюбившимъ до конца“ *други своя*. За самоотверженно пролитую кровь они будутъ украшены „бѣлыми одеждами“ вѣчной славы; за подвиги и труды имъ уготовано вѣчное успокоеніе и высшая степень награды; за ужасы, муки и смерть—непрестоящая, полная неизъяснимаго свѣта и блаженства жизнь въ селеніяхъ небесныхъ.

Безконечно велико число этихъ чистыхъ мучениковъ за истину Христову. По словамъ великаго Тайновидца, „людей, стоящихъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, такое множество, что никто не можетъ перечестъ“ (Апок. 7, 9). Но, очевидно, и этого громаднаго количества жертвъ еще недостаточно для духа злобы, непрестанно съ рыканіемъ ищущаго, кого поглотить; очевидно, не насталъ еще мигъ „Владыкѣ святому и истинному судить и мстить живущимъ на землѣ за пролитую ими кровь“ (Апок. 6, 10). И вотъ, пока „сотрудники и братія бѣенныхъ за Слово Божіе, которые будутъ убиты, какъ они, не дополняютъ число“ (ст. 11), снова на Дальнемъ Востокѣ льются потоки невинной страдальческой крови; снова появляются многочисленныя сонмы мучениковъ за вѣру, цари и отечество; снова предъ жертвенникомъ и Агнцемъ толпятся „души убіенныхъ за Слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли“, громкимъ голосомъ взывая: „доколѣ, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу?“ (Апок. 6, 10).

Возвышенны и прекрасны эти скромныя герои-страстотерницы, горячая кровь которыхъ въ изобиліи оросила неприступныя твердыни Портъ-Артура, страдальческіе стоны которыхъ раздаются въ горахъ Кореи, разносятся по долинамъ

Манчжурія, сливаются съ шумомъ волнъ, заглушая грохотъ пушекъ и кликъ враговъ! Это—въ полномъ смыслѣ священныя жертвы святой ревности по вѣрѣ; это—великіе подвижники духа; это—достоинные потомки славныхъ предковъ, которые такъ же мужественно и непоколебимо исходили на брань противъ иноплеменниковъ—за вѣру православную, за святую землю Русскую, за Самодержавнаго Батюшку—Царя; это—незабвенные сыны отечества, которыми въ правѣ гордиться Россія! Брань, въ которой проливаютъ они рѣки собственной крови, есть продолженіе той неумолкаемой *священной* брани, которую искони ведетъ начало добра съ источникомъ зла, которую вели когда-то и ихъ витязи—дѣды, сподвижники Дмитрія и Иоанна, сокрушившіе царство монголовъ и татаръ. Ибо кто ополчается на насъ?—*Невѣрные японцы, тѣ же монголы*, враги креста Христова, гонители христіанъ, поругатели чести и славы Россіи, которые такъ долго *держали уже въ рабствѣ* нашу родную Русь въ памятную эпоху татарскаго ига. Для чего ополчается?—Для *утвержденія и расширенія* своего нечестиваго *суевѣрія*, своего кровожаднаго *владычества* надъ христіанами, своего сластолюбиваго и развратнаго тиранства. Съ другой стороны, для чего ополчились мы?—Не для выгодъ житейскихъ, не изъ честолюбія и корыстолюбія, но за *честь* своей коварно и *незаслуженно* оскорбленной матери—родины; за братію нашу; за *родную* землю нашу, которую *Самъ Господь* далъ намъ въ наслѣдіе, за которую *умирали* отцы и дѣды наши, которая *омыта слезами и потомъ* нашихъ соотечественниковъ, которая устроена *трудами и подвигами* нашихъ правителей и начальниковъ, и о присвоеніи которой мечтаютъ желтолицыя противники наши; за души наши, за сохраненіе жизни *матерей* нашихъ, за *честь женъ и сестеръ* нашихъ, за *старцевъ и дѣтей* нашихъ, за *достояніе* наше, которымъ хочетъ *овладѣть* жадный врагъ нашъ. Давно уже съ завистію и злобой посматриваетъ онъ на необозримыя пространства нашего обширнаго отечества, и *кажда* *наживы* наполняетъ его чуждое истины Христовой

сердце. И „вотъ теперь,—по слову Писанія,—сіи грядуть къ намъ во множествѣ укоризны и беззаконія, еже исторгнути насъ и взяти корысти наши“. Но напрасно эти новыя пришельцы дальняго острова, прошедши море и сушу, стремятся къ предѣламъ нашего отечества, чтобы отнять что-либо изъ родного достоянія нашего. Наши храбрыя защитники, тысячами умирающіе въ далекомъ краю, показываютъ и еще нагляднѣе покажутъ жаднымъ пришельцамъ, что земля Русская не золотомъ и драгоцѣнностями, а желѣзомъ и кровію расплачивается со своими врагами. Ихъ мощныя руки неутомимо разятъ враговъ Россіи. И скоро—глубоко вѣримъ—настанетъ тотъ часъ, когда этотъ новый грозный для Европы призракъ, покушавшійся унизить драгоцѣнную честь нашей родины, подъ напоромъ мощной силы нашего христолюбиваго воинства, разсѣется такъ же внезапно, какъ внезапно явился. И за тѣ дни мира и благоденствія, которые настанутъ послѣ этого, равно какъ и за нынѣшнія спокойствіе и безопасность мы будемъ обязаны исключительно безвѣстнымъ скромнымъ воинамъ нашимъ, которые съ любовью умираютъ за насъ на дальнихъ поляхъ Востока.

Нѣтъ сомнѣнія, что любовь Отца Небеснаго увѣнчиваетъ неувыдаемою славою на небесахъ ихъ самоотверженное служеніе родинѣ, царю и Церкви и оцѣнить по достоинству ихъ святой подвигъ, принявъ въ жертву благопріятную ихъ страдальческую кровь, пролитую ради Него и евангельской правды. Но и мы не должны безучастно относиться къ великимъ страдальцамъ русской славы. Нашъ *прямой* долгъ, наша *непремѣнная* обязанность—по возможности воздать имъ за ихъ страданія и смерть *по достоинству*. И язычники благотворятъ благотворящимъ имъ. А мы—христіане, носители завѣтовъ пострадавшаго за насъ Богочеловѣка. Мы ли забудемъ пролитую за насъ братскую кровь? Намъ ли не отозваться сердцемъ на тѣ вопли и стоны, которыми полна нынѣ земля родная?—Это было бы не достойно христіанина и позорно для русскаго имени! Сплотимся же всѣ воедино, составимъ хоть

на время *едино сердце* и единъ духъ и отъ глубины этого всенароднаго сердца, этого неизмѣримо могучаго духа принесемъ умирающимъ за насъ собратьямъ достойный ихъ высокой любви даръ. Они принесли намъ въ жертву свою самоотверженную любовь,—отплатимъ и мы имъ любовію. Они умираютъ за насъ, за нашихъ женъ и дѣтей, за нашихъ отцовъ, братьевъ и сестеръ,—отплатимъ и мы святою безкорыстною любовію ихъ осиротѣлымъ дѣтямъ и женамъ, ихъ плачущимъ отцамъ, матерямъ и сестрамъ. Пожертвуемъ, чѣмъ можемъ: кто личнымъ трудомъ, кто деньгами и имуществомъ, кто лаской, совѣтомъ и утѣшеніемъ—для ихъ благосостоянія; отремъ слезы ихъ близкихъ и родныхъ; дадимъ имъ все необходимое для спокойнаго и безбѣднаго существованія, на которое они получили законное право отъ своихъ погибшихъ за насъ дѣтей, отцовъ и супруговъ!..

Но не всѣ могутъ помочь семьямъ павшихъ героевъ матеріально, такъ какъ не у всѣхъ есть избытокъ, а у многихъ нѣтъ очень часто и самаго необходимаго. Не унывайте. однако, неимущіе! Ободритесь и вы, съ плачемъ питіе свое растворяющіе! Есть и у васъ средство помочь героямъ—сильное и могущественное средство. Это средство, доступное для *всѣхъ*, есть святая горячая молитва, христіанское поминовеніе ихъ предъ Богомъ. И блаженъ, кто принесетъ свою молитвенную лепту въ храмъ Божій на святое дѣло ублаженія памяти героевъ, кто вплететъ и свой молитвенный цвѣтокъ въ этотъ благоуханный вѣнокъ на ихъ далекую могилу! Немного надо средствъ для того, чтобы подать въ каждый праздничный день на литургіи за упокой павшихъ за насъ на полѣ брани христіанскихъ воиновъ нашихъ. Но безконечно велика польза отъ этого. „Молитва церковная,—по словамъ архіеп. Херсонскаго Димитрія,—есть такая всемогущая сила, которая не воспящается и не удерживается ничѣмъ, достигаетъ всего, чего просить. Она проходитъ небеса, восходитъ къ самому престолу Вседержителя, нисходитъ даже до безднъ ада и изводитъ оттуда узниковъ въ свободу славы чадъ Бо-

жїихъ. Ибо она приносится Отцу Небесному во имя Единороднаго Сына Его—предъ страшною жертвою, принесенною Имъ за грѣхи всего міра“.

Есть, конечно, много различныхъ способовъ чтить память усопшихъ: одни ставятъ богатые памятники, украшаютъ гробы и могилы дорогими вѣнками, осыпаютъ благоуханными цвѣтами; другіе произносятъ похвальные рѣчи, устраиваютъ торжественныя засѣданія; иныя создаютъ въ честь ихъ разнаго рода учрежденія, открываютъ стипендіи и пр. Но все это устраивается не для почившихъ. Это въ сущности *живые* заботятся о *живыхъ*. Предъ умершими „разсыпьте хоть всѣ сокровища міра,—померкшій взоръ ихъ не обрадуется видѣннымъ; окружите гробы ихъ всѣми звуками веселія и радостей или же самыми горькими рыданіями,—но никакіе лики и тимпаны не усладятъ сердца, переставшаго биться земною жизнію, ни самыя льстивыя рѣчи и горькія рыданія не потрясутъ слуха, закрывшагося для всего земнаго“. Мы, христіане, не можемъ и не должны ограничиваться только этими способами чествованія. Это прилично лишь азычникамъ, не имущимъ упованія. Мы вѣруемъ, что почившіе братья наши, послѣ смерти тѣла, живутъ на небѣ духомъ, что смерть есть лишь переходъ въ иную жизнь, которая продлится безконечно. Поэтому, провожая своихъ почившихъ въ далекій путь къ небесному отечеству, мы всѣ заботы свои должны направить къ тому, чтобы это небесное отечество было для нихъ мѣстомъ блаженнаго упокоенія, странною свѣта и радости. Этой свѣтлой блаженной жизни за гробомъ удостоится всѣ тѣ, которые, живя въ тѣлѣ, *подвигомъ добрымъ подвизались*; они, при послѣдней трубѣ, *изыдутъ въ воскресеніе живота*. Тѣ же, которые въ тѣлѣ работали міру и его стихіямъ, *изыдутъ въ воскресеніе суда*: будутъ подвергнуты безконечнымъ мученіямъ вмѣстѣ съ діаволомъ и служителями его. Но кто можетъ съ увѣренностію сказать, что наши почившіе герои жили такъ, какъ требуетъ отъ насъ Христосъ? Что, если смерть застала ихъ на распутіи, если они оказались неготовыми къ вѣчной

жизни? Неужели же мы допустимъ ихъ, кромѣ смерти тѣлесной за насъ, подвергнуться и смерти духовной въ отчужденіи отъ Бога, источника радости и блаженства?—Нѣтъ,—мы должны употребить всѣ усилія, чтобы по возможности облегчить состояніе умершихъ. Въ этомъ помогутъ намъ сами усопшіе, которые, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ, по выраженію св. Іоанна Дамаскина, „закваску добродѣтели, но не успѣли ее превратить въ хлѣбъ“. Этому „превращенію въ хлѣбъ закваски добродѣтели“ и обязаны помочь мы. Вѣру въ возможность этой помощи воспитываетъ въ насъ Церковь, когда учитъ, что души людей, впадшихъ въ грѣхи и при смерти не отчаявшихся, но до разлученія съ тѣломъ покаившихся, только не успѣвшихъ принести плодовъ покаянія, не лишаются надежды облегченія“ отъ наказанія за сдѣланные ими грѣхи (Послан. вост. патр. о вѣрѣ, членъ 18-й). Облегченіе подается чрезъ благотворенія, совершаемыя живыми за усопшихъ, чрезъ молитвы частныя—домашнія, но особенно чрезъ молитвы церковныя, соединенныя съ приношеніемъ безкровной жертвы Тѣла и Крови Христовыхъ, или поминовеніе усопшихъ за литургіей.

Пусть же души всѣхъ живущихъ православныхъ сыновъ Россіи, въ горячей молитвѣ къ Богу, сольются любовію во единъ духъ съ душами усопшихъ героевъ, согрѣются и оживятся, какъ члены одного и того же духовно-таинственнаго тѣла Христова, одною вѣрою, однимъ упованіемъ, однимъ желаніемъ и надеждою спасенія во Христѣ Іисусѣ! Пусть съ искреннимъ и горячимъ чувствомъ благодарности повергнутся предъ Владыкою и Господомъ живыхъ и мертвыхъ и будутъ умолять Его о помилованіи и прощеніи грѣховъ почившихъ, о принятіи ихъ въ отеческое лоно любви и милосердія Своего. И тогда тамъ, въ надзвѣздныхъ краяхъ, въ свѣтлыхъ обителяхъ любящаго и милосердаго Бога, наши ушедшіе отъ насъ герои—мученики почувствуютъ живительную теплоту нашего любовнаго къ нимъ участія, и ихъ изстрадавшіяся сердца озарятся свѣтомъ радости и утѣшенія! Дай, Боже, силу молитвамъ нашимъ и упокой души рабовъ Твоихъ! „Если они,

развлекаемые многочисленными трудами на пользу отечества, не успѣли очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, то пріими въ возмездіе за сіе ту кровь, которую они пролили за святую Церковь Твою и за благо своихъ соотечественниковъ, или паче покрой всѣ недостатки ихъ всеизглаждающею Кровію Единороднаго Сына Твоего, по образу Коего они положили души свои за братію свою!“ (Инокент., т. 12, 108).

К. Перевозчиковъ.

Доброе постановленіе.

Въ № 6-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ приводится содержаніе пастырскихъ бесѣдъ преосв. Стефана, еп. Могилевскаго, съ о.о. благочинными Могилевской епархіи. Изъ ряда высказанныхъ на этихъ бесѣдахъ постановленій и пожеланій,—въ общемъ—не новыхъ и затронутыхъ уже въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ,—мы желали-бы обратить вниманіе читателей на постановку вопроса о погребеніи умершихъ. Рѣшеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, предложено самое правильное, вполне отвѣчающее сути дѣла.

Отпѣваніе умершихъ имѣетъ очень важное значеніе и для умершихъ и для живыхъ: будучи послѣднимъ напутственнымъ молитвословіемъ со стороны Церкви въ отношеніи къ умершему, чинъ погребенія своими трогательными пѣснопѣніями утѣшаетъ живыхъ, обращаетъ и направляетъ скорбь ихъ къ Богу. Обращаясь къ тому, какъ совершается погребеніе въ Бѣлоруссіи, преосв. Стефанъ находитъ здѣсь нѣкоторыя непорядки и нестроенія, къ слову сказать—распространенныя во всей Россіи. Отпѣваніе умершихъ въ Бѣлоруссіи (да и тамъ ли только?!) совершается рѣдко въ церкви, а больше на-дому; въ такихъ случаяхъ оно обыкновенно дома только начинается, а продолжается и оканчивается по дорогѣ къ кладбищу. На-ходу, особенно во время вѣтра, дождя, зимняго холода, чтеніе и пѣніе, несомнѣнно, теряютъ качественно

и количественно и не могут уже производить должнаго впечатлѣнія на лицъ, сопровождающихъ гробъ почившаго. Въ обычной въ Бѣлоруссіи практикѣ отъ священника требуется не столько надлежащее, по чину, отпѣваніе, сколько проводы покойника на кладбище, какъ бы далеко оно ни было, и какъ бы плоха ни была погода и дорога къ кладбищу.

Къ тому, что совершается въ Бѣлоруссіи, считаемъ нужнымъ присоединить практику другихъ епархій. Во многихъ епархіяхъ и отдѣльныхъ приходахъ вошло въ практику, чтобы священникъ провожалъ покойника изъ дому сначала въ церковь (это называется „поднять“ покойника), а затѣмъ, по отпѣваніи, изъ храма на кладбище; при этомъ случается, что священникъ идетъ одной и той же дорогой дважды, если, предположимъ, почившій жилъ близко возлѣ кладбища. Во многихъ приходахъ на такіе проводы смотрять, какъ на нѣчто самое главное и для священника *обязательное* въ высшей степени, отъ чего онъ отказаться не можетъ. Для такой обязательности проводовъ покойниковъ есть, впрочемъ, нѣкоторое основаніе и въ нашихъ церковно-гражданскихъ законахъ; по указу 1-го мая 1747 года, „тѣла умершихъ должны быть провожаемы священниками изъ домовъ ихъ до могилы“¹⁾. Указъ этотъ и доселѣ не утерялъ своей силы и значенія. Вообще о проводяхъ покойниковъ можно сказать, что это—одна изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей священниковъ, особенно въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ обычай провожать покойниковъ имѣетъ характеръ закона, обязательства, отъ котораго священникъ отказаться не можетъ. Въ среднемъ приходѣ ежегодно умираетъ не менѣе 70—100 душъ; значить, 70—100 дней священникъ проводитъ въ хожденіи съ покойниками, т. е. почти $\frac{1}{4}$ своей дѣятельности посвящаетъ этому дѣлу. Но есть приходы многолюдные, гдѣ умершихъ въ годъ бываетъ 200 и болѣе челоувѣкъ; есть, затѣмъ, приходы съ

¹⁾ Практич. руководство для священнослужителей П. Нечаева, стр. 290.

приселками, гдѣ кладбище отстоитъ отъ храма очень далеко. На проводы покойника священникъ въ такихъ случаяхъ часто затрачиваетъ 2, 3 и болѣе часа, послѣ чего онъ, конечно, долженъ еще отдохнуть; итакъ, терается почти полдня¹⁾,—а вѣдь отъ священника требуется, чтобы онъ всюду успѣлъ, всегда былъ на своемъ посту, чтобы онъ не забывалъ и живыхъ, проповѣдывалъ, занимался въ школѣ, не отстаивалъ отъ жизни, много читалъ. И еще великое было бы утѣшеніе, если бы прихожане по-настоящему цѣнили трудъ священника, его молитву за умершаго, а то вѣдь нѣтъ: часто требуютъ, чтобы священникъ на каждомъ перекресткѣ читалъ евангеліе, совершалъ литію, а въ это время сопровождающіе покойника преспокойно ведутъ бесѣду о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Для простыхъ, духовно не развитыхъ прихожанъ важно соблюсти обрядъ, а въ чемъ его суть, каково его содержаніе,—въ это они совершенно не вникаютъ. Тяжелое, мучительное состояніе! Никому не вѣдомо, сколько нравственной пытки приходится выносить при этомъ священнику, сколько нравственныхъ мученій испытываетъ онъ при исполненіи этой требы! Нельзя, поэтому, не выразить глубокой благодарности преосв. Стефану и благочиннымъ его епархіи за то, что они не только коснулись этого вопроса, но вмѣстѣ съ тѣмъ правильно его рѣшили.

Духовенство Могилевской епархіи, съ преосв. Стефаномъ во главѣ, сдѣлало попытку, прежде всего, ввести однообразіе въ совершеніе этой требы. Практика этой требы на Руси — самая разнообразная. Въ однихъ мѣстахъ (всего больше въ городахъ) покойника обыкновенно приносятъ въ церковь; здѣсь священникъ совершаетъ отпѣваніе умершаго, а затѣмъ, его доброй волѣ предоставляется—или же проводить покойника на кладбище, или же „запечатать“ его въ церкви. Въ другихъ епархіяхъ прихожане самымъ главнымъ считаютъ

¹⁾ Не рѣдки случаи, что священнику въ одинъ день приходится похоронить двухъ, а то и трехъ покойниковъ.

„поднять“ покойника, т. е. священникъ долженъ явиться въ домъ почившаго и проводить умершаго въ церковь, гдѣ и совершается отпѣваніе. Въ третьихъ приходахъ отпѣваніе совершается на-дому, и прямо изъ дому священникъ провожаетъ покойника на кладбище, при чемъ самый чинъ погребенія совершается или же на-дому, или же по дорогѣ къ кладбищу. Въ виду такого разнообразія, и важно постановленіе духовенства Могилевской епархіи, пытающееся ввести однообразіе практики. Оно постановило „располагать прихожанъ, согласно съ требованіемъ и каноническихъ и гражданскихъ законовъ, приносить или привозить покойника во храмъ“, т. е. въ то мѣсто, гдѣ онъ, живой, получалъ всеосвящающую благодать таинствъ, утѣшеніе въ скорбяхъ,—въ то мѣсто, которое созидалось и украшалось его трудовымъ грошемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда внось покойника въ храмъ опасенъ или затруднителенъ, вслѣдствіе отдаленности деревни отъ храма, плохого состоянія дорогъ, эпидемическихъ болѣзней, духовенствомъ Могилевской епархіи постановлено отпѣваніе почившихъ совершать или дома, или на кладбищѣ, у могилы, или, наконецъ, въ кладбищенскихъ часовняхъ. Особенно важно, на нашъ взглядъ, постановленіе духовенства Могилевской епархіи относительно проводовъ покойниковъ: „Въ уважительныхъ случаяхъ священники, совершившіе по достолюдиному чину отпѣваніе въ храмѣ или на-дому, *имѣютъ право, не подвергаясь никакой ответственности*, отказываться отъ проводовъ покойниковъ на кладбище, но они должны поступать въ этомъ случаѣ съ тактомъ, руководствуясь пастырскою любовію и состраданіемъ къ горю родственниковъ почившаго“. Такое постановленіе, вошедшее въ силу въ столичныхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, представляетъ большой шагъ впередъ, и, несомнѣнно, за него скажутъ большое спасибо многотрудящіеся сельскіе пастыри. Остается пожелать, чтобы постановленіе Могилевскаго духовенства приобрѣло силу и значеніе и для духовенства другихъ епархій. Такое постановленіе значительно облегчитъ трудъ духовенства, въ обязан-

ности котораго входитъ не только погребать умершихъ, но и трудиться для живыхъ, для живого дѣла.

Наконецъ, духовенство Могилевской епархіи осудило и еще одинъ обычай, не весьма распространенный, но все же имѣющій мѣсто въ нѣкоторыхъ епархіяхъ юго-западнаго края: это такъ называемый обычай „заглазнаго запечатанія могилъ“. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что покойниковъ, умершихъ въ деревняхъ и хуторахъ, отдаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ, прихожане хоронятъ сами, безъ отпѣванія священника. Чинъ погребенія въ такихъ случаяхъ совершается много спустя послѣ преданія землѣ тѣла усопшаго или на кладбищѣ, надъ могилой, или же въ приходскомъ храмѣ, *надъ горстью земли*, взятой съ могилы,—при чемъ совершается не въ формѣ полного чина, а въ видѣ краткой литіи. Осудивши этотъ обычай, не имѣющій себѣ основанія ни въ церковныхъ, ни въ гражданскихъ законахъ, духовенство Могилевской губ. постановило, совершенно прекратить этотъ обычай и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ совершить погребеніе надъ зарытой могилой, а не надъ горстью земли. Послѣднее постановленіе, помимо того, что оно уничтожаетъ нецерковный обычай, важно и въ томъ отношеніи, что допускаетъ отпѣваніе умершихъ на могилѣ.

Это допущеніе важно въ случаѣ эпидемическихъ заболѣваній въ селахъ, когда нужно хоронить умершихъ какъ можно скорѣе, избѣгая, притомъ, большого скопленія народа, и т. п.

Священникъ В. П.

Богословское образование въ Сербіи въ настоящее время.

До настоящаго времени въ Сербскомъ королевствѣ существуетъ лишь одно учебное заведеніе для приготовленія къ пастырскому служенію—это *Бѣлградская Богословія*, или, по-нашему, духовная семинарія *св. Саввы*. Хотя она существуетъ еще съ 1836 г. и въ теченіе почти 70 л. подвергалась не одинъ разъ реформамъ (особ. въ 1836 и 1896 г.), однако ее и теперь нельзя признать благоустроенной. По отчету о состояніи ея за учебный 1903—4 годъ, она состояла изъ 5 классовъ съ 12 наставниками, во главѣ съ ректоромъ, архимандритомъ Кирилломъ; учащихся въ ней было 177 человекъ: 42—дѣти священниковъ, 9—наставниковъ, 24—чиновниковъ, 50—купцовъ, 21—ремесленниковъ, 28—земледѣльцевъ и 3—„служителей“. Въ интернатѣ казеннокоштныхъ („благодѣяница“), было 78 и своекоштныхъ 99. При Богословіи имѣется „фондъ для бѣдныхъ богослововъ“, состоящій нынѣ изъ 21089 динаровъ (франковъ).—Неутѣшительную картину жизни воспитанниковъ рисуютъ отчеты воспитателя (инспектора) и врача Богословія за истекшій годъ. Зданіе, гдѣ живутъ учащіеся, по отзывамъ того и другого, безусловно вредно для здоровья молодежи. Вопросъ о *постройкѣ новаго зданія для Богословія* въ Бѣлградѣ, поднятый еще въ 1879 г., по словамъ „Гласника Пр. Церкви“ (св. 2), нынѣ близокъ уже къ разрѣшенію. Зданіе предполагается построить на мѣстѣ, принадлежащемъ Богословіи, сбоку церкви св. Саввы „на Савинцу“. Въ зданіи будетъ и домовая церковь. Между прочимъ, „Св. Архіерейскій Соборъ“ въ прошлогодней сессіи занялся обсужденіемъ вопроса объ устройствѣ *школы монашеской*, которая могла бы отвѣчать наиболѣе насущнымъ потребностямъ сербскихъ монастырей, а именно—извѣстной степенью богословскаго образованія поднимала бы духъ вѣры въ монашествѣ и въ то же время дѣлала бы его способнымъ къ раціональному веденію монастырскаго хозяйства. Въ виду этого, предпринято уже

составленіе проекта постройки монашеской школы, такъ чтобы она въ нынѣшнемъ году была уже и открыта. Къ участию въ этомъ дѣлѣ приглашено и министерство народной пользы („привреда“). Школу предполагается построить въ Студеницкомъ монастырѣ („Гл. Пр. Церкви“, св. 2).

Въ іюлѣ прошлаго года въ народную скупщину поступилъ отъ министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ проектъ закона объ *университетѣ въ Сербіи*. 19-го іюля этотъ проектъ, наконецъ, принятъ скупщиной. Въ проектѣ имѣется въ виду учрежденіе *богословскаго факультета*. Въ объясненіи по этому предмету скупщинѣ министръ склонялся болѣе къ учрежденію *духовной академіи*, вмѣсто факультета, что встрѣчено было неодобреніемъ въ журналистикѣ. По этому же поводу состоялось и два собранія профессоровъ и кандидатовъ богословія; на собраніяхъ было признано, что богословскій факультетъ въ Сербіи гораздо полезнѣе духовной академіи. „Гласникъ Пр. Церкви“ (св. 2) совѣтуетъ и министру просвѣщенія имѣть въ виду, что дух. академія вообще есть католическое учрежденіе, съ задачей ограничивать свободу преподаванія болѣе, чѣмъ того требуетъ *regula fidei*, и что она, какъ интернатъ, съ большою корпораціею профессоровъ, не возможна въ Сербіи уже потому, что весьма дорого обойдется.

Къ Богу.

Какъ часто, жизнью истомленный,
 Я слышалъ, Боже, голосъ Твой:
 „Приди ко Мнѣ, обремененный,—
 Я дамъ душѣ твоей покой!
 Я укажу тебѣ путь правый,
 Наставлю въ истинѣ Моей.
 Чгобъ духъ сомнѣнія лукавый
 Не омрачалъ души твоей..“
 Ты звалъ меня, Господь Предвѣчный,
 И миръ и счастье обѣщаль;
 Но я, въ грѣховности безпечной,
 Твоимъ призывамъ не внималъ.
 Теперь я самъ къ Тебѣ взываю
 Въ тоскѣ безвыходной своей:
 „Спаси меня!—я погибаю
 Средь моря бурнаго страстей!..“

Ал. Осинскій.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го Мая 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Авд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года мая 22-го дня.

Содержаніе: Нужны ли церковно-приходскія больницы?—Какъ подготовить приходъ къ возможнымъ въ будущемъ реформамъ церковно-приходской жизни (окончаніе).—О псаломщикахъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ.—Вопль сельскаго приходскаго священника.

Нужны ли церковно-приходскія больницы?

Въ духовной и свѣтской періодической печати за послѣдніе годы стали появляться статьи, трактующія о необходимости расширенія филантропической дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ. Многіе склонны видѣть въ этомъ средство къ возрожденію прихода, къ сближенію членовъ его во взаимной дружной работѣ, къ объединенію идеаловъ ихъ и къ укрѣпленію взаимнаго довѣрія въ членахъ приходской общины... До нѣкоторой степени и мы склоняемся къ этому мнѣнію, но, смотря на дѣло не съ идеальной, а съ чисто практической точки зрѣнія, опасаемся, какъ бы при новыхъ порядкахъ доброе дѣло благотворительности не пострадало

еще больше, чѣмъ страдаетъ теперь, оказавшись совершенно непосильнымъ для большинства церковныхъ попечительствъ. Въ статьѣ своей: „Участіе церковно-приходскихъ попечительствъ въ устройствѣ и ремонтѣ причтовыхъ домовъ“¹⁾ мы уже высказывались по вопросу о приходской благотворительности; теперь разовьемъ свои мысли подробнѣе.

Почему благотворительность пока не играла роли въ дѣятельности попечительствъ, Богъ вѣсть. Вѣроятно, въ первое время благотворительность упустили изъ виду, желая удовлетворить, за недостаточностью средствъ, прежде всего хотя церковныя нужды, тѣмъ болѣе, что учрежденіе въ приходѣ больницы, богадѣльни, пріюта и проч. требуетъ и спеціальныхъ знаній, и упорныхъ трудовъ, и, главное, такихъ денежныхъ средствъ, что для небогатыхъ и среднихъ приходовъ за все это браться было бы дѣломъ довольно рискованнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ томъ, что предначертанія „Положенія о церковныхъ попечительствахъ“ оказались не приведенными въ исполненіе, виновато далеко не духовенство. Вѣдъ наравнѣ съ указанными пунктами забытымъ оказался и пунктъ „о томъ, чтобы приходское духовенство пользовалось всѣми предоставленными ему средствами содержанія, а въ случаяхъ недостатка сихъ средствъ, *объ изысканіи способовъ для увеличенія оныхъ*“. Вопросъ объ обезпеченіи содержаніемъ всего штатнаго духовенства (кромѣ просфоренъ), сколько намъ извѣстно, на собраніяхъ попечительствъ совсѣмъ даже не затрогивается. Нѣтъ, причиною неисполненія предписаній „Положенія“ служить, какъ намъ кажется, неясное разграниченіе въ немъ предметовъ болѣе важныхъ и менѣе важныхъ. Самимъ членамъ попечительства, въ большинствѣ случаевъ, трудно разобратъся въ массѣ разнородныхъ требованій и опредѣлить, чтѣ заслуживаетъ особенно ихъ вниманія, и на что прежде всего должны быть направлены ихъ заботы. Поэтому, нечего удивляться, что въ большинствѣ приходовъ взяли верхъ тѣ

¹⁾ См. „Руков. для Сед. Пастырей“ № 20-й за 1904 г., стр. 61—62.

пункты, за жизненность которыхъ часто высказывались причтъ съ церковнымъ старостой, и противъ которыхъ могли бы возражать развѣ одни отщепенцы прихода,—сектанты и старообрядцы, именно: „объ удовлетвореніи нуждъ приходской церкви“ и „объ устройствѣ домовъ для церковнаго причта“...

По 4-му пункту § 5-го „Положенія“, приходскія попечительства обязаны заботиться „объ изысканіи средствъ для учрежденія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній, устройство и завѣдываніе коими лежитъ также на обязанности попечительствъ“... Не трудно высказать такія требованія, но легко ли ихъ исполнить? Много ли найдется у насъ, во всей Россіи, такихъ состоятельныхъ попечительствъ, которыя могли бы устроить, а въ большинствѣ случаевъ и содержать: школу, больницу, богадѣльню, пріютъ и еще и *другія* благотворительныя заведенія? Вѣдь на все это нужны средства, и притомъ—крупныя... Гдѣ же нашимъ бѣднымъ поселянамъ найти ихъ?—Ясно, что требованія „Положенія“ непосильны для сельскихъ приходовъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены поговорить только о церковно-приходскихъ больницахъ, вопросъ объ учрежденіи которыхъ стоитъ, можно сказать, на очереди.

Учрежденіе больницъ иные готовы, кажется, поставить чуть не въ обязательство церковно-приходскимъ попечительствамъ. Идея—безусловно хорошая, но, по нашему мнѣнію, при наличности средствъ, какими владѣетъ приходъ, неосуществимая. Въ самомъ дѣлѣ, для больницы необходимо, прежде всего, подходящее помѣщеніе. Значить, попечительство должно или пріобрѣсть собственный домъ, или надолго обезпечиться квартирными деньгами, хотя бы въ формѣ вѣрнаго источника доходовъ. Вѣроятноѣ всего, пришлось бы строить собственный домъ, такъ какъ подходящую для больницы квартиру очень трудно найти въ селѣ. Затѣмъ, больницу нужно какъ слѣдуетъ оборудовать; нужно пріобрѣсть больничныя принадлежности, заготовить медикаменты, обзавестись хирургиче-

скими инструментами и пр. и пр. При больницѣ нужно имѣть постоянного врача или, по крайней мѣрѣ, правоспособнаго фельдшера. Кто-нибудь скажетъ: а духовенство—развѣ оно не могло бы исполнять обязанности фельдшера въ приходской больницѣ? Недаромъ вѣдь проектируютъ ввести медицину въ число учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ?—Но, во 1-хъ, еще когда-то духовенство научится лѣчить, а во 2-хъ, медицина въ духовныхъ семинаріяхъ никогда не можетъ проходиться, какъ спеціальнѣйшій предметъ, а лишь въ такомъ объемѣ и съ такимъ расчетомъ, чтобы члены причта были въ состояніи подавать своимъ прихожанамъ *первую* помощь при заболѣваніяхъ до прибытія врача. Но завѣдывать больницами, ставить діагнозъ сложныхъ болѣзней, выдавать всякія лѣкарства—на это нуженъ спеціалистъ. Когда будетъ во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ преподаваться медицина, тогда иные священники, быть можетъ, и сами попросятъ у мѣстныхъ попечительствъ завести имъ маленькія домашнія аптечки. Даже и сейчасъ мы знаемъ самоучекъ-лѣкарей священниковъ, которые, изъ любви къ дѣлу, лѣчатъ обращающихся къ нимъ прихожанъ на собственныя скудныя средства... И, надо сказать, народъ идетъ къ нимъ,—идетъ даже изъ чужихъ приходо-
довъ, довѣряя имъ иногда больше, чѣмъ инымъ земскимъ фельдшерамъ. Но, повторяемъ, врачебный трудъ для духовенства не долженъ быть обязательнымъ; онъ можетъ быть только добровольно принимаемымъ на себя, и притомъ—только людьми, имѣющими къ нему особое влеченіе и способность...

Если при церковно-приходской больницѣ необходимо, по меньшей мѣрѣ, знающій дѣло фельдшеръ,—то, значить, надо позаботиться и о квартирѣ для него; также ему надо платить болѣе или менѣе достаточное жалованье. Мало того,—фельдшера необходимо подчинить контролю врача. А гдѣ взять этого послѣдняго? Вѣдь, если и имѣется по близости какой-либо, напр., земскій, заводской или частный врачъ, то захочетъ ли онъ безвозмездно принять на себя трудъ завѣдыванія

лишнею церковно-приходскою больницей и рисковать нажать себѣ лишніе хлопоты и, можетъ быть, даже и неприятности?— Врядъ ли... Если же предложить ему вознагражденіе, то, понятно, оно тяжелымъ бременемъ ляжетъ на скудный бюджетъ попечительства. Врачъ, состоящій на службѣ, еще и не всегда можетъ взять на себя завѣдываніе церковно-приходской больницей, хотя бы лично даже онъ и сочувствовалъ доброму дѣлу. Онъ—человѣкъ подначальный. Ему могутъ не разрѣшить брать на себя постороннія обязанности, потому что послѣднія будутъ отвлекать его отъ прямыхъ обязанностей по ввѣренной ему больницѣ, при которой онъ служить. Мѣстная уѣздная земская управа или заводоуправленіе,—смотря потому, въ чемъ вѣдѣніи врачъ состоитъ,—просьбу одного—двухъ церковно-приходскихъ попечительствъ, быть можетъ, еще и удовлетворить; но если много приходоѡвъ станетъ обращаться съ подобными просьбами, на нихъ, конечно, послѣдуютъ отказы ¹⁾).

Пожалуй, открытіе церковно-приходскихъ фельдшерскихъ пунктовъ для земскихъ врачей было бы даже выгодно, такъ какъ больные тѣхъ приходоѡвъ, въ которыхъ откроются приходскія больницы, не стали бы осаждать земскіе врачебные участки, и, слѣдовательно, дѣло въ нихъ значительно сократилось бы. Выгодно это было бы и для земскаго бюджета, такъ какъ для тѣхъ приходоѡвъ не надо было бы производить расходъ на лѣкарства. Но невольнo возникаютъ опасенія: не поселить ли устройство приходскихъ больницъ въ нѣкоторыхъ земствахъ вражду къ духовенству, подобно той, которая вызвана открытіемъ церковно-приходскихъ школъ? Вѣдь и появленіе церковно-приходскихъ школъ должно было бы быть встрѣчено сочувствіемъ со стороны земствъ: убавилась

---

¹⁾ Считаемъ необходимымъ оговориться, что и здѣсь и далѣе, до самаго конца замѣтки, мы имѣемъ въ виду только тѣ губерніи, гдѣ введено земское самоуправленіе... Съ положеніемъ же дѣла постановки медицинской части въ неземскихъ губерніяхъ мы совершенно не знакомы.

работа инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ въ данномъ случаѣ—земскимъ врачамъ; значительно сократился расходъ на постройку школьныхъ зданій, также—на оборудованіе ихъ необходимымъ инвентаремъ и на жалованье учащимъ въ нихъ, какъ [въ данномъ случаѣ долженъ сократиться расходъ на содержаніе фельдшерскихъ пунктовъ и на лѣкарства въ нихъ... Однако, что произошло на самомъ дѣлѣ? ..

Мы предвидимъ, что все то, что произошло со школами, неизбежно повторится и съ больницами, разъ ихъ станутъ какъ бы отвоевывать отъ земствъ церковно-приходскія попечительства. Хотя церковно-приходскія попечительства состоятъ изъ представителей прихода, т. е. самого народа, но разъ они находятся въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, состоятъ при православныхъ церквахъ, даже прямо и именуется „церковно-приходскими“,—этого уже вполне достаточно для того, чтобы либеральная партія забила тревогу и начала борьбу съ новыми церковными больницами. И устоять въ этой борьбѣ намъ не возможно, потому что на устройство и содержаніе больницъ необходимы большія средства, которыхъ у попечительствъ не будетъ, тогда какъ у земствъ недостатокъ въ средствахъ рѣдко ощущается.

Но посмотримъ на дѣло внимательнѣе. Положимъ, что, рѣшивъ открыть больницу, попечительство изыскало средства обзавестись помѣщеніемъ для больницы, приобрести необходимые медикаменты и хирургическіе инструменты, наняло хорошаго фельдшера и проч. Но, во 1-хъ, это будетъ не больница, а лишь фельдшерскій пунктъ; а во 2-хъ, и этотъ фельдшерскій пунктъ надо *содержать*. Если содержаніе его будетъ стоить не дешево, то содержаніе хорошо поставленной больницы съ врачомъ, буде она гдѣ-нибудь откроется, потребуетъ ни какъ не менѣе *трехъ тысячъ* руб. въ годъ.

Правда, имѣть врача въ каждомъ селѣ нѣтъ надобности, равно какъ нѣтъ надобности имѣть и хорошую больницу въ каждомъ селѣ. Врача для контроля фельдшерскихъ пунктовъ и больницы можно имѣть одного на цѣлый участокъ, напр.—

на благочиннической округъ, при чемъ больница должна быть устроена въ болѣе центральномъ въ округѣ мѣстѣ; тогда и содержаніе врачебнаго пункта должно падать пропорціонально на всѣ попечительства, входяція въ районъ дѣятельности врача. При подобной организаціи дѣла, все обойдется сравнительно не такъ дорого, хотя все же и не дешево. Необходимо, кромѣ жалованья, ассигновать врачу на разъѣзды известную сумму съ каждаго фельдшерскаго пункта, входящаго въ районъ даннаго врачебнаго участка; затѣмъ, надъ врачами въ каждомъ уѣздѣ нуженъ контроль, а по всей епархіи—еще также и общій контроль, въ родѣ губернскаго. Значить, придется постепенно, по всей епархіи (въ большинствѣ случаевъ по всей губерніи), ввести сложную медицинскую организацію и содержать все это уѣздное и губернское *врачебное начальство* опять-таки, по пропорціональной раскладкѣ, за счетъ все тѣхъ же церковно-приходскихъ попечительствъ... Но какимъ же тяжелымъ бременемъ должны обрушиться всѣ эти сборы и раскладки на приходы!.. Излишне было бы доказывать, что нести эти расходы въ состояніи только очень и очень немногіе приходы и то—при усилии и понужденіи, а *добровольно* принять ихъ на себя едва ли какіе согласятся. Смѣло можно думать, что большинство приходоѡ, изъявившихъ согласіе содержать за свои церковно-попечительскія средства медицинскій персоналъ, не въ силахъ будетъ ограничивать доходы попечительствъ одними добровольными поступленіями. Волей-неволей имъ придется прибѣгать къ ежегоднымъ *обязательнымъ* подушнымъ раскладкамъ, которыя весьма чувствительны для тощихъ обывательскихъ кармановъ.

Но въ высшей степени интересно сообразить, что предпримутъ при этомъ земства, когда станетъ нарождаться церковно-приходское медицинское дѣло?..

Мы не отрицаемъ, что могутъ найтись такія земства, которыя съ полнымъ, такъ сказать, радушіемъ встрѣтятъ своихъ новыхъ союзниковъ по медицинѣ—церковно-приходскія попечительства. Но думаемъ, что найдется не мало и такихъ,

которыя отнесутся къ медицинской дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ не только отрицательно, несочувственно, а даже прямо враждебно. Эти послѣднія земства, при народженіи церковно-попечительскаго медицинскаго дѣла, прежде всего энергично примутся вдругъ за улучшеніе и усовершенствованіе постановки земской медицинской части въ районѣ своего вѣдѣнія. Даже тамъ, гдѣ въ настоящее время земское медицинское дѣло поставлено очень слабо,—по недостатку ли денежныхъ средствъ, или по несочувствію къ дѣлу самихъ заправиль его, или же по халатности исполнителей,—и тамъ дѣло приметъ сразу же иной оборотъ. Въ земскихъ дѣятеляхъ закинуть ревность, появится желаніе *состязаться и посрамить* непрошеннаго союзника. И вотъ, духовное вѣдомство, взявшееся за медицинское (какъ-и за школьное) дѣло несомнѣнно по святымъ побужденіямъ, изъ желанія возможно болѣе служить народу, вдругъ окажется втянутымъ въ неравную борьбу. А бороться и состязаться, при всемъ нежеланіи этого, будетъ необходимо, потому что извѣстная часть печати, безъ сомнѣнія, начнетъ вышучивать и высмѣивать юныя больницы духовнаго вѣдомства (какъ раньше—да отчасти и теперь еще—церковныя школы) за ихъ бѣдную обстановку, за неизбѣжныя на первыхъ порахъ промахи, ошибки и пр.

Борьба будетъ, дѣйствительно, далеко не равной: у насъ больницы и аптечки начнутъ только-что заводиться, и притомъ на весьма скудныя средства, а земскія больницы и аптеки уже давно функционируютъ, всѣ обставлены болѣе или менѣе порядочно и въ средствахъ недостатка не испытываютъ. Большинство церковно-приходскихъ больницъ даже не можетъ быть увѣрено, что имъ и въ послѣдующіе годы будетъ чѣмъ существовать,—тогда какъ земскія больницы въ этомъ отношеніи совершенно обезпечены. А при народженіи церковно-приходскихъ больницъ и аптекъ, повторяемъ, земскія больницы и аптеки стануть еще лучше, чѣмъ теперь, такъ какъ, съ сокращеніемъ числа паціентовъ и съ освобожденіемъ отъ этого денежныхъ средствъ, естественно, имъ можно будетъ обратить

особенное вниманіе на улучшеніе всѣхъ сторонъ своего обихода. Земскія больницы и аптеки обогатятся медикаментами и новѣйшими хирургическими инструментами, устроятся въ лучшихъ зданіяхъ, прибавятъ жалованья докторамъ и фельдшерамъ,—словомъ, окажутся въ прекраснѣйшемъ состояніи. Какъ конкурировать съ ними бѣднымъ церковно-приходскимъ медицинскимъ учрежденіемъ?—Ясное дѣло — совершенно не возможно.

Итакъ, разъ несомнѣнно, что земства будутъ смотрѣть въ медицинскомъ дѣлѣ на насъ, какъ на соперниковъ и даже—чуть не враговъ, то, по нашему мнѣнію, духовенству не слѣдуетъ и приниматься за это дѣло. Земства раньше насъ взяли въ свои руки медицинскую помощь населенію, пусть они ее и вѣдаютъ. Особыхъ *церковно приходскихъ* больницъ и аптекъ заводить нѣтъ настоящей надобности при наличности *земскихъ*.

Если есть у насъ энергія работать, если дѣйствительно представляется возможность трудиться на пользу народную, и имѣются въ виду средства на это, то можно приложить труды и силы къ другимъ, не менѣе важнымъ, отраслямъ приходской благотворительности. Возьмемъ хотя бы разоренія отъ пожаровъ, отъ неурожаевъ, отъ эпидемическихъ болѣзней, отъ увѣчій и др. несчастныхъ случаевъ. Вотъ тутъ часто нужна бываетъ денежная помощь—и помощь скорая. Поддержи попечительство во-время крестьянское хозяйство, ссуди въ такое время безвозвратно или за малый % денежною суммою,—глядись—и спаслась семья отъ разоренія, а приходъ избавился отъ нищихъ, тупеядцевъ, пьяницъ и т. под. нежелательныхъ и вредныхъ элементовъ.

Хорошо было бы выдавать единовременныя или ежемѣсячныя пособія калѣкамъ и безпріютнымъ, а также дряхлымъ бѣднымъ прихожанамъ. Было бы еще лучше, конечно, устраивать для нихъ „богадѣльни“, какъ это и указывается въ „Положеніи“... Но опять—настоящія богадѣльни, хорошо обставленныя, очень рѣдкія попечительства были бы въ состо-

яніи устраивать. Учрежденіемъ богадѣленъ земства наши пока еще не увлечены, и, значить, тягаться и соперничать въ этомъ дѣлѣ намъ пока не съ кѣмъ. Поэтому, богадѣльни въ приходахъ можно бы устраивать, хотя бы даже на самыхъ простыхъ началахъ—по-домашнему.

Наконецъ, въ настоящее время большинству приходовъ настоятъ неотложная нужда заняться обезпеченіемъ участи семействъ воиновъ, положившихъ жизнь свою на войнѣ. Если война затянется (чего не дай Богъ!) надолго, то осиротѣлыя семьи могутъ оказаться почти во всякомъ приходѣ.—Св. Синодъ, озабочиваясь судьбою осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней, призываетъ всѣхъ пастырей и чадъ Церкви Православной къ участию въ воспитаніи и обезпеченіи судьбы ихъ и, между прочимъ, находитъ „особенно желательнымъ“, чтобы, въ числѣ другихъ благотворительныхъ учрежденій, взяли на себя заботу объ этихъ обездоленныхъ дѣтяхъ и церковно-приходскія попечительства, „чтобы эти дѣти принимались на воспитаніе въ имѣющіеся при названныхъ учрежденіяхъ дѣтскіе пріюты, и чтобы таковыя пріюты и нарочито устроились при наиболѣе обезпеченныхъ въ средствахъ церквахъ и особенно при монастыряхъ“ (см. № 36 „Цер. Вѣд.“ за 1904 г.).

Вотъ куда, между прочимъ, должны быть устремлены заботы „наиболѣе состоятельныхъ“ церковно-приходскихъ попечительствъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы практически знакомыя съ пріютскимъ дѣломъ лица выработали примѣрный проектъ устава для нихъ и обнародовали его на страницахъ какого-либо духовнаго журнала. Проектъ долженъ быть два или три: для церквей богатыхъ (напр., для нѣкоторыхъ монастырей), для среднихъ и *непрѣменно для самыхъ бѣдныхъ*. Въ первыхъ пріютахъ будутъ воспитываться и офицерскія и солдатскія дѣти, а въ послѣднихъ—исключительно дѣти нижнихъ чиновъ. Въ пріютахъ третьяго класса всѣ ежегодные расходы (по примѣрному проекту) должны выражаться въ предѣлахъ никакъ не свыше 60—100 рублей;

значить, здѣсь пріютская обстановка должна быть самая простая—крестьянская...

Быть можетъ, уже нѣкоторые пастыри успѣли и открыть такіе пріюты. Если бы они потрудились ознакомить своихъ собратій съ тѣми приемами, какіе они употребляли при организаціи этого добраго дѣла, и вообще рассказали, какъ имъ удалось создать пріютъ и поставить его, то всякій изъ насъ отъ души поблагодарилъ бы ихъ. Своими совѣтами они могли бы предохранить другихъ отъ невольныхъ ошибокъ, неудачъ и разочарованій въ новомъ дѣлѣ¹⁾.

Поле филантропической дѣятельности слишкомъ широко во всякомъ приходѣ, такъ что, повторяемъ, нѣтъ никакой надобности церковно-приходскимъ попечительствамъ брать на себя заботу еще и о медицинской помощи населенію. Это значило бы—напрашиваться на новыя непріятности съ земствами, справедливо ревнующими о своихъ *правахъ давности* въ этомъ дѣлѣ; когда духовенство взяло въ свои руки школьное дѣло, на которое имѣло всѣ, даже историческія, права, и тогда все-таки земство не удержалось объявить духовенству непримиримую войну, не желая отказаться отъ школьнаго дѣла и уступить его духовенству. Что же будетъ, если мы начнемъ заводить *церковно-приходскія* больницы?—Нѣтъ, не будемъ мѣшать земству въ медицинскомъ дѣлѣ, чтобы оно опять не сочло насъ за соперниковъ и враговъ тамъ, гдѣ мы были бы лишь его друзьями и соработниками!

У насъ создалась уже *школьная рознь*. Неужели породится еще и *врачебная рознь*?!. Упаси насъ отъ нея, Господи!..

Свящ. *Михаилъ Трошкій*.

---

¹⁾ Страницы ж. „Руководство для сельскихъ пастырей“ открыты всѣмъ близко принимающимъ къ сердцу святое и насущно необходимое теперь дѣло призрѣнія Церковью сиротъ навшихъ на полѣ брани воиновъ, для объѣна мыслями и наблюденіями. Ред.

Какъ подготовить приходъ къ возможнымъ въ будущемъ реформамъ церковно-приходской жизни.

(Окончаніе¹).

Какъ же идти въ осуществленіи идеи приходскаго братства, въ соединеніи вокругъ храма и священника лучшихъ людей прихода, въ образованіи въ приходѣ (не будемъ бояться жупеловъ!) *церковно-приходской партіи*?—Идти нужно внимательно, не навязывая прихожанамъ готовую мысль, а постепенно доводя ихъ до живого сознанія ея. Нужно быть внимательнымъ къ настроенію прихожанъ, къ выдающимся теченіямъ ихъ душевной жизни и направлять ихъ въ русло церковное: къ себѣ, какъ настырю,—къ храму, какъ училищу вѣры и благочестія.

Въ простомъ народѣ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе называется стремленіе къ свѣту, къ знанію. Противъ этого нисколько не говоритъ то, что крестьяне не всегда охотно и въ достаточномъ количествѣ отпускаютъ средства на школы. Это скорѣе говоритъ противъ постановки школьнаго образованія, которое оборачивается къ родителямъ учащихся чаще отрицательными своими послѣдствіями: неуваженіемъ къ безграмотнымъ родителямъ, *отлыниваніемъ* отъ тяжелой и грубой крестьянской работы, страстью къ вляузничеству и сутяжничеству и проч., чѣмъ положительными. Но заведите съ этими самыми людьми живую бесѣду объ этихъ, какъ говоритъ поэтъ, „вопросахъ отъ вѣка: какова судьба человѣка, кто онъ, откуда идетъ, и что тамъ надъ нами живетъ“,—и вы увидите, какъ цѣнятъ они живое знаніе и того, кто даетъ это знаніе имъ. Народъ цѣлые дни и ночи можетъ простоять въ страшной толпѣ, въ комнатѣ, гдѣ отъ недостатка воздуха свѣчи гаснутъ,—и это на бесѣдахъ о вопросахъ религіозныхъ,

¹) См. № 20 за 1905 г.

почему-то считающихся у насъ скучными, непонятными, отвлеченными. Начните удовлетворять эту жажду духовную—и приобретете себѣ любовь и вѣрность не одного десятка людей вашего прихода.

Какими средствами сдѣлать это, гдѣ найти силъ, когда весьма часто священникъ въ своей просвѣтительной работѣ бываетъ одинъ-одинешенецъ или вдвоемъ съ заваленнымъ работою до изнеможенія учителемъ, такъ какъ третій членъ деревенской интеллигентной семьи, псаломщикъ, нерѣдко далекъ отъ того, что давало бы ему право на это названіе и едва ли не въ большинствѣ случаевъ, къ тому же, враждебно относится къ священнику. Я могу указать на одно могущественное, и притомъ весьма простое и доступное, средство—устройство *церковно-приходской читальни*. Она стѣдитъ того, чтобы о ней поговорить подробнѣе.

Позднюю весну, лѣто и половину осени наши крестьяне, —а о нихъ главнымъ образомъ наша забота,—заняты страдными работами. Имъ не до роскоши духовной пищи. Развѣ въ праздникъ на погостѣ церковномъ, или у „хаты“ на завалинкѣ, да на вольномъ воздухѣ, покалякаютъ они по душѣ; а надвинулся вечеръ, они уже торопятся лечь спать, чтобы на слѣдующій день пораньше встать. Но вотъ наступаетъ глубокая осень и за нею зима. Работы на полѣ и на гумнѣ прекращаются. Между тѣмъ, потребность мыслить въ народѣ сказывается въ послѣднее время все болѣе и болѣе. И вотъ, въ эти долги вечера въ крестьянской „хатѣ“ зарождаются думы, складываются рѣшенія, которыя иногда поражаютъ насъ своею неожиданностью, а подчасъ и видимою безпричинностью.

Прежде на селѣ былъ кабакъ, гдѣ крестьянину можно было не только напиться до угару, но и душу отвести на людяхъ, въ открытой кабацкой бесѣдѣ. Теперь, со введеніемъ винной монополіи, тайныхъ мѣстъ продажи вина—сколько угодно; раздобылъ вина, чтобы наняться, но побесѣдовать открыто и по душѣ уже нѣгдѣ. Теперь на селѣ—кому не спится въ долгій осенній или зимній вечеръ, тотъ ищетъ

привѣтливаго огонька, теплой хаты и разговорливаго, а еще лучше—книжнаго хозяина. Книжка, газета и разговоръ по поводу прочитаннаго неудержимо притягиваютъ къ себѣ современнаго крестьянина. Кругъ его душевныхъ интересовъ далеко уже вышелъ за предѣлы роднаго села, равно какъ воля давно уже оставила тихую покорность и молчаливое соглашеніе съ тѣмъ, „какъ раньше было,“ и „что люди скажутъ.“

Сказать ли о томъ, что сектанты отлично пользуются въ цѣляхъ своей пропаганды этимъ тяготѣніемъ простонародья къ свѣту, къ бесѣдамъ по душѣ? Пройдите поздно вечеромъ по селу, гдѣ есть сектанты, и по освѣщенію въ окнахъ, по видиющейся чрезъ освѣщенныя окна толпѣ, сидящей за столомъ за чтеніемъ или бесѣдою, вы легко можете отличить сектантскіе дома. Сюда, на огонь, „на людей,“ идутъ православные просто, чтобы разсѣять удручающую скуку и тоску, —идутъ съ презрѣніемъ къ сектантству, съ сознаниемъ превосходства своей вѣры и познаній, иногда съ добрымъ желаніемъ даже воздѣйствовать на заблуждающихся; но останавливаются здѣсь удивленные, ошеломленные и возвращаются разбитыми, пораженными, униженными...

Просто грѣхъ приходскому священнику оставить безъ вниманія это явленіе въ жизни прихожанъ. Въ распоряженіи почти каждаго изъ приходскихъ священниковъ есть зданіе церковно-приходской школы. Если нѣтъ церковной, можно воспользоваться министерской или земской. Можно, наконецъ, воспользоваться достаточно просторной крестьянской хатой. Пусть съ начала длинныхъ осеннихъ вечеровъ это помѣщеніе будетъ открыто, отоплено и освѣщено. Пусть въ немъ на столѣ лежатъ доступныя для народа газеты и журналы вмѣстѣ съ книжками и брошюрами. Пусть крестьяне знаютъ, что входъ въ эту *приходскую читальню* съ закатомъ солнца открытъ для всякаго. Вотъ *приходская читальня* и готова. Расходъ на содержаніе ея, особенно въ виду бесплатнаго помѣщенія, пустячный и на первое время, пока крестьяне пріобыкнутъ, его можно произвести изъ церковныхъ суммъ,

а потомъ крестьяне примуть,—есть уже опытъ,—на свой счетъ.

Народъ отнесется на первыхъ порахъ къ этой читальнѣ, какъ и ко всякому новому начинанію, да еще со стороны священника, недовѣрчиво. Очень возможно, что первое время читальня не будетъ имѣть совсѣмъ посѣтителей. Священнику смущаться этимъ нечего. Въ теченіе долгаго времени съ народа много брали всяческимъ образомъ, а ему почти ничего не давали. Дайте же ему право отнестись недовѣрчиво къ вашей заботѣ о немъ, дайте ему время и возможность испытать васъ и ваши намѣренія. Ваше терпѣніе и постоянство растопятъ въ концѣ концовъ этотъ ледъ недовѣрія, и ваша читальня станетъ по вечерамъ мало-по-малу наполняться желаннымъ для васъ элементомъ.

А явится народъ въ читальнѣ, тутъ нужно будетъ стараться только доставлять дѣйствительно пріятную и питательную пищу для удовлетворенія его духовнаго голода. Это уже потруднѣе, чѣмъ найти помѣщеніе для читальни. Выборъ книгъ для народа слишкомъ ограниченъ и затруднителенъ. Но къ рѣшенію этого вопроса нужно приступить съ должною смѣлостью. Нужно перестать смотрѣть на народъ, какъ на малое дитя, которому нужны какія-то особыя книжки. Въ этой заботѣ сказывается скорѣе не то, что мы желали бы привароваться къ пониманію и потребностямъ простого народа, а то, что наивно думаемъ отклонить его отъ чтенія книгъ, для насъ нежелательныхъ и для него, по нашему мнѣнію, бесполезныхъ. Увы, запреты и карантинны, если когда и имѣли значеніе, то не теперь.

Въ приходской читальнѣ можно предложить народу все, что написано понятнымъ языкомъ, что интересно, но что отличается при этомъ честнымъ, добрымъ направлениемъ. Домашняя бібліотека священника, выписываемыя имъ газеты, въ родѣ: „Свѣта“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и нѣк. др., а также журналы: „Нива“, „Родная Рѣчь“, „Паломникъ“, „Кормчій“ и т. п., брошюрки религіозно-нравственнаго, исто-

рическаго, сельско-хозяйственнаго содержанія—все это смѣло можетъ быть предлагаемо читателямъ изъ народа. Здѣсь важно не то, чтобы дѣйствовать по какой-то программѣ, сообразоваться съ какимъ-то каталогомъ. Важно то, что священникъ въ читальнѣ, положивъ на столѣ газету, книжку или брошюру по своему выбору, будетъ имѣть возможность сдѣлать ея содержаніе знакомымъ приходу, предметомъ разговора и обсуждения всего прихода. Такимъ образомъ, священникъ легко будетъ находиться въ умственномъ общеніи съ своимъ приходомъ по всякому, какому онъ хочетъ, вопросу, и его думы и чувства станутъ нераздѣльнымъ достояніемъ прихода. Печатное слово—самое лучшее и самое вѣрное средство общенія съ народомъ. Читальня будетъ своего рода *церковно-приходскимъ клубомъ*, гдѣ въ посѣтителяхъ воспитываются одинаковыя убѣжденія.

Но нужно бояться, чтобы не создался изъ читальни *народный клубъ*, ничего общаго съ церковно-приходскими задачами не имѣющей. Для этого нужны возможно частыя со стороны священника посѣщенія и надзоръ. Для цѣлей общенія съ народомъ и вліянія на него меньшее въ этомъ случаѣ могутъ имѣть значеніе нарочитыя посѣщенія для публичныхъ бесѣдъ и чтеній, чѣмъ посѣщенія, такъ сказать, будничныя, запросто. Пусть священникъ заходитъ въ читальню, какъ и крестьяне, посидѣтъ вечеромъ съ людьми, почитать и перекинуться словомъ—другимъ по поводу прочитаннаго. Пусть виѣшне священникъ принизится до толпы,—внутренно онъ подниметъ её до себя. Этими посѣщеніями онъ достигнетъ цѣлей и надзора,—но надзора, не обиднаго для посѣтителей, не стѣснительнаго для нихъ. Точно такой же характеръ должны носить посѣщенія читальни и другими членами причта, а также учителями приходскихъ школъ.

Пройдетъ годъ-другой, и приходская читальня сдѣлаетъ великое дѣло въ приходѣ. Она изъ сѣрой, безличной толпы, страшной именно своей стихійностью, воспримчивой только къ эффектнымъ впечатлѣніямъ, выдѣлитъ разумную ея часть,

способную къ размышленіямъ и здравымъ рѣшеніямъ. Священникъ, если не добьется единомыслія со всеми посѣтителеми читальни по важнымъ вопросамъ приходской жизни, то будетъ, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность такъ или иначе сговориться съ ними. Въ толпѣ крестьянъ у него найдутся лица, которыя могутъ его понять, знаютъ его убѣжденія и обязанности. Самые крикуны, горланы и кулаки, страшные въ толпѣ, найдутъ въ ней же разумную оппозицію...

Церковно-приходская читальня всѣхъ въ приходѣ не удовлетворитъ. Она сблизитъ со священникомъ только грамотныхъ и тѣхъ немногихъ неграмотныхъ, которые, подобно евангельской Маріи, сядутъ у ногъ своего пастыря и учителя, слушая слово его... Но есть еще подобные евангельской Маріѣ, душевный складъ которыхъ склоненъ не къ ученію, не къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, а къ практической дѣятельности. Ихъ также нужно выдѣлить изъ толпы прихожанъ и дать живительную пищу ихъ душевной потребности. Между собой, священникомъ и ими нужно создать почву для взаимообщенія и взаимопониманія. Давши пищу ихъ душевной склонности, священникъ долженъ постараться направить эту склонность въ русло церковной жизни, взять её подъ свое пастырское руководство. Но объ этомъ до другого раза.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

О псаломщикахъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Окончившіе курсъ духовныхъ семинарій псаломщики считаются неудовлетворительными, главнымъ образомъ, потому, что на этой должности они—недолговѣчные гости; какъ кандидаты священства, они временемъ псаломщической службы пользуются только лишь для пріисканія невѣсты и прихода, часто также—для развлеченій, отдавая послѣднюю дань моло-

дости предъ прицятіемъ священства. „Для дѣла,—говорять о такихъ псаломщикахъ,—они мало пригодны. Ведутъ они себя по-кавалерски, одѣваются нерѣдко въ смокинги, дѣломъ если и занимаются, то спустя рукава, лишь бы отбыть повинность, а къ своему ближайшему начальнику—священнику относятся, какъ равные по образованію, не особенно почтительно: позволяютъ себѣ не исполнять распоряженій священника, критикуютъ и обсуждаютъ ихъ прежде исполненія; вмѣсто того, чтобы подходить подъ благословеніе, развязно протягиваютъ руку и т. д. Что же это, говорятъ, за псаломщики?“—Подобные отзывы о псаломщикахъ изъ окончившихъ курсъ семинарій пришлось намъ выслушать въ одномъ частномъ собраніи священниковъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этой бесѣды мы и хотѣли бы сказать нѣсколько словъ въ защиту псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ семинарій.

Но нашему искреннему горячему убѣжденію, это—лучшіе изъ возможныхъ въ настоящее время псаломщиковъ. Вникая въ тѣ возраженія, какія дѣлаются противъ псаломщиковъ, окончившихъ курсъ семинарій, нужно признать, что они основаны на недоразумѣніи и не имѣютъ особой убѣдительности. Окончившіе курсъ семинарій, какъ псаломщики, говорятъ, плохи. Но тогда—почему же они считаются удовлетворительными кандидатами священства? Неужели быть псаломщикомъ труднѣе, чѣмъ нести пастырскія обязанности, быть священникомъ? Вѣдь это—очевидная несообразность!.. Одно изъ двухъ: или окончившіе курсъ семинарій—удовлетворительны, какъ кандидаты священства,—и тогда они удовлетворительны, и какъ псаломщики, такъ какъ обязанности псаломщика легче пастырскихъ; или же они совсѣмъ и кругомъ плохіе,—тогда зачѣмъ существуютъ наши семинаріи, тогда нужно подумать не о псаломщицкихъ только, а о новыхъ пастырскихъ классахъ или курсахъ?.. Окончившіе курсъ семинарій псаломщики,—говорять,—кавалеры, одѣваются даже въ смокинги и думаютъ больше о развлеченіяхъ, чѣмъ о дѣлѣ.—Это возраженіе очень наивно. „Веселися, юноша, въ юности твоей“, говоритъ пре-

мудрый:—почему же закрыть доступъ въ удовольствіямъ,— разумѣется, дозволеннымъ,—псаломщику, и почему чистая и красивая одежда роняетъ псаломщика, разъ онъ—хорошій работникъ въ своемъ дѣлѣ? Но, насколько намъ приходилось наблюдать, семинаристы, въ томъ числѣ и окончившіе курсъ, въ деревнѣ одѣваются самымъ простымъ и незатѣйливымъ образомъ—какъ придется. А если въ храмъ, къ знакомымъ на какое-нибудь семейное торжество надѣваютъ и сюртукъ и крахмальную рубашку, то что въ этомъ плохого, а тѣмъ болѣе предосудительнаго? Одно внѣшнее „опрощеніе“, поддевка и даже подрясникъ, одинаково безсилны сблизить псаломщика съ народомъ, если въ душѣ перваго нѣтъ теплоты, любви къ народу. Пусть хорошій псаломщикъ добрый, обходительный и ласковый хоть шелковый костюмъ надѣнетъ, онъ останется для народа близкимъ ему человѣкомъ. Почему удобная и красивая семинарская форма, введенная уже во многихъ семинаріяхъ, не считается неудобой для семинариста и несоответственной его званію? Почему шелковыя и даже бархатныя рясы не унижаютъ сана священника?—Понятно, почему: все это—второстепенное и несущественное, и если допустима для священника нѣкоторая изысканность въ одеждѣ, то *тѣмъ болѣе* позволительна она псаломщику, человѣку молодому и все же свѣтскому. Что костюмъ для псаломщика дѣло не послѣднее, въ этомъ часто приходится убѣждаться городскимъ священникамъ. Приглашаютъ, напр., причтъ въ такъ называемый „интеллигентный домъ“; послѣ молитвы просятъ выпить стаканъ чаю. Если псаломщикъ въ рясѣ (т. е. діаконъ на псаломщической вакансіи) или въ сюртукѣ, его пригласятъ сѣсть вмѣстѣ съ священникомъ; но если онъ только въ подрясникѣ или въ пиджакѣ, о немъ и не вспомнятъ: въ первомъ случаѣ его сочтутъ за гоголевскаго дячка, во второмъ—за сторожа-церковника. Все это—частности, мелочи, а все же онѣ ложатся горькимъ осадкомъ на молодую душу псаломщика, особенно если и священникъ, по застѣнчивости или инымъ причинамъ, не постарается загладить неловкость хозяевъ.

Псаломщики, окончившіе курсъ семинаріи, не удобны,—говорятъ,—въ томъ отношеніи, что они на приходѣ—временные гости: годы псаломщической службы они посвящаютъ на то, чтобы найти невѣсту, приходъ.—Мы совершенно противъ того, чтобы семинаристы тотчасъ по окончаніи курса—въ 20—22 года—шли во священники, т. е. нелегкое дѣло семинарскаго ученія мѣняли на несравненно болѣе трудное пастырское служеніе. Окончившимъ курсъ необходимо осмотрѣться и вдуматься, куда и на какое дѣло они идутъ; а для этого всего удобнѣе именно служба псаломщика. Исканіе невѣсты и прихода нельзя представлять въ томъ видѣ, будто человѣкъ только то и дѣлаетъ, что ищетъ невѣсту. Если молодой человѣкъ разъ, даже два, на недѣлѣ побываетъ въ молодомъ обществѣ вечеркомъ, отъ этого ровно никакого ущерба для церковнаго дѣла не будетъ. Такіе ищущіе невѣстъ семинаристы нерѣдко по 5 и болѣе лѣтъ сидятъ въ одной деревнѣ. Человѣкъ, у котораго впереди есть надежда на что-то лучшее (въ данномъ случаѣ семинаристъ, ищущій священства), во всякомъ случаѣ лучше, желательнѣе человѣка *безнадежнаго*, у котораго нѣтъ ничего впереди: всегда будетъ жизнерадостнѣе, веселѣе, энергичнѣе.

Отъ частой смѣны лицъ,—говорятъ,—страдаетъ дѣло псаломщическое.—Думаемъ, что не особенно много. Псаломщикъ есть лицо не самостоятельное, подчиненное священнику,—а вѣдь и священникъ никогда не лишается права искать лучшаго, и это такъ широко практикуется среди духовенства, что нѣкоторые епархіальные начальства предписываютъ священникамъ проситься на новые приходы не раньше, какъ черезъ 3 года. Епархіальныхъ архіереевъ тоже часто перемѣщаютъ:—почему же нужно желать закрѣпощенія только однихъ псаломщиковъ?—Предположимъ (и этого скорѣе всего возможно ожидать отъ псаломщика, окончившаго курсъ семинаріи), что въ приходѣ онъ способенъ кое-что сдѣлать безъ посторонней помощи, своими силами, напр.: онъ устроитъ хорошій хоръ, заведетъ чтенія, будетъ вести виѣ-богослужеб-

няя собесѣдованія, а затѣмъ сейчасъ же и уйдетъ. Плохо это. Но вѣдь на его мѣсто назначать другого, котораго и священникъ, и предшественникъ, и даже сами прихожане могутъ познакомить съ тѣмъ, что было до него. Новому псаломщику вовсе не будетъ надобности *начинать все сначала*; ему придется лишь продолжать то, что до него сдѣлано,—а это не такъ трудно, разъ онъ хоть на что-нибудь хорошее способенъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о „почтительности“. Псаломщики - семинаристы, —говорятъ,—непочтительны, хотя бы равными со священникомъ, хотя бы все знать, всюду лѣзутъ со своими сужденіями; дьячекъ малограмотный—безгласная овца, псаломщикъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи—часто неумѣстный совѣтчикъ.—Думаемъ, что послѣднее куда лучше, чѣмъ первое, особенно если принять во вниманіе, что псаломщикъ за церковныя дѣла (веденіе метрическихъ книгъ, прихода и расхода, повѣнчаніе) отвѣчаетъ такъ же, какъ и священникъ.

„Почтительное“ отношеніе псаломщика всегда можно завоевать священнику сердечнымъ, добрымъ къ нему отношеніемъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые священники „почтительность“ понимаютъ слишкомъ мелко: напр., намъ пришлось наблюдать священника, который никогда не удостоивалъ псаломщика-студента семинаріи пожатія руки, хотя бы тотъ 5 разъ на день являлся къ нему, и неизмѣнно благословлялъ его и давалъ цѣловать руку; никогда не предлагалъ садиться, хотя бы бесѣда тянулась часъ.

Вотъ отрицательная сторона вопроса.—Переходимъ къ тому, что псаломщики изъ окончившихъ курсъ семинаріи имѣютъ *положительныя* достоинства.

Объ одиночествѣ священника въ деревенской крестьянской средѣ писалось очень много; одиночество это нѣсколько сглаживается, если рядомъ со священникомъ стоитъ псаломщикъ—окончившій курсъ семинаріи, равный по образованію; съ нимъ и говорить можно, и впечатлѣніемъ подѣлиться, и посоветоваться, такъ какъ знанія у него могутъ быть свѣжѣе,

чѣмъ у священника. Такой псаломщикъ и помощникомъ можетъ быть хорошимъ, такъ какъ молодости свойственъ порывъ ко всему хорошему, энергичному. Напр., въ дѣлѣ миссіи священнику можетъ быть полезнымъ прежде всего человекъ, получившій законченное богословское образованіе. Во время бесѣды съ сектантами пріятно видѣть священнику рядомъ съ собою человека, который при случаѣ и поддержитъ, и дастъ возможность на нѣсколько минутъ сдѣлать передышку, чѣмъ человека, какъ рыба безгласнаго...

Псаломщическіе годы не пройдутъ безплодно для кандидатовъ священства: это—лучшая подготовительная для нихъ школа; это—оселокъ, на которомъ они испытаютъ свои силы для предстоящаго болѣе труднаго и отвѣтственнаго пастырскаго служенія. Каноническое право, опредѣляющее возрастъ и промежутки между степенями священства, считаетъ необходимой подготовку къ нимъ. Гдѣ же готовится нашимъ кандидатамъ священства? въ учительствѣ?—Дѣло доброе—безспорно, но несомнѣнно дальше стоящее отъ храма, чѣмъ самое служеніе въ храмѣ. Къ этому нужно прибавить и слѣдующее. Въ самомъ ближайшемъ времени у насъ явятся цѣлыя кадры учителей изъ народа—изъ церковно-учительскихъ и второклассныхъ школъ: имъ прежде всего нужно будетъ давать учительскія мѣста. Куда же будутъ дѣваться окончившіе курсъ семинаріи, если имъ закрыть дорогу еще и къ псаломщической должности? Куда дѣваться тѣмъ изъ нихъ, которые вполнѣ резонно захотятъ предъ принятіемъ священства нѣсколько подумать? Человеку нужно ѣсть, пить,—что же предприметъ окончившій курсъ семинаріи, если всѣ дороги будутъ ему заказаны?—Болѣе талантливые употребятъ всѣ усилія, чтобы попасть въ университетъ, менѣе талантливые должны будутъ поступать на желѣзную дорогу, въ конторы, въ сидѣльцы винныхъ лавокъ и т. д. Невеселая перспектива...

У насъ часто говорятъ и пишутъ о желательности такъ называемаго выборнаго начала въ духовенствѣ, о томъ, чтобы прихожане имѣли возможность выбирать себѣ пастыря по сердцу. Хотя это желаніе, при настоящемъ положеніи вещей, состояніи паствы и т. д., практически не осуществимо вполнѣ, но по мѣстамъ можетъ имѣть примѣненіе, и особенно тамъ, гдѣ псаломщиками состоятъ окончившіе курсъ семинаріи. Такъ иногда и бываетъ, что прихожане, за выbytіемъ или смертію священника, просятъ назначить имъ священникомъ псаломщика.

Назначеніе возможно большаго числа окончившихъ курсъ семинаріи псаломщиками нѣсколько сократило бы нищету въ духовенствѣ. Если и священники наши часто перебиваются „съ хлѣба на квасъ“, то что говорить о *семейныхъ* псаломщикахъ? Это—сплошная нужда, а одинокому псаломщику-семинаристу на скудные средства псаломщическія (особенно, если бы его можно было соединить и съ учительствомъ) прожить все-таки возможно.

Наконецъ, служеніе кандидатовъ священства псаломщиками давало бы епархіальному начальству нѣкоторую возможность опредѣлить ихъ качества, дѣеспособность, не всегда, конечно, опредѣляемая пятибалльной системой семинарскихъ аттестатовъ. Священство тогда было бы нѣкоторой наградой за предшествующій трудъ и поощреніемъ псаломщикамъ. Бываютъ случаи, что окончившіе весьма удачно курсъ семинаріи заявляютъ себя такими „художниками“ уже на псаломщическомъ мѣстѣ, что о пастырствѣ епархіальное начальство совѣтуетъ имъ даже забыть. Не гораздо ли хуже было бы, если бы такія лпца были поставляемы сразу священниками?..

Свящ В. Петряковъ.

Вопль сельскаго приходскаго священника.

Близко уже то благодатное время, когда вѣками накопившіяся и вѣковыми же преданіями освященныя различныя несообразности и прямыя безобразія общественной жизни нашей выплывутъ, наконецъ, наружу, будутъ подвергнуты все-народному осужденію изъ устъ призванныхъ державною волею Государя Императора представителей всей Руси и отойдутъ въ область исторіи. На ряду съ кореннымъ обновленіемъ жизни всего русскаго народа и болѣе или менѣе полнымъ упорядоченіемъ ея, пора серьезно подумать и объ упорядоченіи положенія нашего во многихъ отношеніяхъ многострадальнаго и въ большинствѣ случаевъ совершенно безотвѣтнаго сельскаго приходскаго священника. Какъ ни безгранично его терпѣніе, какъ ни безропотна его покорность, по и имъ бываетъ предѣлъ, дальше котораго нельзя уже идти, и—нѣтъ—нѣтъ—иной разъ вырвется у того или другого сельскаго священника душу надрывающій вопль, исторгнутый изъ самой глубины сердца. Вотъ хотя бы, напр., такой вопль одного изъ сельскихъ священниковъ Костромской епархіи.

„Недостаетъ полгода жениху или невѣстѣ—къ владыкѣ, а я твердо знаю, что мужикъ мой въ прошеніи вретъ и ни за что бы ему не разрѣшилъ: не смѣю, и этого лжеца вѣнчаю.—Завѣдомый развратникъ бросаетъ 5—7 гражданскихъ дѣтей и такую же супругу и безъ моего вѣдома или даже и съ вѣдома вступаетъ въ законный бракъ,—молчу, не силенъ, вѣнчаю. 10—15 лѣтъ въ храмъ не заглядываетъ—первый человѣкъ въ приходѣ,—молчи! вліяй словомъ,—а для него оно—давно олово!—Двери на петляхъ не стоятъ во время службы—только и дѣло, что ходятъ, да смѣются, да балясы точать,—не оговаривай, а по секрету, одинъ-на-одинъ, его увѣщевай, а то—за всенародное обличеніе *да извержешися*. А такіе—всѣ,—гдѣ-жъ ихъ уговаривать!—Кумъ пріѣхалъ выпивши, на ногахъ не стоитъ,—отослалъ: слѣдствіе, и послѣдствія въ родѣ 5 рублей штрафу! Отдалъ и, слава Бугу, безъ

внесенія въ формуляръ.—Пріѣхалъ мужикъ крестить, богатый и пьяный, и ломается:

— Денегъ за труды нѣту.

— Ты, Ефанъ, пятаго крестишь, Бога бы побоялся, хотя за одного заплатилъ бы.

— А! коли такъ,—торговаться! Прощай!

„Взялъ да увезъ ребенка и держить некрещенаго недѣлю. Я къ нему,—онъ и ухомъ не ведеть, ни за водой не идетъ, ни ребенка не даетъ. Это—быль! Что тутъ дѣлать? Насилу уговорилъ; а умри онъ некрещеный, ну, и ступай въ родъ жизни... Вотъ дѣла-то!—Хоронить черезъ трое сутокъ—да тогда къ нему и не показывайся! А то привезетъ, бросить гробъ на крыльцо попу,—и хорони, какъ знаешь!... Гдѣ защита? Гдѣ правда? У себя въ домѣ не смѣю ничего! Явный воръ и разбойникъ лѣзетъ ко святой чашѣ; попробуй, непусти его,—ну, и пойдешь въ монастырь за превышеніе власти. Борьба съ церковными старостами не только мнѣ, священнику,—владыкамъ не подь силу!... Горько одно, что мы всѣ и давно это знаемъ, и ничего для этого не предпринимаемъ! Надо все пересмотрѣть, обсудить, уладить, спросить у насъ, чѣмъ мы больны и отъ чего выздоровѣемъ,—и всѣмъ будетъ хорошо!“

Надо думать, что движеніе, охватившее всю Россію и имѣющее своею цѣлью улучшить и упорядочить *всю* стороны жизни и притомъ *всѣхъ* сословій, коснется и духовнаго вѣдомства. „Церковный Вѣстникъ“ все чаще и настойчивѣе поднимаетъ свой голосъ именно за то, что настало время и въ духовномъ вѣдомствѣ „все поресмотрѣть, обсудить, уладить, спросить“ у приходскаго духовенства, „чѣмъ“ оно болѣетъ „и отъ чего выздоровѣетъ.“ Заря занимается,—дай-то Богъ, чтобъ и солнышко взошло. Еще больше свѣтлыхъ надеждъ возбуждаетъ предстоящій помѣстный всероссійскій духовный соборъ и связанное съ нимъ предстоящее возрожденіе нашей отечественной Церкви.

Мѣры къ устраненію безпорядковъ во время богослуженія въ храмахъ.

Въ храмахъ, особенно сельскихъ, во время богослуженія происходятъ часто безпорядки въ видѣ шума, криковъ, толкотни.. Кому не извѣстны тѣ безчинія, которыя происходятъ въ храмѣ въ неделю Ваій при раздачѣ освященной вербы, въ навечеріе Богоявленія при черпаніи освященной воды, при браковѣнчаніяхъ?.. Въ воскресные и праздничные дни, при цѣлованіи св. Евангелія и праздничной иконы, при значительномъ стеченіи народа въ зимнее время, давка и толкотня—это обычныя явленія. Народъ, или простонародье—вообще врагъ порядка; всѣ привыкли дѣлать, какъ придется или случится. Но онъ же хорошо держится порядка, если этотъ порядокъ заведенъ.

Кому заводить порядокъ въ сельскихъ храмахъ?—Мы полагаемъ, что это—долгъ священника. На церковныхъ старостъ, хотя инструкціей они и обязываются быть блюстителями тишины и порядка, плохой расчетъ. Ихъ самихъ-то нужно часто призывать къ порядку.

Но какъ же священникъ можетъ вывести или устранить безпорядки, происходящія отъ неумѣлаго поведенія въ храмѣ сельскихъ богомольцевъ?—Есть (собственно выработаны моею практикой) мѣры, благодаря которымъ, возможно достигнуть тишины и порядка во время церковнаго богослуженія.

1. За утреней въ воскресные и праздничные дни, при цѣлованіи Евангелія или праздничной иконы, нужно требовать, чтобы сначала подходили къ аналою стоящіе на правомъ клиросѣ, потомъ на лѣвомъ, далѣе малолѣтки, занимающіе мѣста около амвона и солеи; послѣ нихъ мужчины—съ правой стороны храма и за ними—съ лѣвой, и уже послѣ этого подходятъ для цѣлованія женщины (въ нашемъ храмѣ онѣ стоятъ отдѣльно отъ мужчинъ, занимая лѣвую половину такъ называемой трапезы и придѣлъ съ правой стороны).

Торчаніе старосты съ тарелкой при аналоѣ не допускается, потому что происходитъ задержка и остановка народа. Сборъ пожертвованій производится послѣ, когда церковь будетъ свободнѣе отъ движенія богомольцевъ.

2. Было бы хорошо, если бы въ навечеріе Богоявленія раздача освященной воды производилась непременно священникомъ, хотя бы при участіи другихъ членовъ причта или прихожанъ. При такомъ способѣ полученія святыни смятенія и давки было бы несравненно меньше.

3. Въ недѣлю Вайй раздача вербы могла бы производиться такъ. По цѣлованіи праздничной иконы священникъ занимаетъ при иконѣ свое мѣсто (прямо противъ нея, отступивши на значительное разстояніе). Онъ правою рукою помазуетъ елеемъ цѣловавшихъ икону, а лѣвою беретъ вѣтку изъ рукъ діакона (которому особый человѣкъ вручаетъ ее изъ пучковъ, въ каковыя вся верба заблаговременно должна быть неплотно связана) и вручаетъ оную богомольцу, если у него нѣтъ вѣтки вербы, принесенной изъ дома. Все происходитъ тихо, неторопливо, спокойно.

5. Во св. Четырдесятницу во время св. причащенія, дабы былъ соблюденъ порядокъ и благообразіе, необходимо поступить такъ. Священникъ со св. чашей встаетъ почти въ самыхъ царскихъ вратахъ. Причастникамъ должно быть предъявлено требованіе: когда одинъ находится у св. чаши, солея должна быть свободна.

Когда причастившійся уходитъ, одинъ изъ ожидающихъ св. причащенія встаетъ на солею и подходитъ къ св. чашѣ.

Когда бываетъ много малолѣтковъ между причастниками, пожившему въ приходѣ священнику лучше самому вызвать причастниковъ по порядку, въ какомъ они стоятъ предъ солеей. Дѣло обходится безъ непріятностей.

6. При цѣлованіи креста, по отпустѣ литургіи, долженъ быть имъ же установленъ порядокъ: откуда подходитъ ко кресту и куда уходитъ по цѣлованіи его,—и все будетъ выходить по-хорошему.

Предлагая вышеозначенныя мѣры, имѣемъ въ виду собственную практику. Введена она не вдругъ, но постепенно, въ теченіе не одного десятка лѣтъ. Изложивъ порядокъ этой практики, мы имѣемъ въ виду не хвалить себя или учить, а вызвать собратій—іереевъ къ сообщенію печатно о томъ, гдѣ какія мѣры принимаются пастырями для упорядоченія приходской жизни въ разныхъ ея строеніяхъ.

Желательно было бы знать, напр., какъ оградить порядокъ и благочиніе въ церкви во время совершенія браковъ, помимо полицейскихъ мѣръ? ¹⁾

Свящ. *Алексій Петропавловскій.*

---

¹⁾ Костр. еп. вѣдом.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го Мая 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Нивницкаго.

ГОДЪ

XLVI

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года мая 29-го дня.

Содержаніе: Какія новыя обязанности на православныхъ пастырей налагаетъ Высочайшій Указъ 17-го апрѣля?—За маленькаго человѣка.— Письмо въ Редакцію.—Отголоски войны среди сельскаго населенія.

Какія новыя обязанности на православныхъ пастырей налагаетъ Высочайшій Указъ 17-го апрѣля?

Религіозная вѣра, по существу своему, есть дѣло сокровенныхъ тайниковъ души человѣческой, есть свободное признаніе за истину извѣстныхъ основоположеній, касающихся Высшаго Существа, Его отношеній къ міру и человѣку, нравственныхъ обязанностей, разсматриваемыхъ, какъ Его заповѣди, будущей судьбы человѣка, средства общенія съ этимъ Существомъ и т. д. Божественный Учитель нашъ Иисусъ Христосъ, Самъ Себя уподобившій Святелю въ извѣстной притчѣ, сѣялъ предъ всѣми зерна Своего святого ученія, но не всѣ восприняли и возрастили его; приняли и возрастили тѣ, кто хотѣлъ, кто свободно шелъ на Его зовъ,

находи въ своей душѣ какъ бы отзвукъ того, къ чему призывалъ Его Христосъ; братья-рыбари Андрей и Петръ изъ многочисленной, конечно, семьи этого рода труженниковъ пошли первыми за Нимъ, такъ какъ познали своимъ внутреннимъ существомъ всю небесную силу, покоряющую сердца, какаѣ таилась въ проповѣди евангельской. И не слышимъ ли мы постоянно въ проповѣди небснаго Учителя словъ: „аще *хочещи* совершенъ быти“... „аще кто *хочеть* по Мнѣ ити“... „имѣяй уши слышати“ и проч., т. е. обращеніе къ *свободному* слѣдованію Его слову, *свободному*, ничѣмъ не стѣсняемому признанію Его проповѣди болѣе совершенною, болѣе соотвѣтствующею всѣмъ внутреннимъ потребностямъ духа, чѣмъ что-либо другое извѣстное людямъ? Кто не хочетъ, пусть не идетъ за Нимъ, — таковъ существенный характеръ проповѣди Христовой. Вся жизнь Спасителя, весь характеръ Его проповѣди носятъ на себѣ черты этого отношенія къ внутреннему существу человѣка; Его проповѣдь о любви къ ближнему, Его чудеса, совершенныя для прославленія Своего имени изъ любви къ страждущему человечеству, Его любовное отношеніе ко всѣмъ людямъ, какъ бы они низко ни пали и въ жизни (припомнимъ евангельское сказаніе о блудницѣ) и въ ученіи (припомнимъ притчу о блудномъ сынѣ), — все подкрѣпляетъ основной тонъ и характеръ ученія Спасителя; Онъ немедленно исцѣляетъ отрубленное мечемъ Петра ухо одного изъ стражниковъ, посланныхъ взять Его въ саду Геѳсиманскомъ и требуетъ вложить мечъ въ ножны прибавляя, что „взавшійся за мечъ, отъ меча и погибнетъ“; Онъ принимаетъ съ любовью искреннее раскаяніе Своего горячаго, но увлекающагося ученика, трижды въ одну ночь отрекшагося отъ Учителя и потомъ, по словамъ св. евангелія, „плакавшагося горько“. Если мы и знаемъ одинъ фактъ изъ жизни Спасителя, гдѣ Онъ, по видимому, отступаетъ отъ Своего основного начала любви, — изгоняетъ бичемъ торговцевъ изъ храма іерусалимскаго, — то не надо забывать, что такое ревностное отношеніе къ святости

храма именно и было результатомъ любви къ людямъ, не умѣющимъ достойно чтить эту святыню, забывшимся въ своей погонѣ за прибылью дотого, что они совершенно утратили различіе между домомъ Божиимъ—домомъ молитвы и мѣстомъ торговли.

Такимъ же точно характеромъ отличалась и проповѣдь ближайшихъ учениковъ Христовыхъ—апостоловъ. Помимо благодатнаго вспоможенія, которое оказывалъ имъ Духъ Святой, они приобрѣтали послѣдователей Христу силою и жизненностью слова, необычайною искренностью и теплотою проповѣди и жизненнымъ выполненіемъ тѣхъ началъ, которыя проповѣдывали, какъ истину святую. И шли за ними не отдѣльныя лица только,—шли толпы, шли народы; Церковь Божія росла и крѣпла, несмотря на ужаснѣйшія гоненія, преслѣдованія и жесточайшія муки, которымъ подвергало первыхъ послѣдователей Христовыхъ устарѣвшее дѣвне-римское язычество. Эта кровь и эти страданія, это запечатлѣніе жертвою жизни истинности свободныхъ убѣжденій еще болѣе привлекало послѣдователей, еще шире разливалось жизненный потокъ евангельскаго ученія.

Если исторія Церкви Христовой указываетъ намъ не мало примѣровъ насильственнаго отношенія къ совѣсти ближняго, доходившаго иногда до страшнаго изувѣрства подъ прикрытіемъ евангельскаго ученія о любви (такова испанская инквизиція, таковы послѣдователи ордена Лойолы съ ихъ извѣстнымъ принципомъ: „цѣль оправдываетъ средства“), то все уже сознаютъ, насколько искажено было у этихъ мнимыхъ христіанъ Христово ученіе; какъ человѣческія страсти, все затемняющія, ослѣпляющія разумъ, заглушающія совѣсть, отдаляющія отъ истинно-небесныхъ цѣлей, могутъ внести туманъ и мракъ въ ясную, чистую и свѣтлую религіозную область, исказить и извратить все самое истинное, святое, возвышенное.

Какъ же быть чадамъ Православной Церкви, видя во-кругъ себя инославныхъ, иновѣрцевъ, сектантовъ?—Допо-

слѣдняго времени съ принадлежностью къ числу членовъ Православной Церкви были соединены нѣкоторыя гражданскія привилегіи, которыхъ лишались отпадавшіе въ инославіе; точно также приобрѣтали эти привилегіи тѣ, кто вступалъ въ число членовъ Православной Церкви, повидимому, по чисто-психологическимъ мотивамъ исканія и обрѣтенія истины. Теперь эти привилегіи отмѣняются, и все христіанскія исповѣданія являются равными предъ закономъ, и не наказывается болѣе закономъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое (съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, о чемъ скажемъ ниже), равно какъ и отпаденіе въ сектантство; разрѣшается также свободное отправленіе богомоленія, свободное отправленіе обрядовъ; признается законнымъ постройка храмовъ согласно съ общими правилами строительнаго устава; лица, избираемыя общинами сектантовъ, получаютъ право именоваться настоятелями и наставниками (безъ обозначенія, однако, православныхъ и іерархическихъ наименованій—ст. 8-я Указа 17 апр.) и т. д.

Высочайшій Указъ знаменуетъ собою новую эру въ отношеніяхъ между собою людей, остающихся свободными въ своей совѣсти признавать за истину и слѣдовать въ жизни тому, что считаетъ за высшее благо ихъ сокровеннѣйшее духовное начало; недаромъ сравниваютъ этотъ актъ Монаршей благопечительности съ актомъ 1861-го года—дарованіемъ вышней свободы многомилліонному крестьянскому сословію незабвеннымъ Государемъ Александромъ II. Это—знакъ истиннаго, чисто-евангельскаго любовнаго отношенія къ совѣсти всякаго вѣрующаго, каковы бы ни были его вѣрованія, лишь бы они не приводили къ изувѣрству, лишь бы цѣлью ихъ было устроеніе душевнаго спасенія безъ нарушенія или противодѣйствія политическимъ законамъ устройства государства Россійскаго и бдящей надъ всѣми верховной власти Государя Императора ¹⁾).

¹⁾ „Учиненіе изъ религіозныхъ побужденій нарушенія законовъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ установленной закономъ отвѣтственности“ (ст. 6-я Высоч. Указа).

Много радости вызвалъ этотъ Высочайшій актъ Монаршей милости въ иновѣрцахъ и старообрядцахъ, совпавшій съ днемъ великаго торжества всего христіанскаго міра— *праздника праздниковъ*, дня воскресенія Христова. Съ какимъ, напр., сердечнымъ умиленіемъ молились старообрядцы о здравіи Возлюбленнаго Монарха въ великій день св. Пасхи въ распечатанныхъ послѣ 50-лѣтняго закрытія своихъ храмахъ! Они отнынѣ будутъ мыслить себя не отщепенцами какими-либо въ Русской землѣ, а такими же полноправными гражданами, какъ и православные... Но вѣдь у насъ есть не мало сектъ, которыя своимъ открытымъ исповѣданіемъ культа, своимъ непопеченіемъ, своимъ некрепеніемъ, своимъ невѣрованіемъ въ Христа - Бога и проч. могутъ быть весьма соблазнительны для православныхъ христіанъ? Вѣдь есть и такіе мнимые христіане, которые обладаютъ вполне развитымъ сознаниемъ, такъ что понимаютъ относительное значеніе своего міросозерцанія и тѣхъ многочисленныхъ отступленій, заблужденій и прямо искаженій, которыя наблюдаютъ вокругъ себя въ области религіознаго сознанія? А что сказать о вѣрующихъ православныхъ, сознание которыхъ находится на такой низкой ступени (а не таково ли все наше неграмотное или полуграмотное простонародье?), что у нихъ неостанетъ стойкости и твердости, чтобъ не впасть въ искушеніе, не соблазниться другимъ исповѣданіемъ вѣры, особенно если оно обѣщаетъ какія-либо льготы чувственному элементу человѣческаго существа, какія-либо облегченія въ устроеніи жизни, послабленія по части подвиговъ благочестія и даже этическихъ началъ?.. Съ другой стороны, предполагается, что та высокая степень сознанія и культурности, которая гарантируетъ уваженіе и терпимое отношеніе къ совѣсти другого, одинаково должна отличать и иновѣрцевъ и сектантовъ, при каковомъ условіи только и возможно взаимное уваженіе ихъ другъ къ другу и взаимное снисхожденіе къ иному, несогласному.

Въ этихъ двухъ вопросахъ затронуто не мало такихъ сторонъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ дѣятельности православнаго пастыря. И прежде всего, со времени изданія Высочайшаго Указа 17 апр., ни судъ, ни полиція, никакая другая внѣшняя сила не придутъ болѣе на помощь православному пастырю въ дѣлѣ удержанія своихъ словесныхъ овецъ въ лонѣ Церкви, не помогутъ и возвратитъ отпавшихъ. Нужна сила иная—сила внутренняя, духовная; сила ученія животворнаго, согрѣтаго огнемъ любви евангельской; сила кроткая, которой каждая овца дорога, какъ родное дитя, которая, по притчѣ Спасителя, возвращается, оставляя 99, чтобы найти одну пропавшую. Пастыри теперь должны хранить, какъ зѣницу ока, всѣхъ ввѣренныхъ ихъ попеченію чадъ Церкви; должны пѣослабно учить и наставлять ихъ съ пастойчивостью и терпѣніемъ; приближать къ себѣ и Церкви; постараться сдѣлать достоаіемъ ихъ души всѣ сокровища поученія, назиданія, наставленія, просвѣщенія, которыя находятся въ Церкви; учить всѣхъ, особенно же малолѣтнихъ, нѣжный возрастъ которыхъ наиболѣе податливъ и воспріимчивъ къ поученію вѣрѣ и правдивости. Этимъ—и только этимъ главнымъ образомъ—они привяжутъ къ Церкви крѣпкими, неразрывными узами своихъ чадъ, сдѣлаютъ невозможнымъ отпаденіе послѣднихъ отъ православія и Церкви въ какое-либо другое ученіе, въ другую общину. Кто внѣдрилъ православіе въ сознаніе Руси святой за *девять* вѣковъ ея исторіи подѣ дѣйствіемъ христіанскихъ началъ? Кто способствовалъ тому, что облагородилась, снотплась, окрѣбла Русь въ долготерпѣніи, въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, какъ не пастыри православные въ союзѣ съ Царскою Властью? Отторгались и тогда отдѣльные члены Церкви, являлись и прежде ереси; но не страшны онѣ были, не могли онѣ поколебать твердаго, какъ адамантъ, устоя церковнаго, не парушали единства Руси, сильной своимъ православіемъ.—Въ то же время необходимо и съ кафедръ церковной и на урокахъ Закона Божія пробуждать

духъ вѣротерпимости въ своихъ чадахъ, воспитывать ихъ въ сознаніи того, что какъ ни высока, какъ ни свята православная вѣра паша, но есть и инья вѣры, и онѣ дороги людямъ, ихъ исповѣдующимъ; не презрѣнія и осужденія или охуленія заслуживаютъ иновѣрцы, а благоснисхожденія, любви и кротости евангельскихъ, которыми древніе христіане удивляли міръ и побѣдили его. Тогда не только не страшно будетъ отпаденіе, напротивъ—вѣрныя чада Православной Церкви возвратятъ сами въ лоно ея случайно отпавшихъ членовъ, когда эти послѣдніе увидятъ, каковъ *духъ живой*, объединяющій пастыря съ своими пасомыми.

Не менѣе, если не болѣе, дѣйственною въ этомъ случаѣ является также жизнь пастыря, согласная съ заповѣдями Христовыми. Извѣстное еще древнимъ положеніе, что „правила учатъ, а примѣры увлекаютъ“ (*praescepta docent, sed exempla trahunt*), нигдѣ такъ не примѣнимо, какъ въ педагогической вообще и въ частности въ пастырски-педагогической дѣятельности. Многочисленные примѣры показываютъ, что причина неуспѣха всякаго рода проповѣдей на нравственныя темы заключается именно въ томъ, что все это—одни слова, что ораторъ не постарался воплотить въ собственную жизнь тѣхъ началъ, за которыя часто съ жаромъ ратуетъ, не осуществилъ того, что долженъ быть осуществить и по самому призванію, и по высотѣ долга учительскаго, и по высотѣ проповѣдуемаго ученія. Вѣдь чѣмъ привлекали къ себѣ простые, безхитростные въ научно-богословскомъ отношеніи христіанскіе святые, схимники, какъ не жизнью по заповѣдямъ Христовымъ, жизнью въ Богѣ и для Бога?..

Придется, поэтому, пастырю использовать всю силу учительскаго авторитета, зарапѣе, конечно, пріобрѣтеннаго у своихъ пасомыхъ, противопоставить соблазнамъ сектантства всѣмъ противоядія духовно-увлекающаго характера. Что можетъ привлекать простолюдина, напр., въ штундизмъ—чтеніе и толкованіе Свящ. Писанія, сопровождаемая пѣніемъ?— А развѣ не то же самое дѣлаетъ—и долженъ дѣлать—на-

стырь и въ храмѣ, и въ частныхъ собраніяхъ, и въ каждомъ домѣ, уча *благвременнѣ и безвременнѣ*? Развѣ не можетъ и не долженъ онъ учить и въ храмѣ и въ школѣ осмысленному отношенію къ Свящ. Писанію, выяснять, какъ его святыя истины должны стать достояніемъ жизни каждаго вѣрующаго, потому что слова эти и содержать въ себѣ духъ и жизнь? Развѣ пѣнію псалмовъ и кантовъ (стиховъ) не можетъ православный пастырь противопоставить—при дѣятельномъ соучастіи школы—*такое* пѣніе церковныхъ пѣспопѣній, *такое* исполненіе духовныхъ стиховъ (псалмъ, гимновъ), которые распѣвались бы и въ школахъ и дома, что послѣ нихъ никто не захотѣлъ бы идти на штундистскія собранія? Развѣ уйдетъ крестьянинъ на сектантское собраніе, если душа его вполне удовлетворена здѣсь, въ церкви? Услышавъ впервые, что существуютъ такія собранія, гдѣ *кто-то* учить, *что-то* поютъ, любящія своего пастыря-отца чада первымъ долгомъ спросятъ своего духовнаго руководителя: что это? зачѣмъ оно? и т. п. ¹⁾.

Если, далѣе, сектантство привлекаетъ къ себѣ матеріальною помощью, оказываемою тѣмъ, кто вступаетъ въ ряды его членовъ, то что препятствуетъ православному пастырю вооружиться своей энергіей, сконцентрировать около себя лучшія силы своего прихода, образовать попечительство, организовать всякаго рода матеріальную помощь нуждающимся?—Но—возразить: „легко указывать различныя средства, легко предписывать идеальныя требованія, легко возла-

¹⁾ Намъ извѣстны случаи, когда въ приходахъ, гдѣ состоятъ пастырями маститые священники въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, при появленіи того или другаго сектанта-проповѣдника, прихожане сами по добру-по-здорову выпроваживали его изъ родного села (это было до опубликованія Указа 17 апр.). Приходилось также слышать, каковъ громадное профилактическое значеніе противъ увлеченія сектантствомъ (въ частности—штундизмомъ, привлекающимъ крестьянъ, между прочимъ, своимъ пѣніемъ) имѣетъ образованіе народно-крестьянскихъ церковно-нѣвческихъ хоровъ (какъ, напр., извѣстный ахматовскій хоръ доктора Демущаго въ Кіевской губерніи).

гать на православнаго пастыря новыя бремена, еще болѣе затруднять исполненіе имъ и безъ того труднаго пастырскаго долга.—Вѣрно, конечно, что писать и предписывать легче, чѣмъ исполнять. Никто не станетъ спорить, что бремя священнослуженія пастырскаго, трудное вообще, теперь станетъ несравненно больше труднымъ, такъ какъ отъ всѣхъ волковъ, которые будутъ угрожать съ различныхъ сторонъ стаду его, одно спасеніе—въ немъ самомъ, въ его учительскомъ авторитетѣ, въ его высокихъ личныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ. Но, вѣдь, какъ это ни трудно, а съ этимъ считаться нужно.

Здѣсь мы приходимъ къ двумъ важнѣйшимъ пунктамъ, отъ которыхъ и будетъ зависѣть должное выполненіе православными пастырями своего отнынѣ *высоко-миссіонерскаго* служенія.—Мы ничуть не преувеличиваемъ, называя нынѣ *всякаго* пастыря *миссіонеромъ*. Онъ постоянно долженъ будетъ думать о томъ, чтобы не отпалъ отъ православія его палочные пасомые; долженъ будетъ всячески подкрѣплять колеблющихся (конечно, напередъ зная ихъ); долженъ будетъ всѣми средствами духовными—убѣжденія, наставленія отъ Слова Божія и разума, а главнымъ образомъ—собственнымъ примѣромъ и собственною жизнью предотвращать увлеченіе не-православіемъ и возвращать въ лоно православія отпавшихъ почему-либо членовъ его. Какой же это важное дѣло требуетъ настойчивости, какой энергій, какъ долженъ быть закаленъ православный пастырь—этотъ боецъ за дѣлность и нравственность своего стада!.. Всѣ необходимыя качества должны быть предварительно воспитаны въ немъ школою. И это дѣло не требуетъ ни малѣйшаго отлагательства. Въ противномъ случаѣ, пока мы будемъ собираться, думать да гадать, пока мы еще не успѣемъ свыкнуться съ новымъ положеніемъ, когда отвинѣ ни откуда нельзя ожидать помощи въ дѣлахъ религіозной вѣры,—многое можетъ совершиться не ко благу православной паствы, слабой, колеблющейся или оставленной безъ тщательнаго пастырскаго наблюденія. Не мало отъ этого

потеряетъ и самъ пастырь. Любовь къ своему званію, умѣнье и даже искусство учительства церковнаго, близкое и любовное отношеніе къ своимъ пасомымъ, чистота жизни, настойчивость и сила характера—все это должно быть воспитано въ школѣ, готовящей будущихъ пастырей. И среди этихъ прошедшихъ школу духовную долженъ быть производимъ строгій выборъ тѣхъ, на кого теперь возлагаются несравненно болѣе трудныя, чѣмъ прежде, задачи.

Для надлежащаго исполненія этихъ весьма трудныхъ задачъ настоятельно необходимо пастырей Православной Церкви матеріально обезпечить, чтобы имъ не надо было для поддержанія своего существованія и воспитанія дѣтей обращаться къ тѣмъ унижительнымъ (но печальною необходимостью вызываемымъ) способамъ улучшенія своего матеріальнаго благополучія, которые могли (не скроемъ того) у нѣкоторыхъ пастырей переходить предѣлы, дойти до крайности, вызывать соблазнъ, послужившій, быть можетъ, у иныхъ поводомъ къ отсутствію отъ Православной Церкви, терпящей и допускающей такихъ служителей. Вотъ какую картину съ патуры рисуетъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ, гдѣ ясно видно, можно ли при настоящемъ положеніи духовенства ожидать отъ него энергичныхъ, до самоотверженія доходящихъ, трудовъ на духовную пользу вѣреннаго стада. „Наше духовенство принуждено всю жизнь свою влачить самымъ жалкимъ образомъ, довольствуясь доброхотнымъ даваніемъ прихожанъ, сытаясь въ грязь и слякоть по домамъ прихожанъ, вырешивая кабую-либо мѣрку хлѣба, унижаясь и срамя свой санъ и доброе имя, зачастую подвергаясь насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны своихъ же духовныхъ чадъ, а иногда и пападенію своры собакъ. Представьте себѣ слѣдующую картину: наступила осень; крестьянинъ убралъ и вымолотилъ свой хлѣбъ,—и вотъ мѣстный священникъ собирается ѣхать въ такъ называемую *коляду*. Самымъ раннимъ утромъ облачается онъ въ самый худшій съ заплатами подрясникъ, запасается мѣшками, велитъ ра-

ботнику запретъ лошадь въ простую телѣгу и вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ намѣченную деревушку. Въ послѣдней, какъ только замѣтили приближеніе знакомаго лица, началась суета. Нѣкоторые добродушные крестьяне стараются привѣтствовать пріѣзжаго гостя, а нѣкоторые или немедленно уѣзжаютъ изъ деревни, или просто прячутся, дабы какъ-нибудь избавиться отъ непрошеннаго нашествія духовенства. Однимъ словомъ, духовенство представляетъ изъ себя интеллигентныхъ нищихъ, обреченныхъ *volens-nolens* обирать своихъ духовныхъ чадъ, хотя бы послѣдніе этого и не желали.

„Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ далѣе тотъ же священникъ,—чѣмъ жить, какъ существовать, какъ прокормить себя и семью, воспитать дѣтей, если на содержаніе православнаго духовенства отпускаются въ сравненіи съ другими служащими въ иныхъ вѣдомствахъ ничтожныя суммы? Самое большее, если въ центральныхъ губерніяхъ священникъ получаетъ 300 рублей. Возьмемъ въ примѣръ какого-либо акцизнаго чиновника, получившаго очень часто низшее образованіе; онъ получаетъ 1200 руб. въ годъ; или возьмемъ земскаго начальника, получающаго довольно солидное содержаніе. Ужели эти и подобныя лица приносятъ больше пользы Престолу и отечеству, чѣмъ духовенство?—Сомнительно“.—Странно только, что отъ такимъ образомъ поставленныхъ людей, не имѣющихъ твердой почвы, дабы опереться, хотять, чтобы они были хорошими дѣлателями. Успѣхъ всякаго дѣла зависитъ не только отъ личности того, кто его дѣлаетъ, но и отъ обстоятельствъ, въ которыя дѣлатель поставленъ. А духовенство наше такъ дурно поставлено въ матеріальномъ отношеніи, что объ особенно полезномъ дѣланіи его, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи.

Еще нѣсколько иллюстрацій изъ той же статьи: „Умираетъ кто-либо въ приходѣ, оставляетъ осиротѣлую семью; родственники являютя къ священнику заявить о смерти и здѣсь же, между прочимъ, спрашиваютъ: что же, батюшка, возьмете за погребеніе? Тутъ всякій, не-священникъ даже,

долженъ бы посочувствовать горю ближняго, а священнику приходится вмѣсто всякаго сочувствія, иногда совершенно необходимаго, назначать плату за трудъ и стараться получить мзду предварительно, въ противномъ случаѣ придется ожидать безсрочное время или вовсе таковой не получить, хотя пришлось бы въ грязь или морозъ идти съ тѣломъ умершаго версты двѣ или болѣе. А сколько бываетъ такихъ случаевъ, когда родственники умершаго, при всемъ желаніи отблагодарить духовенство за трудъ, не могутъ, потому что нечѣмъ!.. Пасомые тяготятся содержаніемъ своихъ пастырей—и тяготятся потому, что имъ самимъ приходится иной разъ очень плохо. Отчасти на этой почвѣ создаются у насъ и секты, послѣдователи которыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ не преминутъ поставить нашему мужичку на видъ, что ваши-де поны торгуютъ таинствами и другими требами. Вотъ почему, между прочимъ, и слова пастыря часто не приносятъ желаемой пользы. Сколько бы ни старался онъ убѣждать прихожанъ на какое-либо доброе дѣло, сколько бы ни проповѣдывать, пасомымъ все кажется, что онъ говоритъ въ свою пользу¹⁾.

Эти строки писаны до Высочайшаго Указа 17-го апр. Справедливо говорить: чѣмъ права шире, тѣмъ и обязанности серьезнѣе, сложнѣе и отвѣтственнѣе. Но мы въ полномъ правѣ сказать, что если обязанности затрудняются, усложняются, то и права должны быть расширены, повышены. Такииъ несомнѣннымъ правомъ, основнымъ условіемъ успѣха пастырскаго дѣланія вообще, а при дѣйствіи Высочайшаго Указа 17-го апр. еще болѣе затрудненнаго, ставшаго миссіонерскимъ, является полная матеріальная обеспеченность православнаго пастыря, которая его не только бы не ставила ниже въ этомъ отношеніи сравнительно съ обезпеченіемъ духовныхъ лицъ инославнаго исповѣданія, а даже выше или, въ крайнемъ случаѣ, была бы сравнена съ ними, если толь-

¹⁾ Смол. епарх. вѣд., № 24-й 1904 г.

ко православные пастыри, несмотря на силу Указа, все же остаются представителями *первенствующей и господствующей* въ Россійской имперіи вѣры. Это составляет, помимо другихъ указанныхъ нами условій, *conditio sine qua non* успѣха и силы православно-миссіонерскаго дѣланія нашего духовенства при новыхъ условіяхъ. Собственно всѣ эти условія должны бы быть предварительно созданы для того, чтобы Указъ 17-го апр. не засталъ врасплохъ все церковное управленіе Православной Церкви и не вызвалъ бы, быть можетъ, сибѣшнихъ реформъ, которыя могутъ оказаться и не совсѣмъ осуществимыми при тѣхъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится нынѣ ведущая тяжелую войну Россія.

Наконецъ, не забудемъ, что высокая степень культурности, на которую рассчитанъ Высочайшій Указъ 17-го апр., требуетъ этой культурности и предполагаетъ ее не только у православныхъ, но и у инославныхъ и сектантовъ, особенно при свободномъ отношеніи богомоленіи и при возможности, слѣдовательно, свободно отправлять свой ритуаль, не всегда согласующійся съ обрядами православнаго богослуженія. Свобода вѣры не есть свобода (неограниченная) исповѣданія, а тѣмъ болѣе, конечно, свобода пропаганды. На это не разъ указываютъ бывшія въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ совѣщанія и разъясненія. Если исторіи борьбы православія съ сектами доказываютъ, что сила является въ данномъ случаѣ орудіемъ недѣйствительнымъ, что подвергаемые преслѣдованію сектанты лишь получаютъ въ глазахъ единомышленниковъ ореолъ мучениковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ исповѣданіе растетъ и крѣпнетъ; если отрицаніе сектантами властей, воинской повинности, права собственности и т. п., въ случаѣ дѣйствительнаго виѣшняго проявленія, могутъ заключать въ себѣ признаки уголовнаго преступленія, караемаго соответствующимъ наказаніемъ: то, ограждая себя, свою власть, свои принципы, государственная власть, естественно, должна позаботиться объ интересахъ Церкви господствующей.

Памекъ на это мы тоже встрѣчаемъ въ разъясненіяхъ Комитета Министровъ. Совращеніе въ другое исповѣданіе (о сектанствѣ не сказано) признается преступнымъ только въ томъ случаѣ, если оно сопровождается обманомъ, насиліемъ или обѣщаніемъ выгодъ; совращеніе же помощью убѣжденія не наказуется. Подобно этому, разъясненія указываютъ, что стѣсненіемъ права молитвы общественной сектантовъ въ жизнь мѣстнаго населенія вносилась значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами. Духовенство православное, выставя признакомъ преступности самое совершеніе религіозныхъ обрядовъ, не признаваемыхъ Православною Церковью, а потому какъ бы являясь защитникомъ правъ Церкви и ея неприкосновенности, могло въ иныхъ случаяхъ чрезмѣрно стремиться къ охраненію силы и значенія православія. Потому, по мнѣнію Комитета, убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ (вѣроятно—въ государственномъ смыслѣ) дѣяніи. Изъятіе изъ этого должно, само собою разумѣется, имѣть мѣсто относительно сектъ изувѣрныхъ, самая принадлежность къ которымъ карается закономъ. Религіозная свобода принадлежащихъ ко всѣмъ прочимъ сектамъ лицъ не можетъ быть стѣснена, пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ: эти лица тогда и преслѣдуются въ уголовномъ порядкѣ. Точно также право совершенія общественныхъ богомоленій должно быть предоставлено всѣмъ (кромѣ изувѣрныхъ) сектамъ и толкамъ безъ различія ихъ вѣроученій. Если же проявленіе вѣроуаній сопряжено съ опасностью для общественной нравственности или общественнаго спокойствія, то мѣры борьбы должны быть направлены не въ путяхъ ограниченія духовной свободы, а пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ, на основаніи уголовного закона, какъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, такъ и дѣятельности пронагаторской, если бы таковая проявилась.

Печальные случаи коллизій между православными и сектантами (особенно штундистами) ясно показываютъ, что „настоятели“ и „наставники“ сектантовъ (къ сожалѣнію, въ большин-

ствѣ невѣжественные не менѣе, если не болѣе, чѣмъ ихъ паства, съ прибавкою фанатически-страстнаго отношенія къ исповѣдваемымъ ими вѣрованіямъ) должны своихъ единомышленниковъ просвѣщать въ принципахъ вѣротерпимости, требуя уваженія и почитанія того, что ими не исповѣдуется или прямо отрицается. Возможно ли такое сразу и какъ *deus ex machina* высоко-просвѣщенное отношеніе главарей сектъ и ихъ послѣдователей къ православію, а въ губерніяхъ польскихъ—католическихъ ксендзовъ и фанатически-настроеннаго населенія къ православнымъ, это покажетъ недалекое будущее.

Повторяемъ, что духовенству православному надо сплотиться въ одну твердую, авторитетную духовную силу подъ руководствомъ такихъ же энергическихъ, мощныхъ духовно архиастырей, вооружиться всѣми кротко-учительными, но убѣдительными словами евангельскаго ученія, ограждать овецъ ввѣреннаго имъ словеснаго стада Христова, заблудшихъ вразумлять и возвращать въ лоно Церкви—и въ то же время отнюдь не допускать какого-либо признака неуваженія, а тѣмъ паче оскорбленія уставовъ и обрядовъ Православной Церкви со стороны инославнаго или сектантскаго населенія. Само собою понятно, что въ этомъ послѣднемъ ему должна явиться на помощь гражданская и судебная власти.

II. К—ій.

За маленькаго человѣка.

Въ послѣднее время въ духовныхъ журналахъ нашихъ на очередь поставленъ вопросъ о псаломщикахъ и ихъ отношенія къ священникамъ. Высказано было много рѣзкихъ сужденій по поводу небрежности псаломщиковъ, нарушенія ими чина и устава церковнаго, непочтительности къ священнику, не истоваго и неблагоговѣйнаго чтенія и пѣнія и т. п. Кажется, никто почти не сказалъ сочувственнаго слова въ защиту псаломщика, этого поистинѣ „маленькаго человѣка въ духовномъ мірѣ“. Ужели забыли ту простую истину, что въ каждомъ стадѣ, на ряду съ плохими, есть вѣдь и хорошія овцы, и даже больше хорошихъ, нежели плохихъ? Зачѣмъ же отворачивать глаза отъ дѣйствительности? зачѣмъ цѣлому классу приписывать такіе недостатки и пороки, въ которыхъ многіе изъ псаломщиковъ едва ли повинны?.. Вѣдь есть же и среди нихъ много любящихъ и знающихъ свое клиросное

дѣло и послушныхъ настоятелямъ своимъ? А если такъ, то почему же между оо. іереями и псаломщиками нашего времени утвердилась пропасть великая? Почему, когда высказываются свѣтлыя мечтанія о матеріальномъ улучшеніи быта священника, судьба псаломщика мало кого интересуесть? Откуда, наконецъ, это странное, какое-то полупрезрительное отношеніе оо. іереевъ къ низшему члену клира духовнаго?— Конечно, и среди псаломщиковъ (какъ и среди священниковъ) найдутся лица, которыя не всегда удовлетворяютъ своему назначенію; но такихъ лицъ гдѣ не бываетъ, и въ какомъ званіи не найдутся они? Наша рѣчь не объ исключеніяхъ, не объ отдѣльныхъ лицахъ, а о *типѣ*.

Что же можно сказать о *типѣ* псаломщика?

Какъ исполнитель своихъ прямыхъ обязанностей, псаломщикъ нашего времени имѣетъ весьма много положительныхъ достоинствъ. Уставъ церковный, да и вообще порядокъ службы, онъ знаетъ нисколько не хуже хваленнаго „старога дьячка“ (а это, какъ извѣстно, и есть одно изъ выдающихся качествъ послѣднихъ). Къ священнымъ предметамъ онъ относится съ должнымъ уваженіемъ и почтеніемъ; пѣніе совершаетъ истово, съ благоговѣніемъ, а не отпращиваетъ его механически, что сплошь и рядомъ продѣлывали хваленые дьячки старога времени. Недаромъ старинное малосмысленное „дьячковское“ чтеніе и пѣніе вошло у насъ въ пословицу.

И правда, нынѣшній псаломщикъ требуетъ нѣсколько иного обращенія съ собою со стороны священника, который не всегда, пожалуй, встрѣтитъ въ немъ прежнее *рабское* послушаніе. Зато современный псаломщикъ можетъ быть—и дѣйствительно часто бываетъ—сердечнымъ другомъ священника, съ которымъ этотъ послѣдній можетъ въ часы досуга и поговорить, и почитать, и пообсудить то, что требуетъ обсужденія. Сами мы проповѣдуемъ о гуманномъ отношеніи къ людямъ, и сами же первые не исполняемъ этой проповѣди, когда дѣло коснется низшаго нашего собрата—псаломщика. А послѣ жалуемся, что не встрѣчаемъ полнаго послушанія въ

псаломщикахъ, пишемъ объ ихъ грубостяхъ въ журналахъ и явно выражаемъ желаніе не имѣть ихъ у себя.

Словъ нѣтъ, и въ псаломщикахъ встрѣчаются свои недочеты; но недочеты эти вполне устранимы. Въ этомъ случаѣ даже самъ священникъ могъ бы притти на помощь такому псаломщику указавъ, чего именно недостаетъ ему; но указаніе это онъ долженъ сдѣлать не въ формѣ выговора, а съ любовію, безъ ронота, терпѣливо и вѣжливо.

Между тѣмъ, на дѣлѣ этого часто не бываетъ. Псаломщикъ всецѣло и безраздѣльно подчиненъ своему ближайшему начальнику—священнику. Послѣдній—служитель алтаря, но тѣмъ не менѣе—человѣкъ, съ человѣческими недостатками, увлеченіями и пристрастіями; пусть въ девяти случаяхъ его власть не давитъ и является кроткою и законною, но въ десятомъ она можетъ сказаться, какъ произволь, можетъ досадно проявиться въ мелочи и привести къ недовольству, выражающемуся со стороны псаломщика или въ молчаливомъ озлобленіи, или во внѣшнемъ протестѣ. Намъ не одинъ разъ приходилось читать тѣ или другія обвиненія, возводимыя на псаломщиковъ. И, Боже мой, за что ихъ только не бранятъ! И въ алтарь-то они входятъ неблагоговѣнно и безъ всякой надобности; и на клиросѣ смѣются и по сторонамъ оглядываются; и не всегда оказываютъ священнику внѣшніе знаки почтенія—не берутъ у него благословенія, не дѣлуютъ его руки и т. д. Все это, конечно, бываетъ, и мы нисколько не оправдываемъ такихъ псаломщиковъ, которые позволяютъ себѣ что-либо подобное. Но еще вопросъ: кто болѣе повиненъ въ случаяхъ раздора между псаломщикомъ и священникомъ—самъ ли псаломщикъ, или, быть можетъ, и священникъ?.. Вѣдь мы знаемъ,—и ни для кого это не тайна,—что идеальный миръ среди насъ, іереевъ, далеко не всегда царитъ... Не мало поводовъ къ разнаго рода столкновеніямъ и недоразумѣніямъ подають и неопредѣленность размысловъ матеріальнаго вознагражденія, и неуясненность деталей при производствѣ дѣлежъ доходовъ; мелкіе „конфликты“ при этомъ по-

чти неизбѣжны, и, надо сказать, лучшая роль во всѣхъ подобныхъ несогласіяхъ не всегда выпадаетъ на долю старшаго члена причта...

Почему мы—пастыри—такъ рѣдко хвалимъ низшаго нашего собрата по служенію,—ясно. Нынѣ всюду говорятъ о тяготахъ священническаго служенія, но рѣшительно никто не говоритъ о трудности службы псаломщика, какъ будто бы ея и не существуетъ. А между тѣмъ, тяготы служенія псаломщика по церкви и приходу едва ли менѣе ощутительны, чѣмъ тяготы служенія священника. Во время богослуженія онъ трудится нисколько не меньше самого священника (припомните службу великопостную). Далѣе. Псаломщикъ всюду сопровождаетъ при требоисправленіи своего настоятеля—и въ лѣтній зной, и въ зимнюю стужу; стало быть, трудится тѣмъ же трудомъ и въ той же мѣрѣ. Наконецъ, на псаломщикѣ лежитъ тяжелое бремя церковно-приходской отчетности по церкви и приходу. Не вездѣ, конечно, одинаково это бремя письменоводства, но въ большинствѣ случаевъ оно своею тяжестью положительно давитъ. Насколько многосложна и обременительна эта канцелярская работа, можно судить хотя бы потому, что при церквахъ нѣкоторыхъ епархій въ послѣднее время, при постройкѣ школъ, приходское духовенство имѣло въ виду устройство и церковныхъ канцелярій, хотя въ законодательствѣ нашемъ это—совершенно непредвидѣнное учрежденіе... Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣятельность псаломщика заслуживаетъ полной похвалы, а отнюдь не порицанія. Далекое не то мы видимъ на дѣлѣ. Не говоря уже о священникѣ, общество (прихожане) относится къ псаломщику не внимательно, а часто—даже пренебрежительно. Находятся люди, готовые смотрѣть на псаломщика, только какъ на человѣка, предназначеннаго для услугъ священнику, забывая, что гражданское и церковное законодательства говорятъ совершенно иначе. Съ перемѣною взгляда на псаломщика должна вмѣстѣ совершиться и перемѣна въ матеріальномъ вознагражденіи его. Правда, должна быть разница—и боль-

шая разница — въ оплатѣ труда человѣка съ образованіемъ и человѣка „неученаго“; но она не должна быть такою несообразною, какъ теперь, — иначе бѣдному человѣку нечѣмъ будетъ жить. Мой, напр., псаломщикъ получаетъ въ годъ немного болѣе двухсотъ рублей съ казеннымъ жалованьемъ. Между тѣмъ, за одну годовую квартиру въ городѣ онъ долженъ уплатить 50 рублей; дровъ долженъ купить (2 сажени) на 30 рублей. Что же остается на одежду и пищу, если приять во вниманіе дороговизну городского содержанія? Не правда ли, что двухсотъ руб. „немножко мало?“...

Когда взвѣсишь все обстоятельства, начиная отъ матеріальной необезпеченности и крайней незавидности общественнаго положенія до обремененности дѣломъ, почти не оставляющимъ досуга; когда представишь безотрадность перспективы служенія „неученаго“ псаломщика, — то поневолѣ скажешь: да, дѣйствительно, сожалѣнія достойна участь такихъ людей, которымъ и теперь и впереди ожидать рѣшительно нечего, кромѣ выговора строгаго благочиннаго и крышки дешеваго гроба...

Свящ. *Іоаннъ Доброправовъ.*

Письмо въ Редакцію.

М. Г.,

Господинъ Редакторъ!

Въ № 2-мъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ за нынѣшній 1905 годъ помѣщена статья о замѣнѣ добровольныхъ даяній за требоисправленія духовенству отъ прихожанъ жалованьемъ, назначаемымъ отъ прихожанъ же, а не отъ правительства. Идея эта въ высшей степени симпатична, и осуществленіе ея было бы весьма желательно въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Человѣку, не издавшему, изъ какихъ источниковъ и при какихъ обстоятельствахъ сель-

скому духовенству приходится черпать средства для своего существованія, трудно представить себѣ, насколько этотъ способъ содержанія вреденъ, губителенъ для пастырства, насколько не соотвѣтствуетъ его духу. Вѣдь ни для кого теперь уже не тайна, что только тамъ, въ тѣхъ сѣлахъ духовенство пользуется сравнительно достаточнымъ содержаніемъ, гдѣ установленъ извѣстный порядокъ платы, извѣстная, такъ сказать, *такса* за требоисправленія, и духовенство старательно поддерживаетъ этотъ порядокъ платы. А гдѣ нынѣ этихъ *таксъ* нѣтъ? гдѣ духовенство получаетъ вполнѣ добровольныя даянія? гдѣ оно не придерживается, хотя бы приблизительно и скрѣпя сердце, извѣстнаго порядка „мздовоздаянія?“—Поддерживаніе уже такого порядка заставляетъ подчасъ пастыря входить въ роль чуть не становаго пристава, къ помощи котораго прибѣгаютъ при взысканіи съ крестьянъ недоимокъ. Не знаю, сможетъ ли хотя бы одинъ пастырь, положя руку на сердце, сказать, что это — неправда. Но гдѣ же тутъ пастырство, душепопечительство, и какъ оно можетъ мириться и уживаться съ такими явленіями?..—А насъ еще заставляютъ являть собою, своею жизнью, примѣры, воплощать идеалы и винять за то, что мы не даемъ этихъ идеаловъ, забывая, что вѣдь и мы ѣсть хотимъ. Какая иронія! Голоднаго человѣка заставляютъ быть добродѣтельнымъ, отъ него требуютъ образца поведенія!..—Нѣтъ, намъ еще не до идеаловъ.—Накормите напередъ насъ, тогда и требуйте идеаловъ!..

Поэтому, осуществленіе проекта, предлагаемаго въ выше-названной статьѣ, было бы великимъ счастіемъ для духовенства, для народа православнаго и для всего государства Русскаго. За минимальную цифру, назначаемую авторомъ въ годовое жалованье священнику—1200 руб., громадное большинство духовенства православнаго поклонилось бы съ благодарностью до земли. Многіе помирились бы и на меньшей цифрѣ—въ 900 руб.; но, въ интересахъ дѣла, необходимо назначить именно наивозможно высшую цифру, такъ какъ

тогда лучшая часть семинаристовъ, уходящихъ теперь по окончаніи курса на гражданскую службу, не будетъ убѣгать отъ священнаго сана. Не можемъ только согласиться съ предложеніемъ автора, чтобы духовенство получало жалованье съ прихода само же, чрезъ церковь или чрезъ попечительство. Тогда смыслъ жалованья останется прежній: оно останется попрежнему платой за требы, и денежные расчёты опять станутъ стѣной между крестьяниномъ и духовенствомъ. Пусть крестьянинъ знаетъ, что онъ платитъ на жалованье духовенству,—но пусть платитъ не самому духовенству—духовенство нужно освободить отъ всякихъ денежныхъ разговоровъ съ нимъ, отъ платы изъ рукъ въ руки. Пусть для добровольныхъ пожертвованій въ пользу причта будетъ ящикъ съ соотвѣтствующей надписью, хранящійся въ церкви. При посѣщеніи прихожанъ съ требами по домамъ и теперь возится церковный ящикъ для полученія денегъ за свѣчи; пусть и этотъ ящикъ будетъ разгороженъ на двѣ части, изъ которыхъ вторая пусть будетъ для пожертвованій въ пользу духовенства... Церковную землю, находящуюся въ пользованіи причтовъ, авторъ предлагаетъ продать въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія причта. Съ этимъ согласиться трудно. Отъ продажи земли обезпеченіе причтовъ увеличится только на какіе-нибудь гроши, а между тѣмъ она можетъ пригодиться на удовлетвореніе разныхъ приходскихъ нуждъ—благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и другихъ, на уменьшеніе и уничтоженіе нищенства въ приходѣ, на примѣрную обработку поля церковными школами, подъ богадѣльни, приюты и проч. и проч.

Молю Бога, чтобы Онъ далъ возможность осуществиться доброй идеѣ обезпеченія духовенства и предлагаю для лучшаго ея осуществленія объявить чрезъ „Церковныя Вѣдомости“ или хотя бы чрезъ епархіальные вѣдомости (журналы, читаемые рѣшительно *всѣмъ* духовенствомъ) приемъ мнѣній всего духовенства по этому вопросу: пусть духовенство выска-

жется, нужна ли означенная реформа, насколько она необходима, и какъ её осуществить. Свящ. П. Л—въ.

Отголоски войны среди сельскаго населенія.

Необыкновенное патріотическое настроеніе въ настоящее время среди русскаго населенія особенно наглядно обнаруживается въ деревнѣ. Готовность крестьянина жертвовать на нужды войны—поразительна. Двѣ, напр., захопустныя волости Чериковскаго уѣзда (Могил. г.)—Малыгическая и Долговическая—пожертвовали: первая 1500 руб., вторая 1000 руб. и по нѣскольку тысячъ аршинъ холста, несмотря на то, что нынѣшній годъ въ экономическомъ отношеніи, до наступленія осени, былъ тяжелъ для населенія. При этомъ на волостныхъ сходахъ крестьяне заявили, что при нуждѣ готовы будутъ и еще пожертвовать. На дняхъ церковный староста и представители отъ прихожанъ Онуфриевской церкви, по случаю объявленія мобилизаціи арміи, по предложенію священника, постановили, чтобы на нужды войны изъ суммъ церковныхъ было пожертвовано 500 руб., хотя эти 500 руб. были собраны за нѣсколько лѣтъ, при валовомъ церковномъ доходѣ 400—500 руб. въ годъ. „Не приходится намъ теперь, батюшка,—сказали крестьяне,—жалѣть денегъ, когда другіе жертвуютъ своею жизнью, которую не купить ни за какія деньги“.

Подъемъ патріотическаго духа у крестьянъ идетъ объ руку съ усиленіемъ религіозности. Церковь въ нынѣшнемъ году посѣщается болѣе аккуратно. При служеніи молебна о дарованіи побѣды или панихиды объ убиенныхъ воинахъ среди молящихся замѣчается особая молитвенная сосредоточенность. Часто просятъ служить молебны о находящихся въ арміи родныхъ; посылаютъ имъ въ благословеніе крестики и иконки. Церковные сборы въ пользу Краснаго Креста донинѣ идутъ успѣшно. Дать свою лепту крестьянинъ здѣсь считаетъ для себя столько же священной обязанностью, какъ поставить

свѣчу предъ иконой. Въ частныхъ бесѣдахъ интересъ къ войнѣ среди крестьянъ замѣчается необычайный; но вездѣ замѣтна полная покорность волѣ Божіей и увѣренность въ побѣдѣ. По объявленіи мобилизаціи, 10 октября, несмотря на грязь и непогоду, церковь была особенно полна молящихся, и видно было, что не устами только, но всей душой они молятся. Утромъ 11 октября чины запаса арміи Мала-тичской волости, предъ своимъ отправленіемъ въ г. Чериковъ, пожелали быть напутствуемы молебномъ, для чего собрались въ церковь. Впервые приходилось видѣть столь горячую молитву. Церковь была биткомъ набита; свѣчей горѣло, какъ въ большой праздникъ. Всѣ увѣжающіе были замѣчательно спокойны. Нигдѣ не слышно было ни словъ ропота или опасенія, не видно было унылыхъ или плачущихъ. Провожая ихъ, невольно думалось, что съ такими солдатами можно быть спокойнымъ при всѣхъ военныхъ неудачахъ; но при этомъ возникала также и мысль о священной обязанности пастырей Церкви проявить теперь свое участіе къ ихъ оставленнымъ семействамъ. Дѣйствительно, если теперь еще, пока не съѣденъ собранный хлѣбъ, солдатскимъ семействамъ будетъ съ-полгоря, то что ихъ ожидаетъ весной, при вѣроятной дороговизнѣ хлѣба и кормовъ для скота? Земскими управами имъ будетъ организована помощь, но нельзя ожидать, чтобы она была вполне достаточна, на что указываетъ и циркуляръ губернаторамъ г. Министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 15 августа за № 23, признающій желательность въ семь дѣлъ частной благотворительности, располагать къ которой крестьянъ приглашается наше духовенство (№ 35 „Церковн. Вѣд.“). Проявивъ уже горячее участіе къ нуждамъ войны, пастыри Церкви, безъ сомнѣнія, примутъ близко къ сердцу заботы и объ оставленныхъ теперь семействахъ нижнихъ чиновъ. Для этой цѣли самое подходящее теперь—воспользоваться средствами приходскихъ попечительствъ. Доселѣ попечительствамъ, при ограниченности ихъ средствъ, приходилось ограничивать свою дѣятельность почти исключительно забо-

тами о благолѣпіи храмовъ; а между тѣмъ, Положеніе о приходскихъ попечительствахъ предоставляетъ имъ широкое поле дѣятельности. Въ послѣднее время о нихъ много пишутъ, на нихъ возлагаютъ большія надежды, ими думаютъ оживить жизнь прихода. Посему, теперь для пастырей Церкви наступилъ удобный моментъ расширить кругъ дѣятельности попечительства дѣломъ, особенно близкимъ крестьянскому сердцу—оказаніемъ помощи нуждающимся семействамъ нижнихъ чиновъ. Правда, при безденежьи вообще нашего крестьянина, нельзя ожидать здѣсь особеннаго усиленія денежныхъ средствъ, но успѣшныя сборы хлѣбомъ, холстомъ и проч. вполне возможны; въ виду же важности переживаемаго времени, нечего останавливаться предъ израсходованіемъ хотя бы и всѣхъ вообще, быть можетъ, за многіе годы собранныхъ попечительскихъ средствъ. Полюбівшая же возможность плодотворной дѣятельности открылась бы тогда, если бы имѣющіе образоваться уѣздные комитеты обратили свое вниманіе на попечительства, какъ органы, при помощи которыхъ можно было бы лучше и проще организовать помощь семействамъ воиновъ, призванныхъ въ ряды арміи. Нужды своихъ прихожанъ священникъ всегда знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, а трудиться ему не привыкать стать¹⁾.

Свящ. Т. Козловскій.

Отъ Редакціи — Настоящій № журнала нѣсколько запоздалъ выходомъ въ свѣтъ по обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависѣвшимъ.

---

¹⁾ Могил. еп. в. 1904 г., № 30.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го мая 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюня 5-го дня.

Содержаніе: Обь участіи духовенства въ общественной жизни народа.—
Спектакль въ селѣ Затѣйницкомъ (очеркъ).

Обь участіи духовенства въ общественной жизни народа.

„Чѣмъ чаще будетъ видѣть тебя
народъ дѣлающимъ доброе, тѣмъ
больше возлюбитъ тебя“ (св. Амвро-
сій Медиоланскій—„О должностяхъ
священнослужителей“).

Тяжелую годину переживаетъ въ настоящее время наша
многострадальная родина. Ведеть она войну съ внѣшнимъ
врагомъ—войну кровопролитную и разорительную, погло-
тившую уже десятки тысячъ дорогихъ и близкихъ намъ че-
ловѣческихъ жизней и сотни милліоновъ народныхъ сбере-
женій; борется она и съ внутренними врагами, стремящи-

мися возбудить народныя страсти и пошатнуть неизмѣнныя вѣковые ея устои. Но эти печальныя событія принесли и свою долю пользы. Они отрезвили русское общество, пробудили его отъ свойственной ему безпечности и халатности и заставили глубоко призадуматься надъ современнымъ состояніемъ жизни. Въ короткій срокъ они низвергли съ пьедестала многія основы, на которыхъ покоилась русская жизнь. и раскрыли всѣ ея язвы, которыя не могли уже долѣе оставаться безъ радикальнаго лѣченія. Общественное сознаніе не пребываетъ уже болѣе въ томъ блаженномъ самообольщеніи, будто все обстоитъ благополучно; напротивъ, ясно и определенно констатируя недуги свои, оно громко заявило, что такъ дальше жить нельзя. Мысль, дотолѣ связанная тяжелыми цѣпями бюрократическаго усмотрѣнія, не могла уже болѣе оставаться въ прежнихъ оковахъ и разорвала ихъ. Повсюду,—и въ интеллигенціи и въ простомъ народѣ, и въ крупныхъ центрахъ и въ самыхъ захолустныхъ мѣстечкахъ,—заговорили о ненормальности существующаго строя жизни и о необходимости широкаго и кореннаго измѣненія его. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все сильнѣе распространяется этотъ могучій потокъ общественнаго движенія; внутреннія же смуты, нестроенія и кровавыя событія послѣднихъ дней еще болѣе усиливаютъ его и заставляютъ еще чаще биться и безъ того повышенный народный пульсъ. Истинные сыны отечества пришли теперь къ глубокому убѣжденію, что только при дѣятельномъ участіи всѣхъ классовъ общества возможно полное проведеніе въ жизнь тѣхъ благихъ реформъ, которыя намѣчены въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря, и которыя теперь такъ энергично разрабатываются въ Комитетѣ Министровъ. И справедливость требуетъ сказать, что общество ждало только призыва правительства, чтобы начать свою творческую работу и употребить на пользу родины всѣ свои знанія и силы. Такой призывъ и объявленъ былъ Высочайшимъ Манифестомъ, даннымъ 18-го февраля.

Но, къ глубокому сожалѣнію, широкое общественное движеніе, направленное къ улучшенію всѣхъ сторонъ современной русской жизни, мало отразилось въ жизни нашего духовенства. Такое печальное явленіе и подало поводъ въ настоящее время ко многимъ жалобамъ на духовенство. Въ свѣтской печати все чаще и чаще раздаются теперь недовольные голоса, что въ то время, какъ общественная жизнь народа бьетъ горячимъ ключемъ, духовные руководители его—пастыри Церкви—остаются совершенно безмолвны. Духовенство,—заявляютъ они,—является только зрителемъ совершающихся событій безъ всякаго личнаго отношенія къ нимъ. Оно „живетъ и существуетъ лишь для себя, для своихъ узкихъ и ограниченныхъ кастовыхъ интересовъ“, замыкается только въ сферу своей богослужбной дѣятельности и оффиціального исполненія различныхъ должностныхъ обязанностей, но не принимаетъ никакого участія въ социальнo-экономической жизни своихъ духовныхъ чадъ. Вообще же,—говорятъ и настойчиво повторяютъ они,—духовенство „далеко не стоитъ теперь на высотѣ своего историческаго призванія и жгучихъ запросовъ времени, обращенныхъ къ нему, какъ бы не слышать ихъ“ (см. „Прав. русское Слово“ 1905 г., № 3, стр. 250—251). Въ такого рода отзывахъ свѣтской печати есть, конечно, извѣстный элементъ страстности, преувеличеній и даже намѣренной неправды; но многое въ этихъ упрекахъ по адресу духовенства заслуживаетъ и серьезнаго вниманія.

Уже нѣтъ болѣе сомнѣній въ томъ, что наше духовенство въ настоящее время не стоитъ въ томъ тѣсномъ неразрывномъ единеніи съ народомъ, какое было у него въ древности. Фактъ разобщенности между пастыремъ и приходомъ одинаково констатируется теперь какъ свѣтскими, такъ и духовными писателями. „Нельзя скрывать того прискорбнаго факта,—говоритъ *Церковный Вѣстникъ* (№ 43, 1904 г.),—что рознь между духовенствомъ и народомъ, особенно образованными классами, дошла до угрожающихъ размѣровъ“. Одной

изъ главныхъ причинъ такой разобщенности и является, по нашему мнѣнію, то, что пастыри Церкви въ большинствѣ бывають совершенно равнодушны къ общественной жизни своихъ прихожанъ. Соціальная жизнь народа со всѣми ея отношеніями, со всѣми запросами и потребностями, выдвигаемыми временемъ, очень мало ихъ интересуеть, а иногда проходить и совершенно незамѣченной ими. Такое ненормальное отношеніе нашего духовенства къ событіямъ и явленіямъ народной жизни, прозвучавшее столь замѣтнымъ диссонансомъ и въ современномъ общественномъ настроеніи, очевидно, далѣе продолжаться не должно.

Но, быть можетъ, нѣкоторые возразять, что социально-экономическая жизнь насомыхъ не входитъ въ сферу непосредственнаго вліянія пастырей; что они, имѣя свои прямыя обязанности, не могутъ даже и вмѣшиваться въ мірскія дѣла.—На это мы скажемъ, что живое и дѣятельное участіе духовенства во всѣхъ сторонахъ общественной жизни прихожанъ является дѣломъ вполне законнымъ, всегда весьма желательнымъ и полезнымъ для народа и особенно необходимымъ для него въ настоящее тяжелое время. Этотъ вопросъ мы и постараемся хотя нѣсколько выяснить, имѣя въ виду здѣсь главнымъ образомъ простой народъ, а не интеллигентные классы его.

I.

Священническое служеніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова, состоитъ изъ *трехъ* великихъ обязанностей, которыя являются главнѣйшими въ жизнедѣятельности каждаго пастыря Церкви. Обязанности эти слѣдующія. Священникъ долженъ, во-первыхъ, учить народъ истинамъ христіанской вѣры и благочестія, сообщать ему здравыя понятія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и разсѣвать облегающую міръ тьму религіознаго невѣдѣнія и заблужденій. Онъ долженъ, затѣмъ, сообщать людямъ божественную благодать въ таинствахъ, исполнять для нихъ всѣ церковныя требы и быть молитвен-

нымъ ходатаемъ за нихъ предъ престоломъ Всевышняго. Наконецъ, пастырь Церкви долженъ воспитывать пасомыхъ въ истинахъ вѣры и благочестія, предохранять ихъ отъ всѣхъ соблазновъ и пороковъ, врачевать ихъ духовныя язвы и постепенно возводить людей на возможную для нихъ высоту нравственнаго совершенства. Въ этомъ великомъ служеніи своемъ онъ является уже не только учителемъ и „строителемъ таинъ Божіихъ“, но и духовнымъ руководителемъ своихъ прихожанъ.

Но чтобы надлежащимъ образомъ выполнить важное служеніе свое и быть дѣйствительнымъ руководителемъ пасомыхъ, священникъ, естественно, долженъ быть хорошо знакомъ съ жизнью ихъ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ, указывая Своему пророку сущность и направленіе его дѣятельности, говорилъ: *стражи дахъ ты дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ и возвѣстиши имъ отъ Мене* (Иезек. 3, 17). Тѣ же самыя слова слѣдуетъ, конечно, отнести и къ современному пастырю. Какъ стражъ зорко оберегаетъ ввѣренный ему охранный домъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы не могли укрыться гдѣ-нибудь злонамѣренныя лица и не похитили чего-либо изъ имущества; такъ и пастырь, являясь стражемъ ввѣреннаго ему стада Божія, обязанъ усиленно наблюдать за нимъ, вникать во всѣ явленія какъ внутренней, такъ и внѣшней его жизни, чтобы имѣть возможность во-время сохранить своихъ пасомыхъ отъ всѣхъ пороковъ и заблужденій и устроить ихъ жизнь по идеалу святой вѣры и нравственности христіанской. Такое же требованіе предъявляется къ пастырю и въ новозавѣтномъ ученіи. Ап. Павелъ, опредѣляя нравственные качества служителей Церкви, говоритъ: *подобаетъ епископу быти... трезвену* (1 Тим. 3, 2), т. е. онъ долженъ быть постоянно внимателемъ по отношенію къ себѣ и своей паствѣ, тщательно изучая всѣ ея нужды и потребности и безотлагательно удовлетворяя все то, что законно въ нихъ (ср. рѣчь ап. Павла

къ ефесскимъ пастырямъ—Дѣян. 20, 28). Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя это мѣсто въ посланіи ап. Павла, говоритъ, что „пастырю нужно бодрствовать и жить духомъ и, такъ сказать, дышать огнемъ, и больше военачальника, днемъ и ночью наблюдающаго надъ воинствомъ, бдѣть и служить и обо всемъ имѣть заботу и попеченіе“¹⁾. Не ясно ли отсюда, что пастырскому наблюденію и вліянію должна подлежать вся жизнь пасомыхъ во всѣхъ ея отношеніяхъ? Какъ военачальникъ неусыпно заботится о ввѣренномъ ему войскѣ, выходя во всѣ стороны его жизни и удовлетворяя всѣ дѣйствительныя его потребности; такъ, очевидно, и пастырь Церкви долженъ зорко смотрѣть за всѣми явленіями, которыя происходятъ въ жизни пасомыхъ, и быть отзывчивымъ и внимательнымъ не только къ духовнымъ, но и къ внѣшнимъ нуждамъ ихъ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ всегда съ сочувствіемъ относился къ тѣлеснымъ нуждамъ и страданіямъ бѣдствующаго человѣчества. *Милосердую о народъ семъ* (Мѡ. 15, 32; 14, 14), говорилъ Спаситель, когда видѣлъ окружающихъ Его въ тяжеломъ или безпомощномъ положеніи,—и, по Своему божественному милосердію, несъ богатую помощь всюду, гдѣ только былъ слышенъ голосъ нужды.

То же ученіе о необходимости для пастыря широкаго вліянія и теплаго участливаго отношенія къ мірскимъ потребностямъ пасомыхъ встрѣчаемъ мы и у св. отцевъ Церкви. Такъ, св. Василій Великій, указывая въ своемъ 70-мъ нравственномъ правилѣ, что должны дѣлать тѣ, кому ввѣрена проповѣдь Евангелія, между обязанностями ихъ званія упоминаетъ и о томъ, что „къ ввѣреннымъ они должны быть сострадательны и въ тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, и заботиться о нихъ“. Такой же настоятельный совѣтъ даетъ пастырямъ и св. Григорій Двоесловъ. „Нельзя одобрить, — говоритъ

¹⁾ С. Покровскій. Курсъ практ. руков. для пастырей. Ч. общ. 1893 г. стр. 113.

онъ,—тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ бы не существуютъ“. Занимаясь созерцаніемъ, стремясь въ *горня*, пастырь въ то же время долженъ относиться съ участіемъ и ко всѣмъ мелочамъ людскимъ, къ немощамъ и заботамъ плотскаго человѣка, подобно ап. Павлу, высреннимъ умомъ своимъ восходившему до тайнъ міра ангельскаго, а жалостливымъ сердцемъ нисходившему до тайнъ супружескаго ложа (1 Кор. 7, 2—6)¹⁾.—Такимъ образомъ, свв. отцы Церкви прямо и опредѣленно говорятъ о необходимости для пастыря заботиться не только объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ пасомыхъ, но и объ устроеніи ихъ внѣшней, „тѣлесной“ жизни.

Если отъ святоотеческаго ученія обратимся къ церковнымъ канонамъ, то здѣсь также не найдемъ ничего такого, что бы запрещало пастырямъ слѣдить за мірскими дѣлами и отношеніями пасомыхъ и принимать въ нихъ живое и дѣятельное участіе. Правда, нѣкоторое недоумѣніе могутъ возбуждать 6-е и 81-е Апостольскія правила, гдѣ, повидимому, какъ будто не дозволяется пастырямъ такого рода дѣятельность. Первое изъ указанныхъ правилъ гласитъ: „епископъ, или пресвитеръ, или діакопъ да не пріемлетъ на себя мірскихъ попеченій“; а второе это запрещеніе выражаетъ еще сильнѣе: „рекли мы,—говорится въ немъ,—яко не подобаетъ епископу, или пресвитеру вдаваться въ народныя управленія, но непонустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо да будетъ убѣжденъ сего не творити, или да будетъ изверженъ“. Но о какихъ мірскихъ попеченіяхъ трактуютъ эти правила?—Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, не о томъ, чтобы пастыри Церкви не прилагали своихъ заботъ къ житейскимъ нуждамъ пасомыхъ, но чтобы они только не принимали на себя такихъ мірскихъ занятій, которыя не согласны съ высокимъ достоинствомъ священнаго сана или служатъ препят-

¹⁾ С. Покровскій. Цит. соч., стр. 335—7.

ствіемъ къ выполненію ихъ прямыхъ обязанностей. Къ числу такого рода мірскихъ попеченій относятся Апостольскими правилами слѣдующія занятія: ростовщичество, содержаніе корчемницъ, адвокатура, военная или гражданская служба и пр. т. п. (см. прав. ап. 44, 54, 20, 83 и 10-е 7 всел. соб.). Всѣ эти занятія запрещались еще и потому, что пастыри Церкви предавались имъ исключительно въ корыстныхъ цѣляхъ, какъ и свидѣлствуютъ о томъ отцы 4 вселенскаго собора. „Нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ клиру,—говорятъ они,—ради гнуснаго прибытка берутъ на откупъ чужія имѣнія и устрояютъ мірскія дѣла, о Божьемъ служеніи небрегутъ, а по домамъ мірскихъ людей скитаются и порученія по имѣніямъ пріемлютъ изъ сребролюбія“ (пр. 3-е). Въ такомъ смыслѣ понимаютъ устроеніе мірскихъ дѣлъ, запрещенное пастырямъ, и знаменитые восточные канонисты Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Въ своемъ толкованіи на указанное правило 4-го вселенскаго собора Зонара, напр., говоритъ: „устроятъ мірскія дѣла значитъ, когда кто-либо изъ корысти вступаетъ въ чужіе хлопоты или дѣла, принимая на себя заботы и мірскія безпокойства или тяжбы, и изъ сребролюбія принимаетъ порученія по управленію чужими имуществомъ“¹⁾. Само собою разумѣется, что не такое „устроеніе мірскихъ дѣлъ“ мы имѣемъ въ виду, когда говоримъ о необходимости для пастырей участвовать во внѣшней жизни прихожанъ. Но тѣ же самыя правила, запрещая пастырямъ Церкви принимать на себя мірскія обязанности изъ чисто матеріальныхъ расчетовъ, волигѣ дозволяютъ имъ вмѣшиваться въ жизнь и отношенія членовъ общества въ томъ случаѣ, когда это вмѣшательство направлено ко благу пасомыхъ. Пастыри,—говорится въ 3-мъ правилѣ 4-го вселенскаго собора,—„должны имѣть попеченіе о сиротахъ и вдо-

¹⁾ Правила свв. апостолъ, свв. соборовъ, всел. и помѣстныхъ, и свв. отецъ съ толкованіями. Изд. Моск. Общ. люб. дух. просв. Москва. 1876 г., стр. 323—4.

вахъ безпомощныхъ и о лицахъ, которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божія“. Наша славянская Кормчая въ своемъ толкованіи на 6-е апост. правило утверждаетъ также, что „епископу, или пресвитеру, или діакону подобаетъ... заступити вдовиць и сиротъ и немощная управляти и не дати въ рупѣ обидящимъ стяжанія ихъ“. Отсюда видно, что церковныя правила вмѣняютъ пастырямъ даже въ непремѣнную обязанность заботиться о внѣшнихъ нуждахъ пасомыхъ, особенно находящихся въ безпомощномъ положеніи, и вмѣшиваться въ ихъ общественныя отношенія, когда эти послѣднія явно противорѣчатъ христіанскимъ началамъ любви и справедливости¹⁾.

Итакъ, изъ обзора различныхъ мѣстъ Свящ. Писанія, твореній отеческихъ и церковныхъ правилъ ясно открывается, что пастыри Церкви не должны ограничиваться только исполненіемъ обязанностей—учить, священнодѣйствовать и руководить духовной жизнью прихожанъ, но что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны зорко слѣдить и за всѣми явленіями ихъ внѣшней жизни. вникать въ ихъ общественныя дѣла и отношенія и вездѣ оказывать свое нравственное вліяніе и необходимую помощь. И мы дѣйствительно видимъ, что пастыри Церкви несконн пользовались этимъ законнымъ правомъ своимъ и проявляли свое дѣятельное участіе не только на поприщѣ общественной, но даже и государственной жизни народа. проводя всюду христіанскія начала мира, правды и любви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить хотя бы исторію Русскаго государства. Для полноты изслѣдованія мы и сдѣлаемъ туда небольшой экскурсъ и приведемъ наиболѣе рѣшительныя факты, подтверждающіе нашу мысль.

¹⁾ См. толков. Зонары, Аристіна и Вальсамона на 3-е прав. 4-го всел. соб. тамъ же, стр. 323—8.

II.

Въ исторіи русскаго народа едва ли не самой мрачной эпохой является удѣльный періодъ. Это было тяжелое время взаимныхъ усобицъ. Опустошительныя войны между князьями, сопровождавшіяся страшными кровопролитіями, безпощаднымъ грабежемъ и ужасными пожарами, происходили почти каждый годъ. Воевать, по тогдашнему понятію, значило—все истреблять, жечь, бить и наносить непріятелю всевозможный вредъ ¹⁾. Физическая сила и кулачное право были тогда единственными принципами, на которыхъ создались и утверждались взаимныя отношенія между людьми. Вотъ почему, мы видимъ въ это время проявленіе самыхъ грубыхъ страстей и пороковъ, до которыхъ можетъ упасть человѣческая природа; видимъ такія преступленія, которыя поражаютъ своей крайней жестокостью, напр.: ослѣпленіе Василька, братоубійство между князьями рязанскими, убіеніе князя Игоря кievлянами, ослѣпленіе Ростиславичей и мн. другіе подобныя имъ факты. Къ этимъ внутреннимъ нестроеніямъ, сопровождавшимся весьма гибельными послѣдствіями для государства, присоединилось еще внѣшнее зло—татарское иго. Страшнымъ ураганомъ пронесли татарскія полчища по Русской землѣ, безжалостно истребляя даже мирныхъ жителей и безпощадно разоряя всѣ города и села. Но и послѣ покоренія страны они часто производили нападенія на ея границы и попрежнему грабили и опустошали все, что попадалось имъ на пути.

Въ такое смутное и тяжелое время, когда, казалось, самое политическое существованіе Россіи, какъ особаго государства, грозило прекратиться, пастыри Церкви явились самыми усердными и, можно сказать, единственно безкорыстными дѣятелями на пользу отечества. Своимъ нравственнымъ авторитетомъ и добрымъ вліяніемъ они содѣйствовали

¹⁾ Истор. очеркъ русскаго проповѣдничества. Спб. 1878 г., стр. 103.

и прекращенію княжескихъ междоусобиць, и упорядоченію различныхъ сторонъ общественной жизни, и успокоенію разбушевавшихся народныхъ страстей. Способствуя внутреннему умиротворенію страны, пастыри Церкви въ то же время были усердными и самоотверженными ходатаями за нее и предъ татарскими ханами. Для этого они часто ѣздили въ Орду и тамъ, терпя всевозможныя лишенія, оскорбленія и даже истязанія, испрашивали разныхъ милостей для своей многострадальной родины. Такое ревностное и весьма благотворное участие въ государственной и общественной жизни русскаго народа и характеризуетъ всю дѣятельность великихъ святителей московскихъ—св. Петра, м. Феоноста и св. Алексія. Участіе послѣдняго въ гражданскихъ дѣлахъ было настолько важно для отечества, что вел. кн. Симеонъ предъ своею смертію завѣщалъ братьямъ прежде всего слушаться владыки Алексія¹⁾.

На ряду съ высоко-патріотическими подвигами московскихъ святителей, обращаетъ на себя вниманіе въ это тяжелое время и дѣятельность новгородскихъ владыкъ. Они принимали самое видное, а иногда и рѣшающее участіе во всѣхъ сторонахъ жизни Великаго Новгорода. Съ благословенія митрополита вѣче начинало войну и заключало миръ; при его же непосредственномъ участіи велись переговоры съ удѣльными князьями, и рѣшались всѣ общественныя дѣла. Въ бурной, вольной жизни новгородцевъ владыка всегда былъ примиряющимъ центромъ, около котораго стягивались всѣ разрозненные распри концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собой на вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ только ему, какъ человѣку, болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя власти города и даже самъ князь²⁾. И дѣйствительно, владыка былъ всегдашнимъ миротворцемъ въ вѣчевыхъ раздорахъ, успока-

¹⁾ П. Знаменскій. Руков. въ церк. ист. Казань. 1886 г., стр. 57.

²⁾ Тамъ же, стр. 68—9.

ивая своимъ авторитетнымъ словомъ наиболѣе буйные элементы населенія и устранвая ихъ взаимныя отношенія на началахъ любви, правды и законности. То же самое было и въ сосѣднемъ городѣ Псковѣ, гдѣ приходское духовенство стояло во главѣ всѣхъ земскихъ дѣлъ гражданъ и вообще имѣло такое же значеніе, какъ и владыка въ Новгородѣ¹⁾.

Если мы отъ удѣльнаго періода, этой мрачной эпохи взаимныхъ распрей и усобиць, перенесемся къ другому, не менѣе тяжкому для Россіи и темному въ ея исторіи, *Смутному времени*, то и здѣсь увидимъ такое же широкое и вмѣстѣ благотворное участіе русскихъ пастырей въ государственной и общественной жизни народа.

Смутное время началось на Руси съ того момента, когда, съ убіеніемъ царевича Димитрія, прекратилась царская власть изъ дома Рюрика. Послѣ этого событія и пошли страшныя смуты и безпорядки въ Русской землѣ. Эгоизмъ и своекорыстіе сословій, деспотизмъ и насиліе властей, невѣжество и грубость простого народа—все это, болѣе или менѣе сдерживаемое доселѣ въ своихъ обнаруженіяхъ царской властью, теперь, съ прекращеніемъ ея, проявилось въ ужасающихъ размѣрахъ. Взаимная вражда партій, выдвигавшихъ на престолъ своихъ кандидатовъ-самозванцевъ, сильная пропаганда іезуитовъ, стремившихся подчинить напѣ Русскую Церковь, хитрые происки поляковъ, домогавшихся московской короны для своего королевича Владислава, и, наконецъ, крайнія буйства казачьихъ войскъ подъ начальствомъ Ляпунова—еще болѣе усиливали бѣдственное положеніе Россіи. „И прозвали это время *лихотѣмь*. То было такое лютое время гнѣва Божія, что люди не чаяли впередъ спасенія; чуть не вся земля опустѣла“²⁾.

„Въ это смутное время,—говоритъ историкъ,—для церковной іерархіи открылось обширное поприще снова явить

¹⁾ Тамъ же, стр. 71.

²⁾ Истор. оч. русск. проп., стр. 666-я.

свое высокое земское значеніе и выдержать трудное, но привычное стояніе за благо земли и Церкви“¹⁾. И если Россія, испытанная тяжкими ударами, ослабленная внутренними и внѣшними неустройствами, разлагавшаяся и погибавшая, устояла, то этимъ она обязана исключительно духовной силѣ, которая въ критическую минуту скрѣпила распадавшееся царство и неимовѣрнымъ напряженіемъ устремила народъ къ одной цѣли—спасенію Россіи. Духовенство, представлявшее тогда среди общихъ раздѣленій и несогласій стройную іерархическую власть послужило центромъ объединенія всѣхъ враждовавшихъ партій. Своимъ нравственнымъ авторитетомъ и сильнымъ пастырскимъ словомъ оно слило ихъ въ одну дружную семью, помогло возстановить царскую власть отъ древняго русскаго корня и, такимъ образомъ, оградило самобытность и величіе Россіи. Въ этомъ отношеніи особенно важныя услуги оказали отечеству московскіе патріархи Іовъ и Гермогенъ. Оба они, ревностно защищая законную царскую власть—первый Годуновыхъ, а второй Шуйскаго, въ то же время рѣшительно и энергично возстали противъ появившихся самозванцевъ. Они увѣщевали бояръ и народъ не слѣдовать за самозванцами, описывали въ своихъ грамотахъ преступныя дѣла ихъ, указывали на опасности отъ этихъ польскихъ ставленниковъ для православія и призывали народъ къ общей единодушной борьбѣ за вѣру и отечество. Когда же русскіе города, возбужденные къ тому же и горячими воззваніями архим. Троицы Лавры Діонисія, поднялись на защиту Москвы, то патр. Гермогенъ всталъ во главѣ этого великаго земскаго движенія. Кромѣ него, города не хотѣли знать никакого другаго начальства и посылали къ нему всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей²⁾. Таково было значеніе въ общегосударственной жизни народа этого великаго святителя, который, даже будучи въ заточеніи, по-

¹⁾ *П. Знаменскій*. Цит. соч., стр. 184.

²⁾ Тамъ же, стр. 190

стоянно спосился съ земскими ратями и посылать имъ свое благословеніе.

Исторія сохранила намъ не много именъ русскихъ пастырей, и преимущественно изъ лицъ высшей іерархіи, которые принимали столь видное участіе въ судьбахъ Россіи. Но несомнѣнно, что въ великомъ освободительномъ движеніи участвовало и все приходское духовенство, содѣйствуя въ этомъ отношеніи своимъ архипастырямъ и, подобно имъ, объединяя вокругъ себя разрозненные элементы населенія и вселяя въ сердца ихъ чувство горячей любви къ родинѣ¹⁾. Великое значеніе пастырей Церкви въ устроеніи общественной и государственной жизни Россіи того времени признаетъ и нашъ историкъ Соловьевъ. „Это были,—говоритъ онъ,— послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные (религіозные). Когда ударили бури Смутнаго времени, то (онѣ) потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись общественныхъ основаній, то встрѣтили основныхъ людей, о силу которыхъ напоръ ихъ сокрушился“²⁾.

Говоря объ общественномъ значеніи древне-русскаго духовенства, мы обратили вниманіе на *два* наиболѣе тяжелыя эпохи въ исторіи Россіи, когда участіе церковной іерархіи въ соціальной и политической жизни народа проявилось съ особенной силой. Но и въ другое время пастыри Церкви всегда чутко прислушивались къ событіямъ и явленіямъ, происходившимъ въ обществѣ, становясь то грозными обвинителями, когда жизнь его направлялась по ложному пути, то дѣятельными сотрудниками и ближайшими руководителями, когда она снова вступала на истиный путь (см., напр., исторію земскихъ соборовъ, бывшихъ на Руси въ XVI и XVII вв., на которыхъ духовенство играло всегда видную руководящую роль.—В. П. Сергѣевичъ. „Земскіе соборы въ

¹⁾ Ист. оч. русск. пр., стр. 668.

²⁾ Ист. Росс., т. VIII.

Московскомъ государствѣ⁴). Свою рѣчь о великомъ общественномъ значеніи древне-русскаго духовенства мы закончимъ слѣдующими весьма характерными словами, которыя высказали полякамъ московскіе послы кн. Голицынъ и бояринъ Филаретъ Романовъ: „Издrevле у насъ въ Русскомъ государствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“¹⁾).

Это постоянное дѣятельное участіе пастырей въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ Россіи, однако, никогда не переходило въ стремленіе ихъ присвоить себѣ свѣтскую власть вообще. Напротивъ, предоставляя господствующую роль въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики представителямъ гражданской власти, духовныя лица всегда и вездѣ оставались именно *пастырями, духовными руководителями народа*. Во всѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ они дѣйствовали только во имя православной вѣры и высокихъ началъ христіанской нравственности, внушая русскимъ людямъ идеи правды, мира и любви и стараясь построить и утвердить на этихъ началахъ ихъ общественную и государственную жизнь. И мы видѣли, какъ велики были заслуги предъ отечествомъ русскихъ пастырей, дѣятельно работавшихъ въ указанномъ направленіи на пользу родной страны.

Но если и канонически и исторически одинаково твердо устанавливаются необходимость и законность широкаго пастырскаго вліянія на общественную жизнь народа, то почему же современное духовенство въ большинствѣ отстраняется отъ себя это вліяніе? почему оно мало вникаетъ и почти не участвуетъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя совершаются въ социальнo-экономической жизни прихода?—Намъ кажется, что основная причина такого ненормальнаго явленія кроется

¹⁾ П. Знаменскій, стр 190.

въ историческихъ обстоятельствахъ, и именно въ томъ общемъ начальномъ положеніи, въ какомъ очутилось русское духовенство со временъ Петра Великаго. Этотъ государь, готовя церковную реформу, прежде всего обратилъ вниманіе на то важное значеніе, какое имѣлъ въ дѣлахъ Русскаго государства и народа московскій патріархъ, и, признавая это нежелательнымъ и даже опаснымъ для своей самодержавной власти, рѣшилъ во что бы то ни стало уничтожить его вліяніе. Ближайшимъ слѣдствіемъ такихъ опасеній и намѣреній царя и была, какъ извѣстно, замѣна патріаршества коллегіальной формой церковнаго управленія. „Простой народъ,—говорится въ Регламентѣ,—не знаетъ, чѣмъ различается духовная власть отъ самодержавной, и удивляемый славою и честію верховнаго пастыря Церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и больше его“. Въ такомъ направленіи продолжалась и вся вообще церковная реформа Петра I, результатомъ которой явилось значительное ограниченіе духовенства въ его дѣятельности и правахъ. Въ это время было сильно сокращено судебное вѣдомство Церкви, установленъ цѣлый институтъ лицъ, обязанныхъ слѣдить за дѣйствіями духовенства и рѣшеніями церковныхъ дѣлъ, учрежденъ строгій государственный контроль надъ церковнымъ хозяйствомъ и т. п. Понятно послѣ этого, что духовенство, встрѣтивъ недовѣріе къ себѣ со стороны правительства и видя бесполезность протеста, постепенно стало замыкаться въ свои чисто сословные интересы и отклонять отъ себя всякое вмѣшательство въ мірскія дѣла.

Такое же отношеніе правительства къ духовенству, въ смыслѣ постояннаго униженія и ограниченія его въ правахъ, продолжалось и послѣ Петра. Особенно тяжело было его положеніе въ эпоху временщиковъ, когда многіе пастыри Церкви, вмѣстѣ съ другими опальными людьми, были подвергнуты заключенію въ крѣпости, ссылки и даже наказанію плетью. Губернаторы и другія свѣтскія начальства за-

бирали священно-служителей въ свои канцеляріи, держали ихъ подъ арестомъ и тамъ подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Но и послѣ, во времена Екатерины II, наши политики еще страшно боялись возвышенія духовенства, воображая Синодъ какимъ то „корпусомъ, непрестанно борющимся для пріобрѣтенія себѣ большей власти“, который, поэтому, слѣдуетъ крѣпко держать въ должныхъ границахъ. И дѣйствительно, духовенство стѣсняли такъ сильно, что даже митр. Платонъ, пользовавшійся тогда благоволеніемъ самой императрицы, громко жаловался на униженіе свѣтской властью іерархическихъ правъ. „Былъ я въ Синодѣ немалое время,—писалъ онъ въ 1782 г. своему ученику Амвросію Подобѣдову, тогда архіеп. Казанскому,—и видѣлъ одни искушенія... Къ чему туда сажаютъ насъ?.. Видно, что едва ли не находятъ одного утѣшенія въ терібіи“¹⁾. При такомъ положеніи вещей, духовенство, конечно, не могло уже принимать прежняго активнаго участія въ событіяхъ народной жизни. Съ развитіемъ же бюрократическаго элемента въ государствѣ въ минувшемъ столѣтіи и бѣльшимъ усиленіемъ административной опеки надъ народомъ, эта общественная роль служителей Церкви стала еще болѣе слабнуть.

Кромѣ указаннаго отношенія правительственной власти къ духовенству, которое поставило его въ весьма жалкія и унижительныя условія существованія, ослабленію прежняго вліянія русскихъ пастырей на дѣла общества могли способствовать и нѣкоторыя явленія чисто соціального характера. Между ними, господствовавшій на Руси крѣпостническій строй безусловно оказался наиболѣе важной причиной постепеннаго вытѣсненія пастырскаго воздѣйствія на народную жизнь. При существованіи крѣпостнаго права, когда жизнь, личность и имущество каждаго крѣпостнаго крестьянина находились во всецѣлой зависимости отъ помѣщика, дѣятельность священника въ приходѣ, естественно, не могла быть широкой. сво-

¹⁾ Тамъ же, стр. 362—3.

бодной и самостоятельной. Всѣ дѣла, касающіяся общественнаго и экономическаго быта крестьянъ, рѣшались по личному усмотрѣнію помѣщика, который былъ въ этомъ случаѣ полновластнымъ господиномъ и неограниченнымъ вершителемъ судебъ своихъ подчиненныхъ, фактически не ответственнымъ за свои дѣйствія ни передъ кѣмъ. Ясно, что при такомъ положеніи вещей скромный сельскій священникъ долженъ былъ или дѣлать то, что было угодно помѣщику, или оставаться вообще безмолвнымъ зрителемъ всѣхъ событій, какія совершались въ его приходѣ. Если же иные пастыри и вмѣшивались въ несчастную судьбу своихъ пасомыхъ, громко и смѣло протестуя противъ насилій и произвола помѣщика, то подобный протестъ ихъ обыкновенно оставался „гласомъ вопіющаго въ пустынь“, безъ всякихъ благихъ результатовъ. Впрочемъ, даже и такіе безобидные протесты были весьма рѣдкимъ исключеніемъ, потому что, если не въ XIX, то, по крайней мѣрѣ, въ XVIII столѣтіи, наше приходское духовенство тоже находилось въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. „Случалось, что помѣщикъ побьетъ своего попа *дубиной мученически*, нагрянетъ въ его домъ съ ньяпой ватагой челяди и надѣлаетъ скандаловъ съ его семьей. Архіерей заступится за попа, пошлетъ помѣщику повѣстку явиться въ духовный приказъ; помѣщикъ же повѣстку разорветъ, а посланнымъ архіерея пригрозитъ палками, если они еще явятся съ тѣмъ же“¹⁾. Это было при Петрѣ Великомъ. Но и въ болѣе позднее время, даже въ послѣдніе годы крѣпостного права, положеніе священника въ приходѣ мало чѣмъ измѣнилось къ лучшему. Не удивительно, по-этому, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни русское духовенство не могло найти лучшаго исхода для себя, какъ только сильнѣе замкнуться въ свои чисто сословные интересы, ограничивъ свою дѣятельность богослуженіемъ и совершеніемъ требъ и уклонившись отъ всякаго участія въ народныхъ дѣлахъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 280.

Итакъ, нынѣшнее довольно равнодушное отношеніе па-стырей къ событіямъ и явленіямъ общественной жизни сложилось отчасти на исторической почвѣ. Были особыя политическія и социальныя условія, которыя ослабили прежнее важное значеніе духовенства въ дѣлахъ государства и народа, лишивъ его вполне свойственной и законно-принадлежащей ему роли.

С. Соминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Спектакль въ селѣ Затѣйницкомъ.

Очеркъ.

Наступали Святки. Въ село Затѣйницкое пріѣхали помѣщичьи дѣти—студентъ университета и два гимназиста.

Послѣ первыхъ восторговъ свиданья съ родными и знакомыми, катанья на тройкѣ по селу и за село, визитовъ по сосѣдямъ гости нашли, что въ деревнѣ не такъ-то весело. Захотѣлось чего-нибудь новаго и незауряднаго. Принюхавшись городскіе журъ-фиксы, концерты, спектакли,—и вотъ студенту пришла идея—устроить въ Затѣйницкомъ спектакль. Всѣ—и становой приставъ, и земскій учитель, и даже помощникъ волостного писаря—нашли идею блестящей, оригинальной, милой и обѣщали самое живое участіе въ устройствѣ спектакля.

Быстро организовался кружокъ „любителей“, были избраны „распорядители“, и начались соображенія относительно помѣщенія, устройства сцены, суфлерской будки, рамы, разрисовки занавѣса и проч. Рѣшили, что помѣщеніемъ для спектакля можетъ служить одна изъ залъ въ помѣщичьемъ домѣ, сцену соорудить барскій плотникъ Трифоновъ, а занавѣсъ, пожалуй, можно и не разрисовывать.

— По позволете, господа,—предложить на одномъ изъ собраній „любителей“ наиболѣе серьезный распорядитель:—что же собственно мы будемъ ставить?

Этотъ вопросъ произвелъ на всѣхъ ошеломляющее дѣйствіе, но только на нѣсколько мгновений. Тотчасъ же посыпались предложенія пьесъ—и притомъ самыя разнообразныя.

— Ну, вотъ еще, что ставить! Мало ли что можно поставить!—говорилъ одинъ.

— Гоголя!.. Островскаго!..—слышались съ разныхъ сторонъ голоса.

Господа, господа!—возбужденно кричали 15-лѣтній гимназистъ Володя:—поставимъ „Мѣщанъ!“... „Мѣщанъ!“

И глазки его блестяли, а щечки горѣли яркимъ румянцемъ.

Начались совѣщанія.

Оказалось, что Гоголь—трудолюбъ, Островскій—„избитъ“, Чеховъ—тоже трудолюбъ, и для него не найдется ни спосныхъ декорацій, ни умѣлыхъ исполнителей... Мало-по-малу съ Гоголя и Чехова перешли на водевили: „Какъ гуляетъ староста Иванъ Семеновичъ“, „Дочь русскаго актера“ и т. п. Въ концѣ же концовъ остановились на какой-то „комедіи-шуткѣ“, принадлежащей неизвѣстному автору.

За выборомъ пьесы послѣдовало распределеніе ролей, разрисовка декорацій, поиски париковъ и проч. и проч...

Дальше шли репетиціи, обученіе суфлера (обязанности суфлера были возложены на урядника), ссоры изъ-за ролей и грима. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и тревоженій, дѣло уладилось, и въ назначенный день пьеса была поставлена.

Посмотрѣть представленіе собралось не мало интеллигентныхъ семействъ изъ сосѣднихъ съ Затѣйницкимъ сель. Одинъ изъ „распорядителей“, старшій гимназистъ, любезно встрѣчалъ гостей въ дверяхъ „театральной залы“ и любезно же указывалъ имъ мѣста на стульяхъ, что занимали первую половину комнаты. Вторая половина была предназначена для простаго народа—школьниковъ, мужиковъ и бабъ, которые давно уже ломались въ барскія двери, любопытствуя посмотрѣть, какъ „гуляютъ“ господа.

Звонокъ... Другой... Третій...

Тяжело, неуклюже и какъ будто стыдливо поднимается занавѣсъ.

Начищается спектакль.

Пьеса оказывается самой шаблонной. Молодой мужъ ибжно любить свою жену, а жена коварно ему измѣняетъ. На почвѣ любви и измѣны между мужемъ, женой и ея возлюбленнымъ происходятъ постоянныя недоразумѣнія и пикантныя случайности. И собственно въ этой пикантности да въ нечистоплотныхъ шуточкахъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ вся соль пьесы.

Провинціальныя барышни то и дѣло конфузливо потупляютъ глазки, а бабы закрываютъ лицо передникомъ. Дѣтшккольники недоумѣвающе посматриваютъ на своихъ отцовъ, а отцы—на господъ...

Занавѣсъ опустился болѣе охотно, чѣмъ поднялся...

„Господа“ начали кричать „браво“ и хлопать въ ладоши. Мужики не хотѣли показать себя профанами передъ „господами“ и тоже хлопали и кричали каждый по-своему.

— Ибтъ, Пикандрычъ! Не стоило, мотри, тебѣ жениться! По-холостячки-то, выходить, куда-бъ знатибе было!— крикнулъ ибсколько подвыпившій сотскій учителю, который игралъ роль обманутаго мужа и теперь съ потугами на галантность раскланивался предъ „публикой“.

Послѣ спектакля интеллигентныя зрители были у помѣщика на ужинѣ. Здѣсь всѣ благодарили инціатора спектакля, поздравляли исполнителей и пили за дальнѣйшее процвѣтаніе затѣйническаго театра и за все русское искусство.

А на другой день къ о. Нестору, батюшкѣ села Затѣйническаго, пришелъ съ какой-то требой мужикъ Андрей Петровичъ и, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А растолкуй ты мнѣ, пожалуйста, батюшка: къ чему это идетъ? къ какой, значить, точкѣ?

— Что такое?

— Да приставленья-то эти... Посмотрѣлъ я это вечеръ и диву дался! Какъ быдто господа, образованные, а и слова этакія непристойныя говорятъ и все прочее... По-нашему бы, не гоже такъ-то, а господа смѣются только да еще похваляютъ актеровъ-то... По-ихнему, это, выходитъ, ничего. Значить, на этотъ предметъ у нихъ свое понятіе имѣется. А мнѣ этакъ сдается, что это... такъ... зря... Пешто только для-ради соблазну нашему брату... Вотъ ты мнѣ, батюшка, и растолкуй, что тутъ и какъ, значить...

Щекотливый вопросъ Андрея Петровича нѣсколько озадачилъ батюшку...

Прошло нѣсколько дней.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ о. Несторъ надумалъ пойти къ помѣщику. Между прочимъ, онъ хотѣлъ поговорить и о спектаклѣ.

Въ прихожей батюшку встрѣтилъ студентъ Борисъ Оедорычъ.

— Ахъ, о. Несторъ!—весело привѣтствовала онъ гостя:— пожалуйста, пожалуйста! Рады васъ видѣть... Проходите прямо въ столовую. У насъ тамъ и чай поданъ... Я сегодня только одинъ съ братьями. Папа съ мамой поѣхали въ Шановаловку.

Когда батюшка поздоровался съ гимназистами, Борисъ Оедорычъ любезно подалъ ему стулъ и предложилъ чаю.

Завязался разговоръ.

Борисъ Оедорычъ рассказывалъ о спектаклѣ, о хлопотахъ, какихъ онъ стоялъ, жаловался на усталость и т. п.

— И мнѣ пришлось посчитаться съ вашимъ спектаклемъ,—замѣтилъ батюшка.

— Какъ-такъ?

— Да видите ли...

И о. Несторъ передалъ разговоръ съ Андреемъ Петровичемъ.

— Ну, это, конечно, пустяки!—шутливо, хотя и съ смущеніемъ, проговорилъ Борисъ Оедорычъ.

— Почему же пустяки?

— Да какъ же! Ужели, въ самомъ дѣлѣ, нашъ спектакль—что-то такое и соблазнительное, и страшное, и все такое?..

— Да, конечно, для простого народа онъ до нѣкоторой степени соблазнителенъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Борисъ Оедорычъ:—пу, простите, о. Песторъ,—отъ васъ я этого не ожидалъ! Я думалъ, вы не похожи на другихъ...

— На кого другихъ?*

— Да на всѣхъ духовныхъ... Вѣдь, всѣ духовные какъ-то особенно настроены и къ театру и къ искусству. У нихъ на этотъ счетъ какой-то свой особый принципъ.

— Т. е. не свой, а христіанскій,—поправилъ о. Песторъ.

— Ну, все равно... Во всякомъ случаѣ,—простите, пожалуйста,—принципъ этотъ—ригористическій принципъ, арханческій...

— А вы точно знаете этотъ принципъ?—спросилъ о. Песторъ.

— О, еще бы!.. И я собственно не понимаю, какъ это можно въ наши дни идти противъ театра и искусства, когда они всюду признаны необходимыми факторами всякаго просвѣщенія и культуры!

Борисъ Оедорычъ начиналъ говорить возбужденно и съ наѳосомъ.

— А развѣ христіанство идетъ противъ искусства?—спросилъ о. Песторъ.

— Именно...

— Другъ! Вы ошибаетесь. Никогда христіанство не относилось къ искусству враждебно. Наоборотъ, оно всегда благословляло искусство. Представьте, что христіане даже въ языческихъ гоненіяхъ усматривали откровеніе Божества и изображенія языческихъ поэтовъ помѣщали въ своихъ хра-

махъ на ряду съ иконами святителей, мучениковъ и другихъ служителей Божіихъ.

— Вотъ какъ! — удивился Борисъ Федорычъ: — признаться, я этого и не подозрѣвалъ.

— Да... И апостоль Павель выражаётся въ томъ смыслѣ, что языческіе поэты въ своихъ твореніяхъ открывали естественному человѣчеству Того же Бога, Какого проповѣдывалъ и онъ... Почитайте-ка книгу Дѣяній Апостольскихъ. Тамъ есть рѣчь апостола Павла къ аѳинскому ареонагу.

Борисъ Федорычъ молча подаль о. Нестору стаканъ свѣжаго чаю. Гимназисты тоже молча сидѣли за столомъ, не спуская съ батюшки глазъ.

— А припомните исторію,—продолжалъ о. Несторъ:— воочію убѣдитесь, что христіанство и искусство всегда шли рука объ руку. Да иначе и быть не могло. Христіанство дало искусству самый возвышенный матеріаль для художественнаго воплощенія. Оно раскрыло для художника все богатое содержаніе души человѣческой. И всѣ гениальнѣйшія произведенія искусства—всѣ эти образцы византійскаго и готическаго зодчества, всѣ эти шедевры Леонардо да Винчи и Рафаэля, музыка Моцарта, Гайдна и Баха, поэмы Данта, Мильтона, Тасса и другихъ,—все это создалось именно на христіанской почвѣ...

— Прекрасно, прекрасно,—заговорилъ Борисъ Федоровичъ:—но, вѣдь, все это было когда-то, въ древности да въ исторіи! Нѣтъ! Вы скажите, почему христіанство теперь враждебно относится къ искусству? Почему вы теперь запрещаете посѣщать театр?

— Въ томъ-то и дѣло, что христіанство можетъ благословлять только истинное искусство.

— А что вы называете истиннымъ искусствомъ?

— Много на эту тему мнѣ теперь нѣтъ нужды говорить. Скажу только одно: истинное искусство должно быть, между прочимъ, и нравственно.

... Гм!

— Безусловно. И это, конечно, понятно. Въдь, въ искусствѣ конкретно воплощаются такъ называемыя идеальныя стремленія человѣческаго духа. Подъ идеальными же стремленіями обыкновенно понимаются стремленія человѣка къ истинѣ, добру, красотѣ, къ Абсолютному, Универсу, или Богу. Но согласитесь, что такого рода стремленія необходимо должны быть стремленіями благородными, возвышенными и нравственными. А если таковы идеальныя стремленія человѣка, то, очевидно, такимъ же, т. е. благороднымъ, чистымъ и нравственнымъ, должно быть искусство, которое эти стремленія воплощаетъ въ извѣстныхъ формахъ... Да вы и сами называете искусство „факторомъ просвѣщенія и культуры“. Но можетъ ли быть такимъ факторомъ искусство безнравственное?.. Поэтому-то, и говорятъ, что безнравственное, низменное и грязное искусство не есть искусство, а фальшивая поддѣлка подъ него, палліативъ...

— Гм!.. Это, пожалуй... Это... конечно... Но развѣ вы находите, что современное искусство безнравственно?— спросить собесѣдникъ.

— Не скажу, что во всемъ своемъ цѣломъ, но въ значительной долѣ современное искусство именно безнравственно. Ну, скажите, пожалуйста: неужели можно назвать нравственными писанія какого-нибудь Поль-де-Кока, Зола и т. под.? Да я думаю, и вы не назовете нравственнымъ все это смакованіе сценъ разврата, всю эту циническую порнографію и эту бравурную проповѣдь: „или всѣхъ грызи, или лежи въ грязи“, „брюхо въ человѣкѣ—главное дѣло“ и т. дал. и т. дал. А въдь современная литература прямо стонетъ подъ наводненіемъ разныхъ, большихъ и малыхъ Зола, а главное—Поль-де-Кокковъ. Всѣ эти „Барышни о трехъ юбкахъ“, „Дѣвушки, которыхъ долго принимали за мальчиковъ“, „Возрасты любви“, „Чары женщинъ“, „Тайны ночей“ и т. под. у насъ положительно пестрятъ въ окнахъ магазиновъ, въ витринахъ и кіоскахъ... А присмотритесь къ живописи. Всѣ жалуются на ея упадокъ. Всѣ говорятъ, что наши выставки—

это чуть ли не сплошь или бессмысленная декадентская мазня, или же голая порнографія. А музыка?—Когда-то серьезная и величавая, и она въ наши дни все замѣтнѣе и замѣтнѣе размѣнивается на безчисленные вальсы, мазурки, балеты, а больше всего—на оперетки и оперетки...

— Ну, о. Несторъ, вы, кажется, судите слишкомъ уже рѣзко,—замѣтилъ Борисъ Ѳедорычъ.

— Есть судьи болѣе рѣзкіе,—отвѣчала о. Несторъ:—припомните, напр., какъ отзывается о современномъ театрѣ Николай Соловьевъ. Онъ прямо говоритъ, что у насъ на сценѣ вмѣсто прекраснаго сплошь и рядомъ ставится „безстыдное“, что въ театрахъ у насъ смотрять, какъ женщина танцуетъ канканъ, и аплодируютъ за то, за что слѣдовало бы бросать „гнилыми яблоками“... А Толстой?—Толстой откровенно заявляетъ, что наше искусство исключительно служить „распространенію разврата“!.. Конечно, Соловьевъ и Толстой слишкомъ рѣзки. Несомнѣнно, что въ современномъ искусствѣ, на ряду съ дурнымъ, есть не мало и хорошаго, и что если не нужно ходить въ театръ на однѣ пьесы, то на другія, лучшія, безусловно стоитъ ходить—и не только для нравственнаго просвѣщенія, но и для эстетическаго наслажденія и даже просто для развлеченія. Да.. Вотъ, если бы и вы въ прошлый разъ поставили на своей сценѣ что-нибудь такое „лучшее“, то я, съ христіанской точки зрѣнія, не могъ бы имѣть ничего противъ...

— Даже и въ томъ случаѣ, если бы нашъ спектакль былъ поставленъ специально для простаго народа?—спросилъ Борисъ Ѳедоровичъ.

— О, нѣтъ! Здѣсь нужна оговорка. Дѣло въ томъ, что и хорошее произведеніе искусства, и хорошая, напр., театральная пьеса могутъ имѣть вредное вліяніе на нравственность, если онѣ не будутъ понятны во всемъ своемъ цѣломъ, въ своей общей идеѣ. А способенъ ли къ такому пониманію искусства нашъ мужикъ?—Едва ли. Насколько я лично могъ

наблюдать его, онъ еще не доросъ до театра. Надлежащимъ образомъ онъ не пойметъ и самой лучшей пьесы. Онъ обязательно запутается въ ея частностяхъ и вмѣсто пользы получить вредъ, какъ ребенокъ можетъ получить вредъ отъ романа, хотя бы и хорошаго.

— Такъ неужели, по-вашему, мужику и до сихъ поръ остается только вздыхать, молиться да каяться? Нужно же и ему какое-нибудь духовное... ну... развлеченіе, что ли!

— И развлекайте его, пожалуйста! Не соблазняйте только!.. Не соблазняйте!.. Я вотъ о чемъ говорю. Мнѣ представляется нѣсколько непонятнымъ: зачѣмъ непременно эти „комедіи-шутки“? Зачѣмъ вообще эти спектакли? Развѣ нельзя замѣнить ихъ какой-либо духовной пищей?.. Вы, вотъ, человекъ молодой, энергичный. Давайте устроимъ лучше вмѣсто спектаклей общество трезвости. Заведемъ народную библиотечку, литературныя и научно-популярныя чтенія. Въ каникулярное время вы всегда могли бы читать что-нибудь по медицинѣ, гигиенѣ и т. под. Я бы читалъ по богословію и исторіи. Надѣюсь, что не отказался бы отъ участія въ нашемъ дѣлѣ и Семень Никандрычъ (учитель). По временамъ мы могли бы устраивать что-либо въ родѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Въ ихъ программу у насъ входили бы болѣе или менѣе законченные отрывки изъ лучшихъ нашихъ писателей и художниковъ. Хоръ у насъ былъ бы свой. Организовать его должнымъ образомъ помогъ бы мнѣ Семень Никандрычъ; хоръ пѣлъ бы и на вечерахъ, и на собраніяхъ нашихъ, и въ храмѣ пѣлъ бы. Да... Вотъ бы и было „развлеченіе“ народу. Пріятное и полезное. А зачѣмъ непременно спектакли?..

Поздно было, когда о. Несторъ уходилъ изъ помещичьяго дома. Борисъ Федорычъ вышелъ проводить батюшку и дошелъ съ нимъ до самой его квартиры. Почти все время

онъ говорилъ о проектируемомъ обществѣ трезвости, о подробностяхъ его организаціи и т. под. О дальнѣйшемъ же процвѣтаніи сценическаго дѣла въ селѣ Затѣйницкомъ онъ не упоминалъ.

Н. К—въ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года юня 12-го дня.

Содержаніе: Къ вопросу о предстоящемъ помѣстномъ всероссійскомъ церковномъ соборѣ.—Объ участіи духовенства въ общественной жизни народа (продолженіе).—Два слова въ защиту пастырей-проповѣдниковъ.

Къ вопросу о предстоящемъ помѣстномъ всероссійскомъ церковномъ соборѣ.

Комитетъ Министровъ, изыскивая и обсуждая различныя мѣры къ усовершенствованію государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, между прочимъ, пришелъ къ сознанію неотложной необходимости у насъ церковной реформы; къ тому же убѣжденію пришелъ, какъ извѣстно, и Св. Синодъ, о чемъ и вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору. Само собою понятно, что назрѣвшая реформа можетъ быть осуществлена не иначе, какъ только путемъ созванія *всероссійскаго* церковнаго собора. Каковъ же долженъ быть составъ этого собора?

Такъ какъ главнымъ предметомъ предстоящаго собора будетъ возстановленіе канонической свободы Православной

Церкви въ Россіи, то онъ долженъ быть непременно *всецерковнымъ*. Но, въ виду отсутствія каноническаго устройства епархіальнаго управленія, прежде всего возникаетъ довольно трудный для рѣшенія вопросъ: какъ именно должны быть произведены выборы представителей на этотъ *первый соборъ всей Русской Церкви* отъ бѣлаго духовенства и отъ мірянъ?—Груша столичныхъ священниковъ, которая выработала въ свое время извѣстную записку „О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи“, теперь напечатала въ № 21-мъ „Церковнаго Вѣстника“ новую записку—„О составѣ церковнаго собора“. Подробно выясняя въ ней „какого“ именно „собора, по составу его членовъ, надобно желать для дѣла каноническаго устроенія нашей церковной жизни“, названная группа столичныхъ священниковъ въ то же время предлагаетъ и пробный, такъ сказать, проектъ организаціи выборовъ представителей на него, сводящійся къ слѣдующимъ *семи* основнымъ пунктамъ:

1) Соборъ уже въ самомъ порядкѣ выборовъ долженъ служить къ сплоченію разьединенныхъ нынѣ составныхъ частей церковнаго общества—духовенства и мірянъ, обезпечивая тѣмъ себѣ довѣріе всѣхъ и возбуждая общій интересъ къ предстоящей соборной работѣ. Не считая, поэтому, правильной мысль, что первый соборъ, по встрѣчающимся для совершенной организаціи его затрудненіямъ, можетъ состоять и изъ однихъ только епископовъ, мы полагаемъ, что онъ-то, прежде всего, и долженъ обладать характеромъ всецерковнаго представительства. Равнымъ образомъ, признаемъ ошибочнымъ допущеніе отдѣльныхъ по чинамъ церковныхъ выборовъ: особо отъ духовенства и особо отъ мірянъ. Единство Церкви требуетъ совмѣстности выборовъ.

2) Выборы въ церковный соборъ не могутъ быть произведены чрезъ гражданскія выборныя установленія, напр., земскія собранія, городскія думы, какъ не имѣющія должныхъ для этого связей съ Церковью и отношенія къ церковнымъ задачамъ. Эти выборы должны производиться посредствомъ церковныхъ же учреждений съ характеромъ представительства.

3) Не слѣдуетъ прибѣгать къ созданію нарочитыхъ новыхъ учреждений для первыхъ выборовъ на соборъ, что было

бы сопряжено съ громадными затрудненіями и только отвлекало бы вниманіе отъ главной цѣли, ради которой была бы предпринята трудная работа новаго насажденія на мало подготовленной почвѣ. Можно воспользоваться—хотя бы и несовершенными—существующими установленіями церковными для организациі выборовъ, допустивъ необходимыя измѣненія въ этихъ установленіяхъ, направленные спеціально къ тому, чтобы достигнуть (возможно лучшаго) представительства общецерковнаго сознанія.

4) Въ наличномъ стрѣ енархіальной жизни имѣется установленіе съ характеромъ представительства, именно—енархіальный съѣздъ духовенства, и это установленіе удобно примѣнить къ цѣли енархіальныхъ выборовъ на соборъ. Предшествующую ступень его составляетъ окружной, или благочинническій съѣздъ всего клира входящихъ въ составъ благочинія приходоѡ для выбора депутата на енархіальный съѣздъ. Этотъ енархіальный съѣздъ духовенства слѣдуетъ обратить въ *общенархіальное собраніе* представителей духовенства и мірянъ енархіи, предварительно обративъ и благочинническій съѣздъ въ общецерковное учрежденіе.

5) Самое избраніе членоѡ всероссійскаго церковнаго собора могло бы быть произведено слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ на *общеприходскомъ собраніи*, непременно въ храмѣ, прихожане сами, не стѣсняемые въ своей свободѣ, избираютъ изъ своей среды не менѣе двухъ представителей для благочинническаго, или *окружнаго собранія*. Клеръ каждой церкви на этомъ окружномъ собраніи присутствуетъ въ полномъ своемъ составѣ, при чемъ всѣ члены клира—съ равнымъ голосомъ. Въ окружномъ собраніи выбираются совмѣстно клиромъ и мірянами не менѣе какъ два депутата отъ духовенства и два отъ мірянъ на *общенархіальное собраніе*. На этомъ собраніи также совмѣстно духовными и свѣтскими депутатами избираются на соборъ всей Церкви не менѣе двухъ членоѡ изъ лицъ духовенства и столько же изъ мірянъ.

6) Соборъ восполняется выборными представителями придворнаго и военнаго духовенства, которые являются членами собора вмѣстѣ съ стоящими во главѣ того и другого протопресвитерами; въ составъ собора входятъ также выборные представители отъ духовныхъ академій, напр. въ количествѣ двухъ отъ каждой. Можно быть увѣреннымъ, что ради большей плодотворности своихъ трудовъ соборъ восполнить себя самъ, пригласивъ въ свой составъ по общему рѣшенію выдающихся подвижниковъ вѣры, представителей богословскаго знанія, науки, литературы, выдающихся общественныхъ дѣятелей—изъ тѣхъ, кто не войдетъ въ составъ собора по выборамъ.

7) Какъ самый соборъ, такъ и общепархіальныя и окружныя собранія происходятъ подъ условіемъ полной свободы. Посему, будучи открываемы первый—первенствующимъ іерархомъ Русской Церкви, вторыя—епархіальными архіереями, третьи—благочинными, они затѣмъ сами выбираютъ себѣ предсѣдателей и устанавливають порядокъ веденія дѣлъ. Общепархіальныя и окружныя собранія, кромѣ выборовъ, обсуждаютъ свои нужды и свои желанія въ виду общей церковной реформы. Имъ принадлежитъ право приглашать по общему рѣшенію въ свой составъ лицъ, выдающихся въ церковной жизни епархіи или округа. Членовъ собора—представителей отъ духовенства и мірянъ епархіи—общепархіальное собраніе избираетъ не только изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ этого собранія по выборамъ, но свободно изъ всего духовенства и мірянъ епархіи.

Обнародывая ко всеобщему свѣдѣнію настоящій свой проектъ, названная группа столичныхъ священниковъ видитъ въ немъ не столько *опытъ* разрѣшенія затронутаго важнаго практическаго вопроса, сколько способъ привлечь въ печати вниманіе къ этому вопросу, и вслѣдствіе чего „Церковный Вѣстникъ“ тутъ же, въ подстрочномъ примѣчаніи, принадлежащемъ преосвящ. Сергію, указываетъ и главнѣйшіе недостатки проекта. По словамъ преосв. Сергія, „слабая сторона представленнаго проекта—въ его сословности

Боясь вліяння єпископовъ, авторъ, — говорить преосв. Сергій, — хочеть большую часть голосовъ отдать бѣлому (*не низшему*) духовенству, позабывая, что и оно не избрано народомъ (особенно это нужно сказать о духовенствѣ придворномъ и военномъ) ¹⁾. Та же тенденція сказывается и въ совершенномъ исключеніи изъ собора монашества, и въ сословной постановкѣ выборовъ (отъ прихода только *двое* мірянъ и *весь* причтъ). Изъ того же источника, наконецъ, и это желаніе избрать председателемъ кого-нибудь изъ *своихъ*. Едва ли много довѣрія вызоветъ къ себѣ такой *соборъ*, — говорить въ заключеніе преосв. Сергій, — и едва ли онъ можетъ быть признанъ выразителемъ церковнаго сознанія“.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, важенъ уже самый фактъ, что вопросъ не только поднятъ, а и поставленъ на

¹⁾ Въ предпосланной проекту запискѣ говорится, между прочимъ: „...историческія справки даютъ намъ право утверждать, что... на ожидаемомъ русскомъ помѣстномъ соборѣ, кромя непремѣнныхъ членовъ его — всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, должны непремѣнно присутствовать и выборные отъ духовенства и мірянъ. Двухсотлѣтнее же у насъ отсутствіе соборовъ и современное положеніе нашей высшей іерархіи въ отношеніи къ паствѣ такое участіе на соборахъ низшаго духовенства и мірянъ дѣлають неизбѣжною необходимостію. — Для того, чтобы соборное рѣшеніе имѣло обязательное значеніе для всей Церкви Русской, нужно, чтобы засѣдающіе и рѣшающіе на соборѣ были выразителями церковнаго сознанія, устами вѣрующихъ, какъ то было въ древней Церкви. Одинъ же наши русскіе єпископы таковыми въ настоящее время не являются. Они, прежде всего, не избранники ихъ епархіальныхъ общинъ. Притомъ, они и не знаютъ, въ большей ихъ части, не только своей паствы, но даже и духовенства своего, — за своею частою смѣною и кратковременностію пребыванія на епархіяхъ, за обширностію своихъ епархій и многочисленностію пасомыхъ. Не имѣя тѣсной связи съ своею паствою, нерѣдко не виданный двумя третями мірянъ и доброй половиной духовенства, такой єпископъ и самъ не дерзнетъ говорить отъ лица своей паствы, какъ онъ долженъ говорить на соборѣ, и не будетъ признанъ за выразителя голоса своей паствы отъ нея самой, въ случаѣ ея несогласія съ рѣшеніемъ собора. Поэтому, чтобы избѣжать очень естественнаго при такихъ условіяхъ и очень опаснаго церковнаго раскола, необходимо, чтобы на соборѣ присутствовали избранные отъ духовенства его представители и избранники народа — извѣстные своею ревностію о благѣ Церкви міряне...“
и т. д.

рѣшеніе. Отъ *первыхъ* попытокъ рѣшенія его и нельзя требовать многого; найдутся люди вполне компетентные, начнется живой обменъ мнѣній,—и организація предстоящаго всероссійскаго церковнаго собора, безъ сомнѣнія, будетъ поставлена на должную высоту.

Объ участіи духовенства въ общественной жизни народа.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ чемъ же можетъ проявиться участіе духовенства въ общественной жизни прихожанъ въ настоящее время, когда положеніе и народа и духовенства значительно измѣнилось къ лучшему, когда голосъ пастырей желаютъ слышать всѣ лучшіе люди страны, когда, наконецъ, и общественная и государственная жизнь Россіи бьетъ столь усиленнымъ пульсомъ?

Такъ какъ соціальная жизнь народа чрезвычайно сложна и разнообразна, вслѣдствіе чего нѣтъ возможности вполне рассмотреть ее въ небольшой журнальной статьѣ, то мы остановимся только на главныхъ и наиболѣе существенныхъ ея проявленіяхъ, и прежде всего обратимъ вниманіе сначала на семейный бытъ нашего простонародья и посмотримъ, въ чемъ можетъ проявиться здѣсь участіе пастыря Церкви.

Домашній укладъ крестьянской жизни въ нашихъ русскихъ деревняхъ основывается на строгомъ подчиненіи младшихъ членовъ семьи старшимъ. Сноха обычно находится здѣсь подъ надзоромъ свекрови, младшіе братья бываютъ въ подчиненіи у старшихъ, жены у своихъ мужей, а надъ всѣми ими царитъ глава семейства, воля котораго является закономъ для всѣхъ домочадцевъ. Такой характеръ отношеній, конечно, имѣетъ много хорошаго, потому что онъ гарантиру-

¹⁾ См. № 23 за 1905 г.

еть прочность семейнаго союза и полный порядокъ въ домѣ. Но этотъ же строй нерѣдко обуславливаетъ собою и крайне печальныя явленія. Случается, напр., что глава семьи, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ въ ней и не видя должнаго подчиненія своимъ, хотя бы и несправедливымъ, распоряженіямъ, производитъ прямо дикія безчинства въ домѣ, обрушиваясь при этомъ на болѣе слабыхъ членовъ семьи—женщинъ и дѣтей—и вымещая на нихъ весь безпричинный гнѣвъ свой. Въ этомъ случаѣ послѣднимъ остается обыкновенно терпѣливо ожидать того времени, когда глава семьи болѣе или менѣе успокоится, а до тѣхъ поръ безропотно выслушивать его ружательства, переносить побои и въ награду за все это страданіе получить развѣ только сочувственный вздохъ сердобольной сосѣдки. Въ самомъ дѣлѣ, куда пошла бы жаловаться и просить о восстановленіи своихъ правъ оскорбленная и униженная своимъ мужемъ жена? къ земскому начальнику? Но почти всегда такія дѣла отклоняются послѣднимъ, а если земскій начальникъ и осудитъ виновнаго мужа и даже посадить его, куда слѣдуетъ, то это ничуть не гарантируетъ семью отъ повторенія безчинствъ главы ея на будущее время. Что же касается „міра“, то указанныя явленія, въ силу своей обыденности, мало его трогаютъ и почти не возбуждаютъ въ немъ никакого сочувствія къ пострадавшимъ лицамъ.

Извѣстны намъ и такого рода печальные факты въ семейномъ быту крестьянъ. Многіе, напр., мужчины уходятъ на заработки въ городъ, покидая домъ даже на лѣтнее время, когда въ деревнѣ бываетъ, какъ говорится, своего дѣла по горло. Идутъ они, конечно, въ надеждѣ сколотить деньгу въ городѣ,—но увы!—работа не всегда находится въ городѣ, и вотъ они, чтобъ вести борьбу за существованіе, знакомятся съ разнаго рода темными личностями—людьми, привыкшими къ босячеству и уже давно полюбившими его, усваиваютъ ихъ образъ жизни, привычки и воззрѣнія. Въ результатѣ оказывается, что люди, бывшіе ранѣе степен-

ными хозяевами, подъ вліяніемъ праздности, все болѣе и болѣе теряютъ энергію и любовь къ труду, живутъ, перебиваясь кое-какъ „съ хлѣба на квасъ“, больше пьянствуютъ, ночуютъ по ночлежкамъ—и такъ все ниже и глубже опускаются на „дно“. Только при наступленіи зимы, когда голодъ и холодъ заставляютъ ихъ серьезно подумать о тепломъ углѣ, они вспоминаютъ про оставленный домъ, гдѣ часто одна женщина съ малолѣтними дѣтьми выносить на своихъ плечахъ всѣ тягости домашняго хозяйства, и съ спокойной совѣстью возвращаются въ деревню. Но не на радость и счастье семьи, въ большинствѣ случаевъ, являются они въ родной домъ. Усвоенныя привычки вольнаго, разгульнаго и празднаго житія остаются у нихъ, и нерѣдко все, чтó успѣла своими трудами пріобрѣсти для дома бѣдная женщина, волею мужа уплываетъ изъ него. Парушается тогда мирная семейная жизнь, разстраивается хозяйство, подрывается домашнее благосостояніе; но виновнику до этого нѣтъ дѣла. Съ наступленіемъ весны онъ чувствуетъ уже скуку въ деревнѣ, и, какъ истинный герой Горькаго, опять устремляется въ городъ, къ безшабашной босяцкой жизни.—Кто наблюдалъ жизнь приволжскихъ крестьянъ, тому эта картина прекрасно знакома.

Можетъ ли пастырь Церкви оставлять безъ вниманія подобныя печальныя явленія соціальной жизни народа?—Конечно, нѣтъ. Вмѣшаться въ такого рода ненормальныя отношенія между членами семьи и оказать свое нравственное вліяніе—его прямая и законная обязанность. Пусть онъ явится здѣсь защитникомъ низшихъ членовъ семьи отъ самоуправства старшихъ; пусть внушитъ послѣднимъ, что только при взаимномъ уваженіи и общей дружной работѣ возможно утвердить въ семьѣ миръ и согласіе и обезпечить ея внѣшнее благополучіе. Правда, пастыри рѣдко обходятъ молчаніемъ подобныя факты семейнаго быта прихожанъ; но роль ихъ въ этихъ случаяхъ ограничивается обыкновенно или краткой бесѣдой съ безчинствующимъ крестьяниномъ во время

исполненія какой-либо требы въ его домѣ, или—самое большее— произнесеніемъ по этому поводу въ храмѣ проповѣди общенравственнаго содержанія. Но этимъ ограничиваться, конечно, нельзя. Долгъ ревностнаго пастыря, которому должны быть безконечно дороги духовныя и тѣлесныя нужды паствы, требуетъ, чтобы онъ проявилъ здѣсь болѣе сильное и активное участіе. Пусть онъ не удовольствуется только личными увѣщаніями, которыя—замѣтимъ кстати—долженъ дѣлать подобнымъ буйнымъ и безпорядочнымъ лицамъ настойчиво и постоянно, но, въ случаѣ неудачи, пусть призоветъ къ содѣйствію себѣ и лучшихъ прихожанъ. Такъ поступалъ всегда—и не безъ успѣха—св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾, такъ пусть дѣйствуютъ и наши пастыри.

Но въ какихъ бы формахъ ни проявилось въ указанныхъ случаяхъ свое участіе духовенство, какія бы средства размышленія ни употребляло оно, важно здѣсь то, чтобы оно не оставляло пастырскихъ попеченій до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не внесетъ въ семейные нравы прихожанъ своего смягчающаго и облагораживающаго вліянія. Важно это какъ потому, что добрыя нравственные качества членовъ семьи являются вѣрнѣйшимъ залогомъ и вѣшняго благополучія ихъ, такъ особенно потому, что мирное развитіе и преемственность каждой отдѣльной семьи обезпечиваетъ благосостояніе и цѣлаго общества.

Есть еще одно явленіе въ домашнемъ быту крестьянъ, которое также не можетъ не обращать на себя вниманія ревностнаго пастыря Церкви, — это семейные раздѣлы. Извѣстно, что въ нашихъ деревняхъ чѣмъ больше семья заключаетъ въ себѣ работоспособныхъ членовъ, тѣмъ лучше живетъ въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому, дома тѣхъ крестьянъ, у которыхъ сыновья, хотя бы и женатые, не отдѣляются отъ отца, а работаютъ всѣ для одной общей

¹⁾ См., напр., слово его на низверженіе царскихъ статуй, слово противъ зрѣлищъ и мн. др.

семьи, обыкновенно представляют собою „полную чашу“. Здѣсь и скота бываетъ много, и хлѣба достаточно, а если иногда не хватаетъ, то для покупки его всегда найдутся и деньги. Но случается, что изъ-за какихъ-нибудь случайныхъ внѣшнихъ поводовъ,—напр., изъ-за возникшаго несогласія между женщинами—снохами,—братья рѣшаютъ раздѣлиться между собой. Результаты такихъ дѣлежей бываютъ вообще довольно печальны. Домашнее имущество, которое ранѣе принадлежало всѣмъ, теперь дробится на мелкія части; при этомъ нѣкоторые изъ братьевъ остаются часто безъ самаго необходимаго для сельской жизни, напр.—безъ избы, лошади и пр., вслѣдствіе чего сильно бѣдствуютъ, особенно въ первое время. Въ этомъ случаѣ приходскій священникъ своимъ вмѣшательствомъ могъ бы принести большую пользу. Пусть онъ всѣми пастырскими мѣрами противоdѣйствуетъ такимъ раздѣламъ, устраняя, прежде всего, причины, вызывающія ихъ—разныя семейныя несогласія, а затѣмъ—убѣждая, кого слѣдуетъ, что подобныя раздѣлы истощаютъ крестьянскія хозяйства и подрываютъ въ корнѣ не только экономическое благосостояніе сплоченныхъ семействъ, но и нравственную твердость строгаго семейнаго быта¹⁾.

Таковы главнѣйшіе факты семейнаго уклада крестьянской жизни, гдѣ наше духовенство могло бы проявить свое дѣятельное и благотворное участіе.

Если мы изъ сферы семейной перенесемъ въ чисто общественныя дѣла и отношенія, то увидимъ, что и здѣсь усердіе и благоразуміе пастыря могутъ съ большою пользою проявлять свою регулирующую и исправляющую дѣятельность. Вѣрный своему долгу, пастырь можетъ вносить сюда доброе вѣяніе духа церковнаго, законъ правды, мѣры и порядка; можетъ служить проповѣдникомъ здоровыхъ понятій и полезныхъ практическихъ свѣдѣній и чрезъ то постепенно

¹⁾ В. О. Пъвницкій. „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“. Изд. 1890 г., стр. 182.

содѣйствовать улучшенію соціальной и экономической жизни народа.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ общественной жизни крестьянъ являются сельскіе сходы. Здѣсь обычно рѣшаются всѣ дѣла, касающіяся взаимныхъ отношеній между ними, и обсуждаются многіе вопросы, связанные съ ихъ матеріальнымъ благополучіемъ. Конечно, пастырю Церкви нѣтъ нужды непременно присутствовать на мірскихъ сходахъ и быть, такъ сказать, постояннымъ гласнымъ этихъ собраній, что прямо запрещается ему и закономъ (Истр. благоч. § 30); но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, напр., приговоры крестьянъ явно нарушаютъ христіанскія начала взаимной любви и справедливости или направляются къ очевидному вреду для ихъ собственнаго благосостоянія,—тамъ долгъ пастыря, и какъ духовнаго руководителя и какъ человѣка просвѣщеннаго, требуетъ немедленнаго и соответствующаго воздѣйствія на пасомыхъ. Укажемъ для примѣра нѣсколько такихъ случаевъ, гдѣ личное вмѣшательство священника является прямо-таки необходимымъ.

Извѣстно, что при общинномъ землевладѣніи, какое существуетъ у крестьянъ, каждая семья получаетъ столько земельныхъ надѣловъ, сколько въ ней мужскихъ душъ. Семья, хотя бы и большая, если въ ней только одинъ мужчина, имѣетъ и земли всего на одну душу. Женщины же при распредѣленіи подушныхъ надѣловъ, по установившемуся обычаю, во вниманіе не принимаются. Это послѣднее обстоятельство часто и ведетъ на практикѣ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Умираетъ, напр., въ домѣ отецъ, послѣ котораго осталась жена съ малолѣтними дочерьми,—и „міръ“, при первомъ же передѣлѣ земли, воленъ не дать имъ ни одного клочка для поѣва. Послѣднее, дѣйствительно, нерѣдко и происходитъ, вслѣдствіе чего осиротѣвшая семья принуждена бываетъ вести жалкую жизнь „бобылей“. Почему въ этомъ случаѣ не явится пастырю защитникомъ несчастной семьи и не постарается внести болѣе правды и любви

во взаимныя отношенія между людьми? Намъ кажется, что священникъ нисколько не погрѣшилъ бы ни противъ своего долга, ни противъ закона, если бы даже явился на сельскую сходку и своимъ нравственнымъ вліяніемъ расположилъ крестьянъ въ пользу семьи умершаго.

Но еще болѣе важное значеніе можетъ имѣть участіе приходскаго пастыря при рѣшеніи такихъ мірскихъ дѣлъ, которыя тѣсно связаны съ экономическимъ благосостояніемъ народа. Въ деревенской жизни весьма не рѣдки случаи, что крестьяне, или неправильно понявъ свои интересы, или подъ вліяніемъ вышпитой водки, поставленной для нихъ опытнымъ кулакомъ-міроѣдомъ, даютъ такіе приговоры, которые явно не выгодны и вредны для ихъ матеріальнаго благополучія. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько такихъ фактовъ.

Въ Ярославской губ. за послѣднее время расплодилось очень много сыроварень, маслодѣлень и прочихъ подобныхъ заведеній. Возникають они обычно такимъ образомъ. Въ одно прекрасное время появляется въ деревнѣ какой-нибудь предприимчивый дѣлецъ съ капиталцемъ, собираетъ крестьянъ и объявляетъ имъ о своемъ желаніи построить сыроварню. Для успѣха переговоровъ тутъ же выставляется ведра три водки, и, когда вліяніе ея достаточно обнаружится на крестьянахъ, дѣлецъ предлагаетъ имъ условія, конечно, выгодныя только для себя. Сдѣлка быстро заключается. И вотъ съ этихъ поръ женщины каждое утро начинаютъ носить на сыроварню молоко, воображая, что у нихъ теперь постоянно будутъ деньги. Но на дѣлѣ оказывается, что и молока, этого существенно важнаго для здоровья продукта, онѣ лишаются, да и денегъ нисколько въ домѣ не прибавляется. Происходитъ же послѣднее оттого, что уплата деньгами вообще не въ правилахъ указанныхъ народныхъ акулъ: они всегда обыкновенно уплачивають за получаемый продуктъ *натурой*—тѣмъ дешевымъ и плохимъ товаромъ, который у нихъ имѣется въ предусмотрительно построенной на этотъ случай лавочкѣ.—Заботясь объ извлеченіи изъ своего предпріятія

возможно большихъ выгодъ, эти кулаки-мірофды, поселившись въ деревнѣ, держатъ въ кабалѣ часто цѣлыя селенія и эксплуатируютъ ихъ самымъ беспощаднымъ способомъ, подрывая такимъ образомъ и здоровье народа и его внѣшнее благосостояніе.

Хорошо извѣстенъ намъ и такого рода фактъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ той же губерніи, на берегу большого озера и недалеко отъ судоходной рѣки, расположены двѣ деревни, жители которыхъ издавна занимаются рыбной ловлей. Рыбы въ этомъ озерѣ дѣйствительно очень много, и притомъ хорошихъ породъ, преимущественно лещей. Но это естественное богатство приноситъ вообще мало пользы населенію, такъ какъ оно „за дешевку“ почти цѣликомъ переходитъ въ руки скупщиковъ. Послѣдніе,—опять же при помощи водки, этого непремѣннаго атрибута всякихъ сдѣлокъ съ крестьянами, —уговорили жителей продавать имъ ежедневный уловъ рыбы, при условіи платить за каждаго леща, вѣсомъ не менѣе 2 $\frac{1}{2}$ ф., по 30 коп. Надо замѣтить, что въ одну почъ вылавливается перѣдко до сотни лещей—и все крупныхъ размѣровъ, при чемъ попадаются иногда экземпляры болѣе 15 ф. вѣсомъ. Можно теперь представить, сколько дохода теряютъ крестьяне, заключая такую сдѣлку, если принять во вниманіе, что тѣ же скупщики, доставивъ за однѣ сутки эту рыбу въ городъ, продаютъ ее тамъ уже по 10—15 за фунтъ. Пишущему эти строки приходилось лично бесѣдовать съ крестьянами по этому поводу и выслушивать отъ нихъ такія рѣчи: „Вѣстимо, это дѣло слѣдовало бы самимъ въ руки взять. Оно, конечно, было бы лучше. Да ужъ гдѣ намъ? Вѣдь вотъ они пріѣзжаютъ, да виномъ поятъ, а наши и порѣшаютъ, какъ они хотятъ?“

Тяжело и горько бываетъ слышать подобныя рѣчи! Такъ и чувствуется въ нихъ безпросвѣтная тьма, которая густой черной пеленой еще и доселѣ окружаетъ нашъ простой народъ. Кто же долженъ подать руку помощи этому темному люду? Вѣдь школы еще такъ мало, а свѣтъ знанія такъ не-

обходимъ для всѣхъ!.. Въ этомъ случаѣ только одинъ пастырь Церкви, какъ наиболѣе просвѣщенный человѣкъ въ приходѣ и ближе всѣхъ стоящій къ нему, можетъ пролить свѣтъ на различныя явленія социально-экономической жизни крестьянъ и помочь имъ въ устроеніи ихъ внѣшняго быта. Если онъ своевременно раскроетъ крестьянамъ эксплуататорскую роль всякаго рода деревенскихъ культуртрегеровъ, съ которыми если и можно заключать какія-нибудь сдѣлки, то лишь послѣ тщательнаго и трезваго обсужденія всѣхъ условій, а не подъ вліяніемъ вышней водки; если онъ, далѣе, возбудитъ въ народѣ духъ личной инициативы и предпринимчивости и укажетъ наилучшіе способы для разработки мѣстныхъ богатствъ: то этимъ исполнитъ только свой долгъ. Польза же отъ такого вмѣшательства пастырѣ въ дѣла народа для его внѣшняго благосостоянія очевидна сама собою. Но допустимъ, что, при современномъ низкомъ уровнѣ народнаго образованія, такія явленія, какъ угнетеніе цѣлыхъ селеній различными кулаками, пока неизбѣжны. Можетъ ли, во всякомъ случаѣ, пастырь Церкви спокойно смотрѣть на это?— Конечно, нѣтъ. Его долгъ требуетъ и здѣсь проявить свое горячее и дѣятельное участіе. Пусть онъ явится ревностнымъ защитникомъ притѣсняемыхъ и употребитъ всю силу своего пастырскаго авторитета, чтобы повліять на угнетателей и убѣдить ихъ относиться къ населенію съ большей любовью и справедливостью.

Вообще же должно сказать, что вопросы, связанные съ внѣшнимъ благосостояніемъ крестьянъ, должны быть всегда близки приходскимъ священникамъ, искренно желающимъ блага своимъ пасомымъ. Но активное участіе ихъ въ социально-экономической жизни народа представляется еще болѣе необходимымъ потому, что нерѣдко сами крестьяне обращаются къ батюшкѣ за помощью въ своихъ житейскихъ дѣлахъ. Кромѣ того, и земства весьма часто приглашаютъ приходскихъ священниковъ, какъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ о мѣстныхъ нуждахъ, или высказаться по поводу какихъ-либо

желательныхъ нововведеній въ краѣ, или оказать уже вводимымъ въ мѣстности полезнымъ предиріятіямъ свое просвѣщенное содѣйствіе.

Но такъ ли обстоитъ дѣло въ настоящее время?—Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что наше приходское духовенство, за рѣдкимъ исключеніемъ, очень мало интересуется и принимаетъ къ сердцу житейскія нужды крестьянъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами обращаются къ священнику съ просьбой уладить ихъ общественныя дѣла и отношенія, послѣдній или совершенно отклоняетъ отъ себя всякое участіе въ этомъ, или—что еще хуже—изъ своекорыстныхъ побужденій, оказываетъ содѣйствіе тѣмъ лицамъ, защиты отъ которыхъ именно и ищетъ себѣ населеніе. Яркой иллюстраціей къ этому служитъ рассказъ Гусева-Оренбургскаго: „Въ приходѣ“¹⁾, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

Крестьяне одной деревни страшно бѣдствовали отъ недостатка собственной земли. Въ прежніе годы они, хотя и за безбожную цѣну, могли еще покупать небольшіе участки ея у сосѣдняго помѣщика генерала Турникетова, владѣнія котораго съ обширными лѣсными дачами непосредственно примыкали къ ихъ деревнѣ; но въ послѣднее время, когда поселился среди нихъ новый приказчикъ генерала—Флегонтъ, житье крестьянъ стало уже совсѣмъ плохо. Имѣя твердое намѣреніе сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ полнымъ хозяиномъ помѣщичьихъ владѣній, Флегонтъ началъ зорко оберегать ихъ отъ крестьянъ, употребляя при этомъ самыя жестокія мѣры. Прежде всего, онъ отобралъ у крестьянъ тѣ участки, которыми они издавна пользовались на началахъ аренды; затѣмъ, началъ беспощадно преслѣдовать ихъ за малѣйшія лѣсныя порубки и, наконецъ, довелъ дѣло до того, что все крестьянское общество очутилось у него въ кабалѣ. „И теперь мы батраки его!—говорили мужики:—на себя

¹⁾ I Сборн. товар. „Званіе“ за 1903 г. кн. 1-я.

нешто работаемъ? Изъ-за куска хлѣба, изъ-за клочка земли идетъ къ нему народъ—кто въ работники, кто въ сахара... и въ погонщики и въ возчики... за долги работаемъ и еще хуже должаемъ. Кабала!“ (стр. 261). Находясь въ такомъ тяжеломъ положеніи, крестьяне рѣшили обратиться къ батюшкѣ и просить его помочь ихъ горю—походатайствовать за нихъ предъ генераломъ, чтобы онъ не отдавалъ своей земли Флегонту, а продалъ бы ее имъ—крестьянамъ. Батюшка—о. Викторинъ—въ это время находился у нихъ въ деревнѣ, куда онъ пріѣзжалъ за сборомъ сѣмянъ. Окончивъ свои дѣла и закусивъ, какъ слѣдуетъ, въ домѣ приказчика и въ кельѣ проживавшихъ въ селеніи черничекъ, о. Викторинъ собрался уже ѣхать домой; но на улицѣ встрѣтила его большая толпа крестьянъ. Они окружили батюшку, повѣдали ему свое крестьянское горе и умоляли притти къ нимъ на помощь. Какъ же отнесся священникъ къ слезной просьбѣ своихъ прихожанъ?

„Батюшка,—говорится въ разсказѣ,—мгновенно пришелъ въ ужасъ и замахалъ руками.

— Что вы... что вы, старики... Что вы!

— Съѣзди! мы подводу дадимъ... и все... какъ слѣдуетъ! Объясни ему! Ты—отецъ духовный... ты—священникъ... ты—заступникъ нашъ... больше у насъ кто... Тебя послушаетъ! Пуцай не отдаетъ Флегонту... остервенится народъ! Нельзя намъ... вишь ты... понимаешь, како дѣло? Безъ того мы разоренный народъ... отоцали... обнищали... Мощи! Глянь, шкилетами ходятъ мужики-то! Нешто мы жители? Волки!..

Батюшка въ смущеніи сѣлъ на завалинку.

— Старики! Не дѣло вы задумали! Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся! Какъ возможно мнѣ въ такое дѣло вступаться!

— Отецъ! Ты—нашъ заступникъ!

Предъ Богомъ... молиться ежели! О всемъ просить можно... что на потребу! Онъ—Царь Небесный! Онъ все

сдѣлаеть! А съ людьми... съ людьми-то надо, знаешь, какъ... жить-то, то есть? По разуму!.. А я какъ же въ дѣла такія вотрусь? Съ какого конца? Мое дѣло... небесное... А тутъ—земная канитель! Какъ вступлюсь? Чтѣ скажу? На меня и Флегонтъ Кириллычъ оскорбится, и генераль обидится! Скажутъ, я васъ и подговариваль-то... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Да мнѣ и домой пора, братцы... Пора... ночь! Пойду-ка я...

Онъ поднялся съ завалинки.

— А вамъ, старички, посоветую... Смиренько надо! По-хорошему!.. Господь все разбереть, кому и что, коему-ждо по дѣломъ его... да, да! И Флегонтъ Кириллычъ—не звѣрь, а человекъ... и человекъ благочестивый, разумный, дому хозяинъ прилежный! Не разоритель! Примѣръ раченія съ него надо брать! И къ тому же онъ въ чести у помѣщика! Какъ можно! какъ можно! А ежели бѣдность... сіе отъ Господа! Такъ-то! Прощайте, братіе! подумайте надъ словами моими и смиритесь! А ежели что... сами хлопочите, а меня увольте!

Онъ послышно пошелъ черезъ огородъ къ улицѣ.

Мужики понуро молчали. Демьянъ еще разъ позвалъ неуверенно:

— Батюшка!

Батюшка махнулъ рукой, слѣша къ улицѣ“ (стр. 262—4).

Тяжелымъ, душу щемящимъ холодомъ вѣетъ отъ этой картины. Съ одной стороны, жалкая, глубоко страдающая отъ насилій толпа крестьянъ, у которыхъ, въ ихъ безотрадномъ положеніи, осталось одно утѣшеніе—это надежда на помощь своего духовнаго отца; съ другой стороны, самъ батюшка, который, боясь лишиться расположенія сильныхъ и богатыхъ міра сего, не только не захотѣлъ помочь деревенскому горю, но еще оказалъ народному угнетателю свою нравственную поддержку. И погасъ для крестьянъ тотъ свѣтлый лучъ, который дотолѣ ободрялъ ихъ; выпалъ изъ рукъ

ихъ послѣдній якорь надежды, за который они еще держались,—и жизнь ихъ стала еще болѣе мрачной и тяжелой... И если понаблюдать жизнь приходскихъ священниковъ, то развѣ не найдется на святой Руси такихъ оо. Викторинъ, которые, ради собственнаго спокойствія и личныхъ выгодъ, отстраняютъ отъ себя всякое участіе въ жизни народа, игнорируя всѣ нужды, а часто и нравственныя страданія его?—Какъ долженъ былъ поступить въ этомъ случаѣ истинный пастырь Церкви, это очевидно всякому...

Мы сказали ранѣе, что участіе приходскаго духовенства въ общественной жизни народа, особенно въ дѣлахъ, относящихся къ улучшенію его внѣшняго быта, вызывается уже тѣмъ, что сами земства приглашаютъ священниковъ къ такого рода дѣятельности. Какъ же относятся они къ подобнымъ приглашеніямъ?

Песомнѣнно, что многіе исполняютъ различныя предложенія земства вполне добросовѣстно: ѣздятъ по деревнямъ, разспрашиваютъ крестьянъ объ ихъ нуждахъ и, затѣмъ, представляютъ свои заключенія уѣзднымъ управамъ. Но встрѣчаются и такіе священники (и ихъ не мало), которые, или не обсудивъ, какъ слѣдуетъ, важность и цѣль земскихъ начинаній, или просто по нерадѣнію, не хотятъ даже и въ этомъ случаѣ выскнуть въ народную жизнь и посодѣйствовать скорѣйшему удовлетворенію общественныхъ нуждъ. Авторъ статьи въ ж. „Образованіе“ за янв. 1904 г. подъ заглавіемъ: „То ли нужно“—разсказываетъ, напр., про одного сельскаго батюшку, которому С—кая земская управа прислала цѣлый рядъ вопросовъ съ цѣлью узнать, не нуждается ли село въ какихъ-нибудь общественно-полезныхъ сооруженіяхъ, къ которымъ управа могла бы привлечь мѣстныхъ крестьянъ для оказанія имъ трудовой помощи въ неурожайный годъ? Но на всѣ вопросы были даны священникомъ только такіе отвѣты: „нѣтъ“. „не имѣется“, „нѣтъ нужды“. Другихъ отвѣтовъ не было. Судя по нимъ, въ селѣ не было нужды ни въ запрудахъ, ни въ мостахъ, ни въ

другихъ сооруже́нiяхъ, хотя тутъ же, предъ окнами священническаго дома, протекала по обширной доли́нѣ небольшая рѣчушка, бурлившая послѣ каждаго дождя и заливавшая съ обѣихъ сторонъ перекинутый черезъ нее „живой мостъ“. Въ весенніе разливы черезъ рѣку не было ни хода, ни ѣзды.

— Какъ же вы, батюшка,—спрашиваетъ авторъ,—пишете на всѣ вопросы все „нѣтъ“ да „нѣтъ?“—Вотъ у васъ передъ глазами рѣка и топкая долина, гдѣ послѣ каждаго дождя крестьяне, возчики камня, до смерти замучиваютъ своихъ лошадей. Тутъ нужно бы сдѣлать и плотину и хорошій мостъ.

— Это я знаю самъ,—отвѣтилъ священникъ:—есть у насъ и овраги, которые слѣдовало бы заирудить... Да кто знаетъ, что на умѣ-то у земской управы?! Нашему писарю тоже прислали эти вопросы, и онъ не знаетъ, что отвѣтить на нихъ. Напиши, говорить, имъ, что нужны такія-то и такія-то сооруже́нiя, а управа-то и взвалитъ на мужиковъ новый налогъ, или просто выгонитъ ихъ на работу въ этихъ оврагахъ... Ну, мы и порѣшили написать оба съ писаремъ, что въ нашемъ селѣ нѣтъ нужды ни въ какихъ сооруже́нiяхъ (стр. 124).

Какъ видно изъ приведеннаго факта, священникъ отнесся къ предложенію земства очень поверхностно; онъ лично не постарался даже вдуматься въ предложеніе, какъ слѣдуетъ, и понять всю важность намѣренія управы, а просто послушался явно нелѣпныхъ словъ писаря, да и отклонилъ отъ себя всякое участіе въ этомъ общественномъ дѣлѣ. Быть можетъ, подобные священники и рѣдко встрѣчаются въ жизни, но важно то, что все же въ нашемъ духовенствѣ находятся такія лица, которыхъ мало трогаетъ народная нужда, и почти не интересуютъ важные общественные вопросы крестьянской жизни. Между тѣмъ, живое и непосредственное участіе ихъ въ мірскихъ дѣлахъ могло бы принести громадную пользу народу.

Но само собою понятно, что въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ поднятію культунаго уровня крестьянъ и

улучшенію его общественнаго и экономическаго быта, приходскій священникъ долженъ быть весьма остороженъ. Пусть онъ борется только съ тѣми рѣшеніями крестьянъ, которыя явно не справедливы или вредны для ихъ благочестія, и, напротивъ, всячески содѣйствуетъ исполненію такихъ приговоровъ, которые несомнѣнно важны и полезны для округи. Въ жизни же мы часто видимъ совершенно иное. Бываетъ, что священникъ—и дѣятель, и отзывчивъ на нужды деревни, но, при обсужденіи извѣстнаго вопроса съ крестьянами, отстаиваетъ только свое мнѣніе, несколько не считаясь съ желаніемъ ихъ, хотя бы и это послѣднее было также законно. Вслѣдствіе этого, нерѣдко происходятъ столкновенія священника съ приходомъ, вызывающія совершенно напрасное взаимное озлобленіе и несомнѣнно-вредящія успѣху дѣла. Въ послѣднее время особенно часто возникаютъ такіа коллизіи изъ-за постройки школъ. Крестьяне, напр., хотятъ открыть у себя земскую школу, а священникъ всѣми силами старается убѣдить ихъ открыть школу церковно-приходскую. И вотъ начинается бесполезное препирательство, важное дѣло затягивается, а иногда сопровождается и крайне непріятными осложненіями.—По нашему мнѣнію, настаивать предъ крестьянами на томъ, чтобы они открывали у себя только церковно-приходскія школы, хотя бы это шло въ разрѣзъ съ общимъ желаніемъ населенія, совершенно излишній и напрасный трудъ для священника. Важно здѣсь не то, какого типа будетъ школа, а то, чтобы скорѣе дать истинное образованіе нашему темному народу. Къ этой цѣли и пусть въ подобныхъ случаяхъ стремится пастыръ.

С. Сотинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Два слова въ защиту пастырей-проповѣдниковъ.

Въ концѣ 1904-го года въ періодической печати съ нѣкоторымъ возбужденіемъ обсуждался вопросъ о нашемъ проповѣдничествѣ. Вопросъ этотъ былъ впервые затронутъ въ № 217-мъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ небольшой статьѣ подъ заглавіемъ: „Академическій журналъ о кандидатахъ на священство“. Неизвѣстный авторъ, укрывшійся подъ авторитетнымъ для нѣкоторыхъ читателей псевдонимомъ „Новопутеецъ“, въ названной статьѣ излагаетъ содержаніе отзыва Московской духовной академіи о поученіяхъ, писанныхъ студентами семинарій при поступленіи въ академію въ 1903 г., и дѣлаетъ изъ отзыва общіе выводы о нашемъ современномъ проповѣдничествѣ: И отзывъ ученой корпораціи, и выводы г. Новопутейца производятъ самое грустное впечатлѣніе. Отзывъ академической комиссіи (см. „Богосл. Вѣстн.“ 1904. Іюль—Августъ. Журналы Совѣта, стр. 252) констатируетъ, что „въ поразительномъ большинствѣ случаевъ проповѣди отличаются безжизненностью и схоластичностью“. Писавшіе поученіе студенты „напизывали фразу за фразой, рождая ихъ съ величайшими потугами... Дѣйствительность же, полная такой жизни, разнообразія, свѣжести, чувства, борьбы, сомнѣній, паденій, внутренней туги остается въ сторонѣ“. Представленныя проповѣди,—утверждаетъ академическая комиссія,—такъ „монотонны, скучны, бѣдны содержаніемъ, что, читая ихъ, не вѣришь, что это—произведенія людей, *десятки лѣтъ учившихся* (?) въ школѣ“. Вообще, „ни одинъ изъ писавшихъ поученіе не далъ вполнѣ обстоятельнаго, глубоко продуманнаго и прочувствованнаго отвѣта на вопросъ. Да и немногіе лишь приблизились къ надлежащему пониманію темы и дали приблизительно обстоятельный на нее отвѣтъ. Большинство же писало на различныя темы, имѣющія иногда совершенно отдаленное, чисто внѣшнее отношеніе къ надлежащей темѣ“. Г. Новопутеецъ изъ этого отзыва дѣлаетъ заключеніе, что, если студенты-перворазрядники такъ плохо пишутъ пропо-

вѣди, то о второразрядникахъ нечего и говорить. Ихъ проповѣди, очевидно, нельзя и слушать, и „если у насъ есть еще проповѣдники, которыхъ кто-либо слушаетъ, то это—дѣло милости Божіей“. Но нужно имѣть въ виду,—предупреждаетъ г. Новопутеецъ,—что проповѣдниками-второразрядниками держится наше народное просвѣщеніе, такъ какъ именно второразрядники идутъ главнымъ образомъ въ сельскіе священники. И вотъ, духовная скудость второразрядниковъ побуждаетъ г. Новопутейца воскликнуть: „*saveant consules!*“

Повидимому, такъ же печально, какъ и г. Новопутеецъ, смотреть на наше сельское проповѣдничество и журналъ „Миссіонерское Обзорѣніе“. Авторъ статьи, помѣщенной въ № 19-мъ (1904) этого журнала, не только признаетъ, что въ академическомъ отзывѣ сказана „горькая правда“, но и утверждаетъ, что онъ даже удивился бы, если бы семинаристы на академическихъ экзаменахъ составили не сухія и безжизненные проповѣди“. Желая заглянуть въ корень вещей, авторъ статьи „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, какъ и подобаетъ противосектантскому миссіонеру, причину безжизненности семинарскихъ проповѣдей видитъ въ томъ, что семинаристы не приучаются „проникать въ тайны Божественнаго Откровенія, проповѣданнаго людямъ въ Св. Писаніи“, не навываютъ „библейскому мышленію“.

Мы не имѣемъ въ виду ставить вопросы о нашемъ сельскомъ проповѣдничествѣ широко и тѣмъ болѣе превозносить послѣднее. Намъ бы хотѣлось только высказать, что выводы г. Новопутейца излишне пессимистичны, и что для столь печальныхъ выводовъ онъ не имѣлъ достаточнаго основанія. Такимъ основаніемъ для него служилъ отзывъ комиссіи Московской академіи. По этому отзыву можно противопоставить отзывъ другой академіи, рисующей болѣе утѣшительную картину семинарскаго проповѣдничества. Въ этомъ послѣднемъ отзывѣ, касающемся также воспитанниковъ выпуска 1903 г., мы читаемъ: „проповѣди, писанныя на всту-

цительномъ экзаменѣ текущаго учебнаго года, обладаютъ достоинствами, доказывающими навыкъ писавшихъ въ сочиненіяхъ этого рода. Пѣкоторые изъ писавшихъ обнаружили при этомъ не только знакомство съ формою проповѣднаго слова, но и съ Священнымъ Писаніемъ, знаніе текстовъ и умѣнье пользоваться ими цѣлесообразно, безъ искаженія точнаго ихъ смысла“ (Журналы Совѣта Кіевской акад. 1903—1904 г.). Съ другой стороны, при всемъ уваженіи къ компетентности академическихъ профессоровъ, мы позволяемъ себѣ думать, что изложенный выше слишкомъ яркій отзывъ комиссіи Московской академіи едва ли можетъ быть признанъ точнымъ показателемъ состоянія семинарскаго (а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще російскаго) проповѣдничества. Отзывъ въ сильныхъ выраженіяхъ и съ удивленіемъ говорить о безжизненности семинарскихъ проповѣдей. Но мы спросимъ: можно ли и справедливо ли требовать отъ экзаменныхъ проповѣдей жизненности?—Жизненной, несомнѣнно, можетъ быть только проповѣдь, писанная на тему, близкую сердцу пишущаго и имъ выношенную,—проповѣдь, назначенная для опредѣленнаго круга читателей или слушателей. Между тѣмъ, студенты семинаріи должны были писать на тему заданную, многимъ совершенно чуждую. И для кого писать?—Для профессоровъ, которые будутъ искать въ ихъ проповѣдяхъ не назидательности, не утѣшенія или обличенія, а грамматическихъ ошибокъ, синтаксическихъ погрѣшностей и т. п. При такомъ нежизненномъ положеніи проповѣдника проповѣдь его по необходимости будетъ безжизненна и суха: безжизненность въ данномъ случаѣ не есть слѣдствіе плохого состоянія проповѣдничества, а результатъ искусственности самаго положенія проповѣдника. Находишь тѣ же самые проповѣдники, которыхъ укоряетъ академическій отзывъ въ безжизненности и схоластичности ихъ проповѣдей, въ иномъ положеніи, они, безъ сомнѣнія, написали бы иначе.

Далѣе обращать на себя вниманіе и самая тема, данная для экзаменныхъ проповѣдей воспитанниковъ семинаріи. Темою, какъ видно изъ академическаго отзыва, служилъ текстъ изъ посланія къ Римл. (14, 22): *„блаженъ не осуждай себе, о немъ же искушается“*. Что говорить вашему сердцу, читатель, эта тема? Могли бы вы въ проповѣди на эту тему привлечь, какъ желали бы академическіе рецензенты, „дѣйствительность, полную такой жизни, разнообразія, свѣжести, чувства, борьбы, сомнѣній, паденій, внутренней туги“?—Сомнѣваемся. Въ доброе старое время были проповѣдники, которые могли произнести цѣлый рядъ проповѣдей на текстъ:

„принеси мнѣ книги, паче же кожанья“ (2 Тим. 4, 13). Теперь подобные проповѣдники перевелись, и объ этомъ, конечно, жалѣть не приходится. Но на текстъ, приведенный выше, съ большимъ усилѣхомъ могли бы писать только подобные проповѣдники. Мысль текста весьма темна, и вдохновиться ею очень трудно. Такой текстъ можно давать для экзегетическаго трактата, но отнюдь не для проповѣди; такимъ текстомъ можно испытывать знакомство съ комментаріями и съ приемами толкованія, но не павыкъ къ искусству *docere et movere*... Не удивительно, что, какъ свидѣтельствуешь отзывъ, „ли одинъ изъ писавшихъ поученіе не далъ вполне обстоятельнаго, глубоко продуманнаго и прочувствованнаго (!) отвѣта на вопросъ“. Не удивительно, что одни писали „о свободѣ совѣсти“, другіе „о блужданіи современнаго общества“, третьи „о постѣ и соблазнахъ“ и т. д... Вполнѣ понятно, даже безъ догадки „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, что воспитанники семинаріи не приучены „проникать въ тайны „Божественнаго Откровенія“: проповѣдь вѣдь все-таки должна быть *подана*,—значить, хоть и о чемъ-нибудь да должно быть написано. А такъ какъ павѣрно не знаешь, о чемъ нужно писать, то естественно желаніе написать сразу на цѣсколько темъ,—авось что-нибудь попадетъ въ цѣль..... Но спрашивается: къ чему было загадывать загадки? Почему бы не дать темы простой и ясной, чтобы энергія экзаменуемыхъ была потрачена именно на составленіе проповѣди, а не на отгадываніе сокровенныхъ цѣлей лица, дававшего тему? Тогда бы, конечно, получилаcя иная картина семинарскаго проповѣдничества, и господа, подобные Новопутейцу, лишены были бы случая бросить лишний упрекъ нашему сельскому духовенству. И безъ того уже эти упреки сыплются на смиренныхъ сельскихъ пастырей, какъ изъ рога изобилія...

В—ій.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылною ШЕСТЬ
рублей.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюня 19-го дня.

Содержаніе: О составѣ церковнаго собора.—Объ участіи духовенства въ общественной жизни народа (окончаніе).—Смуты въ Старой Сербіи по поводу перехода славной сербской святыни въ руки русскихъ афонскихъ келліотовъ.—Серьезный пустякъ.

О составѣ церковнаго собора.

Едва ли былъ въ русской исторіи моментъ, когда вопросы жизни облекались бы ею самою въ такія точно формулированныя требованія, какъ моментъ, сейчасъ переживаемый. Съ достаточною основательностью говорить о неотложной необходимости общегосударственнаго обновленія и съ этой точки зрѣнія предлагаютъ самые разнообразныя способы оздоровленія русской государственной и политической жизни. Съ своей стороны тѣмъ, кто способенъ, отрѣшаясь отъ техническихъ подробностей преобразовательныхъ проектовъ, подняться на высоту пониманія идейной сущности новаго движенія и сообразить всѣ мыслимыя выводы изъ него для будущаго Россіи, трудно не понять, что все новое для Рос-

сн, разъ оно имѣеть въ виду подлинное ея благо, не можетъ миновать, прежде всего, дѣйствительнаго блага Русской Церкви. Сила Россіи—въ неисчерпаемыхъ силахъ религіознаго духа русскаго народа, питающагося отъ Духа благодати, живущаго въ Церкви...

Другой вопросъ: выявляется ли творчески религіозный геній русскаго народа такъ, какъ бы нужно было?—Но одно несомнѣнно до очевидности, что если ожидаемыя государственныя реформы осуществляются при полномъ забвеніи нуждъ Церкви, онѣ не могутъ претендовать на значеніе благодѣяній для народа, живущаго вѣрою въ Бога. И въ этомъ смыслѣ—чѣмъ печальнѣе представляется дѣйствительное положеніе Православной Церкви, тѣмъ больше побужденій желать *прежде всего* наилучшихъ условій для дѣйствительнаго проявленія въ ней духа Христовой вѣры, единящей и творящей жизнь...

Всякая попытка освѣтить съ этой именно стороны вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ № 21-мъ „Церковнаго Вѣстника“, какъ это извѣстно уже нашимъ читателямъ, напечатана, въ видѣ передовой статьи, *вторая* „записка“ группы столичныхъ священниковъ: „О составѣ церковнаго собора“.

Какъ и *первая* („О необходимости переменъ въ русскомъ церковномъ управленіи“), настоящая „записка“ построена на предпосылкѣ, нами выше выраженной, и представляетъ опытъ практическаго раскрытія основнаго желанія первой „записки“—о неотложности созванія собора для упорядоченія церковныхъ дѣлъ въ Россіи. Позволяемъ себѣ сказать по поводу ея два-три краткихъ слова.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мы раздѣляемъ принципиальную часть „записки“ цѣликомъ и привѣтствуемъ ее, какъ въ высокой степени важный и отвѣчающій самой назрѣвшей церковной нуждѣ руководственный документъ.

„Записка“ призываетъ Русскую Церковь возвратиться къ той формѣ жизни, которая указана ей ученіемъ св. ап. Павла о Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ,—къ той формѣ, когда „церковное тѣло, составляемое и совокупаемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“ (Еф. 4, 16), и настаиваетъ на необходимости для дѣла надлежащаго устройства церковной жизни собранія *всецерковнаго* русскаго собора.

Съ этой стороны „записка“ представляетъ собою выдающееся явленіе въ жизни современной Русской Церкви. Можно, поэтому, только пожелать, чтобы основныя положенія, раскрытыя въ „запискѣ“, нашли практическое осуществленіе въ самое ближайшее время. Современное положеніе Русской Церкви, дѣйствительно, таково, что лишь возвращеніе ея къ началу соборнаго строя въ состояніи оживить ее и обезпечить ей дальнѣйшій ростъ и ту силу, которой должна обладать Церковь въ христіанскомъ государствѣ. „Соборное начало въ жизни Церкви есть то же, что движеніе крови въ живомъ организмѣ: оно есть жизнь Церкви, біеніе ея пульса“. Это должно быть въ особенности вѣрно по отношенію къ Русской Церкви, богатой еще дѣвственными силами народной вѣры. Это должно быть глубочайшимъ образомъ понято и принято къ надлежащему разумѣнію въ особенности въ переживаемое время, когда политическому организму Россіи государственными реформами обѣщаютъ сообщить дѣйствительную мощь. Россія, какъ христіанское цѣлое, можетъ выполнить свою культурно-историческую миссію лишь постольку, поскольку свободно и незатрудненно будетъ биться въ ней пульсъ жизни церковной. А творческое начало церковной жизни есть органически-правомѣрное обнаруженіе духа взаимной любви во *всѣхъ* ея членахъ. Но, соглашаясь съ основ-

ной мыслию „записки“ о составѣ собора (изъ представителей высшей іерархіи, пресвитеровъ и мірянъ), не можемъ умолчать, что въ ней есть (песущественныя, правда) *уязвимыя* мѣста.

Несомнѣнно, возбудятъ большіе споры основныя черты организаціи перваго собора, изложенныя въ качествѣ приложения къ первой—главной части „записки“. Впрочемъ, составители „записки“ и сами не рассчитываютъ дать въ этомъ приложеніи исчерпывающій опытъ рѣшенія вопроса; ихъ желаніе—въ томъ, чтобы правильное и обстоятельное выясненіе этого вопроса сдѣлано было „путемъ всесторонняго обсужденія его заинтересованными и свѣдущими людьми“. Было бы весьма важно, если бы на это справедливое желаніе дѣйствительно отозвались люди спеціального знанія и практической освѣдомленности въ данной области—и отозвались, во-первыхъ, возможно скорѣе, во-вторыхъ—безъ ненужной въ такихъ случаяхъ полемической страстности, памятуя, что дѣло благоустройства родной Церкви есть дѣло святое, и около него не должно быть мѣста грѣшному человѣческому самолюбію.

Затѣмъ, возраженію,—и, быть можетъ, не безъ видимаго основанія,—подвергнется, надо полагать, та часть „записки“, гдѣ ссылками на практику апостольскаго времени и на формы церковнаго строя послѣдующихъ періодовъ христіанской исторіи составители намѣрены обосновать мысль о необходимости участія не только епископовъ, но и пресвитеровъ и мірянъ въ соборномъ управленіи Церковію. Съ этой стороны „записка“, какъ намъ кажется, дастъ много поводовъ любителямъ ученой полемики и утонченнаго историческаго анализа оскаривать своихъ авторовъ.—По нашему мнѣнію, составители поступили бы гораздо лучше, если бы, не загромождая „записки“ *излишнею* цитаціей (въ сущности, разумѣется, безспорною для окончательнаго вывода), развили обстоятельнѣе основную мысль—о необходимости осуществле-

нія принципа соборности въ Церкви на основаніи *главнымъ образомъ* Слова Божія, въ частности—ученія о Церкви, какъ живомъ союзѣ любви всѣхъ ея членовъ. Вѣдь, по существу, къ этому принципу сводится вся историческая жизнь Православно-христіанской Церкви, какъ она протекала, начиная отъ апостольскаго времени. Истинно церковною во всѣ времена признавалась лишь та форма жизни, гдѣ единеніе любви всѣхъ членовъ извѣстной христіанской общины (или всей вселенской Церкви) осуществлялось свободно и безпрепятственно, т. е. гдѣ возможно было говорить, что во *всѣхъ частяхъ своихъ* (и высшихъ и низшихъ) община живетъ только духомъ Христа-Бога.

Это было бы гораздо убѣдительнѣе ссылокъ на практику (не всегда однообразную) древней Церкви и на церковные (едва-ли неподвижные) каноны. Тогда не опасно было бы для принципиальнаго вывода встрѣтиться и съ такою практикою, гдѣ участіе низшаго духовенства и мірянъ въ дѣлахъ церковнаго управленія обозначается не отчетливо, и съ такими канонами, гдѣ все значеніе въ строѣ Церкви, повидимому, усвоится только епископату. Достаточно видѣть (а этого нельзя не видѣть), что Церковь вселенская и помѣстные церкви всегда жили соборнымъ сознаніемъ,—тогда и участіе въ церковномъ управленіи лицъ даже только іерархическаго положенія не измѣняетъ въ этомъ смыслѣ силы соборнаго начала, такъ какъ выбранныя голосомъ народа лица, активно дѣйствующія на соборѣ (будь то епископы или пресвитеры), всегда будутъ дѣйствительными выразителями нуждъ и вѣросознанія всей наличной Церкви, какъ таковой...

Свящ. Евг. Капрановъ.

Объ участіи духовенства въ общественной жизни народа.

IV.

(Окончаніе ¹⁾).

До сихъ поръ мы останавливались на тѣхъ явленіяхъ народной жизни, которыя имѣютъ болѣе или менѣе постоянный характеръ. Но бываютъ въ жизни крестьянскаго общества такія событія, которыя появляются внезапно, неожиданно, иногда на короткое время, но которыя, тѣмъ не менѣе, оказываютъ сильное вліяніе на соціально-экономическій бытъ его. Сюда относятся, прежде всего, особенныя чрезвычайныя бѣдствія, поражающія не того или другого члена прихода, а цѣлую общину или мѣстность. Такъ, напр., происходитъ въ деревнѣ пожаръ, который истребляетъ часто цѣлое селеніе со всѣмъ имуществомъ крестьянъ. Бываетъ также, что въ мѣстности появляется голодъ или эпизоотія, которая сразу же лишаетъ многихъ домохозяевъ значительной части ихъ достоянія, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ разоряетъ. Всѣ такія и подобныя имъ событія быстро нарушаютъ мирное теченіе общественной жизни народа и кладутъ на нее свой особый печальный отпечатокъ.

Можетъ ли пастырь той Церкви, которая всѣмъ заповѣдуетъ любовь и полагаетъ ее главнѣйшей основой взаимныхъ отношеній между людьми, оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ при видѣ указанныхъ общественныхъ бѣдствій? Не побудятъ ли его и сознаніе своего долга, и чувство христіанскаго состраданія тотчасъ же войти въ положеніе пострадавшихъ и всѣми мѣрами облегчить ихъ горькую участь?— Пусть для него въ этомъ случаѣ внушительнымъ примѣромъ будутъ жизнь и порядокъ древней Церкви, когда предстояте-

¹⁾ См. № 24 т. г.

ли ея считали помощь бѣднымъ и нуждающимся своею важнѣйшей обязанностью и, владѣя церковными средствами, организовывали дѣло благотворительности въ весьма широкихъ размѣрахъ. Когда же постигали народъ какія-либо чрезвычайныя бѣдствія, — въ родѣ голода, моровой язвы, нашествія враговъ, — и недоставало приходскихъ средствъ для удовлетворенія вопіющихъ нуждъ, тогда ревностные изъ пастырей, по христіанской любви къ пострадавшимъ, продавали даже церковные сосуды и на вырученныя деньги старались облегчить общественныя бѣдствія. — Такъ поступали добрые пастыри древней Церкви, такъ пусть поступаетъ и каждый современный священникъ. Въ этомъ случаѣ его участіе въ народномъ горѣ должно выражаться въ слѣдующемъ.

Прежде всего, какъ представитель христіанскаго начала любви, онъ долженъ первый внести пожертвованіе на общую нужду. Здѣсь важно не то, какую сумму онъ дастъ, потому что всѣ хорошо знаютъ скудную матеріальную обеспеченность духовенства и, поэтому, не потребуютъ отъ священника пожертвованія сверхъ мѣры, — а добрый починъ „батюшки“, который можетъ возбудить и въ другихъ желаніе оказать бѣдствующему населенію свою посильную помощь. Помогая самъ, своими личными средствами, пастырь долженъ настойчиво располагать къ тому же и тѣхъ изъ прихожанъ, которые избѣгли несчастія, постигшаго ближнихъ, и имѣютъ возможность облегчить участь ихъ. Усиленный призывъ послѣднихъ къ дѣлу благотворенія въ такихъ случаяхъ особенно необходимъ, такъ какъ нужда не ждетъ, а требуетъ скорѣйшаго удовлетворенія. Поэтому, чѣмъ сильнѣе и шире проявитъ священникъ свою дѣятельность при организаціи помощи населенію и чѣмъ больше обнаружитъ старанія для локализациі общественнаго бѣдствія, тѣмъ будетъ лучше. Если же, допустимъ, пожертвованія поступають скудно, и собранныхъ средствъ не хватаетъ на улучшеніе бѣдственнаго положенія пострадавшихъ, то священникъ пусть не замедлитъ донести о случившемся несчастіи земству и просить его,

смотря по обстоятельствамъ, или оказать населенію денежную помощь, или организовать для него общественныя работы. Земства обыкновенно весьма сочувственно относятся къ такого рода заявленіямъ сельскихъ священниковъ, и даже сами нередко обращаются къ нимъ за указаніемъ.

Вообще же должно сказать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣятельность пастыря должна быть направлена къ тому, чтобы какъ можно скорѣе возстановить нормальное теченіе общественной жизни, нарушаемое тяжелыми событіями. А чтобы болѣе или менѣе обезпечить крестьянъ отъ ужасныхъ послѣдствій этихъ событій и на будущее время, священникъ долженъ озаботиться учрежденіемъ въ приходѣ такихъ институтовъ, которые могли бы оказать населенію первую необходимую помощь во время общественныхъ бѣдствій. Такими благотворительными учрежденіями и являются церковно-приходскія попечительства, которыя, по самому Положенію своему, должны вѣдать какъ нужды Церкви и ея причта, такъ и нужды прихода (Полож. о прих. попеч. 1864 г.). Правда, забота о благоустроеніи внѣшней жизни народа и объ удовлетвореніи его матеріальныхъ потребностей лежитъ и на земскихъ учрежденіяхъ; но послѣднія представляютъ изъ себя слишкомъ широкія единицы и часто не въ состояніи бываютъ оказать пужную помощь населенію, особенно въ годины общественныхъ бѣдствій. Вотъ почему, на священникѣ лежитъ долгъ всѣми мѣрами стараться завести въ своемъ приходѣ такое попечительство, если его еще нѣтъ, и направлять его силы и средства къ усиленному удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ ¹⁾).

Кромѣ указанныхъ событій, въ жизни народа происходятъ еще такія явленія, которыя вызываются особыми обстоятельствами и духомъ времени, и которыя открываютъ новыя, широкія перспективы для общественной дѣятельности приходскаго духовенства. Въ настоящую тяжелую годину

¹⁾ Подробнѣе о церковн. благотворительности см. у В. О. Пьянникова въ цит. книгѣ, стр. 186—224.

Россія именно и переживаетъ такое состояніе, когда съ каждымъ днемъ совершаются въ ней все новыя и новыя событія, когда народная жизнь выдвинула цѣлый рядъ неотложныхъ нуждъ и назрѣвшихъ потребностей, надъ удовлетвореніемъ которыхъ и трудятся теперь, во главѣ съ правительствомъ, всѣ лучшіе люди въ государствѣ.

Народъ нашъ, вообще говоря, весьма консервативенъ. Онъ издревле привыкъ къ существующему государственному строю со всѣми его порядками; основныя же начала Русскаго государства—православіе, самодержавіе и народность—являются для него величайшей святыней и непреложной, неизблемой истиной. Привыкъ онъ и къ порядкамъ своего общественнаго быта со всѣми его сословными особенностями, и потому нелегко мирится съ различными перемѣнами въ немъ. Такой консерватизмъ русскаго народа, его привычка къ стариннымъ формамъ жизни и являются главной причиною, почему онъ не только не стремится къ разнаго рода нововведеніямъ, но еще иногда оказываетъ и противодѣйствіе имъ. Если вспомнить, напр., съ какимъ протестомъ отнесся народъ къ „повшествамъ“ патр. Никона, и какимъ ропотомъ встрѣтилъ онъ реформы Петра В., шедшія въ разрѣзъ съ его воззрѣніями и обычаями, то указанная черта въ его характерѣ будетъ для насъ еще болѣе несомнѣнной. Этимъ и объясняется, почему нашъ простой народъ,—мы разумѣемъ здѣсь деревенскій людъ, крестьянство,—отнесся сравнительно болѣе или менѣе спокойно къ тому сильному освободительному движенію, какое охватило теперь всѣ другія соціальныя группы населенія. Но изъ этого факта, конечно, не слѣдуетъ заключать, будто нашъ народъ нисколько и не интересуется текущими событіями. Напротивъ, онъ весьма внимательно слѣдитъ за ними и прекрасно сознаетъ, что отечество переживаетъ сейчасъ трудное время, и что настоящими тяжелыми обстоятельствами пользуются теперь всѣ враги его, стремящіеся „разъединить народную душу и пошатнуть тѣ вѣковыя устои, которыми крѣпка была матушка-Русь“ (изъ всеподдани.

адреса Костромскихъ крестьянъ). Хорошо понимая всю тяжесть непослапныхъ Россіи испытаній и глубоко скорбя объ этомъ, народъ желаетъ только одного, именно—скорѣйшаго умиротворенія страны и спокойной трудовой жизни подъ верховнымъ управленіемъ своего Царя-Самодержца. Яснымъ свидѣтельствомъ такихъ мыслей и желаній простого народа служатъ тѣ многочисленные вѣрнопопданническіе адреса, которые теперь часто поступаютъ отъ крестьянскихъ обществъ на имя Государя Императора (см., напр., адресъ крестьянъ Красносельской волости—Костр. у., адресъ крестьянъ с. Усадище—Новолодожск. у. и мн. др.).

Но если простой сельскій людъ отнесся къ событіямъ времени болѣе или менѣе спокойно, не заразившись общимъ недовольствомъ существующими порядками, то этого никакъ нельзя сказать о той части населенія, которая уже давно потеряла связь съ землей и принуждена искать себѣ средствъ къ существованію на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Открытое неудовольствіе 'установившимися отношеніями между трудомъ и капиталомъ, энергичные протесты противъ порядковъ жизни и несовершенство законодательства и, наконецъ, общія забастовки—вотъ въ чемъ проявилось пока то рабочее движеніе, которое охватило въ настоящій моментъ всю промышленную Россію и совершенно выбило изъ коленъ общественную жизнь трудящагося класса. Таковы главнѣйшія проявленія народной жизни, вызванныя особыми условіями переживаемаго времени.

Можно ли пастырямъ Церкви оставаться спокойными и безучастными зрителями совершающихся въ народѣ событий?—Очевидно, нѣтъ. Такое отношеніе со стороны ихъ было бы явнымъ нарушеніемъ своего пастырскаго долга. И дѣйствительно, если когда, то именно теперь, въ это тяжелое, смутное время, наши пастыри должны наиболѣе ревностно „внимать своему стаду“ и „ходить предъ нимъ“; должны особенно зорко наблюдать за общественной жизнью своихъ пасомыхъ и направлять ее такъ, какъ требуютъ того и законъ, и долгъ

передъ родиною, и самое благо народа. Пусть вспомнить современное духовенство указаннаыя нами ранѣе тяжелыя времена русской исторіи, когда пастыри Церкви являлись передовыми дѣятелями въ государствѣ и своимъ живымъ и горячимъ участіемъ въ событіяхъ родины оказали ей весьма крупныя и важныя услуги. Примѣръ древне-русскихъ пастырей пусть вдохновитъ на подвиги духовенство и въ настоящую тяжелую годину испытаній. Насколько дѣятельность его въ данный моментъ своевременна и необходима, показываетъ уже то обстоятельство, что ея ждутъ какъ самъ народъ, ищущій у пастырей совѣта и поддержки въ своихъ трудныхъ обстоятельствахъ, такъ и интеллигенція, жадно ловящая каждое ихъ слово, сказанное по поводу текущихъ событій ¹⁾).

Въ чемъ же можетъ выразиться участіе приходскихъ священниковъ въ современныхъ чрезвычайныхъ явленіяхъ народной жизни?

Само собою разумѣется, что отношеніе священника къ указаннымъ событіямъ и то или иное направленіе его дѣятельности должны опредѣляться самымъ характеромъ этихъ событій. Тамъ, гдѣ жизнь течетъ болѣе или менѣе спокойно, и гдѣ тяжелыя бѣдствія родины вызвали въ населеніи не смуты и волненія, а еще большую любовь къ Царю и отечеству,—тамъ все вниманіе пастыря должно быть обращено на то, чтобы глубже утвердить въ насомыхъ эти добрыя чувства. И это тѣмъ болѣе необходимо, что нашъ народъ, при всей его привычкѣ къ старинѣ, часто бываетъ слишкомъ ужъ простодушенъ и довѣрчивъ и легко подчиняется воздѣйствію разныхъ темныхъ личностей. Последнія же, пользуясь настоящимъ труднымъ положеніемъ Россіи, проявляютъ теперь усиленную дѣятельность и, не ограничиваясь городомъ, начинаютъ опутывать своими сѣтями и деревенскій людъ,

¹⁾ См., напр., привѣтств. статьи свѣтской печати, посвященныя извѣстнымъ рѣчамъ преосв. *Антошина* Нарвскаго и *Серія* Ямбургскаго.

искусно проагандируя среди него различные зловредныя ученія. Примѣръ недавнихъ крестьянскихъ беспорядковъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, развившихся отчасти на почвѣ социалистическихъ идей, вполне подтверждаетъ это. Въ виду распространенія такой пропаганды въ деревнѣ, сельскій священникъ и долженъ теперь особенно внимательно вникать въ общественную жизнь своихъ прихожанъ и чутко прислушиваться ко всѣмъ ихъ толкамъ и разговорамъ, чтобы во-время предупредить возникновеніе опасныхъ народныхъ волненій. Для достиженія этого пусть онъ заранѣе раскроетъ пасомымъ коварныя цѣли различныхъ агитаторовъ и внушитъ имъ, что народное благо возможно лишь при условіи мирной трудовой жизни, въ полномъ подчиненіи законамъ государства и въ совершенной преданности своему Самодержавному Государю.

Отъ такого рода дѣятельности сельскихъ священниковъ не отличается по существу и роль тѣхъ пастырей, которые состоятъ въ приходѣхъ съ фабричнымъ населеніемъ. Только участіе ихъ въ жизни своихъ прихожанъ должно быть еще болѣе дѣятельнымъ, потому что жизнь рабочихъ, взволнованная происшедшими событіями, еще и теперь носитъ бурный характеръ и не можетъ войти въ обычную колею. Пусть пастырь Церкви горячо и убѣдительно, посредствомъ церковныхъ поученій и путемъ частныхъ бесѣдъ, раскроетъ своимъ пасомымъ весь вредъ устраиваемыхъ забастовокъ, — вредъ и для нихъ лично и для всей родины, которая нуждается теперь въ особенно напряженномъ трудѣ всѣхъ сыновъ своихъ для одолѣнія общаго упорнаго врага. Пусть онъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи нравственными мѣрами воздѣйствуетъ на разбушевавшіяся народныя страсти и умиротворитъ ихъ, постоянно указывая, что только при спокойномъ, разумномъ и усердномъ отношеніи рабочихъ къ своему дѣлу возможно удовлетвореніе ихъ законныхъ нуждъ и потребностей.

Но можетъ ли скромный пастырь Церкви съ честью выполнить этотъ долгъ свой? въ силахъ ли онъ успокоить

взволнованные умы и предупредить возникновение новых безпорядковъ среди рабочихъ?—По нашему мнѣнію—можетъ, въ силахъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и психологія и самые факты послѣдняго времени.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ изъ себя это массовое движеніе толпы, сопровождающееся нерѣдко страшными опустошительными явленіями? какъ оно происходитъ?—Выдающіеся ученые, изучавшіе этотъ вопросъ, приходятъ къ тому выводу, что такой стихійный угрожающій характеръ толпа принимаетъ не сразу. Сначала—это только собраніе мирныхъ гражданъ, часто даже незнакомыхъ другъ съ другомъ, пришедшихъ или для обсужденія общихъ дѣлъ, или просто изъ любопытства. Затѣмъ, подъ вліяніемъ рѣчей, у лицъ, наиболѣе впечатлительныхъ и горячихъ, возникаетъ уже извѣстнаго рода страстность, которая постепенно сообщается другимъ и скоро электризуетъ цѣлую массу. „Лихорадка нѣкоторыхъ,—говоритъ Тардъ,—быстро захватываетъ душу всего, у всѣхъ превращаясь въ горячку“¹⁾. По это возбужденное состояніе толпы еще не таково, чтобы оно обязательно выразилось въ разрушительныхъ формахъ. Все зависитъ отъ того, какой человѣкъ явится вожакомъ ея, и на какіе подвиги онъ вдохновитъ толпу. „Толпа,—говоритъ Пульзе (Pugliese),—возбуждена, но сила, двигающая ее, какъ бурное море, еще не получила импульса; котель уже находится подъ давленіемъ, но паровой кранъ еще не открытъ; куча пороху лежитъ на виду, но еще никто не извлекъ искры, чтобы взорвать ее. Выскакиваетъ человѣкъ, раздается крикъ: идемъ избивать такого-то—врага народа! или: освободимъ такого-то—друга бѣдныхъ!—Толчокъ данъ, кранъ открытъ, порохъ взрывается. Такова толпа“. Такимъ образомъ, масса, „являющаяся средой, быть можетъ, нравственно ограниченной и даже низкой, можетъ въ извѣстныхъ слу-

¹⁾ С. Стелл. Преступная толпа. Пер. съ франц. Изд. 1893 г., стр. 26-я.

чаяхъ совершить геройскіе подвиги, если найдется апостоль или вожакъ, которые толкнутъ ее на нихъ¹⁾. Съ этими выводами французскихъ ученыхъ вполне согласны взгляды и нашего авторитетнаго знатока массовыхъ движеній проф. П. П. Ковалевскаго (см. газ. „Слово“ и выдержки изъ нея въ „Бирж. Вѣд.“ № 48).

Но если толпа не настолько испорчена, чтобы проявлять страстность въ однѣхъ дикихъ выходкахъ и безпорядкахъ, и если тотъ или иной характеръ ея дѣйствій зависитъ отъ воли руководителя, то спрашивается: кто же другой, какъ не пастырь Церкви, къ которому народъ прежде всего идетъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ, и который искони пользуется у него глубокимъ уваженіемъ, долженъ явиться въ данномъ случаѣ его „апостоломъ?“ Пусть онъ своимъ властнымъ, авторитетнымъ словомъ, проникнутымъ горячей любовью къ пасомымъ, убѣдитъ волнующуюся массу прекратить производимыя ею смуты и несогласія и направить свои силы на доблестное служеніе Царю и отечеству. И искреннее, душевное слово уважаемаго пастыря несомнѣнно окажетъ свое сильное дѣйствіе. Исторія послѣдняго рабочаго движенія въ Петербургѣ дѣйствительно и показываетъ намъ, что народъ, находясь въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей внутренней социальнo-экономической жизни, обратился за указаніемъ и поддержкой не къ кому иному, а именно къ пастырю Церкви,—но только послѣдній, къ глубокому сожалѣнію, оказался не на высотѣ своего призванія и направилъ рабочую массу на ложный путь... Хорошо извѣстенъ намъ и другой фактъ, когда рабочій А., казеннаго завода, получивъ революціонную прокламацію, пошелъ прежде всего къ своему приходскому священнику, и, получивши соотвѣтствующее разъясненіе и добрый совѣтъ, спокойно занялся своимъ прежнимъ трудомъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 57, 56.

Пастырь, пастырямъ Церкви нужно какъ можно скорѣе воспользоваться своимъ вліяніемъ на народъ и его довѣріемъ къ себѣ и употребить всѣ свои силы на полное умиротвореніе страны. Въ этомъ прежде всего и должно проявиться ихъ участливое отношеніе къ текущимъ событіямъ народной жизни.

Сейчасъ мы указали отрицательныя явленія современнаго переходнаго состоянія Россіи. Но, на ряду съ ними, происходятъ въ государствѣ и другія событія огромной важности, которыя несутъ съ собою не смуты и раздоры, а миръ, порядокъ и благоустроеніе для нашей дорогой родины. Мы разумѣемъ здѣсь ту плодотворную творческую работу Правительства, — направленную къ обновленію духовной жизни народа и упроченію его благосостоянія, — которая совершается теперь съ такой поразительной быстротой. Можетъ ли православное духовенство проявить и здѣсь свое участіе на пользу родного народа? — По нашему мнѣнію, не только можетъ, но и должно.

Мы уже имѣли случай указать, что въ то время, какъ собирались на Русскіе земскіе соборы, духовенство играло на нихъ важную роль, приносившую всегда самые благіе результаты. Такой же соборъ, по Высочайшей волѣ, созывается и въ настоящее время. „Отнынѣ, — говоритъ Государь Императоръ въ Своемъ рескриптѣ на имя Министра Внутр. дѣлъ, — Я вознамѣрился, съ Божьей помощью, привлечь достойнѣйшихъ, довѣримъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній“. Если же такова Монаршая воля, чтобы въ работахъ на благо народа участвовали, вмѣстѣ съ Правительствомъ, и „зрѣлыя общественныя силы“, то почему же въ этомъ дѣлѣ не принять участія также и нашему духовенству въ лицѣ его представителей? Мы уже знаемъ, что Комитетъ Министровъ, еще до появленія этого рескрипта Государя, неоднократно приглашалъ на свои засѣданія, въ числѣ прочихъ свѣдущихъ людей, и пра-

вославныхъ іерарховъ, желая выслушать отъ нихъ авторитетныя и полезныя указанія при обсужденіи тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Но это участіе духовенства въ законодательной работѣ Правительства до 18-го февр. текущаго года носило случайный характеръ и было доступно лишь для лицъ высшей церковной іерархіи. Теперь же, съ появленіемъ Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, дана возможность „всѣмъ вѣрноподаннымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ“,—а слѣдовательно—и всему русскому духовенству,—представлять свои „виды и предложенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго порядка и улучшенія народнаго благосостоянія“. Голосъ же русскихъ пастырей, какъ лицъ, близко стоящихъ къ народу и хорошо знающихъ его дѣйствительныя нужды, могъ бы имѣть въ этомъ случаѣ весьма важное значеніе. Теперь идутъ дѣятельныя совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства, готовится также реформа крестьянскаго суда и управленія. Все это такія *событія*, которыя несомнѣнно окажутъ въ послѣдствіи огромное вліяніе на весь соціально-экономическій бытъ крестьянъ. Пусть же наше духовенство и поможетъ Правительству какъ въ дѣлѣ разработки этихъ реформъ, такъ и при осуществленіи ихъ въ жизни народа. Важную благотворную роль, которую сыграло бы духовенство, участвуя въ обсужденіи и проведеніи въ жизнь различныхъ законопроектонъ касательно народнаго благосостоянія, признавалъ еще ранѣе преосв. Антоній, еп. Волыньскій. Уже въ то время, когда вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, преосв. Антоній выражалъ печатно (см. № 37 „Рук. д. с. п.“ за 1904 г.) свое глубокое сожалѣніе, что въ этомъ важномъ дѣлѣ не участвуетъ духовенство. „Призваны были,—говоритъ онъ,—къ работѣ представители всѣхъ вѣдомствъ, министерствъ и круговъ общества, исключая духовенства, которое, особенно въ лицѣ представителей сельскаго пастырства, стоитъ ближе всѣхъ къ

крестьянскому сословию и знается съ нимъ не по одной какой-либо сторонѣ его быта, но по всѣмъ "... Мы уже знаемъ, что въ настоящее время къ дружному содѣйствию Государю въ дѣлѣ обновленія духовной жизни народа и упроченія его благосостоянія призваны люди всѣхъ сословій и состояній, а слѣдовательно—и духовенство (см. Высочайшій Манифестъ отъ 18-го февр.). Пусть же оно „словомъ и дѣломъ“ оправдаетъ это высокое Монаршее довѣрiе. — Не извѣстно, конечно, какъ отразится въ жизни русскаго народа всѣ готворящіяся реформы; но несомнѣнно, что вмѣстѣ съ ними открывається православному пастырю еще болѣе широкая сфера для полезной общественной дѣятельности.

Мы отмѣтили главнѣйшія явленія современной народной жизни и приблизительно указали, какимъ образомъ можетъ выразиться въ нихъ участіе пастырей Церкви. Но само собою понятно, что этими явленіями не исчерпывается еще она вполне—во всѣхъ своихъ видахъ и отношеніяхъ. Равнымъ образомъ, и указанными дѣйствіями пастыря еще не обнимается все общественное служеніе его народу. Пусть только онъ проникнется сознаниемъ необходимости постоянного живого участія въ народной жизни, а уже его долъ, благоразуміе и опытность подскажутъ ему, гдѣ и какъ, въ частности, пужно дѣйствовать.

Какое же значеніе можетъ имѣть для самого пастыря это дѣятельное участіе его въ общественной жизни народа?

Несомнѣнно, что такимъ участіемъ онъ привлечетъ къ себѣ искреннюю любовь пасомыхъ, внушитъ имъ глубокое уваженіе къ своей личности и еще болѣе увеличитъ среди нихъ свое вліяніе и авторитетъ. Народъ увидитъ тогда въ своемъ пастырѣ не только исправнаго требноисправителя и грознаго обличителя людскихъ пороковъ, но и добраго отца, всегда съ любовію вытекающаго въ мірскія пужды и потребности пасомыхъ, отзывчиваго на всѣ ихъ земныя горести и невзгоды и постоянно готоваго не только словомъ, но и дѣ-

ломъ оказать имъ необходимую помощь въ жизни. Кроме того, замѣчая неустанныя заботы пастыря и его полезные труды, направленные къ улучшенію общественнаго и экономическаго быта прихожанъ, народъ почувствуетъ въ немъ и великую интеллигентную силу, способную въ любой моментъ и по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ дать окружающимъ темнымъ людямъ надлежащій совѣтъ и указаніе. А все это, конечно, не можетъ не привлекать къ нему сердца людей. „Чѣмъ чаще будетъ видѣть тебя народъ дѣлающимъ доброе,—говоритъ св. Амвросій Медиоланскій служителю Церкви,—тѣмъ больше возлюбитъ тебя“. И дѣйствительно, прихожане особенно любятъ и цѣнятъ тѣхъ пастырей, которые пекутся не только о духовныхъ нуждахъ, но и о вѣншемъ благосостояніи ихъ. Пусть это будутъ пастыри со многими нравственными недостатками, часто не трезвые и не всегда ревностно совершающіе службу церковную; тѣмъ не менѣе народъ относится къ нимъ въ высшей степени благожелательно и довѣрчиво, потому что они близки и доступны для него, всегда сердечно и участливо вникаютъ въ его житейскія нужды и стараются по мѣрѣ возможности облегчить ихъ.

Но совершенно инныя отношенія между пастыремъ и приходомъ бываютъ въ томъ случаѣ, когда первый чуждается вѣншей жизни народа, не старается вникать въ его общественныя дѣла и отношенія и не прилагаетъ никакихъ заботъ къ лучшему устроенію ихъ. „Ссора, а потомъ и ненависть возникаютъ у прихожанъ по отношенію къ такому священнику, часто даже вполне исправному, трезвому, доброму семьянину и исполнительному требоисправителю и законоучителю школы“ (см. Окружн. посл. преосв. Антонія Волынскаго). А почему?—Конечно, потому, что такіе священники, тщательно исполняя свои прямыя официальные обязанности, мало интересуются вѣншимъ бытомъ народа со всѣми его запросами, печальми и невзгодами. И прихожане безусловно сразу поймутъ такое холодное, безучастное отношеніе къ ихъ житейскимъ нуждамъ со стороны „батюшки“;

почувствуютъ, что онъ—для нихъ чужой человѣкъ, и тоже, въ свою очередь, будутъ сторониться его. И такъ, мало-помалу, нравственная связь между пастыремъ и приходомъ начинаетъ все болѣе и болѣе ослабѣвать, а вмѣсто нея возникаютъ уже взаимное недоверіе и недоброжелательство. Подобное положеніе священника въ приходѣ въ высшей степени печально и ненормально. Но, кромѣ этого, такое или иное отношеніе пастыря къ внѣшней жизни народа имѣетъ еще огромное значеніе и для успѣха всей пастырской дѣятельности священника.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли пастырь, равнодушно относящійся къ внѣшнимъ нуждамъ пасомыхъ и не пользующійся ихъ любовью и уваженіемъ, съ успѣхомъ руководить духовной жизнью народа?—Конечно, нѣтъ. Можно даже смѣло сказать, что все его попеченія о нравственномъ исправленіи прихожанъ, все его обличенія, наставленія и увѣщанія, направленные въ эту сторону, окажутся безплодными. *Но чуждаго не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа*, учитъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ притчѣ о добромъ пастырѣ (Іоанн. 10, 5); а мы видѣли уже, что такіе пастыри дѣйствительно и являются чужими для народа. То же самое раскрываетъ въ своемъ „Правилѣ пастырскомъ“ и св. Григорій Великій. „Пасомые,—говоритъ онъ,—не видя въ пастыряхъ сочувствія къ своимъ внѣшнимъ нуждамъ, остаются, въ свою очередь, равнодушны и къ нимъ, пренебрегая, большею частью, ихъ пастырскими наставленіями, хотя въ существѣ своемъ и полезными, но слабо дѣйствующими на сердца ихъ, мало къ тому подготовленныя и удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей не привлеченныя. Выслушивая изъ устъ ихъ обличенія своего невѣжества и своихъ проступковъ, но не видя существеннаго состраданія къ своимъ немощамъ и нуждамъ настоящей жизни, они неохотно слушаютъ ихъ духовныя бесѣды, а еще менѣе выполняютъ то, что внушается въ нихъ... Поэтому,—совѣтуетъ св. отецъ,—пастырямъ необходимо заботиться и

о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію виѣшняго благосостоянія членовъ своихъ паствъ, если для нихъ вождельно, чтобы и внутреннее благочестіе ихъ тѣмъ болѣе процвѣтало“. Слѣдовательно, только тотъ священникъ можетъ надѣяться на успѣхъ своего пастырскаго дѣла въ приходѣ, который, заботясь о нравственномъ совершенствованіи пасомыхъ, въ то же время неустанно печется и о виѣшнемъ благосостояніи ихъ.

Итакъ, приходское духовенство должно постоянно быть въ курсѣ всѣхъ событій и явленій общественной жизни народа, принимая въ нихъ самое живое и дѣятельное участіе. Къ этому побуждаютъ его и церковное ученіе, и пастырскій долгъ, и тяжелыя обстоятельства, которыя переживаетъ теперь наша многострадальная родина. *С. Сотинъ.*

Смуты въ Старой Сербіи по поводу перехода славной сербской святыни въ руки русскихъ Аѳонскихъ келліотовъ.

Тяжело положеніе Сербской церкви и народности въ *Старой Сербіи*... А между тѣмъ, въ древнія времена, до турецкаго завоеванія, это было сердце Сербіи. И нынѣ здѣсь сохранилось множество обителей, храмовъ и др. памятниковъ, сооруженныхъ благочестивымъ усердіемъ сербскихъ царей, вельможъ, пастырей и народа. Въ особенности славны и дороги сербскому сердцу двѣ обители—*Пецкая патріаршая* и *Дечанская*. Въ теченіе пятивѣковаго турецкаго рабства сербы окружали ихъ своею любовію и до послѣдняго времени поддерживали своими сильными жертвами. Трудно было положеніе этихъ завѣтныхъ сербскихъ святынь, въ виду постоянныхъ нападений и притѣсненій со стороны турокъ и албанцевъ, но все же онѣ были въ рукахъ сербскихъ, пробуждали въ сербахъ память о прошедшихъ славныхъ временахъ Сербіи и согрѣвали ихъ сердца надеждою на лучшее будущее. Но теперь явилось въ сербскомъ народѣ опасеніе лишиться распоряженія одною изъ нихъ—*Дечанской*. Не извѣстно, какимъ образомъ эта обитель была передана

нѣсколько лѣтъ тому назадъ *русскимъ* инокамъ Аѳонской Златоустовской келліи, находящейся въ зависимости отъ Хилендарскаго Аѳонскаго монастыря (въ древности сербскаго). Помните, настоятель этой келліи іеросхимонахъ Кирилль, обращаясь съ печатнымъ воззваніемъ къ русскому народу о матеріальной помощи для поддержанія славной Дечанской обители, указывалъ на ея бѣдность, трудность ея положенія и необходимость въ ней разныхъ улучшеній. Чтѣ тамъ дѣлалось русскими иноками до сихъ поръ, мы не знаемъ. Но теперь фактъ несомнѣнный, что переходъ этой завѣтной сербской святыни въ руки русскихъ вызываетъ сильный ропотъ по сербскимъ землямъ, къ чему присоединяется и недовольство поведеніемъ пришельцевъ-русскихъ иноковъ. Въ органахъ сербской печати постоянно высказывается укоръ современнымъ сербамъ за передачу этой національной ихъ святыни чужестранцамъ и внушается изгнать изъ нея пришельцевъ. Въ пользу этого высказываются люди весьма авторитетные. Такъ, высоко уважаемый въ Сербіи епископъ *Жичскій* преосв. *Савва Дечанацъ*, издалъ недавно брошюру ¹⁾, въ которой выясняетъ значеніе Высокихъ Дечанъ для сербскаго народа и осуждаетъ уступку ея русскимъ келліотамъ. Между прочимъ, авторъ говоритъ: „Св. Дечанская Лавра, которая до послѣдняго времени была, такъ сказать, ульемъ сербскаго племенц, полнымъ благословенія и мира Божія, нынѣ, къ нашему несчастію, сербскими же руками исторгнута изъ сербскихъ рукъ... Дечаны передаются въ чужія руки именно теперь, когда національное сознаніе развивается и развилося до высшей степени, когда у сербовъ имѣется средствъ матеріальныхъ и физическихъ больше, чѣмъ ихъ было въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ... Нынѣ здѣсь *погашается сербскій огонь*, который въ теченіе пяти вѣковъ согрѣвалъ сербскія груди и подогрѣвалъ великую народную идею. Бывшее

¹⁾ Дечани и српски варод. Написао Е. Ж. Сава Дечанац. Београд. 1904 год.

иногда сербское царство („царевина“) погибло; но эта обитель—огромное зеркало сербского царства—не потонула в азиатском морѣ крови... Однако, у кого теперь ключи отъ этой св. сербской Лавры? Кто открываетъ раку цѣлокупныхъ мощей сербскаго царя (Стефана Уроша III)? Кто хранитъ эту сербскую *задужбину надъ задужбинами* и святыню надъ сербскими и вообще православными святынями?—Ихъ хранить теперь *чужестранецъ*. Онъ здѣсь торжествуетъ, поминая имя своего Царя и Государя. А что ужаснѣе всего,—говоритъ преосв. Савва,—всѣ драгоценности и древности этой сербской Лавры за короткое время могутъ оказаться въ Петербургѣ и Москвѣ. Не будутъ ихъ щадить русскіе. Ихъ оберегала даже въ самые критическіе дни рука сербскихъ родолюбивыхъ иноковъ“. Затѣмъ авторъ говоритъ о „жадности“ и „нетерпимости русскихъ иноковъ“. Осуждая со всѣмъ жаромъ своего патріотизма эту „несчастную“ для сербовъ затѣю, преосв. Савва проситъ всѣхъ „родолюбивъ“ и государственныхъ дѣятелей сербскихъ приложить всѣ старанія къ возвращенію св. Дечанъ въ сербскія руки. Раздраженіе сербовъ сказывается и на дѣлѣ. Въ февральской книжкѣ органа сербскаго священства „Весникъ Српске Цркве“ сообщается объ изгнаніи изъ Дечанъ „злогласнаго“ русскаго іеромонаха Арсенія, совершившемся по распоряженію Призренскаго митр. Никифора, съ нелестнымъ для Арсенія эпитетомъ („прави демои за св. обитель и околни народъ српски“) и пожеланіемъ отъ редакціи, „чтобы въ скоромъ времени и всѣ русскіе иноки были прогнаны изъ сербскихъ Дечанъ“.

Не напрасно ли, въ самомъ дѣлѣ, русскіе афонскіе келіоты взяли за это дѣло? Если обитель. Дечанская нуждалась въ деньгахъ или во временной помощи, то не лучше ли было бы просто помочь ей деньгами и личными услугами, не вступываясь въ *постоянное* управленіе и владѣніе обителью, къ раздраженію щекотливаго патріотическаго чувства?..

Серьезный пустякъ.

Приходилось ли вамъ, отцы и братіе, наблюдать какъ городскія погребальныя конторы отряжаютъ къ дому покойника катафалкъ и принадлежности похоронной процессіи? Обращали ли вы также вниманіе на то, какъ возвращаются служащіе этихъ конторъ «во свояси» послѣ погребенія?

Представьте себѣ неуклюжаго, одѣтаго въ мѣшковатую траурную ливрею крестьянина, который перевалилъ черезъ плечо, словно,—да простятъ намъ наши читатели это сравненіе!—косу или лопату, двѣ хоругви и св. крестъ и несетъ прямо по тротуару священные атрибуты нашихъ религіозныхъ процессій къ дому покойника, откуда предстоить выносить его въ храмъ. Кругомъ суетъ городская публичка, для которой такое небрежное несеніе священныхъ предметовъ, очевидно, явленіе слишкомъ обычное и привычное: «несетъ, молъ, *инструменты* своей работы—и пусть себѣ»... А вотъ картина возвращенія служащихъ въ погребальной конторѣ съ кладбища. ъдетъ катафалкъ, а на немъ небрежно лежатъ распростертыя хоругви и св. крестъ. Одинъ изъ прислуги вдуть вдаль и мирно покуриваютъ, а другіе слѣдуютъ за катафалкой. въ лучшемъ случаѣ громко бесѣдуютъ на злобы дня...

Совершенно другая картина возникаетъ въ сознаніи, по закону контраста, изъ области деревенской жизни. Вотъ умираетъ крестьянинъ. Приближается время погребенія. Изъ дома покойника идутъ въ храмъ за крестомъ и хоругвями. Хоругвеносцы одѣты въ приличное, праздничное платье; на лицахъ у нихъ соотвѣтствующая сдержанность и серьезность. Хоругви и крестъ несутся въ домъ благоприлично; встрѣчные снимаютъ шапки и благоговѣнно крестятся. Никому и въ голову не придетъ, будто хоругви и крестъ—только лишь внѣшняя декорация похоронной процессіи, къ которымъ можно относиться съ холодной небрежностью. Семья покойника, для которой св. крестъ и хоругви служатъ напоминаніемъ

о молитвенницѣ-Церкви за умершаго и за «плачущихъ и болѣзнуюющихъ», выходить за ворота своего дома навстрѣчу «святости». А вслѣдъ за этими символами церковной молитвы объ умершемъ и утѣшительнаго сочувствія матери - Церкви живымъ идетъ уже самъ пастырь; съ нимъ входитъ въ домъ плачущихъ и скорбящихъ молитва Церкви, вѣра въ оживляющую силу креста Христова, который является символомъ нашей побѣды надъ смертью и діаволомъ....

И какъ тяжело бываетъ, когда приходится сталкиваться на городскихъ улицахъ съ «катафальщикомъ», перекинувшимъ черезъ плечо церковную хоругвь!... Скентики скажутъ, что это *пустякъ*, не имѣющій серьезнаго значенія въ нашей духовной и возвышенной религiи. Но такіе люди, очевидно, не горячо любятъ всѣ тѣ идеалы общественно-христіанской жизни, выразителемъ которыхъ является великое историческое христіанство. А кто любитъ ихъ горячо, для того малѣйшее грубое прикосновеніе къ нимъ мучительно. Развѣ не больно, не мучительно видѣть указанное нами открытое проявленіе холодной, неряшливой религіозно-нравственной жизни нашего русскаго города съ типичнымъ выразителемъ ея—грязнымъ, грубымъ мужикомъ (*городскимъ*), согнувшимся подъ тяжестью поруганной имъ—хотя бы и безсознательно—святыни?....

Г. Поповъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюня 26-го дня.

Содержаніе: Нѣсколько словъ о церковномъ письмоводствѣ.—Духовенство въ современной беллетристикѣ.—„Въ мордвахъ“ (разсказъ престо-рѣлаго священника).—Что дѣлать духовенству?—Забота о духов-помъ образованіи въ Смирнѣ.

Нѣсколько словъ о церковномъ письмоводствѣ.

На причтахъ церковныхъ лежитъ обязательство вести довольно сложное церковное письмоводство; работа эта тѣмъ сложнѣе, чѣмъ многлюднѣе приходъ, чѣмъ, слѣдовательно, у причта больше его прямого дѣла. Чего только не приходится писать и отписывать духовенству! Тутъ и метрическія и приходо-расходныя книги, списки новобранцевъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, списки родившихся и умершихъ для докторовъ, метрическія выписи по требованію любого учрежденія и лица; и все это требуется представлять аккуратно, во-время—иначе всяческія кары ждутъ неисправнаго! Нѣтъ ни одного учрежденія, которое *обязано* было бы отвѣчать священнику на его запросъ, недоумѣнный вопросъ,— и нѣтъ ни одного учрежденія, которое не могло бы требо-

вать отъ „господина“ приходскаго священника (такъ подписываются многими учрежденіями бумаги на имя священника) нужныхъ ему свѣдѣній. Словно у священника цѣлая канцелярія писцовъ, или у него нѣтъ больше никакого дѣла.

Первое, что бросается въ глаза въ этомъ дѣлѣ,—это совершенно несправедливое раздѣленіе письменнаго труда между членами причта. По опредѣленію Св. Синода отъ 18 марта 1886 года, обязанность веденія церковнаго писмоводства возложена на псаломщиковъ и штатныхъ діаконовъ равномѣрно, а священнику поручено только наблюденіе за этимъ; но такъ какъ штатные діаконы существуютъ далеко не во всѣхъ приходсахъ, то веденіе церковнаго писмоводства *всечью* ложится на псаломщика. И въ приходсахъ болѣе многочисленныхъ псаломщикъ буквально заваленъ работой, въ то время какъ священникъ только подписываетъ бумаги. Практика житейская, въ обходъ закона и въ облегченіе псаломщиковъ, создала нѣсколько выходовъ для псаломщиковъ съ цѣлью облегченія ихъ труда. Многіе псаломщики тяготея письменной работой, передаютъ ее на сторону, платя за это деньги изъ своего небогатаго заработка. Въ приходсахъ, гдѣ священники—люди болѣе или менѣе добрые, отзывчивые, они сами добровольно и безвозмездно берутъ на себя значительную долю письменной работы, лежащей, по закону, на псаломщикѣ. Въ другихъ приходсахъ, особенно тамъ, гдѣ псаломщики къ письменной работѣ совсѣмъ не способны, священникъ, своею властью, передаетъ это дѣло стороннему лицу за вознагражденіе, вычитая таковое изъ дохода псаломщика.

Наше мнѣніе относительно церковнаго писмоводства такое: не по юридическимъ, а по нравственнымъ мотивамъ, во исполненіе заповѣди апостола: *другъ друга тяготы носите*, священникъ, какъ и дѣлаютъ это нѣкоторые, долженъ принимать активное участіе въ веденіи церковныхъ книгъ, не ограничиваясь только одной ихъ подписью. Какъ же практически осуществить это?—Хоть и есть у насъ распоряже-

ніе о томъ, что всѣ акты, какъ-то: крещеніе, погребеніе и браки должны быть записываемы тотчасъ же послѣ ихъ совершенія, на самомъ дѣлѣ въ очень многихъ приходохъ требованіе это исполняется только развѣ относительно браковъ. Относительно крещенія (которое очень часто совершается даже на дому у священника и безъ участія псаломщика) и погребенія записи ведутся такъ: большинство священниковъ сразу не записываютъ акта въ метрическую книгу, а заносить въ свою отдѣльную тетрадку или даже отмѣчаютъ на отдѣльныхъ ключкахъ бумаги¹⁾. На вопросъ о томъ: почему эти акты не записываются прямо въ книгу?—одни священники отмѣчаютъ: „это дѣло псаломщика“; другіе говорятъ, что при указанномъ порядкѣ легко исправить ошибку, разъ такая выяснится послѣ записи. Когда записей соберется достаточно, онѣ передаются псаломщику для перенесенія въ метрическую книгу, которая, какъ извѣстно, ведется въ двухъ экземплярахъ: одинъ—для церкви, а другой—для представленія въ консисторію. При такомъ способѣ веденія дѣла, каждый актъ записывается *три* раза: одинъ разъ священникомъ и два раза псаломщикомъ. Между тѣмъ, куда проще и лучше былъ бы слѣдующій порядокъ: священникъ, опросивши лицъ, свидѣтельствующихъ данный актъ, *самъ* записываетъ его въ церковную книгу; этимъ работа псаломщика облегчится на половину, такъ какъ ему останется перенести лишь *копію*. Дѣло очень простое, и очень жаль, что еще не вездѣ оно привилось.

По нашему мнѣнію, не было бы, дажѣ, большимъ грѣхомъ, если бы причты—въ крайнихъ, разумѣется, случаяхъ—тамъ, гдѣ позволяютъ средства, употребляли церковныя деньги на писмоводство. „Требуютъ“ же такія деньги на содержаніе канцелярій уѣздныхъ отдѣленій училищнаго совѣта даже съ тѣхъ приходоѡ, гдѣ нѣтъ церковныхъ школъ.

¹⁾ Отсюда—пропуски актовъ, съ возстановленіемъ которыхъ такъ много приходится возиться консисторіямъ.

Почему же не позволить себѣ употребить небольшую сумму и на удовлетвореніе прямой нужды церкви и причта?.. Дѣйствующія постановленія о церковномъ письмоводствѣ—довольно древни и требуютъ обновленія. Напримѣръ. Печатаніе всѣхъ бланковъ для церковныхъ документовъ представлено (указомъ 1822 года 4 мая) *только синодальной типографіи*; каждая церковь получаетъ эти бланки по 6 коп. за листъ. Такая *прочная и дорогая* бумага еще, пожалуй, нужна для метрическихъ книгъ, которыя должны пережить вѣка въ архивахъ. Но зачѣмъ необходимы эти 6-копеечные листы для метрическихъ выписей, для исновѣдныхъ росписей, приходо-расходныхъ книгъ и даже для списковъ по воинской повинности (все—документы *временнаго* характера),—это уже прямо не понятно. Не лучше ли и не проще ли заказывать бланки въ частныхъ типографіяхъ, приблизительно по $\frac{1}{2}$ коп., т. е. въ 12 разъ дешевле, за листъ? Дорогая бумага—одно изъ лишнихъ обремененій для церквей: вѣдь и безъ того многія изъ нихъ едва сводятъ концы съ концами. Иная церковь не въ состояніи выписать дешеваго журнала въ свою „библіотеку“, а на бланки тратитъ 20—40 рублей!.. Полагаемъ, что незаконное распоряженіе церковными суммами, тягота разныхъ взносовъ и повинностей, относящихся къ храму только косвенно, вызоветъ когда-нибудь сильную реакцію со стороны старость и прихожанъ.

Самая форма бланковъ, утвержденная въ 1837 году 22 ноября, въ матеріальномъ отношеніи также не совсѣмъ практична: печатныя украшенія каждаго листа, заголовки статей, исполненныя церковно-славянскимъ шрифтомъ, занимаютъ $\frac{1}{3}$ листа; слѣдовательно, *третья* часть каждой книги, стѣдящая денегъ, пропадаетъ даромъ. Можно бы сократить и самое число рубрикъ въ метрическихъ книгахъ, такъ какъ въ нихъ приходится повторяться. Каждый актъ въ метрической книгѣ подписывается причтомъ; во всѣхъ *трехъ* частяхъ метрической книги подпись дѣлается въ концѣ каждаго мѣсяца; кромѣ этого, есть еще такія графы, помимо под-

писи: въ 1-ой части—о родившихся: „кто совершалъ таинство крещенія“; во 2-ой—кто совершалъ бракосочетаніе; въ третьей—даже двѣ: кто приобщалъ св. Таинъ? кто совершалъ погребеніе? Разъ есть подпись причта подь каждымъ актомъ, то зачѣмъ же еще эти рубрики?—Онѣ совершенно излишни.

Всѣ три части метрической книги, за шнуромъ и скрѣпою одного изъ членовъ консисторіи, *въ одной книгѣ* выдаются на каждый годъ отдѣльно, что весьма затрудняетъ пользованіе ими. Иную метрическую выпись—о рожденіи, напр.—приходится искать за 20 лѣтъ,—и вотъ раскладывай 20 отдѣльныхъ книгъ и перелистывай ихъ. Не удобнѣе ли и не проще ли было бы, если бы *каждая часть* метрической книги выдавалась на нѣсколько лѣтъ сразу, такъ, чтобы т. е. въ одной книгѣ можно было лѣтъ за десять записать родившихся, въ другой—умершихъ, въ третьей—бракомъ сочетавшихся. Это было бы очень удобно.

Что касается выдачи метрическихъ выписей, то въ этомъ дѣлѣ большое затрудненіе для причтовъ представляетъ гербовый сборъ. Метрическія выписи, за немногими исключеніями, опредѣленными въ Уставѣ о гербовомъ сборѣ, оплачиваются теперь 60-копеечными марками. Причтъ, который при исполненіи служебныхъ обязанностей, по закону, долженъ довольствоваться добродотными даяніями, становится въ иное положеніе, когда приходится выдавать метрику: „*подай марку*, иначе не дадимъ выписи“. Народъ нашъ, простой и въ массѣ бѣдный, очень часто совершенно не понимаетъ значенія гербовыхъ марокъ и, покупая марку по требованію причта, искренно убѣжденъ, что этимъ онъ доставляетъ доходъ не кому другому, какъ духовенству. Иногда приходится битый часъ объяснять, кому и зачѣмъ нужна марка. Прямая послѣдовательность требуетъ, чтобы и въ данномъ вопросѣ духовенство *довольствовалось добродотными въ пользу казны даяніями*, т. е.—имѣеть средства проситель на марку, хорошо, можно взять съ него; а нѣтъ—пусть причтъ выдаетъ метрику и безъ марки. Требовать гербовый

сборъ могли бы тѣ учрежденія, въ которыя постушаютъ метрическія выписи; такая постановка дѣла избавить духовенство при выдачѣ метрикъ отъ многихъ неприятныхъ и тяжелыхъ минутъ, такъ какъ на Руси есть милліоны людей, для которыхъ *шестьдесятъ* копеекъ—дневное содержаніе, заработокъ нѣсколькихъ тяжелыхъ дней упорнаго труда (40—50 рублей годовой платы работнику или прислугѣ—явленіе весьма не рѣдкое, особенно въ деревняхъ).

Приходо-расходныя книги—второй послѣ метрическихъ книгъ отвѣтственный документъ—должны вестись церковными старостами; но такъ какъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ церковныхъ старость — люди неграмотные и малограмотные, то это дѣло обыкновенно переходитъ къ священникамъ. Наши кандидаты священства—семинаристы о бухгалтеріи не имѣютъ никакого представленія и узнаютъ ее часто горькимъ опытомъ: рядомъ ошибокъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, путемъ замѣчаній и внушеній за это отъ благочинныхъ и т. п. Было бы весьма полезнымъ, если бы въ семинаріяхъ сообщались хотя бы самыя общія свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ. Для этого достаточно было бы посвятить нѣсколько часовъ внѣ урока, причемъ къ такимъ занятіямъ, какъ чисто практической работѣ, воспитанники семинаріи отнесутся, безъ сомнѣнія, съ интересомъ. Помимо прямой пользы для церковной отчетности, эта работа внесла бы въ среду духовенства нѣкоторую сознательность по финансовымъ дѣламъ и всякимъ отчетамъ. Въ епархіальныхъ органахъ часто, напр., печатаются денежныя отчеты по содержанію духовныхъ училищъ, по операціямъ свѣчныхъ заводовъ и т. п.; но... для многихъ священниковъ эти отчеты—*темна вода во облацяхъ*—И дѣйствительно, въ нихъ ничего не разберешь, не зная бухгалтеріи.

Свящ. В. Пестряковъ.

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

Для всѣхъ, сколько-нибудь серьезно задумывающихся надъ лучшимъ будущимъ Россіи, несомнѣнно, что Россія сильна прежде всего богатствомъ вѣры, и что мыслить политическое величіе ея, не считаясь съ вопросомъ о положеніи Церкви и духовенства, нельзя. Казалось бы, что при такомъ положеніи вещей естественно выдвинуть впередъ глубокое и всестороннее обсужденіе положенія нашего духовенства и указать въ помощь ему и дѣлу русскаго общественнаго благоустройства изъ возможныхъ наилучшія условія быта. Къ сожалѣнію, наша Церковь и духовенство съ незапамятныхъ временъ не избалованы въ свѣтской литературѣ справедливою оцѣнкою своего значенія въ историческихъ судьбахъ Россіи. И теперь мы наблюдаемъ почти то же явленіе. Свѣтская литература, на всевозможные лады поворачивающая въ журнальныхъ проектахъ колеса общественнаго механизма, почти замалчиваетъ церковную жизнь. Лишь изрѣдка тамъ и сямъ—и больше по случайнымъ поводамъ—она, впрочемъ, позволяетъ себѣ обронить два-три слова въ сторону этой жизни, но неизмѣнно всегда съ традиціонною усмѣшкой или пренебрежительнымъ кивкомъ. Еще чаще ограничиваетъ свое вниманіе собираніемъ „скверныхъ анекдотовъ“ изъ жизни духовенства, сопровождая ихъ выразительными многоточіями.

Но если скудно освѣщается положеніе нашего духовенства въ очередной свѣтской журнальной публицистикѣ, нельзя того же сказать о свѣтской беллетристикѣ. Здѣсь какъ разъ наоборотъ: въ послѣднее время отмѣчается даже прензбытокъ вниманія къ быту духовенства. Рѣдкій номеръ наиболѣе распространенныхъ журналовъ обходится безъ одного-двухъ очерковъ, рассказовъ, повѣстей, сценъ, изображающихъ духовенство въ разныхъ положеніяхъ и въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ и краскахъ... Замѣчается нѣкотораго рода даже спортъ въ этомъ отношеніи. Наперерывъ другъ

передь другомъ и извѣстные, и малоизвѣстные, и совсѣмъ неизвѣстные въ литературѣ авторы состязаются въ разрисовкѣ болѣзней, нуждъ и просто ординарныхъ злободневныхъ мелочей изъ жизни духовенства; торопливо выпускаются даже цѣлые сборники рассказовъ „изъ духовнаго быта“. Было бы ошибкой думать, что этотъ экстренный интересъ къ духовной средѣ есть дѣло простаго случая. Болѣе чѣмъ несомнѣнно, что это явленіе—симптоматическое. Ясно, что общественная мысль не удовлетворена устарѣлою системою замалчиванія или эзоповски-загадочныхъ гримасъ по адресу духовенства. Очевидно, въ современныхъ общественныхъ настроеніяхъ сознаана надобность такъ или иначе отозваться на вопросъ: чтò же въ концѣ концовъ представляетъ изъ себя наше духовенство? чтò оно вноситъ въ текущую жизнь, и чего можно ожидать отъ него, какъ отъ реальной все-таки общественной силы?

Предлагаемые наброски имѣють цѣлью, между прочимъ, прослѣдить, какъ отражаются въ современной беллетристикѣ въ различныхъ очеркахъ бытъ и жизнь нашего духовенства.

На первую очередь мы ставимъ книжку Елпатьяевскаго: „Рассказы о прошломъ“. Книга эта въ рядѣ очерковъ изображаетъ условія быта нашего духовенства время еще дореформенныхъ и отчасти времени ближайшаго послѣ освобожденія крестьянъ. Рассказы написаны съ эпической простотой, согрѣты теплою ибжностью къ героямъ и представляютъ прекрасную характеристику того духовенства, потомуки котораго имѣли честь—или, можетъ быть, несчастье—попасть подъ изобразительное перо въ точномъ смыслѣ современныхъ беллетристовъ „духовнаго быта“.

Очерки Елпатьяевскаго подкупають именно тѣми своими сторонами, которыя отсутствуютъ въ произведеніяхъ послѣднихъ. Они безусловно безпристрастны. Когда читаешь ихъ (а читать ихъ можно только не отрываясь, съ захватывающимъ интересомъ до послѣдней строки), чувствуешь и ося-

зательно видишь во всѣхъ переливахъ правдивую картину живой жизни среды, изъ которой вышелъ самъ авторъ, и которая оставила въ немъ такъ много трогательныхъ и часто грустныхъ воспоминаній. Разказы написаны эпизодически, но въ общемъ они представляютъ весьма цѣнный широкій художественный фонъ, на которомъ удивительно вышукло и ярко обрисовала трудовая жизнь крестьянства съ помѣщеннымъ въ центрѣ ея простымъ, но здоровымъ укладомъ быта духовенства того времени, жившаго кругомъ интересовъ и запросовъ, малымъ чѣмъ отличнымъ отъ круга интересовъ простого крестьянства.

Изображаемыя авторомъ событія группируются около семьи его отца—діакона Крутыхъ Горь, при чемъ попутно затрагиваютъ жизнь и батюшекъ, имѣющихъ то или иное прикосновеніе къ крутогорской эпопее.

Можетъ быть, только для нѣкоторыхъ изъ современныхъ епархій, гдѣ духовенство живетъ въ матеріальномъ достаткѣ, не вынужденное для своего обезпеченія спускаться до чернаго земледѣльческаго труда, обстановка жизни духовенства Крутыхъ Горь покажется пережиткомъ давнопрошедшихъ временъ; для большей же полосы средней и сѣверной Россіи—она,—съ легкими развѣ, но несущественными особенностями,—есть обстановка сегодняшней дѣйствительности. И нѣтъ никакой возможности останавливаться на картинахъ этой дѣйствительности безъ нѣкотораго волненія. Когда пробѣгаешь страницы разказовъ Елпатьявскаго, невольно проникаешься чувствомъ искренняго удивленія къ той, дышащей непосредственно свѣжестью, трудовой энергіи, которою крѣпко охватываетъ духовенство Крутыхъ Горь свою кормилицу-землю, и которая заполняетъ собою почти всѣ подробности его жизни. Въ то же время не можешь отдѣлаться отъ давящаго чувства какой-то обиды за неестественность общественнаго и матеріальнаго положенія духовенства, которая почти неизбѣжно (какъ это дается въ правдивомъ изображеніи Елпатьявскаго) создала--и теперь на на-

шихъ глазахъ создаетъ—около жизни нашего духовенства такъ много всякихъ нестроений, дающихъ поводъ къ огульному осужденію духовенства въ малопригодности его для роли нравственнаго руководительства наставой. Чувствуется отчетливо, какая въ сущности богатырски-цѣльная нравственная мощь таится подъ грубою съ вида оболочкою, прикрывающею внутренній обликъ этихъ отцовъ діаконѣвъ, батюшекъ и даже дьячковъ, съ ихъ семействами; съ другой стороны, съ грустью убѣждаешься, какъ незначительна подчасъ сфера примѣненія этой мощи къ духовной въ собственномъ смыслѣ дѣятельности...

I.

Галлереею живыхъ снимковъ „съ природы“ въ очеркахъ Елшатовскаго по справедливости надо начать „дѣдушкой“—старикомъ, заштатнымъ священникомъ, отцомъ крутогорскаго діакона.

Нельзя не пожалѣть, что эта фигура входитъ въ общую серію разсказовъ, освѣщенная идиллическимъ свѣтомъ уже предмогильнаго заката. Провилая жизнь „дѣдушки“, его дѣятельность на приходѣ намъ не извѣстны,—о нихъ можно только догадываться. И, судя по тому, каковъ „дѣдушка“ о. Лукьянъ теперь, когда онъ живетъ на хлѣбахъ у сына,—судя по тому, какъ относятся къ нему крутогорскіе и сосѣдніе крестьяне, можно видѣть, что это—характеръ глубоко симпатичный, пастырь воистину добрый, понимавшій свои обязанности къ паствѣ такъ вѣрно и просто, какъ можетъ понимать ихъ неизломанная школьными ходулями и праздными претензіями—открытая, честная, пемудрая, можетъ быть, но „святая“ душа вѣрующаго въ свой долгъ простеца-христианина. Сыгъ крѣпостнаго мужика, случайно попавшій въ духовную среду, „дѣдушка“ внесъ въ эту среду всю простоту крестьянскихъ взглядовъ и чувство своего кровнаго родства съ крестьянствомъ не по плоти только, но и по духу. Можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ надо искать

объясненія того покоряющаго вліянія, которое имѣлъ о. Лукьянъ еще и теперь, находясь за-штатомъ, на чужихъ для него прихожанъ. Какъ и наоборотъ (скажемъ кстати): можетъ быть, одной изъ незначительныхъ причинъ, почему современное наше пастырство очень часто лишено такого вліянія на паству, служитъ то обстоятельство, что внѣшнія условія воспитанія въ школѣ и домашняя обстановка многихъ духовныхъ семей полагаютъ между крестьянствомъ и будущими ихъ руководителями искусственно созданную стѣну взаимнаго непониманія и сердечной холодности...

Теперь, когда о. Лукьянъ живетъ „на покоѣ“, онъ въ большой семьѣ сына—духовный центръ, теплая, почти библейски-привлекательная душа, къ которой тянутся все: „Маленькій, съ рѣденькой сѣденькой бородкой клинушкомъ, съ живыми веселыми глазками, въ бѣлой холщевой рубашкѣ, подпоясанной поясочкомъ, къ которому привязанъ ключикъ отъ укладки. На лысой головѣ старенькая порыжѣлая скуфейка, изъ-подъ которой выбиваются желтовато-сѣденькіе завитки волосъ“.

Онъ жилъ почти безвыходно на своемъ пчельникѣ, по никогда не былъ одинокъ. Прежде всего, къ нему неудержимо льнули дѣти, отогрѣваясь въ его ласковомъ обществѣ отъ холода домашнихъ щелчковъ и своихъ собственныхъ ссоръ. Дѣдушка всегда веселъ, привѣтливъ, милъ. Дѣтишекъ ласкаетъ, балуетъ медомъ, гдѣ нужно—прикрываетъ своимъ заступничествомъ ихъ маленькіе грѣшки: миритъ, журитъ и нестрога (для страху) наказываетъ виноватыхъ. Но эта дѣтски-святая простота „дѣдушки“—не старческая чувствительность,—нѣтъ, отъ нея отсвѣчиваетъ цѣльнымъ сознательнымъ чувствомъ сильной любви и евангельскаго миролюбія. Это особенно замѣтно, когда мы наблюдаемъ „дѣдушку“ въ семейной обстановкѣ или при сношеніяхъ его съ крестьянами.

Въ домѣ крутогорскаго діакона верховодила строгая, подчасъ до жестокости, старой заправки, бабушка. Она вно-

сила въ домъ духъ древнезавѣтной порядливости и ею немилосердно давила всѣхъ, создавая въ семьѣ сына атмосферу довольно тяжелую. Дѣдушка былъ тѣмъ солнечнымъ тепломъ въ домѣ, которому такъ радуются въ ненастные скучные дни осени. Передъ нимъ (хоть и не безъ протеста) замолкалъ ворчливый зудъ бабушки; отъ него легче становилось на душѣ невѣстки, его ласковая, бодрящая рѣчь стоила съ лица сына хмурость и заставляла молчаливые уста его свѣтиться улыбкой... Гдѣ дѣдушка, тамъ, по какому-то волшебству, все расцвѣтало... И все это выходило необыкновенно естественно. Такова ужъ сила неподдѣльнаго чувства простоты...

Та же обаятельность дѣдушки чувствовалась и крестьянами. Они—конечно, тоже непосредственно—угадывали въ дѣдушкѣ пастыря по сердцу своему и влеклись къ нему, поэтому, тоже неудержимо...

„Бывало забѣжишь, —сидить у него на порогѣ старикъ, такой же старый, какъ дѣдушка, о дѣлахъ своихъ семейныхъ совѣтуются... И молодые захаживали къ нему съ своими молодыми дѣлами“. Шли всѣ, у кого въ семьѣ неполадки, кто „одержимъ“ былъ. Цѣлыми толпами шли къ нему больныя женщины, надорванныя душою и дошедшія отъ тягостей жизни до истеріи,—шли съ вѣрою, что о Лукьяну „дано“ отговорить ихъ; и уходили утѣшенныя. Шли мужики, шли парни больные. Маленькій, незамѣтный старичокъ-священникъ творилъ великія дѣла, оправдывая блестяще на своей немудреной съ виду жизни правду словъ: „лишь то, что отъ сердца исходитъ, способно сердца покрять“. И шла слава о дѣдушкѣ далеко вокругъ. Вотъ почему „никогда, кажется, не видѣли Крутыя Горы такого множества народа, какъ на похоронахъ дѣдушки. Съѣхались священники и родня; собравшійся со всей округи народъ не могъ помѣститься въ церкви, наполнилъ ограду и густой толпой стоялъ передъ папертью. Когда показался гробъ изъ церкви, много народу пало на колѣни; бабы плакали. А по-

томъ прошелъ по селу слухъ,—бабушка Спиридониха сама видѣла, — когда дѣдушку въ могилу опускали, взвился бѣлый голубь надъ кладбищемъ и проналъ... И на дѣдушкину могилу стали возить одержимыхъ и служить панихиды“...

Не правда ли, даже какою-то сказочностью вѣсть отъ этого образа?.. А вѣдь это—образъ, выхваченный изъ жизни. И невольно просится тутъ на языкъ вопросъ: какъ вырабатываются такіе характеры? на чемъ они создаются? и способна ли современная жизнь дать изъ себя такіе типы?—Конечно, способна; конечно, и даетъ въ дѣйствительности. Жалко только, что даетъ не щедрою рукою и потому, между прочимъ, что, при современныхъ осложнившихся условіяхъ жизни, притокъ къ пастырскому дѣлу свѣжихъ силъ непосредственно изъ народа—болѣе чѣмъ слабъ...

Свящ. *Евг. Капраловъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

„В ъ М о р д в а х ъ“.

Разсказъ престарѣлаго священника.

— Вы спрашиваете, каково мнѣ было служить въ мордовскомъ приходѣ?—Не скажу, что легко. Особенно сначала. И всякое дѣло не легко начинать, а мое дѣло было особенное. Нужно сказать вамъ, что и попалъ-то я „въ мордву“ чуть не случайно. Кончилъ, это, курсъ въ семинаріи, и, какъ, знаете, почти всегда бываетъ, остановился на рѣспутьи жизни въ нѣкоторомъ смущеніи: чтò дѣлать? по какой тропинкѣ итти? въ священники?—Всей бы душой, да, казалось, рано еще. Всего 22 года мнѣ было. Пожить еще, думаю себѣ, надо, людей узнать, опытомъ запасть... Да... Былъ у меня голосъ кое-какой, и на первыхъ порахъ посчастливилось мнѣ поступить въ епархіальный городъ псаломщикомъ. Сталъ слу-

жить... Читаю, пою. проповѣдую, въ школѣ занимаюсь, хоръ завожу. Служу годъ, служу другой. Замѣтилъ меня преосвященный. Призываетъ разъ къ себѣ и говоритъ; „Хорошіи ты у меня псаломщикъ, дѣятельный; такого, говоритъ, псаломщика я поскорѣе бы желалъ видѣть „священникомъ“. Я кланяюсь, благодарю.—„Вотъ тутъ у насъ,—говоритъ владыка,—есть одинъ мордовскій приходъ. Народъ грубый и темный. Работы—конца нѣтъ. Служилъ тамъ старшій священникъ, да не много сдѣлалъ. Не по плечу было. Для труднаго дѣла силы нужны молодыя, крѣпкія... Не пойдешь ли ты къ мордвамъ?“—„Очень бы радъ,—говорю,—владыко, да не рѣшаюсь: жизни мордовской не знаю“.—„И всѣ мы не знаемъ,—говоритъ владыка,— а знать мордву необходимо. Вотъ вы, молодые, и изучайте ее. Намъ же старикамъ уже поздно“.—Такъ и получилъ я мордовскій приходъ.

Первое мое впечатлѣніе отъ прихожанъ было не веселое. Одѣты грязно, некрасиво; смотрятъ какъ-то косо, недружелюбно; по-русски говорятъ непонятно; на вопросы отвѣчаютъ грубо, иногда циничными шутками, а то и совсѣмъ не отвѣчаютъ. Сейчасъ же по прїѣздѣ спрашиваютъ,—т. е. не спрашиваютъ, а прямо требуютъ,—у меня 3 ведра водки. Это де по случаю новоселья. Водки я имъ не далъ, но они напились и безъ меня, а потомъ долго и за глаза и въ глаза называли меня попомъ „тяжелымъ“, скунымъ и жаднымъ.

Прїѣхалъ я на приходъ какъ разъ къ Великому посту. Съ первой же недѣли началъ служить.—„Напрасно беспокоитесь, батюшка,—говоритъ мнѣ старшій псаломщикъ:—сколько ни служите, все равно народу не будетъ“.—„Какъ такъ?—удивляюсь я:—на первой же недѣлѣ всегда много бываетъ говѣльщиковъ!“.—„То у русскихъ,—говоритъ псаломщикъ,— а у насъ иначе. У насъ говѣльщики будутъ на пятой да на шестой недѣлѣ... Вотъ когда...“—„Всѣ прихожане говѣютъ на двухъ недѣляхъ!—недоумѣваю я:—да вѣдь ихъ полторы тысячи душъ! Когда же я успѣю исповѣдать-то ихъ?“—„Подождите,—усмѣхается псаломщикъ:—изъ полторы-то тысячи,

можетъ быть, триста человѣкъ придется вамъ исповѣдывать“. Я не вѣрю.—„Триста человѣкъ! А какъ же,—спрашиваю,—остальные-то?“—„Да такъ,—говорить псаломщикъ:—одни года черезъ два, черезъ три привыкли говѣть, а другіе такъ и черезъ всѣ десять лѣтъ. А то,—говорить,—не мало и такихъ, что не только совсѣмъ не говѣютъ, а и въ церковь дороги не знаютъ“.—„Раскольникъ?“—„Какіе раскольникъ!—смѣется псаломщикъ:—просто—мордва“.

Шло время, и я убѣждался, что псаломщикъ былъ правъ. Первые недѣли поста пришлось служить чуть не въ пустой церкви. При всякомъ случаѣ усовѣщивалъ прихожанъ, по ничего сначала не выходило: мордва, очевидно, не понимала меня, а я не могъ приноровиться къ нимъ. Къ тому же, и мордовскаго языка не зналъ. Приходить разъ ко мнѣ съ требой старый мордвинъ Трифонычъ. Обросшій, угрюмый; говоритъ лаконически-рѣзко.—„Почему это,—спрашиваю,—ты, Трифонычъ, въ церковь никогда не заглянешь, не помолишься? Вотъ, и не говѣлъ еще ты, кажется?“—„Зачѣмъ кавѣтъ?—оборвалъ меня Трифонычъ.—„Какъ зачѣмъ?—говорю я:—развѣ ты ни въ чемъ не виновенъ предъ Богомъ? Грѣшишь, вѣдь, небось?“—„Штъ,—отрѣзалъ Трифонычъ:—а содапъ монъ“ (ничего я не знаю).—„Такъ-таки ни въ чемъ,—говорю,—не грѣшенъ?.. Ну, конечно, ты не убивалъ, не воровалъ, но, можетъ быть, обижалъ кого, или не въ мѣру, ругался?“...—„Ты ругаешься, —разсердился Трифонычъ:—злой ты, жадный. Не хочешь крестить? Ярмакъ (деньги) еще хочешь“... Да. Ну, и что-жъ тутъ будете дѣлать? Такъ на первомъ году и переговѣло у меня прихожанъ всего человѣкъ 300—400. Да и вообще нужно сказать—не любила мордва церкви. Въ первые дни Страстной недѣли, конечно, служу, но въ храмѣ почти никого. Въ четвергъ на *стояніе* собралось человѣкъ 20—30. Въ субботу на утренѣ опять никого. Тяжело мнѣ было. Величественная, трогательная служба, а народа нѣтъ, нѣвчнхъ нѣтъ, дьячокъ старый: поеть ли, читаетъ ли,—еле слышно. Церковь ветхая,

неуютная. Все запущено. Иконы тусклым. Позолота на иконах облезла, штукатурка мѣстами обвалилась. Больно, говорю, было у меня на сердцѣ, но приходилось терпѣть. Работать и работать, думаю, нужно. Безъ Бога ничего нельзя, а съ Богомъ все возможно.

А сколько хлопотъ и волненій доставляли мнѣ разныя требы—крестины, свадьбы и т. под.! Приносятъ, напр., крестить ребенка. Придешь въ церковь, возьмешь ребенка, смотришь—грязный весь. Кума—дѣвочка лѣтъ 9—10; кумъ—пьяный. Спросишь кума: „знаешь ли *впрую?*“—Молчитъ. Велишь перекреститься,—не умѣетъ. Иногда и имени своего назвать не можетъ. О кумѣ и говорить нечего. По-русски—ни звука. Дашь имя ребенку, спросишь кумовьевъ: какъ же, моль, будете звать крестника?—Молчатъ. Иногда разъ пять повторишь имя,—и все не запоминаютъ, и потомъ зовутъ ребенка какъ-нибудь по-своему. А свадьба? Сколько тутъ выходило всякихъ недоразумѣній! Невѣсты мордовскіе женихи засватываютъ обыкновенно рано, года за 3—4 до достиженія совершеннолѣтія. Засватаетъ женихъ невѣсту, но мнѣ не говоритъ. Хорошо, если узнаешь стороной, что такой-то нарень просваталъ такую-то дѣвушку: наведешь справки по метрикамъ—нѣтъ ли какихъ препятствій; потомъ сдѣлаешь въ церкви оглашенія и все такое. А то родные жениха и невѣсты приводятъ ихъ прямо къ церкви, даютъ намъ съ псаломщикомъ деньги, курицу, штофъ водки, боченокъ браги—и коротко требуютъ вѣнчать. Я протестую.—„Свѣдѣнія,—говорю,—нужно собрать, обыскъ написать, оглашеніе сдѣлать. Да кромѣ того,—говорю,—женихъ и невѣста поговѣть должны“.—Куда тутъ! „Вѣнчай“—да и только. Убѣждаешь и такъ и этакъ,—ничего не хотятъ понимать. Упрямые—преупрямые. До бунтовъ дѣло доходило. Привели разъ такъ къ церкви молодыхъ и просятъ меня вѣнчать. Ни о женихѣ, ни о невѣстѣ я не зналъ ничего положительно. Кое-какъ уговорилъ родныхъ подождать со свадьбой дня три, а самъ тѣмъ временемъ сталъ справки наводить. И что же оказы-

вается?—Оказывается, что невеста почему-то совѣмъ въ метрикахъ не записана. Что дѣлать? Говорятъ, что невеста была взята въ ихъ село пріемышемъ изъ другого села, когда ей было всего года три; въ чужомъ селѣ она, должно быть, была и записана. Нужно было справиться. А для этого требовалось еще дня два (родное село невесты было верстахъ въ сорока отъ нашего). Но ждать больше отказываются. Опять привели ко мнѣ жениха и невесту. Говорятъ, что и брага готова, и всѣ припасы на столѣ—„вѣнчай“. Я отказываюсь. Ссылаюсь на законы, говорю, что при мордовскихъ порядкахъ можно обвинять и брата на сестрѣ—и все такое. Какъ будто угомонились и отвели жениха и невесту назадъ. Но прошло часа два, и къ моему дому опять подъѣзжаетъ свадебный поѣздъ. Въ кухню вваливается человекъ тридцать поѣзжанъ (съ ними и женихъ съ невестой, оба въ свадебныхъ нарядахъ). Поѣзжане всѣ пьяные. Подняли шумъ. Одни ругаются, другіе выкрикиваютъ какія-то дикія пѣсни. Вышелъ я къ нимъ.—„Успокойтесь,—говорю,—братцы. Сейчасъ я самъ поѣду въ село, гдѣ родилась невеста, привезу всѣ бумаги, а завтра повѣнчаю“.—„Не хотимъ,—кричатъ:—вѣнчай сейчасъ, а то“... Бросаются на меня чуть не съ кулаками. Я вышелъ изъ кухни, заперся въ другой комнатѣ, но чтѣ дѣлать дальше, не знаю. А жена и дѣтишки перепугались, плачутъ. Кое-какъ выручилъ изъ бѣды работниковъ. Русскій былъ. Дмитріемъ звали. Померъ ужъ давно, а я и теперь услугу его помню. Пока поѣзжане меня осаждали, онъ верхомъ на лошади съѣздилъ въ сосѣднее село и оповѣстилъ управляющаго помѣщичьимъ имѣніемъ о бунтѣ. Управляющій этотъ самъ былъ мордвинъ и умѣлъ съ мордвами дѣла вести. Однако и ему пришлось часа два уговаривать бунтарей. И на него толпа яростно бросалась, да онъ ее револьверомъ попугивалъ.

А чего стоила мнѣ борьба съ суевѣріями да съ разными нелѣпыми обычаями мордвы! Больше всего такихъ обычаевъ замѣчалось опять-таки на свадьбѣ. Такъ, у жениха наканунѣ

свадьбы стряпали обыкновенно пирогъ-„курникъ“. Пирогъ дѣлался большею частью недопеченный, сырой и несъѣдобный, потому что и готовился-то онъ собственно не для ѣды, а какъ символъ домовитости и тароватости жениха. Выпувъ изъ печки, клали пирогъ на ночевки, а вмѣстѣ съ нимъ—кусокъ мяса, рыбу, ложку, ножъ, икону и... штофъ водки. Вообще, тутъ были всѣ принадлежности домашняго крестьянскаго обихода. Пирогъ украшался иногда фигурно-вырѣзанной бумагой и разноцвѣтными нитками. Моментъ, когда свадебный пирогъ вынимался изъ печки, совпадалъ съ разгаромъ брачнаго веселья. Главной героиней при этомъ являлась такъ называемая „кудава“. Для этой роли выбиралась обыкновенно смѣлая, разбитная, развязная на языкъ баба. Она должна была проявлять самую быструю находчивость въ выдумкѣ шутокъ и олицетворять собою нравственную разнузданность. Во время исполненія своей роли, „кудава“ носила еще названіе „айгаръ“ по-русски—жеребець и изображала собою это животное. Для большаго сходства съ „айгаромъ“ она надѣвала на себя конскую сбрую, на шею подвязывала колоколь и погремушки, лягалась, ржала и вообще производила всякія неистовства. „Кудава“ паясничала, а присутствующіе одобряли ее дружнымъ хохотомъ... Сама невѣста являлась въ церковь чуть не съ цѣлыми пудами домашнихъ лепешекъ за пазухой (это подарокъ матери при проводахъ дочери въ чужой домъ) и въ высочайшей шапкѣ формы усѣченнаго конуса, съ выгнутымъ впередъ бараньимъ рогомъ. Все это было въ высшей степени не прилично, не умѣстно, и потому все это приходилось изгонять.

Тяжело мнѣ было замѣчать у своихъ прихожанъ и такіе уже чисто языческіе обычаи, какъ, напр., окуриваніе животныхъ въ Юрьевъ день или опахиваніе села. Помню, мнѣ даже жутко сдѣлалось, когда я въ первый разъ увидѣлъ омерзительную процедуру опахиванія села. Въ селѣ была эпидемія: умирали отъ поноса дѣти. Я и лѣкарствъ кое-какихъ доставалъ, и врача выписывалъ,—но всего этого морд-

вамъ казалось мало... Какъ-то разъ утромъ не спалось мнѣ. Всталъ, это, я, умылся, сѣлъ у окна за какую-то книгу. А лѣтнее утро было хорошее, свѣжее. Я отворилъ окно. Слышу—издали съ поля (видите, домъ-то мой на самомъ краю села) доносятся какіе-то странные голоса... Шумъ, подавленное пѣніе... И все ближе и ближе... Что такое? Выхожу на крыльцо, смотрю—вдоль моего огорода медленно движется толпа поселянъ. Тутъ и старики, и старухи, и взрослые, и даже дѣти. Всѣ печальные, и идутъ, опустивши головы. Тихо напѣваютъ. Посрединѣ толпы полуобнаженная старуха съ распущенными волосами тащить соху. Такъ-то жалко, жалко стало мнѣ всю эту несчастную толпу! Пошелъ къ ней навстрѣчу.—„По-христіански ли,—говорю,—дѣлаете, дѣтушки! Случилась бѣда, такъ бороться съ ней нужно да Богу молиться“. Законфузились ли бѣдные, или испугались, только бросили соху и пустились бѣжать кто куда...

Теперь, слава Богу, въ моемъ приходѣ языческіе обычаи вывелись, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ они еще существуютъ. Вотъ, я знаю, въ одномъ селѣ и теперь еще на Юрьевъ день прогоняютъ скоть 'черезъ огонь. Но вообще, невѣжественный еще народъ—мордва. И въ моемъ вотъ приходѣ съ очень большимъ трудомъ прививаются мордвамъ такія нравственныя привычки, какъ вѣрность честному слову, прощеніе обиды, согласованіе жизни съ вѣрой и т. под.

Вступаєте вы съ мордвиномъ въ какое-нибудь дѣло. Онъ обѣщается и клянется, что сдѣлаетъ дѣло добросовѣстно, честно, согласно вашему уговору; а наступитъ время—какъ разъ обманетъ. Вообще, мордвинъ не прочь воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы кого-нибудь обидѣть въ свою пользу. Но самъ обиды не стерпитъ и непременно отомститъ за нее. О, мордвинъ мстителенъ! Случается, напр., что кто-нибудь изъ крестьянъ одного села обидитъ крестьянина другого, сосѣдняго села. Обиженный съ своими родственниками и друзьями непременно идетъ противъ обидчика съ кулаками. Обидчикъ въ свою очередь образуетъ партію. И вотъ, гдѣ-

нибудь въ полѣ, между двумя селами, обѣ враждующія стороны сходятся, и происходитъ настоящій бой... Иногда такимъ образомъ выступаютъ другъ противъ друга цѣлыя села. При этомъ бываютъ, конечно, и жертвы, но мордву это мало смущаетъ.

Нѣтъ у мордвы яснаго понятія о томъ, что значитъ вѣрить и жить по вѣрѣ. Не рѣдко мордва всѣ свои религіозныя обязанности сводитъ къ тому, чтобы сходить въ церковь, поставить свѣчу, отслужить молебень—и только. И не разъ приходилось—и теперь приходится—мнѣ наблюдать: стоитъ въ церкви мордвинъ, ставитъ свѣчи, кладетъ земные поклоны, вздыхаетъ. Заинтересуешься богомолемъ, присмотришься—что, молъ, за человѣкъ? И силовъ да рядомъ оказывается, что это—завѣдомый воръ, ростовщикъ или отъявленный обманщикъ. Обрядовѣріе, конечно, замѣчается и у русскихъ, но у мордвовъ оно глубже и откровеннѣе.---По главный недугъ мордвы—это пьянство. Пьетъ мордва безъ мѣры и безъ времени. Крестины, похороны, свадьба, какое-либо хотя бы самое незначительное общественное или семейное дѣло—все это сопровождается необузданнымъ пьянствомъ и всякими безобразіями. Легко сказать—плохая мордовская свадьба обходится не меньше 7—8 ведеръ водки и 80 ведеръ домашней браги. На моихъ глазахъ было не мало случаевъ отравленія алкоголемъ. Русскій мужикъ „не дуракъ выпить“, но мордвинъ въ этомъ отношеніи куда „умнѣ“ русскаго. Теперь-то все-таки, конечно, не то, что лѣтъ 15—20 назадъ. Теперь свѣтъ проникаетъ и въ мордовское царство. Много значать при этомъ школы. Жаль только, что медленно распространяются у насъ школы для дѣвочекъ. А для мордовскихъ дѣвочекъ школы особенно нужны. Тамъ онѣ прежде всего выучились бы говорить по-русски, и уже это одно имѣло бы для нихъ огромное значеніе. Какъ-ни-какъ, а мордвинъ то по торговымъ, то по хозяйственнымъ дѣламъ все-таки вращается среди русскихъ людей и мало-по-малу узнаетъ русскій языкъ, *руснетъ*. По крайней мѣрѣ, на него можно

уже вліять. Мордовка же знаетъ себѣ только свою печь и остается тиличпой мордовкой. Вмѣстѣ съ языкомъ у нея все мордовское—и костюмъ, и понятія, и взгляды, и вѣрованія. Гдѣ ей знать христіанскую вѣру, понимать богослуженіе или проповѣдь, если она почти ничего не понимаетъ и изъ самой простой русской рѣчи? Впрочемъ, проповѣдь-то нашу и мордвину еще трудно понять. Хотя онъ и знаетъ русскій языкъ, но только, конечно, съ грѣхомъ пополамъ. Въ его употребленіи слова лишь самыя, такъ сказать, обыденныя, названія конкретныхъ вещей или житейскихъ отношеній. Поэтому, и проповѣдь нужна ему простая, безыскусственная. А такой проповѣди у насъ пока нѣтъ. Много пишутъ и печатаютъ у насъ разныхъ проповѣдей, но трудно найти между ними что-нибудь вполне подходящее для мордвина. Самъ я давно уже изучилъ мордовскій языкъ (и это, по-моему, необходимо для каждаго мордовскаго пастыря) и на первыхъ порахъ училъ мордвовъ вѣрѣ домашнимъ образомъ по-мордовски. И успѣхъ былъ. Интересовались, прислушивались—и понимали. Теперь у меня церковь каждую праздничную службу наполняется богомольцами. У прихожанъ вошли въ обычай пожертвованія на храмъ, заботятся о его благолѣпін. Разныя суевѣрія постепенно пали; пороки существуютъ, но замѣтно слабѣютъ. Очень распространень въ моемъ приходѣ русскій языкъ. Говорятъ по-русски и мордовки. Уже лѣтъ десять, какъ устроилъ я для дѣвочекъ особую школу. Для мальчиковъ же у меня школа существуетъ еще со второго года моей службы. Къ ученію мордвы прилежны и способны. Не забываютъ школы и по окончаніи курса ученія въ ней. И книги изъ бібліотечки берутъ, и разныя школьныя чтенія посѣщаютъ. Очень любятъ пѣніе. Уже лѣтъ 12 какъ организованъ у меня хоръ. Служба теперь—уже не то, что при моемъ поступленіи на приходъ. Благолѣпная, людная... Да, теперь не то... Слава Богу...

.... Утомился рассказывать? Что вы! Дѣло мое старое, одинокое. Всегда радъ поговорить съ свѣжимъ человѣкомъ, про старину вспомнить. Вы простите, что надоѣлъ вамъ....

Симбиревъ.

Что дѣлать духовенству?

По поводу послѣднихъ событій въ нашемъ отечествѣ на этотъ вопросъ дано уже нѣсколько отвѣтовъ. Я съ своей стороны предлагаю слѣдующій отвѣтъ: необходимо немедленно и обязательно во всѣхъ приходахъ открыть церковно-приходскія попечительства.

Причины, которыя привели меня къ этой мысли, слѣдующія: 1) Число несчастныхъ въ нашемъ отечествѣ раненыхъ, вдовъ, сиротъ настоящая слишкомъ тяжелая война на Дальнемъ Востокѣ увеличила настолько, что не найдется селенія, не только прихода, гдѣ бы не требовалось оказать немедленную помощь несчастнымъ. 2) Для всѣхъ дѣтей необходимо образованіе, но не всѣ имѣютъ возможность безъ посторонней помощи обучаться въ начальныхъ школахъ, а тѣмъ болѣе въ высшихъ, сравнительно съ начальной школой, учебныхъ заведеніяхъ, куда желательно бы представлять и бѣдныхъ дѣтей, одаренныхъ выдающимися способностями. 3) Благотворительность при православныхъ церквахъ можетъ служить прекраснымъ выраженіемъ заповѣди о любви, данной вѣрующимъ Самимъ Спасителемъ. Во исполненіе этой заповѣди, благотворительность, какъ общественное явленіе, существовала во всѣ времена, начиная со временъ апостольскихъ, и при нѣкоторыхъ отцахъ Церкви принимала очень значительные размѣры. И теперь попечительства—единственное средство къ оживленію общественной дѣятельности прихожанъ и духовенства, ко взаимному сближенію двухъ сословій въ общихъ интересахъ жизни, къ благотворному вліянію на духовную и матеріальную стороны народной жизни. 4) Изъ событій въ исторіи можно видѣть, что благотворительныя учрежденія при церквахъ могутъ сослужить прекрасную службу государству. Въ Смутное время, въ началѣ семнадцатаго вѣка, безвѣстные богомольцы своими, часто копейными, пожертвованіями въ Троице-Сергіевъ монастырь помогли спасти Россію и заслужили добрую память наравнѣ съ тѣми, кто сумѣлъ благора-

зумно распорядиться ихъ пожертвованіями. 5) Общество сравниваютъ съ членами тѣла. Болѣзнь одного члена отзывается на всемъ тѣлѣ. Если страдаетъ органъ—членъ общества, болѣзнь отзывается на всемъ обществѣ. Страждущихъ членовъ общества много всегда, особенно же ихъ много въ настоящее время—время смуть и войны. Въ числѣ врачей не на послѣднемъ мѣстѣ должны стоять пастыри Церкви. Призванные къ благотворительности заповѣдію Бога, побуждаемые къ ней и гражданскимъ закономъ, если попечительства будутъ обязательны во всѣхъ приходахъ, они съ любовью, терпѣніемъ, сознаніемъ своего долга предъ Богомъ и отечествомъ поспѣшатъ на подлежащій имъ подвигъ—всеми силами и средствами содѣйствовать улучшенію народнаго быта и не словами только, но самимъ дѣломъ участвовать въ рѣшеніи общей задачи—удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государства, какъ выражено Высочайшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 года¹⁾.

Д. Всевѣтскій.

Забота о духовномъ образованіи въ Смирнѣ.

До настоящаго времени въ Константинопольскомъ патриархатѣ была одна вполне организованная богословская школа, на *о. Халки* (въ настоящее время съ 8-лѣтнимъ курсомъ), приготовляющая клириковъ высшихъ и низшихъ степеней, и нѣсколько другихъ, съ курсомъ болѣе или менѣе ограниченнымъ, назначенныхъ для приготовленія низшихъ клириковъ своей епархіи, напр. *Кесарійская* (въ Каппадокіи), *Аоонская* (въ Карѣѣ), *Критская* (при монаст. св. Іоанна Богослова, въ Лампи, Сфакійской епархіи), на островѣ близъ гавани *Іоаннинской*. Но этихъ школъ для всего патриархата очень мало, вслѣдствіе чего и въ другихъ епархіяхъ греческіе архіереи, по своей инициативѣ, стали заводить духовныя

¹⁾ Яросл. еп. в. 1905 г., № 14.

школы для приготовленія кандидатовъ священства. Такъ, *Смирнскій митроп. Василій*, извѣстный многочисленными богословскими трудами, давно уже хлопочетъ объ устройствѣ въ своей епархіи духовной школы (*ιερατικὴ σχολή*). Дѣло это затянулось вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ. Чтобы изыскать нужныя средства, митрополитомъ было основано въ Смирнѣ религіозно-просвѣтительное общество „Вѣра, Надежда и Любовь“, которое, между прочимъ, имѣетъ своею цѣлію сборъ денегъ для новой школы. Преосв. Василій пожертвовалъ отъ себя на городскія школы доходъ отъ своихъ сочиненій въ количествѣ около 100 турецкихъ лиръ. Кромѣ того, въ недавнее время извѣстный писатель Понадимонулъ, изъ Смирны, издалъ большую книгу (до 1600 стр.) подъ заглавіемъ: „Христіанская нравственность“ и весь доходъ отъ нея пожертвовалъ на основаніе здѣсь богословскаго училища. Книга удостоилась одобренія строгаго и компетентнаго богословскаго критика митроп. Василія. Можно надѣяться, что пламенное желаніе митрополита въ скоромъ времени увѣнчается успѣхомъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюля 3-го дня.

Содержаніе: Справедливы ли возраженія противъ опредѣленнаго жалованья духовенству?—Духовенство въ современной беллетристикѣ (оканчаніе).—Изъ моихъ воспоминаній.—Мѣры Греческаго Св. Синода къ прекращенію злоупотребленій въ преподаваніи Закона Божія въ основныхъ школахъ, и къ введенію въ церковное богослуженіе византійской одногласной мелодіи.

Справедливы ли возраженія противъ опредѣленнаго жалованья духовенству?

Скоро ли придетъ, наконецъ, то благодатное время, когда православное русское духовенство будетъ обезпечено полнымъ казеннымъ жалованьемъ? Неужели же еще долгіе-долгіе годы духовное сословіе вынуждено будетъ попрежнему „попрошайничать“ у прихожанъ, считаясь „доброхотными“ даяніями за требосправленія и столь унижительными для всякаго интеллигентнаго человѣка хлѣбными сборами?.. Не мало говорится объ этомъ на страницахъ духовной и свѣтской періодической печати, и большинство голосовъ раздается за скорѣйшее исполненіе проекта обезпеченія духовенства жалованьемъ. Но, къ сожалѣнію, есть лица, даже изъ среды духовенства, которыя высказываются за старый порядокъ

вещей... Они находят, что обезпеченіе духовенства полнымъ казеннымъ жалованьемъ принесетъ не пользу, а вредъ дѣлу. Жалованье поведетъ, говорятъ, къ тому, что священники, изъ благоговѣйныхъ служителей алтаря и самыхъ близкихъ къ народу лицъ, обратятся въ формалистовъ-чиновниковъ, такъ какъ почувствуютъ свою полную независимость отъ прихожанъ. — Какъ это ни странно, но разъ такіе взгляды высказываются даже печатно, волей-неволей приходится и съ ними считаться...

Неужели лица эти думаютъ, что тѣ священники, которые теперь служатъ благоговѣйно и истово, съ обезпеченіемъ казеннымъ жалованьемъ, будутъ служить поспѣшно и кое-какъ?! Нѣтъ, этого не будетъ. Духовенство служить *предъ* людьми, но *не* людямъ, а единому истинному Богу, у престола Котораго и теперь стоятъ и послѣ стоятъ будутъ съ одинаковымъ страхомъ и трепетомъ.

Пастыри Церкви отлично видятъ, что на нихъ отовсюду обращены взоры окружающихъ. Они знаютъ, что ихъ долгъ — подавать паствѣ примѣръ „словомъ, житіемъ, вѣрою, любовію, чистотою“... Поэтому, они всегда стараются и будутъ стараться, по силѣ возможности, поддерживать высоту своего сана. Какъ можно думать, что съ обезпеченіемъ казеннымъ жалованьемъ духовенство опустится?! И это тогда, когда, въ силу рѣзко измѣнившихся матеріальныхъ (а съ ними и иныхъ) условій жизни, въ ряды духовенства широкой волной нахлынутъ образованная, духовно-развитая сила?! Не надо забывать и того, что тогда епархіальные архіереи станутъ болѣе разборчиво относиться къ кандидатамъ на священно-церковнослужительскія мѣста, такъ какъ въ просителяхъ недостатка не будетъ... Вѣдь уже и теперь къ духовенству предъявляется масса начальственныхъ требованій всякаго рода, а послѣ ихъ будетъ еще больше... Требованія эти касаются непосредственно пастырской бдительности за словеснымъ стадомъ и способовъ охраненія его отъ опасныхъ волковъ — различныхъ лжеучителей, сектантовъ и даже полити-

ческих пропагандистовъ... Погружаться въ дремоту и снѣчку духовенству не придется, особенно послѣ Указа 17 апрѣля. Даже лица, не дорожающія мнѣніемъ прихода, будутъ беречь свою репутацію хотя бы потому, чтобы не быть обойденными со стороны начальства доступными имъ наградами и поощреніями и не отстать чрезъ то на служебномъ поприщѣ отъ своихъ школьныхъ товарищей, или—что несравненно хуже—не подпасть подъ кару, въ родѣ, напримѣръ, монастырскаго послушанія, налагаемаго епархіальнымъ судомъ за крупныя упушенія по службѣ.—Такимъ образомъ, опасенія, что духовенство не сумѣетъ остаться на высотѣ своего положенія, совершенно не могутъ имѣть мѣста въ разсужденіяхъ объ обезпеченіи духовенства казеннымъ жалованьемъ.

Иные думаютъ, что духовенство, при матеріальной независимости отъ прихожанъ, сдѣлается гордымъ и заносчивымъ.— Но и такое опасеніе не основательно. Единичные случаи подобныхъ примѣровъ и теперь есть и тогда могутъ быть. Такъ вѣдь единичные случаи нигдѣ за норму не принимаются. Рѣчь идетъ обо всемъ духовномъ сословіи. Правда, при обезпеченіи духовенства полнымъ казеннымъ жалованьемъ не будетъ у него униженія и излишняго опасенія оскорбить какого-либо деревенскаго самодура-кулака или пьянаго навязчиваго крестьянина; но зато будутъ ровныя, спокойныя, полныя достоинства и въ то же время истинно пастырскія, отеческія отношенія. Разумѣется, тогда не будутъ уже во время престольныхъ праздниковъ вваливаться съ крикомъ и шумомъ въ дома священно-церковнослужителей пьяные крестьяне, часто съ пьяными же бабами, „за праздничнымъ“. Не станутъ они нахально требовать себѣ водочнаго угощенія подъ угрозою, что неугощающихъ ихъ водкою они „надѣлятъ“ хлѣбомъ не будутъ. Этотъ грубый обычай во множествѣ приходоѡ прочно еще и теперь держится. Тѣ члены причтоѡ, которые угощаютъ въ храмовые праздники всѣхъ пьяныхъ посѣтителей водкою, пользуются ихъ благорасположеніемъ; а лица, не унижающіяся до обще-

нія съ пьяными гостями, часто не стоящими на ногахъ, падающими на что пошло, не стѣсняящимися пересыпать рѣчь свою крѣпкими словами, становится предметомъ всевозможныхъ пареканій, и прихожане очень скупо „надѣляютъ“ ихъ. Въ дома низшихъ членовъ причта—діакона и псаломщика пьяные врываются безцеремонно. Если *фортка* вечеромъ затворена, они *торкаются* въ ворота и стучатся въ окна, хотя бы даже уже и огни въ домѣ были потушены, и хозяйка спать легла... — „Отвори! — кричатъ эти незваные гости хозяину:—подай по стаканчику!.. А?! Не хочешь угостить?.. Ну, ладно! когда такъ, такъ къ намъ и за сборомъ не ѣзди!“.. Дикій хохотъ и площадная брань сопровождаютъ голоса пьяныхъ. Особенно тяжело бываетъ въ такой избалованный приходъ поступить новому пастырю, трезвому, къ нанибрательству съ пьяной ватагой не привычному, съ такимъ порядкомъ вещей не согласному. Напрасно будетъ онъ стараться заслужить любовь прихожанъ однимъ образцовымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Его стануть сильно не долюбивать. Почему?—Да потому, что когда въ престольные праздники подгулявшій народъ начнетъ заходить къ нему въ домъ за угощеніемъ, то убѣдится, что прежняго бражничанья ждуть нечего. По адресу новаго батюшки,—конечно, не въ его домѣ, а на сторонѣ—заочно,—будетъ слышаться самая грубая брань... Каково переносить все это пастырю?! Терпѣть—слишкомъ тяжело; бѣжать—некуда; убѣждать, доказывать—„въ стѣну горохъ кидать“.—Мы знаемъ такіе приходы, куда нѣкоторые священники ни за что прощія о переводѣ не подадутъ, хотя и находятъ ихъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполне для себя подходящими.

Вести себя съ прихожанами обезпеченное духовенство будетъ такъ же просто и доступно, какъ и сейчасъ, если еще не лучше. Въдѣ всѣми давно сознано и признано, что частая перемяна мѣстъ священно-церковнослужителями вредно отзывается на религіозно-правственной жизни прихода. Съ обезпеченіемъ же одинаковымъ содержаніемъ всѣхъ вообще

причтовъ само собою сократится до minimum'a такъ обыкновенное пока постоянное перекочевываніе членовъ причтовъ, вызываемое большею частію поисками болѣе обезпечивающихъ въ матеріальномъ отношеніи приходовъ. Тогда каждому священно-церковнослужителю волей-неволей придется стараться сжиться со своимъ приходомъ, сродниться съ нимъ душою, къ обоюдному благу и удовлетворенію. А это-то и есть самое главное и важное... Проникшись такою рѣшительностью, каждый членъ причта будетъ стараться какъ можно болѣе благоустроить приходъ во всѣхъ отношеніяхъ; будетъ зорко слѣдить за направленіемъ религіозно-правственной жизни прихожанъ; станетъ энергично, и вмѣстѣ съ тѣмъ тактично, противодѣйствовать распространенію въ приходѣ вредныхъ лжеученій и грубыхъ пороковъ. Съ особенной любовью будетъ относиться и къ благоуукрашенію храма, и къ устройству школы; примется и за разведеніе хорошаго садика въ усадьбѣ занимаемаго имъ церковнаго дома и т. и.

Епархіальныя начальства иногда стараются препятствовать частому передвиженію священно-церковнослужителей разными принудительными мѣрами, но достигаютъ сравнительно не многого; да и сами начальствующіе ясно видятъ, что просьбы большинства вполне уважительны... За что же, въ самомъ дѣлѣ, держать однихъ и тѣхъ же лицъ на крайне бѣдныхъ мѣстахъ, когда видятъ, что другимъ посчастливилось сразу устроиться на мѣстахъ, втрое и вчетверо богатѣйшихъ? Нормально ли это?—Конечно, нѣтъ. А будь во всѣхъ приходяхъ одинаковое казенное жалованье, какъ хорошо всѣ чувствовали бы себя!..

Откуда же взять средства на жалованье духовенству, и каковъ долженъ быть размѣръ жалованья, объ этомъ много уже напечатано дѣльныхъ статей.

Остается только пожелать, чтобы какой-нибудь изъ предлагаемыхъ проектовъ былъ принятъ Правительствомъ, и духовенство получило то, чего оно уже такъ давно ждетъ.

Свящ. М. Трошкій.

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

II.

„Страхъ правилъ людьми, крестьяннигъ боялся барина, дьячокъ батюшки, батюшка благочиннаго, благочинный архіерея и консисторіи“. Таковы невеселыя условія, среди которыхъ протекала жизнь въ крутогорскомъ приходѣ. Если сюда прибавить еще одинъ страхъ—страхъ куска хлѣба и завтрашняго дня, то на сѣромъ, скучномъ и тяжеломъ фонѣ этихъ условій едва ли можно было выпуклѣе и ярче начертать образъ о. діакона, какъ это сдѣлалъ г. Елнатъевскій. Это—не фотографія только,—это цѣлый типъ, которому не суждено, вѣроятно, долго умереть и отойти въ область преданій потому, что еще слишкомъ глубокими корнями сидятъ и въ современной приходской жизни условія, этотъ типъ создавшія. Двѣ-три несущественныя поправки въ названіяхъ, двѣ-три, можетъ быть, новыхъ черточекъ—и въ сущности передъ нами современный о. діаконъ весьма значительной части великорусскихъ приходовъ.

„Я помню его съ косою въ рукѣ, съ тяжелымъ цѣпомъ, который онъ сдѣлалъ нарочно для себя; помню его въ церкви, помню сидящимъ за столомъ въ ожиданіи обѣда, съ задумчивыми глазами, углубленнымъ въ свои мысли, и всегда на лицѣ его лежало одно и то же выраженіе—забота...“ Онъ боялся священника, чтобы не наговорилъ чего благочинному; боялся благочиннаго, чтобы не аттестовалъ какъ-нибудь плохо архіерею; боялся училищнаго начальства, чтобы оно не сдѣлало зла моему брату или мнѣ; и въ особенности боялся этого страшнаго мѣста, которое называется констато-

¹⁾ См. № 26. 3 т. 1905 г.

ршей, гдѣ безцеляціонно рѣшалась судьба духовныхъ семей, и отъ которой въ будущемъ зависѣли его сыновья и дочери“.

И развѣ этотъ страхъ былъ безпричиннымъ? — Думаемъ, что по всему широкому лицу Русской земли и до днесь никто не найдетъ ни одного не только о. діакона, а, пожалуй, и батюшки, который, положя руку на сердце, могъ бы сказать, что этотъ страхъ не ощущался въ его груди,—не страхъ виноватаго, а страхъ бѣды, опускающейся часто тучей, часто ураганомъ, еще чаще—постояннымъ мелкимъ, холоднымъ, ѣдкимъ дождемъ начальническаго каприза или прихоти, безъ основательнаго перѣдко повода со стороны того, кого постигаетъ бѣда. Кто, напр., изъ приходскаго сельскаго духовенства въ той или иной, меньшей или большей мѣрѣ не испыталъ гнетущей унижительности консисторскаго „наѣздничества“, одну изъ безобразныхъ картинъ котораго такъ правдиво изображаетъ г. Елпатьяевскій?.. Въ Крутыхъ Горахъ—храмовой праздникъ. Собралось со всей округи духовенство съ семьями. Идетъ скромное, здоровое веселье: дѣловые разговоры стариковъ, шутки, пѣніе, игры молодежи. Забыты мелкія горести, оставлены на время нерадостныя думы о тягостяхъ приходской жизни... Настроеніе у всѣхъ приподнятое, радостное. И вдругъ—„въ самый разгаръ праздника,“ рассказываетъ авторъ, — когда накрывали обѣденные столы, мимо нашего дома съ громомъ бубенчиковъ и колокольчиковъ проѣхалъ по направленію къ священнику тарантасъ, запряженный парой лошадей.

— Ремизовскаго батюшки лошади, — съ удивленіемъ смотрѣлъ въ окно отецъ, и вдругъ поблѣднѣвъ и испуганнымъ шопотомъ выговорилъ:

— Егоръ Семенычъ!..

„Горницу какъ выдуло. Одишь по одному гости разбрелись въ садъ, со столовъ все убрали, на закусочномъ столѣ появилась водка, ромъ, коробочка сардинокъ, въ сѣняхъ раздували самоваръ. Отецъ суетился, прибирая комнату, надѣлъ

рясу, долго копался въ своей коморкѣ, и я видѣлъ, какъ вынималъ деньги изъ своего шкапчика.

„Я былъ посланъ къ батюшкиному двору сторожемъ предупредить, когда пойдетъ къ намъ страшный гость.

Это былъ знаменитый въ губерніи консисторскій чиновникъ. Онъ занималъ ничтожное мѣсто, *постыдная мида въ консисторіи*, какъ выражался дядя Николай Михайловичъ; но его сестра была замужемъ за консисторскимъ секретаремъ, и въ губерніи всѣ знали, что проникнуть къ секретарю можно только чрезъ Егора Семеновича.

„Всякое лѣто онъ разъѣзжалъ по губерніи изъ прихода въ приходъ, безъ просыпа пьяный, вездѣ угощался и у всѣхъ требовалъ денегъ.

„Теперь пришелъ чередъ нашему уѣзду.

„А въ домѣ матушки происходила унизительная и омерзительная сцена.

„На батюшкиномъ диванѣ, скинувши сапоги, въ грязныхъ портянкахъ, въ изорванномъ и вымазанномъ шиджакѣ, грязный и пьяный, лежалъ пріѣзжій. Онъ трясъ кулакомъ и прерывающимся отъ икала, слабымъ перешитымъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ вы всѣ гдѣ у меня!—онъ сильнѣе вытянулъ кулакъ и засмѣялся.—Хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю.

„Печпчатная ругань сопровождала жестъ.

„А у изголовья его сидѣлъ о. Демидъ и, улыбаясь своимъ гнилымъ ртомъ, льстиво поддакивалъ и все повторялъ:

— Ужъ вы, Егоръ Семенычъ, мимо не проѣзжайте,—обидите... Угощу, будьте покойны, найдется для дорогого гостя.

„Передъ диваномъ стоялъ батюшка и тоже старался улыбаться своимъ испуганнымъ, какъ у отца, лицомъ; а матушка, всегда такая тонная и важная своимъ профессоромъ-

сыномъ, стояла съ подносомъ съ чаемъ и ромомъ и кланялась и упрашивала гостя отвѣдать чайку.

— Не таранты, таранта!—оборвалъ пріѣзжій о. Демида:—и безъ тебя знаю... Эка удивилъ,—угощу—угощу... Знаю я про твое угощеніе-то... Посмотрѣлъ бы я, какъ ты меня не угостишь! Вы чего молчите?—кричить онъ на притихшихъ гостей.

„И долго тянется безобразная сцена. Подлое, слонявое *клевшинное рыло* все бахващется и сыплетъ непечатной руганью, и гризный, пьяный мерзавецъ все куражится надъ испуганными, загнившими рабами, не смѣвшими уйти изъ комнаты.

„Я видѣлъ, какъ совалъ ему деньги батюшка, а гость трясущимися руками безцеремонно пересчитывалъ ихъ и бросалъ ему въ лицо,—и батюшка извинился и прибавлялъ еще; я видѣлъ, какъ батюшка и о. Демида услужливо подсаживали въ тарантасъ еле державшагося на ногахъ негодяя и все кланялись и благодарили за носѣщеніе“...

Извиняемся за эту большую выдержку. Но она слишкомъ выразительна, жизненно-правдива и главное—цѣнна, какъ печальный показатель полной почти правовой беззащитности, питающей собою нерѣдкіе и поднесъ въ духовенствѣ примѣры угодливости, искательства и лицемѣрнаго подобострастія съ одной стороны и поразительной запуганности—съ другой...

„*Бѣда* (продолжаемъ)—постоянный кошмаръ въ нерадостной жизни крутогорскаго о. діакона. Ея призракъ положилъ на лицо о. діакона печать постоянной замкнутости и боязливой озабоченности. Ея призракъ заставляетъ его инстинктивно трепетать предъ помѣщицей только потому, что она знакома съ владыкой и можетъ при случаѣ сказать: крутогорскій, моль, діаконъ неблаголѣпно служить, и тогда... пропаль“. Этотъ же страхъ возможной бѣды заставляетъ несказанно волноваться о. діакона въ ожиданіи пріѣзда архіерея, дрожать его голосъ въ церкви, выводить семью: жену,

бабушку, дѣтей въ дождливый день и держать ихъ распротертыми ничкомъ на землѣ въ грязи на пути слѣдованія архіерея изъ церкви въ домъ священника... Отъ страха къ страху—вотъ однообразная и жуткая линія всѣхъ дней жизни о. діакона до могильнаго покоя... Отъ страха предъ начальствомъ къ страху предъ возможной катастрофой матеріальнаго благосостоянія. Громадная семья, много ртовъ, требующихъ хлѣба, и всегда близкая перспектива—пустить чуть не по міру дѣтей... Приходъ маленькій, доходы скудные; „три рубля за свадьбу (это на причтъ), 10 к. за годичное поминовеніе усопшихъ, три коп. молебень, столько же за панихиду, аналогичная плата за другія требы—вотъ и всѣ денежные доходы... Остальное—рожью и овсомъ, коровьями хлѣба, яйцами!!. Крестьянскій, черныи, малоблагодарный трудъ на причтовомъ участкѣ... А тутъ куча дѣтей: старшій сынъ въ семинаріи на вольной квартирѣ, за которую нужно было платить, въ двери стучалась мода—и кринолины, и барежевые платья, и полусаножки, и бархатки, и сѣтки на голову. Какъ ни скромно все это дѣлалось, однако на все это нужны были деньги, и все это нужно было дѣлать, чтобы не отстать отъ другихъ, не осрамить старшую сестру, которая вотъ-вотъ въ невѣсты выйдетъ. Росла и забота. Нужно было думать о приданомъ, безъ котораго въ духовествѣ не брали невѣсты; поговаривали объ отправкѣ меня (автора) въ духовное училище, а тамъ шли Варька, Даша, Митя, и родились еще новыя дѣти...”

И вѣчно словно смутное предчувствіе какого-то большаго несчастья висѣло надъ о. діакономъ...

„О, не за себя боялся отецъ! только за насъ,—говоритъ авторъ,—за насъ малыхъ, чтобы не остались послѣ него сироты“. Заболѣй опъ (а это было такъ легко), стори домъ, никогда не страховавшійся, случись падежь скота,—и все рухнетъ...”

Невыразимое, до боли жгучее состраданіе щемить сердце, когда пробѣгаешь строки, изображающія эту затаенную скорбь

великой души малаго человѣка. Да, великой души... Мелкая душа въ такой обстановкѣ безобразится. Душа крутогорскаго о. діакона въ той же обстановкѣ покоряется и възбываетъ просто умиленіе. Ни тѣни ропота, ни звука жалобы, ни слова осужденія кому-нибудь... „Я не помню, чтобы отецъ осуждалъ кого-нибудь“, говоритъ авторъ. Это—уже величіе духа, предъ которымъ наша притязательная, вздорная требовательность кажется такою пошлою... Откуда это величіе? Гдѣ его источникъ?—Пусть на это отвѣтитъ слѣдующая чудная страница „очерковъ“, которую безъ слезной дрожи нельзя читать. „Кончился рабочій день, уснуль усталый домъ... Отецъ молится. Чуть теплится лампада передъ образами, и въ выходящемъ красноватомъ пламени тускло блестятъ потемнѣвшіе серебряные вѣнчики надъ еле видными лицами старинныхъ иконъ, предъ которыми молилось столько поколѣній... Отецъ кладетъ поясные поклоны, касаясь пола концами пальцевъ, и чуть слышно шепчетъ свои вечернія молитвы, а я слѣжу съ своего войлока, какъ на бѣлой изразцовой печкѣ сгибается широкая тѣнь и снова выпрямляется и, странно перегнувшись, протягивается по потолку. Молитва все разгорается, громче и громче становится шопотъ, отецъ стоитъ на колѣняхъ и, поднявши голову къ образамъ, съ крѣпко прижатыми ко лбу пальцами, громко шепчетъ:

— Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Услыши мя, Господи!..

„Тѣнь сбѣжала съ изразцовой печки, большая темноволосая голова касается пола, и я слышу напряженный голосъ:

— Спаси, Господи, и помилуй!..

„И снова заросшее волосами лицо поднимается къ образамъ и такъ громко и напряженно шепчетъ:

— Помози... Помози...

„Удрученный заботами, вѣчно напуганный человѣкъ, съ горячей вѣрой простирается ницъ передъ Спасителемъ и го-

ворить, что его душа не знает покоя, и сердце полно страха; и плечи его сгибаются под тяжкимъ бременемъ жизни, и все шепчетъ:

— Помози... Помози“...

III.

Но на этой же почвѣ рокового историческаго неурюстройства приходской жизни выросли и мрачные характеры, характеры тяжелые и жесткіе. И это неизбѣжно. Не всякое сердце мирится такъ благочестиво съ беспросвѣтностью неблагодарнаго труда и жизненныхъ ударовъ, какъ мирился съ ними крутогорскій о. діаконъ. Натуры отъ природы угрюмыи болѣзненно воспринимаютъ неласковость и непривѣтливость жизни, жестѣютъ и озлобляются. О. Никифоръ „очерковъ“ Елпатовскаго—образъ въ этомъ отношеніи тоже типическій. „Чистый идолъ! звѣрь какой-то!“—говорила про него мать. И была по-своему права. Жену онъ вопхалъ въ чахотку, дочь ушла отъ невеселаго житья въ монастырь, сына погубилъ:—угрозою проклясть—не пустилъ его въ академію; сынъ спился, въ пьяномъ угарѣ женился, по настоянію отца, на некрасивой поповнѣ съ большимъ и богатымъ приходомъ, въ винѣ тошилъ свою несчастную судьбу и кончилъ карьеру разстригой и бездомовнымъ скитальцемъ.—Крутъ былъ о. Никифоръ. Коллизію долга и матеріальнаго обезпеченія онъ не смогъ разрѣшить правильно. Долгъ пастыреучительства былъ имъ принесенъ въ жертву заботамъ о кускѣ хлѣба. Десятками лѣтъ тянулася споръ между прихожанами и причтомъ изъ-за поемныхъ луговъ, безъ которыхъ мужикамъ жить нельзя было, и которыхъ духовенство уступить не хотѣло, потому что они составляли главный доходъ причта. О. Никифоръ, крутой и властный, захотѣлъ дѣло повернуть по-своему и еще болѣе обострилъ вражду съ „міромъ“. Онъ весь ушелъ въ сутяжничество и доносы. Судился и съ дьяконами, которые, по его мнѣнію, перекидывались на мужицкую сторону; и съ

благочиннымъ, который мнрволилъ мужикамъ; и съ консисторіей, которая потакала благочинному... И всю-то энергію уложилъ онъ въ это недостойное дѣло; всю душу засорилъ ненавистью и злобою на всѣхъ. Никто его не любилъ...

Не симпатиченъ, разумѣется, онъ и намъ. Но да будетъ съ чаши судебныхъ вѣсовъ, опускающихся внизъ подъ тяжестью его пастырскаго достоинства, снята большая доля отвѣтственности, и по праву возложена на совѣсть того безымяннаго злого генія, которому обязана жизнь русскаго священника всѣми своими матеріальными невзгодами и соединеннымъ съ ними калѣченьемъ его многострадальной души...

— „Хоть бы кого пожалѣть!“—говорилъ про него смиренный крутогорскій о. діаконъ.

Пожалѣть ли *его* хоть кто-нибудь?—спрашиваемъ мы, ставя этотъ вопросъ въ примѣненіи не къ одному несчастному о. Никифору, а къ воплощенному въ его лицѣ русскому священнику вообще...

Цѣлыя столѣтія стоитъ онъ забытый среди быстро измѣняющейся и какъ-никакъ во всѣхъ другихъ областяхъ улучшающейся общественной жизни; обездоленный матеріально, полупрезираемый классомъ образованнымъ, не знающимъ милостивой поддержки съ той стороны, гдѣ по праву могъ бы рассчитывать на внимательное сочувствіе, защиту и сердечную братскую помощь; одинокій со своимъ горемъ, изнемогающій подъ бременемъ великой правственной отвѣтственности, связанной съ его священнымъ саномъ. Немудрено, если при такихъ условіяхъ среда нашего пастырства такъ часто бываетъ непроглядно темна и бѣдна положительнымъ содержаніемъ. И когда въ этой темнотѣ тамъ или здѣсь блеснетъ лучъ свѣта, промелькнетъ образъ яркой правственной силы, на мновеніе отляжетъ отъ души, и забываешь на время безрадостную дѣйствительность.

IV.

Къ образамъ такого порядка принадлежит о. Кирилль г. Елпатьевскаго. Безспорно, это наиболѣе привлекательный,— послѣ крутогорскаго о. діакона,—болѣе того—чарующій образъ пастыря, очерченный авторомъ художественно выразительными, исчерпывающими линиями, безъ малѣйшей утрировки, любовно и искренно. По яркости, силѣ, правдивости обрисовки о. Кирилль несомнѣнно займетъ въ беллетристической литературѣ мѣсто на ряду съ классическими фигурами героевъ „Соборангъ“ Дѣскова. Прочитать только одинъ разъ этотъ очеркъ почти не возможно. Читать безъ глубокаго душевнаго волненія—немыслимо. Секретъ ли это художника-автора, или обаятельность образа о. Кирилла,—но, пробѣгая чудныя страницы очерка, чувствуешь, что живешь такимъ подъемомъ хорошаго, бодрящаго настроенія, какъ будто тебѣ лично сказали что-то невыразимо трогательное, ласкающее, задушевно-сердечное... Можетъ быть, здѣсь много говорить сердцу то, что о Кирилль изображенъ въ очеркѣ въ грустной обстановкѣ его личной душевной драмы, которая такъ перѣдко вынадесть на долю нашего пастырства...

О. Кирилль—иннокъ, ушедшій въ монашество послѣ потери любимой молодой жены. Онъ—родной братъ крутогорскаго о. діакона, въ мірѣ Кодратій Лукьяновичъ. Жизнь его до семейной катастрофы сулила ему, по всѣмъ даннымъ, полную чашу счастья. „Истинно красавецъ былъ изъ себя (семинаристомъ);—описывать его съ материнскою нѣжностью бабушка автора:—волосы длинные носилъ, кудрями висилъ; стихи сочинялъ;—семинаристы въ тетрадки списывали, наизусть заучивали... На флейтѣ какъ игралъ—заслушасься!.. На гусяхъ тоже... И веселый, развеселый!“

Но веселость и жизнерадостность Кодратія Лукьяновича не были выраженіемъ душевной легкости, молодого фатовства или „пустопорожняго“ кавалерства. Это были естественныя спутники глубокоодаренной натуры, рано узнав-

шей и любившей трудовую жизнь, хорошо направленной и умѣвшей браться отъ скудныхъ подаяній судьбы все, что шло только на положительную выработку характера, сильнаго внутренними цѣлностями.—Трудъ семинарскаго класса давался ему сравнительно легко. Во всемъ его сопровождала удача. Съ философскаго класса онъ—ужь на урокъ въ барскомъ домѣ, зарабатываетъ деньги; на лѣто ѣздитъ съ учениками въ ихъ имѣнье... Заработанныя деньги давали ему возможность удовлетворять природному запросу на самообразование. Онъ покупалъ себѣ книги.—„Какъ онъ книги любилъ!—разсказываетъ мать:—все бывало покупаетъ, покупаетъ... Что отъ барыни получить, все туда же; по ночамъ сочиненія писать за двугривенный богатенькимъ протоиерейскимъ сынкамъ-лѣтямъ—все изъ-за книгъ... И сколько книгъ у него было, какъ семинарію кончилъ, кажется, и не видѣли никогда!“ И книги, по тому времени, не мало стѣянныя и солидныя... Полное собраніе сочиненій Марлинскаго, барона Брамбеуса, Лажечникова, Полевого, Загоскина; много стихотворцевъ: Державинъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій, Козловъ, Карамзинъ (полная „Исторія Государства Россійскаго“)... т. е. такая библіотека, десятой доли которой не было ни у кого, считая и городскихъ священниковъ, во всей округѣ, удовлетворявшей въ то время (30-е годы прошлаго столѣтія) Суворовымъ, жителями святыхъ и „Черной женщиной“..

Кончилъ курсъ Кондратій Лукьяновичъ по первому разряду, получилъ сразу богатый приходъ, женился по собственному выбору на доброй, красивой, любящей дѣвушкѣ. „Пувезъ онъ въ село, въ новый домъ, на счастливую жизнь молодую жену Катерину Петровну и свои книги, флейту и гусли“... для того, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, подъ натискомъ внезапно разразившейся бури, потерять разомъ все семейное счастье. Жена умерла за первыми родами. Чрезъ полгода умеръ и ребеночекъ...

Несчастье—слишкомъ жестокое по неожиданности и размѣрамъ, подъ тяжестью котораго погибало безвозвратно—и

погибаетъ теперь—столько молодыхъ, неисчерпанныхъ пастырскихъ жизней...

Два года быть о. Кондратій „не въ себѣ“.. Службы не служилъ, людей плохо узнавалъ... Бродилъ по безвѣстнымъ часто мѣстамъ, избывая свою избытчную тоску... Даже пить принимался.

Но, видно, недаромъ работалъ онъ надъ собою раньше, видно—не безслѣдно прошелъ по нему серьезный, христіанскимъ духомъ проникнутый, истово патріархальный строй жизни въ родномъ гнѣздѣ. Характеры съ такой серьезной заправкой не могутъ погибать. Великое счастье христіанскаго воспитанія въ старыхъ семействахъ нашего духовенства,— счастье, многимъ, къ сожалѣнію, мало видимое и цѣнимое,— состоитъ въ томъ, что воспитаніе перековывается—и именно въ лучшую сторону—для доброй жизни и сраженныхъ и надломленныхъ горемъ людей...

Не погибъ, поэтому, и о. Кондратій. Сердцемъ умная мать нашла средство во-время и успѣшно разрѣшить мучительную тоску больного сына. Она направила ее въ міръ тѣхъ впечатлѣній, гдѣ отдыхаетъ и воскресаетъ всякая христіанская скорбящая и смущенная совѣсть. Съ больнымъ сыномъ, въ одеждѣ страннической, она долго ходила по святымъ русскимъ мѣстамъ, отстраняя отъ него грустныя воспоминанія пережитаго горя. Результатъ получился благой: подъ впечатлѣніемъ святынь душа о. Кондратія умиротворилась, острая боль горестной утраты замолкла, и о. Кондратій возвращень былъ къ жизни,—мо уже какъ инокъ Кирилль...

Въ очеркѣ мы читаемъ разсказъ не объ о. Кирилль-монахѣ, какъ мы привыкли представлять себѣ русскаго монаха, отгороженнаго накрѣпко отъ мірскаго жизни и ея нужды, но о Кирилль-печальникѣ и любимомъ наставникѣ народа, который и въ иноческой одеждѣ оставался въ сущности, священникомъ мірскимъ, и пастырское вліяніе котораго обни-

мало всю округу около заброшенной Демьяновой пустыни (гдѣ онъ состоялъ инокомъ).

Очеркъ объ о. Кириллѣ написанъ авторомъ не въ формѣ послѣдовательной біографіи,—и отъ этого безусловно рассказъ выплываетъ въ художественной силѣ.

Священникъ *Евг. Капраловъ*.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Вспоминается мнѣ то время, когда я впервые ѣхалъ въ одно изъ мѣстечекъ юго-западнаго края, куда незадолго передъ тѣмъ былъ перемѣщенъ мой отецъ. День былъ лѣтній, ясный. Лошадка бѣжала бойко. На душѣ чувствовалась какая-то особенная радость. Я заговорилъ съ ямщикомъ. Парень оказался малымъ разговорчивымъ и довольно остроумнымъ. Изъ его разсказовъ я узналъ, что мѣстность, гдѣ мнѣ предстояло жить, населена преимущественно поляками-католиками, что хотя и есть православные, но ихъ въ мѣстечкѣ не много, что церковь—очень старая.

— А ты самъ—православный?—спросилъ я ямщика.

— Православный,—отвѣтилъ онъ съ отгѣнкомъ не то грусти, не то досады.

Я сталъ разспрашивать ямщика о священникѣ и его семьѣ.

— Батюшка нашъ—человѣкъ недобрый, какой-то сумрачный, плохо живетъ съ своею женою; а впрочемъ, Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ.

Разговоръ на этомъ какъ-то оборвался.

Между тѣмъ, изъ-за небольшой возвышенности открылось мѣстечко. Еще 10—15 минутъ, и я былъ уже въ объятіяхъ матери. Посыпались вопросы, начались бессистемные разговоры послѣ долгой разлуки.

Вскорѣ я приобрѣлъ довольно много знакомыхъ. Но никто изъ нихъ не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ священникъ и его жена.

Онъ былъ низенькаго роста, сухощавый; лицо его имѣло нѣсколько непріятное выраженіе, въ глазахъ сквозило то какое-то презрѣніе, то злоба, изрѣдка—апатія, полное равнодушіе ко всему окружающему.

Жена его была женщина полная, веселая, но черезчуръ развязная. На первый взглядъ она производила даже хорошее впечатлѣніе, благодаря своей виѣшности; но стоило разглядѣть ее поближе, и все обаяніе исчезало. Въ ея глазахъ было что-то хищное, что-то несвойственное человѣку.

Я изрѣдка посѣщаль этотъ домъ. Однажды я засталъ о. Андрея за столомъ,—онъ что-то писалъ.

— Что вы дѣлаете, о. Андрей?—спросилъ я.

— Да вотъ, видите ли, получилъ изъ консисторіи бумагу по одному дѣлу.

— По какому это?

— Да тутъ у меня произошелъ непріятный случай съ прихожаниномъ: онъ пакляузничаль на меня, прислали комиссію и начали разслѣдованіе... Вотъ теперь все и вожусь съ этимъ...

Много разъ съ тѣхъ поръ заставлялъ я о. Андрея въ раздумьи за письменной работой: его дѣло принимало очень плохой оборотъ. Только и разговора бывало между нами, что по поводу какого-либо извѣстія о ходѣ разслѣдованія. Онъ ничего не хотѣлъ знать, его вся мысль была направлена на то, чтобы наказать обвинителя. Онъ измышлялъ всевозможные проскты для своего оправданія, хватался за всякаго, какъ утопающій за соломинку, чтобы поговорить съ нимъ о дѣлѣ, попросить совѣта. Грустно было слушать его родчасъ злобную рѣчь о неправдѣ, но въ душѣ слушателя какой-то тайный голосъ говорилъ всегда, что дѣло не таково, какъ представляетъ его о. Андрей. И дѣйствительно, изъ распро-

совъ у знакомыхъ я узналъ, что доносъ былъ сдѣланъ не по одной лишь злобѣ, что за о. Андреемъ числились кое-какіе проступки, о которыхъ и узнало изъ доноса епархіальное начальство.

Отношенія мои къ о. Андрею нѣсколько измѣнились. Мнѣ было жаль его попрежнему, но сочувствовать ему я не могъ; напротивъ, онъ сталъ вызывать во мнѣ недобрый чувства по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія моего съ окружающею жизнью и его пастырскою дѣятельностью.

Приходъ о. Андрея, насчитывавшій около 3000 душъ, былъ раскинутъ на десятки верстъ во все стороны, и на всемъ этомъ протяженіи была лишь одна церковно-приходская школа въ мѣстечкѣ. Понятно, что отдаленныя деревни не присылали своихъ дѣтей въ школу, да и изъ окрестныхъ деревень дѣтей собиралось такъ много, что очень многимъ приходилось отказываться за недостаткомъ мѣста. Разъ какъ-то я заговорилъ было съ о. Андреемъ о томъ, что нужно было бы открыть еще хотя одну школу; но онъ, словно не понявъ меня, началъ рассказывать о томъ, какъ допрашивалъ его по поводу доноса благочинный, и какъ, несмотря на все ухищренія опутать его, благочинному это не удалось. О своей школѣ о. Андрей зналъ лишь по наслышкѣ. Изъ разговора съ учителемъ я узналъ, что о. Андрей не преподаетъ въ школѣ Закона Божія, а поручилъ это дѣло ему, уступивши и самое вознагражденіе за преподаваніе, лишь бы только сбыть „тяжелую обузу“.

— Такъ я и занимаюсь все время съ учениками по Закону Божію; только когда пріѣзжаетъ наблюдатель, то посылаю за батюшкой,—закончилъ учитель.

— Боже мой!—невольно думалось мнѣ:—гдѣ же тутъ пастырская забота о воспитаніи чадъ Церкви? гдѣ тутъ любовь къ людямъ, если изъ-за личнаго спокойствія пастырь бросаетъ дѣло воспитанія подрастающихъ поколѣній, если онъ цѣнитъ свой покой выше святого служенія людямъ?.. Гдѣ святыя школьныя порывы юности, готовый все принести для счастья другихъ?.. Они исчезли при первомъ столкновеніи

съ дѣйствительностью, — исчезли потому, что для нихъ не было приготовлено въ душѣ надлежащей почвы.

О томъ, что добрый пастырь обязанъ учить свою паству хотя бы въ храмѣ, о. Андрей какъ будто и не зналъ совѣмъ. Придешь, бывало, въ церковь. Среди шопота молитвъ, произносимыхъ набожными устами, раздаются отрывистые, сухіе возгласы священника, а за ними — невнятное чтеніе и гнѣсявое пѣніе псаломщика. Никакого религіознаго одушевленія, никакой проникновенности святостью совершаемаго дѣла. Чувствуется, что и священникъ и псаломщикъ совершенно безучастно относятся къ тому, что дѣлаютъ, — смотря на церковную службу, какъ на скучную обязательную работу. Какая апатія въ выраженіи ихъ лицъ! сколько скрытой досады на что-то! Кончается служба, „труженики земли“ уныло бредутъ въ свои деревни, съ скорбными думами о тяжелой жизни, безъ всякаго ободренія со стороны пастыря, безъ указанія и наученія, что дѣлать, какъ жить... А какъ ждали, какъ хотѣли они этого наученія! Не забуду того праздничнаго дня, когда, пользуясь согласіемъ о. Андрея, я прочелъ народу за литургіей небольшое поученіе о необходимости терпѣливо переносить скорби жизни. Съ какою радостью, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушали они потрясающую повѣсть о страданіяхъ Спасителя! Тамъ и сямъ слышались подавленные вздохи, на глазахъ многихъ видѣлись слезы умиленія... Сухая почва жадно впитала въ себя живительную влагу. Съ тѣхъ поръ я всецѣло захватилъ въ свои руки дѣло проповѣди, получивъ отъ о. Андрея на это полное согласіе. И сколько получилъ я за это выраженій любви и уваженія! сколько изъявленій искренней благодарности, чистыхъ, восторженныхъ пожеланій счастья!...

Для меня было ясно теперь, что народъ требовалъ духовной пищи, и что онъ съ охотой откликнулся бы на слово пастыря, если бы только послѣдній пожелалъ дать имъ эту пищу. Пользуясь своею близостью къ о. Андрею, я неоднократно рассказывалъ ему о томъ, въ какомъ большомъ ходу

теньерь чтенія съ туманными картинами, намекая, что недурно было бы и ему завести такія чтенія. Но боялся ли онъ заводить повнества, не вѣрилъ ли въ хорошіе результаты ихъ, или же просто не чувствовалъ въ этомъ никакой нужды,—осталось для меня тайной. Чтеній онъ такъ и не завелъ, несмотря на неоднократныя обѣщанія, которыя всегда давалъ, чтобы только покончить, какъ я думаю, этотъ неправившійся ему разговоръ.

Всякій разъ, когда я вспоминаю теперь о. Андрея, мнѣ невольно хочется сравнить его съ улиткой, спрятавшейся въ свою раковину. Всегда замкнутый въ себя, чуждый почти всякаго проявленія своей дѣятельности во-внѣ, онъ дѣйствительно былъ похожъ на улитку. Никакой инициативы, никакой почти пастырской дѣятельности; лишь одно чисто официальное исполненіе требъ, да и эти послѣднія исполнялись имъ спѣшно, послѣ долгихъ часовъ ожиданія и предварительнаго соглашенія съ прихожанами относительно платы...

— Больно суровъ нашъ батюшка,—говорили часто крестьяне.

И въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко приходилось мнѣ наблюдать за о. Андреемъ, когда къ нему являлись прихожане то за совѣтомъ, то съ требою. Заставивъ подождать известное время (иногда очень продолжительное) просителя, онъ призывалъ затѣмъ пришедшаго къ себѣ, встрѣчалъ грознымъ, недовольнымъ возгласомъ, торопиль, смотрѣлъ исподлобья. Видно было, что ему не пріятны эти люди, не пріятны ихъ интересы, жалобы. Скажетъ бывало что-либо мужичку въ видѣ совѣта,—но скажетъ такъ грубо, сурово, что тотъ словно окаченный студеной водой выйдетъ изъ дома батюшки. Между прихожанами и о. Андреемъ существовали только чисто внѣшнія, формальныя отношенія. Пропасть, раздѣлившая ихъ, росла исподволь съ каждымъ новымъ днемъ, но о. Андрей не видѣлъ этого. Онъ мало-по-малу привыкъ смотрѣть на такое положеніе дѣла, какъ на естественное, и успокоился совершенно; а его бѣдные прихожане изнывали

подъ бременемъ жизни, томились въ умственной и нравственной темнотѣ и напрасно ждали помощи, руководства со стороны своего батюшки.

Мигънїе объ о. Андрѣѣ, какъ человѣкѣ суровомъ, недобромъ, не было мигънїемъ только простаго народа. И среди мѣстной интеллигенціи его не особенно любили. Нужно сказать, что мѣстечко, гдѣ жилъ онъ, было почти сплошь заселено католическими семьями служащихъ въ одномъ громадномъ польскомъ имѣніи. О. Андрей долженъ былъ встрѣчаться съ ними, поддерживать знакомство. Но тутъ-то онъ и не сумѣлъ поставить себя такъ, чтобы заслужить любовь и уваженіе. Его разладъ съ католическимъ ксендзомъ, начавшійся почти тотчасъ же послѣ перваго знакомства съ нимъ, повлекъ за собою то, что почти все католики-„паны“ стали сторониться о. Андрея; а присущая ему неделикатность въ обхожденіи, подчасъ—иногда нетактичность, неумѣнье поддерживать свой пастырскій авторитетъ въ частныхъ бесѣдахъ заставили его почти совершенно прекратить знакомства съ сосѣдями и упрочили за нимъ славу „нехорошаго батюшки“. Сохранивъ лишь кое-какія сношенія съ нѣсколькими домами православныхъ, о. Андрей, какъ улитка, ушелъ въ свою раковину—маленькій, старенькій домикъ, и заперся тамъ.

Что было главною причиною непрїятнаго характера о. Андрея, что содѣйствовало его превращенію въ пастыря-наемника, трудно сказать; но, думается мнѣ, немаловажную роль во всемъ этомъ сыграла его неудачная семейная жизнь.

Жена о. Андрея едва ли создава была для скромной роли матушки. Она не понимала, вѣроятно, на что шла, разочаровалась въ жизни, озлобилась и всю свою злобу вымещала на мужъ, такъ что домъ превратился въ какой-то адъ, гдѣ матушка играла роль злой фурии, а о. Андрей былъ жертвой. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какой-либо помощи мужу въ его пастырской дѣ-

ительности, о сердечномъ сочувствіи родственной души, ободряющемъ на новые подвиги служенія...

О. Андрей не выдержалъ такой пытки, съ своей стороны озлобился, и озлобленіе свое изливалъ на окружающихъ...

Благовѣстниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мѣры Греческаго Св. Синода къ прекращенію злоупотребленій въ преподаваніи Закона Божія въ основныхъ школахъ и ко введенію въ церковное богослуженіе византійской одногласной мелодіи.

15 сент. 1904 г. въ *Афинахъ* открыто новое засѣданіе Священнаго Синода Греческаго королевства подъ предѣлательствомъ митроп. *Теоклита*. Синодъ намѣтилъ для рѣшенія много важныхъ вопросовъ относительно средствъ къ поднятію уровня просвѣщенія въ греческомъ духовенствѣ, къ лучшему управленію монастырями, къ возвышенію нравственности въ народѣ и т. д. Онъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе и на преподаваніе Закона Божія въ школахъ, особенно основныхъ, и опредѣлилъ, чтобы школьные учебники по этому предмету предъ началомъ всякаго года представлялись Синоду для пересмотра, а рукописи—приготовленными спеціально для печати, такъ какъ ревизія школъ показала, что въ нихъ употребляютъ и такіе учебники, которые либо не были рекомендованы, либо не согласны съ одобренными для печати рукописями. Чтобы пресѣчь злоупотребленія, Синодъ на будущее время рѣшилъ провѣрять, насколько напечатанная по Закону Божию книга согласуется съ одобреннымъ рукописнымъ оригиналомъ, и если окажется въ ней разности, то учебникъ будетъ запрещенъ. Синодъ также обратилъ вниманіе на частныя и убыточныя въ бѣдныхъ приходскихъ церквахъ поминовенія ихъ благотворителей, которыя совершаются сборами по приходу на поминъ души и на счетъ

церкви. Признавъ такой обычай ненормальнымъ, Греческій Синодъ разослалъ енархіальнымъ архіереямъ окружное посланіе, которымъ опредѣляетъ на будущее время совершать поминованіе благодѣлителей приходской церкви въ одинъ опредѣленный въ году день.

Живой интересъ возбуждаетъ въ греческомъ священствѣ и обществѣ (да и на всемъ православномъ Востоку вообще) вопросъ: какъ лучше устроить *церковное пѣніе*? При этомъ имѣется въ виду не театральное пѣніе, которое доставляетъ присутствующимъ лишь эстетическое наслажденіе, но оригинальные церковныя нагѣвы, употреблявшіеся въ древнія времена христіанства и сохранившіеся въ византійской церковной традиціи. Нагѣвы эти вызываютъ въ сердцахъ вѣрующихъ искреннее религіозное расположеніе и вполне отвѣчаютъ духу православнаго богослуженія. Центромъ, въ которомъ сохраняется оригинальная церковно-музыкальная православная традиція, является Цареградская патріархія; изъ Царьграда она распространилась по всему Востоку. Церковь королевства Греческаго обратилась по этому поводу съ просьбою къ Цареградскому патріарху Іоакиму Ш. По рекомендаціи патріарха, въ Аѳины вызванъ большой знатокъ церковнаго пѣнія Константинъ Псахосъ и назначенъ профессоромъ этого предмета въ Аѳинской консерваторіи. Псахосъ уже началъ тамъ преподаваніе. Къ нему поступило достаточно учениковъ, которые, по окончаніи курса, получаютъ право быть регентами церковныхъ хоровъ. Этимъ путемъ Св. Синодъ Греческой Церкви надѣется вывести изъ храмовъ четырехголосное пѣніе и опять ввести единогласную мелодію („*Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*“).

Редакторъ преподав. Киевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Киевъ, 22-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюля 10-го дня.

Содержаніе: Границы прихода.—Апокрифическія евангелія.—Поучительная
страничка изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси.—
На доброе дѣло.

Границы прихода.

Въ послѣднее время вопросъ о приходѣ сдѣлался у пастырей предметомъ живого обмѣна мыслей: ему посвящаются особыя собранія столичнаго духовенства¹⁾, его обсуждаютъ на Кіевскихъ пастырскихъ собраніяхъ²⁾, онъ освѣщается съ разныхъ сторонъ на страницахъ различныхъ епархіальныхъ органовъ³⁾. Этому оживленному обсужденію вопроса о приходѣ слѣдуетъ порадоваться, такъ какъ въ надлежащей постановкѣ церковно-

¹⁾ „Православно-русское Слово“, 1904 г., №№ 15, 16 и др.

²⁾ „Церковныя Вѣдомости“, 1904, № 49; Кіевскія епарх. вѣдомости 1904, №№ 46—49; 51—52; 1905, № 5.

³⁾ Ярославскія еп. вѣд., 1905, № 4; Подольскія еп. вѣд., 1904, № 24; ср. „Церк. Вѣстникъ“, 1905, № 3. Поповъ Д. свящ.—„Замѣтки приходскаго священника о возрожденіи церк. прихода“. 1904. Харьковъ.

религіозной жизни, безъ сомнѣнія, заключается одно изъ важныхъ средствъ къ уврачеванію различныхъ недуговъ приходской жизни: недостатка религіозно-правственнаго общенія пастырей и паствы, уклоненій отъ Церкви, религіознаго индифферентизма и т. д. Остается пожелать только, чтобы разрѣшеніе различныхъ недоумѣній въ современной церковно-приходской жизни шло въ надлежащемъ направленіи, соотвѣтствующемъ какъ интересамъ пастырей, такъ и нуждамъ пасомыхъ. Это возможно только при условіи безпристрастнаго отношенія духовенства къ такому или иному положенію вещей, созданному традиціей и требующему измѣненія. Главной точкой отсчета въ разсужденіяхъ о приходѣ должны быть интересы духовно-правственные, насколько, конечно, можно проводить послѣдніе при условіяхъ современной жизни. Если же мы будемъ исходить изъ интересовъ только матеріальныхъ, то многіе вопросы приходской жизни получатъ несоотвѣтствующую окраску, что вредно отразится на успѣхахъ дѣятельности приходскаго пастырства.

На первой очереди стоитъ вопросъ о границахъ прихода. Вопросъ этотъ тѣсно переплетается съ другимъ—брачнымъ вопросомъ. По словамъ свящ. І. Троицкаго, „брачный вопросъ—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ и до настоящаго времени, можно сказать, самое больное мѣсто въ приходской дѣятельности священника“¹⁾. Не одному священнику и не одну тяжелую минуту раздумья, тревоги и опасенія онъ доставилъ“, дополняетъ свящ. М. Камкинъ²⁾. Неопредѣленность границъ прихода, допускающая возможность перехода изъ одного въ другой, ведетъ за собой, съ одной стороны, полное незнакомство пастыря съ переходимъ населеніемъ, а съ другой—взаимныя пререканія священниковъ по поводу вѣнчаній лицъ, живущихъ въ чужомъ

¹⁾ „Вопросъ о приходѣ въ Кіевскихъ пастырскихъ собраніяхъ“. „Церковныя Вѣдомости“, 1904, № 49.

²⁾ „Приходскій вопросъ въ деревнѣ“. Ярославскія енарх. вѣдомости, 1905, № 4.

приходѣ и порывающихъ связь съ своимъ священникомъ въ отношеніи требъ.

Въ центральныхъ губерніяхъ, не отличающихся экономическимъ богатствомъ, сильно развитъ отхожій промыселъ. Есть такія мѣстности, гдѣ онъ служитъ не только подспорьемъ къ крестьянскому хозяйству, но даже единственнымъ источникомъ существованія ¹⁾. Въ такихъ случаяхъ крестьяне часто порываютъ всякую связь съ роднымъ приходомъ, пристраиваясь на жительство въ разныхъ культурныхъ центрахъ государства, и приходъ, такимъ образомъ, бѣднѣетъ. Съ улучшеніемъ экономическихъ сторонъ деревенской жизни, этотъ сильный отливъ населенія деревни долженъ сократиться. Но это—дѣло государства, и пастырскія собранія, конечно, не въ силахъ противодѣйствовать сокращенію членовъ прихода. Въ лучшемъ положеніи находятся приходы въ епархіяхъ южной полосы Россіи: Астраханской, Ставропольской, Донской, Екатеринославской, Херсонской, Волынской, гдѣ матеріальныя условія сельской жизни хороши, въ общемъ, настолько, что отхожій промыселъ весьма рѣдокъ, а нѣкоторыя губерніи (Астраханская, Ставропольская, Донская обл.) даже привлекаютъ къ себѣ выходцевъ изъ центральной Россіи. Вотъ почему и матеріальное положеніе священниковъ южныхъ епархій значительно лучше въ сравненіи съ епархіями центральной и сѣверной Россіи.

Но мы, конечно, не должны только въ матеріальныхъ сторонахъ видѣть всю невыгоду разложенія прихода. Мы указали на нихъ, какъ на фактъ, заставляющій думать о себѣ самымъ серьезнымъ образомъ. Тамъ, гдѣ эмиграція сопровождается полнымъ юридическимъ разрывомъ съ роднымъ приходомъ, дѣло обстоитъ сравнительно хорошо. Переселяясь, крестьяне приписываются къ сельскому обществу, входятъ въ составъ прихода и несутъ на ряду съ коренными жителями всѣ приходскія повинности. Выправивши метрики дѣтямъ для посту-

¹⁾ Ярославскія епарх. вѣд., 1905, № 5, стр. 67.

пленія въ школу и для брака, они вычеркиваются изъ духовныхъ росписей родного прихода и вписываются въ росписи прихода новаго. Насколько законенъ такой порядокъ, объ этомъ не думаютъ; но, тѣмъ не менѣе, это дѣлается безъ всякихъ задержекъ, и отъ такого порядка перечисленія изъ одного прихода въ другой неудобствъ никому не бываетъ. Священникъ новаго прихода, на основаніи точныхъ документовъ и личнаго знакомства, убѣждается въ гражданской и духовной надежности новыхъ приходскихъ членовъ; всѣ его пастырскія отношенія къ нимъ юридически и канонически правильны. Но тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ элементомъ бродячимъ и кочующимъ, бываютъ положенія затруднительныя и безвыходныя. Священникъ часто бываетъ принужденъ вѣнчать неизвѣстныхъ ему лицъ на основаніи *только* документовъ, которые могутъ быть и подложными, а потому личности не устанавливаются. Да и духовнаго сродства между священникомъ и испрашивающими его молитвъ, вполнѣ естественнаго въ приходѣ, не можетъ быть тамъ, гдѣ священникъ является случайнымъ требоисправителемъ, а не пастыремъ въ собственномъ смыслѣ слова. Конечно, въ этомъ виновны не пастыри, а экономическія условія жизни, порождающія громадный контингентъ *кочующихъ*. И въ этомъ случаѣ необходимое прикрѣпленіе такихъ людей къ одному мѣсту является весьма желательнымъ, но опять касающимся компетенціи свѣтской власти.

Однако, бываютъ положенія такого рода, что предѣлы прихода могутъ быть обозначены и самимъ духовенствомъ. Подводя свой вопросъ къ этому, мы опять настаиваемъ, чтобы рѣшеніе его не имѣло своимъ исходнымъ началомъ только одни матеріальныя соображенія; а то вѣдь не рѣдки случаи, когда неопредѣленность границъ сосѣднихъ или близкихъ приходовъ, созданная условіями притока туда новыхъ элементовъ, совершившагося внѣ вѣдѣнія духовной власти, вызываетъ среди духовенства взаимныя пререканія на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. При переселеніяхъ отдѣльныхъ се-

мей и цѣлыхъ компаній на владѣльческіе (выкупленные надѣлы или помѣщичьи земли), а не на надѣльные участки бывають такіе факты. Переселившись на купленную землю, крестьяне часто предпочитаютъ не вычисляться изъ своей родной губерніи, волости, прихода. Въмѣсто этого, берутъ долгосрочные (до шести лѣтъ), паспорта, по которымъ и проживають на своихъ участкахъ. Живя здѣсь до смерти, такіе переселенцы, конечно, въ большинствѣ случаевъ, едва ли продолжаютъ числиться въ родныхъ приходахъ. Но, съ другой стороны, то обстоятельство, что они не порываютъ официальной связи съ родной губерніей, волостью, селомъ, естественно, вызываетъ неопредѣленность ихъ положенія въ отношеніи прихода: юридически они не могутъ быть выключены и изъ родного прихода, не могутъ быть и записаны тамъ, гдѣ поселились, хотя практически первое обычно. Но въ отношеніи записи въ новыхъ приходахъ получается такое явленіе: они числятся въ духовныхъ росписяхъ послѣднихъ „временно-проживающими“. Стоя, такимъ образомъ, внѣ прикрѣпленія коренныхъ членовъ новаго прихода къ послѣднему, переселенцы свободно выбираютъ между сосѣдними имъ священниками. Пока священникъ является въ отношеніи къ нимъ, какъ требоисправитель, они не представляютъ для него чего-либо тревожнаго, опаснаго. Но когда дѣло дойдетъ до браковѣчанія, то для священника наступаетъ большое затрудненіе. Къ этимъ, сравнительно рѣдкимъ, явленіямъ присоединяются обычныя распри сосѣднихъ священниковъ изъ-за нейтральныхъ переселенческихъ семействъ и колоній, не вошедшихъ въ составъ того или другого изъ сосѣднихъ приходовъ или не введенныхъ туда юридически. Въ послѣднихъ случаяхъ духовенство рѣдко обращается къ содѣйствію епархіальной власти. Предпочитають обходиться мѣстными средствами: „временно-проживающіе“ переселенцы сами выбираютъ себѣ одинъ изъ сосѣднихъ приходовъ—или по соображеніямъ удобства, или же по предубѣжденности и недовольству на причтъ другой сосѣдней церкви. Послѣднее бываетъ

иногда и „не безъ непохвальнаго участія въ семь дѣлѣ причта сосѣдняго прихода“¹⁾... Прискорбно слышать, когда съ цѣлью пріобрѣсти новыхъ прихожанъ пускаются иногда въ ходъ несовсѣмъ благовидныя средства. Въ родной намъ епархіи одинъ энергичный священникъ построилъ, съ помощью благотворителя, церковь-школу въ хуторѣ, принадлежавшемъ къ сосѣднему приходу, и такимъ путемъ присоединилъ этотъ хуторъ къ своему приходу... Если въ отношеніи къ нейтральнымъ пунктамъ такія дѣйствія не извинительны, то въ отношеніи къ чужой собственности они заслуживаютъ полнаго осужденія. Въ такихъ случаяхъ дѣло не обходится тихо, мирно: начинаются пререканія между причтами, проски, къ соблазну прихожанъ; иногда оба причта одновременно являются въ „спорное селеніе“ (при святохожденіи, славленьи)²⁾. Послѣ того, какъ славленье въ чужихъ приходахъ считается уже отжившимъ обычаемъ, не удобнымъ съ точки зрѣнія взаимной солидарности духовенства³⁾, подобныя факты должны быть трактуемы, какъ незаконныя: вмѣсто того, чтобы обратиться къ содѣйствію епархіальной власти, люди хотятъ рѣшить вопросъ своимъ судомъ. Въ результатѣ такихъ „самоуправствъ“ являются различныя судебныя процессы и *донесительства*, вообще—сутяжничество между причтами, совершенно нетерпимое тамъ, гдѣ поставляется цѣлью улучшение, а не разрушеніе жизни⁴⁾. Къ сказанному слѣдуетъ еще добавить, что мѣстное духовенство часто не имѣетъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы разрѣшить вопросъ о границахъ прихода въ болѣе или менѣе положительномъ смыслѣ. Мы не говоримъ о переселенцахъ, относительно которыхъ было бы весьма цѣ-

¹⁾ Ярославскія епарх. вѣд., 1905, № 5, стр. 59.

²⁾ Тамъ же, стр. 59.

³⁾ „Церковный вѣстникъ“, 1904 г., № 7, стр. 204—208. Ст. I. „Отжившій обычай“.

⁴⁾ Архангельскія епарх. вѣдом., 1904, № 2, 76—80; Новгородскія епарх. вѣдом. 1904, № 2, 100—104; Подольскія епарх. вѣдом., 1903 г.

лесообразнымъ издать особый законъ, по которому всякое переселеніе сопровождалось бы непремѣнной переноскою изъ родного прихода въ тотъ, куда кто переселяется, при чемъ послѣдняя необходимо должна принадлежать компетенціи власти или благочиннаго, или епархіальнаго начальства, которые могутъ безпристрастно рѣшить вопросъ о принискѣ переселенческаго пункта къ тому или другому изъ ближайшихъ приходовъ. Конечно, въ этихъ случаяхъ нужно считаться съ резонными желаніями самихъ переселенцевъ. При отсутствіи же такого постановленія, трудно ожидать, что въ подобныхъ случаяхъ вопросъ о предѣлахъ прихода будетъ разрѣшаться благополучно: соревнованіе сосѣдей-священниковъ въ пріобрѣтеніи новыхъ прихожанъ почти неизбежно, такъ какъ экономическій кризисъ деревни оцутительно даетъ знать о себѣ современному священнику. Насколько важны въ подобныхъ случаяхъ опредѣленія юридическія указанія, объ этомъ говорятъ факты, изъ множества которыхъ приведемъ одинъ.

„Дѣтъ тридцать тому назадъ, — рассказываетъ въ Ярославскихъ епарх. вѣдомостяхъ, крестьянинъ Ил. прихода купилъ землю въ сосѣднемъ приходѣ села Р. въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ церкви (и въ 8 верстахъ отъ прежней своей церкви), куда и переселился на постоянное жительство; но съ прежнимъ приходомъ связи, повидимому, не прекращалъ... Въ 1885 году онъ женилъ сына, и браковѣчаніе было въ Ил. церкви. Но съ его смертію, повидимому, прекратилось и отношеніе этой семьи къ причту Ил. церкви, а между тѣмъ все семейство покойнаго Р. продолжало значиться въ спискахъ этой церкви. Однако, года 4 тому назадъ оно было занесено и въ списокъ прихода Р... Года два тому назадъ крестьянинъ См. (этой семьи), вѣнчавшійся въ 1885 г. въ Ил. церкви, вступилъ во второй бракъ и повѣнчанъ въ церкви села Р. Бракъ этотъ и послужилъ поводомъ для Ил. причта принести жалобу на причтъ Р. *въ самоуправствѣ* въ благочиннической совѣтъ. Послѣдній, несмотря на долгое обсужденіе поданной жалобы, къ опредѣленному рѣшенію не пришелъ. „Благочинниче-

скій совѣтъ, не признавая причтъ Р. церкви виновнымъ въ самоуправствѣ, все же не рѣшаетъ утвердительно: въ какомъ приходѣ должно числиться семейство крестьянина См., и предлагаетъ причту Ил. церкви войти по сему вопросу съ прошеніемъ къ епархіальному начальству¹⁾.

Ясно, такимъ образомъ, что регламентация правилъ, регулирующихъ подобныя явленія въ вопросѣ о границахъ прихода, настоятельно необходима. Въ общихъ и основныхъ чертахъ она намѣчается самой жизнью. Обыкновенно тамъ, гдѣ отношенія между сосѣдями-священниками достаточно мирныя, переходъ земельный влечетъ за собою и переходъ въ отношеніи прихода. А гдѣ этотъ переходъ не прикрѣпляется къ землѣ (напр., у переходящихъ ремесленниковъ, пастуховъ, которые живутъ въ одномъ мѣстѣ только нѣсколько лѣтъ), тамъ перениска изъ духовныхъ росписей стараго прихода опредѣляется *давностью*, тѣмъ временемъ, которое провелъ новый приходскій членъ въ новомъ приходѣ. Съ такой точки зрѣнія и жалоба причта Ил. церкви на причтъ села Р. должна была бы быть всецѣло отвергнута, такъ какъ спорное семейство прикрѣплено къ приходу села Р. и въ отношеніи земли, которая находится въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ мѣстной церкви, и въ отношеніи давности, по которой оно должно быть занесено въ списки новаго прихода не спустя 24 года, какъ сдѣлалъ причтъ с. Р., а *вскорѣ послѣ переселенія*.

Высказывая желаніе законной формулировки границъ прихода, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что фактически необходимость этого сознается только въ случаяхъ требоисправленій. Много лѣтъ жилъ тихо-мирно крестьянинъ... Но случилось ему жениться, — и заговорили о его принадлежности къ приходу. Неужели — только потому, что для причта онъ важенъ, какъ платежная сила, которую интересно присоединить къ числу другихъ такихъ же приходскихъ силъ?... А гдѣ же пастырство и душепопеченіе? Неужели это на второмъ планѣ?...

Г. Поповъ.

¹⁾ Прославскія епарх. вѣдом., 1905. № 4, стр. 60—61.

Апокрифическія евангелія.

Апокрифическія евангелія начали появляться уже въ первомъ вѣкѣ христіанства, одновременно съ богодухновенными писаніями св. мужей. Указаніе на нихъ дѣлаетъ ап. Павелъ во 2-мъ посланіи къ солунянамъ (2, 2), которыхъ онъ убѣждаетъ не колебаться умомъ и не смущаться ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ *посланія, аки бы* отъ него, апостола, *посланнаго*, будто уже наступаетъ день Христовъ. Въ сознаніи вреда, причиняемаго нѣкоторыми подложными книгами чистотѣ истиннаго христіанскаго ученія, св. апостолы, — а за ними и пастыри и учителя Церкви, — старались не допускать ихъ до открытаго общественнаго употребленія въ Церкви. Они произносили осужденіе на такія книги, а распространителей ихъ отлучали отъ церковнаго общенія. Церковный судъ въ первый разъ выразился въ 60-мъ апостольскомъ правилѣ, которое говоритъ: „аще кто подложныя книги нечестивыхъ, яко святыхъ, въ Церкви оглашаетъ, ко вреду народа и клира, да будетъ изверженъ“⁴. Правило это направлено противъ книгъ, составлявшихъ собственно еретиками, которые, выдавая ихъ за произведенія свв. апостоловъ и другихъ учителей Церкви, пропагандировали такимъ путемъ свои ложныя мысли. Еретики утверждали, что ихъ книги перешли къ нимъ отъ апостоловъ по сокровенному преданію, а самой Церкви были не извѣстны, поэтому и назвали ихъ *апокрифическими*. Свв. отцы (Аѳанасій Великій, Василій Великій, Кирилль Іерусалимскій и др.) и первый вселенскій соборъ оставили это названіе за всѣми подложными и поврежденными книгами, въ отличіе отъ книгъ, принятыхъ Церковію за подлинно священные и названныхъ каноническими¹⁾.

¹⁾ Какъ относилась Церковь къ апокрифамъ, не содержащимъ въ себѣ ничего еретическаго, увидимъ ниже; но замѣтимъ, что отъ этихъ, явно подложныхъ, книгъ она всегда отличала другія, которыхъ

Апокрифическихъ сочиненій, относящихся къ первымъ вѣкамъ Церкви, очень много. Таковы, напр.: Письмо Иисуса Христа къ Авгарю, царю Едесскому, Письма Пресв. Дѣвы къ св. Игнатію, къ жителямъ Мессины и Флоренціи, Письма св. Павла къ Сенецкѣ, Дѣянія св. Павла и св. Феклы, разные апокалипсисы (апостоловъ, Богородицы, даже Адама, Авраама, Исаака). Но особенно много появлялось подложныхъ евангелій. Западные ученые насчитываютъ ихъ болѣе *сорока*, изъ которыхъ, впрочемъ, только *семь* дошли до насъ въ полномъ видѣ, именно: 1) Исторія Іосифа-древодѣла, 2) Евангеліе дѣтства Спасителя, 3) Первоевангеліе Іакова Младшаго, 4) Евангеліе Θомы-Израильянина, 5) Евангеліе рождества Маріи, 6) Исторія рожденія Маріи и дѣтства Спасителя, 7) Евангеліе Пикодима ¹⁾. О прочихъ евангеліяхъ извѣстно только по отрывкамъ, приводимымъ изъ нихъ отцами Церкви.

Апокрифическія евангелія, какъ и другіе апокрифы, сами по себѣ представляютъ весьма любопытный памятникъ древности. Къ тому же, въ нашемъ простомъ народѣ донынѣ сильно распространены апокрифическія сказанія о жизни и чудесахъ Спасителя и Божіей Матери. Народъ не сомнѣвается въ достовѣрности этихъ сказаній и ставитъ ихъ на ряду съ фактами, записанными въ каноническіе евангелія. На пастыряхъ Церкви лежитъ долгъ разъяснить псомымъ происхожденіе апокрифовъ и показать ихъ истинный смыслъ и значеніе. Въ виду этого, считаемъ не излишнимъ предложить благосклонному вниманію читателей нашего журнала помѣщаемую ниже статью объ апокрифическихъ еван-

только происхожденіе, подлинность и первоначальный составъ не извѣстны, или которыя повреждены въ послѣдующія времена, и потому признавались лишь сомнительными, но не совсѣмъ были отвергаемы древнею Церковью. Таковы, напр., книги: „Апостольскія Постановленія“, „Пастырь“ Ермы и др.

¹⁾ Лучшія изданія апокрифическихъ евангелій принадлежатъ Фабрицію (1703 г.), Тило (1832 г.) и особенно Тимевдорфу (1853 г.).

геліяхъ, представляющую собою переработанное извлеченіе изъ одной французской книги.

Апокрифическія евангелія составляютъ первый литературный памятникъ, слѣдующій за каноническими писаніями. При внимательномъ чтеніи этихъ евангелій является прежде всего побужденіе сравнить ихъ съ каноническими писаніями и отмѣтить точки соприкосновенія, а равно и несходства между ними. Планъ апокрифическихъ евангелій совершенно отличенъ отъ плана евангелій каноническихъ. Между тѣмъ какъ свв. евангелисты бѣгло описываютъ первые годы жизни Спасителя и съ большою подробностію останавливаются на послѣднихъ *трехъ* годахъ Его общественной жизни, составители апокрифовъ, напротивъ, проходятъ молчаніемъ этотъ весьма важный періодъ въ жизни Иисуса Христа и занимаются только Его дѣтствомъ, пребываніемъ въ Египтѣ, вымышленными чудесами до выступленія Его на общественное служеніе и проч. Исключеніе составляетъ одно Евангеліе Никодима, которое повѣствуетъ о страданіяхъ Спасителя и исхожденіи Его во адъ.

Но напрасно было бы искать въ апокрифахъ ученія или проповѣди Христовой: учительнаго элемента въ нихъ нѣтъ. Причина этого молчанія апокрифовъ объ общественной жизни и ученіи Спасителя весьма простая. Событія общественнаго служенія Иисуса Христа роду человѣческому, какъ представляются они у четырехъ евангелистовъ, были извѣстны всеѣмъ такъ хорошо, что воображенію и измышленіямъ здѣсь не было простора. Апокрифамъ оставалось, поэтому, говорить о томъ періодѣ жизни Спасителя, который священнымъ писателямъ угодно было пройти молчаніемъ или скрыть подъ покровомъ тайны. Этотъ пропускъ почти 30 лѣтъ въ жизни, которая, казалось многимъ, должна быть исполнена чудесъ отъ начала до конца, давалъ самое обширное поле для легендарной фикціи. И вотъ, изъ дѣтства Иисуса Христа выбираютъ тотъ или другой эпизодъ, наименѣе извѣстный,—въ родѣ бѣгства во Египеть,—и, опираясь на нѣкоторыя данныя преданія, создаютъ чудеса на чудесахъ; или же останавли-

ваются на какой-либо личности, о которой евангельская исторія упоминаетъ мимоходомъ, если не совершенно умалчиваетъ, каковы, наприм.: св. Іоакимъ, св. Анна, св. Іосифъ и Пресв. Дѣва,—и на канвѣ болѣе или менѣе исторической является ткань, смѣшанная изъ фикцій и дѣйствительности. Отсюда—различныя апокрифическія евангелія. Но если мы обратимся къ другому классу подобныхъ сочиненій, именно къ евангеліямъ, составленнымъ еретиками, то увидимъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ другимъ причинамъ. Не легковѣріе или поэтической инстинктъ создали ихъ, а явились они, очевидно, подъ вліяніемъ догматическихъ предубѣжденій. Каждый ересіархъ или глава секты составлялъ евангеліе приспособительно къ своему ученію. Чаще даже такимъ евангеліемъ являлось одно изъ каноническихъ, искаженныхъ или обезображенныхъ. Отсюда, жалобы отцевъ—св. Иринея и особенно св. Елифація—на искаженія и поддѣлки, произведенныя Керинфомъ, Василидомъ, Валентиномъ, Таціаномъ, Маркіономъ и другими.

Характеръ апокрифическихъ евангелій,—по крайшей мѣрѣ, тѣхъ, которыя дошли, до насъ,—совершенно иной: это не что иное, какъ легенды, переплетенныя съ исторіей, поэтическія фикціи, соединенныя съ дѣйствительностію. При такомъ характерѣ, апокрифы, конечно, не возвышали, а только унижали идеальный образъ богочеловѣка, рисуя Его ложными красками. Въмѣсто разказа, исполненнаго простоты и величія, апокрифы даютъ намъ не болѣе, какъ массу чудесъ при полномъ отсутствіи учительнаго элемента. Возьмемъ, напр., „Евангеліе дѣтства“ Христа, которое пользовалось большимъ уваженіемъ въ Египтѣ, особенно между коптами, и слѣды котораго встрѣчаются у Магомета и въ комментаріяхъ Корана. Это „Евангеліе“ есть собственно собраніе многихъ отрывковъ, которые вкратцѣ заключаютъ въ себѣ мѣстныя преданія Египта и Сиріи касательно дѣтства Спасителя.

Повѣтствованіе открывається чудомъ. Иисусъ еще въ колыбели говорить Своей Матери: „Я, Котораго родила Ты, Я есмь Иисусъ, Сынъ Божій, Слово, какъ возвѣстить Тебѣ архангелъ Гавріиль; Мой Отець послалъ Меня для спасенія міра“. Слѣдуетъ малообстоятельный разсказъ о рожденіи Спасителя, о поклоненіи пастырей и волхвовъ, объ обрѣзаніи, о посѣщеніи храма. Кромѣ прибавленія нѣкоторыхъ чудесъ, апокрифъ въ главныхъ чертахъ согласенъ съ евангельскимъ повѣтствованіемъ.

Бѣгствомъ въ Египеть начинается чудесное поприще Младенца-Иисуса. Каждый шагъ Его ознаменованъ чудомъ. При входѣ Христа въ страну, идолы падаютъ и разбиваются—фактъ, основаніе котораго можно находить въ преданіи, но, разумѣется, очень трудно открыть историческій элементъ въ смѣси всѣхъ этихъ фикцій. Здѣсь—прикосновеніе къ пеленамъ Дитяти исцѣляетъ сына идольскаго жреца; тамъ—водою, которою вымыто было Его тѣло, очищается отъ проказы сынъ князя. Далѣе—юноша, обращенный въ лошака, вновь принимаетъ свой естественный образъ. Черезъ нѣсколько шаговъ отъ этого мѣста св. Семейство впадаетъ въ руки разбойниковъ, изъ которыхъ одинъ хочетъ пощадить Его, а другой отказывается въ этомъ. Иисусъ говоритъ Маріи: „На тридцатомъ году Іудеи распнутъ Меня въ Іерусалимѣ, и эти два разбойника также будутъ висѣть на крестахъ по сторонамъ Меня: Титъ по правую, а Думахъ—по лѣвую сторону. Въ тотъ день Титъ предупредитъ Меня въ рай“.—Эта легенда, создающая встрѣчу Младенца-Иисуса въ Египетской пустынѣ съ двумя разбойниками, которые внослѣдствіи раздѣляютъ Его страданіе, имѣетъ довольно трогательный характеръ. Въ Евангеліи Никодима, передающемъ ту же самую фикцію, разбойники называются—одинъ Димасомъ, другой Гестагомъ.

Спустя три года, св. Изгнанники возвращаются въ Іудею, гдѣ Младенецъ-Иисусъ обнаруживаетъ Свое Божественное достоинство множествомъ чудесъ. Однажды, играя съ дѣтьми Своего возраста, Онъ вылѣпилъ изъ глины различныя фигуры животныхъ и, къ великому удивленію ма-

ленькихъ сотоварищей, приказалъ этимъ фигурамъ придти въ движеніе.—Дитя, мучимое сатаною, старалось укусить Сына Маріи; демонъ покидаетъ его,—и оказывается, что это—Иуда Искаріотскій.—Исусъ, будучи семи лѣтъ, избѣчиваетъ двухъ другихъ дѣтей, которыя впоследствии стали апостолами,—св. Якова и св. Симона.—Когда Иосифъ,—повѣствуетъ авторъ апокрифа,—приходитъ въ городъ для устройства воротъ, для дѣланія рѣшетовъ или сундуковъ. Спаситель сошутствовалъ ему, и всякій разъ, когда подѣлку Иосифа нужно было удлинити или укоротити, расширити или сузить, Дитя показывало рукою,—и вещь выходила безкоризненною, хотя—прибавляетъ апокрифъ—Иосифъ не былъ особенно искусенъ въ столярномъ ремеслѣ.

Разказавъ этотъ рядъ чудесъ, „Евангеліе дѣтства“ переходитъ къ явленію Исуса Христа въ Иерусалимскомъ храмѣ среди учителей. При этомъ разказъ останавливается въ томъ мѣстѣ, откуда начинаютъ каноническія евангелія, и, какъ бы желая связать свое повѣствованіе, апокрифъ оканчивается словами св. Луки: „и Онъ (Исусъ Христосъ) пошелъ съ ними, и пришелъ въ Назаретъ, и былъ въ повиновеніи у нихъ. И матерь Его сохраняла всѣ слова сїи въ сердцѣ Своемъ. Исусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и челоуѣковъ“.

Этими словами св. еванг. Луки оканчивается также Евангеліе Θомы-Израильянина, которое служило однимъ изъ источниковъ для „Евангелія дѣтства Христова“. Мы остановились на послѣднемъ „Евангеліи“ съ нѣкоторою подробностію потому, что оно—наиболѣе длинное, сравнительно съ прочими, и, какъ компиляція многихъ апокрифовъ, освобождаетъ насъ отъ необходимости изслѣдовать каждое апокрифическое произведеніе порознь.

Н. С.—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поучительная страничка изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси.

I.

Событія громадной важности въ послѣднее время такъ быстро надвигаются одно за другимъ, общественная мысль работаетъ съ такимъ лихорадочнымъ напряженіемъ, что у мало-мальски заинтересованнаго наблюдателя голова, какъ говорится, идетъ кругомъ, и онъ съ большимъ лишь трудомъ успѣваетъ хотя сколько-нибудь разобратъся во всемъ совершающемся вокругъ. Мы переживаемъ такое время, какого не переживали предшествующія поколѣнія; мы находимся наканунѣ такихъ великихъ реформъ, какихъ не знала наша предшествующая исторія. Производящаяся всеобщая переоцѣнка цѣнностей заставила, между прочимъ, нашихъ передовыхъ дѣятелей обратить самое серьезное вниманіе и на ту аномалію, которая до сихъ поръ какъ-то обходилась всѣми, служба, въ то же время, главнымъ источникомъ весьма и весьма многихъ общественныхъ нестроеній, принесшихъ уже достаточно горя родной странѣ. Разумѣемъ полную разобщенность между такъ называемыми „интеллигентными сословіями“ и народомъ. Теперь, наоборотъ, всѣ горячо заговорили о томъ, что интересы именно народа должны стоять на первомъ планѣ, и что въ предстоящемъ Земскомъ Соборѣ, или Государственной Думѣ представителямъ народа должно быть отведено первое (по количеству) мѣсто. На этой почвѣ общегосударственныхъ интересовъ должно произойти тѣсное, чисто родственное сближеніе интеллигентныхъ сословій съ народомъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни съ теченіемъ времени оно должно будетъ разрѣшиться полнымъ объединеніемъ ихъ.

Впрочемъ, единичныя личности, близко пришившія къ сердцу истинное благо родины и глубоко понимавшія исконныя коренныя устои жизни Русскаго государства, гораздо

раньше еще послѣдняго движенія останавливались своимъ вниманіемъ на жизни народныхъ массъ, заглядывали, по выраженію П. В. Знаменскаго¹⁾, „въ темные углы церковныхъ приходо́въ“, которые раньше всегда обыкновенно обходили ученый міръ при разработкѣ русской церковной исторіи, и настоятельно требовали возстановленія и оживленія заглушенной и даже омертвѣвшей церковно-приходской жизни. Особенно много потрудились въ этомъ дѣлѣ Самаринъ, И. С. Аксаковъ, а въ самое послѣднее время А. А. Палковъ, который основательно изучилъ избранный предметъ въ прошломъ и посвятилъ цѣлый рядъ статей вопросу о возрожденіи прежняго церковно-общественнаго строя, такъ какъ безъ него, по мнѣнію г. Палкова, не возможна истинно-христіанская народная жизнь. И нужно сказать—вопросъ о возрожденіи прихода, въ которомъ многіе изслѣдователи видятъ искомую спасительную мелкую земскую единицу, долженъ быть признанъ,—какъ объ этомъ не разъ уже заявлялось на страницахъ нашего журнала,—однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ и въ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ реформахъ долженъ быть поставленъ на первую же очередь. Его обсуждаютъ теперь со всевозможныхъ сторонъ не только духовные, но и свѣтскіе органы повременной печати, единогласно почти признавая настоятельную необходимость усвоенія православнымъ приходамъ ихъ прежнихъ автономныхъ правъ, обновленіе и развитіе церковно-общественной жизни и урядоченіе церковно-общественнаго уклада. При этомъ, духовными журналами приходъ признается „единственной формой, при посредствѣ которой народныя усилія могутъ цѣлесообразно и разумно направляться къ преуспѣянію Церкви“; свѣтскіе же „писатели“, при отысканіи устоевъ для преобразованій въ общественномъ строѣ, „прозорливо указываютъ на приходъ, какъ на церковную общину, всѣхъ собою

¹⁾ „Приходское духовенство на Руси“. Москва, 1867, стр. 1.

обнимающую и заключающую въ себѣ достаточно творческихъ силъ для объединенія сословій на пользу общую“¹⁾.

Такое положеніе въ литературѣ и жизни вопроса о возрожденіи прихода вызвало помѣщеніе на страницахъ майской книжки „Русскаго Вѣстника“ за текущій годъ небольшой (стр. 41—57), но весьма интересной статьи г. А. Соколова: „Сліяніе сословій въ церковно-приходской жизни древней Руси“. Статья эта—компилятивнаго характера; но она имѣетъ высокую цѣнность, такъ какъ представляетъ собою сводъ всего, что извѣстно исторической наукѣ о древне-русскомъ строѣ церковно-приходской жизни, съ цѣлію „главнымъ образомъ уяснить мощный факторъ, лежащій въ основѣ ея развитія..., освѣтить выдающіяся черты нашей древней, допетровскихъ временъ, церковно-общественной жизни и отыскать здѣсь ту самую силу, которой недостаетъ нашему времени, но благодаря только которой могли бы свободно и плодотворно развернуть свои способности простой народъ и образованный людъ, т. е. могла бы разливаться въ Россіи широкая приходская самодѣятельность“.

Съ этой поучительной страничкой изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси въ изложеніи г. А. Соколова мы и познакомимъ почтенныхъ читателей, которые при этомъ увидятъ, что „внутренняя природа древне-русскаго общества“ дѣйствительно „таила въ себѣ такіе твердые и прочные устои, которые могли давать“—и давали—„широкое развитіе церковно-приходской жизни“.

II.

Вся жизнь на Руси въ древности слагалась какъ-то самородно и просто, на всемъ лежала печать единства и свободного согласія князей и всего народа. Какъ въ распростра-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1902 г., іюнь, „Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя“, стр. 640.

нені христіанства, такъ и въ устройствѣ древне-русскаго быта весьма важное значеніе имѣло общинное начало русской жизни. Нашъ народъ искони крѣпко держался мысли о своемъ единствѣ, и „общинность съ первыхъ же поръ превращаетъ единство этнографическое въ земское. Всякое поселеніе составляетъ *общину*, которая господствуетъ надъ своею землею и отдѣльными членами, обязанными нести всѣ тяготы общины. Можно сказать, что общинное начало составляло *жизненный нервъ* существованія древней Руси“¹⁾. Община и братство въ общинѣ—вотъ основа древне-русской жизни, вслѣдствіе чего въ Русской землѣ, по завѣренію изслѣдователей древнѣйшаго періода русской исторіи, царил миръ и согласіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи извѣстный историкъ Градовскій признаетъ „чрезвычайно знаменательнымъ“ тотъ фактъ, что древняя Русь не знала желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій. „Не было,—говоритъ онъ,—особеннаго различія между правами и обязанностями городскихъ обывателей и правами прочихъ уѣздныхъ людей. Тогда каждый, садившійся на землю, дѣлался членомъ общины, къ какому бы классу общины онъ ни принадлежалъ. Община не была сословною корпораціей, ибо ни система сословныхъ правъ, ни система повинностей не раздѣлила еще русскаго общества. Исключая противоположности дружиннаго и недружиннаго элемента, мы не видимъ никакой *качественной* разницы между недружинными классами“²⁾. Другой историкъ нашъ—Погодинъ выясняетъ и самыя причины первоначальнаго отсутствія на Руси сословныхъ раздѣленій. „На Руси не было ни побѣдъ, ни покоренія, и не началось никакого различія въ правахъ между пришельцами

¹⁾ С. Миропольскій. „Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени“. Вып. I. Сиб. 1894, стр. 29—30.

²⁾ „Общественные классы и административное дѣленіе Россіи до Петра I“ („Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.“ 1868 г., кн. 5, стр. 632, 696).

и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства, не зародилось и третьяго, т. е. среднего сословія“. „Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи были равны между собою и передъ княземъ“¹⁾. „Живое начало,—съ особенною настойчивостью подчеркиваетъ К. С. Аксаковъ, отмѣчая полное отсутствіе всякаго дѣленія древней Руси на неподвижныя сословія,—проникало весь составъ русскаго общества, гдѣ всякій чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человекъ народу. Выше всѣхъ раздѣленій было единство вѣры и единство жизни, быта, соединявшее Россію въ одно цѣлое“²⁾. „И князь, и бояре, и духовенство, и народъ,—говоритъ Кирѣевскій;—всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага. Здѣсь, на Руси, видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли Русской расселенныхъ и составляющихъ каждая свое особое согласіе, или свой маленькій міръ, и при всемъ томъ *единодушная совокупность сословій*, совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство“³⁾.

Итакъ, въ древней Руси *сословій* въ современномъ значеніи этого слова не существовало; всѣ въ правахъ своихъ были, можно сказать, одинаковы. Ученіе христіанской Церкви проповѣдывало именно такое равенство людей, а потому общинная жизнь вполнѣ отвѣчала началамъ христіанскаго ученія. Когда „общинныя начала въ области церковно-религіозной встрѣтились съ высшими жизненными началами, именно съ началами вѣчными, христіанскими“, то въ результатъ вышло, что „первыя по характеру своему оказались

¹⁾ „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи“. Москва. 1846, томъ 3, стр. 504.

²⁾ „Сочиненія историческія“. Москва. 1861, т. I, стр. 14.

³⁾ „Полное собраніе сочиненій“. Москва. 1861, т. II, стр. 263—264, 275—276.

способными проникнуться этими послѣдними, освятиться и одухотвориться настолько, что, въ свою очередь, сдѣлались надежными проводниками въ жизнь христіанскихъ требованій. Подъ вліяніемъ христіанства весь древній русскій бытъ долженъ былъ переродиться. „Храмъ Божій, какъ домъ общей молитвы, *притянулъ къ себѣ всѣ общественныя силы* и создалъ *приходъ*, т. е. такую морально настроенную и общественную единицу, крѣпче которой не можетъ быть среди человѣческаго общества, считающаго удовлетвореніе религиозно-церковныхъ потребностей самымъ насущнымъ своимъ дѣломъ“¹⁾. Христіанство не только не поколебало и не измѣнило въ корнѣ стараго общиннаго строя на Руси, напротивъ—утвердило, осватило его и—что самое главное—дало ему новыя основы и жизненность. Община осталась та же, но, имѣя центромъ своей духовной жизни храмъ, становится теперь *приходомъ*, при чемъ переходитъ въ *приходъ* совершенно естественно, вслѣдствіе своего основного характера, такъ что „приходъ и община отождествились между собою какъ на языкѣ актовъ, такъ и на дѣлѣ“²⁾.

Эти *церковные союзы* обособлялись въ *отдѣльные приходы* не вслѣдствіе различія мѣстнѣй, а тѣмъ болѣе—званій и состояній; единственнымъ условіемъ къ образованію церковнаго союза являлась чисто случайная смежность жительства членовъ его, которая и являлась вышней подкладкой, почвой для организаціи внутренней церковно-союзной жизни. Всѣ жители известной округи объединялись братскимъ чувствомъ и сливались такимъ образомъ въ одинъ союзъ общинно-приходскій, гдѣ каждое отдѣльное лицо, на правахъ члена, принимало живое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ цѣлой общины. На почвѣ церковной возникало общеніе на основѣ религіи; на началахъ любви покоилось общеніе высшее,

¹⁾ А. Палковъ. „Древне-русскій приходъ“.—См. „Богословскій Вѣстникъ“, 1897 г., февраль, стр. 251, 254, 255.

²⁾ П. В. Знаменскій. „Приходское духовенство на Руси“, стр. 9.

внутреннее, прочное и неразрывное. Приходъ основывался на принципѣ равенства всѣхъ входившихъ въ составъ его. Здѣсь не было дѣленія на классы: всѣ прихожане считались чадами одной общей матери—Церкви и представляли собою достаточно крѣпкую корпорацію; здѣсь были едино—и богатые и бѣдные, и знатные и простые.

„Принадлежность человѣка къ извѣстному приходу,—говоритъ П. В. Знаменскій,—имѣла официальное значеніе въ государственныхъ актахъ“¹⁾. Правительство обращалось съ извѣстными запросами и наказами именно къ приходу. Если же общественное положеніе въ древней Руси опредѣлялось не чѣмъ инымъ, какъ принадлежностью къ приходу, то, вполне естественно, приходъ становился общественною единицею всесловной, или точнѣе—*безсловной*²⁾.

Стекаясь къ храму, въ которомъ полагала залогъ своего благосостоянія, община получила строй не юридически-договорной, а религіозно-нравственный, братскій. Эта крѣпкая связь опредѣляла собою весь складъ церковно-общественной жизни. „Чудодѣйственная“, по удачному выраженію Папкова³⁾, общительность, духъ братолюбія, развивавшіяся въ приходѣ, создавали здѣсь такую сплоченную высшую семью, члены которой, соединенные духовнымъ родствомъ, не могли дѣйствовать разрозненно и разъединенно, а имѣли прямое и непосредственное вліяніе, принимали горячее и постоянное участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Иначе и быть не могло: жизнь приходская всецѣло создавалась на правѣ нравственнаго равенства лицъ всѣхъ сословій. Это „общее начало,—говоритъ г. Коссовичъ,—связывало русскій народъ одною нитью и создавало одно цѣлое—единый народ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 35.

²⁾ К. Одарченко. „Приходъ и братство“ (прилож. къ „Русскому Труду“). Сиб. 1899, стр. 4.

³⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1902 г., июль, стр. 204: „Необходимость обновленія“...

ный духъ, который ярко свѣтился и въ палатахъ богачей, и въ лачугѣ бѣдняка, среди безграмотства и нужды“¹⁾).

Черезъ органическое сближеніе въ приходской единицѣ уже совмѣстно и вполне свободно могли развернуть свои силы какъ духовенство и простой народъ, такъ и „лучшіе“ люди, именовавшіеся въ древней Руси боярами.

Древне-русскій „приходъ“, такимъ образомъ, представлялъ собою всесословную единицу, жизненную и дѣятельную. О сплоченности членовъ приходскихъ въ древности краснорѣчиво свидѣтельствуютъ существовавшія почти повсемѣстно въ приходсахъ, начиная съ XII и по XVII в., „братчины“, или братскія собранія, главную идею, душу которыхъ составляли религіозно-общественныя задачи. При такомъ своемъ строѣ древне-русскій приходъ былъ „однимъ живымъ цѣлымъ: здѣсь прихожане—уже не *груда мертвыхъ камней*, а живые, дѣятельные члены, сочувствующіе интересамъ цѣлага прихода“²⁾. Чувство единодушія во всѣхъ церковно-приходскихъ дѣлахъ,—этотъ благой плодъ полного слиянія сословія, когда они въ послѣдствіи появились на Руси,—глубоко проникало всѣхъ и каждого, и никакое другое общественное учрежденіе не могло быть столько же способнымъ къ плодотворной дѣятельности, какъ приходъ. Не удивительно, что эта жизненная всесословная единица „совмѣщала въ себѣ мѣстные интересы жителей въ полномъ объемѣ, а не въ отрывочномъ и узко-сословномъ ихъ видѣ“³⁾. Благодаря сплоченности прихожанъ, здѣсь не могло быть ни различія правъ и преимуществъ, ни предпочтеній, равно какъ исключались особые сословные интересы, а выступали на первый планъ общія мысли, общія правила и начала, такъ какъ „общее сознаніе объ известной нуждѣ дѣлаетъ изъ нея

¹⁾ „Земство, школа и приходъ“. Сиб. 1899, стр. 13.

²⁾ „Русская Бесѣда“, 1857 г., III, стр. 94—95; „День“, 1864 г., № 30, стр. 6: „Приходъ“.

³⁾ А. Палковъ. „Церковно-общественные вопросы въ эпоху Александра II“.—„Русск. Вѣств.“, 1901 г., февраль, стр. 501.

общественную потребность, общее же убѣжденіе въ способѣ удовлетворенія этой нужды и потребности является въ видѣ общаго правила, начала дѣятельности“ 1).

III.

Имѣя строгую организацію, приходъ преслѣдовалъ одну опредѣленную цѣль—и преслѣдовалъ ее вполне *сознательно*, какъ *личность*. Такую единственную цѣль представляла для него идея общественнаго блага—блага всѣхъ членовъ прихода. Въ тѣсной нравственной связи всѣхъ членовъ прихода заключалась сила и устойчивость древне-русскаго приходскаго общества. Особеннаго вниманія заслуживаетъ взаимоотношеніе прихожанъ и клира. Духовенство не составляло особаго, замкнутаго сословія,—оно жило общею жизнію съ народомъ. Между духовенствомъ и прихожанами существовали чуждыя всякаго формализма отношенія, глубокая нравственная, духовная связь. Въ клирикахъ члены приходской общины видѣли не требоисправителей только, а *своихъ* людей, руководителей въ духовныхъ интересахъ, глубоко знающихъ и понимающихъ весь духовный и матеріальный строй народной жизни. Съ своей стороны, духовенство смотрѣло на всѣхъ прихожанъ, какъ на членовъ одного цѣлаго, живущихъ совокупною жизнію, общими чувствами и стремленіями, близко вникающихъ во всѣ интересы церковно-приходской жизни, активныхъ работниковъ на обширномъ поприщѣ братской дѣятельности. Единство жизненныхъ интересовъ, тождество нравственныхъ началъ и живая связь между духовенствомъ и прихожанами заключали въ себѣ весьма твердые устои для церковно-приходской жизни, сообщали приходу полноту энергій и жизни.

Весьма характерную черту церковно-приходской жизни въ древней Руси составляетъ, между прочимъ, цвѣтущее состояніе общинной автономіи. Здѣсь имѣло самое широкое

1) Лешковъ. „Русскій народъ и государство“. Москва, 1858, стр. 19.

примѣненіе выборное начало, въ силу котораго каждый правоспособный членъ прихода могъ занять ту или другую освободившуюся церковно-служительскую вакансію. Право быть священно-церковнослужителемъ не составляло принадлежности одного особаго класса, а зависѣло отъ приходскихъ выборовъ,—и въ этихъ выборахъ находила прямое свое выраженіе идея всесословности, обезпечивавшая общіе интересы. Обыкновенно духовенство выходило изъ народа и съ нимъ же сливалось. Избирали на священно-церковнослужительскія вакансіи людей честныхъ, благочестивыхъ и грамотныхъ и представляли ихъ епископу для посвященія, чѣмъ гласно заявляли свое *довѣріе* къ избранному, *одобреніе* и признаніе его пастырскаго *авторитета* ¹⁾. Избирательное право прихода имѣло полное признаніе до конца XVII вѣка и было санкціонировано постановленіемъ Стоглаваго собора, въ правилахъ котораго говорится: „по всеѣмъ святымъ церквамъ избирають прихожане священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ искусныхъ, грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ и приходятъ съ ними ко святителю и святитель. поучивъ ихъ и наказавъ, благословляетъ“.

Выборъ священно-церковнослужителей представлялъ первое и главное условіе живого, искренняго единенія духовенства и народа. Всякая мысль о зарожденіи и сформировкѣ какихъ-либо сословныхъ интересовъ духовенства при тогдашнемъ строѣ жизни была бы очень странною и безпочвенною. Общинѣ такимъ путемъ представлялась самостоятельность церковнаго управленія, равно какъ ей же принадлежало и распоряженіе церковнымъ имуществомъ. Отсюда, церковные интересы и дѣла становились главными жизненными интересами и дѣлами для *всѣхъ* членовъ прихода; самая жизнь

¹⁾ „Русь“, 1882 г., № 44, стр. 7, 9. Пр. Г. П. „Что въ настоящее время болѣе всего и прежде всего нужно Православной Всероссійской Церкви для возвращенія ей подобающей силы, жизни и значенія?“

приходская, вслѣдствіе этого, шла стремительнѣе и развивалась плодотворнѣе.

Древне-русскій приходъ представлялъ собою „живой, въ достаточной мѣрѣ самостоятельный церковный организмъ, имѣвшій свои исконныя права и обязанности и осуществлявшій ихъ при посредствѣ своего представителя, т. е. церковнаго старосты“¹⁾. Такимъ образомъ, приходъ въ древней Руси получилъ значеніе лица юридическаго и имѣлъ свойственную ему законную организацію. На этомъ именно и покоилась основа для развитія широкой практической дѣятельности, чего не могло бы быть при безличности прихода. Съ территориальною и нравственною связью прихожанъ въ одно цѣлое вполне гармонировало преслѣдованіе религіозно-церковныхъ интересовъ въ самомъ обширномъ объемѣ. Приходскія дѣла такъ были близки каждому, что онъ считалъ ихъ какъ бы своими, *домашними*²⁾.

Единый пульсъ любви и жизни, правильно бившійся въ приходскомъ организмѣ, общее жизненное питаніе вѣхъ членовъ его были причиною того, что приходская самодѣятельность развивалась въ цѣломъ кругѣ религіозно-общественныхъ дѣлъ. Здѣсь просто и самобытно достигались, вслѣдъ за выборомъ священно-церковнослужителей, *три* главнѣйшія священныя функціи приходскаго организма, возбуждалось общее участіе не только къ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ храма и причта, но и къ удовлетворенію нравственныхъ потребностей прихода—просвѣщенія и дѣлъ благотворительности. Великая идея *всесловности* съ мощною силою проносится по вѣсѣмъ проявленіямъ приходской жизни въ древней Руси.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ А. Панковъ. „Упадокъ православнаго прихода“ (XVIII—XIX вв.). Москва. 1899, стр. 31.

²⁾ Знаменскій. „Приходское духовенство на Руси“ стр. 52.

На доброе дѣло.

Владикавказская епархія и Владикавказъ богаты сектантствомъ и, къ сожалѣнію, бѣдны тѣми средствами, которыми должна располагать современная миссія.

Съ благословенія его преосвященства, преосвященнѣйшаго Гедеона, епископа Владикавказскаго и Моздокскаго, въ г. Владикавказѣ учреждается Епархіальная библіотека и при ней читальня для любителей духовно-нравственнаго чтенія. Въ основу этой библіотеки частное лицо пожертвовало свою личную библіотеку цѣнностію болѣе 800 рублей; оно же предлагаетъ свои услуги и къ дальнѣйшей организаціи Епархіальной библіотеки.

Учредители библіотеки обращаются къ духовенству съ покорнѣйшей просьбою оказать возможное содѣйствіе „Владикавказской Епархіальной библіотекѣ и читальнѣ“, такъ или иначе выразить свое сочувствіе новому общепархіальному учрежденію; гг. авторовъ просятъ подѣлиться своими литературными трудами и изданіями, прислать свои новѣйшія произведенія и изданія прошлыхъ годовъ. Пересылка книгъ и журналовъ можетъ быть сдѣлана наложеннымъ платежемъ за счетъ учреждаемой Епархіальной библіотеки.

Адресъ: г. Владикавказъ (Терекской области), въ Епархіальную библіотеку при кафедральномъ соборѣ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го іюня 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣсть № 29, Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи

1905-го года іюля 17-го дня.

Содержаніе: Наша болѣзнь.—Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ (о современномъ значеніи пастырскихъ бесѣдъ въ приходѣ).—Поучительная страничка изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси (окончаніе).—По поводу „Письма въ Редакцію“, напечатаннаго въ № 22-мъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Н а ш а б о л ѣ з н ь .

Пресловутая „закопѣлость“ духовенства, его „невѣжество“, „нравственная неряшливость“ и многіе другіе пороки—вотъ о чемъ теперь говорятъ въ свѣтскихъ кругахъ, еще больше пишутъ въ свѣтской періодической печати, но едва ли хоть сколько-нибудь серьезно думаютъ. Въ то же время и среди духовенства начинаютъ все громче и громче раздаваться подобныя же голоса; все чаще и чаще слышатся жалобы на „угнетенность“, „придавленность“, „нестерпимую зависимость“, „прижимки канцеляризма“,—словомъ, на все, что способствуетъ такъ или иначе „упадку духа“ въ нашемъ духовенствѣ. При этомъ, объ „упадкѣ духа“ говорятъ и пи-

шутъ чуть ли не больше, чѣмъ о самомъ духовенствѣ. Причинъ „унадка духа“ выставляютъ очень много; не меньше указываютъ и средствъ къ его лѣченію. Къ сожалѣнію, лѣчение рекомендуемыми, — часто, дѣйствительно, вполне цѣлесообразными, — средствами придется, вѣроятно, отложить на неопредѣленное, болѣе или менѣе продолжительное, время...

Должно сознаться, очень нехотати, не во-время заговорили отцы духовные о своемъ „унадкѣ духа“. Россія переживаетъ тяжелыя историческія минуты, минуты большихъ, глубокихъ пораненій, легкой ломки стараго уклада жизни, разрушенія и обновленія всего того, что, можетъ быть, и не совсѣмъ хорошо, но къ чему мы привыкли, съ чѣмъ слишкомъ ужъ сжились, сроднились. Много, очень много требуется силъ, чтобы съ честью выйти изъ переживаемаго кризиса, а еще больше ихъ потребуются отъ насъ впереди, чтобы намъ оказаться достойными носителями знамени Христова.

Всѣмъ почти признано, что наша интеллигенція нравственно одряхлѣла, опошлѣлась, обезличилась и способна только на нытье объ „унадку духа“. На сцену выступаетъ другой, новый работникъ---„страдалецъ-народъ“.

... „Ты проснешься, исполненный силъ“, говорилъ когда-то Некрасовъ, — и слова его оказались пророческими. Народъ дѣйствительно „просыпается“, спавшія доселѣ силы его выходятъ наружу и проявляются иногда въ стихійныхъ размѣрахъ. Но вѣдь народъ, хотя и старецъ душею, совсѣмъ еще пока младенецъ разумомъ, и нужна умѣлая и опытная рука, которая бы поддержала первые неуверенные шаги этого большого ребенка. Кому же, какъ не духовенству, принять на себя не легкой, но и славный трудъ руководителя народа? Кто лучше духовенства знаетъ народную нужду, знаетъ запросы, желанія, стремленія и надежды этого сѣраго, незамѣтнаго человѣка? Вѣдь давно уже о всѣхъ народникахъ Некрасовъ прогнѣлъ свою гнѣсную:

„Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь заново

Къ общей пользѣ измѣнить,

А голоднаго отъ пьянаго

Не умѣють отличить“....

А духовенство ближе всѣхъ стоитъ къ народу. Скажемъ больше: духовенство *вышло изъ народа*, воспиталось на его средства и представляетъ собою, такъ сказать, сливки народной массы, ея верхи, является нагляднымъ выразителемъ народныхъ силъ и способностей.

Нашъ прямой долгъ, прямая пастырская обязанность наша—стоять „на стражѣ дому“ русскаго, чутко прислушиваясь какъ къ „мудрованіямъ сыновъ вѣка сего“, гулко разносящимся въ воздухѣ, такъ и къ тому глухому шуму и броженію, которое начинаетъ подыматься въ нижнихъ слояхъ нашего общества.

Много тяжкихъ смуть и неурядиць переживала много-страдальная Русь православная. Много тяжкихъ бѣдъ и испытанийъ выпадало на ея долю. Но не гнула она подъ ударами судьбы, а больше и больше крѣпла въ борьбѣ. И духовенство никогда не заводило рѣчи объ „упадкѣ духа“, не увеличивало своимъ пытьемъ и безъ того великой скорби родины, а бодро держало свѣтильничекъ вѣры,—не подъ снудомъ держало его, а на свѣщницахъ. И свѣтиль онъ всѣмъ... Памятны всей Руси имена Авраамія Палицына, митрополита Филиппа, патріарха Гермогена...

А теперь... Въмѣсто того, чтобы поддерживать упавшихъ духомъ, наше духовенство заводитъ заулывную пѣсню объ упадкѣ собственнаго духа. И если пастыри будутъ пыть, то *придетъ и изъ пастырь и распудитъ овцы...* А отвѣтъ „на страшномъ судницѣ Христовѣ“ о своемъ стадѣ, *въ немже насъ Духъ Святый постави епископы пастыи Церковь Господа и Бога?.. „Аще соль обуяеть, чимъ осолитъя?“*

Петръ Великій силою своего желѣзнаго характера „прорубилъ окно въ Европу“, двинулъ Россію, до тѣхъ поръ спавшую богатырскимъ сномъ, по пути прогресса, вызвалъ къ жизни русскій народъ. Но, къ сожалѣнію, разбудить былъ не весь русскій народъ,—сдѣлать было это не подѣ

силу одному человѣку, хотя и гению,—а поднята на ноги только часть его, и притомъ сравнительно незначительная. Въ то время—время горячей строительной работы въ государствѣ—положено было начало розни, какая теперь замѣчается между *интеллигенціей* и *народомъ*, начала рыться „яма глубокая“, которая легла между двумя частями одного народа и привела ихъ къ полному разрыву, къ полному непониманію другъ друга. Связующимъ звеномъ между этими двумя разъединенными частями одного цѣлаго является опять-таки духовенство. Оно одно можетъ съ успѣхомъ хотя немного заровнять ту пропасть, что легла между интеллигенціей и народомъ, или, по крайней мѣрѣ, проложить пути сообщенія чрезъ эту пропасть и такимъ образомъ, посредствомъ взаимообщенія, оживить русскихъ людей, вызвать ихъ къ совмѣстной работѣ. Но для этого нужно не падать духомъ, а забыть хотя на время о своихъ нуждахъ, *отвернуться себе* и послужить тому угнетенному „меньшему брату“, о помощи которому много говорятъ, но... и только. Дѣло, дѣло нужно.

Вѣдь „мы не въ могилѣ, мы живы“, но неужели же „для дѣла мы мертвы давно“? Неужели же только

„Суждены намъ благіе порывы,
А свершить ничего не дано?“...

Рѣдкое и дорогое „красное яичко“ поднесено всѣмъ сынамъ Россійской имперіи изволеніемъ Государя Императора. Пасхальный звонъ 17-го апрѣля возвѣстилъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія, свободу совѣсти. Теперь въ Православной Церкви будутъ члены, только искренно убѣжденные въ правотѣ ея. Чуждые ей элементы, ничѣмъ не удерживаемые, безъ сомнѣнія, уйдутъ. И теперь больше, чѣмъ когда-либо, пастырь Церкви долженъ стоять на стражѣ, долженъ *блести Церковь Господа Бога*, которая съ этого времени ввѣренна исключительно его попеченіямъ. Много потребуется бодрости духовной отъ пастыря, чтобы успѣшно *пасты овцы своя*, гдѣ нужно—поддержать, вразумить, ободрить мятущихся, удер-

жать въ лонѣ Православной Церкви сомпѣвающихся. Вѣдь если пастыри не утасуютъ стада своего, и стадо разбѣжится, то окажутся не нужными и сами пастыри. Является, такимъ образомъ, вопросъ не *объ упадкѣ*, а о стойкости, твердости *духа* духовенства, о самомъ смыслѣ существованія послѣдняго и высококомъ назначеніи его...

Всѣ средства честно исполнить свой долгъ, принести посильную пользу отечеству, помочь многострадальной родинѣ въ тяжкую годину испытаній—въ рукахъ духовенства. Много можетъ сдѣлать пастырь для пасомыхъ, если только пожелаетъ.

„Заступи, спаси, помилуй, *возстави* и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію“.

И. И.

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

(О современномъ значеніи пастырскихъ бесѣдъ въ приходѣ).

Собралось насъ къ нашему другу и наставнику о. Алексѣю Семеновичу въ этотъ разъ значительно больше, чѣмъ обыкновенно. Обмѣнъ мнѣній шелъ особенно оживленно. И не удивительно: новый правительственный актъ о свободѣ въроисповѣданій, о свободѣ совѣсти ставилъ передъ нами—пастырями не мало тревожныхъ вопросовъ, требующихъ скорого практическаго рѣшенія.

Разговоръ вначалѣ вращался около взглядовъ и мнѣній нашей духовной журналистики. Вспоминались прежнія,—впрочемъ, не особенно давнія,—мнѣнія господъ и отцовъ духовныхъ публицистовъ и сопоставлялись съ новѣйшими ихъ взглядами. Припоминались, напр., голоса, раздававшіеся изъ нашего духовнаго литературнаго лагеря по поводу извѣстной рѣчи Стаховича, и при этомъ невольно отмѣчалась излишняя эластичность мысли и отсутствіе катановской жилки у очень

многихъ представителей духовной публицистики. Но нашему хозяину, достопочтенному о. Алексѣю, скоро удалось перевести бесѣду съ литературно-теоретической почвы на болѣе жизненную — практическую.

— Однако, друзья мои, наши дебаты о литературныхъ взглядахъ и мнѣніяхъ едва ли могутъ привести къ чему-нибудь полезному въ практическомъ смыслѣ. А мы, вѣдь, все — въ сущности люди дѣла, практики. Предъ нами — жизненный фактъ, который долженъ весьма ошутительно отразиться и на той живой средѣ, гдѣ мы призваны дѣйствовать, и на результатѣ нашей дѣятельности. И для насъ теперь главный вопросъ: что намъ дѣлать, на какую сторону пастырскаго служенія обратить свою бдительность, вниманіе и энергію? Собственно же дарованіе свободы въронсповѣданія должно было у насъ совершиться непременно во имя не только высшей правды Христовой, но и общечеловѣческой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не представляли вопіющаго противорѣчія съ требованіями этой правды и съ кроткимъ свободолобивымъ духомъ нашей Церкви все эти, исторически сложившіяся, чисто-внѣшнія стѣсненія, ограниченія, кары въ такомъ, по существу свободномъ, дѣлѣ, какъ совѣтъ, вѣрованія, религіозныя убѣжденія? — Несомнѣнно, пора было и чадамъ Православной Церкви предоставить право и свободусамимъ, самостоятельно, безъ внѣшней поддержки держаться на своихъ ногахъ. Отпускаютъ же каждаго ребенка, въ свое время, ходить одного на своихъ ногахъ; пусть на первыхъ порахъ онъ часто падаетъ, ушибается, но на этотъ случай есть бдительность матери, пѣстуна. То же и въ нашемъ дѣлѣ: будутъ паденія и отпаденія отъ Церкви по неразумію, по неумѣнію пользоваться новодарованной свободой, слабыхъ въ вѣрѣ чадъ Церкви. И вотъ тутъ-то должны притти къ нимъ на помощь, своевременно предостеречь, удержать ихъ на правомъ пути бдительность матери-Церкви и ея пастырей-пѣстунъ о Христѣ.

— Ясно, кажется, друзья мои, въ чемъ для насъ заключается значеніе совершившагося факта, и къ чему онъ насъ обязываетъ. Настоящее положеніе ставитъ насъ прямо, лицомъ къ лицу съ нашей первой и вѣковѣчной обязанностію—„бдѣть о душахъ“ своихъ духовныхъ чадъ—прихожанъ; теперь отвѣтственность за каждую душу, за соблюденіе ея въ вѣрѣ и единомысліи всецѣло и безусловно падаетъ на наши плечи. предоставлена нашей бдительности, нашимъ силамъ. И развѣ такое положеніе не должно пробуждающимъ, призывнымъ образомъ воздѣйствовать на наше духовенство? Удвойте свою пастырскую энергію, постарайтесь сблизиться, сродниться съ каждымъ прихожанномъ словомъ любви, бесѣды, проповѣди, не заставляя его голодать духовно,---и---вѣрять---цѣло будетъ ваше духовное стадо, не пойдетъ оно на чужой голодъ и ни на какія приманки совратителей, какъ бы широко ни были распахнуты двери ограды для свободного выхода.

Рѣчь о. Алексѣя, какъ всегда—увлекательная и искренняя, перевела нашу мысль и разговоръ на жизненныя, практическія темы. Заговорили о церковномъ учительствѣ, о проповѣди, вѣвѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и о вѣвѣ-церковномъ учительствѣ--пастырскихъ бесѣдахъ по деревнямъ въ домахъ прихожанъ. Последній видъ пастырскаго учительства, сравнительно новый у насъ и потому не усилѣвшій еще принять однообразной, устойчивой формы, болѣе другихъ въ этотъ разъ привлекалъ наше вниманіе. Это и естественно. Всѣ мы находили, что деревенскія безыскусственныя бесѣды пастыря съ прихожанами въ ихъ домахъ, при обычной, простой семейной обстановкѣ могутъ лучше всего способствовать нашему тѣвнѣйшему сближенію съ приходомъ. Только развитіе и настоящая постановка этого вѣвѣ-церковнаго учительства дастъ возможность узнать жизнь, религіозно-нравственные запросы каждаго прихожанина, установить духовное сродство душъ, сердечную связь между пастыремъ и приходомъ и устранить неравенство, официальность отно-

шеній между той и другой стороной. Такъ мы думали, и дѣлились въ общей бесѣдѣ своимъ личнымъ пастырскимъ опытомъ и наблюденіями въ этой области, стараясь такимъ путемъ выработать что-либо общее, руководственное для себя, болѣе жизненное и полезное.

— У насъ,—говорилъ батюшка изъ большого трехпричт-наго села,—внѣ-церковныя бесѣды ведутся уже года четыре постоянно и приняли, пожалуй, прочную организацію. Народъ къ нимъ привыкъ, собирается охотно—по нѣсколько сотъ человекъ каждый разъ. Для бесѣдъ избраны *четыре* деревни, находящіяся въ разныхъ концахъ обширнаго прихода и имѣющія подходящія помѣщенія: въ одной—земская просторная школа, въ другой—волостное правленіе, въ двухъ остальныхъ—обширныя избы богатыхъ крестьянъ. Изъ сосѣднихъ деревень и починковъ народъ собирается по повѣсткѣ... На каждую бесѣду отправляемся, по возможности, всѣмъ причтомъ на деревенскихъ лошадахъ, которыя подаются прихожанамъ по ихъ взаимному соглашенію. Мы, священники, ведемъ заранѣе выбранныя чтенія, бесѣды; остальной причтъ, вмѣстѣ съ народомъ, поетъ молитвы, тропари, „Вѣрую“ въ перерывахъ между частями нашихъ бесѣдъ и чтеній, чѣмъ достигается разнообразіе, и поддерживается бодрость въ слушателяхъ. При чтеніяхъ пользуемся часто и волшебнымъ фонаремъ,—и, надо сказать, свѣтотыя картины очень нравятся народу, особенно дѣтямъ. Онѣ едва ли не служатъ главной приманкой; но крайней мѣрѣ, раньше, когда картины показывались за *первымъ* чтеніемъ, чуть не половина народа уходила послѣ нихъ съ нашихъ бесѣдъ. Теперь ужъ ихъ приурочиваемъ къ концу. Бесѣды ведутся у насъ по готовымъ образцамъ—по брошюрамъ, книгамъ о Дьяченко и по приложеніямъ къ пастырскимъ журналамъ: какъ-то до сей поры не рѣшаемся перейти къ живому слову,—и это очень жаль. Въ теченіе года бываетъ до *двадцати* и болѣе такихъ есѣдъ, такъ что на каждый пунктъ приходится отъ 5 до 6.—

Вотъ все, что могу сообщить вамъ, собратья, о нашихъ бесѣдахъ!—закончилъ батюшка свой „докладъ“.

Послѣ него еще двое или трое изъ насъ передали для общаго свѣдѣнія, какъ и съ какимъ успѣхомъ ведутся подобныя бесѣды въ ихъ приходяхъ. Въ одномъ приходѣ бесѣды приурочивались къ канунамъ праздниковъ и воскресеній, или велись въ самые праздники, при чемъ соотвѣтственно начинались совершеніемъ всенощной или вечерни, и потомъ уже предлагалась самая бесѣда, чаще всего въ формѣ обычной церковной проповѣди или чтенія. Послѣднимъ подѣлился съ нами своимъ сообщеніемъ молодой скромный священникъ, котораго всѣ мы знали за самоотверженнаго, увлекающагося пастырскимъ дѣломъ энтузіаста.

— Не знаю, право, ужъ и рассказывать ли вамъ, какъ ведется это дѣло у меня въ приходѣ,—началь онъ.—По необходимости, оно поставлено у меня очень уже незамѣтно и, такъ сказать, упрощенно. Почему тутъ, пожалуй, и поучиться, нечего признаться... Знаете, конечно, мой приходъ: однопричтный, захудалый, а потому—особенно запущенный и одичалый къ смыслѣ развитія прихожанъ. Боже, что я тутъ только засталъ, когда поступилъ лѣтъ пять тому назадъ!... Съ первыхъ же шаговъ принялся я за просвѣщеніе своихъ духовныхъ чадъ путемъ церковной проповѣди. Я проповѣдывалъ,—худо ли, хорошо ли—другой вопросъ,—неустанно. По результаты были слабые: сближеніе съ народомъ подвигалось плохо; обученіе, ознакомленіе съ религіозными и нравственными истинами прихожанъ—тоже. А это происходило, по-моему, оттого, что мои прихожане неаккуратно посѣщали церковь, несмотря на всѣ мои увѣщанія, и совсѣмъ непривычны были выслушивать внимательно и запоминать связную, болѣе или менѣе продолжительную рѣчь; притомъ же, мнѣ казалось—да и теперь я такъ думаю, что въ церкви за богослуженіемъ прихожанинъ смотритъ на служащаго священника спизу вверхъ и видитъ его на разстояніи; богослуженная обстановка ставитъ между ними нѣкоторое средостѣніе,

препятствующее тѣсному слиянію, общенію, интимности... Пѣть!—рѣшилъ я тогда:—не ихъ къ себѣ звать надо сначала, а самому идти къ нимъ—въ поле, въ деревню, въ избу и тамъ запросто, въ сердечной бесѣдѣ сродниться съ ними, узнать душу каждаго и тутъ же учить ихъ. Я ихъ пойму, узнаю,—и они, прихожане, поймутъ меня, полюбятъ, доверятся и будутъ внимательны къ моему добромъ слову... Съ этого и начались мои бесѣды. Помню, было начало лѣта. Въ каждой деревнѣ на поляхъ служили мы съ Потанычемъ, старикомъ-исаломщикомъ, молебны. Оканчивался молебенъ, снималъ я облаченіе и подходилъ съ простыми словами благословенія и благопожеланія къ прихожанамъ, которые тутъ собирались почти все на лицо. Темы для бесѣдъ были подерукой: то земледѣльческій трудъ, то содержаніе молитвъ и пѣснопѣній изъ молебна, то священныя изображенія, предъ которыми только-что молились. Но всякій разъ старался свести я свою рѣчь на земную жизнь Спасителя, исполненную дѣль Божественной любви, и проповѣдывалъ „Христа распята“. И затягивалась наша бесѣда по-долгу. Увлекался я, заслушивались и мои, беззащитные въ своей простотѣ и невѣжествѣ, прихожане. Видѣлъ я, какъ порой загорались свѣтлой, хорошей искрой ихъ до того времени безучастные взоры. Радовался я, довольны были и прихожане: „Спасибо, спасибо, батюшка, на добромъ словѣ... Не слышали мы раньше. Учи ты насъ, учи, родной, чаще учи!“—говорили прихожане. И мы уже разставались друзьями... Это было начало. Потомъ дѣло увлекло меня, бесѣды перенесъ я въ избы, и теперь пользуюсь каждымъ посѣщеніемъ деревни, чтобы собрать деревенцевъ и побесѣдовать. Часто бесѣдую. И вотъ результаты: знаю теперь всехъ прихожанъ отъ стараго до малаго, и они знаютъ меня, любятъ и доверяютъ во всемя. Теперь и церковная проповѣдь имъ на пользу: слушаютъ внимательно и посѣщаютъ богослуженія охотно. Въ церкви преподаю имъ ученіе вѣры въ порядкѣ, въ системѣ и болѣе основательно; но въ-церковныя бесѣды трудно упорядочить;

чаще онѣ обуславливаются житейскими случаями, праздниками и носятъ нравоучительный характеръ. Книгъ въ деревни я не беру, кромѣ св. Евангелія,—его часто читаю на бесѣдахъ. И какъ же любить слушать мои прихожане эту чудную Божественную книгу!... Видите теперь сами, собратья, какъ еще несовершенно поставлены у меня внѣ-церковныя бесѣды, и при всемъ томъ онѣ приносятъ не малую пользу... А какой бы онѣ явились силой въ рукахъ нашихъ, если бы организовать ихъ повсюду такъ же, какъ въ другихъ благоустроенныхъ приходахъ!..

Послѣдними словами молодой батюшка закончилъ свою рѣчь и смолкъ. Молчали и все мы, ожидая мнѣнія о. Алекасія Семеновича.

— Радуете вы меня, старика, дорогіе друзья, своими посѣщеніями, своими горячими разсужденіями. Видно, что все вы любите свое пастырское дѣло, и успѣхъ его дорогъ для васъ. Вотъ и теперь изъ вашихъ разговоровъ видно, что не спитъ, не бездѣйствуетъ поголовно наше духовенство, умѣетъ прокладывать и новыя, плодотворныя пути въ своей дѣятельности,—а это такъ теперь необходимо! Да, друзья мои! по моему мнѣнію, въ домашнихъ, внѣ-церковныхъ бесѣдахъ, умѣло поставленныхъ, слѣдуетъ видѣть намъ главное средство для утвержденія въ вѣрѣ и преданности Церкви православнаго простого народа. При помощи ихъ вѣрнѣе всего можно удержать отъ отпаденія слабыхъ, колеблющихся въ вѣрѣ прихожанъ. Вѣдь чѣмъ прельщаются простого чело-вѣка сектанты и отчасти старообрядцы, какъ не своими братскими собраніями, хотя и уродливыми, извращенными, но не лишенными своего рода назидательности, сердечности?... И вотъ прямымъ противовѣсомъ имъ должны явиться по возможности частыя бесѣды пастыря въ домахъ прихожанъ. Онѣ дадутъ удовлетвореніе духовнымъ запросамъ, и не за чѣмъ тогда будетъ идти православному къ штундистамъ и старообрядцамъ. Одного только здѣсь слѣдуетъ избѣгать—излишней оформленности, сложности и искусственныхъ приспособленій,

въ родѣ фонарей... Сказать ли откровенно?—Путь и способъ, выбранные въ этомъ дѣлѣ о. Николаемъ (такъ звали молодого батюшку), мнѣ кажутся болѣе вѣрными и симпатичными.

На этомъ кончилась наша бесѣда съ о. Алексѣемъ. Ободренные братскимъ общеніемъ и словами почтеннаго друга-хозяина. покинули мы его гостепріимный кровъ.

Священникъ *Аванатій Веселуцкій*.

Поучительная страничка изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси.

(Окончаніе ¹⁾).

IV.

Первою обязанностью церковно-приходской общины считалось постройка и украшеніе храма. Многочисленныя указанія лѣтописей даютъ право утверждать, что въ громадномъ большинствѣ мѣстностей инициатива и самая постройка храмовъ, а равно и всѣ заботы объ этомъ и издержки принадлежали именно приходу: образовалась церковно-приходская община,—и тутъ же, по общему желанію и свободному согласію, устраивалась патрональная приходская святыня. „Какъ скоро община сознавала нужды въ строеніи у себя храма,—говоритъ Знаменскій,—она назначала общій сборъ со своихъ членовъ; обращались и къ другимъ общинамъ за вспоможеніемъ“ ²⁾. Воплотивъ естественно, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, члены прихода всѣхъ званій и состояній считали своею прямою обязанностію заботу объ обезпеченіи и увеличеніи церковно-приходскаго благосостоянія. Да община и не могла

¹⁾ См. № 28-й за 1905 г.

²⁾ „Приходское духовенство на Руси“ стр. 18.

быть незаинтересованною экономическими дѣлами своей приходской церкви уже по одному тому, что „церковь была средоточіемъ ея общественной жизни и дѣятельности. Около нея на сходѣ рѣшались мірскія дѣла; въ ней хранили общинные документы; въ церковныхъ подвалахъ, въ пристройкахъ, въ разныхъ закоулкахъ и нишахъ самой церкви хранились товары“¹⁾.

Если интересы храма входили полностью въ жизнь церковно-приходской общины; если прихожане въ храмѣ видѣли залогъ своего благосостоянія, то не удивительно, что послѣдній считался общинною собственностью; понятна и трогательная заботливость прихожанъ о немъ. Г. Неволнинъ, въ изслѣдованіи своемъ о церквахъ обширной Новгородской области, очень часто приводитъ такого рода характерныя указанія изъ „писцовыхъ книгъ“, раскрывающихъ внутреннюю жизнь погостовъ: „все церковное строеніе приходное“, „строенье мірское“, все церковное имущество—„образы, свѣчи и книги приходные“²⁾. Иногда отмѣчалось, что церковь построена на „вопчей землѣ“. Всѣ церкви снабжены были земельными участками, на которыхъ находились дома и дворы священно-и церковнослужителей, бобылей, нищихъ, а также приходское кладбище. Въ большинствѣ погостовъ на церковной землѣ строились амбары и лавки, оброкъ съ которыхъ шелъ на церковь—„на темьянъ и свѣчи“³⁾.

Такъ обстояло дѣло не только относительно городскихъ церквей, но и относительно церквей сельскихъ. Въ Бѣлозерской писцовой книгѣ, при описаніи церквей села Богослов-

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

²⁾ „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“ въ журн. „Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, 1853 г., кв. VIII, прилож. XI, стр. 306, 307, 308; прилож. V, стран. 127; прилож. III, стр. 83.

³⁾ А. Поповъ. „Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ Сѣверной Россіи“ въ журн. „Русскій Вѣстникъ“, 1898 г., ноябрь, стр. 65—66.

скаго, замѣчено, что обыкновенно „церкви ставятся приходомъ“¹⁾).

Построивши церковь, прихожане общими силами заботились о сообщеніи ей извѣстнаго благолѣшя, снабженіи необходимыми принадлежностями. Здѣсь важнѣе, опять-таки, не самый фактъ попеченія прихожанъ о благосостояніи своего храма, а тѣ причины, которыя лежали въ основѣ этого попеченія. Самый строй жизни былъ наилучшей въ разсматриваемомъ отношеніи школой для членовъ древне-русскаго прихода. Существовавшія повсемѣстно такія скромныя учрежденія, какъ „братчины“, „медовыя братства“, гдѣ всякій припималъ равное участіе въ праздничномъ торжествѣ, и обсуждались общія нужды,—учрежденія, съ цѣлью доставленія приходской церкви средствъ на удовлетвореніе церковно-хозяйственныхъ потребностей, пріучали прихожанъ серьезно и внимательно относиться къ главнѣйшимъ своимъ обязанностямъ, какъ членовъ церковно- приходской общины, и прежде всего побуждали изыскивать средства для содержанія *церковнаго строеня* и домовъ для причта. Однимъ изъ характерныхъ проявленій этой заботливости былъ, между прочимъ, воскъ, который доставлялся братчиками на церковныя свѣчи. На этотъ же предметъ отдѣлялась часть братскихъ приношеній натурою, замѣненная современемъ даже денежнымъ взносомъ. Любопытно, до чего простиралась изобрѣтательность въ изысканіи средствъ для благоустройства приходскаго храма. По смыслу юридическихъ актовъ, въ древней Руси налагались мірскимъ приговоромъ на всѣхъ прихожанъ извѣстныя правственныя обязанности, за неисполненіе которыхъ виновные платили „штрафы въ пользу церковнаго строенія“²⁾.

V.

Какъ символы духовно-братскаго единенія членовъ, приходы невольнo являлись и средоточіемъ просвѣщенія. Мно-

¹⁾ Знаменскій. „Приходское духовенство на Руси“, стр. 18.

²⁾ Тамъ же, стр. 5—6.

гознаменательнымъ явленіемъ въ исторіи просвѣщенія древне-русскаго народа было то, что онъ получалъ образованіе не столько въ школахъ, сколько въ храмахъ—этихъ первыхъ училищахъ вѣры и благочестія. „Источникомъ свѣта въ древней Руси,—говоритъ проф. Ключевскій,—былъ приходскій храмъ, первымъ учителемъ былъ священникъ, приходъ—учебнымъ заведеніемъ, главнымъ инспекторомъ котораго былъ отецъ духовный“¹⁾. Духовенство жило общемо съ народомъ жизнью и общимъ умственнымъ кругозоромъ. Богослуженіе являлось первымъ и всеобъемлющимъ источникомъ православно-церковнаго обученія, при чемъ древне-русское духовенство старалось и дать возможность и расположить своихъ прихожанъ читать Свящ. Писаніе и творенія свв. отцовъ и учителей Церкви. Вообще, умственная жизнь прихода находилась не только въ самой близкой и тѣсной связи съ религіозною жизнью, но—можно сказать—въ ней одной и заключалась, ею одною почти вполне и исчерпывалась.

Первыя школы на Руси были учреждены, какъ извѣстно, тотчасъ со введеніемъ христіанства. Дѣтей учили въ нихъ сначала духовенство, а впоследствии—особые *мистера*. Церковь и школа шли рядомъ въ просвѣтительномъ вліяніи. И „разнообразныя свидѣтельства утверждаютъ, что умственное образованіе (у насъ) съ первыхъ еще временъ христіанства успѣло получить довольно обширные размѣры“²⁾; по крайней мѣрѣ, проф. Соболевскій находитъ, что „грамотность въ эпоху XV—XVII вв. на Руси привлекала всѣхъ отъ глухой деревни до высоты царскаго престола“, и приводитъ доказательства этого изъ подписей юридическихъ актовъ, изъ житій святыхъ того времени и изъ другихъ источниковъ³⁾.

¹⁾ Проф. Пономаревъ „Женщина въ духовной семьѣ въ связи съ исторіей приходскаго духовенства на Руси“ въ журн. „С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“. 1895 г. № 41, стр. 934.

²⁾ Лавровскій. „О древне-русскихъ училищахъ“. Харьковъ. 1864, стран. 66.

³⁾ Мирнопольскій. „Очеркъ исторіи ц.-прих. школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени“, вып. 1, стр. V.

Причина этого вполне понятна. До Петра Великого школа не составляла сословной привилегии высшего общества, а была, „распространена по всемъ сословіямъ, была общенародною и вездѣ однообразною; дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти простолюдина“¹⁾. Въ одной и той же школѣ собирались дѣти всѣхъ прихожанъ, какого бы званія, состоянія и достатка они ни были. „Наши школы были общесословныя и по происхожденію, такъ какъ устроены были не только *стараніемъ и накладомъ мѣщанъ* городовъ, но и *милостынями всѣхъ православныхъ христіанъ*, даже и до убогихъ вдовиць,—и по составу учениковъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ представителей различныхъ классовъ, начиная съ князей и кончая нищими“²⁾.

Какъ общенародная, церковно-приходская школа была, вслѣдствіе этого, и повсемѣстною. По словамъ изслѣдователя школьнаго дѣла въ древней Руси Леонтовича, „училища въ то отдаленное время, до XV вѣка, учреждались лишь тѣми мелкими общинами, которыя непосредственно нуждались въ школѣ, т. е. приходами; училища, такимъ образомъ, имѣли характеръ *приходскихъ*, удовлетворявшихъ главнымъ образомъ нуждамъ населенія своего прихода“³⁾. Гдѣ была церковь, тамъ производилось и ученіе. Древняя школа была неотдѣлима отъ церкви. Учителями въ ней являлись тѣ же духовныя лица; книжное ученіе исходило отъ Церкви и вело къ Церкви. Вмѣстѣ съ Церковью школа явилась, отъ нея питалась и въ ней черпала свою силу; вообще, вся она была про-

¹⁾ И. Забѣлинъ. „Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи“. „Отеч. Записки“, 1856, отд. критики, стр. 9, т. 106; ср. Мирнопольскій. „Очеркъ исторіи ц.-прих. шк. отъ перваго ея возникн. на Руси до наст. врем.“, вып. III, стр. 71.

²⁾ Харламовичъ. „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка“. Казань. 1898, стр. 474.

³⁾ „Школьный вопросъ въ древней Россіи“—въ журн. „Варшавскія Университ. Извѣстія“ 1894 г., V, стр. 14.

нижнута и согрѣта духомъ Православной Церкви. Поэтому, школы въ древней Руси представляли именно церковное учрежденіе. Онѣ и процвѣтали, благодаря лишь сочувствію и поддержкѣ прихожанъ, и вслѣдствіе этого глубоко входили въ народную жизнь, составляя живой и неотъемлемый элементъ ея. „Связь Церкви, школы и прихода сдѣлала школу учрежденіемъ вполне народнымъ, содѣйствовала быстрому распространѣнію школы въ древней Руси и установила ту крѣпкую связь съ нею народа, которая сохранилась и до нашихъ дней въ отношеніи школы *церковно-приходской*“¹⁾.

Такимъ образомъ, непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ всѣхъ членовъ всеобщей приходской единицы имѣло ближайшимъ и вмѣстѣ благотворнымъ своимъ послѣдствіемъ тотъ фактъ, что интересы Церкви и школы проникали въ жизнь народа и глубоко захватывали его. Дитя Церкви и руководимая ею, древне-русская школа была прочна и устойчива и шла прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ цѣли народнаго образованія.

Итакъ, образованіе въ древней Руси имѣло религіозно-бытовую подкладку, или, по гораздо болѣе точному выраженію г. Леоптовича, на долю школы, какъ всеобщаго учрежденія, выпало „миссіонерское“ служеніе, такъ что „древне-русская школа естественно должна была стать въ тѣсную бытовую связь съ Церковью, образовать съ ней цѣльный институтъ образовательно-просвѣтительныхъ функцій древняго общества, должна была сдѣлаться для *малыхъ дѣтей* такимъ же *храмомъ Божиимъ*, какъ для людей на возрастѣ приходскій храмъ“²⁾. И миссіонерская цѣль—„утвержденіе вѣры“, которое въ одинаковой степени необходимо всѣмъ и каждому, благодаря основному строю древне-русской школы, достигалась ею съ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ лѣ-

¹⁾ Милопольскій. „Очеркъ исторіи ц.-приходск. школы...“ выш. I, стр. 62“.

²⁾ „Варш. Унив. Изв.“, 1894 г., т. V, стр. 4.

тописей и других источниковъ, „въ теченіе всей древней исторіи школьное дѣло на Руси стояло безъ перерыва“¹⁾. Школа воспитывала для Церкви и отъ нея получала свою жизненную силу: та и другая одинаково должны были заботиться о томъ, чтобы каждый членъ православной общины-прихода „утверждался въ вѣрѣ съ малыхъ же лѣтъ путемъ книжнаго ученія въ школѣ, какъ и на возрастѣ путемъ ученія въ храмѣ“²⁾.

Такимъ образомъ, въ приходѣ, какъ всесловной общинѣ, представлялась довольно удобная почва для грамотности, и вводилась нѣкотораго рода обязательность обученія. Последняя „выросла на почвѣ религіозно-бытовыхъ условій древне-русской жизни; православный долженъ былъ посѣщать въ дѣтствѣ школу, чтобы съ полной сознательностью на возрастѣ посѣщать храмъ Божій, считаться полноправнымъ („го-раздовымъ, „истовымъ“) членомъ своей общины-прихода“³⁾.

Такъ какъ школа воспитывала дѣтей на началахъ церковности, то не удивительно, что народъ не только относился къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, но и считалъ своимъ долгомъ всячески споспѣшествовать ей въ ея дѣятельности. Однимъ словомъ, принципъ всесловности создавалъ въ приходѣ самое тѣсное внутреннее единство между церковно-богослужебною жизнью и ея просвѣтительными средствами⁴⁾.

VI.

Третьей функціей церковно-приходскаго организма является общественное призрѣніе. Въ довольно близкомъ отношеніи къ задачамъ общественнаго призрѣнія находилась уже

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 22—23.

³⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁴⁾ Наиболѣе широкую программу просвѣтительной дѣятельности преслѣдовали исторически выросшіе на приходской почвѣ, не ограниченныя определеннымъ райономъ, но тѣсно сплоченные союзы, такъ называемыя „братства“, съ XV вѣка густою сѣтью покрывшія Западную Русь. Тѣснѣйшимъ объединеніемъ своихъ членовъ они могли мощно способствовать развитію церковно-приходской жизни.

церковно-приходская школа въ древней Руси: въ школахъ получали пріютъ сироты и дѣти бѣдныхъ родителей (о содержаніи на церковный счетъ такихъ дѣтей часто упоминается въ грамотахъ отъ XIV вѣка и въ „Степенной Книгѣ“) ¹⁾. Вообще же, эта функція приходскаго организма стояла въ неразрывной связи съ указанными выше первыми двумя, или, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Леонтовичъ, Церковь, школа и богадѣльня, подъ вліяніемъ этическихъ возрѣній христіанства, сливались въ древней Руси въ „*одинъ неразрывный институтъ* благотворительно-просвѣтительныхъ, религиозно-воспитательныхъ функцій народной жизни“ ²⁾.

Прирѣніе, какъ явленіе, вызванное христіанствомъ и имѣвшее свой прототипъ въ Греціи, должно было получить у насъ прежде всего и главнымъ образомъ характеръ церковный. Уставъ св. Владиміра вполне убѣждаетъ, что прирѣніе сразу же получило религиозный, церковный типъ. Со времени появленія этого Устава, богатство церкви считается богатствомъ нищихъ: „последніе юридически предоставлены вѣдомству церкви и въ понятіи древне-русскаго человѣка считаются *красою церковною, Христовою братією, церковными людьми*“ ³⁾. Въ Уставѣ, въ числѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, нечисляются, между прочимъ, „задушный человѣкъ“ (рабъ или изгой), „сторонникъ“ (стражникъ), „слѣпецъ“, „хромецъ“; въ числѣ же учреждений—даже „больницы, гостиницы и страннопріимницы“ ⁴⁾. Столь широко была поставлена благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ.

¹⁾ Леонтовичъ. „Школьный вопросъ въ древней Россіи“—, Варш. Унив. Извѣстія“, 1894 г., V, стр. 61.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

³⁾ Пржезовъ. „Нищія на Святой Руси“ (матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи). Москва. 1862, стр. 58.

⁴⁾ И. Бѣляевъ. „Объ общественномъ значеніи христіанской Церкви и ея учреждений на Руси отъ св. Владиміра до монгольскаго владычества“—въ „Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія“, 1856 г., 91 ч., стр. 14—15.

Община не могла не озаботиться участіемъ къ своимъ же сочленамъ, сдѣлавшимся, по какимъ-либо обстоятельствамъ, нищими. И храмъ являлся естественнымъ средоточіемъ, къ которому стекались немощные и нуждающіеся. Подъ покровомъ же его призрѣніе получало необыкновенно твердые, прочные устои, такъ какъ оно служило прямымъ выраженіемъ приходской жизни. Церковныя общества, какъ мѣстныя и обнимающія лицъ всѣхъ сословій единицы, представляются наиболѣе цѣлесообразными для благотворительныхъ дѣлъ органами,—и это потому, что самое благоустройство общины-прихода тогда только возможно, когда основнымъ началомъ жизненныхъ отношеній ставятся взаимная помощь и поддержка.

Успѣхъ благотворительности въ древней Руси, такимъ образомъ, всецѣло обязанъ любви христіанской и той „мудрой организаціи“, какую представлялъ собою приходъ, гдѣ люди всѣхъ званій и сословій, „нося въ себѣ мысль о единой Церкви, воспроизводили ее въ жизни своихъ членовъ“, направляя свою дѣятельность на „возвышеніе духовнаго и матеріальнаго благосостоянія“ истинно нуждающихся¹⁾. Члены-жертвователи видѣли, что ихъ лепты употребляются на благія дѣла съ большою пользою, чѣмъ это они сами могли бы сдѣлать въ безсильномъ одиночествѣ:—этимъ и объясняется щедрость пожертвованій.

Гдѣ есть община-приходъ, тамъ не можетъ быть нищихъ безъ помощи. Приходъ, какъ болѣе или менѣе постоянная единица, съ опредѣленнымъ составомъ членовъ, лучше всего знаетъ положеніе нуждающихся; на приходской почвѣ скорѣе всего могутъ быть услышаны стоны истинной бѣдности, опредѣлена достаточная мѣра вспоможенія; а помощь прихода, при живомъ и активномъ участіи всѣхъ членовъ, должна быть признана самою дѣйствительною.

¹⁾ Кудрявцевъ. „Историческій очеркъ христіанской благотворительности“ (Два публичныя лекціи). Одесса, 1883, стр. 2—3.

Принципъ всеословности—первое условіе успѣшности и жизненности дѣлъ призрѣнія. Всякій разъ, когда призрѣніе замыкалось въ узкія сословныя рамки, оно едва влачило свое существованіе. Въ древней Руси призрѣніе потому и развивалось съ большимъ успѣхомъ, что оно всецѣло было дѣломъ прихода, дѣломъ строго обдуманнмъ и носило яркую религиозную окраску. „Нельзя не поразиться,—говоритъ М. Соколовскій, —обиліемъ указаній въ перенесенныхъ книгахъ XV—XVII вѣковъ на существованіе близъ монастырей и церквей нищенскихъ избъ-*келлій*,—указаній, которыми, можно сказать, переполнены эти книги“¹⁾. Число *келлій* было различно; обычно оно простиралось отъ одной и до двадцати, какъ это видно изъ изслѣдованія г. Неволнина: „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“. Въ „нищцовыхъ книгахъ“ указанію *келлій* всегда почти сопутствуетъ приписка: „а въ нихъ живутъ нищіе (старцы или старицы), шатаются милостиною о церкви Божіи“ и „о приходѣ“²⁾. При этомъ, о *келліяхъ* для нищихъ г. Неволнинъ упоминаетъ при описаніи почти всѣхъ погостовъ.—Вообще, на основаніи историческихъ данныхъ, слѣдуетъ заключить, что приходская благотворительность въ древней Руси развита была до очень большихъ сравнительно размѣровъ. „Можно сказать,—положительно утверждаетъ проф. Знаменскій,—что сколько было церквей въ Россіи и приходовъ, столько же въ ней было и богадѣленъ“³⁾.

Учреждая благотворительныя заведенія, прихожане въ древней Руси старались во-время поддержать и слабыхъ, предупредить ихъ возможную въ будущемъ нищету, для чего выдавали изъ церковной казны процентныя или безипроцентныя ссуды какъ деньгами, такъ равно и натурою.

¹⁾ „Къ вопросу о древне-русской благотворительности“ — журн. „Христ. Чтеніе“, 1:02 г., т. 213, кн. 6, стр. 783.

²⁾ „Записки Императ. Русскаго Географ. Общества“, 1853 г., кн. VIII, прилож. VI, стр. 173, 153, 178 и др.

³⁾ „Приходское духовенство на Руси“, стр. 30.

Весьма характернымъ и повсемѣстнымъ выраженіемъ общей всесловной приходской самодѣятельности въ области благотворенія служили упомянутыя выше *братчины*—„одно изъ выразительнѣйшихъ,—по словамъ проф. Знаменскаго,—проявленій приходской жизни“¹⁾ и „лучшее выраженіе религіознаго братства членовъ древне приходской общины“²⁾. Въ этихъ „братствахъ“ особенно интересны для насъ собственно братскіе обѣды для бѣдныхъ. Они, очевидно, представляли собою вполне развитый и цѣлесообразный способъ призрѣнія, такъ какъ способъ этотъ въ миньютюрѣ и по настоящее время живетъ въ памяти и даже въ обычаяхъ народа.—Такъ высоко стояли религіозно-церковные интересы у древнихъ приходскихъ общинъ, что, устраивая по праздникамъ свои братчинныя трапезы, не только не забывали дѣль христіанскаго милосердія, но старались какъ можно больше извлечь средствъ на эти дѣла.

Въ общемъ, приходская благотворительность въ древней Руси представляла собою какъ бы мостъ, построенный на началахъ любви и соединявшій два противоположныхъ берега—обездоленныхъ бѣдняковъ и людей, болѣе или менѣе обезпеченныхъ матеріальными средствами. По словамъ проф. Ключевскаго, „нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвою общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ воспитанія народа, состоящимъ при церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія“³⁾. Общинный строй жизни, всесловность обусловливали собою сознаніе взаимности мѣстныхъ и въ частности экономическихъ интересовъ прихожанъ; и при

¹⁾ „Учебное руководство по исторіи Русской Церкви“. Спб. 1896, ст. 105.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

³⁾ „Добрые люди на Св. Руси“—цит. ст. въ журн. „Вѣстникъ Благотворительности“ за 1897 г., № 1, статья С. Сперанскаго: „Къ исторіи нищенства въ Россіи“, стр. 38.

нравственномъ и экономическомъ сближеніи людей достаточныхъ съ бѣдными пресѣкалось то зло, какое обычно производитъ неравенство состояній. Въ обеспеченіи матеріальною помощью всѣхъ истинно нуждающихся и въ братскомъ характерѣ взаимопомощи древне-русскіе приходы приближались къ идеалу первой общины христіанской, которая „была по существу *трудовымъ братствомъ* (1 Тессалон. 4, 11; Ефес. 4, 28) и своею главною обязанностию почитала братолюбіе (Евр. 13, 1), которое выражалось въ благотвореніи, въ общительности (Евр. 13, 16; 2 Кор. 8, 19)“¹⁾.

Заканчивая настоящую поучительную страничку изъ исторіи церковно-приходской жизни древней Руси, не можемъ не сказать вмѣстѣ съ г. А. Соколовымъ, что приходскій строй древней Руси представлялъ въ высшей степени свѣтлое явленіе въ исторіи Русской Церкви. Сліяніе сословій въ приходской единицѣ таило въ себѣ прекрасный залогъ успѣшнѣйшаго достиженія высокихъ цѣлей. Оно давало самые твердые устои для церковно-приходской жизни, предоставляя приходу самую широкую самостоятельность, какъ главную жизненную силу, такъ что здѣсь дѣйствительно просто и самобытно достигались одинаково истинное просвѣщеніе и вполне цѣлесообразная благотворительность. Все это непремѣнно нужно имѣть въ виду при предстоящемъ реформированіи современнаго прихода.

„Какая страшная зиждительная и благословенная сила,— приведемъ въ заключеніе завѣтнѣйшее желаніе нашего великаго знатока и бытописателя русской жизни О. М. Достоевскаго,—новая, совсѣмъ уже новая сила явилась бы на Руси, если бы произошло у насъ единеніе сословій интеллигентныхъ

¹⁾ Палковъ. „Необходимость обновленія“ — „Русскій Вѣстникъ“, 1902 г., июнь, стр. 642.

съ народомъ!“¹⁾—А это единеніе ближе и скорѣе всего можетъ произойти—и притомъ совершенно естественнымъ путемъ—именно въ возрожденномъ приходѣ.

По поводу „Письма въ Редакцію“, напечатаннаго въ № 22 журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Поднятый мною на страницахъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ вопросъ о жалованьѣ духовенству (въ № 3-мъ за текущій годъ), къ моему удовольствію, вызвалъ болѣе или менѣе сочувственный откликъ. Имѣю въ виду „Письмо въ Редакцію“ въ № 22-мъ того же журнала.

Авторъ письма вполне соглашается съ главной мыслью моей статьи—о несоотвѣтствіи съ духомъ пастырства современнаго способа обезпеченія духовенства чрезъ добротныя даянія, а между тѣмъ никакъ не можетъ вполне отрѣшиться отъ мысли о необходимости сохраненія, и при существованіи жалованья, кружечнаго сбора въ качествѣ средства содержанія духовенства. Онъ предлагаетъ, въ видѣ средства собранія пожертвованій въ пользу духовенства, какой-то ящикъ, который можно бы развозить и разносить по приходу и хранить въ церкви. Мы вѣдь знаемъ хорошо, что законъ о кружечномъ сборѣ, какъ средство предупрежденія эксплуатаціи даяніями со стороны духовенства, существуетъ. Онъ можетъ и долженъ примѣняться въ отношеніи даяній при исповѣди и причащеніи; кружку необходимо имѣть при хожденіяхъ съ крестомъ и св. иконами, при проводахъ умершихъ и т. п. Всѣ даянія, конечно, должны опускаться самимъ даятелемъ въ эту кружку.

¹⁾ К. Одарченко. „Приходъ и братство“, прилож. „къ Русскому Труду“, стр. 13.

Законъ существуетъ,—но не больше ли на бумагѣ, въ канцеляріяхъ, чѣмъ въ жизни? и развѣ это не то же, что предлагаетъ авторъ? Можно ли ручаться, что и предлагаемый авторомъ ящикъ не очутится въ положеніи злополучной кружки—не сдѣлается предметомъ злоупотребленій и нарушеній? можно ли ручаться, что все дѣло не сведется къ тому же заколдованному кругу, изъ котораго нѣтъ выхода, т. е. что духовенство, несмотря и на достаточное вполнѣ жалованье, не будетъ попрежнему прибѣгать къ требованію мзды и вымогательствамъ?—Такого ручательства не можетъ быть, какъ показывается сама жизнь. Разъ существуютъ у священника постоянныя столкновенія съ отдѣльными лицами, и при этомъ фигурируетъ еще кружка, всегда будутъ поводы къ соблазнамъ. Нѣтъ, надо порвать связь съ даяніями. Они, пожалуй, примѣнимы еще къ церкви, къ разнаго рода благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя не ѣдятъ и не пьютъ, въ случаѣ нужды могутъ и закрываться; а голодное духовенство нужно „накормить,“—но накормить со смысломъ, какъ кормятъ труженниковъ на общественномъ и государственномъ поприщахъ, чтобы оно и не думало прибѣгать къ какимъ бы то ни было даяніямъ, къ разнаго рода кружкамъ, ящикамъ и тарелкамъ.

Полумѣры всегда и вездѣ вредны. Такъ и въ дѣлѣ обезпеченія духовенства. Требуется рѣшительный шагъ, къ которому, конечно, нужно основательно подготовиться, чтобы не создать вредныхъ налііативовъ.

Вопроса, какъ лучше духовенству получать жалованье—непосредственно отъ прихода, или же чрезъ посредство правительства, я коснулся въ своей статьѣ лишь мимоходомъ, попутно. Конечно, онъ требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. Я указывалъ на принудительность казенныхъ сборовъ, которые не могутъ такъ сообразоваться съ жизненными условіями разныхъ мѣстностей, какъ сборы общественныя, организуемые и контролируемые мѣстными, стоящими ближе къ дѣлу, лицами и учрежденіями. Поэтому, не худо будетъ, если жа-

лованье духовенство станетъ получать чрезъ казенныя учрежденія, — но — повторяю — при условіи, если будетъ вполне гарантированъ надлежащій порядокъ взиманія налоговъ, заключающійся въ сообразности съ условіями жизни въ разныхъ приходахъ; въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Своими, спеціальными средствами казна не въ состояніи скоро обезпечить приличнымъ жалованьемъ духовенство, что доказалъ опытъ прошлыхъ лѣтъ, и чему препятствуетъ финансовый кризисъ государственныхъ средствъ. А между тѣмъ, мы вступаемъ очень быстро въ новую эру *свободной* государственной и церковной жизни, когда потребуется *свободное, живое* пастырское слово для защиты православія, — слово, нуждающееся *въ гарантіи его искренности*. Медлить нельзя.

Будемъ надѣяться, что предстоящій церковный соборъ займется рѣшеніемъ этого важнаго вопроса и возбудитъ ходатайство предъ правительствомъ по этому дѣлу. А предварительно очень важно для духовенства высказаться въ печати и въ собраніяхъ по этому вопросу.

Свящ. *Н. Сокольскій*.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го іюля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюля 24-го.

Содержаніе: Отчего не дѣйствена наша проповѣдь? — Апокрифическія евангеліи (продолженіе).— Изъ монахъ воспоминавій (окончаніе).

Отчего не дѣйствена наша проповѣдь?

И всегда наше образованное интеллигентное общество относилось критически, съ недовѣріемъ къ православному духовенству, не желая признавать за нимъ творческой, созидательной силы; теперь же, когда у насъ усиленно и сгѣшно производится „переоцѣнка всевозможныхъ политическихъ и общественныхъ цѣнностей“, отношеніе къ духовенству со стороны общества и свѣтской печати сдѣлалось еще строже, неумолимѣе. Значеніе его въ смыслѣ дѣятельной общественной силы сводится къ нулю; плодотворность, жизненность вліянія его на общество и народъ отрицается всецѣло. На ряду съ „бюрократіей“, оно объявляется мертвящей, бесполезной, отрицательной величиной. Особенно достается представителямъ духовенства отъ бойкихъ и строгихъ публицистовъ за мертвенность, безсодержательность и недѣйственность церков-

ной проповѣди. Последнее обвиненіе должно имѣть особенное значеніе для духовенства, и разобраться въ немъ для насъ необходимо и весьма благовременно. Попытаемся сдѣлать это посильно и поищемъ путей и способовъ къ устраненію горькаго обвиненія на будущее время; подумаемъ, какъ и чѣмъ поднять вліяніе и авторитетъ церковнаго учительства.

„Когда я слышу поученія даже уважаемыхъ мною пастырей,—говорить г. Меньшиковъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ нашихъ публицистовъ,—я поражаюсь, до какой степени на меня они не дѣйствуютъ. Слушаешь съ величайшимъ вниманіемъ—хоть бы на чемъ-нибудь зацѣпиться мысли. Спрашиваю сосѣдей: поправилось?—„О, да. Превосходно!“.. Но ни волненія въ голосѣ, ни затаеннаго вздоха, ни нечаянно подступившихъ слезъ. Вѣдь не каменные же мы люди. Какая-нибудь мелодія на шарманкѣ иной разъ трогаетъ до глубины души. Какое-нибудь припомнившееся стихотвореніе кажется пророческимъ, оно волнуется и преслѣдуетъ часами. Даже простая журнальная замѣтка, искренно написанная, она иной разъ уже событіе дня. Почему же проповѣди нашихъ отцовъ духовныхъ такъ блѣдны и незначительны и рѣшительно ничего-таки не говорятъ ни уму, ни сердцу?—Вотъ въ чемъ дѣйствительно наше горе. Исчезло изъ міра апостольское слово. Возбудитель священнаго вдохновенія и обновленія поникъ и замеръ. Духовенство наше постепенно перестало быть учительнымъ. Оно обратилось въ одно изъ мертвыхъ установленій, которыхъ теперь такъ много. Какъ отсыхающій органъ въ тѣлѣ, физически оно присутствуетъ, но функція его исчезла“ („Письма къ ближнимъ“).

Въ этомъ „обвинительномъ актѣ“ по адресу нашихъ проповѣдей и проповѣдниковъ, отзывающемся глубокою искренностью, слышется вопль и скорбь наболѣвшаго сердца о безвозвратной утратѣ дорогой святыни; притомъ, вылился онъ изъ-подъ пера человѣка, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ открытой враждебности противъ Церкви. Само собою понятно, что съ такимъ мнѣніемъ, которое раздѣляетъ

большинство нашего общества и печати, необходимо считаться серьезно. Но как?.. Только оправдываться отъ возводимого обвиненія путемъ отрицанія факта, выставляемаго съ такой настойчивостію и убѣжденностію, было бы бесполезно; принять всю вину въ происхожденіи печальнаго явленія на себя—было бы малодушно и не справедливо. Самое лучшее—разобраться въ причинахъ, породившихъ этотъ фактъ; тогда и видно будетъ, кто и насколько въ немъ повиненъ, и чѣмъ можно помочь горю.

II.

Фактъ, что наше современное церковное учительство оказываетъ мало вліянія на общество, особенно на его интеллигентную часть, неоспоримъ; его слѣдуетъ признать, хотя съ болью и скорбью въ душѣ. Церковная проповѣдь, раздающаяся въ городскихъ и сельскихъ храмахъ, не оказываетъ возрождающаго, захватывающаго сердце и душу дѣйствія на слушателей. Если и замѣтно ея вліяніе, то развѣ только въ случаяхъ призыва къ пожертвованіямъ на разныя богоугодныя, благотворительныя и патріотическія цѣли; но и здѣсь вліяніе ея не достигаетъ надлежащей, желательной высоты, какъ показываетъ постепенно оскудѣвающій источникъ пожертвованій въ настоящую войну... Дѣло съ церковнымъ учительствомъ обстоитъ у насъ почти такъ, какъ изображаетъ это г. Меньшиковъ въ своихъ „Письмахъ къ ближнимъ“.

Но знаменуетъ ли собою этотъ печальный самъ по себѣ фактъ, какъ хочетъ увѣрить г. Меньшиковъ, что „исчезло изъ міра апостольское слово, что возбудитель священнаго вдохновенія померкъ и замеръ, что духовенство обратилось въ одно изъ мертвыхъ установленій: физически оно присутствуетъ, но функціи его исчезли?.. Ужели въ конецъ „оскудѣлъ преподобный“ въ Русской Церкви, оставила ее сила Божія, и нѣтъ больше людей, способныхъ „глаголомъ жечь сердца людей?“—Впикая въ причины тревожнаго и печаль-

наго факта нашей церковно-религіозной жизни, мы должны притти къ заключеніямъ менѣе безотраднымъ, и вина на добрую половину должна быть снята съ плечъ нашихъ пастырей.

Прежде всего, слѣдуетъ разобраться, что представляетъ собою наше современное образованное общество въ смыслѣ воспріимчивости къ Слову Божію и церковному учительству. Не подобна ли эта среда современникамъ пророка Ісаи и современникамъ Христовымъ, о которыхъ сказано: „огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не разумѣютъ сердцемъ“ (Мѡ. 13, 15)? Если наше общество, а отчасти и народъ, плохо „пріемлютъ и то, что говорится о земномъ, то какъ уразумѣютъ, если рекутъ имъ о небесномъ?“.. Кто же тогда виноватъ, если представителя подобной среды трогаютъ мотивъ шарманки—и ни мало не умнляетъ слово церковнаго проповѣдника?—Думается, ужь никакъ не пастырь-проповѣдникъ.

И въ самомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на то, чѣмъ живетъ наше общество, куда направлены его интересы, мы найдемъ, что, по своему жизненному укладу, сложившемуся исторически воспитаніемъ и образованіемъ, оно являть должно въ высшей степени неблагопріятную, невоспріимчивую среду къ воздѣйствію Духа Божія вообще и учительства Церкви въ частности. И нашимъ обвинителямъ можно съ полнымъ правомъ возвратить брошенный намъ упрекъ въ томъ смыслѣ, что они и сами на половину повинны въ томъ, въ чемъ обвиняютъ насъ, и что безплодность, недѣйственность церковнаго учительства не всегда можетъ служить показателемъ духовной смерти „возбудителей священнаго обновленія“, а объясняется также и невоспріимчивостію, косностію среды. Не напрасно сказалъ о томъ и ап. Павелъ: „душевень чловѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія“ (1 Кор. 2, 14), разумѣя подъ „душевнымъ“ чловѣкомъ нѣкоторыхъ коринѳянъ,

весьма похожихъ, по своему направленію и укладу жизни, на нашихъ обвинителей.

Но это только одна сторона дѣла, и о ней—довольно. Обратимся теперь къ самимъ себѣ и пастырямъ, насколько и въ чемъ повинны сами проповѣдники, а также—какими дефектами страдаетъ у насъ постановка церковнаго учительства, что современная проповѣдь является, по общему признанію, недѣйственной, не достигающей прямой своей цѣли.

III.

Разсуждая теоретически, проповѣдь, благовѣстіе, учительство должны быть признаны самымъ жизненнымъ первымъ въ нашей Православной Церкви. „Учить народы“ Господь поставилъ въ первую обязанность апостоламъ, а въ лицѣ ихъ—и во всемъ пастырямъ. И мы знаемъ, какъ глубоко поняли и осуществили св. апостолы этотъ завѣтъ Христовъ. Они. „исшедше, проповѣдаша всюду“; въ частности, ап. Павелъ всю жизнь посвятилъ благовѣстію и торжественно заявлялъ: „не послалъ меня Богъ крестить, но благовѣстити“. прибавляя, въ сознаніи святости и обязанности для себя этого долга: *юре мнѣ, аще не благовѣствую!* Это сознаніе чрезвычайной важности и необходимости учительства, какъ первой обязанности пастырей, было присуще всей первенствующей Церкви, а равно и Церкви послѣдующихъ вѣковъ. когда церковное учительство достигло пышнаго расцвѣта, и церковная проповѣдь властно вліяла на умы и сердца вѣрующихъ безъ различія ихъ состоянія и положенія. Несомнѣнно, тотъ же взглядъ на значеніе церковнаго учительства всегда раздѣляла и раздѣляетъ и наша Русская Православная Церковь. Иначе быть не могло и не можетъ. Но одно дѣло—теоретическое признаніе важности, плодотворности, святости извѣстной идеи, извѣстнаго долга, и другое дѣло—проведеніе, осуществленіе ихъ въ жизни. Вотъ на этой именно практической, жизненной почвѣ наше современное

проповѣдничество и не чуждо существенныхъ дефектовъ, лишающихъ его желательной силы и прочнаго, глубокаго вліянія.

Присматриваясь внимательно къ дѣятельности представителей нашего духовенства, мы едва ли найдемъ, чтобы сознаніе долга учительства занимало въ ней первое мѣсто. Среди множества служебныхъ обязанностей, изъ которыхъ нѣкоторыя носятъ срочный, формальный характеръ, и потому настоячивѣе другихъ напоминаютъ о себѣ, главнѣйшій долгъ учительства какъ-то роковымъ образомъ въ сознаніи современнаго русскаго пастыря отступаетъ на неподобающее ему второстепенное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется у насъ приходскихъ пастырей, которые бы долгу учительства церковнаго отдавали всѣ свои силы, все свое время, рѣшаясь лучше сдѣлать упущеніе въ исполненіи срочной формальной обязанности, чѣмъ поступиться должной подготовкой къ проповѣди или произнесеніемъ ея? Не чаще ли, даже не въ большинствѣ ли случаевъ, у насъ бываетъ наоборотъ: не нашлось лишняго, свободнаго времени, за скопленіемъ прочихъ дѣлъ, для составленія поученія, для обдумыванія импровизаціи,—и служба Божія остается безъ обыкновеннаго въ положенное время поученія отъ пастыря?.. Подобное упущеніе едва ли способно исторгнуть изъ груди пастыря полное глубины апостольское восклицаніе: *горе мнѣ, иже не благовѣствую!*—хорошо, если современный пастырь со вздохомъ скажетъ въ такомъ случаѣ: „что дѣлать,—не разорваться же!“.. Впрочемъ, иначе пастырь и не можетъ поступить. Предпочтеніе всѣхъ прочихъ служебныхъ обязанностей, даже принятыхъ со стороны на себя, долгу церковнаго учительства неизбѣжно вызывается у насъ условіями и требованіями, которыя предъявляются къ пастырю. Онъ знаетъ очень хорошо, что за несвоевременное исполненіе, а тѣмъ болѣе за допущенную въ немъ ошибку, большей части своихъ обязанностей — даже формально-канцелярскихъ — непремѣнно подвергнется строгой отвѣтственности и можетъ полатиться

служебнымъ положеніемъ; знаетъ онъ также и то, что за упущеніе по долгу учительства, даже за полное пренебреженіе имъ, не заплатится ничѣмъ. Во всякомъ случаѣ, пастырѣ видятъ и знаютъ изъ опыта, что этому главнѣйшему долгу его служенія не придается у насъ характера строгой обязанности въ отношеніи его исполненія, какъ другимъ сторонамъ пастырской дѣятельности. Развѣ не на его глазахъ священники ревностные, аккуратные, точные въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, особенно возлагаемыхъ на нихъ со стороны, совсѣмъ не занимаясь проповѣдничествомъ, пользуются служебными преимуществами,—и въ то же время пастыри, прилежащіе въ ученіи и проповѣданіи, но не блестящіе талантомъ исполнительности, остаются въ тѣни и „сугубыя чести не сподобляются?“.. И вотъ, при подобныхъ условіяхъ, невольно слагается представленіе о церковномъ учительствѣ, какъ о нѣкоемъ „свободномъ искусствѣ“ (да простятъ читатели за такое выраженіе), отъ служенія которому и уснѣховъ въ немъ, а равно и отъ небреженія имъ, пастырю, какъ говорится, ни тепло, ни холодно... И это— вмѣсто того, чтобы каждый изъ насъ—пастырей чувствовалъ и сознавалъ всю обязательность для себя возложеннаго на насъ Христомъ апостольскаго долга и представлялъ страшную отвѣтственность предъ Нимъ и предъ духовными чадами своими за небрежное исполненіе его...

Не вдаваясь въ изысканіе причинъ такого ненормальнаго положенія и состоянія у насъ церковнаго учительства, не огражденнаго и съ внѣшней стороны точными и строгими церковными узаконеніями, скажемъ одно—что именно этимъ печальнымъ положеніемъ обуславливается у насъ, главнымъ образомъ, слабое развитіе церковнаго проповѣдничества, его маловліятельность на общество и народъ. Здѣсь, думается, источникъ и причина всѣхъ слабыхъ сторонъ, которыя присущи современной церковной проповѣди. Къ нимъ и перейдемъ теперь.

IV.

Къ существеннымъ недостаткамъ церковнаго современнаго учительства, которые лишаютъ его должнаго значенія. силы и вліянія, слѣдуетъ отнести: случайность и произволь въ содержаніи проповѣдей, случайную смѣну проповѣдниковъ на одной и той же кафедрѣ,—напр., въ городскихъ соборныхъ и многопричтныхъ церквахъ,—и, наконецъ, отсутствіе постоянства, недостатокъ выдержки и настойчивости въ веденіи проповѣдническаго дѣла. Понятно и безъ объясненій, что все эти недостатки протекаютъ изъ главнаго, отмѣченнаго выше; и они-то болѣе всего вредятъ успѣху проповѣди.

Случайность содержанія поученія—это обычный и самый распространенный недостатокъ въ постановкѣ церковнаго учительства. У насъ даже постоянный и богомольный посѣтитель храма Божія никакъ не можетъ предугадать, о чемъ будетъ говорить вышедшій на кафедру проповѣдникъ. Рѣчь, мысли проповѣдника, какъ снѣгъ на голову, попадаютъ въ душу и сердце слушателя—и всякій разъ, не имѣя подготовленной почвы, остаются на нивѣ сердца одинокимъ, случайнымъ, сиротливымъ, а потому и не плодоноснымъ, зерномъ. Не можетъ такая случайная проповѣдь ни умилить, ни тронуть слушателя, а развѣ удивить только и поразить его неожиданностію. Иное дѣйствіе могла бы произвести проповѣдь, если бы она являлась не печаяностію, а звеномъ въ связаномъ рядѣ другихъ поученій или органически была связана съ содержаніемъ богослуженія; но ни то, ни другое у насъ, по большей части, не соблюдается. Не потому ли умѣло устраиваемыя публичные чтенія, объединенныя общей идеей, и о содержаніи которыхъ бываетъ освѣдомлена публика заранее, несравненно охотнѣе выслушиваются ею,—будетъ ли чтеніе религіозное, или научное,—и оставляютъ часто болѣе глубокіе слѣды въ слушатель, чѣмъ церковная проповѣдь?..

Не менше вредить дѣлу церковнаго учительства неупорядоченная смѣна проповѣдниковъ въ соборахъ и многопричтныхъ церквахъ. Обыкновенно бываетъ такъ: сегодня выступастъ съ проповѣдью одинъ священникъ изъ соборнаго или многопричтнаго штата, въ слѣдующій ближайшій праздникъ—другой, потомъ—посторонній проповѣдникъ и т. д.; при чемъ подобная пестрая смѣна не обусловлена какимъ-нибудь порядкомъ, а вызывается случайными обстоятельствами—въ родѣ приглашеній, назначеній или бѣльшаго досуга, вышавшаго на долю одного изъ членовъ причта. Такой способъ проповѣданія разными лицами, да еще при произвольномъ выборѣ темъ, для богомольцевъ и тѣхъ постоянныхъ посѣтителей храма, которые хотѣли бы чрезъ проповѣдь достигнуть постепенно духовнаго совершенствованія, ни въ какомъ случаѣ не дастъ удовлетворенія. Вѣдь подобная система весьма сходна съ тѣмъ, какъ если бы въ учебномъ заведеніи вели преподаваніе одного и того же предмета одному классу 5—6 учителей, смѣняясь поурочно, и притомъ въ случайномъ порядкѣ. Трудно ждаты успѣха отъ такого преподаванія; тѣмъ болѣе—напрасно ожидать благихъ и прочныхъ результатовъ при отмѣченной безсистемности въ проповѣданіи Слова Божія. И удивительно ли, если случайная для слушателя по содержанію проповѣдь, сказанная лицомъ, тоже неожиданно явившимся на кафедрѣ, не потрясетъ души и не умилишь сердца слушателей, хотя бы проповѣдь сама по себѣ была прекрасна, и проповѣдникъ образцовымъ ораторомъ.

Но если неупорядоченность въ постановкѣ проповѣдническаго дѣла неблагопріятно отзывается на слушателяхъ, то еще болѣе вредить она самимъ проповѣдникамъ, лишая ихъ возможности отнестись, какъ должно, къ этому дѣлу. У нихъ отнимаются въ данномъ случаѣ способы и средства быть на высотѣ своего положенія: изучить свой предметъ глубоко и основательно, полюбить его и чрезъ продолжительное размышленіе сродниться съ тѣми идеями и чувствами, которыми они будутъ дѣлиться съ слушателями. При указанномъ нами по-

рядкѣ церковнаго учительства не можетъ установиться духовное единеніе, общеніе душъ и сердець между проповѣдникомъ и слушателями, а потому и проповѣдь лишается теплоты, сердечности, прочувствованности и является „мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ“ для слушателей. Иные бы совершенно результаты имѣла наша проповѣдь, если бы каждый пастырь-проповѣдникъ былъ „въ курсѣ дѣла“: знали мѣсто и время, гдѣ и когда ему придется учительствовать, и имѣли возможность сродниться душой со своими слушателями.

Въ значительной степени вредитъ успѣху церковнаго учительства, лишаетъ его прочнаго, неотразимаго вліянія на интеллигентное общество и народъ еще одинъ грѣхъ, въ которомъ повинны многіе изъ насъ. Это—отсутствіе постоянства, выдержки, настойчивости въ проповѣданіи Слова Божія. Не часто ли случается, что, видя малоуспѣшность въ этомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ, проповѣдникъ тотчасъ же теряетъ энергію, или, какъ бы утомившись горячо и усердно начатымъ служеніемъ слову, позволяетъ себѣ упущенія въ немъ, подыскивая всевозможныя оправданія?.. Но не будемъ распространяться объ этомъ: несомнѣнная польза постоянности и постоянства во всякомъ дѣлѣ очевидны, а судить о великой отвѣтственности предъ Богомъ и людьми за грѣхъ упущенія въ такомъ святомъ дѣлѣ лучше предоставить совѣсти погрѣшающихъ...

Какіе же пути и способы существуютъ къ поднятію церковнаго учительства на подобающую высоту? чѣмъ можно возратить нашей проповѣди ея силу и возрождающее, обновляющее дѣйствіе на современное интеллигентное общество и народъ?—Ждать возрожденія и обновленія церковной проповѣди отъ насъ было бы напрасно; устраненіе недостатковъ современнаго церковнаго учительства, постановка его на должную высоту зависить отъ насъ самихъ, отъ нашего личнаго обновленія и глубокаго сознанія тѣхъ отвѣтственныхъ задачъ, какія возлагаются на духовенство современной

русскою жизнию. А лучшимъ путемъ къ этому должна послужить наша пастырская солидарность, единомысліе въ рѣшеніи пастырскихъ и, въ частности, проповѣдническихъ вопросовъ. Обсужденіе ихъ, выработка программы пастырской просвѣтительной дѣятельности должны происходить на нашихъ собраніяхъ и съѣздахъ—по градамъ и весямъ. Въ данномъ случаѣ начало уже положено столичнымъ духовенствомъ и духовенствомъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ. Дай Богъ, чтобы стремленіе къ поднятію церковнаго учительства стало всеобщимъ и привело къ желанной цѣли. Это особенно желательно въ настоящее тревожное, маловѣрное время, переживаемое дорогой отчизной. Свящ. А. Веселичій.

Апокрифическія евангелія.

(Продолженіе ¹⁾).

Всѣ апокрифическія евангелія совершенно расходятся съ подлинными Евангеліями какъ въ главномъ, такъ и въ подробностяхъ. Каноническія Евангелія содержатъ догматическія и нравственныя истины; въ апокрифическихъ же нѣтъ и слѣда ученія Спасителя. Съ одной стороны видимъ богатѣйшую сокровищницу истинъ, плѣняющихъ умы и сердца своею высотой; съ другой—рядъ чудесъ, не мотивированныхъ никакимъ разумнымъ основаніемъ. Полное отсутствіе учительнаго элемента въ апокрифическихъ евангеліяхъ не допускаетъ никакого сравненія ихъ съ каноническими Евангеліями. Впрочемъ, нѣкоторые рационалисты въ апокрифахъ видятъ не болѣе, какъ только передѣлку, приноровленіе, словесное распространеніе, блѣдные очерки того, что содержится въ каноническихъ Евангеліяхъ; въ то же время они не хотятъ признать священнаго характера за подлинными

¹⁾ См. № 28. 1905 г. 2 т.

Евангеліями. „Если,—говорятъ,—апокрифическія евангелія представляютъ собою произведенія легендарнаго творчества, то почему нельзя сказать того же самаго и о каноническихъ Евангеліяхъ? Почему не допустить творческаго вѣка, когда въ глубинѣ народнаго сознанія намѣчаются величественныя черты легенды, и переходнаго времени, которое, утрачивая поѣтическую жилу, ограничивается лишь воспроизведеніемъ старыхъ вымысловъ?—Каноническія Евангелія являются произведеніями *перваго* вѣка, апокрифы относятся ко *второму*“.

Но достаточно простаго сравненія между тѣми и другими, чтобы совершенно отвергнуть однородность ихъ происхожденія. Нѣтъ ничего легче, какъ вымышлять чудеса. Что требуется для этого?—Не много легковѣрія или поѣческаго восторга. Это и сдѣлали авторы апокрифическихъ евангелій. Но можно ли допустить, чтобы горсть простыхъ и неученыхъ іудеевъ создала своимъ воображеніемъ совершеннѣйшую нравственность, какая только можетъ быть представлена, и рядъ догматовъ, превосходящихъ все, что могла предполагать древняя философія; чтобы они сочинили пагорную проповѣдь и бесѣду, произнесенную Спасителемъ на Тайной вечери—это возвышеннѣйшее ученіе о Пресвятой Троицѣ, воплощеніи, искупленіи,—все это христіанское домостроительство, премудрость котораго не имѣетъ ничего равнаго себѣ?—Чудеса могутъ быть сочиняемы независимо отъ того, вѣрятъ имъ, или нѣтъ; но высочайшее ученіе, пронесенное по землѣ людьми, покинувшими рыбацкія сѣти,—ученіе, совершенно чуждое всему, что говорилось и мыслилось до тѣхъ поръ въ мірѣ, никогда не могло быть сочинено простымъ смертнымъ. Сколько бы вы ни обращались къ творческой силѣ человѣческаго духа,—предстанетъ предъ вами необъяснимый безпримѣрный фактъ: нѣсколько простыхъ людей въ данный моментъ исторіи распространили религіозное и нравственное ученіе, которое покорило цивилизованный міръ и доселѣ управляетъ имъ. Вотъ содержаніе и дѣйствіе каноническихъ Евангелій; вотъ что не допускаетъ смѣливать ихъ

происхожденіе съ происхожденіемъ апокрифовъ. Апокрифическія евангелія не только не составляютъ серьезнаго противорѣчія для достовѣрности нашихъ Евангелій, но даютъ очень важное доказательство общезвѣстности первоначальныхъ фактовъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, что доказываетъ такое множество сочиненій, относящихся къ лицу Иисуса Христа?—Это доказываетъ, что дѣйствія Богочеловѣка имѣли неизмѣримый отголосокъ на Востокѣ—колыбели вышепредставленныхъ легендъ; это значить, что чудесный характеръ Его жизни охватилъ умы и неотразимо дѣйствовать на воображеніе всѣхъ и cadaго. Впечатленіе, произведенное этими великими событіями, было столь живо, что многіе поспѣшили излить его на бумагѣ, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній—иногда прибѣгали къ мѣстнымъ преданіямъ, опирались на ложныя или неточныя данныя. Такъ какъ дѣтство и отрочество Спасителя были менѣе извѣстны, чѣмъ Его общественная жизнь, то на нихъ преимущественно останавливалось благочестивое любопытство или страстное легковѣріе къ чудесному. Дѣйствительно, нѣкоторые не могли согласиться, чтобы Младенецъ-Иисусъ не творилъ чудесъ даже прежде, чѣмъ началъ говорить, или позже, когда сталъ играть съ Своими сверстниками, и не помогать прав. Иосифу въ его ремеслѣ. Отсюда—эти многочисленные рассказы, образецъ которыхъ мы видѣли въ „Евангеліи дѣтства“. Но, повторяемъ, это множество достовѣрныхъ или недостовѣрныхъ сказаній показываетъ именно, какое сильное дѣйствіе на умы народовъ производили жизнь и ученіе Иисуса Христа. Не дѣлалось бы фальшивой монеты, если бы не существовало подлинной. Точно также поддѣлка евангельскихъ сказаній доказываетъ ихъ дѣйствительность. Апокрифическія евангелія съ несомнѣнностью предполагаютъ Евангелія каноническія уже существовавшими и распространенными по свѣту. Иначе, какъ объяснить ихъ молчаніе объ общественной жизни Спасителя и Его ученіи? Какъ произошло, что они порываютъ пить своего повѣствованія на томъ мѣстѣ, гдѣ начина-

ются сказанія евангелистовъ, или же возобновляютъ ее со смерти Иисуса Христа, какъ дѣлаетъ „Евангеліе Никодима?“ Какъ случилось, что „Евангеліе дѣтства“ и „Евангеліе Оумы-Израильтянина“ оканчиваются словами, которыми открывается у св. Луки общественная дѣятельность Христа-Спасителя?— Очевидно, каноническія Евангелія были всѣмъ извѣстны: авторы апокрифовъ имѣли ихъ подъ руками или, по крайней мѣрѣ, знали ихъ; поэтому, казалось излишнимъ описывать факты, всѣмъ извѣстные, а оставалось только восполнять промежутки или предполагаемые пробѣлы въ евангельскомъ повѣствованіи, разсматривать дѣтство Иисуса, Его пребываніе въ Египтѣ, смерть св. Иосифа, рожденіе и жизнь Пресв. Дѣвы. Таковъ обычный предметъ евангелій апокрифическихъ.

Итакъ, что же думать объ историческомъ значеніи этихъ произведеній? Смотрѣть ли на нихъ, какъ на дѣло легковѣрія или поэтическаго вымысла, совершенно отрицая дѣйствительность фактовъ, о которыхъ они упоминаютъ, или же можно допустить, что въ основѣ ихъ лежатъ данныя преданія, только въ болѣе или менѣе украшенномъ или искаженномъ видѣ?— Начнемъ тѣмъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, Церковь показала свою глубокую мудрость, не признавая за несвященными евангеліями ни учительнаго значенія, ни даже характера достовѣрности, такъ какъ слово „апокрифъ“ имѣло это именно двойное значеніе въ христіанской древности: оно означаетъ или книги, которыя не были приняты въ канонъ Писанія, или же сочиненія, носящія имя подложнаго автора. Въ приложеніи къ евангеліямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, этотъ терминъ имѣетъ оба значенія. Изъ св. отцовъ Церкви никто не признавалъ ихъ ни богодухновенными, ни даже достовѣрными книгами. Но изъ того, что книга не пользовалась никакимъ авторитетомъ въ области ученія, или изъ того, что она была ложно приписываема извѣстному автору, еще не слѣдуетъ, чтобы все заключающееся въ ней было совершеннымъ вымысломъ. Не отрицая того, что есть много ложнаго въ апокрифическихъ евангеліяхъ, можно признать за ними извѣст-

ную долю и исторической правды, какъ бы ни была мала такая доля. Это замѣчаніе должно быть приложено въ особенности къ жизни Пресв. Дѣвы, какъ она изображается въ апокрифическихъ евангеліяхъ.

Жизнь Пресв. Богородицы, не описанная подробно въ священныхъ книгахъ, естественно должна была возбуждать любопытство многихъ и обращать на себя благочестивое вниманіе составителей легендъ. Въ этомъ пунктѣ между апокрифическими евангеліями замѣчается рѣдкое сходство. Долгое безплодіе Анны, матери Пресв. Дѣвы, данный ею обѣтъ—посвятить свое Дитя на служеніе Богу, приведеніе трехлѣтней Маріи во храмъ, воспитаніе, которое получила Она среди жившихъ при храмѣ дѣвъ, обѣтъ дѣвства, данный Маріею. Ея обрученіе съ Іосифомъ, глубокая старость Іосифа въ это время—всѣ такія подробности и множество другихъ представлены почти одинаково въ „Первоевангеліи“, приписываемомъ св. Іакову, въ „Евангеліи рождества Маріи“ и въ „Исторіи рожденія Маріи и дѣтства Спасителя“. Трудно допустить, чтобы различные писатели могли такъ близко сойтись между собою, если бы въ ихъ повѣствованіяхъ все было чистымъ вымысломъ, или если бы они не пользовались общеизвѣстнымъ преданіемъ. Послѣ великихъ событій, свидѣтельницами которыхъ пришлось быть Іудеѣ, общественное вниманіе не могло не обратиться къ Матери Іисуса Христа. Требовалось вспомнить годы Ея дѣтства, собрать всѣ преданія, сюда относящіяся. Пусть примѣшался здѣсь легендарный элементъ, украсившій или даже перешачившій эти преданія; но ничто не препятствуетъ признать, что въ главныхъ частяхъ ихъ сказанія есть свѣдѣнія, которыя сообщаютъ имъ если не достовѣрность, то, по крайней мѣрѣ, высшую степень вѣроятности. Этимъ объясняется, какъ въ средніе вѣка могли, не нарушая правилъ здоровой критики, приводить свидѣтельства апокрифическихъ евангелій относительно нѣкоторыхъ малонзвѣстныхъ подробностей жизни Божіей Матери. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ ихъ повѣствованія на-

ходятъ подтвержденіе у св. отцовъ и въ Преданіи. Такъ. явленіе ангела Іоакиму для возвѣщенія о рожденіи Маріи повторяется св. Епифаніемъ. Блаж. Іеронимъ, наименѣе благосклонный къ апокрифическимъ евангеліямъ, соглашается съ ними касательно нѣкоторыхъ подробностей рожденія Спасителя. Точно также, не говоря о св. Іоаннѣ Дамаскинѣ, мы встрѣчаемъ сказанія о введеніи Пресв. Дѣвы *Маріи* во храмъ и о Ея воспитаніи у многихъ древнихъ греческихъ писателей. Словомъ, отвергать фактъ потому только, что о немъ упоминается въ апокрифическихъ евангеліяхъ, столь же не разумно, какъ и признавать его достовѣрнымъ на этомъ единственномъ основаніи.

Болѣе строго критика въ правѣ отнести къ „Евангелію дѣтства“ Христова и къ „Евангелію Оомы-Израильянина“. Множество чудесъ, приписываемыхъ Іисусу Христу во время Его дѣтскаго возраста, встрѣчаетъ сильное противорѣчіе въ Евангеліи св. Іоанна, свидѣтельствующаго, что претвореніе воды въ вино на бракѣ въ Канѣ Галлилейской было *первымъ* чудомъ Спасителя. Но можно полагать, что св. евангелистъ говорить только о тѣхъ чудесахъ, которыми Іисусъ Христосъ объявилъ Себя міру. На самомъ же дѣлѣ представляется довольно правдоподобнымъ, что еще до начала Своей общественной жизни Богочеловѣкъ приготовлялся къ будущей миссіи, проявляя иногда нѣкоторые лучи Своего Божества. Вѣроятно, на этомъ предположеніи основываются апокрифическія евангелія, выдумывая или увеличивая серію несомнѣнныхъ чудесъ Христовыхъ. Свою долю участія въ апокрифическихъ евангеліяхъ могло имѣть и Преданіе, которое говоритъ, напр., о паденіи идоловъ по пришествіи Св. Семейства въ Египетскую землю. Сезомень, Евсевій и св. Аѳанасій также упоминаютъ объ этомъ. Разсматривая апокрифическія евангелія съ другой стороны, именно—какъ литературныя произведенія, нельзя не отмѣтить, что въ этомъ отношеніи наши восточныя легенды представляютъ самый живой интересъ. Собственно говоря, онѣ—поэзія возникшаго

христіанства; здѣсь вы находите все, что только поэтическій языкъ имѣетъ самаго живого, самаго изящнаго—отъ легкихъ формъ идилліи или элегій до самыхъ драматическихъ картинъ искусства. Великіе христіанскіе художники не разъ вдохновлялись ихъ строками, и слѣды вліянія ихъ замѣтны и въ живописи, и въ драмѣ, и даже въ эпической поэмѣ.

Н. С—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ монахъ воспоминаній.

(Окончаніе ¹⁾).

Прошли два года. Я снова ѣхалъ къ отцу на лѣто. О. Андрея уже перевели на другой приходъ, а на его мѣсто назначали новаго священника.

— Ну, что? каковъ вашъ новый батюшка?—спросилъ я ямщика.

— Ужь и добрый онъ, добрый,—сказалъ ямщикъ:—всѣ просто чуть не молятся на него... Приѣхалъ онъ ровно три мѣсяца тому назадъ. Пришли это мы въ церковь слушать его первую службу. Началась утренняя... И такъ это хорошо онъ молился, словно душу хотѣлъ разжалобить у тебя! А какъ взглянулъ такъ прямо въ самую душу... Послѣ службы началъ онъ говорить намъ о томъ, что будетъ стараться жить для насъ; что мы должны его любить, слушать, смѣло идти къ нему за совѣтомъ; что онъ—нашъ отецъ, а мы—его любимыя дѣти... Ну, и хорошо онъ говорилъ это. Плакалъ самъ, и наши многіе плакали... Да и что тутъ говорить... Вотъ увидите батюшку, и полюбите; сами узнаете, за что его полюбили всѣ наши.

Черезъ три дня я познакомился съ о. Александромъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и трехъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки.

¹⁾ См. № 27-й за 1905-й г.

О. Александръ былъ человѣкъ средняго роста, темный шатень, не полный и не худой. Выраженіе лица у него было очень пріятное. Особенно хороши были глаза, подернутые меланхолическою грустью. Любилъ я смотрѣть въ нихъ. Когда онъ говорилъ что-либо о своихъ будущихъ планахъ, они глядѣли какъ-то прозрѣвающе, словно видѣли будущее и горѣли огнемъ вдохновенія. Отъ всей фигуры о. Александра вѣяло теплотою, радушіемъ,—чѣмъ, вѣроятно, онъ и привлекалъ къ себѣ всѣхъ.

Жена о. Александра невольно очаровывала всякаго и своею внѣшностью и своею нѣжною, любящею душею. Дети о. Александра также были славныя, кроткія, послушныя.

Чѣмъ ближе я узнавалъ эту семью, тѣмъ все больше и больше привязывался къ ней. Вскорѣ между нами установились самыя дружескія отношенія, и я сдѣлался очень усерднымъ посѣтителемъ ихъ дома.

Что же влекло меня сюда?—Симпатичный, милый о. Александръ, въ которомъ я нашелъ то, чего такъ долго искалъ и нигдѣ не видѣлъ. Что ни день, я открывалъ въ немъ новыя достоинства. Его нравственный обликъ вырисовывался предо мною все ярче, все яснѣе...

Это былъ человѣкъ глубоко религіозный, съ вполне выработаннымъ міровоззрѣніемъ. Въ немъ не было ни малѣйшаго намека на раздвоеніе личности, никакого шатанія съ одной стороны на другую. Онъ твердо вѣрилъ въ силу и величіе христіанства, признавалъ его возвышеннѣйшее нравственное ученіе единственною нормою жизни; беззавѣтно любилъ Христа, любилъ людей и несъ всѣ свои силы на служеніе имъ.

— Вы не повѣрите,—часто говорилъ онъ въ пылу интимныхъ, такъ сказать, изліяній,—какъ дороги для меня эти простые, сѣрые люди!.. Я, кажется, люблю ихъ больше, чѣмъ свою семью: они—такіе бѣдные, жалкіе, забытые, такіе безпомощные, многострадальныя, что мое сердце невольно обливадается кровью при видѣ ихъ несчастной жизни.—Но я

вѣрю въ торжество правды, вѣрю въ силу любви—и буду работать для блага своихъ прихожанъ, не щадя силъ, не жалѣя ничего...

И онъ дѣйствительно работалъ,—работалъ самоотверженно, какъ можетъ работать только человѣкъ убѣжденный и горячо любящій свое дѣло.

Церковь, къ которой былъ назначенъ о. Александръ, была очень ветхой. Тяжелое, грустное впечатлѣнiе производила она, особенно при сравненiи съ громаднымъ каменнымъ богатымъ костеломъ. Маленькая, деревянная, съ изрѣшетившеюся крышей, она снаружи была даже и не похожа на церковь. Если бы не крестъ на этомъ продолговатомъ, разваливающимся зданiи, ее легко можно было бы принять за простой сарай. Не привлекательна она была и внутри: голыя стѣны съ облупившеюся штукатуркой, дырявый потемнѣвшiй потолокъ, бѣдный одноярусный иконстасъ съ облѣзшей позолотой и выцвѣтшими ликами святыхъ. Утвари было мало, да и та—слишкомъ ужъ старая. Всюду паутина, грязь, пятна отъ затекающей воды... Льетъ, бывало, на дворѣ дождь,—цѣлые потоки воды струятся сверху; изъ щелей дуетъ холодный вѣтеръ... Какою щемящею болью должно было сжиматься доброе сердце о. Александра при видѣ этой запущенности, этой небрежности прихожанъ къ своей родной святынѣ! Какъ тяжело было ему видѣть бѣдность своей церкви рядомъ съ бьющимъ въ глаза величiемъ костела!.. А между тѣмъ, церковныхъ суммъ не было никакихъ. Но о. Александръ вѣрилъ въ силу любви, вѣрилъ въ то, что Богъ по-даетъ ищущимъ,—и началъ искать. Со слезами на глазахъ онъ просилъ прихожанъ помочь ему посильными средствами, трудомъ; указывалъ на то, что тяжело молиться въ запущенномъ храмѣ, что стыдно и грѣшно такъ небрежно относиться къ дому Божiю. Прихожане сдались на увѣщанiя батюшки, и скоро была собрана порядочная сумма денегъ, наняты плотники, позолотчикъ, маляръ,—и работа закипѣла.—Конечно, нельзя было изъ стараго зданiя сдѣлать новое на тѣ

средства, которыя оказались на-лицо; но, во всякомъ случаѣ, и снаружи и внутри церковь приняла болѣе или менѣе приличный видъ. Затѣмъ о. Александръ сталъ мало-по-малу снабжать церковь новою утварью, изыскивая для этого средства путемъ пожертвованій, добровольныхъ сборовъ среди прихожанъ, которые безропотно несли свои гроши на украшеніе и благолѣшіе дома Божія. Наконецъ, о. Александръ сталъ задумываться о томъ, какъ бы выстроить новую церковь, которая нисколько не уступала бы по своей величественности костелу. Онъ пугался возможности такого счастья, робѣлъ предъ самою смѣлостью мысли, но не переставалъ мечтать и изыскивать способы осуществленія ея. Дѣло это пока еще далеко не окончилось, но кое-чего о. Александръ уже достигъ: обѣщали дать казенную субсидію въ ближайшемъ будущемъ, мѣстный номѣщикъ-католикъ принесъ въ даръ нужное для постройки каменнаго зданія количество лѣса, крестьяне обложили себя добровольнымъ денежнымъ взносомъ, обязались даромъ привезти нужное количество камня, песку и т. п.—Дай Богъ, чтобы это св. дѣло удалось о. Александру довести до желаннаго конца.

Вмѣстѣ съ заботами о церкви о. Александръ соединилъ заботу о школьномъ дѣлѣ въ приходѣ. Пришлось хлопотать предъ начальствомъ, склонять крестьянъ къ участию,—и онъ писалъ, просилъ. И нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ старался онъ втолковать темному люду, что школы нужны, что онѣ принесутъ пользу, которая неизмѣрно окупитъ затраченные на нихъ деньги и трудъ. Скоро закипѣла работа подъ личнымъ наблюденіемъ самого о. Александра, такъ что, когда я пріѣхалъ на Пасху домой, то нашелъ уже двѣ *новыхъ* школы—одну мужскую, другую женскую. Печего и говорить, конечно, что о. Александръ самъ преподавалъ въ своихъ школахъ Законъ Божій, хотя ему и тяжело было это среди постоянныхъ разъѣздовъ по приходу и другихъ занятій. Мнѣ удалось какъ-то быть на одномъ изъ уроковъ Закона Божія... Какимъ восторгомъ горѣли глаза дѣтей! ка-

кою любовью дышали ихъ лица! какимъ счастьемъ вѣяло отъ всего ихъ существа, когда батюшка занимался съ ними! И было отъ чего. Самъ о. Александръ былъ въ эти минуты похожъ на вдохновеннаго пророка. Онъ не обращалъ дѣла религіозно-правственнаго воспитанія дѣтей въ сухой наборъ фактовъ, событій, но старался вѣдрить въ дѣтскія сердца любовь ко всему доброму, христіанскую вѣру и упованіе. Онъ любилъ дѣтей, старался сдѣлать изъ нихъ добрыхъ людей. И они на любовь батюшки отзывались любовью, радостно стремились усвоить съ его ласковаго голоса то, чему онъ ихъ училъ. Прочно, одно за другимъ, ложились въ ихъ молодыя души добрыя сѣмена: дѣвственная почва съ жадностью принимала ихъ.

Заботясь о воспитаніи изъ дѣтей истинныхъ членовъ Православной Церкви, о. Александръ удѣлялъ должное вниманіе и взрослымъ, стараясь исправить въ нихъ дурныя задатки и дать должное направленіе ихъ духовной жизни. Главнѣйшимъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ хорошее церковное богослуженіе, а потому старался придать ему какъ можно больше торжественности и величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать понятнымъ народу. Близость костела съ его органомъ, общенароднымъ пѣніемъ была очень заразителна для простыхъ крестьянъ-православныхъ, которые часто уходили изъ церкви съ ея убогимъ пѣніемъ дьячка въ костель, гдѣ ихъ слухъ отдыхалъ за ласкающими звуками органа. О. Александръ прекрасно понималъ все это. Онъ ясно сознавалъ, какъ много значить для молитвы хорошее чтеніе и пѣніе, какъ сильно возвышаютъ они религіозное чувство, успокаиваютъ мятущуюся душу. И вотъ, по инициативѣ о. Александра и подъ его личнымъ руководствомъ, учитель церковной школы организовалъ изъ учениковъ школы, крестьянскихъ парней и дѣвушекъ довольно хорошій хоръ, и готовится къ каждой службѣ очередныхъ чтеній.

Но о. Александръ не успокоился на этомъ. Мало-по-малу онъ сталъ пріучать всѣхъ вообще своихъ прихожанъ къ пѣнію

въ церкви, задерживая ихъ для этого на нѣкоторое время послѣ церковныхъ службъ; самъ училъ ихъ пѣснопѣніямъ, заставлялъ прислушиваться къ пѣнію хора. И зайдите теперь въ его церковь во время, напр., литургіи. Сердечно звучить голосъ о. Александра, изъ глубины души льется его искренняя молитва къ Богу. Тихо разносится стройное церковное пѣніе, внятно чтеніе. Но вотъ раздаются величественные звуки хирувимской пѣсни,—и всѣ, какъ одинъ человекъ, начинаютъ пѣть ее. Загорается святымъ восторгомъ душа, все существо рвется къ небу. Забываются всѣ ничтожныя, мелкія заботы, всплываетъ наружу одно хорошее, святое... Не видно нигдѣ скучающихъ лицъ; въ глазахъ у всѣхъ свѣтится высокое религіозное чувство, и несутся изъ глубины вѣрующихъ сердецъ къ престолу Всевышняго чистыя мольбы... По окончаніи литургіи о. Александръ выходитъ на амвонъ,—и увлекающе льется его вдохновенная проповѣдь, призывающая къ любви, кротости, воздержанію, обличающая пороки и указывающая пути новой жизни... Съ затаеннымъ дыханіемъ слушаютъ прихожане слово назиданія и утѣшенія и расходятся по домамъ, унося въ своей душѣ обновленное религіозное чувство, живую вѣру въ лучшее будущее, терпѣніе для жизни; горячо толкуютъ о бесѣдѣ батюшки, о необходимости жить по-Божьи,—и не одинъ уже изъ нихъ, подъ вліяніемъ неустаннаго призыва своего пастыря къ исправленію, началъ новую, лучшую жизнь.

Чтобы придать особенный характеръ праздничнымъ днямъ, о. Александръ завелъ обычай совершать по вечерамъ въ праздники торжественныя вечерни съ чтеніемъ акаѣиста. Народъ охотно сталъ посѣщать эти службы. Воспользовавшись такимъ усердіемъ прихожанъ, о. Александръ сталъ каждый разъ послѣ службы приглашать народъ въ школу для виѣбогослужебныхъ чтеній и собесѣдованій; читалъ и поучалъ самъ, побуждалъ къ этому учителей. Для большаго оживленія чтеній и собесѣдованій приобрѣтенъ былъ потомъ волшебный фонарь съ цѣлой серіей соотвѣтствующихъ кар-

тинъ... Нѣкоторое время всюду только и было разговоръ, что о фонарѣ. Въ началѣ многіе приходили на чтенія лишь изъ любопытства, но скоро на первый планъ выступили болѣе высокіе интересы. Въ такомъ положеніи было это дѣло, когда я уѣзжалъ послѣ каникулъ. Когда же потомъ пріѣхалъ на Святки, то засталъ уже не только чтенія съ туманными картинами, но и живыя бесѣды, чтеніе стихотвореній учениками, прекрасное пѣніе церковнаго хора... Народъ переполнялъ школьную комнату, и многимъ приходилось слушать изъ сѣней.

— Я такъ радъ,—говорилъ мнѣ о. Александръ во время вечерняго чтенія на первый день Рождества Христова,—что мнѣ удалось довести дѣло до такого положенія. Пріятно сознавать, что многіе, вмѣсто пьянаго разгула, которому предавались ранѣе въ праздничные вечера, теперь проводятъ время здѣсь, въ школѣ, возлѣ меня. Дай Богъ, чтобы эти чтенія послужили имъ на пользу.

Свято относясь къ своей обязанности быть пастыремъ-наставникомъ, о. Александръ не менѣе свято смотрѣлъ и на свой долгъ пастыря-требоисправителя. Онъ никогда не заставлялъ прихожанина ожидать его цѣлыми часами, торговаться изъ-за платы за совершаемую потребу. Всегда добрый, тихій, кроткій, онъ съ любовью откликался на бѣдность крестьянина: ѣхалъ бесплатно къ нему для причащенія больного, для выноса умершаго въ церковь или на кладбище... А сколько состраданія, участія проявлялъ онъ тамъ, гдѣ было горе! сколько собственныхъ средствъ употреблялъ для помощи несчастнымъ бѣднякамъ! Его любящее сердце не могло безучастно относиться къ людской бѣдѣ, и онъ дѣлалъ все, что могъ, для бѣдныхъ, забытыхъ тружениковъ земли. Онъ былъ любимымъ другомъ, лучшимъ совѣтникомъ своихъ прихожанъ во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. О. Александръ всегда видѣлъ въ нихъ людей, любилъ ихъ, какъ своихъ братьевъ, поставивши ихъ благо, ихъ вѣчное спасеніе цѣлью своей жизни и дѣятельности. Строгій и требова-

тельный къ себѣ во всемъ, онъ и въ прихожанахъ всегда караль зло,—но караль съ любовью, мягко, сердечно, требуя исправленія и доброй христіанской жизни.

— Нашъ батюшка—святой человѣкъ,—говорили обыкновенно о немъ крестьяне и невольно поддавались его любовному, сердечному увѣщанію.

Пользовался о. Александръ вполне заслуженнымъ глубокимъ уваженіемъ и среди католиковъ. Между нимъ и мѣстными католическими семьями интеллигентовъ установились самыя добрыя отношенія. Своею строгою жизнью, энергичною, чуждою крайностей вѣроисповѣднаго антагонизма, пастырскою дѣятельностью онъ совершенно, какъ говорится, очаровалъ даже ксендза. Въ мѣстечкѣ въ теченіе года бываетъ нѣсколько большихъ ярмарокъ, на которые съѣзжается много католическихъ помѣщиковъ. Доходъ костела въ такіе дни достигаетъ сотни рублей, а то и болѣе, между тѣмъ какъ въ православной церкви едва-едва набирается нѣсколько рублей. Придетъ, бывало, на слѣдующій день ксендзъ къ о. Александру и спрашиваетъ:

— Сколько собрали въ церковную кружку?—И когда о. Александръ называлъ довольно скудную сумму, ксендзъ давалъ 10—15 руб. говоря: „Возьмите и положите въ кружку отъ меня“...

О. Александръ училъ свою паству и примѣромъ своей христіанской жизни. Съ женою онъ жилъ душа въ душу. Въ семьѣ его царили любовь, полное довѣріе, разумная дѣятельность, взаимная помощь въ дѣлѣ прохожденія жизненнаго подвига, идеальное воспитаніе дѣтей. Не удивительно, что въ его гостепріимный домъ съ радостью стремились всѣ. Здѣсь получали они посильное рѣшеніе волнующихъ ихъ вопросовъ, находили ободреніе и укрѣпленіе для дѣятельности въ жизни и выходили отсюда съ обновленными силами души, съ вѣрою и надеждою на лучшее будущее.

Благовѣстниковъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го іюля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Повицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года іюля 31-го дня.

Содержаніе: Высочайшій Указъ 17-го апрѣля и вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи православнаго приходскаго духовенства.—Свобода... отъ совѣсти.—Православное духовенство въ изображеніи русскихъ художниковъ-живописцевъ.—Помогите томящимся въ японскомъ плѣну русскимъ героямъ!..

Высочайшій Указъ 17-го апрѣля и вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи православнаго приходскаго духовенства.

Высочайшимъ Указомъ 17-го апрѣля объявлена полная вѣротерпимость, и наша Православная Русская Церковь вступила въ новый періодъ своего существованія, стала въ иное положеніе по сравненію съ тѣмъ, въ какомъ находилась раньше. До упомянутаго Указа Православная Церковь была у насъ не только господствующею, но единственною, которая признавалась въ государствѣ, всѣ же прочія вѣры и исповѣданія лишь терпѣлись. Теперь же для нея настаетъ довольно тяжелое и опасное время: она находится въ положеніи корабля, плавающего среди подводныхъ скаль. Такое положе-

ніе Церкви настоятельно требуетъ отъ пастырей ея „внимать себѣ и своему стаду“, достойно стоять на стражѣ православія, свѣтити всѣмъ и разгонять тьму невѣрія и лжевѣрія, быть солью „земли“—народа, и ео ipso осолять пасомыхъ. т. е. научить ихъ пользоваться спасительными мѣрами, и богодарованными средствами предохранять вѣрующихъ отъ нравственныхъ паденій по пути въ царствіе Божіе. На страницахъ духовныхъ журналовъ раздаются горячіе призывы къ улучшенію пастырской жизни и дѣятельности, къ переустройству приходской жизни, къ учрежденію братствъ, къ открытію попечительствъ, къ возвышенію и упорядоченію церковнаго богослуженія, къ учительству въ храмѣ, къ готовности вступить въ активную борьбу съ старообрядчествомъ, сектантствомъ и т. д. и т. п.

Чего лучше, конечно, если бы пастыри дѣйствительно явились хотя въ ближайшемъ будущемъ „образцомъ для вѣрныхъ“, подняли жизнь послѣднихъ на возможную высоту и чрезъ то обезопасили ихъ отъ совращенія въ старообрядчество и сектантство! Но... по объ одномъ, при этомъ, часто забываютъ—объ одномъ, съ чѣмъ всегда и вездѣ приходится считаться,—забываютъ о существующемъ и по сію пору у насъ способѣ матеріальнаго обезпеченія духовенства и тѣмъ какъ бы признаютъ полныя права гражданства за „доброхотными даяніями“, не считаютъ ихъ тормазомъ при возвышеніи и улучшеніи пастырской жизни и дѣятельности. Между тѣмъ, какъ бы кто ни говоритъ, какъ бы кто ни защищалъ этотъ традиціонный способъ обезпеченія, онъ вооружаетъ пасомыхъ противъ пастырей, задерживаетъ, ослабляетъ, если не уничтожаетъ въ самомъ корнѣ, добрыя начинанія духовенства. И потому, напрасно „доброхотныя даянія“ нѣкоторые стараются идеализировать, особенно тѣ, которые, путемъ подсчитыванія личныхъ доходовъ, вычислили, что они, при постоянномъ способѣ обезпеченія, съ своихъ приходовъ больше будутъ получать, чѣмъ при установленіи приличнаго жалованья.

Почему же добротныя даянія вооружали и будутъ вооружать противъ пастырей даже при возвышеніи дѣятельности послѣднихъ?—Да очень просто. Практика наглядно показала и показываетъ, что 99 разъ изъ 100 „добротныя даянія“ представляютъ собою не что иное, какъ *вымогательство*, только, такъ сказать, подслащенное. Каковъ бы священникъ ни былъ—образцовый или недостойный, но какъ тому, такъ и другому всегда приходится прибѣгать къ напоминанію объ уплатѣ и упрашиванію не уменьшать размѣровъ „добротнаго даянія“ противъ принятой въ приходѣ нормы. Не напоминать же, а порой—даже не усовѣщивать нѣкоторыхъ прихожанъ честно *уплачивать* „добротныя даянія“ нельзя: легко можно остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію, потому что не уплатятъ „добротнаго даянія“ одни, постепенно не станутъ уплачивать и другіе, и тогда уже никакія требованія со стороны священника не приведутъ ни къ чему. Такъ обыкновенно всегда и бываетъ съ нетребующими „добротныхъ даяній“ священниками. Прихожане хвалятъ „добраго батюшку“, но въ то же время все уменьшаютъ и уменьшаютъ „добротныя даянія“ до того, что священнику приходится чуть не голодать на приходѣ, который раньше считался однимъ изъ лучшихъ „по доходности“... При такомъ положеніи дѣла, невольно скажешь: какая собственно злая пронія заключается въ словахъ: *добротныя даянія!* Какъ „даянія“ эти портятъ, прямо губятъ молодыхъ пастырей, превращая ихъ изъ людей идейныхъ, отзывчивыхъ на все высокое, доброе, благородное, въ черствыхъ, жестокосердыхъ яко бы *хозяевъ благодати*, скрягъ по нуждѣ!..

Говорятъ: „добраго священника приходъ всегда прокормить“.—По нашему мнѣнію, такъ могутъ говорить только люди, совершенно не знающіе или мало знающіе жизнь нашего приходскаго священника, его требованія, его разныя нужды.

Отчасти можно еще согласиться, что приходъ прокормить священника добровольно; пожалуй, прокормить даже и его семью. Но, вѣдь, одинъ *прокормъ* едва ли въ состояніи удовлетворить даже зауряднаго священника. А какъ же быть съ вполнѣ понятнымъ и законнымъ—особенно въ настоящее время—стремленіемъ къ самообразованію, для удовлетворенія котораго нужны деньги?—Затѣмъ, священнику настоятельно необходимо ститаться и кое съ какими требованіями внѣшняго благоприличія жизни, которое болѣе или менѣе соотвѣтствовало бы его общественному положенію. Самое же главное—жена, дѣти, ихъ требованія, ихъ нужды, ихъ обученіе и воспитаніе. Все это требуетъ денежныхъ средствъ, и притомъ не малыхъ. И вотъ, часто, очень часто бываетъ, что иной священникъ съ полною готовностью безмездно отправлялъ бы требы прихожанамъ, будь онъ одинъ; но семья, но ея нужды, ея настойчивыя требованія заставляютъ вступать въ сдѣлку съ собственною совѣстью и прибѣгать къ настойчивому напомнанію о „доброхотномъ даяніи“. Между тѣмъ, сектанты пользуются такимъ безвыходнымъ положеніемъ православнаго духовенства и говорятъ: „попы ваши обдираютъ народъ; для того и таинства установлены въ вашей Церкви, чтобы попы за нихъ деньги брали; да и храмовъ понастроили, опять-таки, для того, чтобы по намъ деньги несли!“—И сколько подобныхъ, а иногда и еще болѣе злостныхъ, насмѣшекъ отпускается по адресу нашего многострадальнаго духовенства на этотъ способъ его матеріальнаго обезпеченія!..

Что же дальше будетъ? Смогутъ ли пастыри стать образцомъ для пасомыхъ, откроются ли настежь для нихъ двери вліянія на пасомыхъ, если бы въ самомъ дѣлѣ провели въ дѣло всѣ намѣренія и планы, которые щедро излагаются на страницахъ духовныхъ журналовъ подъ впечатлѣніемъ толковъ о вѣротеримости?—Намъ кажется, что и тогда вліяніе пастырей не будетъ велико, не будетъ отличаться отъ теперешняго, если не будетъ уничтоженъ тради-

ціонный способъ обезпеченія пастырей. Почему?—Да очень просто. Священникъ, скажемъ, будетъ предсѣдательствовать въ разныхъ братствахъ, попечительствахъ и т. п. благотворительныхъ учрежденіяхъ; будетъ и тамъ и въ храмѣ взывать къ милосердію, къ состраданію, къ любви къ ближнимъ, особенно къ меньшимъ нашимъ братьямъ,—а послѣ исполненія требы по приглашенію того или другого прихожанина будетъ настаивать на уплатѣ „доброхотнаго даянія“ и такимъ, который самъ весьма нуждается, о чемъ священникъ могъ даже почему-либо и совсѣмъ не знать. Будеть, далѣе, священникъ соблюдать уставность богослуженія—и потомъ указывать при уплатѣ „добровольнаго даянія“ на то, какъ онъ долго служилъ, какъ усердно молился и т. п. И получится то же, что было и раньше. Попрежнему будутъ раздаваться возгласы: „пошь беретъ съ живого и съ мертваго. учить безкорыстію,—а самъ деньги болѣе насъ любить“.

Къ тому же, вѣдь и преслѣдовать за эти якобы „доброхотныя даянія“ собственно нельзя, такъ какъ это—способъ обезпеченія духовенства, а не отступленіе отъ закона. Другое дѣло, если бы способъ обезпеченія былъ иной; тогда бы можно было преслѣдовать подобныхъ нарушителей закона, любителей „доброхотныхъ даяній“ и на указанныя нареканія сектантовъ отвѣчать: „у насъ нѣтъ пастырей-вымогателей,—это строго воспрещено; если же по мѣстамъ и оказываются любостыжательные священники, то, какъ недостойные, они подлежатъ отвѣтственности предъ законами гражданскими и церковными, потому что пасуть стадо свое *не волею*, но за неправедныя прибытки“. А теперь,—да и въ будущемъ, при всякихъ реформахъ въ духовенствѣ, но при оставленіи традиціоннаго способа его обезпеченія,—сказать этого нельзя... Да, если реформировать жизнь и дѣятельность нашего приходскаго духовенства, если призывать его къ болѣе усиленной и всесторонней дѣятельности на пользу Церкви, то не должно забывать о реформѣ и его матеріальнаго обезпеченія, объ обязательной замѣнѣ устарѣвшаго, традиціоннаго какимъ-либо

новымъ, лишь бы не непосредственно получать вознагражденіе за требы отъ прихожанъ.

Невольно вспоминается намъ жизнь и дѣятельность прежнихъ воеводъ, которыхъ посылали бывало въ области русскія какъ править ими, такъ и „кормиться“, пользоваться матеріальнымъ обезпеченіемъ отъ подвластныхъ. И что же?— Хотя старинные воеводы и считались „отцами“, но много ихъ названныя дѣти слезъ пролили, много горя претерпѣли вслѣдствіе необходимости содержать воеводъ; много тяжелыхъ и грустныхъ сказаній сложили они про своихъ правителей за ихъ вымогательство, такъ что съ теченіемъ времени рѣшено было замѣнить тоже своего рода „доброхотныя даянія“ воеводамъ приличнымъ отъ казны жалованьемъ...

Нѣтъ, если мы, по слову ап. Павла, „должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать“; если „каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію, ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ“ (Римл. 15, 1—3):— то съ этой именно точки зрѣнія необходимо взглянуть и на традиціонный способъ обезпеченія духовенства—*ко благу м, къ назиданію м* онъ служить, является ли онъ для пастырей *средствомъ угождать* пасомымъ? Если да, то пусть живетъ и дѣйствуетъ; если же нѣтъ, то на его, такъ сказать, костяхъ пусть создастся иной, лучшей, соотвѣтствующій точкѣ зрѣнія первоверховнаго апостола и требованіямъ здраваго разума и современнаго положенія вещей.

Свящ. В. Платоновъ.

Свобода... отъ совѣсти.

Какою свѣтлорадостною пасхальною вѣстью пронесся по всему лицу земли Русской Высочайшій Указъ 17-го апрѣля! Какъ усиленно забились сердца многихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, вслѣдствіе какого-то печальнаго недоразумѣнія терпѣвшихъ всевозможныя религіозныя стѣсненія и различныя

гражданскія ограниченія изъ-за того лишь, что они хотѣли „вѣровать по старинѣ“, славить Единого Истиннаго Бога такъ, какъ славили Его далекіе предки ихъ и т. п.! Сколько искреннихъ, горячихъ статей появилось и въ духовной и въ свѣтской повременной—не только нашей, но и за-граничной—печати, привѣтствовавшихъ Высочайшій Указъ 17-го апрѣля, какъ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, который долженъ будетъ возродить къ новой жизни многіе милліоны коренныхъ и пришлыхъ обитателей нашего обширнаго отечества! Съ открытой душою привѣтствовали и мы названный Указъ на страницахъ нашего журнала, хотя въ то же время предвидѣли, что прямымъ своимъ послѣдствіемъ—въ особенности на первыхъ порахъ—онъ будетъ имѣть массовыя отпаденія отъ Православной Церкви всѣхъ, „которыхъ внѣшняя рука приковала къ кресту Церкви и противъ ихъ воли удерживала въ томъ, въ чемъ не хотѣла участвовать ихъ мятежная душа“, „кто“, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, „были или стали уже давно чуждыми православію“. Свящ. Е. Капраловъ, въ статьѣ своей: „Вѣротерпимость и наши нужды“, говоритъ, между прочимъ: „мы твердо вѣримъ..., что настала часъ, когда и чуждые намъ по вѣрѣ, и ищущіе Бога, и всякой вѣрѣ чуждые поймутъ насъ правильнѣе и доброе возглаголютъ о Церкви Православной: первые во имя Христа на нашу братскую любовь не отвѣтятъ, какъ раньше, подозрительнымъ и враждебнымъ недоумѣніемъ (а это—болѣе вѣрный, чѣмъ прежде, путь къ созданію церковнаго единенія съ ними); вторые, разрѣшивши тягость сомнѣнія, безъ колебанія примкнутъ къ намъ; третьи—до дня, когда Господь посѣтитъ душу ихъ благодатію, въ совѣсти своей не найдутъ болѣе словъ укоризны для насъ“ (№ 19, стр. 36). Призывая православныхъ пастырей „и съ кафедры церковной и на урокахъ Закона Божія пробуждать духъ вѣротерпимости въ своихъ чадахъ, воспитывать ихъ въ сознаніи того, что какъ ни высока, какъ ни свята православная вѣра наша, но есть и нныя вѣры, и омы дороги людямъ,

ихъ исповѣдующимъ“, что „не презрѣнія и осужденія или охуленія заслуживаютъ иновѣрцы, а благоснисхожденія, любви и кротости евангельскихъ, которыми древніе христіане удивляли міръ и побѣдили его“,—журналъ нашъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что подобнымъ же духомъ вѣротерпимости должны отличаться и инославные и сектанты, „особенно при свободномъ отнынѣ богомоленіи и при возможности, слѣдовательно, свободно отправлять свой ритуаль, не всегда согласующійся съ обрядами православнаго богослуженія. Свобода вѣры не есть свобода (неограниченная) исповѣданія, а тѣмъ болѣе, конечно, свобода пропаганды“. Но „возможно ли такое сразу и какъ *deus ex machina* высоко-просвѣщенное отношеніе главарей сектъ и ихъ послѣдователей къ православію, а въ губерніяхъ польскихъ—католическихъ ксендзовъ и фанатически-настроеннаго населенія къ православнымъ, это покажетъ недалекое будущее“ (№ 22, стр. 126—127, 133, 135).

И вотъ, это „недалекое будущее“ не заставило себя долго ждать, и предстало оно предъ всѣми, къ великому прискорбію, въ самомъ непримечательномъ свѣтѣ. Изъ Литвы и Польши то и дѣло приходятъ нерадостныя для православнаго сердца вѣсти о громадныхъ массовыхъ переходахъ православныхъ уніатовъ въ католичество. Такъ, по послѣднимъ телеграфнымъ сообщеніямъ изъ Минска, въ Заславльской, Иванецкой, Раковской и Першанской волостяхъ перешло въ католичество 8000 православныхъ уніатовъ. Волжанскій православный приходъ совсѣмъ закрывается за отсутствіемъ прихожанъ и т. п. Нечего и говорить, конечно, что громадная доля нравственной отвѣтственности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ падаетъ на приходскихъ пастырей, которые, очевидно, не воспитали своихъ пасомыхъ въ православіи, вслѣдствіе чего словесныя овцы ихъ въ критическую минуту не послушали ихъ гласа. Но на слишкомъ грустныя и тяжелыя размышленія наводитъ и обратная сторона медали. Во всѣхъ подобныхъ переходахъ исполнѣ открыто и крайне беззащит-

чиво проявляется какое-то злобное отношеніе католическаго духовенства къ православному населенію Литвы и насильственное принужденіе къ переходу въ католицизмъ. И это въ то время, когда со стороны Россіи сдѣланъ крупный шагъ къ примиренію на почвѣ вѣротерпимости и свободы языка, не говори уже о томъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ православнымъ и католикамъ предстоитъ совмѣстно, въ полномъ братскомъ единеніи, работать надъ общимъ дѣломъ всего народа. Вотъ что читаемъ въ одной изъ корреспонденцій *Новаго Времени* (№ 10523), принадлежащей перу хорошо освѣдомленнаго и заслуживающаго полного довѣрія сотрудника названной газеты:

„То, что теперь происходитъ въ Сѣверозападномъ Литовскомъ краѣ въ смыслѣ борьбы католическихъ ксендзовъ съ православіемъ, для человѣка, не посвященнаго въ происходящія событія религіозной смуты, можетъ показаться не только страннымъ, но даже не правдоподобнымъ. Интересно фактъ, что со времени выхода Высочайшаго манифеста о вѣротерпимости православные въ Литвѣ десятками и даже сотнями переходятъ въ католицизмъ.

Успѣхи католичества являются сами по себѣ, главнымъ образомъ, какъ результатъ полувѣковой неустанной работы ксендзовъ по особой системѣ, допускающей прямо-таки недостойныя всякаго христіанина средства.

Со времени появленія Указа о вѣротерпимости ксендзы комментировали его простому народу въ томъ смыслѣ, что будто *Государь повелѣлъ всѣмъ переходить въ католичество*, православныя церкви будутъ обращаться въ костелы, и имущество ихъ переданы ксендзамъ, надѣльныя земли отойдутъ отъ православныхъ къ католикамъ.

По всѣмъ мѣстечкамъ, населеннымъ православными, стали ходить новые апостолы католичества изъ услужливой шляхты—члены разныхъ фанатическихъ обществъ, какъ-то: *Траціарокъ, Сердца Іисуса, Шкаплерной* и т. д. Вся эта ватага проповѣдниковъ достигла своихъ цѣлей больше сред-

ствами отрицательнаго характера: насмѣшками, глумленіемъ надъ православіемъ и русскимъ духовенствомъ, запугиваніями или даже воздѣйствіями на чисто экономической почвѣ—отказомъ, напр., въ заработкѣ православнымъ крестьянамъ.

Вотъ нѣкоторые характерные случаи насилій. Крестьянинъ деревни Мали Барановскій былъ избитъ сосѣдомъ-католикомъ за отказъ принять католичество. Крестьяне-католики мѣстечка Островицы угрожали нѣкоей Анѣмуцкой за вѣрность православію тѣмъ, что послѣ смерти ея не похоронять, а бросать въ болото. Православные крестьяне деревни Завидова объявили священнику Б—цкаго прихода, что имъ угрожаютъ за отказъ отъ перехода въ католичество отнятіемъ земельныхъ надѣловъ, что самъ Б—цкій храмъ будетъ превращенъ въ костель. А ксендзь Б—видскаго костела выразился про этого же православнаго священника, что *онъ будетъ у меня пастухомъ*. Даже католическій епископъ, болѣе чѣмъ его помощники-ксендзы связанный путами чиновничества, на вопросъ просителей изъ католиковъ объ обращеніи Б—цкаго храма въ костель, въ присутствіи волостного старшины выразился такъ, что *объ этомъ доложено Государю, и черезъ два мѣсяца просьба ихъ будетъ исполнена*.

А что касается несчастныхъ православныхъ семей, въ незначительномъ количествѣ живущихъ среди католиковъ, то тутъ—полный произволь и насиліе.

Даже умирающихъ православныхъ не оставляютъ въ покоѣ. Напр., въ Дисненскомъ уѣздѣ католики-родственники одной умиравшей православной задумали пригласить къ ней ксендза. Сынъ не нашелъ другого способа избавить мать отъ терзаній, какъ запереть домъ и самому уйти въ поле. Прибывшій ксендзь велѣлъ вынуть окно, вынести умирающую на улицу и здѣсь насильственно напутствовалъ ее. Трудно перечислить другіе подобные факты, собранные и *проверенные документально*.

Что же касается тѣхъ оскорбленій, которыя ксендзы не стѣсняются сыпать съ церковныхъ амвоновъ по адресу пра-

вославія, то приходится лишь удивляться и изумляться тонкой изобрѣтательности и циннизму этихъ служителей *кроткаго* Основателя христіанства. Вотъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія изъ церковныхъ проповѣдей ксендзовъ: „лучше сходить въ синагогу, чѣмъ въ церковь“; „отъ православнаго священника смердитъ собакой“; „православные помазываются собачьими хвостиками“ (дѣло о ксендзѣ М—сѣ у виленскаго губернатора). Ксендзы приказываютъ избѣгать православныхъ, называя ихъ *московской кишкой, русской собакой* и проч.

Сколько ни старается православное духовенство увѣщевать колеблющихся не слушать болтуновъ, но угрозы, фанатическіе происки и, наконецъ, *массовое давленіе шляхты* дѣлаютъ свое дѣло. Священники пробовали читать разъясненіе варшавскаго генераль-губернатора о правильномъ пониманіи манифеста о вѣротерпимости; но ксендзы кричатъ, что *попы обманываютъ, что вѣрить имъ нельзя, и что это имъ даромъ не пройдетъ* (напр. въ Гольшанскомъ приходѣ).

Быль недавно въ Вильнѣ съѣздъ православнаго духовенства, выработавшій мѣры противодѣйствія католической пропагандѣ. Сюда входятъ: усиленное просвѣщеніе народа въ духѣ православія, полемическая проповѣдь, созданіе при приходахъ просвѣтительныхъ братствъ по образцу Виленскаго Свято-Духовскаго, устройство торжественныхъ богослуженій, поднятіе церковныхъ хоровъ и церковнаго пѣнія, духовно-просвѣтительныя чтенія, воспитаніе сиротъ на счетъ монастырей и духовенства и общая, объединенная дѣятельность православныхъ. Въ Вильнѣ особенно важна въ этомъ отношеніи дѣятельность Братства Святого Духа, освященная 300-лѣтнею древностью. Въ составъ его входятъ духовныя и свѣтскія лица (военные, чиновники, лица свободныхъ профессій) подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Всѣ трудятся, но пока еще нѣтъ увѣренности въ окончательномъ увѣнчаніи успѣховъ трудовъ защитниковъ православія.

А движеніе въ сторону католичества въ полной силѣ. Русско-литовское сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края—это воскъ, изъ котораго можно лѣпить какую угодно фигуру. Народъ довѣрчивъ, а главное—его психологія такова, что больше всего онъ поддается кричащему насилію...

Да, католичество теперь торжествуетъ. Стоитъ любопытствующему пріѣхать въ ту же старую Вильну,—и, присмотрѣвшись, онъ замѣтитъ что-то необычное. По улицамъ можно встрѣтить толпы крестьянъ, идущихъ съ громкимъ пѣніемъ, съ хоругвями и крестами. Изъ костеловъ несется торжественная побѣдная пѣснь“.

Грустно все это и даже нѣсколько „отдастъ“ печальной памяти *первыми* временами уни. Католическое духовенство, какъ извѣстно, всегда вообще отличалось своею воинственностью, своею крайней нетерпимостью, часто переходившей въ фанатизмъ. Оно всегда считало—да и теперь считаетъ—какъ бы своею обязанностью непременно съ кѣмъ-нибудь бороться, якобы во имя религіи, во имя высокаго ученія о любви къ ближнему. Если католическому духовенству некогда бываетъ *преслѣдовать*, въ такихъ случаяхъ оно обыкновенно вступаетъ въ борьбу съ правительствами, которыя не признаютъ его господства. Не удивительно, поэтому, что католическое духовенство весьма необдуманно дѣйствуетъ въ настоящее время и въ Литвѣ, перетолковывая темному крестьянству вкривь и вкосъ Высочайшій Указъ 17-го апрѣля. Гораздо непростительнѣе принимать дѣятельное участіе въ религіозной борьбѣ польскому дворянству. Польское образованное общество стоитъ—и должно стоять—выше недостойныхъ поползновеній оо. ксендзовъ. Въ немъ созрѣло уже сознаніе, что въ тѣсномъ единеніи съ Россією поляки могутъ развиваться и матеріально и духовно, нисколько не страшась за свою національность. И потому, именно образованные поляки должны всѣми мѣрами противоудѣйствовать малѣйшему обостренію отношеній между родственными народами на почвѣ религіозныхъ преслѣдованій...

Безъ сомнѣнія, много еще впереди предстоитъ тяжелыхъ испытаній нашей Православной Церкви, много нележкой борьбы предстоитъ вынести нашимъ пастырямъ. Вѣротерпимость есть высшее благо для народа, и не даромъ за-граничная печать приписываетъ Высочайшему Указу 17-го апрѣля значеніе манифеста имп. Александра II 19-го февраля 1861-го года объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, выражая надежду, что Указъ этотъ „долженъ дѣйствительно поставить Россію на широкій путь культуры“. Но Указъ имѣлъ въ виду *свободу*, а ужь никакъ не *насиліе*. Такъ могутъ и самые прекрасные законы и мѣропріятія высшаго правительства привести къ довольно плачевнымъ и даже гибельнымъ результатамъ. Глубоко подмѣтилъ и сильно и остроумно выразилъ это народъ нашъ въ своей извѣстной пословицѣ: „законы святы, да исполнители лихіе супостаты“.

Православное духовенство въ изображеніи русскихъ художниковъ-живописцевъ.

I.

Литература и живопись—двѣ родныя сестры, съ одинаково высокимъ назначеніемъ: благотворно дѣйствовать, при помощи создаваемыхъ ими художественныхъ образовъ, на сердца людей, будить въ нихъ лучшія чувства, вести къ высшему идеалу. И та и другая тѣмъ больше имѣютъ цѣнности, чѣмъ разностороннѣе захватываютъ жизнь, чѣмъ правдивѣе, реальнѣе изображаютъ ее во всей игрѣ ея цвѣтовъ и красокъ, чѣмъ дальше отъ тенденціи, намѣренной подтасовки своихъ образовъ подъ тѣ или иныя теоріи.

Живопись русская, такъ же какъ и литература, за послѣднее столѣтіе сдѣлала громадныя успѣхи. Въ рядахъ своихъ представителей она имѣетъ такихъ мастеровъ кисти, какъ Верещагинъ, Айвазовскій, Шишкинъ, Рѣпинъ и др.,

которые сдѣлали бы честь любой школѣ. Живопись русская, какъ и литература, всегда отличалась богатствомъ и разнообразіемъ сюжетовъ и темъ; естественно, что и духовенство русское, какъ крупная общественная сила, его жизнь и дѣятельность нерѣдко привлекали вниманіе русскихъ художниковъ. Да это и понятно.

Пусть жизнь духовенства чужда внѣшнихъ эффектовъ, зато она богата внутреннимъ содержаніемъ. Служеніе духовенства, близко стоящаго къ жизни народной, къ душѣ человѣческой въ высшихъ ея проявленіяхъ, содержитъ въ себѣ богатый, высокосодержательный и трогательный матеріалъ для художественныхъ образовъ. А такъ какъ русское искусство, въ силу особенностей русскаго народнаго духа, внутреннюю жизнь, психологію души всегда предпочитала другимъ сюжетамъ, то удивительно ли, что оно не рѣдко останавливалось своимъ вниманіемъ на темахъ, взятыхъ изъ жизни русскаго духовенства?

Литературныя произведенія, изображающія жизнь духовенства, часто совѣмъ незначительныя и по формѣ и по содержанію, обыкновенно встрѣчаютъ самое живое вниманіе со стороны духовенства, живо комментируются духовными журналами. Въ нихъ отражается взглядъ на духовенство нашего образованнаго общества, его запросы и требованія къ нему. Между тѣмъ, произведенія кисти мало привлекаютъ вниманіе духовенства. Объясняется это тѣмъ, что такія произведенія, во всякомъ случаѣ не многочисленныя, не всѣмъ доступны, служатъ достояніемъ выставокъ, картинныхъ галлерей и частныхъ лицъ. Предлагаемый вниманію нашихъ читателей очеркъ представляетъ собою попытку обзрѣть хотя нѣкоторыя изъ художественныхъ произведеній, рисующихъ жизнь духовенства.

II.

Изъ картинъ, касающихся духовенства, прежде всего остановимся на картинахъ историческаго характера. Въ древ-

ности, когда Русь не на словахъ только была „святою“, духовенство пользовалось высокимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Довѣріе русскаго народа и любовь его къ духовенству открывали послѣднему возможность самаго широкаго вліянія на общество. Тяжелыя историческія условія и обстоятельства, какія приходилось переживать Русской землѣ въ древности—съ одной стороны, съ другой—крѣпкая вѣра народа, побуждавшая его и въ горѣ и въ радости обращаться къ Богу, открывали для духовенства возможность широкаго вліянія на народъ и часто создавали высоко-драматическія положенія.

Какъ въ музыкѣ есть извѣстные излюбленные композиціи и мотивы, а въ литературѣ—свои излюбленные типы, такъ и въ исторіи древней Руси есть излюбленныя у художниковъ лица, которыя чаще другихъ останавливаютъ на себѣ ихъ вниманіе и возбуждаютъ ихъ творчество. Изъ такихъ лицъ укажемъ на преп. Сергія Радонежскаго и святителя Филиппа, митрон. Московскаго.

Преп. Сергій Радонежскій, основатель Тронце-Сергіевой Лавры, одно изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ лицъ для русскаго человѣка.

Вся жизнь преп. Сергія Радонежскаго, теплаго молитвенника и неусыпнаго заступника за Русскую землю, представляетъ собою непрерывный подвигъ воздержанія и труда для славы Божіей и блага ближнихъ. Въ тиши дремучихъ лѣсовъ, въ уединеніи убогой келліи онъ творилъ великій подвигъ самоотреченія и самоусовершенія, являя міру образъ ангела во плоти. Удалившись отъ міра, преп. Сергій не остается чуждымъ его болѣзнямъ и горестямъ и живо откликается на горе и скорби любимаго народа и родной страны. Эти двѣ черты въ характерѣ преп. Сергія Радонежскаго обыкновенно и отмѣчаютъ въ немъ русскіе художники.

Выдающійся художникъ нашъ М. В. Нестеровъ, принимавшій участіе, между прочимъ, въ росписи Кіево-Владимірскаго собора, на картинѣ своей, выставленной на XXV не-

редвижной вытсавѣ, изображаетъ простоту и трудолюбіе преп. Сергія Радонежскаго. Пугумень и начальникъ монастыря, онъ трудится наравнѣ съ простой братіей: на одномъ рисункѣ изображено, какъ преп. Сергій несетъ коромысло съ двумя ведрами; на другомъ—онъ, какъ простой чернорабочій, расщипываетъ дрова.

Художникъ Новооскольцевъ передаетъ на своей картинѣ высокознаменательный моментъ въ русской исторіи. Татарское иго тяжелымъ бременемъ легло на Русь. Стономъ стала порабощенная Русская земля, но не оскудѣла она силами и людьми, и у нея нашелся свой богатырь-защитникъ—Димитрій Донской. Среди общей приниженности и придавленности, нашелся челоуѣкъ, рѣшившій грудью отстоять родную землю отъ гнета поработителей. Но гдѣ же искать ему поддержки, ободренія на дѣло, столь опасное какъ для самого князя, такъ и для родной земли?—Тамъ, гдѣ искала и ищетъ его Русь святая, Русь вѣрующая,—въ Богѣ. Князь отправляется въ Троицкую Лавру къ великому подвижнику земли Русской преп. Сергію за благословеніемъ на трудный подвигъ. Этотъ моментъ и передаетъ художникъ Новооскольцевъ. Князь, съ мечемъ въ рукѣ, смиренно преклонилъ колѣна предъ подвижникомъ; преп. Сергій, съ молитвеннымъ вдохновеннымъ взоромъ, поднятымъ къ небу, провидя побѣду русскаго оружія надъ татарами, благословляетъ великаго князя на борьбу.

Извѣстна трагическая судьба митрон. Филиппа, этого святого борца за правду кровавой эпохи Іоанна Грознаго, неустрашимаго обличителя царя. Личность святителя Филиппа, окруженная ореоломъ святости и подвижничества, неустрашимо говорившаго правду въ глаза грозному царю въ то время, когда все окружающее его представляло толпу молчаливыхъ рабовъ, естественно привлекала вниманіе художниковъ высотой своего подвига и своимъ трагизмомъ. Изъ картинъ, изображающихъ святителя-страдальца, укажемъ *два*. Художникъ С. Самовъ. изображаетъ изгнаніе митроно-

лита изъ Москвы въ ссылку. На картинѣ—простыя дровни, везущія въ далекую ссылку святого подвижника; ихъ окружаютъ свирѣбая стража, заведенная Грознымъ,—печальной извѣстности опричники. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, стоитъ народъ по сторонамъ, съ обнаженными головами, смущенными лицами, съ полными слезъ глазами и провожаетъ владыку въ далекую ссылку.—Художникъ Новооскольцевъ для своей картины беретъ еще болѣе драматическій моментъ въ жизни святителя Филиппа—послѣднія минуты его. Въ убогой келліи, предъ почернѣвшимъ ликомъ Спасителя, изображенъ колѣнопреклоненный митр. Филиппъ; предъ нимъ—раскрытая книга. Святитель весь отдался молитвѣ, весь ушелъ въ нее. Въ эту минуту открывается дверь,—и въ тихую, мирную келлію крадучись входитъ Малюта Скуратовъ, своими собственными руками задушившій святителя.

Есть картины въ нашей живописи, изображающія древне-русскіе религіозные обычаи и обряды, въ которыхъ главное дѣйствіе принадлежало духовенству. Таковы: шествіе на ослати, пещное дѣйство, славленіе у древне-русскихъ московскихъ царей и др. Изъ картинъ позднѣйшаго времени историческаго характера отмѣтимъ картину XII выставки Спб. Общества художниковъ—академика Маймона—„Свиданіе имп. Александра I съ Саровскимъ старцемъ Серафимомъ“.

III.

Картины, изображающія жизнь современнаго намъ духовенства, можно раздѣлить на *два* группы: однѣ изъ этихъ картинъ изображаютъ жизнь нашихъ монастырей, другія—жизнь бѣлаго духовенства.

Для людей не глубокихъ, поверхностныхъ, а тѣмъ болѣе для людей съ предвзятымъ взглядомъ, ставящихъ выше всего вещественныя блага, для „сыновъ вѣка сего“ жизнь монастырей нашихъ интереса не представляетъ,—больше того—

является иногда предметомъ насмѣшекъ и глумленія; но для искусства, которое тогда только и будетъ истиннымъ, когда въ каждомъ явленіи постигаетъ внутренній смыслъ, идейное содержаніе, жизнь монастырей представляетъ не мало привлекательныхъ сторонъ, полныхъ глубокаго содержанія и смысла.

Нужно сказать, что наше искусство въ отношеніи монашества и монастырей стоитъ далеко выше и является несравненно правдивѣе искусства западныхъ народовъ, гдѣ монашество и монастыри служили перѣдко предметомъ злыхъ насмѣшекъ со стороны художниковъ. Отсутствіе въ нашемъ искусствѣ такихъ печальныхъ явленій объясняется, намъ думается, съ одной стороны, тѣмъ, что наши монастыри, сторонясь мірскихъ интересовъ, борьбы за мірское величіе и славу, наиболѣе сохранили въ чистотѣ идеаль монашества; съ другой стороны—стремленіемъ русскаго искусства проникать именно въ самую суть явленій, въ ихъ внутренній духъ. Предъ нами картина Богданова-Бѣльскаго (XVIII передвижная выставка)—„Будущій инокъ“, удачно отвѣчающая на вопросъ: откуда, такъ сказать, набирается наше непритязательное монашество?—Оно набирается, прежде всего, изъ народа, который хранитъ въ своемъ сердцѣ Бога и самою своею скудною жизнію и окружающею его природою воспринимается въ аскетизмъ. На картинѣ Богданова-Бѣльскаго изображена крестьянская хата; за столомъ сидитъ пожилой странникъ-монахъ, много видѣвшій на своемъ вѣку; не одну тысячу верстъ сдѣлалъ онъ, переходя отъ одной обители къ другой, и есть ему чтò поразсказать о красотѣ обителей, о торжественныхъ служеніяхъ, объ иноческихъ молитвахъ и подвигахъ. Тихо льется рѣчь странника, и каждое его слово глубоко заиадаетъ въ душу его внимательнаго слушателя-подростка. Мальчикъ склонилъ голову на руку; глаза мечтательно устремлены куда-то вдаль, и въ дѣтской душѣ зарождается жажда чего-то великаго, жажда подвига въ служеніи

Богу, которая и приведетъ его къ тихой пристани—къ стѣнамъ монастыря.

Любовь ко Христу часто приводитъ человѣка въ тихую обитель; но мысль о прошломъ, о родномъ селѣ и семьѣ не такъ легко оставить; не такъ легко забыть все, что осталось сзади.

Здѣсь-то и нужна крѣпкая рука, на которую можно было бы опереться; нуженъ человѣкъ, способный поддержать яркій пламень въ душѣ. Такую поддержку молодымъ инокамъ оказываютъ монахи-старцы, прошедшіе личнымъ опытомъ долгій путь борьбы съ самими собою, съ страстями и суетными желаніями. Передъ нами скитъ. Природа въ расцвѣтѣ торжествуетъ свой праздникъ—весну. Въ сердцѣ молодого инока тревога, пѣсни весны напоминаютъ о прошломъ, навсегда имъ покинутомъ; но рядомъ съ юношей-инокомъ добрый геній—старецъ-монахъ, сидящій съ нимъ на скамеечкѣ. Величаво-спокойно лицо старца, медленно льется его тихая, ровная, полная любви и мира рѣчь, и цѣлебнымъ бальзамомъ ложится каждое его слово на юную впечатлительную душу, еще не порвавшую всей связи съ внѣшнимъ міромъ, крѣпко влекущимъ его мысль изъ тихой обители туда, гдѣ шумитъ и бурлитъ житейское море (картина Муратова—„Въ скиту“, V выставка картинъ Спб. общества художниковъ).

Природа—великая учительница, и если бы человѣкъ внимательно всматривался въ нее, чутко прислушивался къ ея голосу, онъ чаще вспоминалъ бы о великомъ Художникѣ, такъ премудро всё устроившемъ,—о Богѣ. Воспитывающую силу природы всего лучше понимаютъ люди, углубленные въ себя, люди духа. Вотъ почему многіе изъ русскихъ монастырей занимаютъ живописнѣйшіе уголки Россіи. Здѣсь природа и человѣкъ вступаютъ въ тѣсное взаимоотношеніе: природа своею силою и красотою будитъ въ человѣческой душѣ лучшія ея чувства, а человѣкъ отъ лица природы сознательно поетъ хвалу Богу, которую бессознательно подсказываетъ ему природа своею мощью и красою. Художники наши любятъ

изображать духовную красоту монастырской жизни, параллельно сопоставляя съ высшимъ ростомъ человѣческой души красоту и ростъ физической природы, особенно весной, когда все цвѣтеть и благоухаетъ. Изъ такихъ картинъ укажемъ *двѣ*: на XXI передвижной выставкѣ общее вниманіе привлекала картина Дубовскаго: „Внѣ обители“. На ней дивно изображено безпредѣльное, вѣчно-живое плещущее море и два монаха-послушника. Картина эта незатѣлива и очень проста по сюжету, но отъ нея такъ и вѣетъ жизнью: видно, художникъ глубоко постигъ могучее воспитывающее дѣйствіе, какое оказываетъ природа на человѣческую душу. Нѣсколько сродни этой картинѣ другая, которая была выставлена на конкурсной выставкѣ 1902 года,—это картина Л. В. Попова—„Монашенки на берегу моря“. На ней изображены монашенки среди вечерняго полумрака, читающія слова книги вѣчной жизни. Монашескій подвигъ имѣетъ нѣсколько степеней, по которымъ человѣкъ восходитъ отъ силы въ силу, постепенно совершенствуясь и приближаясь къ идеалу, начертанному Христомъ для болѣе совершенныхъ и сильныхъ духомъ. *Первая* ступень этого подвига—послушничество, состоящее въ томъ, что начинающій монашескій подвигъ свою волю и свою жизнь поручаетъ другому, болѣе сильному и крѣпкому духомъ, чѣмъ самъ онъ. За этой ступенью слѣдуетъ *вторая*—собственно монашество, переходъ въ которое сопровождается особымъ чиномъ, называемымъ *великимъ постригомъ*. Пострига удостоиваются послушники, уже окончательно привязавшіеся къ монастырской жизни и порывающіе всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ. Этотъ именно моментъ и взялъ темой для своей картины упомянутый уже нами раньше художникъ М. В. Нестеровъ. Картина его—„Великій постригъ“—рисуетъ женскій монастырь. Передъ зрителемъ—глухая обитель, какихъ не мало на Руси, гдѣ духъ аскетизма сохранился въ чистомъ своемъ видѣ. Кругомъ—ликующая весенняя природа; деревянныя постройки монастыря, молодая серебристая березка, распускающія почки, груша

монашенокъ—всё облито яркимъ весеннимъ солнцемъ. Посреди монастыря идетъ торжественная и трогательная процессія: постригаемую, окруженную сестрами со свѣчами въ рукахъ, ведутъ въ храмъ, гдѣ сейчасъ долженъ совершиться великій актъ отреченія ея отъ міра.

Есть въ нашей живописи нѣсколько картинъ, рисующихъ жизнь монаховъ-отшельниковъ, иначе—скитскую жизнь, состоящую въ томъ, что подвижники, не довольствуясь условіями обще-монастырской жизни, удаляются въ болѣе глухія, удаленныя отъ шума людского мѣста, гдѣ и совершаютъ великій подвигъ самоотреченія и непрестанной молитвы.

Въ Третьяковской галлерей есть прекрасная картина Архангельскаго—„Въ скиту“, переносящая зрителя въ область міра пустыннаго. Монастырекъ, или пустынька изображена весной, когда все поетъ и цвѣтетъ. Среди мирной обстановки изображенъ старецъ-отшельникъ. Отъ убогой своей трапезы—черстваго хлѣба—онъ отдѣлилъ крошки и ими кормитъ своихъ друзей—голубей.—На XVII передвижной выставкѣ была выставлена картина академика Волкова—„Скитъ“—на подобную же тему. На его картинѣ, прорѣзанный тихимъ ручьемъ, изображенъ вѣковой лѣсъ, окутанный осенней тишиной. Отъ небольшой почернѣвшей отъ времени бѣдной пустыньки идетъ старецъ-монахъ съ ведеркомъ по воду.—Художникъ—баронъ М. П. Клодтъ на своей картинѣ (XII передвижная выставка) открываетъ передъ зрителемъ завѣсу другой, еще болѣе суровой и строгой, жизни—схимнической. Убогая келлія съ небольшимъ оконцемъ слабо освѣщается горячей свѣчей. Изможденный молитвой и постомъ, схимникъ прилежъ отдохнуть въ своемъ обычномъ ложѣ, приготовленномъ имъ заблаговременно къ смерти:—это—гробъ, выдолбленный схимникомъ изъ дубовой колоды. Но не продолжительенъ сонъ подвижника: заблаговѣстили къ заутренѣ,—и онъ съ первымъ ударомъ колокола, ворвавшимся въ небольшое оконце, пробуждается къ новымъ суровымъ подвигамъ.

IV.

Отъ картинъ, изображающихъ жизнь русскихъ монастырей и русскаго монашества, перейдемъ къ обрисовкѣ нашими художниками жизни бѣлаго духовенства. Наша живопись коснулась многихъ весьма важныхъ сторонъ этой жизни. Остановимся сначала на тѣхъ картинахъ, которыя изображаютъ духовенство въ главномъ актѣ, или моментѣ его дѣятельности—при совершеніи таинствъ, которыми освящаются вѣрующіе. Здѣсь священникъ становится въ самое близкое и тѣсное общеніе съ жизнію своихъ пасомыхъ—съ жизнію человѣческой души въ самыхъ ея сокровенныхъ изгибахъ. Изъ такихъ картинъ укажемъ, прежде всего, на картину М. Молова—„Исповѣдь“. Въ великомъ актѣ этого таинства человѣческая душа открывается предъ Нелицепріятнымъ Судіею—Богомъ, ищетъ прощенія въ своихъ худыхъ дѣлахъ и помышленіяхъ; даже закоренѣлые преступники, попирающіе самые священные законы, въ этомъ таинствѣ иногда умягчаются, приходятъ въ сознаніе своей грѣховности и изливаются въ чувствѣ искренняго раскаянія. Типъ такого кающагося взялъ для своей картины художникъ Моловъ. Ужасъ и страхъ изображены на лицѣ колѣнопреклоненнаго исповѣдника: видно, не мало страшной борьбы вынесъ онъ, прежде чѣмъ созналъ свой грѣхъ и рѣшился исповѣдаться въ немъ. Надъ кающимся наклонившись стоитъ старичокъ—священникъ; съ ласковымъ лицомъ прислушивается онъ къ глухимъ звукамъ кающагося, ободряя его не таиться предъ Богомъ во грѣхѣ и не терять надежды на милосердіе Божіе (тотъ же самый актъ исповѣди часто изображается на рисункахъ Козачинскаго, Ижакевича и др., помѣщаемыхъ въ относящихся къ Страстной недѣлѣ номерахъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ). Общая исповѣдь, допущенная въ практику о. Іоанномъ Сергіевымъ Кронштадтскимъ, послужила темой для большой картины М. Д. Адельгейма, занявшей видное мѣсто на XII выставкѣ Спб. художниковъ.

На XXX передвижной выставкѣ была выставлена трогательная картина извѣстнаго художника Богданова-Вѣльскаго: „Соборованіе“. На ней изображенъ тяжело больной, еще не старый, хозяинъ семьи, лежащій на убогой деревенской постели. Священникъ совершаетъ моленіе „объ исцѣленіи болящаго раба Божія отъ обдержавшей его тѣлесной и душевной немощи“. Кругомъ, съ зажженными свѣчами, стоятъ родственники и семья, которой грозитъ опасность потерять единственнаго кормильца. Художникъ въ лицахъ ярко выразилъ глубокую вѣру молящихся и надежду ихъ на помощь Божию.

Освящая чрезъ таинства всѣ главные моменты жизни православнаго христіанина, пастырь не оставляетъ ввѣренныхъ ему душъ и въ послѣднія мгновенья ихъ земного странствованія, напутствуя молитвами и благословеніемъ Церкви какъ отходящихъ, такъ и отошедшихъ уже въ жизнь вѣчную...

Суровая зимняя выюга; природа стонетъ и плачетъ непогодой; порывистый вѣтеръ капризно сылетъ во всѣ стороны снѣгомъ. Печальная картина! Но еще печальнѣе то, что совершается на ея фонѣ. Вотъ плетется худая, старая сивка, тонущая въ рыхломъ снѣгу; еле тащитъ она сани съ гробомъ. Впереди гроба едва передвигаетъ коченѣющія отъ стужи старческія ноги священникъ. Сердитый вѣтеръ треплетъ его ветхую рясу, рѣжетъ лицо, замораживаетъ руки, въ которыхъ онъ держитъ крестъ, уноситъ погребальную пѣснь псаломщика. Два мальчика, закутанные во что-то ветхое, съ скорбными лицами провожаютъ, надо думать, милого и родного покойника,—быть можетъ—мать,—на мѣсто вѣчнаго упокоенія.—Такова картина академика Трутнева—„Похороны“.

Другая картина на ту же тему, только въ иной обстановкѣ, оригинальная по замыслу и мастерски исполненная, принадлежитъ В. В. Верещагину: „Павшіе на полѣ чести“. Сраженіе окончено; смолкъ ревъ пушекъ, ружейная трескот-

ня. Разошлись и участники боя; осталось только поле—нѣмой свидѣтель разыгравшейся предъ тѣмъ страшной военной грозы—да трупы, сложенные небольшими кучами, слегка засыпанные землей, какъ нѣмой укоръ людской жестокости. Смерть всѣхъ примирила, и здѣсь лежать рядомъ и свои и чужіе. Священникъ въ черныхъ ризахъ, съ молитвою на устахъ, вмѣстѣ съ церковникомъ, обходитъ съ кадиломъ въ рукахъ ряды павшихъ на полѣ чести, принося этимъ послѣднюю дань любви со стороны живыхъ тѣмъ, кто положилъ жизнь свою за родину.

Религіозно-просвѣтительная дѣятельность духовенства русскаго не ограничивается только однимъ исполненіемъ требъ; оно пользуется и другими средствами, какія находятся въ его распоряженіи, для добраго вліянія на свою паству. Передъ нами небогатая обстановка сельскаго храма, куда несуть свое горе и душевныя „болѣсти“ тысячи деревенскихъ сердець. Церковь полна молящихся. Взоры всѣхъ обращены къ священнику, который, стоя за аналоемъ, произноситъ проповѣдь. Лица слушателей—самыя разнообразныя: тутъ и простые люди, и мѣстная интеллигенція, и степенные мужики, и богомольныя старушки въ знакомой позѣ—подперевъ лицо на руку. Выраженія лицъ—также самыя разнообразныя; но одно несомнѣнно: къ слову священника слушатели далеко не равнодушны и живо внимаютъ его наставленіямъ.—Все это необыкновенно ярко представлено на картинѣ академика В. Е. Маковского—„Проповѣдь въ сельской церкви“ (XVII передвижная выставка).

Духовенство не чуждается и частной жизни прихожанъ, стараясь своимъ участіемъ вносить въ нее миръ и согласіе. Этотъ сюжетъ затрогиваетъ картина Н. В. Неврева—„Увѣщеваніе“. На картинѣ—обычная дешевенькая обстановка средней іерейской квартиры. Передъ старикомъ-священникомъ сидятъ разстроенные молодые супруги, видно лишь недавно еще связавшіе свою судьбу. Пришли они, кажется, затѣмъ, чтобы посоветоваться съ батюшкой о разводѣ; но

батюшка, вмѣсто совѣтовъ, старается примирить супруговъ и соединяетъ ихъ руки въ знакъ взаимнаго прощенія.

Изъ картинъ, касающихся частной жизни священника, нерѣдко полной всякихъ невзгодъ и терній, укажемъ одну, полную грусти и скорби, сильную по производимому ею на зрителя впечатлѣнію. Это картина И. К. Гриндковскаго— „Вдовецъ“. Небогатое сельское кладбище. На скамьѣ, безъ шляпы, склонивъ голову на руку, сидитъ молодой священникъ-вдовецъ. Передъ нимъ свѣжая, безъ креста еще, могила, покрытая цвѣтами. Здѣсь похоронена его жена; съ нею рука объ руку думалъ онъ пройти свой нелегкій жизненный путь, но Богъ судилъ иначе: жена умерла, и вотъ сидитъ онъ, одинокій, для всѣхъ чужой, надъ дорогой могилой, и нѣтъ предѣла его горю. Съ нимъ пришли „къ мамѣ“ двое дѣтокъ: мальчикъ постарше, лѣтъ шести, уже чувствуетъ горе, и его дѣтское личико затуманено грустью; крошка-дѣвочка еще далека отъ горя, которое пока не понятно ей, и она съ увлеченіемъ занялась цвѣточками.—Сердце невольно сжимается отъ боли, когда смотришь на эту полную неизмѣримой грусти картину.

Не чужда жизнь духовенства и своихъ маленькихъ радостей и развлеченій, дающихъ усталой душѣ отдыхъ.—Вотъ три мальчика съ увлеченіемъ что-то поютъ подъ тактъ діакона, въ его квартирѣ. Это—„спѣвка“ (картина художника Батыкова): дѣти готовятся порадовать молящихся въ своемъ родномъ храмѣ хорошимъ исполненіемъ церковныхъ пѣснопѣній и стараются изо всѣхъ силъ. За спиной діакона—четвертый мальчикъ. Его не пригласили на спѣвку, а можетъ быть онъ опоздалъ,—и вотъ, робко крадучись, онъ все же забрался на спѣвку; добрый старикъ навѣрно не прогонитъ его и будетъ радъ новому члену своего хора.

Духовенство не сторонится и простого физическаго труда, которымъ живетъ и кормится его сельская паства. Въ этомъ трудѣ оно находитъ не только матеріальную поддержку своему скудному обезпеченію, но и нравственную,

такъ какъ трудъ этотъ роднитъ и сближаетъ его съ трудовымъ крестьянскимъ населеніемъ. На дворѣ страдная пора. Все село на полевой работѣ, только старые да малые остались въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ зарею вышелъ на работу и сельскій батюшка и тяжелымъ молотомъ разбиваетъ твердыя комья, разрыхляя кормилицу-землю для будущаго урожая. Батюшка на минуту остановился передохнуть, снялъ шляпу и вытираетъ съ лица обильный потъ. По нашему мнѣнію, эта картина Я. П. Турлыгина имѣетъ и символическій смыслъ, и физическій трудъ служитъ здѣсь образомъ духовнаго дѣланія на нивѣ сердець: трудъ, упорный трудъ съ полной надеждой на Бога—вотъ девизъ священника, если онъ хочетъ, чтобы его служеніе не было безплоднымъ, а дало обильный *урожай*.

Этимъ и ограничимъ нашъ очеркъ. Обобщая кратко галерею указанныхъ нами художественныхъ произведеній, мы можемъ сказать, что живопись русская гораздо добрѣе къ православному духовенству, чѣмъ литература. Здѣсь и въ поминѣ нѣтъ того отрицанія, а иногда и глумленія, какое мы видимъ часто въ литературѣ. Тоны и краски не сгущаются ради тенденціи. Въ жизни духовенства живопись видитъ и находитъ свой глубокой смыслъ и значеніе и рисуетъ жизнь эту въ симпатичныхъ, добрыхъ образахъ, далекихъ отъ шаржа и огульнаго осужденія.

Свящ. В. Пестряковъ.

Помогите томящимся въ японскомъ плѣну русскимъ героямъ!..

Начальникъ духовно-русской мисіи въ Японіи—пресвященный епископъ Николай, проявляющій весьма дѣятельную заботливость о духовныхъ нуждахъ нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, томящихся въ японскомъ плѣну, въ письмѣ къ заслуженному ординарному проф. Спб. университета прот.

М. Горчакову, между прочимъ, пишетъ: „Позвольте воспользоваться случаемъ обратиться къ вамъ съ просьбою о дѣлѣ, которое одно теперь у меня на умѣ: помогите утѣшать здѣсь хоть мало нашихъ бѣдныхъ военно-плѣнныхъ, страдающихъ отъ скуки и тоски въ своей неволѣ! А это вы можете только однимъ собираніемъ и препровожденіемъ сюда возможно болѣе и возможно скорѣе книгъ для чтенія имъ. Ваша среда—людей ученыхъ, людей живущихъ книгами, обложенныхъ книгами, зарытыхъ въ книгахъ: потому, вы можете особенно много и особенно умныхъ книгъ собрать. Шлютъ сюда больше книги для легкаго чтенія: брошюры, романы, журналы, газеты; хорошо и это, просите и этого, это и нужно больше всего; но есть и множество лицъ, просящихъ серьезнаго научнаго чтенія, желающихъ не терять праздно время, а воспользоваться имъ для изученія той или другой научной области. Просятъ: догматическаго богословія, основнаго богословія, философскихъ книгъ, серьезно-историческихъ, книгъ по высшей математикѣ, физикѣ, даже химіи; словомъ — нѣтъ той области знаній, которою бы не интересовался тотъ или другой изъ офицеровъ, особенно молодыхъ, и не желалъ бы на досугѣ расширить свои познанія въ ней. Много также желающихъ изучать иностранные языки и просящихъ руководствъ для того. Все, чѣмъ могла служить миссійская бібліотека, истощено, а просьбъ а требованій все больше и больше. Итакъ, обращаюсь къ вашей добротѣ: послужите сему, сотворите сіе истинно боголюбное дѣло христіанскаго милосердія!“

Книги и всѣ вообще изданія, пожертвованныя въ пользу военноплѣнныхъ въ Японіи, по окончаніи войны возвратятся въ собственность миссійской бібліотеки, которая служитъ институтомъ умственнаго и нравственнаго общенія японцевъ съ русскими. Учрежденія и лица, расположенныя къ пожертвованіямъ въ пользу военноплѣнныхъ соотечественниковъ, благоволятъ доставить жертвуемымъ книги и деньги (которые также необходимы для пересылки книгъ) постоянному сотруднику

русской духовной миссіи въ Японіи о. протоіереемъ *Теодору Николаевичу Быстрову* (въ Инженерномъ замкѣ, по Садовой, кв. № 4), который состоитъ въ постоянныхъ, непрерывающихся сношеніяхъ съ преосвященнымъ *Николаемъ*.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го іюля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Авт. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года августа 7-го дня.

Содержаніе: Всероссийскій церковный соборъ.—Памяти выдающагося па-
стыря—поборника народной трезвости.—Апокрифическія евангелія
(окончаніе).—О подношеніи дѣтей „подъ выносъ“ во время вели-
каго входа.

Всероссійскій церковный соборъ.

Въ нынѣшнемъ строѣ Русской Церкви накопилось такое множество ненормальностей, требующихъ немедленнаго вра-
чеванія, больныхъ вопросовъ, требующихъ немедленнаго
разрѣшенія, что разобратъся во всемъ этомъ, какъ слѣ-
дуетъ, существующая церковно-административная власть со-
вершенно не въ силахъ; для этого необходима болѣе автори-
тетная и сильная власть, какою можетъ быть только помѣст-
ный соборъ Русской Церкви. Этой формы выраженія обще-
церковнаго сознанія наша Русская Церковь не знаетъ уже
болѣе двухсотъ лѣтъ; идея соборности въ Русской Церкви
народомъ, можно сказать, забыта, и приводятъ ее на память,
стремятся воскресить ее люди, знакомые съ исторіей какъ
всей Церкви, такъ, въ частности, и Русской, люди книж-
ные. Пожеланія о созывѣ собора Русской Церкви и печатно

и устно высказывались на протяжении послѣднихъ *ста* лѣтъ не разъ. Особенно много надеждъ на соборъ возлагали въ вопросѣ о примиреніи со старообрядцами чрезъ снятіе съ нихъ, соборнымъ опредѣленіемъ, клятвъ 1666 года; но голоса за соборъ были единичные, попытки—слабыя, а потому, и къ существеннымъ результатамъ они не привели. Только въ настоящемъ году, благодаря предложенію Св. Синода, вопросъ о соборѣ поставленъ на прочную почву и лишь отложенъ волей Государя до болѣе благопріятнаго, спокойнаго времени, когда прекратится тяжелая война на Дальнемъ Востоцѣ и смута внутри государства.

Противъ принципиальной стороны въ вопросѣ о церковномъ соборѣ едва ли можно что-нибудь возразить, но зато техническая сторона дѣла представляетъ огромныя трудности. Трудности эти настолько велики, что даже тѣ лица, которыя особенно усердно настаиваютъ на необходимости собора, напр. — извѣстные отсель 32 петербургскихъ священника, отказываются дать схему, или указать, какъ практически осуществить вопросъ о созывѣ собора, а предоставляютъ—выполни справедливо—рѣшеніе этого вопроса „путемъ всесторонняго его обсужденія заинтересованнымъ и свѣдущимъ людямъ“...

Дѣло устройства родной Церкви самою же Церковію настолько велико и важно, а переживаемое нами время настолько тревожно и чревато печальными послѣдствіями, что вопросъ о соборѣ требуетъ самаго всесторонняго обсужденія и осторожности, чтобы, вмѣсто желаемаго блага, тѣми или иными темными силами не было произведено вреда или ущерба Церкви, и безъ того поносимой и поругаемой ея врагами. Такъ какъ настоящее время, въ виду того обстоятельства, что соборъ отложенъ, является подготовительнымъ, то, намъ думается, каждый искренній голосъ по данному вопросу не лишень своего значенія, и чѣмъ больше выскажется лицъ, тѣмъ больше можно надѣяться на то, что вопросъ этотъ лучше выяснится.

Полнота церковнаго сознанія и власти была и есть не въ одной части ея, а именно во всей Церкви. Какъ въ органически цѣломъ тѣлѣ жизнь и энергія жизни хранятся во *всемъ* тѣлѣ, такъ и въ Церкви каждый отдѣльный ея членъ хранить въ себѣ жизнь и сознаніе Церкви. Отсюда, и на помѣстномъ соборѣ выразителями и представителями Церкви должна быть не одна только группа лицъ,—предположимъ, духовенство,—но представители отъ всей Церкви, т. е. и отъ мірянъ (совершенно обратно тому, чтò дѣлается въ церкви католической, гдѣ полнота власти усвоена только церкви правящей, въ частности папѣ). На соборѣ всероссійскомъ должны быть представители отъ слѣдующихъ *трехъ* группъ: 1) отъ монашествующихъ, 2) отъ блага духовенства и 3) отъ мірянъ. Соборъ, составленный только изъ представителей отъ духовенства, не будетъ имѣть для Церкви ни силы, ни значенія, какъ соборъ исключительно *клерикальный*...

По нашему мнѣнію, указанныя *три* группы представителей на соборѣ въ настоящее время *совершенно не подготовлены* къ взаимному согласному рѣшенію вопросовъ, такъ какъ отвыкли говорить другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ взаимнымъ отношеніямъ у насъ епископовъ и священниковъ. На протяженіи послѣднихъ *двухсотъ* лѣтъ право говорить, обсуждать, приказывать принадлежало только епископу; голосъ и мнѣніе священника (въ отношеніяхъ къ епископамъ) равны были нулю. Однимъ было усвоено право почти безконтрольно судить, рѣшать, карать и миловать; на пресвитерахъ же лежала обязанность только безпрекословно исполнять распоряженія епископа, не вдаваясь въ разсужденія. Отсюда, вѣками выработался въ низшемъ духовенствѣ рабскій духъ, благоговѣйная робость предъ епископомъ, доходившая порою дотого, что забитый и запуганный священникъ не имѣлъ силъ и гражданскаго мужества даже настолько, чтобы изложить свои личные вопіющія нужды и печали... Вотъ факты ежедневной жизни. Обращеніе архі-

ереевъ къ священникамъ на „ты“—даже къ престарѣлымъ—явленіе и теперь довольно обычное. Пусть такое обращеніе есть выраженіе отеческаго отношенія; но, при установившейся формѣ обращенія, когда священнику приходится говорить „вы“ каждой деревенской бабѣ, пьяному мѣщанину,—такая *отеческая* форма обращенія принижаетъ духовенство. Еще недавно практиковалось, что священникъ, явившись къ архіерею, забывая или оставляя въ сторонѣ то, что кланяться подобаешь одному Богу, долженъ былъ бить земной шоклонъ архіерею. И теперь, во время визитовъ къ архіерею, священнику получить приглашеніе сѣсть считается великою честію, которой удостоиваются лишь избранные, и о которой разговоръ потомъ идетъ по цѣлой округѣ. Замѣчательное дѣло. Въ нѣкоторыхъ городахъ образованы частныя пастырскіе кружки, гдѣ разсматриваются религіозно-церковные вопросы, и куда приглашаются лица свѣтскія. Кружки эти всячески прячутся и очень боятся всякаго въ нихъ архіерейскаго участія. Фактъ—частный, но многознаменательный. „Архіерейское присутствіе связываетъ языкъ, стѣсняетъ“,—такъ объясняютъ это явленіе участники бесѣдъ... Итакъ, если въ насъ теперь крѣпко вросъ не духъ сыновства, а рабскій страхъ предъ епископскою властію, крайняя робость, то что же можетъ быть на соборѣ, гдѣ священнику нужно будетъ высказаться не передъ однимъ, а передъ цѣлымъ сонмомъ архіереевъ, а быть можетъ касаться и обоюдоострыхъ вопросовъ—монастырей, положенія епископата, отношенія его къ низшему духовенству и т. д?.. Надѣмся, выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ: прежде чѣмъ собирать духовенство на соборъ, гдѣ были бы одно сердце и одна душа, гдѣ раздавалось бы искреннее слово (слово Божіе не вяжется), необходимо приготовить къ этому духовенство, необходимо сблизить совершенно разобщенныхъ у насъ епископовъ и священниковъ. Для этого средство одно—самое широкое развитіе недавно возникшихъ у насъ пастырскихъ собраній съ архіереемъ во главѣ—съ тѣмъ непремѣннымъ

условіемъ, чтобы архіерейская власть не подавляла, а направляла дѣло, спокойно выслушивала каждое мнѣніе; чтобы въ пастырскія собранія привлекалось по возможности все епархіальное духовенство, и на этихъ собраніяхъ воспитывалось къ соборному рѣшенію вопросовъ церковныхъ.

Весьма значительнымъ элементомъ въ составъ собора должны войти и лица свѣтскія,—говоримъ *весьма значительнымъ* потому, что православныхъ свѣтскихъ людей на Руси считается 85 милліоновъ. Не нужно упускать изъ виду, также и того, что двери собора должны быть открыты не только для избранныхъ, уполномоченныхъ, но и для тѣхъ, кто самъ почувствуетъ влеченіе туда, кто будетъ сознавать въ себѣ силу и потребность высказаться по тому или другому вопросу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ прошлой исторіи Церкви Христовой.—Доселѣ отношенія на Руси между духовенствомъ и вѣрующими были такія: духовенство учило, говорило, рѣшало церковныя дѣла; паства внимала, но рѣшающаго значенія на дѣла церковныя не имѣла,—да ея голоса даже и не спрашивали. Въ результатѣ получилось полное обособленіе и взаимное непониманіе пастырей и пасомыхъ. Теперь изъ безправной паства получаетъ высшее право говорить и рѣшать въ высшей инстанціи Церкви—на соборѣ. Спрашивается: есть ли хотя слабая гарантія того, что двѣ доселѣ совершенно разобщенныя соборныя группы—мірянъ и духовенства—будутъ дѣйствовать согласно, рука объ руку? что онѣ, доселѣ не говорившія между собою, не заговорятъ на соборѣ на разныхъ языкахъ, въ результатѣ чего получится еще большая обособленность и даже неприязнь?.. Простой народъ, не оскудѣвшій непосредственною живою вѣрою, если и попадетъ на соборъ, то будетъ лишь молчаливымъ зрителемъ; значить, дѣло рѣшать будутъ духовенство и интеллигенція... А въ этомъ отношеніи у насъ имѣется весьма поучительный примѣръ въ петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, являющихся первой характерной попыткой сближенія духовенства и интеллигенціи. Предпола-

гать, что на соборъ попадутъ изъ мірянъ только „извѣстные своею ревностію о благѣ Церкви“ (записка петербургскихъ священниковъ), трудно, такъ какъ выборы будутъ производиться мірянами, и въ ревнители Церкви, несомнѣнно, попадутъ и лица, православныя только по метрицѣ... При этомъ, и о мірянахъ нужно сказать то же, что и о духовенствѣ: для участія въ соборѣ имъ нужна солидная подготовка. Необходимо привлечь прихожанъ къ участію въ церковно-приходскихъ дѣлахъ съ правомъ рѣшающаго голоса; необходимо въ каждомъ приходѣ заведеніе *бесѣдъ* (не *чтеній*, а именно *бесѣдъ*) на подобіе петербургскихъ, гдѣ намѣченные къ соборному рѣшенію вопросы должны быть предварительно свободно и всесторонне разсмотрѣны. А безъ этой подготовки трудно ожидать отъ собора надлежащаго единства и согласія, и самый соборъ будетъ *deus ex machina*, съ неизбѣжными слѣдствіями хотя и важнаго, но наскоро сдѣланнаго дѣла...

Свящ. В. Пестряковъ.

Памяти выдающагося пастыря-поборника народной трезвости.

Кто интересуется широко и прочно поставленнымъ въ С.-Петербургѣ дѣломъ борьбы Церкви съ исконнымъ порокомъ русскаго народа—пьянствомъ, захватывающимъ въ столицѣ громадную часть рабочаго и фабричнаго населенія, тотъ, безъ сомнѣнія, хотя бы по печати, знакомъ съ именемъ о. Александра Васильевича Рождественскаго, священника Воскресенской церкви Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, что возлѣ Варшавскаго вокзала. Это, можно сказать, главный дѣятель въ обществѣ трезвости, душа его. Молодой, широко образованный пастырь, насчитывающій всего только *восемь* лѣтъ своей дѣятельности въ Обществѣ, о. Александръ успѣлъ довести ее однако до столь почтенныхъ размѣровъ, что Александро-Невскій отдѣлъ, руковод-

ство которымъ онъ принялъ на себя, насчитываетъ теперь уже *болѣе семидесяти тысячъ* членовъ-трезвенниковъ.

Мы поразились, когда прочитали въ петербургскихъ газетахъ печальное извѣстіе о послѣдовавшей 5-го іюля безвременной кончинѣ этого выдающагося въ столицѣ пастыря „послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни“. Кому бы, кажется, и работать на нивѣ Божіей, какъ не молодымъ, полнымъ энергіи и вѣры въ добро дѣятелямъ? Но... *не суть совѣти Мои, якоже совѣти ваши*, сказалъ Господь.

Кончина о. Александра—тяжелая, трудно-вознаградимая утрата и для Общества трезвости и для десятковъ тысячъ столичныхъ трезвенниковъ. Они горячо любили своего отзывчиваго и ласковаго „батюшку о. Александра у-Варшавки“ и при появленіи его бросались на перебой за благословеніемъ. Когда случалось по дорогѣ встрѣчаться ему съ кѣмъ-либо изъ „рабовъ пагубной страсти винопитія“, на лицѣ несчастнаго, еще не нашедшаго въ себѣ достаточно силъ произнести „обѣтъ“ у о. Александра, появлялась свѣтлая улыбка или выраженіе раскаянія. Онъ усердно кланялся о. Александру и выжидаль, не скажетъ ли батюшка ему ласковаго слова, не ободритъ ли его, не заставитъ ли въ покаяніи прослѣзиться. Надежда, обыкновенно, не обманывала бѣднягу. О. Александръ останавливался и вступалъ съ нимъ въ бесѣду, которая иногда затягивалась надолго, привлекая къ собесѣдникамъ толпу несчастныхъ „поддонковъ общества“.

Популярность о. Александра среди столичнаго просто-народья была необыкновенная. Изъ всѣхъ „трезвенныхъ“ батюшекъ рабочіе и фабричныя выдѣляли его особеннымъ уваженіемъ и дарили полнымъ довѣріемъ. Удивительная простота въ обращеніи съ народомъ при строгомъ соблюденіи пастырскаго достоинства, всегдашняя готовность войти въ „убогую“ душу человѣка съ словомъ любви и ободренія, умѣнье подать руку помощи изнемогающему въ борьбѣ съ овладѣвшимъ имъ порокомъ, искусство направлять грѣшника на путь спасенія и добродѣтельной жизни, укрѣпить его волю

въ добрѣ, дать, наконецъ, даже матеріальное пособіе—въ видѣ ли нескудной денежной ленты, или (чаще) предоставленія выгодной работы гдѣ-либо на фабрикѣ, на заводѣ, въ частномъ домѣ, и пр.—все это, въ связи съ симпатичною, открытою и доброю по природѣ душою, влекло народъ къ о. Александру. Горько будутъ скорбѣть о кончинѣ духовнаго отца безчисленныя духовныя дѣти его, и тяжелою болью отзовется въ ихъ сердца эта потеря.

О. Александръ всецѣло отдалъ себя служенію народу. Онъ приготовлялся къ этому служенію еще съ академической скамьи, когда впервые сталъ выступать предъ просто-народной аудиторіей въ качествѣ ревностнаго проповѣдника Слова Божія. Онъ вѣрилъ въ великое будущее русскаго народа, который любилъ всѣмъ сердцемъ; вѣрилъ въ способность его къ высокому духовному подъему и въ возможность духовнаго возрожденія несчастныхъ жертвъ фабричнаго быта, которыхъ загубила столица вмѣсто того, чтобы накормить и съ заработкомъ отпустить въ родныя деревни, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ голодныя семьи. Взвѣсившись за дѣло спасенія поддонковъ общества, о. Александръ ни на минуту не раскаивался въ своемъ рѣшеніи избрать именно этотъ жребій служенія. Онъ воочію убѣждался въ дѣйственности духовныхъ средствъ спасенія, широко и въ различныхъ видахъ практикуемыхъ Обществомъ трезвости, и видѣлъ, что „обратившіеся на путь спасенія“ еще болѣе горячо начинаютъ любить благодатную вѣру Христову и свою спасительницу-Церковь. На обратившихся покойный возлагалъ особенныя надежды. Онъ былъ убѣжденъ, что они понесутъ самъ свѣтъ христіанскаго спасенія въ загубившій было ихъ темный міръ.

Смотря на тщедушную фигуру о. Александра въ первый разъ, никакъ нельзя было подумать, что въ этомъ маломъ и слабомъ тѣлѣ заключенъ великій духъ. Но надо было хоть слегка коснуться внутренняго міра этого идеалиста-пастыря, чтобы сразу вся внѣшность его преобразилась. Заго-

рятся глаза, быстрымъ потокомъ польется проникновенное слово и все шире и шире начнетъ захватывать горизонты русской дѣйствительности, приковывая къ себѣ вниманіе слушателя. Нельзя было не удивляться неисчерпаемому запасу энергіи въ этомъ человѣкѣ. Онъ вѣчно работалъ, не давая себѣ отдыха. Застать его дома не было возможности: онъ постоянно то бесѣдовалъ съ трезвенниками или исповѣдывалъ ихъ, то развѣзжалъ по безчисленнымъ дѣламъ Общества и редакціи издаваемыхъ при Обществѣ журналовъ („Отдыхъ христіанина“, „Трезвая жизнь“, „Воскресный благовѣсть“), редактуру которыхъ велъ, то отправлялся на требы... Если кому надо было видѣть о. Александра у него на-дому, тотъ долженъ былъ заблаговременно условиться съ нимъ относительно свободной минуты, чтобы не терять понапрасну времени. Да и сидя у Александра, нельзя было считать его совершенно свободнымъ и всецѣло принадлежащимъ гостю. Его поминутно то вызывали къ телефону, то приносили ему дѣловую бумагу, требующую внимательнаго просмотра, или спѣшную корректуру статьи изъ типографіи, или требовали куда-нибудь по начальству. Масса мыслей въ головѣ заставляла порой о. Александра увлекаться какой-либо одной изъ нихъ, требующей, вѣроятно, скорѣйшаго разрѣшенія или такого или иного осуществленія, и какъ бы терять нить первоначальнаго разговора. Онъ какъ будто слушаетъ бывало рѣчь собесѣдника, а вмѣсто отвѣта вдругъ даетъ ему вопросъ изъ совершенно новой и неожиданной области...

Видимо, богатый духовный міръ о. Александра кипѣлъ и каждую минуту то той, то другой стороною рвался наружу. Духъ его требовалъ безграничной сферы дѣйствія...

Въ ряду волновавшихъ покойнаго вопросовъ о нравственномъ подъемѣ и оздоровленіи русскаго общества, а также объ изысканіи пастырскихъ мѣръ къ лучшему достиженію этой цѣли, самое близкое мѣсто въ сердцѣ о. Александра принадлежало вопросу о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ *церковными* средствами, путемъ воздѣйствія ихъ на

слабую волю несчастныхъ алкоголиковъ. Мы сказали, что покойный былъ душею Общества трезвости, какъ бы сконцентрированнаго около Воскресенской церкви „у Варшавки“. Большимъ удовольствіемъ для покойнаго о. Александра было посвящать каждаго новаго знакомаго въ подробности организаціи трезвеннаго дѣла и даже, такъ сказать, демонстрировать усѣхи Общества предъ взорами заинтересованнаго лица. Онъ почти всѣхъ водилъ въ новую церковь трезвенниковъ, надъ построеніемъ которой столь много хлопоталъ, показывалъ художественныя и замѣчательныя почему-либо иконы, украшающія храмъ, электрическое освѣщеніе церкви, водилъ по усадьбѣ, принадлежащей Обществу, предлагалъ заглянуть въ контору, гдѣ записываются давніе обѣты трезвенники, въ редакціонный складъ и пр. и тутъ же знакомилъ съ типами „бывшихъ людей“, которые устремлялись навстрѣчу о. Александру, лишь только замѣчали его...

Пишущему настоящія строки случилось присутствовать (въ 1904 г.) при чрезвычайно трогательной и вмѣстѣ—поразительной по необычности *масной* исповѣди предъ о. Александромъ пьянственнаго грѣха и клятвеннаго обѣщанія оставить его. Горько рыдали несчастные (двое), облегчая слезами мятущуюся душу, и съ свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ, примиренные съ Богомъ и совѣстью, вѣря въ лучшее будущее, выходили крестясь изъ храма послѣ даннаго обѣта, напутствуемые пастырскими благожеланіями почитаемаго батюшки...

Человѣкъ *идеи*, о. Александръ и въ этомъ посвященіи стороннихъ людей въ подробности устройства трезвеннаго дѣла видѣлъ тоже—хотя и косвенное—служеніе благу народа. Онъ не могъ не желать, чтобы борьба съ пьянствомъ принимала большіе размѣры, распространяясь повсемѣстно въ Россіи, и создавала бы такія же прочныя организаціи, какъ, напр., въ С.-Петербургѣ. „Одинъ въ полѣ не воинъ“, и нельзя надѣяться, что, употребляя средства борьбы въ одномъ мѣстѣ, спасаешь и другое. Нѣтъ, борьба должна быть повсе-

мѣстная, и чѣмъ скорѣе паствы примется за нее, тѣмъ легче оно побѣдитъ народный порокъ. Однако, не просто паствы надо *отучить* народъ отъ пьянства, но имъ необходимо еще ввести его въ сферу тѣхъ высшихъ духовныхъ радостей и наслажденій, въ сравненіи съ чѣмъ грязныя „удовольствія“, которыми нынѣ „развлекается“ народъ, стали бы для него не только не привлекательными, но прямо—омерзительными. Какой высокой заслугой для духовенства,— мечталъ покойный,—было бы поднять приникшій нынѣ къ грѣшной землѣ духъ народа и возвести его къ небу!... О. Александръ вѣрилъ, что такъ именно когда-нибудь и будетъ. Церковь уже не разъ спасала народъ,—избавить его и теперь отъ опасности духовной смерти, лишь бы пастыри поскорѣе и горячо, а главное—дружно, взялись за дѣло...

Бросая общій взглядъ на кратковременную, но изъ ряда выходящую по напряженности, дѣятельность почившаго о. Александра, не обинуясь скажемъ: онъ былъ *свѣтильникомъ* въ наши мрачные дни—и свѣтильникомъ не только для своего стада, но и для многихъ собратій-пастырей, которымъ оставилъ примѣръ безграничной и самоотверженной преданности избранному дѣлу. Во имя Христа онъ пожертвовалъ собою и за спасеніе ближнихъ заплатилъ жизнью: это—вѣрный залогъ, что дѣло, которому онъ служилъ, въ которое вѣрилъ и къ которому старался привлекать другихъ, не погибнетъ, но будетъ развиваться и крѣпнуть все болѣе и болѣе. Въ лѣтописяхъ борьбы Церкви съ народными пороками имя о. Александра, безъ сомнѣнія, будетъ записано золотыми буквами. Его самоотверженная дѣятельность получить, вѣруемъ, высшее воздаяніе на судѣ Верховнаго Пастыреначальника-Христа; но и здѣсь, на землѣ, она уже находитъ себѣ оцѣнку въ сердечной, искренней признательности скорбящихъ нынѣ пасомыхъ, соболѣзнованіи собратій-пастырей и въ словахъ первосвятителя Русской Церкви, С.-Петербургскаго митрополита Антонія, которыя онъ написалъ на докладѣ о кончинѣ о. А. В. Рождественскаго: „Какъ тяжело

мнѣ было услышать эту горестную вѣсть! Въ лицѣ его столица и епархія потеряли незамѣнимаго, энергичнаго и умнаго работника и на все свѣтлое и доброе отзывчиваго. Отъ всего сердца мнѣ жаль его“.

Да упокоитъ Господь нашъ Исусъ Христосъ вѣрнаго Своего служителя въ небесномъ царствіи!..

Н. Пальмовъ.

Апокрифическія евангелія.

(Окончаніе ¹⁾).

Легенда объ Иосифѣ древодѣлѣ представляетъ собою два различныхъ отрывка, принадлежащихъ различнымъ авторамъ. Первый изъ отрывковъ есть довольно простая біографія, чуждая всякихъ вымысловъ; второй носитъ отпечатокъ воображенія, увлеченнаго раввинскими баснями. Смѣлая фикція автора влагаетъ рассказъ въ уста Самого Исуса Христа. Однажды апостолы собрались вокругъ Него на Масличной горѣ. Господь разсказалъ имъ о жизни и смерти Своего (мнимаго) отца. До смерти Иосифа повѣствованіе идетъ довольно согласно съ тѣмъ, что повѣствуютъ намъ Евангелія о рожденіи Спасителя, о бѣгствѣ Его въ Египетъ и возвращеніи въ Назаретъ. По мѣстамъ, впрочемъ, попадаются сказанія, не сходныя съ свидѣтельствомъ Преданія. Такъ, напр., Иосифъ, хотя принадлежалъ къ колѣну Іудину, представляется священникомъ, будучи въ то же время плотникомъ. До обрученія съ Маріею онъ былъ вдовъ послѣ перваго брака, при чемъ отъ первой жены имѣлъ *шестерыхъ* дѣтей и между ними—св. Іакова младшаго и св. Іуду, которые, по Преданію, были только *двоюродными братьями* Спасителя. Но эти подробности намѣчены лишь слегка. Главная цѣль легенды—разсказать о смерти Иосифа, чтобы вывести нравственное за-

¹⁾ См. № 30-й за 1905 г.

ключеніе о неизбѣжности смерти какъ для грѣшныхъ, такъ и для праведныхъ. Вотъ какъ разсказъ подходитъ къ смерти св. старца.

„Текли годы, и Іосифъ старѣлся. Между тѣмъ онъ не испыталъ никакого тѣлеснаго недуга: зрѣніе не покидало его, и ни одного зуба не лишился онъ. Его мысль никогда не подвергалась бреднямъ, но, подобно юношѣ, онъ обнаруживалъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ силу молодости. Невредимыми сохранялись у него члены, и не зналъ онъ печали. Его старость была глубочайшая: онъ дожилъ до *ста одиннадцати лѣтъ*“.

Эта небольшая картина, не лишенная нѣкоторой прелести наивной простоты, заимствована изъ того мѣста книги Второзаконія, гдѣ описывается счастливая старость Моисея: „зрѣніе его не притуплялось, и крѣпость въ немъ не истощилась“ (Второзак. 34, 7). Это довольно обыкновенный приемъ, употребляемый апокрифическими евангеліями. Они отыскиваютъ въ Ветхомъ Заветѣ положенія, аналогичныя съ тѣми, которыя создаются ими, и по образцу свящ. книгъ строятъ свой разсказъ или свое описаніе. Эти подражанія встрѣчаются почти на каждой страницѣ.—Чувствуя близость смерти, старецъ приходитъ въ Іерусалимскій храмъ и обращается къ Господу съ молитвою, исполненною христіанской покорности. Съ этого мѣста легенда переменяетъ тонъ и принимаетъ совершенно другой характеръ. Очевидно, здѣсь два различныхъ разсказа, искусственно слитыхъ одинъ съ другимъ. Іосифъ является уже не покорнымъ старцемъ, который умираетъ въ спокойствіи вѣры и въ надеждѣ на Божіе милосердіе. Это человѣкъ, уstraшенный приближеніемъ смерти. Онъ проклинаетъ день своего рожденія; утробу, которая зачала его; сосцы, которыми питался; ноги, на которыхъ держался онъ; руки, которыя носили его... Среди этихъ проклятій, подражающихъ книгѣ Іова, является Спаситель и вноситъ спокойствіе въ возбужденную душу старца. Послѣдній находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы въ длинной рѣчи

изобразить муки своей жизни. Слѣдуетъ картина агоніи, которой авторъ сумѣлъ придать нѣсколько трогательныхъ чертъ. Но въ послѣднюю минуту начинается довольно чудовищная фантазмагорія. Смерть приходитъ около полудня, окруженная всѣми силами бездны. Ихъ одежды, уста, лица мечуть огонь. При видѣ ихъ старецъ плачетъ и стонетъ. Но Іисусъ отгоняетъ смерть и толпу сопровождающихъ ее служителей. Являются два архангела—Михаилъ и Гавріилъ, принимаютъ душу св. Іосифа, заворачиваютъ ее въ блестящій саванъ и относятъ въ жилище праведныхъ.

Такова основная мысль этой легенды, которая имѣетъ цѣлью выставить ту истину, что смерть есть наказаніе, опредѣленное Богомъ всѣмъ людямъ за преслушаніе нашего прародителя. Внимательно разсматривая ее, не трудно убѣдиться, что она носитъ характеръ скорѣе поученія, чѣмъ исторіи въ собственномъ смыслѣ, и нельзя совершенно отвергать предположеніе, что легенда назначена была для публичнаго чтенія у коптскихъ христіанъ въ день памяти св. Іосифа. Разказъ о смерти св. старца сдѣлался, такимъ образомъ, чтеніемъ назидательнымъ, приспособленнымъ ко времени. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно указать на то, что праздникъ въ честь Іосифа упоминается во многихъ мѣстахъ легенды. Съ другой стороны, коптское происхождение этого памятника, повидимому, подтверждается и тѣмъ, что первые слѣды его открыты у египетскихъ христіанъ, первоначально чтившихъ св. Іосифа съ особеннымъ благоговѣніемъ.

Первоевангеліе, ложно приписываемое *Іакову Младшему*, такъ называется потому, что имѣетъ предметомъ своимъ событія, предшествовавшія рожденію Іисуса Христа. Оно имѣетъ большое сходство съ „Евангеліемъ рождества Маріи“ и съ „Исторіею рожденія Маріи и дѣтства Спасителя“, для которыхъ служило первоначальнымъ источникомъ. Начало въ этихъ *трехъ* сочиненіяхъ одно и то же. Оно состоитъ изъ драматическаго разказа о рожденіи Самуила, какъ начи-

нается Первая Книга Царствъ. Подражаніе очевидно. Весьма художественно нарисована картина пастырской жизни Іоакима, отца Пресв. Дѣвы, какъ изложена она въ „Евангеліи рождества Маріи“. Эта картина напоминаетъ самыя лучшія мѣста Писанія въ подобномъ родѣ: „Быль въ Израилѣ чело-вѣкъ, именемъ Іоакимъ, изъ колѣна Іудина. Онъ пасъ своихъ овецъ, боясь Бога въ простотѣ и правотѣ своего сердца; у него не было никакой заботы, кромѣ заботы о стадахъ своихъ, прибыли отъ которыхъ употреблялъ онъ на прокормленіе бѣдныхъ, подобно ему боящихся Бога. Онъ раздѣлялъ на три части своихъ ягнятъ, своихъ овецъ, шерсть и все, чѣмъ только владѣлъ: одну изъ этихъ частей онъ давалъ вдовамъ, сиротамъ, страннымъ и бѣднымъ; другую—тѣмъ, которые посвящали себя на служеніе Богу; а третью оставлялъ для себя и своего дома. Богъ увеличилъ его стада въ такой мѣрѣ, что не было равнаго ему въ странѣ Израіля. Онъ началъ этотъ родъ жизни съ 15 года своего возраста. Когда ему минуло 20 лѣтъ, онъ женился на дочери Ахара—Аннѣ, происходившей изъ того же колѣна Іудина, изъ племени Давида. Двадцать лѣтъ прожилъ Іоакимъ съ своею женою, но не имѣлъ дѣтей“.—Продолженіе идетъ совершенно въ томъ же простомъ чисто библейскомъ тонѣ. Какъ Елкана въ Книгѣ Царствъ, Іоакимъ восходитъ въ Іерусалимъ представить свою жертву Господу. Но книжникъ храма, по имени Рувимъ, отталкиваетъ его говоря: „ты не достоинъ участвовать въ жертвахъ, приносимыхъ Богу, ибо Богъ не благословилъ тебя: Онъ не далъ тебѣ потомка въ Израилѣ“. Покрытый стыдомъ предъ лицомъ храма, Іоакимъ оставляетъ его со слезами. Онъ не возвратился въ свой домъ, но пошелъ въ пустыню, чтобы поставить тамъ себѣ палатку. Въ пустыцѣ явился ему ангелъ, который утѣшилъ его и возвѣстилъ о рожденіи Маріи. Въ это время Анна оплакивала свое вдовство и безплодіе. Наступаетъ праздникъ; но вмѣсто того, чтобы радоваться вмѣстѣ со всѣмъ Израилемъ, она остается погруженною въ печаль. Всѣ, не исключая слу-

жанки Іудиѣи, оскорбляютъ Анну въ ея горести. Эта послѣдняя обида переполнила ея сердце. Она снимаетъ свои траурныя одежды, украшаетъ голову и надѣваетъ свадебный нарядъ. Въ этомъ видѣ она пошла въ садъ и, сѣвши подъ лавровымъ деревомъ, стала изливать свою жалобу предъ Господомъ.—Вотъ трогательная элегія іудейской супруги, лишенной чести и радости матери! Мірская поэзія не представляетъ ничего превосходнѣе слѣдующаго отрывка: „Богъ моихъ отцевъ! выслушай мою молитву и благослови меня, какъ благословилъ Сарру, которой Ты даровалъ сына!“ Поднявъ глаза, она увидѣла на лавровомъ деревѣ гнѣздо птицъ, и начала плакать: „Увы! съ кѣмъ сравнить меня?—говорила она себѣ самой:—Затѣмъ ли я родилась, чтобы быть предметомъ проклятія сыновъ Израилевыхъ? Они смѣются и издѣваются надо мною, они выгнали меня изъ храма Господа-Бога моего! Съ кѣмъ сравнить меня?—Я не могу сравниться съ птицами небесными, ибо птицы чадородны предъ Тобою, Господи! Не могу сравниться съ животными земными, ибо животныя плодовиты предъ Тобою, Господи! Не могу сравниться съ рѣками и моремъ, ибо море и рѣки не поражены безплодіемъ: то спокойныя, то волнующіяся, ихъ воды наполнены рыбами, хвалящими Тебя, Господи! Не могу сравниться съ землею, ибо земля приноситъ плодъ свой во время свое, и ея плодородіе прославляетъ Тебя, Боже мой!“

Въ элегической поэзіи различныхъ народовъ едва ли можно встрѣтить что-либо изящнѣе этихъ жалобныхъ строкъ, этой печальной пѣсни іудейской жены, которая, при видѣ птичьяго гнѣзда, жалуется Господу на свое безчадіе, которая вспоминаетъ всякое твореніе, чтобы противопоставить свое, какъ она называетъ, безславіе *плодородію*, разлитому Богомъ повсюду. Чтобы вполнѣ понять мѣстный колоритъ этой поэзіи, настоящую картину іудейскихъ нравовъ, слѣдуетъ вспомнить, какимъ безславіемъ клеймилось безчадіе въ народѣ еврейскомъ. Каждая жена изъ Іудина колѣна не могла ли льстить себя надеждою, что отъ нея родится Мессія, или,

по крайней мѣрѣ, она сдѣлается благословенною вѣтвію древа, отъ котораго произойдетъ Отрасль Иессея? Съ какою же радостію торжествовала Анна, когда ангель благовѣстилъ ей, что Богъ услышалъ ея молитву! Съ какою благородною гордостью возвѣстила она двѣнадцати колѣнамъ, что время ея униженія прошло, что отнынѣ можетъ ходить она между женами Израиля съ открытымъ челомъ! Только одна пѣснь Анны, матери Самуила, можетъ соперничать съ этимъ языкомъ, всецѣло дышащимъ высокою дѣрическою поэзіею: „Воспою хвалы Господу Богу моему, ибо Онъ посѣтилъ меня и отнялъ поношеніе, которымъ покрывали меня враги мои. Господь далъ мнѣ плодъ правды, который украситъ меня предъ Нимъ. Кто возвѣститъ сынамъ Рувима, что Анна имѣетъ питомца? Слышите, слышите вы, двѣнадцать колѣнъ Израиля, вотъ Анна кормитъ дитя!“ Въ *Исторіи рожденія Маріи* сердечный восторгъ іудейской супруги выражается не такъ сильно, какъ въ Первоевангеліи Іакова: здѣсь рѣчь болѣе спокойная, но не менѣе трогательная: „Господь всемогущій вспомнилъ Свое слово и посѣтилъ народъ Свой въ святомъ Своемъ посѣщеніи, чтобы унижить народы, возстававшіе противъ насъ, и обратить къ Себѣ сердца ихъ. Онъ приклонилъ Свое ухо къ нашимъ молитвамъ и отъялъ отъ насъ поношенія нашихъ враговъ. Бездѣтная жена сдѣлалась матерію, и она зачала на радость и веселіе Израиля. Вотъ я могу представить свои жертвы Господу, и мои враги не могутъ воспренятствовать мнѣ въ этомъ! Господь удалилъ ихъ отъ меня и далъ мнѣ радость вѣчную“.

Прекрасную сцену представляетъ церемонія обрученія Іосифа и Маріи, какъ она описана въ Первоевангеліи Іакова и въ „Евангеліи рождества Маріи“. Кисть византійской школы создала эту картину. Когда Марія достигла 14-лѣтняго возраста, первосвященникъ Авіафаръ хотеть отдать Ее въ замужество. Онъ созываетъ молодыхъ людей и неженатыхъ мужчинъ изъ колѣна Іудина и каждому изъ нихъ приказываетъ

ваетъ принести жезлъ. Представляются три тысячи. Между тѣмъ какъ собраніе, безпокоящееся о результатѣ, молится въ молчаніи, Авіафаръ входитъ во святое святыхъ для принесенія жертвы. Въ ту минуту, какъ онъ раскладываетъ жезлы во святомъ мѣстѣ, изъ жезла Іосифа вылетаетъ голубь бѣлѣ снѣга, кружится подъ сводами храма и потомъ направляется къ небу. Этотъ знакъ открылъ всѣмъ избранника Господня. Смушенный столь неожиданною честью, Іосифъ ссылается на свой престарѣлый возрастъ. Но первосвященникъ грозитъ сѣвомъ Божиимъ, если Іосифъ не согласится принять подъ свою защиту Дѣву Израилеву.—Эта сцена, въ которой вымыселъ дошелъ до крайней степени, обнаруживаетъ однако нѣкоторое искусство драматическаго разсказа: это—поэзія, игра народнаго воображенія, которой и надобно искать въ первоначальныхъ христіанскихъ легендахъ болѣе, чѣмъ истиной исторіи.

Не такъ удачно описаніе чудесъ дѣтства Спасителя въ апокрифическихъ евангеліяхъ. Здѣсь грубыя фикціи часто безобразятъ простоту разсказа. Ограниченные съ этой стороны очень немногими данными изъ преданія, составители евангелій впадаютъ въ безпредѣльную область фантазій и стараются набрать какъ можно больше дѣтскихъ басенъ. Нѣкоторыя изъ этихъ басенъ, впрочемъ, не лишены своего рода трогательности. Таковъ, напр., мѣстъ о пальмовомъ деревѣ, во время пребыванія Св. Семейства въ Египтѣ, среди пустыни. Тѣнь пальмы защищаетъ Св. Семейство отъ палящихъ лучей солнца. Пресв. Дѣва сидитъ и желаетъ имѣть плодъ съ дерева, но высокія вѣтви препятствуютъ его достать. Тогда Младенецъ Іисусъ повелѣваетъ пальмѣ наклонить свою вершину, — и древо, повинувшись Его слову, нагибается вѣтви, чтобы Высокіе Путешественники могли нарвать плодовъ. На другой день Путники отправились дальше. Но предъ этимъ Іисусъ обратился къ пальмѣ съ слѣдующими словами: „Говорю тебѣ, пальма, и приказываю, чтобы одна изъ твоихъ вѣтвей была перенесена Моими ангелами и посажена въ рай Моего Отца.

Въ знакъ благословенія, Я обѣщаю тебѣ, что всѣмъ, которые сдѣлаются побѣдителями на войнѣ, будутъ говорить такъ: вы получили пальму побѣды“. Когда Онъ говорилъ это, вдругъ ангель Господень явился на вершинѣ пальмы. Онъ сорвалъ одну изъ вѣтвей и, держа ее въ рукѣ, улетѣлъ на небо. Видя это, присутствующіе стояли, какъ мертвые. Иисусъ сказалъ имъ: „Зачѣмъ ваше сердце объято страхомъ? Не знаете ли, что эта пальма, которую Я приказалъ перенести въ рай, будетъ служить наслажденіемъ для всѣхъ святыхъ, какъ служить вамъ эта пальма въ пустынѣ?“

Эта аллегорія о небесной пальмѣ не лишена поэтическаго значенія. Но вообще рассказъ о чудесахъ Дитяти Иисуса составляетъ слабую сторону апокрифическихъ евангелій. Это не что иное, какъ повтореніе общихъ мѣстъ, не выкупающихъ даже большимъ разнообразіемъ того, что они имѣютъ ребяческаго и фантастическаго.

Доселѣ мы не встрѣчали въ апокрифическихъ евангеліяхъ ничего, что могло бы походить на сколько-нибудь смѣлую мысль. Всѣ эти легенды походятъ одна на другую и не возвышаются надъ простыми формами народнаго сказа. Но въ „Евангеліи Никодима“ мы встрѣчаемся прямо-таки съ высокою эпическою поэзіею. Это—схожденіе во адъ, которое внушило не одну прекрасную страницу въ „Потерянномъ раѣ“ Мильтону и въ „Мессіадѣ“ Клоштокю.

„Евангеліе Никодима“ состоитъ изъ *двухъ* частей: *первая* представляетъ собою рассказъ объ осужденіи, смерти, погребеніи и воскресеніи Иисуса Христа; *вторая* повѣствуетъ о схожденіи Его во адъ. Если разсматривать родъ доказательствъ, приводимыхъ въ „Евангеліи Никодима“ въ подтвержденіе воскресенія Иисуса Христа и Его нисхожденія во адъ, догматическая глѣдь этого сказа сдѣлается очевидною. Чтобы восторжествовать надъ невѣріемъ соотечественниковъ, авторъ, по всей вѣроятности—обращенный іудей, приводитъ свидѣтельства начальниковъ народа, тѣхъ самыхъ, которые

обнаруживали наиболѣе ожесточенія противъ Спасителя, именно—Анны и Каиафы.

Первая часть „Евангелія“, за исключеніемъ нѣкоторыхъ не особенно интересныхъ подробностей, есть не болѣе, какъ воспроизведеніе исторіи страданій Иисуса Христа, какъ она представляется въ каноническихъ Евангеліяхъ. Сцена открывается въ преторіи Пилата, гдѣ верховные жрецы собрались осудить Иисуса. Правитель посылаетъ за Спасителемъ. Въ-сто того, чтобы исполнить приказаніе, посланный раскидываетъ по землѣ свой плащъ и поклоняется Иисусу Христу. Ожесточенные іудеи громко возстаютъ противъ этого поклоненія. Въ ту минуту, какъ Иисусъ входитъ въ преторію, римскіе орлы преклоняются предъ Нимъ. Іудеи укоряютъ знаменосцевъ, которые оправдываются тѣмъ, что они подчинились невольной силѣ. Послѣ предварительныхъ формальностей, сочиняемыхъ авторомъ, начинается допросъ, который идетъ почти такъ же, какъ у нашихъ евангелистовъ. Но чтобы придать дѣлу болѣе драматическій характеръ, составитель создаетъ случай, который если и не сходствуетъ съ историческою истиною, то дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, честь воображенію автора. Среди усиленныхъ криковъ толпы, возстающей противъ Христа, внезапно являются свидѣтели для Его оправданія. Это—разслабленный, исцѣленный при купели, слѣпороденный, хромой, прокаженный; затѣмъ—свидѣтели воскрешенія Лазаря, женщина, исцѣленная отъ кровотеченія. Съ точки зрѣнія драматической этотъ случай играетъ важную роль: воспроизводя сцену страстей Христовыхъ въ средніе вѣка, дѣйствующія лица не преминули воспользоваться указаннымъ случаемъ, записаннымъ въ „Евангеліи Никодима“. Все прочее прибавляетъ очень мало къ исторіи страданій Спасителя. Но, начиная съ воскресенія Иисуса Христа, легенда переменяетъ тонъ и входитъ, собственно говоря, въ область поэтической фикиціи.

Изъ Евангелія Матѳея (27, 52—53) извѣстно, что когда Иисусъ Христосъ испустилъ духъ на крестѣ, многіе умер-

шіе востали изъ гробовъ, и, пришедши во Іерусалимъ, явились многимъ людямъ. Составитель „Евангелія Никодима“ искусно воспользовался этимъ фактомъ, чтобы начертать свою эпическую сцену. Опъ говоритъ, что *два сына св. старца Симеона—Карпъ и Левкій—*явились въ іудейскій синагогъ и здѣсь, въ присутствіи Анны, Каіафы, Никодима, Іосифа Аримаѳейскаго и Гамалила, рассказали все, что видѣли и слышали въ жилищѣ мертвыхъ. Это—случай изъ небольшой поэмы о нисхожденіи Іисуса Христа во адъ. Здѣсь раскрывается весь поэтическій восторгъ составителя легенды. Сцена происходитъ въ предверіи рая, гдѣ души праведныхъ ожидаютъ пришествія Искушителя. Вдругъ небесный свѣтъ освѣщаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Адамъ первый вздрогнулъ отъ этого луча надежды. Тогда отъ Исаи до Іоанна Крестителя всѣ пророки одинъ за другимъ возвысили свой голосъ, повторяя предсказанія, которыя нѣкогда изрекали они людямъ.—

Между тѣмъ какъ царствуетъ радость въ этой части подземнаго міра, иная сцена происходитъ въ глубинѣ ада. Тамъ князь ада и сатана, глава смерти, обвиняютъ одинъ другого въ пораженіи, которое нанесли имъ Христъ. Среди этого спора внезапно раздастся громовой голосъ: „Возмите врата князи ваша, возмیتесь врата вѣчная: и влидеть Царь славы!“ На этотъ властный голосъ сатана и его слуги приготавливаются къ сопротивленію. Святые пригоняютъ демоновъ, которые удвояютъ свою ярость. Голосъ слышится вторично: „Возмите...“ и пр. И входитъ Христъ, исполненный величія, освѣщая темныя мѣста ослѣпляющимъ блескомъ. При видѣ Его адская сила сознаетъ свое пораженіе и вопить: „Ты побѣдилъ насъ! Кто Ты,—Ты, Котораго послалъ Господь для нашего смущенія? Кто Ты,—Ты, Который, будучи непрічастенъ грѣху и тлѣнію, разрушилъ наше могущество непреодолимымъ дѣйствіемъ Своего величія? Кто Ты,—Ты, столь великій и столь малый, столь униженный и столь возвеличенный, простой воинъ и воевода, дивный ратникъ подъ видомъ раба, Царь славы, умершій и живущій, Который на

крестъ висѣть? Ты, Который послѣ смерти положенъ во гробѣ, но сошелъ къ намъ живой? Вотъ вся тварь трепещетъ при Твоей смерти; всѣ звѣзды потрясаются, и теперь Ты свободенъ между мертвыми и смущаешь наши легіоны. Кто Ты,—Ты, Который возвращаешь свободу тѣмъ, кого первородный грѣхъ доселѣ удерживалъ плѣнниками, и наполнишь блестящимъ свѣтомъ ослѣпленныхъ тьмою грѣха?“

Послѣ этого Христосъ въ Своемъ величїи попираетъ смерть и, сокрушая могущество сатаны, вводитъ Адама въ блескъ Своего свѣта. Всѣ святые обращаются къ Спасителю, привѣтствуя Его съ побѣдою: „Ты пришелъ, Искупитель міра, и Ты исполнилъ то, что предсказано въ законѣ и пророкахъ. Ты искушилъ живущихъ крестомъ и крестною смертію; Ты низшелъ къ намъ, чтобы освободить насъ отъ ада и смерти Своимъ всемогущимъ могуществомъ. Какъ на небѣ Ты, Господи, поставилъ знакъ Своей славы, такъ и во адѣ поставь знакъ Твоей побѣды—крестъ, чтобы смерть кончила свое владычество“.

Тогда начинается торжественное восхожденіе въ рай. Спаситель, держа за правую руку Адама, поднимается изъ ада. Давидъ, Аввакумъ, Михей, всѣ пророки поютъ поочередно гимнъ радости, заключающійся въ ихъ пророчествахъ, и множество святыхъ отвѣчаютъ на ихъ славословіе. Изъ рая выходятъ къ нимъ навстрѣчу Ілія и Енохъ, которые не испытали смерти, но сохраняются до пришествія антихриста. Наконецъ, слѣдуетъ послѣднее явленіе. При вступленіи въ жилище избранныхъ, святые замѣчаютъ человѣка съ знакомъ креста на плечахъ: это покаявшійся разбойникъ, которому въ послѣдній часъ жизни сказалъ Спаситель: „Истинно говорю тебѣ: нынѣ ты будешь со Мною въ раю“. Въ виду такого блестящаго доказательства божественнаго милосердія, собраніе святыхъ съ благодарнымъ чувствомъ снова благословляетъ благодѣянія Искупителя.—Этимъ заканчивается рассказъ Карина и Левкія.

Такова эта единственная въ своемъ родѣ поэма о происхожденіи Иисуса Христа во адъ, изъ которой состоитъ *вторая* часть „Евангелія Никодима“. Съ точки зрѣнія литературной, это произведеніе не лишено ни силы, ни оригинальности. Это—*первая* серьезная попытка придать христіанскому факту, такъ сказать, форму и цвѣтъ эпической поэзіи, и, принимая во вниманіе уваженіе, которымъ пользовалась эта легенда въ средніе вѣка на всемъ Западѣ, нельзя сомнѣваться, что наши христіанскіе поэты почерпали отсюда свое вдохновеніе. Многіе изъ древне-рыцарскихъ романовъ почти сплошна воспроизводятъ легенду „Евангелія Никодима“. Въ средніе вѣка часто появлялись сочиненія подъ такимъ или подобнымъ заглавіемъ: „Страданіе Господа нашего Иисуса Христа, составленное добрымъ учителемъ Гамаліиломъ и его рабомъ Никодимомъ и славнымъ рыцаремъ Иосифомъ Аримаѳейскимъ“. Въ рыцарскихъ повѣстяхъ, романахъ, поэмахъ—вездѣ „Евангеліе Никодима“ оставило свои слѣды. Последнее замѣчаніе, впрочемъ, можетъ быть отнесено ко всѣмъ вообще апокрифическимъ евангеліямъ. Нельзя отрицать ихъ вліянія на распространеніе искусства и поэзіи христіанскихъ. То чувство наивнаго легковѣрія, которое дало имъ происхожденіе, должно было способствовать и ихъ распространенію. Церковь, не признавая за ними учительнаго значенія, не хотѣла исключать ихъ, какъ чтеніе благочестивое и какъ источникъ назиданія. Народъ, какъ и образованные классы, имѣетъ свою поэзію. И народъ очень счастливъ, если вмѣсто того, чтобы довольствоваться часто очень низконробными романами, можетъ питать свое воображеніе предметами болѣе высокаго порядка.

Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать роль апокрифическихъ легендъ въ жизни христіанской первыхъ и среднихъ вѣковъ. Конечно, картина патріархальной жизни Іоакима и Анны представляетъ менѣе опасности, чѣмъ похотливыя басни язычества, изъ среды котораго выходили народы, сдѣлавшіеся христіанскими.— Не чуждые, затѣмъ, и историческаго

элемента, дѣйствительность котораго искупала нѣкоторыя фиктивные украшенія, апокрифическіе рассказы скоро проникли во всѣ виды искусства. Замѣтивъ, что кисть великихъ художниковъ заимствуетъ для своихъ сценъ нѣкоторыя лучшія страницы апокрифическихъ памятниковъ, архитектура воспроизвела ихъ въ барельефахъ и на оконницахъ соборовъ. Еще около 550 года имп. Юстиніанъ соорудилъ въ Константинополѣ въ память Іоакима и Анны храмъ, который украсилъ скульптурою и живостью, внушенными апокрифическою „Исторіею рожденія Маріи“. По свидѣтельству Анастасія Библіотекаря, нана Левъ III наполнилъ подобными же сюжетами базилику св. Павла въ Римѣ.

Въ параллель съ этимъ художественнымъ развитіемъ, апокрифическія евангелія должны были имѣть и литературное значеніе. Ихъ вліяніе, проникая въ живопись и скульптуру, въ то же время должно было распространиться на краснорѣчіе и на поэзію. Здѣсь дѣйствіе ихъ было менѣе сильно. Въ частности, церковное краснорѣчіе могло принять эти апокрифическія легенды только въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онѣ находятъ подтвержденіе со стороны Преданія. Но Церковь вообще строго относилась къ этимъ благочестивымъ фикціямъ. Съ VI до XII вѣка часто встрѣчаются у церковныхъ писателей свидѣтельства о томъ, что все, отзывавшееся вымысломъ, постоянно было отвергаемо Церковію. Болѣе *терпѣла.* чѣмъ одобряла, она вкусъ народа къ апокрифическимъ легендамъ. Поэзія была свободнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ церковное краснорѣчіе. Такъ, начиная съ X вѣка, переводы апокрифическихъ евангелій или подражанія имъ въ стихахъ не замедлили размножиться повсюду.

Успѣху апокрифическихъ евангелій способствовало и то, что около XV вѣка они перешли въ драму, нашедши себѣ мѣсто въ драматическихъ произведеніяхъ. Такова, напр.: „Мистерія страданія“ (Христова). Она заключаетъ въ себѣ всю исторію искупленія міра и раздѣляется на *три* части: 1) мистерію рождества Маріи, которая простирается отъ

супружества Иоакима и Анны до появленія Иисуса Христа среди учителей іерусалимскаго храма; 2) мистерію страданія въ собственномъ смыслѣ, которая обнимаетъ общественную жизнь Спасителя, кончая Его крестною смертію и 3) исторію воскресенія изъ мертвыхъ и вознесенія на небо. Все въ первой части мистеріи, или мистеріи рождества Маріи, заимствовано изъ апокрифическихъ евангелій: и внутренность дома Иоакима, и его уединеніе между пастухами, и торжественная пѣснь св. Анны по рожденіи Маріи, и жизнь Пресв. Дѣвы во храмѣ, и Ея обрученіе съ Іосифомъ и чудеса Младенца Иисуса во время бѣгства во Египеть и проч. Что касается „Евангелія Пикодима“, то оно завершало *вторую* часть мистеріи, такъ что повѣствованіе каноническихъ Евангелій было воспроизведено, съ одной стороны, Первоевангелиемъ Іакова и аналогическими легендами; съ другой—поэмою о происхожденіи Иисуса Христа во адъ. Послѣ паденія мистеріи страданія, апокрифическія евангелія становятся предметомъ критики XVI и XVII вѣковъ.

Апокрифическія евангелія по своему содержанію относятся къ первоначальнымъ явленіямъ христіанства, и потому заслуживаютъ серьезнаго изученія. Появленіе легенды, или поэтической фикціи рядомъ съ дѣйствительною исторіею Спасителя не имѣетъ ничего удивительнаго. Всякій важный фактъ, болѣе или менѣе поражающій воображеніе народа или эпохи, принимаетъ въ представленіи нѣкоторыхъ преувеличенныя и приукрашенныя очертанія, измѣняющія его дѣйствительный видъ и характеръ. Несмотря на свой божественный характеръ, само христіанство не могло избѣгнуть этого общаго закона. Среди христіанскихъ народовъ долженъ былъ образоваться циклъ народныхъ легендъ о жизни Христа-Спасителя и Его дѣяніяхъ. Отсюда—апокрифическія евангелія. Но кто возьметъ трудъ сравнить ихъ съ каноническими Евангеліями, тотъ будетъ пораженъ контрастомъ, который представится при этомъ, о чемъ мы отчасти говорили уже выше.

О подношеніи дѣтей „подъ вынось“ во время великаго входа.

Во многихъ приходахъ, а въ сельскихъ почти повсемѣстно, держится обычай за литургіей, во время великаго входа, подносить младенцевъ „подъ вынось“. Отверзаются царскія врата; поется Херувимская пѣснь; наступаетъ время великаго входа. Религіозно настроенное предшествующими священнодѣйствіями чувство благочестиваго христіанина въ эти торжественныя, священные минуты невольно возвышается сознаниемъ, что наступаетъ моментъ, когда „Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ спѣдъ вѣрнымъ“. Мысленно созерцая это шествіе Христа Спасителя на вольныя страданія, христіанину всего приличнѣе и достойнѣе было бы „отложить всякое житейское попеченіе“ и изъ глубины сердца, въ благоговѣйномъ трепетѣ, возглашать херувимскую пѣснь:—„аллилуя“. Но въ это знаменательное, страшное время, когда „силы небесныя съ нами невидимо служатъ“, когда, по выраженію церковной пѣсни, „да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ“, въ храмѣ обыкновенно раздается шумъ отъ движенія толпы: это начинается подношеніе матерями „подъ вынось“ младенцевъ. Дѣти, растревоженныя матерями, поднимаютъ громкій плачь. Матери безцеремонно, чуть ли не на весь храмъ, пытаются убаюкать своихъ расплакавшихся дѣтей. Плачь дѣтей и шиканье женщинъ иногда бываютъ до того сильны, что совершенно заглушаютъ возгласы священнодѣйствующихъ. Въ большихъ приходахъ въ праздники дѣтей-причастниковъ набирается много, и женщины, ихъ подносящія, становятся около солен или на самой солеѣ, стараясь подвинуться какъ можно ближе къ священнослужителямъ. Само собою понятно, что чрезъ это нарушается благочиніе церковное, и пропадаетъ высокое, святое чувство христіанина. Взоры всѣхъ естественно обращаются въ сторону пла-

чущихъ дѣтей и шикающихъ женщинъ. Торжественная минута теряетъ свое величіе.

Чѣмъ вызванъ этотъ обычай, какія вѣрованія съ нимъ соединяются—сказать трудно, и сами подносящія женщины, всему находящія оправданіе, объяснить его не могутъ. „Такъ ведется изстари, такъ дѣлаемъ и мы“, говорятъ обыкновенно онѣ. Между тѣмъ, если взглядѣться глубже въ этотъ обычай, то его происхожденіе основывается на народномъ невѣжествѣ, на незнаніи порядка Божественной литургіи. Повидимому, онъ произошелъ такъ. Когда христіанство въ Россіи только еще начинало распространяться, когда еще порядки службъ церковныхъ не вполне усвоились народомъ русскимъ, тогда всѣ, подносящіе ко святому причащенію дѣтей своихъ, завидя священника со святой чашей въ рукахъ, думали, что наступилъ моментъ приобщенія, почему и пододвигались къ священнодѣйствующимъ. Мало-по-малу этотъ образъ дѣйствій чрезъ повтореніе вошелъ въ обычай, укоренился, сталъ всегдашнимъ, непремѣннымъ, и не поднести ребенка „подъ выносъ“ стало считаться чуть ли не грѣхомъ. А между тѣмъ, не всякое ли мѣсто въ храмѣ священно? не вездѣ ли въ храмѣ витаетъ божественная благодать?—Со стороны молящихся требуется вѣра хананейки, нужно смиреніе мытарево, желательны слезы покаявшейся блудницы и сердечное обращеніе ко Господу, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику; нужно и чистосердечное желаніе, чтобы Господь-Богъ помянулъ насъ во царствіи Своемъ. А со стороны матери нашей Церкви въ эти священные минуты никто въ храмѣ не забыть, никто не предпочтенъ, никто и не пренебреженъ:—царямъ и вельможамъ, знатымъ и незнатымъ, богатымъ и бѣднымъ, молодымъ и старымъ, стоящимъ у амвона и у дверей церковныхъ,—словомъ, всѣмъ христіанамъ изрекается одно благопожеланіе единственнаго высочайшаго блага: „и всѣхъ васъ да помянетъ Господь-Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Пусть же каждый христіанинъ это и помнитъ, особенно же женщины; и вмѣсто

подношенія дѣтей своихъ „подъ выносъ“ во время великаго входа, пусть каждая изъ нихъ, стоя на своемъ мѣстѣ, при видѣ выходящихъ изъ алтаря священнослужителей, съ умиленіемъ, изъ глубины души возгласитъ разбойничій гласъ: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“. Этимъ онѣ и себѣ великую пользу принесутъ, и другихъ въ соблазнъ не введутъ. Тогда будетъ „вся благообразно и по чину“ (1 Кор. 14, 40) ¹⁾.

Примѣчаніе Цензора. Обычай подходить во время великаго входа „подъ выносъ“ (съ дѣтьми или безъ дѣтей) можетъ нарушать благообразіе торжественнаго момента литургіи только въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ, по существу же не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ; напротивъ, внутренній смыслъ этого обычая настолько глубокъ, что объ упичтоженіи его можно говорить лишь по недоразумѣнію, равно какъ по недоразумѣнію же происхожденіе его можно объяснять невѣжествомъ простаго народа. Обычай этотъ есть вполнѣ законное выраженіе религіознаго порыва благоговѣйно настроенной души, ищущей приблизиться ко Христу, коснуться края ризъ Его и восчувствовать сладость участія въ *дориношеніи* Царя царствующихъ ликами свв. ангеловъ. *Яко да Царя встѣхъ подыменъ...*

---

¹⁾ Моск. Церк. Вѣд., 1904 г., № 46.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 1-го августа 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года августа 14-го.

Содержаніе: Одна изъ главныхъ причинъ бѣгства семинаристовъ изъ духовнаго званія.—Духовенство въ современной беллетристикѣ (окончаніе).—Голосъ пастыря сельскаго прихода, зараженнаго старообрядчествомъ.—Напрасное нареканіе на сельское духовенство.—Цисьмо въ Редакцію.

Одна изъ главныхъ причинъ бѣгства семинаристовъ изъ духовнаго званія.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, среди питомцевъ нашихъ духовныхъ семинарій замѣчается какое-то повальное стремленіе выйти изъ духовнаго званія. Идутъ въ свѣтскія учебныя заведенія, кончая ветеринарнымъ институтомъ; идутъ въ чиновники, земскіе учителя и т. п. Въ сельскіе же священники идутъ только тѣ, кому не остается другого выхода, вслѣдствіе чего все чаще раздаются голоса, что въ настоящее время во священники поступаетъ только „сѣрая посредственность“, „не богатая ни знаніями, ни способностями“, не проникнутая сознаніемъ высоты и важности па-

стырскаго служенія ¹⁾). Нельзя не видѣть крайностей этой характеристики современныхъ пастырей, но нельзя при этомъ не признать и того, что дѣйствительно почти всѣ лучшіе питомцы духовныхъ семинарій уходятъ въ высшія учебныя заведенія и чаще всего—въ свѣтскія.

Какія же причины породили это печальное явленіе?

Ближайшую причину обычно указываютъ въ неблагопріятныхъ, часто чуть не нищенскихъ, матеріальныхъ условіяхъ пастырской жизни. Священнику приходится жить въ глухомъ селѣ, не рѣдко не имѣя ни одного интеллигентнаго человѣка, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться живымъ, разумнымъ словомъ. Въ матеріальномъ отношеніи онъ находится въ полной зависимости отъ *добровольныхъ даваній* прихожанъ, но большей части бѣдняковъ-крестьянъ. Присоедините ко всему этому нравственныя тяготы пастырства, установившіяся въ обществѣ взгляды на священника,—и намъ ясно будетъ, что принять священство добровольно, при возможности другого исхода, можетъ только человѣкъ призванія, одушевленный искреннею вѣрою и готовый отдать всего себя на служеніе Богу и ближнему. А питомцы нашихъ духовныхъ семинарій, должно съ прискорбіемъ сознаться, не выносятъ съ собою въ жизнь такого духа апостольской ревности. Почему?—Мы не беремся дать обстоятельное изложеніе всѣхъ причинъ,—это было бы слишкомъ трудно. Мы хотимъ обратить вниманіе лишь на одну изъ нихъ, которую, по большей части, оставляютъ, по-какому-то недоразумѣнію, въ сторонѣ, тогда какъ она, по нашему мнѣнію, имѣетъ самое серьезное значеніе.

Причина эта лежитъ въ строѣ семейнаго воспитанія въ духовенствѣ. Никакая школа не въ состояніи оказать должнаго благотѣльнаго вліянія на своихъ питомцевъ, если

¹⁾ Такой отзывъ о современномъ духовенствѣ встрѣчаемъ на страницахъ духовнаго же журнала, именно „Миссіонерскаго Обзорія“ (1904 г., № 19, статья *И. Козичаго*: „О причинахъ упадка пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ“).

только семья не идет ей навстрѣчу. Какое же настроеніе воспитываетъ духовная семья въ своихъ питомцахъ? Влагаетъ ли она въ нихъ необходимый для настырства духъ религіозности и желанія отдаться на служеніе Богу?—Грустно, но приходится отказаться отъ положительнаго отвѣта. Мы видимъ, что питомцы семинарій часто выходятъ въ жизнь прямо безрелигіозными, и въ этомъ виновна *главнымъ образомъ* семья.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ воспитываются дома дѣти нашего духовенства?

Обремененные массою труда, подавленные матеріальною нуждою, наши священники сами лично часто не имѣютъ и времени, которое они могли бы отдать своимъ дѣтямъ; жены ихъ точно также рѣдко занимаютъ систематическимъ воспитаніемъ дѣтей. И растутъ дѣти нашего духовенства, какъ быльмиха въ полѣ, предоставленныя всецѣло самимъ себѣ и стороннимъ вліяніямъ (прислуги, сверстниковъ и т. д.). Семья обращаетъ вниманіе только на внѣшнее воспитаніе ребенка, совершенно забывая, что въ душѣ его таится внутренній мірокъ со всѣми интимными запросами и интересами, требующими удовлетворенія и весьма важными для его послѣдующей жизни. Невниманіе къ этимъ интересамъ и вообще рѣдкое общеніе съ родителями развиваетъ въ ребенкѣ нравственную отчужденность отъ семьи и заставляетъ его искать себѣ друзей и руководителей въ старшихъ, болѣе смѣлыхъ, ловкихъ и опытныхъ товарищахъ, которые, конечно, могутъ научить его и хорошему и дурному. Въ частности, къ стыду нашему, рѣдко обращается вниманіе и на развитіе внутренняго религіознаго чувства въ дѣтяхъ. Ихъ приучаютъ класть поклоны, креститься, ходить въ церковь,—приучаютъ къ соблюденію внѣшней, формальной стороны религіи, но духъ ея остается имъ мало извѣстнымъ. Мы не будемъ говорить о томъ, въ чемъ должно состоять истинное религіозное воспитаніе: объ этомъ много и писалось и говорилось. Для насъ важно то, что многіе изъ дѣтей нашего

духовенства выносить изъ семьи механическое, исключительно вышнее отношеніе къ религіи, почти ничего не зная о духѣ ея.

Съ другой стороны, развиваясь на свободѣ, всецѣло предоставленный себѣ, ребенокъ становится малоспособнымъ къ постоянной систематической работѣ. Рѣдкимъ дѣтямъ въ семьѣ прививаютъ мысль о необходимости ученія, умѣютъ заинтересовать ихъ занятіями, хотя бы чтеніемъ книгъ. Поэтому, поступивши въ школу, ребенокъ смотритъ на занятія, какъ на неизбѣжную, подчасъ непонятную, всегда неприятную, повинность. Еще болѣе не пріятель для него школьный режимъ, отъ котораго онъ былъ совершенно свободенъ до того времени. Все это имѣетъ въ нашемъ вопросѣ то серьезное значеніе, что заставляетъ питомца духовнаго училища съ первыхъ же шаговъ школьной жизни видѣть въ воспитателяхъ и преподавателяхъ не живыхъ, близкихъ къ нему людей, а постоянныхъ *надзирателей*, принуждающихъ къ чему-то, неизвѣстно для чего нужному и неприятному. Не этимъ ли объясняется отчасти враждебное отношеніе, которое наблюдается между питомцами и воспитателями нашей духовной школы?—Мало того,—сколько родителей грозятъ дѣтямъ страхами далекаго духовнаго училища! Пріѣзжающіе оттуда старшіе братья съ своей стороны добавляютъ страха своими рассказами о грозныхъ преподавателяхъ... Такъ, еще до поступления въ духовное училище, въ ребенкѣ развивается предубѣжденность противъ школы и непріязнь къ будущимъ воспитателямъ и преподавателямъ. Понятно, и хорошій воспитатель, проникнутый любовью къ дѣтямъ, идущій самъ къ нимъ навстрѣчу съ ласкою и благожелательствомъ, нерѣдко не въ состояніи побѣдить этой отчужденности и непріязни со стороны дѣтей. Кто же виноватъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, что воспитатель окажется неспособнымъ повліять на своихъ питомцевъ?—Мы не хотимъ закрывать глаза и на недостатки самой духовной школы, препятствующіе сближенію учащихся и учащихся; но мы знаемъ

не мало случаевъ, когда самыя добрыя памѣренія честныхъ, одушевленныхъ любовью воспитателей должны были разбиваться объ упорную враждебность дѣтей. Откуда эта послѣдняя? Не является ли она часто результатомъ дошкольныхъ семейныхъ впечатлѣній?..

Привѣзжаютъ дѣти на каникулы. Не должна ли семья познакомиться съ тѣмъ, что дала имъ школа? не должна ли, по возможности, исправить пробѣлы и недостатки школьнаго воспитанія?.. Въ чемъ же выражается наша забота объ этомъ?—Мы рѣдко *разговариваемъ* съ дѣтьми объ ихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ,—разговариваемъ серьезно, вызывая дѣтей на полную серьезную же искренность. Многіе ли отцы заглядываютъ въ душу ребенка, знакомы съ его духовными запросами, интересами, склонностями? Многіе ли знаютъ, что прочитали въ теченіе истекшаго года ихъ дѣти, каковы ихъ ближайшіе товарищи и друзья?—И чѣмъ далѣе развивается питомецъ школы, тѣмъ дальше и дальше становится онъ отъ семьи въ нравственномъ отношеніи.

Наступаютъ семилѣтскіе годы. Проходимыя въ семинаріи науки быстро развиваютъ юношу и приводятъ его къ тому кризису, который неизбеженъ въ процессѣ умственнаго развитія. Является потребность дать себѣ отчетъ въ міровоззрѣніи, сознательно отнестись къ жизни. Происходитъ переоцѣнка цѣнностей, выражающаяся у нашихъ семинаристовъ, по большей части, въ религіозныхъ сомнѣніяхъ. Необходимо чье-нибудь руководство, чтобы кризисъ этотъ привелъ къ благополучному результату; и душа самого юноши требуетъ сторонней поддержки и помощи. Но кто можетъ дать ее?—Школа не можетъ—потому, что она слишкомъ далека въ подобныхъ случаяхъ отъ своихъ питомцевъ. Лишь немногіе, лучшіе преподаватели, особенно близко стоящіе къ семинаристамъ, могутъ помочь—да и то только нѣкоторымъ—разобраться во всѣхъ этихъ мучительныхъ, тревожныхъ вопросахъ и удовлетворительно рѣшить ихъ. Къ тому же, интимность этихъ вопросовъ не позволяетъ откровенно высказы-

вать ихъ предъ посторонними. Лучшіе помощники здѣсь—родители, которыхъ любовь дѣлаетъ чутко-отзывчивыми къ волненіямъ юности, и къ которымъ самъ онъ питаетъ полное довѣріе и уваженіе. Но многіе ли изъ семинаристовъ такъ близки къ своимъ родителямъ, чтобы подѣлиться съ ними своими интимными тревогами, попросить у нихъ совѣта и руководства?—Нѣтъ. Часто, слишкомъ часто объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—и приходится семинаристу самостоятельно разбираться въ вопросахъ міровоззрѣнія, если не считать помощи товарищей и книгъ.—Прежде всего, сказали мы, выдвигаются при этомъ вопросы религіозные. Но семинаристъ третьяго-четвертаго класса слишкомъ-не свѣдуецъ въ богословіи, а на основаніи его личнаго опыта религія является для него рядомъ внѣшнихъ, механическихъ обрядовъ и узаконеній, духъ и смыслъ которыхъ для него опять-таки мало извѣстенъ. А между тѣмъ, одушевленный любовью и уваженіемъ исповѣданія своего, родитель-священникъ былъ бы лучшимъ апологетомъ своей вѣры, христіанскаго міросозерцанія.—Жалуются на то, что изъ нашихъ духовныхъ семинарій многіе выходятъ или безрелигіозными индифферентами, или даже отрицателями всего церковнаго. Ихъ было бы гораздо меньше, если бы семья духовная воспитывала въ своихъ дѣтяхъ истинную религіозную настроенность, довѣріе къ себѣ и школьнымъ воспитателямъ.

Таковы недостатки нашей духовной семьи, являющіеся причинами такъ часто наблюдаемой нынѣ безрелигіозности воспитанниковъ семинарій. Но и многіе изъ нихъ, обладающіе истинною религіозностью, не хотятъ идти во священники. Отчего?—По нашему мнѣнію, одной изъ главнѣйшихъ причинъ служить то обстоятельство, что они не видятъ въ жизни истиннаго пастырства и его свѣтлыхъ сторонъ. Кто можетъ показать ихъ?—Большинство преподавателей семинарій—люди свѣтскіе, знающіе пастырское служеніе теоретически, по книгамъ. Да и духовныя лица изъ нихъ стоятъ въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни сравнительно съ сель-

скимъ священникомъ. Намъ лично не разъ приходилось слышать такой отзывъ о рѣчахъ преподавателей семинаріи, рисовавшихъ пастырство въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ: „Хорошо говорить о священствѣ на ихъ мѣстѣ, съ казеннымъ содержаніемъ и удобствами ихъ жизни. Но что сказали бы они, если бы ихъ послали въ глухой сельскій приходъ?“ Совершенно въ иномъ положеніи находятся родители семинаристовъ. Они по личному опыту знаютъ жизнь сельскаго пастыря, и потому ихъ слово обладаетъ полнымъ авторитетомъ въ этой области. Они-то и должны раскрывать своимъ дѣтямъ истинный взглядъ на пастырское служеніе, указывать имъ темныя и свѣтлыя стороны его и возгрѣвать въ своихъ дѣтяхъ духъ апостольства, желаніе священства. Послушайте, какими яркими красками описываетъ военное житье своему сыну отецъ-офицеръ. А часто ли наши дѣти, будущіе кандидаты священства, слышатъ отъ своихъ отцовъ о томъ высокомъ нравственномъ удовлетвореніи, которое даетъ истинному пастырю его служеніе? Видятъ ли они въ жизни своихъ отцовъ ту идеальную, благодатную сторону этого служенія, которая одна можетъ привлечь къ нему?—Рѣдкій семинаристъ видѣлъ въ своемъ родномъ храмѣ истинное, одушевленное служеніе, проникающее въ души всѣхъ молящихся, заставляющее всѣхъ *едиными устами и единымъ сердцемъ* сзывать съ молитвенникомъ-священникомъ въ религиозномъ восторгѣ. Не многіе видятъ и дѣйствіе живого проповѣдническаго слова за полнымъ отсутствіемъ его. Не многіе знаютъ и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя могутъ устанавливаться между добрымъ пастыремъ и его духовными чадами. Словомъ, рѣдкимъ счастливымъ изъ семинаристовъ случается видѣть въ жизни своихъ родителей-пастырей идеальную, привлекательную сторону священства. Предъ ихъ глазами—только внѣшняя, непріглядная сторона его, видимая неудовлетворенность и постоянныя жалобы на свое положеніе самихъ пастырей (а еще болѣе—ихъ супругъ). По-вѣрно, что предъ всѣмъ этимъ оказываются безсильными те-

оретическія, хотя бы и краснорѣчивыя, разсужденія семинарскихъ преподавателей и воспитателей...

Въ своей настоящей замѣткѣ мы вовсе не хотимъ выступать обличителями духовенства. Кто близко знакомъ съ многотрудною жизнью сельскаго священника, тотъ знаетъ, что далеко не всегда можно обвинять пастыря за небреженіе къ воспитанію своихъ дѣтей. Мы имѣли въ виду, прежде всего, оградить нашу духовную школу отъ несправедливыхъ нареканій, которыя сыплются на нее со всѣхъ сторонъ. Безспорно, много недостатковъ въ системѣ нашего семинарскаго воспитанія и образованія, но значительная часть ихъ зависитъ отъ того, что духовная семья не идетъ къ ней на помощь. А никакая школа, даже самая хорошая, не можетъ ручаться за плоды своего вліянія, если семья не оказываетъ ей полной поддержки. И винить школу за это нельзя.—Вторую цѣлью предлагаемой замѣтки было—обратить вниманіе пастырей на воспитаніе своихъ дѣтей. Не происходитъ ли иногда небреженіе имя не отъ виѣшнихъ причинъ, а отъ перадѣнія? Не окажется ли духовенство и при современныхъ условіяхъ жизни способнымъ хотя нѣсколько помочь духовной школѣ въ ея многотрудномъ дѣлѣ?—Если да, тогда мы не будемъ видѣть такого поражающаго количества бѣглецовъ изъ духовнаго званія. Невольно припоминается намъ одинъ изъ товарищей по семинаріи, человекъ, никогда не думавшій о священствѣ. Случайное знакомство съ достойнымъ, истиннымъ пастыремъ совершенно перемѣнило его образъ мыслей и увлекло къ пастырству, хотя онъ прекрасно зналъ всѣ его невзгоды и тяготы. Примѣръ пастыря-отца, при добромъ семейномъ воспитаніи, долженъ дѣйствовать еще сильнѣе. А при такомъ положеніи и семинарское воспитаніе не такъ часто вытравляло бы изъ своихъ питомцевъ религіозную настроенность, а рѣчи преподавателей о пастырствѣ имѣли бы бѣольшую силу и убѣдительность. В. С.

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Рядъ блестящихъ картинъ, отдѣльныхъ яркихъ сценъ изъ сложной и богатой внутренними движеніями жизни о. Кирилла рисуютъ передъ читателемъ во весь ростъ обаятельный образъ этого великана духа.

Въ запыленномъ хламѣ имущества о. Кирилла, доставшагося кладовой и чердаку „тетки Глафиры“, были гусли о. Кирилла, безъ ножекъ, стоявшія прислоненными къ стѣнѣ, съ покоробившейся крышкой, съ отсырѣвшими струнами... „И когда я,—говорить г. Елпатовскій,—открывалъ крышку гуслей и проводилъ по струнамъ толстымъ и тонкимъ, тогда угрюмый мезонинъ просыпался, и комнату наполняли тревожные, жалобные звуки“... Если бы прибавить еще, что звуки эти были не только жалобными, но и глубоко-жалостными, будившими лучшія силы души, ищущей милости, братскаго состраданія, доходившими до сердца и открывавшими его для великихъ переживаній, то болѣе подходящаго образа нельзя было бы нарочно придумать для символизациі нравственной силы о. Кирилла въ исключительной обстановкѣ его иноческой жизни.

О. Кириллъ именно и былъ духовными гуслими, наполнявшими угрюмую жизнь крестьянства звуками любви и милосердія. На этихъ гуслияхъ жизнь сыграла лично для о. Кирилла мрачную нѣсь о призрачности въ молодыхъ мечтахъ землянаго счастья. Видимо струны окончили свою службу для самаго обладателя ихъ; но таинственная сила ихъ не исчезла: ей суждено было во всемъ объемѣ раскрыться въ другой области...

Горе наложило на о. Кирилла свою печать—сосредоточенной и въ то же время ласкающей одухотворенности. Вы-

¹⁾ См. № 27-й за 1905 г.

сокій, широкоплечій, онъ ходилъ сторбившись. Обрамленное тяжелыми прядями длинныхъ черныхъ волосъ лицо его казалось худымъ и блѣднымъ. „Глаза у него были особенные, большіе, темные и печальные, и блаженные (мы бы сказали лучше: благостные), и словно только-что омытые слезами“... И когда онъ поднимать голову, казалось, что они смотрять не на васъ, а черезъ васъ на кого-то, кто стѣнтъ за вами. Такъ смотрять люди, которые живутъ всецѣло внутреннимъ міромъ мыслей и чувствъ, уложенныхъ въ стройную гармонию проникновеннаго душевнаго равновѣсія. Смотрѣть въ глаза такого человѣка, слышать его рѣчь душъ, обезкоенной или потрясенной невзгодами жизни, все равно, что больному смотрѣться въ лицо смѣющагося радостью и надеждою весенняго солнца: на сердцѣ становится легко, вѣрится въ лучшее, вырастаетъ цѣлящая душу бодрость и примиреніе со всѣмъ. Знаешь, что у этого человѣка есть слова, которыя именно и нужны тебѣ сейчасъ; увѣрешь, что они падутъ на твою душу не холоднымъ, безплоднымъ правоученіемъ, а всколыхнуть тебя до дна; понимаешь, что сила ихъ въ томъ, что они возстанавливаютъ такъ необходимую цѣлостность настроенія, разбитаго и смятеннаго толчками жизни, и—что особенно дорого—непосредственно чувствуешь, что говоришь съ человѣкомъ, который съ одного намека понять тебя цѣликомъ, и широкое любовью сердце котораго бьется безкорыстнымъ состраданіемъ къ тебѣ, полною готовностью всѣмъ богатствомъ своего чувства перелиться въ тебя. Таковъ и былъ о. Кириллъ, евангельски-дѣтская, покоряющая всѣхъ душа.

Онъ былъ монастырскимъ инокомъ, но духомъ и мыслями жилъ въ міру. И міръ шелъ по немъ, увлекаясь неотразимою силою его правственной красоты“ и чувствуя въ немъ свою совѣсть, миротворящую, судящую и милующую.

Безъ о. Кирилла монастырскій храмовой праздникъ былъ не въ праздникъ. Съ нимъ, въ его присутствіи мрачная Демьянова пустынь оживала притокомъ тысячъ богомольцевъ. Отойдуть празднества въ монастырѣ, несутъ *Пречистую* (чу-

дотворную икону Божіей Матери) по деревнямъ. О. Кирилль впереди самъ идетъ по лѣсамъ дремучимъ, по убогимъ деревнямъ съ иконой. „Ко всѣмъ заходить, къ богатымъ и бѣднымъ, въ города и деревни, потомъ опять въ лѣса и, гдѣ любитя, гдѣ лѣсъ краше, остановится, молебень служить и поеть пѣсни Владычицѣ... И народъ весь поеть“...

Шель міръ за нимъ и по немъ еще болѣе, чѣмъ въ торжественныхъ церковныхъ процессіяхъ, въ минуты душевной тѣги за „нужнымъ“ словомъ. Тутъ особенно дѣйственно сказывалась сила любящаго сердца о. Кирилла. На глазахъ всѣхъ совершались подъ вліяніемъ его слова поразительныя чудеса нравственного возрожденія. Есть ужасная душевная болѣзнь—несчастный плодъ нравственной растерянности, которою такъ часто страдаетъ простой человѣкъ, выбитый изъ коленъ иногда сильнымъ горемъ, часто даже пресыщеніемъ. Болѣзнь эту можно назвать безотчетною тоскою совѣсти. Въ сложной психологій народныхъ чувствъ она занимаетъ видное мѣсто. Она подкрадывается незамѣтно, но разъ овладѣтъ душою, создаетъ истинное мученіе человѣку. И тѣмъ нестерпимѣе ея мученія, чѣмъ менѣе способенъ человѣкъ разумно опознать причины этой болѣзни и чѣмъ менѣе располагаетъ своими собственными средствами для борьбы съ нею. Кто изъ пастырей вникалъ въ душевное настроеніе своихъ прихожанъ, тому, вѣроятно, хорошо извѣстно, что значить эта болѣзнь, и какого осторожнаго и внимательнаго лѣченія она требуетъ. Но цѣлить эту болѣзнь дано лишь тѣмъ, кто съ словомъ назиданія счастливо соединяетъ искреннюю любовь къ больному. О. Кириллу это было дано. И онъ цѣлилъ. Приносили къ нему такихъ больныхъ, которые были на линіи отчаянія, подходили близко къ полной потери человѣческаго достоинства... Чаще всего пациентами о. Кирилла были кунцы. У него они „отходили“. Живеть бывало такой кунецъ у него въ кельѣ, тамъ и спить, вмѣстѣ съ о. Кирилломъ въ церковь ходить—и о чемъ разговариваютъ, никому не извѣстно. А потомъ, недѣли черезъ двѣ, большой

возвращается домой совершенно другимъ, перерожденнымъ. „Случалось, по ночамъ увозили о. Кирилла изъ пустыни, и къ нему въ пустынь ѣздили, тихонько въ будни, хоронясь ото всѣхъ. И что тамъ было, опять никому не извѣстно“. Видѣли только поразительные результаты этихъ таинственныхъ посѣщеній: объявлялись міру самые страшные грѣшники, таившіе десятками лѣтъ свои тяжкія преступленія.

О чемъ о. Кирилль говорилъ грѣшникамъ, въ подробностяхъ осталось не извѣстнымъ; но основная тема его сильной проповѣди, выношенная въ собственномъ больномъ сердцѣ, не была секретомъ. Онъ бралъ всѣ запутанные вопросы жизни подъ угломъ зрѣнія евангельской безкорыстной братской любви во имя Божіе и переводилъ ихъ на понятный даже грубому сердцу языкъ живой совѣсти. Оттого и „проповѣдь“ его не была сухою дидактикой церковнаго книжника, считающаго дѣло учительства благоприлично исполненнымъ, разъ оно проведено по всѣмъ линіямъ схоластической гомилетики. Его слово лилось отъ горячо любящаго сердца къ сердцу, изнеможенному потокомъ сильныхъ, иногда гнѣвомъ священной ревности дышавшихъ, словъ отеческаго разумленія или властнаго прещенія.

„Не понимаютъ люди грѣха великаго, самаго страшнаго грѣха человѣческаго,—развивалъ свои любимыя, постоянныя мысли о. Кирилль:—*мой*, говорить, *братъ*, *моя*, говорить, *жена*, *мой*, ребенокъ! Жалѣютъ своего-то. А то, говорить, не мой братъ, чужой, чужая жена, не мой ребенокъ,—сл чего жалѣть-то буду?“ И всякую скверну, всякую обиду люди сдѣлаютъ: не для себя, скажутъ, для дѣтей стараемся. И не вѣдаютъ люди, что въ этомъ самый страшный грѣхъ чело- вѣчества, что оттуда все утѣсненіе на землѣ, вся обида промежду людей... *Я*, говорить, *мое*, говорить... Да самъ-то ты кто? Чей ты самъ-то?.. Божій... Богъ послалъ тебя въ міръ, чтобы ты волю Его творилъ. Возлюби, человекъ, ближняго своего, какъ самого себя. Вотъ тебѣ указъ Божій, законъ Его! И призоветъ тебя опять къ Себѣ Пославшій и спро-

сигь: „быль ли ты братъ всѣмъ людямъ? Ты, сильный, по-собилъ ли ему, слабому? Ты, богатый, одѣлилъ ли богатствомъ его, бѣдняго? Куда употребилъ талантъ свой?.. Что отвѣ-тишь Ему?“..

Такое слово, конечно, должно было находить доступъ къ огрубѣлому даже сердцу. Надо полагать, что если бы и со-временная пастырская проповѣдь, обычно распыляющаяся въ воздухѣ бездѣйственнымъ холоднымъ звукомъ, проходящая— даже обряженная въ красивыя стилистическія побрякушки— мимо души слушателей, была заправлена такимъ же безхит-ростнымъ, благожелательнымъ чувствомъ, ея результаты были бы осязательны...

Неотразимость слова о. Кирилла была обусловлена его полнымъ согласіемъ съ дѣломъ. О. Кириллъ любилъ поки-дать монастырь, чтобы стать ближе къ народной средѣ. Лѣ-томъ, когда онъ чувствовалъ потребность страствовать, онъ бродилъ и по лѣсу и по полямъ. Или, зашедши въ какую-нибудь деревню, поселялся въ первомъ попавшемся на глаза домѣ. Живетъ тамъ два-три дня. Видѣли его не разъ, какъ онъ сидитъ въ хатѣ и зыбку качаетъ. „Разревется ребенокъ, на колысьи къ себѣ возьметъ и вѣстаетъ, и словами, приба-утками всякими приговариваетъ; что нужно ребенку—обря-дить и покормить, самъ соску сдѣласть, опять въ зыбку по-ложить и баюкать станетъ“. Принять подъ свою крышу о. Кирилла всякій считалъ за честь, рады были: Божій чело-вѣкъ, молитвенникъ...

Личной своей собственності о. Кириллъ не понималъ. Обычно сердобольная матушка-старушка обряжала его во время посѣщенія имъ Крутыхъ Горъ полнымъ комплектомъ домашней одежды; но эта одежда куда-то быстро исчезала. Стѣдующій визитъ въ Крутыя Горы о. Кириллъ совершалъ неизмѣнно въ такомъ видѣ: въ опоркахъ, а то и совѣмъ бо-сой; полукафтанье истрепанное, заплатанное,—видно, съ чу-жого плеча; рубаха и портки крашенинныя—и тоже, очевидно, чужія...

— Гдѣ же у тебя, отецъ Кирилль, войлокъ-то? И одѣяла нѣтъ, и подушка-то не твоя,—говорить какъ-то о. Кириллу посѣтившій угрюмую и неуютную монастырскую его келью братъ...

Кровать была голая, и только въ углу валялась плоская, засаженная пунцовая подушка.

О. Кирилль неловко натянулъ на себя полукафтаны, смотрѣлъ на свою голую кровать и говорилъ:

— Войлокъ-то? Былъ, былъ... Поліевкъ приходилъ, послушникъ, ревматизмъ, говоритъ, у него въ тѣлѣ... Такъ, говоритъ, кости гудуть! такъ гудуть... И взялъ. Одѣяло тоже. Тепло, говоритъ, подъ ваточнымъ-то.

Про подушку онъ ничего не сказалъ. И все улыбался конфузливой, виноватой улыбкой. Въ укладкѣ не оказалось ничего изъ домашняго запаса одежды. Не оказалось и сапогъ.

— Гдѣ же сапоги-то, о. Кирилль? (допрашивалъ братъ). И мѣсяцу нѣтъ, на Илью-пророка послали...

О. Кирилль раздумчиво вертѣлъ сапоги (старые) въ рукахъ и говорилъ:

— А это о. Пафнутій, протодіаконъ... Пришелъ и говоритъ: жмутъ сапоги у него, мозоли у него... Помѣрялъ мои-то, прилились; говоритъ, ладно.

Братъ начинаетъ сердиться, журить строго о. Кирилла и грозитъ пожаловаться игумену.

— Ты этого, Тимоѳей, не мочи!

Лицо у о. Кирилла стало огорченное и испуганное, онъ близко подошелъ къ брату и настойчиво продолжалъ:

— Не буглачь, Тимоѳей, не тревожь отца игумена! Мнѣ и гостинцевъ вашихъ не надо, шичего не надо, ни войлока, ни сапоговъ... Христомъ-Богомъ прошу, Тимоѳей, оставь!..

И братъ умолкъ предъ ненобъдимою силою воли убѣжденного монаха-пестяжателя и братолюбца.

И думается, пѣтъ въ мірѣ такихъ словъ, которыя бы не смолкли предъ подобнымъ, въ полнотѣ христіанскаго идеала осуществленнымъ, началомъ монашескаго призванія (беремъ о. Кирилла во всей величинѣ его типически выраженнаго монашескаго подвига). И развѣ, скажите, не такой идеалъ влагаетъ въ это призваніе та сермяжная, бѣдная и ищущая евангельской праведности мужицкая (да и мужицкая ли только?) среда, которая по проторенной вѣками тропѣ, и въ жарѣ и въ стужу, обходить тысячами и десятками тысячъ наши монастыри? Чего она ищетъ, уходя отъ суровыхъ и нерѣдко жуткихъ немилостью условій своей бѣдственности?—Скажутъ: прежде всего—душевной ослабы и сердечной улады въ тихихъ приютахъ молитвы и цѣлительной музыкѣ старческаго назиданія.—Конечно, и этого. Конечно, прежде всего этого. Но немного и большаго. Ищетъ она, между прочимъ, подтвержденія и тому хорошему, исторически сложившемуся въ христіанской душѣ русскаго простеца, убѣжденію, съ которымъ—и благодаря, можетъ быть, которому—онъ еще крѣпокъ и терпѣливъ въ горѣ своемъ одинокомъ,—убѣжденію, что гдѣ-то далеко, въ разныхъ мѣстахъ Руси святой, есть не одинъ, не два, а тысячи малознаемыхъ покровителей, которые сильны не только молитвою, но и богатымъ запасомъ *дьявольнаго* состраданія къ реальной пуждѣ мужика.

Она, эта бродячая по монастырямъ и тоскующая по Богѣ правды и любви, простая масса, ищетъ отцовъ Кирилловъ, въ простотѣ дѣтскаго сердца вѣруя, что наши монастыри переполнены отцами Кириллами, которые и ласкою, и привѣтомъ, и безкорыстнымъ гостепріимствомъ убѣдятъ ее больше, чѣмъ словомъ, въ томъ, что на христіанской землѣ есть сказочные уголки, гдѣ люди иначе понимаютъ человѣческія отношенія, гдѣ люди, сіяющіе близостью къ праведному небу, не понимаютъ бездушной логики прямолинейнаго своекорыстія (все для себя, ничего для другихъ), а живутъ только по завітамъ Того. Кто въ бѣдномъ нищемъ видѣлъ брата Своего.

Ищутъ простецы отцовъ Кирилловъ, которые имъ на самомъ дѣлѣ засвидѣтельствовали бы, что не вся правда покинула землю, но что она живетъ еще въ святыхъ обителяхъ, насельники которыхъ разсуждаютъ о нихъ не такъ, какъ мірскіе кулаки въ разныхъ одеждахъ, а какъ братья, близкіе имъ по духу Христову и по братскому безкорыстію готовые имъ все отдать, а не *отъ нихъ* получить во что бы то ни стало.

Эта свѣтлая мечта, эта надежда на великихъ молитвенниковъ и печальниковъ его горя и соучастствуетъ русскому мужичку въ его паломничествахъ къ обителямъ иноковъ.

И мы знаемъ,—потому что много разъ имѣли случай слышать и видѣть это,—знаемъ, съ какою благоговѣйною гордостью и одушевленною страстностью разсказываютъ возвратившіеся изъ паломническихъ путешествій старики и „Божіи старицы“ о дѣлахъ любви и величія духа отдѣльныхъ „Христовыхъ слугъ“, таящихъ свои подвиги въ глухихъ монастырскихъ келліяхъ. Знаемъ и то, какую моральную силу имѣютъ эти разсказы, какую бодрость вливаютъ они въ настроеніе деревень и селъ.

Къ сожалѣнію, еще въ большемъ количествѣ памятни намъ смущенныя, а нерѣдко и разочарованныя до раздраженія, лица обманутыхъ въ своихъ надеждахъ и обиженныхъ въ своихъ идеалахъ простецовъ, искавшихъ отцовъ Кирилловъ—и находившихъ даже по одеждѣ не похожихъ на великаго сердцемъ демьяновскаго инока.

Чья тутъ вина—трудно сказать, но справедливо пожелать, чтобы спасена была чистая вѣра народа тамъ, гдѣ ближе всего искать живыхъ источниковъ для ея крѣпости...

—

Обликъ о. Кирилла былъ бы не вполне обрисованъ, если бы мы не упомянули о его отношеніяхъ къ дѣтямъ. Дѣтски-чистая душа демьяновскаго подвижника отдыхала въ

кругу дѣтей. Дѣтей о. Кирилль любилъ особенно нѣжно. Эта любовь вводила его въ крестьянскую хату качать зыбку съ груднымъ ребенкомъ; она же влекла его къ безконечнымъ ласковымъ бесѣдамъ съ малышами изъ строгаго крутогорскаго дома. „Съ взрослыми (дома) о. Кирилль,—говорить г. Елпатьяевскій,—больше молчалъ, а съ ними не уставалъ разговаривать“. Разговаривалъ любовно, и терпѣливо отвѣчалъ на всѣ, подчасъ наивныя, ребяческіе вопросы.

„Сидимъ мы въ кружкѣ,—описываетъ трогательную картину авторъ,—и когда о. Кирилль рассказываетъ, кто-нибудь изъ насъ, дѣтей, подвернется къ нему подъ локоть, и начнетъ о. Кирилль гладить дѣтскую голову. Рука у него была большая и нѣжная; потихоньку и осторожно гладить онъ дѣтскіе волосы и, должно быть, потому, что намъ не привычна была ласка взрослыхъ, было такъ сладко нашимъ головамъ подъ его рукою, и такъ любили мы прижаться къ о. Кириллу... И ему сладко было гладить дѣтскія головы: никогда не устаеетъ онъ и съ мѣста не сдвинется, пока сидитъ ребенокъ подъ рукою его“...

V.

Въ особенную заслугу г. Елпатьяевскаго нужно поставить то, что въ своихъ очеркахъ, какъ мы уже замѣтили раньше, онъ соединилъ съ художественною правдою правду бытовую. Изобразителю жизни современнаго духовенства въ его очеркахъ даны до такой степени бесспорные матеріалы, что развѣ только заправленное худою тенденціей перо или просто заурядное невѣжество въ состояніи не считаться съ ними. У того же, кто не утратилъ способности къ объективной оцѣнкѣ жизни на основаніи положительныхъ и несомнѣнныхъ документовъ, послѣ спокойныхъ и безпристрастныхъ свидѣтельствъ г. Елпатьяевскаго, думается, отпадетъ всякая охота представлять скорбную исторію жизни нашего духовенства въ игривыхъ и пошлыхъ картинахъ, на которыя такъ

щедра бойкая фантазія многихъ современныхъ намъ писателей духовнаго быта.

Предназначенной защиты духовенства мы напрасно стали бы искать въ „Разсказахъ о прошломъ“. Тѣмъ пріятнѣе, прочитавши разсказы, почувствовать (а это чувствуется непосредственно), что лучшей аналогіи несправедливо и нечистополютно затравливаемого русскаго духовенства не могъ бы написать и нарочитый его защитникъ. Быть духовенства описываемаго авторомъ времени выступаетъ въ „разсказахъ“ съ изумительною ясностью. Авторъ не упустилъ ни одной подробности, ни одного условія, такъ или иначе характеризующихъ тяжелую жизнь духовенства. Нельзя поставить ни одного вопроса (которые въ такомъ большомъ количествѣ и такъ часто теперь ставятся о духовенствѣ), на который мы не нашли бы готоваго и правдиваго отвѣта у г. Елпатьевскаго, такъ что, держа въ рукахъ „Разсказы о прошломъ“, мы можемъ почти съ протокольною безупречностью резюмировать данныя о положеніи русскаго духовенства въ такой, напр., послѣдовательности:

1) Живо ли духовенство, какъ реальная общественная сила, призванная дѣлать великую работу духовнаго воспитанія народа?

Отвѣтъ.—По своему положенію, по непосредственной близости къ народу—его матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ, по своей правдивой чуткости, сельское духовенство могло бы быть огромною творческою силою въ народной жизни. И въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ оно способно на героическіе подвиги. Вообще же, это, къ сожалѣнію, лишь потенциальная сила, носители которой силою и рядомъ трагически переживаютъ свое невыносимо ложное положеніе, мучаясь въ тяжелой борьбѣ долга и бѣдственности матеріальной и духовной.

2) Что въ частности препятствуетъ сельскому духовенству стоять на высотѣ пастырскаго долга?

Отвѣтъ.—*Во-первыхъ*, матеріальная обездоленность, заставляющая его ради обезпеченія семьи кускомъ насущнаго хлѣба и ради воспитанія дѣтей или уходить цѣлкомъ въ черный земледѣльческій трудъ, теряя тамъ энергію, такъ необходимую для его пастырскаго саморазвитія, или жить униженной матеріальною зависимостью отъ прихода, что, конечно, въ свою очередь, менѣе всего можетъ способствовать выработкѣ въ пастырѣ душевнаго спокойствія и уравновѣшенной бодрости для достойнаго осуществленія прямыхъ обязанностей учительства и нравственнаго руководства паствой; а паству—менѣе всего располагаетъ видѣть въ своихъ духовныхъ вождяхъ, кромѣ требосправителей, и нравственнымъ авторитетомъ облеченныхъ духовныхъ отцовъ и попечителей.—*Во-вторыхъ*, правовое безсиліе, т. е. такой укладъ приходской жизни, въ силу котораго духовенство лишено права чувствовать себя самимъ собою даже въ дѣлѣ нравственнаго дисциплинированія прихода, и вполнѣ безпомощно предъ суровою силою церковно-административнаго строя, который, лежа въ страхомъ на совѣсть священника, рѣдко бываетъ для него силою, вспомошествоющею его немощамъ.—*Въ-третьихъ*, какъ результатъ ненормальности матеріальнаго и правового положенія духовенства, полное одиночество священника, не видящаго ни откуда нравственной поддержки, а за свой собственный страхъ не смѣющаго ступить и шагу...

3) Что же, въ концѣ концовъ, изъ себя представляетъ русское духовенство, какъ сословіе, въ государствѣ Русскомъ?

Отвѣтъ.—Единственное въ Россіи сословіе, по отношенію къ которому не примѣняется элементарное правило общежителской справедливости, по силѣ котораго—мѣрѣ обязывающихъ требованій должны соответствовать надлежащія права обязанныхъ и условія, обезпечивающія правомѣрное выполненіе обязательства.

Въ заключеніе своего обзора книжки г. Елпатьевскаго, желая ей, какъ памятнику классической литературы о духовенствѣ, самага широкаго распространенія не только въ средѣ духовенства, но еще болѣе въ средѣ такъ мало справедливаго къ духовенству свѣтскаго читающаго общества, не можемъ не выразить автору глубокой признательности за его честный трудъ, который, по нынѣшнимъ временамъ и при существующихъ литературныхъ нравахъ, является пріятною неожиданностью.

Свящ. *К. Катраловъ.*

Голосъ пастыря сельскаго прихода, зараженнаго старообрядчествомъ.

Еще до обнародованія Высочайшаго Указа 17-го апрѣля объ обезпеченіи вѣротерпимости, въ „Современной Лѣтописи“ (№ 14-й за 1905-й годъ) еженедѣльной иллюстрированной газетѣ, составляющей приложеніе къ журналу „Воскресный День“, напечатана была статья протоіерея Легатова: „Слѣдуетъ ли бояться религіозной свободы раскольниковъ“. Въ названной статьѣ прот. Легатовъ такъ, между прочимъ, успокаиваетъ священниковъ приходовъ, зараженныхъ старообрядчествомъ: „не слѣдуетъ бояться религіозной свободы старообрядцевъ по той причинѣ, что новое положеніе о вѣротерпимости по отношенію къ старообрядчеству, въ смыслѣ освобожденія послѣдователей его отъ стѣсненій и преслѣдованій, будетъ сопровождаться благотворными результатами въ отношеніи примиренія ихъ съ Православной Церковью“. Свящ. Михаилъ Мартировъ, особенно близко принявшій къ сердцу затронутый прот. Легатовымъ вопросъ, такъ какъ о. Мартировъ священствуетъ въ приходѣ, зараженномъ старообрядчествомъ, не соглашается ни съ основнымъ положеніемъ прот. Легатова, ни съ нѣкоторыми частными доводами и выводами его. Въ статьѣ своей: „Голосъ пастыря сельскаго прихода, зараженнаго старообрядчествомъ“ („Соврем. Лѣтоп.“, № 21),

онъ прежде всего говорить, что едва ли можно ожидать отъ религіозной свободы старообрядцевъ благотворныхъ результатовъ, на которые, повидимому, слѣдовало бы надѣяться. По мнѣнію преосв. Сергія, ректора С.-Петербургской духовной Академіи (статьи его по этому вопросу см. въ „Церк. Вѣстн.“ за текущій годъ), при полной религіозной свободѣ, въ духовной жизни нашего отечества необходимо ожидать великихъ потрясеній и перемѣнъ, и положеніе нашей Православной Церкви должно измѣниться самымъ существеннымъ образомъ. А это, конечно, оттого, что Православная Церковь лишилась государственной охраны, лишилась того покровительства, нисколько не противнаго ученію Свящ. Писанія, къ которому прибѣгаетъ она, въ исключительныхъ случаяхъ, для обузданія еретиковъ, отщепенцевъ, хулителей Бога, вѣры и Церкви. Указомъ 17-го апрѣля отмѣненъ этотъ законъ, который вытекалъ изъ духа нашей исторіи,—законъ, заложенный въ основу не только Церкви въ Русской землѣ, но и самаго царства Русскаго. Противникамъ Церкви развязаны теперь руки, и они всѣми средствами будутъ стараться подкапывать основы православія и отторгать отъ него возможно болѣе вѣрующихъ членовъ.

Прот. Легатовъ и самъ не чуждъ нѣкоторыхъ опасеній отъ предоставленія старообрядцамъ религіозной свободы. Онъ предвидитъ факты совращенія изъ православія въ приходахъ, зараженныхъ старообрядчествомъ, въ большемъ, противъ обыкновеннаго, количествѣ лицъ; убѣжденъ даже въ томъ, что религіозная свобода будетъ сопровождаться *поголовнымъ* совращеніемъ православныхъ въ расколь.—А развѣ это—благотворные результаты въ отношеніи *примиренія* раскольниковъ съ Православною Церковью? Развѣ это, напротивъ, не бѣдствіе для Православной Церкви?..

Въ *поголовномъ* совращеніи въ старообрядчество прихожанъ тѣхъ или другихъ приходовъ прот. Легатовъ предусматриваетъ прямо *кару Божію*, обрекающую такихъ людей на вѣчную гибель... въ муку вѣчную... въ озеро огненное...

Но съ такимъ взглядомъ прот. Легатова нельзя согласиться ни въ какомъ случаѣ, потому что онъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ весьма ясно выраженнымъ ученіемъ Слова Божія о безконечномъ Божіемъ милосердіи. „Спаситель нашъ Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2, 3—4). Онъ не хочетъ смерти ни одного грѣшника, но еже обратится и живу быти ему. Въ допускаемомъ прот. Легатовымъ поголовномъ совращеніи въ старообрядчество скорѣе можно предусматривать, по мнѣнію о. Мартирова, *благія дѣйствія* Промысла Божія, побуждающаго пастырей церковныхъ ограждать и защищать своихъ овецъ отъ расхищенія со стороны волковъ, пробуждающаго отъ грѣховной и преступной сначки въ такомъ живомъ, высокомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ пастырство; „когда люди спали, — говоритъ объ этомъ Спаситель, — пришелъ врагъ..., и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ“ (Матт. 13, 25). Эти слова Спасителя должны заставить пастырей церковныхъ разъ навсегда очнуться отъ духовной сначки.

Далѣе прот. Легатовъ указываетъ въ статьѣ своей способъ, какъ поступать съ такими приходами, въ которыхъ случится поголовное совращеніе православныхъ прихожанъ въ старообрядчество. „Съ ними надлежитъ, — говоритъ онъ, — такъ же поступить, какъ поступилъ Господь съ Лотомъ и его семействомъ, т. е. православныхъ священнослужителей вывести изъ такихъ приходовъ и опредѣлить въ другія *соответствующія* имъ мѣста, а храмы святые съ ихъ имуществомъ передать во временное завѣдываніе причтовъ соседнихъ приходовъ“. И такой именно образъ дѣйствій онъ считаетъ вполне цѣлесообразнымъ и наиболѣе полезнымъ средствомъ къ примиренію старообрядцевъ съ Православною Церковію. Но предлагаемый прот. Легатовымъ способъ, по мнѣнію о. Мартирова, не можетъ служить, сколько-нибудь благотельнымъ шагомъ въ дѣлѣ возвращенія въ лоно Православной Церкви совращенныхъ въ старообрядчество, такъ какъ способъ этотъ совершенно не согласенъ съ духомъ ея. Отнять

пастыря отъ паствы и святой храмъ запереть—значить со-
всѣмъ лишить насомыхъ *всѣхъ* средствъ къ спасенію. Безъ
пастыря и храма еще свободнѣе „войдутъ... лютые волки,
не щадящіе стада... Посему, бодрствуйте“ (Дѣян. 20, 29,
31). „Идите наипаче къ погибшимъ овцамъ“ (Матѳ. 10, 6),
заповѣдалъ Божественный Пастырепачальникъ и Соверши-
тель спасенія нашего, въ лицѣ апостоловъ, всѣмъ пасты-
рямъ церковнымъ. Не съ матеріальной точки зрѣнія нужно
смотрѣть на дѣло возвращенія въ лоно Православной Церкви
свораченныхъ въ старообрядчество, чтобы, въ случаѣ не-
успѣха, переводить пастырей „въ *соотвѣтствующія* имъ мѣ-
ста“, а съ духовно-религіозной. „Пастырь за гибель овецъ
нанесетъ ущербъ не имѣнію своему, а душѣ своей“, говоритъ
св. Іоаннъ Златоустъ. „Пастырь добрый полагаетъ жизнь
свою за овецъ. А наемникъ, не пастырь, которому овцы не
свои, видитъ проходящаго волка, и оставляетъ овецъ и бѣ-
жить..., потому что наемникъ, и не радить объ овцахъ“.
(Іоанн. 10. 11—13). Что же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ съ оди-
нокими свращенными въ старообрядчество безъ попеченія о
нихъ Церкви? Откуда они будутъ почерпать духовныя силы,
гдѣ могутъ найти средства къ сознанию своихъ заблужденій?
Кто имъ укажетъ путь спасенія и приведетъ къ свѣту по-
знанія? Въ данномъ случаѣ—не лучше ли пастырямъ, не
покладая рукъ, трудиться на нивѣ духовной?—Никому и ни-
когда не должно считать себя безсильнымъ въ дѣлѣ обра-
щенія заблуждающихся, даже и тогда, когда бы почему-либо
показалось, будто уже ни въ какомъ случаѣ, повидимому,
нельзя ожидать успѣха отъ дѣйствованія на нихъ. Со всѣмъ
усердіемъ необходимо призывать вседѣйствующую благодать
Божію, чтобы Господь послалъ силы и указалъ средства от-
крыть заблуждающимся *евангеліе правды и соединить ихъ съ святымъ*
Своей соборной и апостольской Церквю. „Если кто... уклонится
отъ истины, и обратитъ кто его: пусть тотъ знаетъ, что об-
ратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ
смерти, и покроетъ множество грѣховъ“ (Іак. 5, 19—20).

Лучшимъ средствомъ къ примиренію старообрядцевъ съ
Православною Церковью, по мнѣнію о. Мартирова, можетъ

послужить употребленіе въ зараженныхъ приходахъ „старыхъ обрядовъ“ и совершеніе нѣкоторыхъ молитвословій, а въ исключительныхъ случаяхъ—и всего богослуженія, по старопечатнымъ книгамъ. Вѣдь служить же наши православные архіереи въ единобѣрческихъ храмахъ по старопечатнымъ книгамъ съ соблюденіемъ, притомъ, „старыхъ обрядовъ“?..

Напрасное нареканіе на сельское духовенство.

Извѣстныя январскія петербургскія событія, сослужившія такую недобрую службу, побудили, само собою понятно, многихъ сельскихъ пастырей выступить передъ своими пасоыми съ словомъ вразумленія и предостереженія. *Пастырскія поученія* эти, по какому-то странному недоразумѣнію, были перетолкованы нѣкоторыми органами свѣтской временной печати въ самую дурную сторону. Такъ, между прочимъ, въ № 68-мъ большой ежедневной газеты—„Слово“—за текущій 1905-й годъ нѣкто г. Бистренинъ усматриваетъ въ указанныхъ поученіяхъ даже „опасное явленіе“ для нашихъ интеллигентовъ. „Пастыри Церкви,—говоритъ онъ,—ведутъ рѣчь объ агитаторахъ, возмутителяхъ народа и о томъ, что таковыхъ нужно представлять начальству. Участіе духовенства въ такихъ воздѣйствіяхъ очень печально... Кто можетъ поручиться, что народъ не начнетъ кровавой расправы съ интеллигенціей?.. Проповѣдь пастырей свѣтъ вражду между народомъ и ложными совѣтниками. Эти ложные совѣтники—не кто иные, какъ интеллигенты“ (курсивъ нашъ).

Странная, по меньшей мѣрѣ, статья г. Быстренина вызвала краткую, но весьма основательную отповѣдь со стороны одного изъ сельскихъ священниковъ Казанской епархіи—о. Александра Аиносова, напечатанную въ № 18-мъ „Извѣстій по Казанской епархіи“. Трудно понять изъ статьи г. Бы-

стренина, — пишетъ о. Аиносовъ, — какимъ образомъ рѣчи православныхъ пастырей по поводу петербургскихъ беспорядковъ являются опасными для нашей русской интеллигенціи; еще труднѣе понять, какимъ образомъ подъ агитаторами, или, выражаясь словами автора статьи, подъ „ложными совѣтниками“ народъ пойметъ „интеллигенцію“ и „начнетъ кровавую расправу съ ней“. Если деревенскіе интеллигенты — преимущественно земскіе дѣятели и неслужащіе помѣщики — не ходятъ въ народъ съ проповѣдью ложныхъ идей, не возмущаютъ его противъ государственнаго строя, а скромно исполняютъ свое дѣло, то ихъ никогда народъ не зачислитъ въ разрядъ противоправительственныхъ агитаторовъ. Тѣ же изъ интеллигентовъ, которые рѣшаются вносить смуту въ простой, глубоко преданный Государю-Отцу, народъ, пусть не прогнѣваются, если слушатели-ученики по справедливости сочтутъ ихъ „ложными совѣтниками“ и представятъ ихъ начальству... И въ этомъ случаѣ виноваты будутъ не пастыри Церкви, а собственная злонамѣренная дѣятельность непризванныхъ учителей.

Весьма прискорбно, что каждый гласъ православныхъ пастырей истолковывается въ ложную сторону. Прискорбно особенно потому, что всѣ эти нареканія свѣтской печати на духовенство, по разнымъ причинамъ, остаются почти неопровергнутыми, вслѣдствіе чего у интеллигентной публики усиливается и безъ того несочувственное отношеніе къ „попамъ“, какъ общество привыкло называть православное духовенство. Глубоко не справедливо такое забрасываніе грязью духовенства, въ которомъ едва ли не большинство интеллигентовъ видитъ отсталыхъ людей и чуть ли не заклятыхъ враговъ своихъ. А между тѣмъ, не входя во всестороннюю оцѣнку благотворной дѣятельности сельскаго духовенства, ужь одни отношенія членовъ его къ интеллигентамъ, то добро, которое они имъ оказываютъ, заслуживаютъ лучшей участи. Никогда православные пастыри не были противъ интеллигенціи, никогда и не настраивали народъ противъ нея. Если же дѣйствительно нѣкоторые сельскіе священники въ своихъ поученіяхъ,

на которыя сылается г. Быстренинъ, указывали и на мѣры репрессивныя—представленіе сѣятелей смуть начальству, то здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду тѣ легіоны разнаго сорта неблагонамѣренныхъ проходимцевъ, которые по селамъ и деревнямъ разносятъ противоправительственныя идеи.

Отношеніе же сельскихъ пастырей Церкви Православной къ живущимъ въ деревняхъ интеллигентамъ—къ ихъ образовательной и благотворительной миссиі—глубоко симпатичное. Кто въ деревнѣ воспитываетъ въ народѣ довѣріе къ земству, его дѣятелямъ, въ частности—къ учителямъ и медицинскому персоналу?—Священники. Каждому пастырю, особенно въ инородческихъ приходахъ, ежегодно приходится бесѣдовать съ прихожанами о пользѣ грамотности десятки разъ. Убѣждаютъ они родителей отдавать своихъ дѣтей въ школы и въ проповѣдяхъ съ церковной кафедры предъ наступленіемъ учебнаго года, и въ частныхъ бесѣдахъ во время пастырскихъ посѣщеній прихожанъ. Еще болѣе приходится имъ говорить о пользѣ и великомъ значеніи медицины въ жизни народа, который въ массѣ своей и доселѣ еще какъ-то больше тяготеетъ къ своимъ доморощеннымъ докторамъ—знахарямъ и знахаркамъ. Иной разъ священникъ, напутствовавши тяжело больного прихожанина, убѣдительно проситъ семейныхъ его „пожалѣть больного“—пригласить къ нему для оказанія помощи врача или фельдшера. Но тѣ и слышать не хотятъ.—„Богъ дастъ—больной и самъ выздоровѣетъ,—говорятъ они:—да къ тому же, все равно—хорошаго лѣкарства намъ, крестьянамъ, не даютъ“... Проведетъ священникъ въ бесѣдѣ съ ними съ полчаса, съ часъ,—въ результатѣ—семья, заранѣе рѣшившая пригласить знахаря, тотчасъ же посылаетъ нарочнаго въ ближайшій медицинскій пунктъ за докторомъ, которому, при помощи Божіей, и удастся часто поставить больного на ноги...

Старанія сельскихъ священниковъ воспитать въ народѣ довѣріе къ земской медицинѣ едва не послужили источникомъ предубѣжденія прихожанъ противъ многихъ своихъ пастырей въ холерную эпидемію 1892-го года.—„Поны-то, вѣдь, за-

одно съ докторами морять народъ“, пришлось лѣтомъ 1902-го года лично самому о. Аиносову слышать фанатичную рѣчь какого-то сѣдовласаго—почтеннаго по наружности—старца-странника,—рѣчь, обращенную къ группѣ сельчанъ одной православной деревни.

Эти безчисленные, хотя и мало замѣтные, труды сельскихъ іереевъ съ цѣлію пробить брешь въ сплошной стѣнѣ недовѣрія къ сравнительно новымъ въ деревнѣ людямъ—земскимъ интеллигентнымъ дѣятелямъ, къ сожалѣнію, совершенно игнорируются почти всѣмъ образованнымъ обществомъ...

Если и въ настоящее время все еще сильно недовѣріе простого народа къ сельскимъ служилымъ интеллигентамъ, то виноваты въ этомъ ужь никакъ не пастыри Церкви, а сами же интеллигенты. Весьма многіе изъ нихъ оттолкнулись отъ религіозныхъ вѣрованій народа—ни храма Божія не посѣщаютъ, ни долга исповѣди и св. причащенія никогда не исполняютъ и т. п. Мало этого. Не желая считаться съ религіознымъ чувствомъ православныхъ поселянъ, они подь великіе праздники и воскресные дни всю ночь до самой почти литургіи просиживаютъ за зеленымъ столомъ... Вотъ и привыкаетъ народъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ ему, какъ на людей безрелигіозныхъ, которымъ, поэтому, нельзя особенно-то довѣряться и въ дѣлахъ житейскихъ.

Письмо въ Редакцію.

М. Г.

Г. Редакторъ!

Сербская газета „Београдске Новине“ въ номерѣ 178-мъ за 1905 годъ приводитъ переводъ статьи, помѣщенной въ Вашемъ журналѣ въ № 25-мъ по поводу принятія іеромонахомъ Кирилломъ, настоятелемъ русской келліи Іоанна Златоуста на Аѳонѣ, въ свое управленіе сербскаго монастыря Дечаны въ Старой Сербіи. Такъ какъ въ Вашей статьѣ Вы, повидимому, основываясь на сербскихъ же источникахъ, прицаете русскихъ келліотовъ за занятіе Дечанскаго монастыря,

то я, въ качествѣ Русскаго Консула въ Призренѣ, въ округѣ коего находится этотъ монастырь, считаю долгомъ сообщить Вамъ нѣкоторыя точныя свѣдѣнія по этому дѣлу.

О. Кирилль взялъ въ свое управленіе Дечаны по настоятельной просьбѣ митрополита Рашко Призренскаго владыки Никифора и ближнихъ къ монастырю сербскихъ общинъ, а также съ вѣдома и согласія Сербскаго правительства. О семъ о. Кирилль заключилъ съ владыкой Никифоромъ формальный договоръ въ январѣ 1903-го года. Только когда особо назначенная митрополитомъ комиссія передала о. Кириллу управленіе Дечанами и инвентарь монастыря по особому списку, и когда о. Кирилль уже послалъ своихъ монаховъ въ Дечаны, то нѣкоторая часть сербской печати, побуждаемая отчасти и партійными интересами, стала нападать на русскихъ монаховъ и требовать ихъ удаленія изъ Дечанъ и взволновала въ Сербіи общественное мнѣніе. При этомъ сербскія газеты не останавливались передъ клеветой: такъ, напр., іеромонахъ Арсеній,—о коемъ Вы цитируете слова „Весника Сри. Цркве“: „прави демонъ за св. обитель и околни народъ српски“,—на самомъ дѣлѣ былъ обожаемъ окрестными сербами, и у меня есть официальные просьбы сербской общины г. Ипека, которая умоляетъ о возвращеніи о. Арсенія въ Дечаны.

Во всякомъ случаѣ, о. Кирилль не желаетъ насильно отнимать у сербовъ ихъ обитель, и, въ виду агитаціи, поднятой противъ него послѣ переѣзда русскихъ монаховъ въ Дечаны и теперь уже—кстати сказать—значительно успокоившейся, онъ еще въ 1903-мъ году заявилъ о своей готовности уговориться объ оставленіи имъ Дечанъ.

Русскій Вице-Консулъ *Тухолко*.

Призренъ, 6-го іюля 1905-го года.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го августа. 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года августа 21-го дня.

Содержаніе: „Великъ-день“.—„Преображеніе“ Россіи.—Нѣсколько практи-
ческихъ наставленій готовящимся къ принятію священства.—Притча
о неправедномъ домоправителѣ.—Почему наша интеллигенція вра-
ждебна по отношенію къ духовенству?

„Великъ-день“.

Въ минувшій день Преображенія Господня Высочай-
шимъ Манифестомъ объявлено объ учрежденіи у насъ Госу-
дарственной Думы. Такимъ образомъ, чего мы такъ напря-
женно ждали въ послѣднее время, въ чемъ такъ сильно ну-
ждалась наша страна, потрясенная бѣдствіями тяжелой внѣш-
ней войны и дикими проявленіями внутренней смуты, дано
намъ нынѣ державною рукою Вѣнценоснаго Вождя Русской
земли. Для всего необъятнаго Русскаго государства насту-
пилъ праздникъ изъ праздниковъ, и всѣ русскіе люди съ во-
сторженною радостью должны привѣтствовать свѣтлый день
обновленія нашей гражданской жизни. Это великое дѣло со-
вершилось вполне достойно великаго народа. Оно пришло къ

намъ мирно, безъ всякихъ ужасовъ насилія и пролитія крови. Оно спокойно входитъ въ нашу жизнь, величественно „открывъ въ нее дверь, но не разбивъ оконъ“. Честь и слава всѣмъ, кто содѣйствовалъ этому словомъ и дѣломъ. Честь и слава святой Руси! Она умѣла терпѣть, она вытерпѣла все, что посылалъ ей Господь—всѣ тяготы насилій, раздоровъ, браней. Тяжелый млатъ ковалъ ее вѣка, но вѣрила она, что Богъ любя ее караетъ,—и вотъ нынѣ ударилъ часъ, когда въ новомъ блескѣ должна воскреснуть ея былая слава.

Да, *былая*, потому что уже было у насъ время, когда Русская земля свободно посылала своихъ выборныхъ, лучшихъ людей къ Царю, и они составляли Земскій Соборъ, съ которымъ Царь совмѣстно работалъ надъ строительствомъ государства. Хорошо было тогда и Царю и народу: они знали другъ друга близко и могли говорить другъ съ другомъ какъ бы съ глазу на глазъ; оттого и взаимное довѣріе было большое, и дѣла государственныя рѣшались по-Божьи—изволеніемъ Государя и приговоромъ всей земли. Конечно, и тогда Господь посылалъ Россіи большія испытанія; но изъ нихъ она всегда выходила побѣдительницей, и духъ народнаго государственнаго творчества неизмѣнно велъ ее къ величію и славѣ. Но вдругъ, по волѣ Божіей, исторія сдѣлала крутой поворотъ, и мѣсто земскихъ людей заняли лица и учрежденія, далекія отъ широкаго пониманія многочисленныхъ нуждъ земли, и потому—почти безсильныя служить ей благу, умножать ея добро, увеличивать ея славу. Сколько бѣдствій обрушилось тогда на многострадальный русскій народъ! Сколько горя и тяжелой, безысходной нужды! Но русскій народъ терпѣлъ и молчаливо ждалъ лучшаго будущаго. Въ немъ лишь, чѣмъ дальше время шло, тѣмъ сильнѣе росло сознаніе, что установившійся порядокъ жизни мало пригоденъ и требуетъ исправленія въ духѣ родной исторіи.

Это сознаніе захватило и Государя,—и вотъ Государь сказалъ Свое золотое слово: „Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между

Мною и земскими людьми“. Поддерживаемый разумомъ и волею народной, Царь—это воплощеніе нашей всенародной совѣсти—нынѣ останавливаетъ колесо государственнаго механизма Своею мощною рукою и силится направить его на старый, забытый, но признаваемый за единственно спасительный путь. Да будетъ имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка! Да исполнитъ Его Господь долгою днѣй и крѣпостью силъ, чтобы увидѣть Ему родную страну умиротворенной отъ разныхъ войнъ и внутреннихъ раздоровъ, а подданныхъ Своихъ—благоденствующими, презирающими обманъ, хищенія, грабежи, пролитіе крови и выше всего почитающими правосудіе, милосердіе, умѣренность, мужество и чистоту сердца...

Въ нашу гражданскую жизнь нынѣ ворвалась мощная струя живительнаго воздуха, и высоко поднимаетъ насъ широкая волна нашихъ гражданскихъ чаяній, упованій. Нашему воображенію открываются самыя необъятныя горизонты. Будущее русскаго народа рисуется намъ въ самыхъ привлекательныхъ очертаніяхъ. Поистинѣ, великъ день, *егоже сотвори* намъ Господь! Поэтому, *возрадуемся и возвеселимся въ оныя*. Пусть радости нашей ничто не омрачаетъ. Если прошедшее нашей было мрачно, а будущее свѣтло, то не будемъ доискиваться того, чья тутъ вина, и чья заслуга. Происхожденіе и ростъ великихъ народныхъ учрежденій составляютъ такую тайну жизни народа, что и исторія не всегда можетъ раскрыть ее вполне. Тѣмъ менѣе мы можемъ имѣть претензій—сегодня же снять съ этой тайны ея покровъ. Забывъ всѣ наши взаимныя недоразумѣнія, которыя до сегодняшняго дня, можетъ быть, раждались скорѣе изъ нашей болѣзненной склонности преувеличивать угрожавшія намъ опасности, чѣмъ изъ враждебно настроеннаго сердца, со всею энергіей примемся за трудъ, столь необходимый для внутренняго роста, развитія и укрѣпленія того великаго блага, какое намъ даровано въ учрежденіи Государственной Думы. Докажемъ всѣмъ нашимъ сосѣдямъ, что „святая Русь не пуста стоитъ,

что на св. Руси есть сильны-могучи богатыри“. Прежде же всего, возблагодаримъ Небеснаго Царя за Его мудрое и непрестанное о насъ промышленіе, и въ горячей молитвѣ всѣмъ міромъ испросимъ благословенія Божія на предстоящіе русскимъ людямъ великіе подвиги. Свящ. Н. Гр.

„Преображеніе“ Россіи.

Съ нынѣшняго года день празднованія Преображенія Господня получаетъ для насъ, русскихъ, особое еще, въ высшей степени знаменательное, значеніе: въ этотъ *благозначимый* день съ высоты Царскаго Престола возвѣщено безпримѣрное въ тысячелѣтней исторіи Россіи преобразование нашего государственнаго управления, по волѣ неуслышно пекущагося о благѣ Своего народа Государя Императора, которое, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть самыя благодѣтельные послѣдствія въ дальнѣйшей политической жизни нашей дорогой родины. Еще со времени Высочайшаго Манифеста 26-го февраля 1903-го года, призывавшаго „къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни“ нашего Любезнѣйшаго и Благороднѣйшаго Государя Императора озабочивала „мысль о согласованіи общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни“. Теперь мысль эта блестяще завершилась актомъ величайшей государственной важности—учрежденіемъ Государственной Думы и утвержденіемъ Положенія о выборахъ въ нее. „Государство Россійское,—говорится въ Высочайшемъ Манифестѣ 6-го сего августа,—создалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая правственная сила, создавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстаившая ее отъ вся-

кихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ“. И вотъ, по мудрому усмотрѣнію Государя Императора, „нынѣ настало время... призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участию въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и рассмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“.

Итакъ, Россія вступаетъ нынѣ на совершенно новый путь своей исторической жизни, который будетъ такъ чреватъ громадной важности послѣдствіями, что вступленіе на него можетъ быть унодоболено своего рода свящепнодѣйствію, къ которому требуется не только самая сѣрьезная, но даже прямо благоговѣйная предварительная подготовка. Высочайшимъ Манифестомъ 6-го августа призываются „избранные довѣріемъ всего населенія люди... къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ“.

Особенно чревата будетъ своими благими послѣдствіями новая реформа для крестьянъ. Наше государство—по преимуществу крестьянское, и нужды крестьянства, благо простого народа по праву должны стоять въ немъ на первомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, до сихъ поръ Государь Императоръ зналъ про вопіющія нужды народа лишь отъ людей, которые сами были освѣдомлены о нихъ по однѣмъ официальнымъ канцелярскимъ бумагамъ и рѣшали вопросы величайшей важности для благоустроенія жизни народной вдали отъ самого народа, не видя его дѣйствительнаго горя, не слыша его собственнаго голоса, не спрашивая его собственнаго мнѣнія о томъ. Теперь средостѣніе между Государемъ и народомъ окончательно сломано и навсегда уничтожено, и народъ, устами своихъ, имъ самимъ свободно избранныхъ изъ своей среды, представителей, заговорить съ Государемъ лицомъ къ

лицу, открыто и безбоязненно повѣдаетъ Ему про свое житье-бытье, горе и нужду и въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ и мѣропріятій приметъ участіе наравнѣ съ лучшими людьми земли Русской и высшими сановниками. И что особенно замѣчательно въ нашей реформѣ—крестьянамъ предоставлено Положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу *право двойного голоса*: 1) они одни выбираютъ депутата изъ своей среды и затѣмъ 2) они же участвуютъ и въ выборѣ депутатовъ другихъ классовъ населенія. Этого нѣтъ ни въ одномъ даже изъ самыхъ либеральныхъ государствъ Западной Европы, и такая важная привилегія дарована Государемъ Императоромъ крестьянамъ, надо полагать, именно потому, что, какъ мы уже сказали, наше государство—по преимуществу крестьянское.

Да благословитъ Господь-Богъ всѣми Своими милостями и щедротами нашего справедливаго и мудраго Монарха за эту нарочитую милость къ искони царелюбивому русскому крестьянину, всегда видѣвшему въ каждомъ своемъ Государѣ Отца народнаго и такъ характерно съ незапамятныхъ временъ именовавшаго Его *Царемъ-Батюшкой!*..

Въ виду имѣющихъ быть въ довольно близкомъ будущемъ выборовъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и громадной важности предстоящаго имъ подвига на благо Россіи, придется принять это дѣло и сельскимъ пастырямъ какъ можно ближе къ сердцу. Этимъ мы отнюдь не имѣемъ въ виду призывать пастырей къ участію въ политической агитаціи,—что совершенно противно канонамъ церковнымъ,—а хотимъ сказать только, что на пастыряхъ Церкви лежитъ священная нравственная обязанность—*всесторонне выяснитъ* народу истинный смыслъ и значеніе новой государственной реформы. Правда, по слухамъ, для широкаго освѣдомленія народа съ устройствомъ, правами и функціями Государственной Думы, будутъ организованы въ общественныхъ учрежденіяхъ и школахъ безплатныя публичныя лекціи, и, кромѣ

того, будет напечатано, по распоряженію Правительства, свыше 30 милліоновъ специальныхъ брошюръ о Государственной Думѣ для бесплатной раздачи крестьянамъ. Но излишне, думаемъ, говорить, что безъ кривотолковъ дѣло не обойдется какъ со стороны злонамѣренныхъ людей, такъ и со стороны самихъ крестьянъ, для которыхъ публичная лекція даже въ самомъ общедоступномъ изложеніи будетъ все же *лекціей*, а не *живой ладушевной бесѣдой*, на которой одной только и можно растолковать и втолковать, именно—*втолковать* имъ что-либо важное и серьезное. Наша новая государственная реформа имѣетъ, между прочимъ, свою специфическую особенность въ чисто русскомъ національномъ духѣ,—это—полное сохраненіе, при Государственной Думѣ, назыблемости Самодержавной Царской Власти, какъ о томъ прямо подтверждается и въ Высочайшемъ Манifestѣ и въ „Торжественномъ Обѣщаніи членовъ Государственной Думы“, въ которомъ послѣдніе „обѣщаютъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя“ на нихъ „обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему... разумнiю и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи“. На послѣднюю сторону реформы будущихъ членовъ Государственной Думы изъ крестьянъ пастырямъ Церкви нужно обратить надлежащее вниманіе.— Но и этого еще мало. Пастыри Церкви должны будутъ *освятить* и *освятить* новую государственную реформу ученіемъ Слова Божія, одушевить будущихъ членовъ Государственной Думы изъ крестьянъ глаголомъ Божиимъ на предстоящее имъ великое и отвѣтственное служеніе родинѣ, чтобы служеніе это являлось для нихъ именно служеніемъ священнымъ, Божиимъ, а не служеніемъ изъ какихъ-либо корыстныхъ расчетовъ, партійныхъ интересовъ и т. п.

Такъ подготовленные пастырями Церкви, съ здравымъ смысломъ въ головѣ, съ непоколебимою вѣрою въ премудрый Промыслъ Божій въ душѣ, съ горячею любовію къ родинѣ

въ сердцѣ, со всецѣлою преданностію Самодержавному Государю Императору Русскому, осынивши чело свое крестнымъ знаменіемъ, благословляемые св. Церковію въ лицѣ ея пастырей, пусть бодро и смѣло изыдутъ изъ далекихъ, незнаемыхъ весей своихъ эти народные избранники на великое дѣло свое—мудрое строеніе, совмѣстно съ Государемъ, земли Русской. На нихъ столько радужныхъ надеждъ, столько свѣтлыхъ чаяній возлагаетъ истерзанная въ послѣдніе дни несчастною борьбою съ врагомъ внѣшнимъ и различными смутами и неурядицами внутренними многострадавшая родина наша! А потому, они *должны* представлять собою цвѣтъ и соль земли Русской,—и это въ значительной степени будетъ зависѣть отъ соотвѣтствующаго разумнаго участія въ предстоящемъ великомъ народномъ дѣлѣ пастырей Церкви.

„Не посраимъ“ же „земли Русскія“ и покажемъ себя достойными съ первыхъ же дней вступленія на новый историческій путь преобразенной нынѣ Россіи того высокаго довѣрія, какое оказано всѣмъ намъ Государемъ Императоромъ! Оправдаемъ „твердое упованіе“ Его, „съ непоколебимою вѣрою въ милость Божию и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому нашему отечеству“ выраженное Имъ въ заключительныхъ словахъ Манифеста, „что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществомъ, величіи и славѣ“. Пусть при этомъ вдохновляетъ и радостно окрыляетъ духъ каждаго вѣрнаго сына отечества торжественно заявленная Государемъ полная готовность не останавливаться, для блага беззавѣтно любимой Имъ Россіи, въ Своихъ „заботахъ о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы,... когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному“.

Нѣсколько практическихъ наставленій готовящихся къ принятію священства.

30-го мая въ 5 часовъ 30 минутъ вечера мирно отошелъ ко Господу одинъ изъ самыхъ престарѣлыхъ и достойнѣйшихъ архипастырей Православной Русской Церкви—преосвященнѣйшій Виссаріонъ, епископъ Костромской и Галичскій (въ мѣрѣ—московскій протоіерей Василій Петровичъ Нечаевъ), на 83-мъ году своей жизни. Горько оплакиваетъ тяжелую—и притомъ совершенно неожиданную—утрату Костромская паства, такъ какъ онъ былъ „правдолюбивѣйшимъ“ архипастыремъ, „въ собственномъ смыслѣ слова ангеломъ-хранителемъ вѣренной ему отъ Господа Костромской паствы“. Свыше 13-лѣтнее архипастырское служеніе его въ Костромской епархіи „было не чѣмъ инымъ, какъ однимъ сплошнымъ кликомъ души, звавшей къ духовному бодрствованію, къ покаянію, къ самоисправленію, къ устроенію земного пути“ пасомыхъ „по заповѣдямъ Божиимъ“. „По своей природной душевной добротѣ, онъ хотѣлъ каждого... видѣть счастливымъ на свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ положеніи довольства и обезпеченія. Однихъ... за добродѣтели и служебные подвиги слѣзили отличить наградами и повышеніями; другихъ, слабыхъ и немощныхъ, старался поддержать, научить, защитить; бѣдныхъ и сиротъ, особенно духовныхъ, старался обезпечить, всячески пристроить, щедро удѣляя имъ часть изъ своихъ средствъ; всѣмъ хотѣлъ послужить, сколько могъ, помня слова Спасителя: *не придогъ, да послужатъ Мнѣ*, за всѣхъ молился“... ¹⁾ Чувствомъ самой глубокой и искренней грусти, безъ сомнѣнія, встрѣчена была печальная вѣсть о кончинѣ въ Бозѣ почившаго преосв. Виссаріона и безчисленными почитателями его выдающагося проповѣдническаго таланта и вообще учено-богословской дѣятельности, которой

¹⁾ Изъ рѣчей при перенесеніи тѣла въ Успенскій соборъ и погребеніи преосв. Виссаріона.

онъ такъ беззавѣтно отдавался до самаго почти послѣдняго дня своей многоплодной жизни. Достаточно сказать, что въ теченіе 45½ лѣтъ *ни одна* книжка „Душеполезнаго Чтенія“ (преосв. Виссаріонъ былъ однимъ изъ основателей этого журнала и долгое время затѣмъ—единоличнымъ редакторомъ-издателемъ, а въ санѣ святительскомъ—ревностнѣйшимъ и желательнѣйшимъ, конечно, сотрудникомъ) не выходила въ свѣтъ безъ его трудовъ, ни одного почти богослуженія въ теченіе своего свыше 50-лѣтняго подвига въ священномъ санѣ не совершалъ онъ безъ слова назиданія съ церковной кафедры. Въ высшей степени¹ сочувственно относился онъ, между прочимъ, и къ нашему журналу. и еще въ началѣ текущаго года прислалъ свою небольшую брошюрку: „Нѣсколько практическихъ наставленій готовящимся къ принятію священства“¹), выражая въ отдѣльномъ собственноручномъ письмѣ желаніе, чтобы Редакція, если найдетъ удобнымъ, помѣстила ее цѣликомъ на страницахъ своего изданія. Предлагаемъ эту брошюру читателямъ, какъ *архипастырскій завѣтъ* святителя, всегда бывшаго свѣтомъ для своихъ пасомыхъ, близко знавшаго, по личному многолѣтнему опыту, жизнь приходскаго пастыря и лучшіе, наиболѣе цѣлесообразные способы благотворнаго дѣйствованія пастыря на пасомыхъ. Изъ *двадцати шести* пунктовъ „практическихъ наставленій“ только *первые восемь* касаются *исключительно* „готовящихся къ принятію священства“; остальные же *восемнадцать* пунктовъ „предлагаются въ руководство *всѣмъ священникамъ*, а не однимъ ставленникамъ“. „Практическія наставленія“ эти особенно цѣнны еще тѣмъ, что въ нихъ „обращено *преимущественно* вниманіе на такія стороны пастырскаго служенія, которыя въ существующихъ пастырскихъ руководствахъ почти не имѣются

¹) Оттискъ изъ официальной части № 9-го Костромскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1904-й годъ.

въ виду, и указаніе на которыя служить *дополненіемъ* къ нимъ“.

Ред.

1) Окончившимъ курсъ ученія въ семинаріи предоставляется право или продолжать образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или поступать прямо на службу. Желательно, чтобы получившіе духовное образованіе при выборѣ мѣста высшаго образованія предпочитали духовныя академіи свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, почти ничего не имѣющимъ общаго съ духовною наукою. При выборѣ же службы предпочитайте гражданской церковную. Помните, что васъ долго учили и воспитывали для служенія Церкви, а не для другихъ цѣлей.

2) Не совѣтуется вамъ быть слишкомъ разборчивыми въ выборѣ мѣста пастырскаго служенія. Не увлекайтесь желаніемъ непременно поступить на мѣсто выгодное въ матеріальномъ отношеніи. Это, конечно, не возбраняется вамъ, но гораздо лучше въ семь случаевъ поступать безкорыстно и руководствоваться церковными побужденіями. Болѣе выгодное въ матеріальномъ отношеніи мѣсто можете получить современемъ, при умноженіи семейства и заслугъ. Не избѣгайте приходо́въ, зараженныхъ расколомъ, съ которымъ вы довольно ознакомлены на семинарской скамьѣ. Не домогайтесь устроиться поближе къ родству. Возможность частыхъ взаимныхъ свиданій съ родственниками отвлекаетъ отъ исполненія приходскихъ обязанностей и подаетъ поводъ къ праздному провозженію времени. Родству плотскому предпочитайте духовное, смотрите на прихожанъ, какъ на родную вамъ семью въ духовномъ отношеніи. Раньше пятилѣтняго срока не слѣшайте мѣнять мѣста¹⁾. Не обижайтесь, если начальство иногда затруднится, по долгу человеколюбія, дать вамъ мѣсто тамъ, гдѣ есть непристроенныя сироты.

¹⁾ Это обязательно также для дьяконовъ и псаломщиковъ.

3) При выборѣ невѣсть обращайтесь вниманіе не столько на наружныя качества, сколько на благовоспитаемость и здоровье.

4) Послѣ свадьбы не слѣшите къ рукоположенію. Требуется время, чтобы настроить себя подобающимъ образомъ къ принятію благодати священства. Крайнимъ срокомъ, раньше котораго не слѣдуетъ являться къ рукоположенію, должно быть три недѣли по вступленіи въ бракъ.

5) За нѣсколько дней до рукоположенія, время до принятія его должно проводить въ говѣніи, богомыслии, въ молитвахъ о томъ, чтобы Господь сподобилъ васъ быть достойными сосудами благодати священства, также въ прилежномъ чтеніи и изученіи Служебника и Требника. Для безпрепятственнаго упражненія въ сихъ занятіяхъ не отвлекайте себя отъ нихъ житейскими развлеченіями, не принимайте гостей и сами никуда не отлучайтесь, особенно по прибытіи къ мѣсту рукоположенія. На время отлучки къ рукоположенію ни подъ какимъ видомъ не берите съ собою женъ, въ виду опасности неблаговременныхъ супружескихъ ласкъ.

6) Наканунѣ рукоположенія въ діаконы, предшествующаго рукоположенію въ священники, позаботьтесь объ очищеніи своей совѣсти строгимъ самоиспытаніемъ, тщательнымъ и чистосердечнымъ исповѣданіемъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія и удержитесь отъ вечерней трапезы. Послѣднее должно соблюдать также наканунѣ священническаго рукоположенія.

7) Въ минуты рукоположенія потребно возвести горѣ очи ума и сердца съ мольбою, да снидетъ на васъ благодать Святого Духа и содѣлаетъ васъ достойными служителями св. Церкви.

8) По рукоположеніи въ теченіе семи дней сряду священникъ обязуется совершать церковныя службы подъ руководствомъ опытныхъ руководителей и въ осьмый день являться къ архіерею для служенія литургіи въ его присутствіи и для полученія отъ него ставленнической грамоты съ надлежащими

наставленіями въ дополненіе къ тому, что содержится въ грамотѣ.

9) По прибытіи въ приходъ новопоставленный іерей непременно обязанъ обратиться къ прихожанамъ съ поученіемъ о пастырскихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ нимъ и объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ нему. Поученія вообще должны быть предлагаемы во всѣ воскресные и праздничные дни или по готовымъ руководствамъ, или своего сочиненія, но въ послѣднемъ случаѣ по предварительномъ разсмотрѣніи цензоромъ. Какъ ни желательна живая безъ предварительной записи проповѣдь, молодые священники должны въ величайшею осторожностью и продолжительною предварительною обдуманностію рѣшаться на произнесеніе таковыхъ рѣчей изъ опасенія проговориться, не договорить, допустить что-либо неправильное или неприличное. Съ большею смѣлостію и развязностію можетъ быть употребляема живая рѣчь при совершеніи домашнихъ требъ.

10) Молитвы вечернія, положенныя для готовящихся къ причастію, и молитвы къ причащенію вычитывайте непременно дома, отнюдь не въ церкви во время службы, какъ соскупаютъ многіе священники, присутствующіе на вечерней и утренней церковной службѣ, но не обращающіе вниманія на то, что читается и поется на клиросѣ.

11) Крестное знаменіе творите истово, не двигая перстами по воздуху, но непосредственно касаясь ими чела, груди или живота, праваго и лѣваго плеча. Сперва знаменуйте себя крестнымъ знаменіемъ, а затѣмъ творите поклонъ,—то и другое дѣлайте не одновременно.

12) Когда кладете земные поклоны, не касайтесь руками голаго пола или ковра, или же полагайте руки на епитрахиль, чтобы не запачкать рукъ пристающею къ нимъ нечистотою и не оскорбить святыни престола и св. Даровъ прикосновеніемъ къ нимъ неопрятными руками.

13) При воздѣваніи рукъ предъ началомъ литургіи, также во время Херувимской пѣсни и при освященіи Даровъ,

ради удобства и благовидности, лучше поднимать только кисти, а не локти рукъ, и при этомъ пальцы должно держать въ прямомъ положеніи, а не въ согнутомъ.

14) При чтеніи въ алтарѣ молитвъ по Служебнику обращайтесь лицомъ не къ аналою, на которомъ лежитъ Служебникъ, а къ престолу, и потому держите Служебникъ въ рукахъ; но чтобы при этомъ не затрудняться темнотою вдали отъ аналоя, снабжаемаго свѣчею, влагайте въ Служебникъ свѣчу, загнутую подъ прямымъ угломъ, такъ чтобы нижняя часть свѣчи лежала въ листахъ книги, а верхняя стояла прямо.

15) При чтеніи молитвъ и при возгласахъ избѣгайте двухъ крайностей: торопливости и излишней протяжности. Торопливость перѣдко проявляется въ обычаѣ членовъ причта перебивать другъ друга при совершеніи церковныхъ службъ,—напримѣръ, псаломщики поютъ „аминь“, не давая священнику договорить возгласа, діаконъ и псаломщики одновременно произносятъ первые прошенія ектеніи, послѣдніе— „Господи, помилуй“. Канонизмы читаются одновременно съ пѣніемъ „аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже“. Промосы канона поются совмѣстно съ чтеніемъ тронарей. Всѣ подобныя злоупотребленія священники должны искоренять и себѣ самимъ ихъ не позволять.

16) Когда благословляете кадило, простирайте благословляющую руку на содержимое внутри кадила, а не на цѣпочку, и если служите съ діаконъ, требуйте отъ него, чтобы онъ приближалъ къ благословенію раскрытую кадила, а не цѣпочку.

17) Во время литургіи, по прочтеніи Евангелія, ставьте Евангеліе на боковой сторонѣ престола ближе къ верхнему краю его, а не на серединѣ престола изъ предосторожности, чтобы книга Евангелія не упала на сосуды съ св. Дарами.

18) Благоговѣніе къ святынь престола требуетъ, чтобы стоящій предъ престоломъ священникъ не дерзалъ опираться на него руками, стоялъ на разстояніи отъ него не ближе аршина

и не позволяяль себѣ озираться по сторонамъ, смѣяться и разговаривать.

19) При совершеніи проскомидіи, если нѣтъ причастниковъ, вливайте въ потиру вина не больше трехъ-четырехъ столовыхъ ложекъ, а послѣ причащенія, при потребленіи св. Даровъ, употребляйте какъ можно меньше вина, потребнаго для очищенія потира и такъ называемаго запиванія, чтобы избѣжать искушенія невоздержанія.

20) Святые Дары, при освященіи каждаго вида (хлѣба и вина) отдѣльно въ Тѣло и Кровь Христову, должны быть благословляемы рукою въ предѣлахъ дискаса и потира, и благословляющая рука не должна быть переносима за сіи предѣлы. Сверхъ того, освящаемый хлѣбъ надобно благословлять такъ, что быблагословеніе совершасмо было надъ нимъ однимъ, а не вмѣстѣ надъ окружающими его частицами. Посему, частицы въ честь Богородицы и девяти чиновъ святыхъ, также задравныя и заукойныя, должны быть полагаемы поодаль отъ Агнца и чтобы отнюдь не прикасались къ нему, дабы не казалось, будто вмѣстѣ съ Агнцемъ освящались въ Тѣло и Кровь Христову сіи частицы.

21) Когда будете причащаться св. Крови изъ потира, заботьтесь о томъ, чтобы усы не омочались каплями св. Крови, а для сего тщательно опрятывайте ихъ, или, если это не удобно, подстригайте ихъ. Великая святыня должна быть тщательно охраняема отъ прикосновенія къ ней власявъ. Указано говорить по принятіи ея: *Се прикоснуся устнамиъ моимъ*, а не власамъ моимъ.

22) При совершеніи всякой службы, старайтесь всячески соблюдать мирное душевное расположеніе, и если поющими или читающими будутъ допущены въ исполненіи службы какіе-нибудь неисправности и безпорядки, не позволяйте себѣ выходить изъ себя и вслухъ всѣхъ молящихся дѣлать виновнымъ громкимъ голосомъ гнѣвныя замѣчанія и выговоры, чтобы не смутить присутствующихъ и не вызвать грубости со стороны виновныхъ. Всего лучше вразумлять ихъ

по окончаніи службы наединѣ съ ними, и притомъ отечески и кротко.

23) Въ концѣ литургіи, предъ закрытіемъ антимиаса, если усмотрите на немъ крупичи отъ св. Даровъ, собирайте ихъ губкою и поднимайте ихъ съ антимиаса въ потиръ сухими пальцами, а не увлажненными слюною.

24) Существуетъ непохвальный обычай произносить, особенно на панихидѣ, только окончанія стиховъ, не представляющія смысла безъ произнесенія предшествующихъ словъ, напримѣръ: *и вся. яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи. Человѣколюбче*. Надобно всячески избѣгать этого обычая и требовать отъ пѣвцовъ, чтобы они пѣли и читали стихи въ полномъ составѣ. Вообще, надобно совершать всякую службу истово, неторопливо, благоговѣйно и этого требовать отъ сослужащихъ.

25) Что касается до отношенія священника къ прихожанамъ, то съ самаго начала поступленія въ приходскую службу священникъ долженъ позаботиться заслужить ихъ уваженіе. Для сего онъ долженъ вести себя такъ, чтобы они взирали на него, какъ на пастыря и отца, а не какъ на наемника. Всячески онъ долженъ избѣгать вымогательства за требы, никогда ничего не требовать отъ нихъ, — дадутъ что-нибудь — спасибо, не дадутъ — промолчать. Если нельзя совсѣмъ отказаться отъ сборовъ натурою, то всего лучше было бы уговорить прихожанъ, чтобы они сами привозили къ нему свои даянія, а не заставляли его самого ѣздить къ нимъ за сборами. Если же нельзя обойтись безъ этого, то весьма не благовидно и не согласно съ достоинствомъ сана самому священнику, подобно нищимъ, подходить къ каждому дому и требовать отъ хозяевъ положенное даяніе. Достаточно остановиться въ одномъ какомъ-либо домѣ и сдѣлать повѣстку жителямъ, чтобы желающіе съ своими приношеніями приходили къ нему. Отъ угощеній священникъ можетъ не отказываться, но при семъ долженъ подавать угощающимъ примѣръ трезвости и питать ихъ назидательною бесѣдою. Куреніемъ и

нюханіемъ извѣстнаго зелья никого не соблазнять и не подавать повода къ осужденію. Когда приглашаютъ къ совершенію требы на-домъ, немедленно идите, особенно въ случаѣ, если нужно причастить больного и напутствовать къ смерти. Безкорыстіемъ и отеческимъ участіемъ особенно въ духовныхъ нуждахъ прихожанъ священникъ можетъ возбудить въ нихъ такую любовь и уваженіе къ себѣ, что не захочетъ бѣжать отъ нихъ въ другой приходъ, хотя бы не вполне былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи.

26) Прошу васъ, добрые юноши, принять изложенныя наставленія не къ одному свѣдѣнію, а вмѣстѣ къ руководству. Желательно, чтобы обратили на нихъ вниманіе и пожилые священники.

Притча о неправедномъ домоправителѣ.

Для правильнаго уразумѣнія извѣстной притчи о неправедномъ домоправителѣ (Лук. 16, 1—13), необходимо прежде всего рѣшить вопросъ: къ кому и по какому поводу произнесена она и въ какой связи находится съ предшествующимъ содержаніемъ Евангелія.

Обращаясь къ контексту, мы видимъ, что притча о неправедномъ домоправителѣ произнесена Спасителемъ непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ окончена была Имъ притча о блудномъ сынѣ.

Въ ней Спаситель показываетъ, что грѣшники и мытари, какъ люди, способные къ сознанию своихъ грѣховъ, болѣе годны для открывающагося новаго благодатнаго царства Христова—царства возрожденія и обновленія, чѣмъ фарисеи, твердо убѣжденные въ своей праведности, и потому не признающіе для себя никакой нужды въ возрожденіи и обновленіи. Проникнутая нѣжной и трогательной любовью къ грѣшникамъ, полная безиредѣльной божественной снисходительности и всепрощенія, притча о блудномъ сынѣ не могла не

произвести могущественнаго дѣйствія на сердца трепетно внимавшихъ ей, жаждавшихъ слова любви и облегченія мытарей и грѣшниковъ. Подъ вліяніемъ голоса любви и милосердія, многіе изъ нихъ сознали, что они, подобно блудному сыну, много согрѣшили на небо и предъ Отцемъ Небеснымъ, раскаялись въ своихъ грѣхахъ и, почувствовавъ непреодолимое влеченіе къ обласкавшему ихъ Божественному Учителю, стали въ душѣ *учениками* Спасителя. Но, ставъ въ душѣ учениками Господа, мытари и грѣшники могли ошибочно подумать, что, кромѣ того умиленія предъ безконечнымъ милосердіемъ и сознанія своихъ грѣховъ, которыя изображены въ лицѣ кающагося блуднаго сына, отъ нихъ ничего болѣе не потребуетъ; что можно—другими словами—быть истиннымъ „сыномъ свѣта“, питая одни только добрыя и умилительныя *чувствованія*, не стараясь *волею всецѣло* предаться своему Божественному Учителю и Его ученію. Чтобы отвлечь мытарей отъ столь опаснаго для нихъ нравственнаго состоянія, Христосъ и предлагаетъ имъ Свою притчу о неправедномъ домоправителѣ.

Что притча о неправедномъ домоправителѣ предназначалась именно для мытарей и грѣшниковъ, которые, ставъ въ душѣ учениками Господа, продолжали питать привязанность къ имѣвшимся у нихъ сокровищамъ, это подтверждаетъ текстъ притчи. Въ началѣ ея прямо говорится, что она произнесена *къ ученикамъ* Христовымъ, а въ 11-мъ стихѣ замѣчается, что эти ученики *неверны* въ богатствѣ неправедномъ, то есть имѣютъ богатство, которое и приобрѣли несправедливо и неправильно употребляютъ, питая къ нему грѣховную привязанность, служба одновременно Богу и мамонѣ.

Кто же были эти ученики?—Разумѣть подъ ними фарисеевъ съ книжниками ни въ какомъ случаѣ нельзя: эти послѣдніе и всегда относились къ Спасителю съ нескрывасмою враждой и озлобленіемъ, а теперь въ особенности. По словамъ евангелиста, они и подошли ко Христу не за-

тѣмъ, чтобы „слушать“, подобно мытарямъ, а затѣмъ, чтобы не упустить удобнаго случая бросить Ему упрекъ, что Онъ „ѣсть и пьеть“ съ мытарями (Лк. 15, 2). Когда же Христомъ произнесена была притча о блудномъ сынѣ, глубоко затронувшая болѣзненное самооптѣніе іудейскихъ праведниковъ, злоба ихъ достигла высшаго напряженія. По замѣчанію евангелиста, фарисеи, „смѣялись“ надъ Христомъ. Остается, такимъ образомъ, признать, что „ученики“ эти—мытари.

Теперь не трудно уже опредѣлить какъ главный предметъ притчи, такъ и второстепенныя частныя черты ея содержанія.

Иисусъ Христосъ, какъ сказано, имѣлъ въ виду *окончательно* искоренить въ душѣ учениковъ изъ мытарей *привязанность* къ богатству и побудить, не останавливаясь въ дѣлѣ послѣдованія Ему и Его ученію на однихъ добрыхъ чувствованійхъ, стать истинными послѣдователями. Для этого необходимо было, съ одной стороны, живымъ, нагляднымъ примѣромъ показать, что нужно сдѣлать мытарямъ для *полнаго* ихъ обращенія къ Богу; съ другой—выяснить неосновательность мелькавшей въ сознаніи нѣкоторыхъ мысли, будто можно быть истиннымъ сыномъ свѣта безъ всецѣлой привязанности ко Христу и исполненія Его ученія въ жизни, или—другими словами—указать, что нужно для того, чтобы *навсегда* сохранить за собою благодатное состояніе сыновства. Это мы и видимъ въ рассматриваемой притчѣ. Въ ней, во-первыхъ, въ лицѣ управителя указанъ *примѣръ* того, какъ должны поступить призванные проповѣдію Спасителя къ отчету „невѣрные въ богатствѣ неправедномъ“ мытари, чтобы обращеніе ихъ заслуживало похвалы, а не упрека въ отсутствіи догадливости; во-вторыхъ, ясно и отчетливо проводится мысль, что для полученія права быть участникомъ „въ вѣчныхъ кровахъ“ небесныхъ, не слѣдуетъ *раздвояться*, служа Богу и мамонѣ.

Чтобы понять, какимъ образомъ евангельскій домоправитель можетъ служить для мытарей *образцомъ* въ дѣлѣ достиженія ими полного покаянія, необходимо разобрать: въ чемъ состояла *вина* домоправителя, и что сдѣлалъ онъ для *заглаженія* ея, призванный къ отчету въ управленіи ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

На управителя, по замѣчанію Евангелія, донесено было, что онъ „*расточаетъ имѣніе*“ господина. Въ чемъ состояло это расточеніе?—Нѣтъ сомнѣнія, что господинъ притчи, поставляя управителя надъ имѣніемъ своимъ и снабдивъ его широкими правами и полномочіями, руководился тѣми же соображеніями, какими обыкновенно руководятся всѣ рачительные и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно достойные хозяева. Онъ ставилъ цѣлю управительской дѣятельности поднятіе и увеличеніе, *путемъ рациональныхъ хозяйственныхъ мѣръ*, внутреннихъ производительныхъ силъ имѣнія, а однимъ изъ средствъ къ достиженію ея считалъ общее благосостояніе всего и всѣхъ, такъ или иначе входящихъ въ непосредственное экономическое соприкосновеніе съ имѣніемъ,—благосостояніе, созданное исключительно на почвѣ законности и уваженія къ нравственнымъ требованіямъ. Но домоправитель, вращаясь постоянно въ сферѣ матеріальныхъ, [чисто коммерческихъ интересовъ, ослѣпленный широтою предоставленной ему власти, постепенно пересталъ сообразоваться съ волей и высокими воззрѣніями господина: желая избѣжать тяжелаго и долговременнаго труда увеличенія доходности имѣнія путемъ внутренняго развитія и улучшенія послѣдняго, онъ, съ цѣлю *скорѣйшаго* умноженія доходовъ, правильное веденіе хозяйства замѣнилъ хищнической эксплуатаціей имѣнія, позволивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, насиліе и несправедливость въ отношеніи къ другимъ. Первое прямо истощало производительныя силы имѣнія, второе вело къ тѣмъ же результатамъ косвенно, такъ какъ благосостояніе имѣнія господина было неразрывно связано съ интересами притѣсняемыхъ управителемъ лицъ и въ извѣстной степени зависѣло отъ нихъ.

Основаніемъ для такого сужденія о характерѣ дѣятельности управителя можетъ служить 8-й ст. разсматриваемой главы, гдѣ Самъ Господь усваиваетъ приточному управителю названіе „неправеднаго“ (*οἰκονόμος τῆς ἀδικίας*). Сопоставляя этотъ стихъ съ 6-мъ стихомъ 18-ой главы, ми видимъ, что точно такое же названіе и въ той же грамматической формѣ усваиваетъ Иисусъ Христосъ тому судѣ, который, не боясь ни Бога, ни людей, руководился въ своей судейской дѣятельности исключительно чувствомъ личнаго произвола, съ цѣлю удовлетворенія матеріальныхъ выгодъ притѣсняя невинныхъ и послабляя виновныхъ. Такимъ же, очевидно, характеромъ несправедливости къ интересамъ другихъ была запечатлѣна и дѣятельность евангельскаго управителя.

Что хищническое веденіе хозяйства истощало производительность его, это для всякаго понятно. Но какимъ образомъ несправедливость домоуправителя приводила къ тому же?

Могло это происходить такъ. Обширное, судя по размѣрамъ долговъ, хозяйство евангельскаго господина нуждалось, безъ сомнѣнія, въ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ. Между тѣмъ, управитель, не довольствуясь законными средствами наживы, при расчетѣ съ рабочими, можетъ быть, не отдавалъ имъ своевременно заработной платы ихъ, или слишкомъ ее урѣзывалъ, или отпускалъ худое и несоответственное работѣ питаніе, или преслѣдовалъ рабочихъ несправедливыми и непоумѣрными штрафами, или даже незаконно обращалъ въ пользу имѣнія весь или большую часть заработка рабочихъ. Подобнаго рода злоупотребленія были довольно распространеннымъ зломъ среди евреевъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ законъ Моисея, гласившій: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго изъ братьевъ твоихъ или изъ пришельцевъ твоихъ... въ тотъ же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ и ждетъ ея душа его; чтобы онъ не возопилъ на тебя ко Господу, и не было тебѣ грѣха“ (Второзак. 25, 14—15). Это

зло настолько глубоко укоренилось въ еврейскомъ народѣ, что, даже съ переходомъ іудеевъ въ христіанство, продолжало господствовать среди нихъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ ап. Іаковъ: „не богатые ли,—говоритъ онъ—притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ въ суды“ (2, 6)? и въ другомъ мѣстѣ: „Вотъ плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіеть; и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа“ (5, 4).

Такое отношеніе управителя къ подчиненнымъ не могло не быть для имѣнія крайне убыточнымъ. Терпя несправедливости и притѣсненія, рабочіе управителя, при всякомъ удобномъ случаѣ, не взирая ни на какое самое горячее время и неотложное дѣло, могли оставить его безъ достаточнаго количества рабочихъ рукъ,—и дѣло затягивалось, продукты портились. Съ другой стороны, и тѣ, которые не могли почему-либо оставить домоуправителя, исполняли свое дѣло кое-какъ, небрежно. Но могло случиться и хуже. Далеко разнесшаяся среди рабочаго люда молва о несправедливости управителя могла сдѣлать то, что напуганные рабочіе совсѣмъ не соглашались итти къ нему на работу, вслѣдствіе чего, самыя спѣшныя и неотложныя работы исполнялись не во время, продукты портились, и доходы уменьшались.

Сверхъ того, есть достаточныя основанія утверждать, что у управителя скоплялся огромный запасъ естественныхъ произведеній сельскаго хозяйства, которыя онъ долженъ былъ продавать кунцамъ; что между послѣдними были такіе, которые не могли приобрѣтать продуктовъ на наличныя деньги, и потому пользовались кредитомъ, и что управитель сильно эксплуатировалъ ихъ въ погонѣ за быстрой наживой. Пользуясь стѣсненнымъ денежнымъ положеніемъ покупателей, управитель бралъ съ нихъ болѣе или менѣе значительные проценты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ находился въ особенно стѣснительномъ положеніи, лихва управительская доходила до громадныхъ размѣровъ, равняясь суммѣ дѣйствительнаго долга.

Что этот недостатокъ былъ обыченъ у іудеевъ, ясно свидѣтельствуеть Свящ. Писаніе. Моисей вынужденъ былъ издать противъ него даже особое постановленіе: „не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ни чего-либо другого, что можно отдавать въ ростъ“ (Втор. 23, 19). И прор. Давидъ въ одномъ изъ псалмовъ своихъ ублажаетъ человѣка, который „серебра своего не даетъ въ ростъ“ (Пс. 14, 5).

Такой своеобразный способъ наживы могъ оказаться не менѣе убыточнымъ, чѣмъ несправедливья отношенія къ рабочимъ. Стѣсняемые большими процентами, покупщики могли найти себѣ болѣе выгодныхъ продавцовъ. Тогда продукты оставались, залеживались, въ концѣ концовъ портились и теряли свою цѣнность, если не пропадали окончательно. При большомъ хозяйствѣ убытки отъ этого могли получаться весьма значительные, а при долговременномъ существованіи такого порядка вещей могла грозить серьезная опасность всему хозяйству господина.

Такимъ образомъ, „расточительность“ управителя состояла въ хищническомъ, нераціональномъ веденіи хозяйства, соединенномъ съ несправедливостію и насиліями.

Большинство толкователей, особенно русскихъ, понимаютъ „расточительность“ управителя иначе, полагая, что причиною ея служила черезчуръ роскошная и богатая жизнь, которой предался, почувствовавши себя на свободѣ, управитель. Говорятъ: управитель *похищалъ* получаемые съ имѣнія доходы и тратилъ ихъ на чувственныя удовольствія.

Съ такимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться: изъ контекста мы знаемъ, что подъ управителемъ должно разумѣть мытарей. Между тѣмъ, мытари отличались не роскошною жизнію, а тѣмъ, что хищнически *увеличивали* свои богатства, обременяя народъ *измѣнными* налогами и поборами. Противъ предположенія роскошной жизни, какъ причины „расточенія имѣнія“, говорить и 14-й стихъ 16-ой главы. Въ немъ замѣчено, что фарисеи, *слыша притчу*, смѣялись,

такъ какъ были *сребролюбивы*. Очевидно, порокомъ сребролюбія былъ зараженъ и управитель притчи. Наконецъ, это же подтверждается и заключительными словами притчи: „не можете служить Богу и мамонѣ“. Если подъ мамоню необходимо разумѣть богатство, то вѣтъ всякаго сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ не о чемъ иномъ, какъ о сребролюбіи: *служить* богатству не тотъ, кто употребляетъ его на жизненный комфортъ или роскошь, а тотъ, кто привязанъ къ *собиранію* его, кто ради него готовъ пренебречь голосомъ совѣсти, чувствомъ челоуѣколюбія и требованіями Закона Божія,—словомъ, кто ослѣвленъ страстію *стяжанія*. У челоуѣка роскошествующаго богатство—только средство; у сребролюбца богатство—*само по себѣ* цѣль и идеаль жизни и дѣятельности. У перваго богатство *работаетъ* плоти; у втораго *ему* работаютъ, а оно деспотически *юсподствуетъ* надъ всѣмъ.

Въ подтвержденіе того, что управитель получаемые съ имѣнія доходы употребляютъ на удовлетвореніе своихъ стремленій къ роскоши, ссылаются на употребленный въ притчѣ, для обозначенія проступка управителя, глаголь „расточать“, имѣющій будто бы значеніе „расхищать съ цѣлію удовлетворенія чувственныхъ похотей и вождельній“,—другими словами—„проматывать“. Основаніе для такого пониманія этого глагола думаютъ найти въ притчѣ о блудномъ сынѣ, гдѣ глаголь „расточать“, въ примѣненіи къ послѣднему, имѣетъ такое именно значеніе. Но эта ссылка не основательна. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ глаголь „расточать“ имѣетъ значеніе „проматывать“ не самъ по себѣ, а въ *зависимости* отъ стоящихъ при немъ словъ: „живый блудно“ (ζῶν ἀκότως). *Самъ же по себѣ*, какъ показываетъ словопроизводство (раз-течь—точить = заставить или позволить чему-либо растекаться, расходиться=упустить, убавить, истощить) глаголь этотъ, какъ и соотвѣтствующій ему греческій „βιασχορπίζω“, выражаетъ понятіе, несравненно болѣе широкое по объему: онъ означаетъ *всякую дѣятельность и всякое дѣйствіе, резуль-*

татомъ которыхъ является *уменьшеніе* чего-нибудь, ущербъ, убытокъ, истощаніе, не заключаая въ себѣ *никакихъ* указаний на *родъ* дѣятельности, приводящей къ уменьшенію или истощанію чего-нибудь. Поэтому, расточаетъ имѣніе не только тотъ, кто тратитъ его на роскошь и удовольствія жизни, но и всякій, кто терпитъ какіе бы то ни было убытки вслѣдствіе обстоятельствъ, *отъ него самого* зависящихъ. Въ такомъ смыслѣ расточителями могутъ быть признаны даже и тѣ, которые, хотя и не уменьшаютъ наличнаго состоянія своего, но, не понимая истинной пользы и истинныхъ выгодъ дѣла, не извлекаютъ изъ принадлежащаго имъ имѣнія всего, что можно извлечь изъ него, при надлежащемъ къ нему отношеніи. Такимъ образомъ, употребленному въ притчѣ глаголу „расточаетъ“ нисколько не противорѣчитъ нашъ взглядъ на вину домоправителя.

Что вина домоправителя, дѣйствительно, состояла въ *неумѣломъ*, хищническомъ веденіи хозяйства, соединенномъ съ немилосердіемъ и несправедливостію, указано и въ словахъ господина къ управителю: „дай отчетъ въ управленіи твоёмъ: ибо ты не *можешь* болѣе управлять“. Глаголь „не можешь“, стоящій здѣсь, заключаетъ въ себѣ отрицательное понятіе силы, способности, умѣнья и можетъ быть, безъ измѣненія смысла, дополненъ выраженіемъ: „не сумѣешь и далѣе“ (ἐτι) управлять, какъ слѣдуетъ, съ пользою для дѣла.

К. Переволотовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Почему наша интеллигенція враждебна по отношенію къ духовенству.

Мы переживаемъ теперь такіе дни, когда всѣ должны съ особеннымъ вниманіемъ оглянуться на себя, „подтянуться“, по возможности урегулировать взаимныя отношенія, покончить разъ навсегда всѣ личные счеты, подавить въ себѣ

различныя эгоистическія побужденія и посвятить всѣ свои силы служенію на благо многострадальной родины, безжалостно терзаемой врагами внѣшними и внутренними. Въ особенности все это необходимо сдѣлать пастырямъ Церкви, которые призваны Небеснымъ Пастыреначальникомъ своимъ быть „свѣтомъ міру“, „солью земли“. Но можетъ ли быть успѣшною религіозно-общественная дѣятельность ихъ при той розни, которая сравнительно давно уже установилась между духовенствомъ и нашею такъ называемою свѣтскою интеллигенціею, а въ послѣднее время приняла прямо-таки угрожающіе размѣры? Въдѣ въ ближайшей послѣдующей жизни *возрожденной Россіи* главная руководящая роль, безъ сомнѣнія, будетъ принадлежать именно интеллигенціи, вслѣдствіе чего вопросъ объ уничтоженіи розни между интеллигенціею и духовенствомъ является кардинальнымъ, такъ какъ рознь эта въ корнѣ будетъ подрывать благодѣтельное вліяніе пастырей Церкви и самой Церкви на всѣ стороны жизни народной. Для успѣшнаго лѣченія всякой вообще болѣзни въ высшей степени важное значеніе имѣетъ правильно поставленный діагнозъ ея. Въ виду этого, необходимо уяснить себѣ предварительно причины враждебнаго отношенія нашей интеллигенціи къ православному духовенству. Этимъ путемъ на половину уже будетъ достигнуто и обезпечено успѣхъ борьбы и съ самою болѣзнію. Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ враждебности интеллигенціи по отношенію къ духовенству іеромонахъ Давидъ, на страницахъ Полоцкихъ епархіальныхъ вѣдомостей, указываетъ слѣдующія.

1. Въ первые вѣка христіанства на Руси, почти до времени Петра Великаго, духовенство считалось передовымъ сословіемъ и пользовалось большимъ уваженіемъ и почетомъ среди мірянъ—какъ знати, такъ и простолюдинъ. Это происходило не только оттого, что тогда вѣра у людей была живѣе, сильнѣе, но еще и оттого, что сама духовная іерархія дѣйствительно стояла гораздо выше народа. Представителями и распространителями образованія были почти исключительно

духовныя лица; школы существовали всегда обыкновенно при монастыряхъ и храмахъ. Свѣтскіе люди, даже князья, если желали научиться книжной мудрости, должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ священникамъ и монахамъ. При большей сравнительно умственной развитости духовенство, естественно, должно было имѣть—и на самомъ дѣлѣ имѣло—вѣсь и значеніе и въ высшихъ слояхъ тогдашняго общества и даже вліяло на рѣшеніе важнѣйшихъ земскихъ и государственныхъ вопросовъ. Но съ XVIII вѣка, когда, вслѣдствіе реформъ Петра Великаго, въ Россіи были прочно насаждены и отчасти расцвѣли на русской почвѣ науки и искусства, когда разсадницами просвѣщенія сдѣлались главнымъ образомъ свѣтскія школы, духовенство отодвинулось назадъ, и передовое мѣсто въ обществѣ заняла свѣтская интеллигенція. Съ самаго начала церковная іерархія, за исключеніемъ только немногихъ отдѣльныхъ личностей, довольно враждебно отнеслась къ дѣлу приобщенія Россіи къ западно-европейской культурѣ. Она рѣзко осуждала и порицала свѣтлыя идеи, проникавшія къ намъ съ запада; искусства и науки объявляла суетными и пагубными произведеніями ложнаго, извращеннаго ума. Недружелюбно отнеслись наши пастыри къ западно-европейскому просвѣщенію потому, что оно шло изъ неправославныхъ странъ, что распространеніе наукъ сопровождалось притокомъ нѣкоторыхъ разрушительныхъ противохристіанскихъ идей, и виновницей послѣднихъ они считали науку вообще, такъ какъ отдѣлить примѣсь лжи отъ истины не могли, по своей научной неподготовленности. Но, несмотря на горячія воззванія духовныхъ отцовъ о томъ, чтобы ихъ чада не увлекались „новымъ суетумудріемъ“, а заботились о томъ, что *едино есть на потребу*, о благочестіи, общество, тѣмъ не менѣе, съ жадностію воспринимало науки и искусства и все больше и больше умственно развивалось, быстро подвигаясь въ этомъ отношеніи впередъ. Духовенство, не примкнувъ къ свѣтскому обществу въ умственномъ движеніи и застывъ въ ограниченномъ кругѣ стариннаго бо-

гословскаго образованія, понятно, отстало. Опираясь на расположеніе и послушаніе простаго народа, горделиво указывая на непоколебимость христіанства и вѣчность св. Церкви, на святость и высоту пастырства, само духовенство не признавало себя отсталымъ, продолжало приписывать себѣ преимушественное значеніе въ жизни людей и упорно оспаривало у интеллигенціи вліяніе на народъ. Официально духовенство брало верхъ, такъ какъ находило поддержку у правительства. Это обстоятельство еще болѣе озлобляло свѣтское передовое общество. Последнее, желая уязвить, принизить первое, стало ожесточенно нападать не только на него, на его частную жизнь, но и на то дѣло, которому оно служило, на православную вѣру и на Православную Церковь. Духовенство, такимъ образомъ, вынуждено было защищать истины вѣры и церковныя установленія, оборонять себя, свое положеніе; но защита его была неумѣлою, и потому успѣха не имѣла. Не будучи въ силахъ справиться съ интеллигенціей и вернуть себѣ нужное вліяніе на свѣтское подростяющее поколѣніе и на высшія сферы общества, духовенство замкнулось въ тѣсный кругъ личныхъ интересовъ, озаботилось сохраненіемъ вліянія на одинъ только простой народъ и сосредоточило все вниманіе свое на воспитаніи духовнаго юношества, тщательно оградивъ его отъ воздѣйствія свѣтской интеллигенціи, отъ вѣянія свѣжихъ идей. Но съ теченіемъ времени и въ духовныя школы проникли сквозь щели лучи западно-европейскаго просвѣщенія и озарили умы болѣе способныхъ „духовныхъ юношей“. Они стали тяготиться оторванностію отъ общечеловѣческой образованности, безжизненностію изучаемыхъ наукъ и при первомъ удобномъ случаѣ покидали духовныя школы, поступали въ свѣтскія учебныя заведенія и, по окончаніи курса въ нихъ, опредѣлялись на гражданскую службу.

Вслѣдствіе уклоненія питомцевъ духовныхъ школъ отъ пастырскаго служенія, духовенство сравнительно оскудѣло способными людьми, и съ теченіемъ времени преобладающее большинство его стали составлять лица съ небольшими даро-

ваніями, недостаточними познаніями, неширокимъ развитіемъ. Все это сильно умалило достоинство и значеніе іерархіи въ глазахъ свѣтскаго образованнаго общества и дало ему поводъ издѣваться и говорить, что во священники идутъ только „узколобые“. Сдѣлавшееся умственно бѣднымъ, духовенство, видя ростъ вліянія интеллигенціи на народъ, въ безсильной злобѣ только и награждало ее крѣпкими эпитетами, ни во что ставило науку и тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые, отличаясь релігіозной чуткостью, истинно-христіанскимъ настроеніемъ и благоразуміемъ, пытались сблизиться съ свѣтскимъ образованнымъ обществомъ, начинали говорить живымъ, понятнымъ языкомъ, заносило ихъ въ списокъ лицъ вреднаго направленія и безпокойнаго характера и различными репрессивными—прямыми и косвенными—мѣрами заставляло „бросить свои затѣи“.

2. Пастыри, по идеѣ своего служенія, должны быть защитниками угнетенныхъ, утѣшителями скорбящихъ, обязаны умиротворять взаимныя отношенія членовъ общества, возвышать свой голосъ при видѣ явнаго попранія правосудія и любви, при возобладаніи въ обществѣ воліющихъ золь. Таковой и была церковная іерархія на первыхъ порахъ: она всякій разъ „печаловалась“ предъ правителями, власть имущими и знатными за обиженныхъ судьбою и людскою несправедливостью. Но послѣ, когда она свернула съ своего прямого назначенія, *амірицилась*, когда она поставила себя въ зависимость отъ сильныхъ міра сего, то совсѣмъ перестала заботиться объ охраненіи правъ слабыхъ и бѣдныхъ, опасаясь тѣмъ вызвать недовольство и непріязнь противъ себя со стороны „князей вѣка сего“. Духовные отцы закрывали глаза на общественныя язвы, равнодушно смотрѣли на ненормальности во взаимоотношеніяхъ людей; на слезы и вопли своихъ духовныхъ чадъ они отвѣчали требованіемъ безронотнаго перенесенія жизненныхъ бѣдствій, попеченія о спасеніи души, а не о временныхъ благахъ, и только сулили воздаянія въ загробномъ мірѣ. Забыли они ту простую истину, что, при

тяжелыхъ условіяхъ жизни, человѣку весьма трудно созидать въ себѣ свѣтлыя, возвышенныя настроенія, воспарять къ горнему міру. Не желая рисковать своимъ официальнымъ положеніемъ, духовенство не только само уклонялось отъ обсужденія и рѣшенія жгучихъ соціально-экономическихъ вопросовъ, но препятствовало и интеллигенціи, взявшей на себя трудъ облегченія и улучшенія участи „меньшихъ братій“, указывая на тѣ слова Свящ. Писанія, которыми требуется довольство своимъ положеніемъ, какъ бы оно ни было тягостно, и умалчивая о тѣхъ мѣстахъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ говорится о самопожертвованіи за благо своихъ ближнихъ. Интеллигенція, не встрѣчая со стороны духовенства сочувствія и поддержки въ дѣлѣ служенія народу и даже испытывая отъ него разныя препятствія, понятное дѣло, не могла сколько-нибудь дружелюбно относиться къ духовенству.

3. Въ виду того, что пастыри Церкви считаютъ себя посредниками между Богомъ и людьми, раздавателями даровъ Божіихъ, руководителями людей въ дѣлѣ спасенія и свое служеніе провозглашаютъ самымъ важнымъ и существеннымъ на землѣ, слѣдуетъ требовать отъ нихъ жизни и дѣятельности, сообразныхъ съ принятыми на себя высокими и святыми обязанностями. Они дѣйствительно должны стоять на высотѣ своего призванія и должны быть украшены Христовыми добродѣтелями или, по крайней мѣрѣ, чужды грубыхъ, бросающихся каждому въ глаза, недостатковъ. Но, къ прискорбію, среди нихъ замѣчаются тѣ же страсти и пороки, какіе наблюдаются и среди мірянъ; у нихъ—тѣ же непрестанныя думы и заботы о бдльшемъ матеріальномъ обезпеченіи, о повышеніи по службѣ, о полученіи наградъ, та же непріязнь къ ближнимъ и вражда съ ними, тѣ же пристрастіе къ земнымъ удовольствіямъ, какими полна и жизнь ихъ пасомыхъ. И вотъ, интеллигенція, съ одной стороны, слыша отъ духовенства громогласныя заявленія и пышныя рѣчи о важности пастырства, а съ другой—видя его слишкомъ ужъ явныя немощи, не можетъ не чувствовать къ нему непріязни.

4. Духовенство забыло Христову заповѣдь и апостольскія постановленія о томъ, что, по отношенію къ уклонившимся отъ истины—къ отпадшимъ отъ Церкви, должны быть принимаемы мѣры чисто нравственныя, кроткія; что для отраженія нападокъ на вѣру и Церковь должно употреблять мечъ духовный, слово убѣжденія и силу святой, безупречной нравственности,—оно, нисколько не смущаясь, для борьбы съ врагами Церкви, съ неправославно мыслящими, вооружалось всегда обыкновенно мечомъ вещественнымъ, прибѣгало къ содѣйствию полицейской власти. Не такъ давно на съѣздахъ пастырей—до объявленія Высочайшаго Указа 17-го апрѣля—высказаны были мысли о принятіи противъ неправославныхъ энергичныхъ, суровыхъ карательныхъ мѣръ. Служителямъ Бога, проповѣдникамъ мира и любви, ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ держать въ рукѣ мечъ,—и это неизбежно, разумѣется, вызываетъ въ образованномъ обществѣ недовольство и ропотъ.

Указавши всѣ приведенныя нами выше причины враждебнаго отношенія интеллигенціи къ духовенству, о. Давидъ въ заключеніе говоритъ: „Не слѣдуетъ церковной іерархіи утѣшать себя словами Спасителя о томъ, что *врата адавы не одолѣютъ Церкви*. успокоивать себя мыслию, что ея существованію, крѣпости и значенію отъ интеллигенціи никакая опасность будто бы не угрожаетъ. Правда, Церковь непоколебима, ученіе Христово вѣчно, неизмѣнно; свѣтъ Христовъ всегда будетъ озарять человѣчество; оно только по временамъ можетъ быть заволакиваемо тучами, но яркіе лучи его прорѣжутъ, и разсѣютъ ихъ и снова освѣтятъ и согрѣютъ людскія души; никакіе таланты и гени не отнимутъ блеска и величія божественной истины и не замѣнятъ ея своими измышленіями. Но эта устойчивость и неизблемость св. Церкви не говорятъ еще о прочности положенія духовенства. Слишкомъ самопадѣянно и не основательно будетъ со стороны духовенства, если оно будетъ отождествлять, сливать себя съ Церковью. Церковь составляютъ люди, дѣйстви-

тельно приобщившіеся божественной жизни, исполненные чистыхъ, высокихъ настроеній, переживающіе благодатную сладость отъ тѣснѣйшаго единенія съ Божествомъ. И если наши пастыри суть таковы, то, конечно, они должны быть увѣрены въ своей непоколебимости; но пусть поглубже заглянуть въ свой внутренній міръ и безпристрастно пересмотрятъ всю свою жизнь! Правда, въ душахъ пастырей лежитъ неоцѣненное сокровище—благодать священства, воспріятая ими при рукоположеніи, и она-то должна оградить ихъ отъ потрясенія. Но благодать эта можетъ быть дѣйствительной и спасительной, когда она возгрѣвается, вызывается къ дѣятельности, развивается усиліями самихъ пастырей. А разъ пастыри не являются носителями живой, дѣйственной благодати священства, разъ они не суть истинные служители Божіи, разъ въ нихъ благодать скрывается подъ спудомъ, подъ толстой порочной корой, то имъ нельзя быть спокойными о своей судьбѣ. Благо, что *пока* они находились подъ могучимъ крыломъ правительства! Но доколѣ же это? Не лучше ли быть способнымъ къ жизни и несокрушимымъ отъ враговъ при помощи собственныхъ же силъ?—Пора, пора!..“

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го августа 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года августа 28-го.

Содержаніе: Открытое письмо братьямъ-сопастырямъ.—Необходимость для церковнаго проповѣдника владѣть ораторскимъ искусствомъ.—Границы вѣротерпимости.—Притча о неправедномъ домоправителѣ (окончаніе).—Пастырскій судъ чести.

Открытое письмо братьямъ-сопастырямъ.

Дорогіе братья-сопастыри!

Постоящее трудное и тяжелое для отечества нашего время налагаетъ на насъ обязанность тѣсно сплотиться и возможно полнѣе сговориться по вопросу о томъ, какъ мы должны вести себя въ столь трудную и тяжелую годину...

Смута не прекращается, а еще болѣе усиливается. Между тѣмъ, духовенство до послѣдняго времени стоитъ какъ будто въ сторонѣ, мало болѣетъ душею о несчастіяхъ Россіи, и не напрасно, поэтому, свѣтская либеральная печать („Русск. Вѣдом.“) бросила намъ въ лицо упрекъ въ отсутствіи патриотизма, въ отсталости отъ жизни,—

упрекъ жестокой, хотя отчасти и заслуженный. Наше молчаніе вмѣняется намъ въ вину, чуть не въ преступленіе. Смотрите, что происходитъ вокругъ. Кровь леденѣтъ въ жилахъ отъ ужаса, слезы душатъ горло, когда начнешь возстановлять въ памяти все, что произошло въ теченіе полугода несчастной войны... Кто изъ насъ не болѣлъ душою, кто не вздыхалъ, кто не плакалъ, слыша о постоянныхъ нашихъ военныхъ неудачахъ и пораженіяхъ на Дальнемъ Востока! Сколько человѣческихъ жизней поглотила эта война! Сколько вдовъ и сиротъ дала она! Сколько расходовъ потребовала!.. Безпримѣрная Цусимская катастрофа повергла всѣхъ въ отчаяніе, уныніе, безысходную тоску, какъ бы пригнула къ землѣ, раздавила... Трауромъ одѣлись русскія сердца отъ ужасной гибели столькихъ тысячъ храбрыхъ соотечественниковъ, потери цѣлаго флота и крушенія великихъ надеждъ, на него возлагавшихся...

А наша смута внутренняя?.. Что происходитъ теперь внутри Россіи—и подумать страшно!.. Кровью сердца хотѣлось бы говорить объ этомъ... Душа изныла... Сердце истерзалось... Плакать хочется, рыдать... Анархія какая-то, разбродъ, ожесточеніе... все, что хотите. Взгляните на народъ—на народъ не плачущій,—нѣтъ, это было бы слишкомъ далеко отъ истины,—а стонущій подъ непосильнымъ гнетомъ всѣхъ струсившихъ надъ нашимъ многострадальнымъ отечествомъ бѣдствій и ужасовъ послѣднихъ дней...

Время ли намъ, дорогіе братья-сопастыри, молчать теперь? Можно ли безопасно предаваться бездѣйствію? Смѣло взглянемъ въ глаза грядущему! Сбросимъ апатію и рутину! Въ нынѣшнее переходное время духовенство можетъ принести неоцѣнимую услугу темному, обездоленному и отчасти уже озлобленному народу, объяснивъ ему правдиво настоящее безпокойное въ Россіи движеніе.

Правда требуетъ открыть глаза на все происходящее въ Россіи.

Нельзя скрывать того, что происходит, и внутреннюю смуту объяснять дѣятельностію лишь „кучки крамольниковъ“. „Хоть и больно, — говоритъ „Церковный Вѣстникъ“, — но нужно признать, что въ день посѣщенія Господня всѣ мы оказались въ положеніи евангельскаго лѣннваго раба, зарывшаго въ землю свой талантъ, данный ему отъ Бога. И безотвѣтны стоимъ мы въ это историческое время, когда вдругъ обнаружилась всѣ недочеты, всѣ неустройства нашего общественнаго строя“.

Идетъ борьба... группируются политическія партіи, организуются всевозможные союзы, устраиваются собранія, идетъ газетная полемика, — словомъ, каждый слѣшнть подготовиться къ тому великому моменту, когда Государь, во исполненіе Своего Монаршаго слова, призоветъ избранниковъ народа къ участію въ общей съ правительствомъ дѣятельности на благо родной страны. Вополнѣ естественно при этомъ, что, когда обычное теченіе жизни вышло изъ своего русла, мѣстами волны выбрасываются на берегъ и сносятъ ветхія и плохо возведенныя постройки: великія событія въ жизни народа никогда не совершаются спокойно, безъ увлеченій, безъ разрушеній.

Но мы вѣримъ, что изъ современнаго общественнаго броженія воскреснетъ новая жизнь, возрожденная, свѣтлая... Мы вѣримъ въ лучшее будущее, потому что принадлежимъ къ великому народу, котораго не могутъ сокрушить „удары судьбы“... Эту вѣру въ лучшее будущее раздѣляетъ съ своими подданными и Самъ Государь. Поэтому, въ сторону всѣ сомнѣнія! „Пѣтъ худа безъ добра“, говоритъ мудрость народная. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе обрисовывается печальная картина русской жизни, сквозь щемящую грусть, пасть охватывающую, пробивается и чувство радости. Вспомнимъ знаменательнѣйшія слова Государя Императора, сказанныя представителямъ земства 6-го іюня. Какъ отецъ родной, Государь нашъ милостиво выслушалъ

скорби представителей земства, обласкалъ ихъ, успокоилъ царственнымъ словомъ Своимъ, просилъ отбросить всѣ сомнѣнія, обѣщаль удовлетворить всѣ нужды и потребности народа. Торжественное обѣщаніе Государя было предисловіемъ къ Высочайшему манифесту 6-го августа, котораго въ тайныхъ думахъ своихъ трепетно ждала вся Россія, и о которомъ была челомъ московская депутація.

Отсюда ясно и для насъ, дорогіе братья-сопастыри, въ какомъ духѣ должны мы работать теперь на пользу народную. И не страшны тогда намъ будутъ никакія бѣды—ни внѣшнія, ни внутреннія. „Пусть гремитъ гроза военной непогоды,—говоритъ одинъ изъ духовныхъ писателей,—пусть мракъ покрываетъ землю и тьма народы:—все это пройдетъ, за грозой и ненастьемъ взойдетъ надъ міромъ заря лучшей, новой жизни, сіяніе вѣчнаго солнца прогонитъ мракъ и всѣ его ужасы; придетъ царство Божіе, тотъ новый, свѣтлый Іерусалимъ, къ которому, по словамъ пророка Исаіи, стекутся *и съ запада и съвера и моря и востока чада твоя*. Тогда рушатся всѣ цѣпи, удерживающія людей во тьмѣ и сѣни смертной, падутъ всѣ преграды, мѣшающія видѣть въ людяхъ себѣ подобныхъ, братьевъ по плоти и духу, и человечество сольется въ одинъ братскій союзъ свободныхъ чадъ новаго Іерусалима, въ которомъ, по словамъ пророка Исаіи, не слышно будетъ о насиліи, опустошеніи и разореніи, ни голоса плача и вопля, гдѣ правителемъ будетъ миръ, надзирателемъ—правда, гдѣ не будутъ трудиться напрасно и раждать дѣтей на горе“ (Ис. 60 гл. 17—18; 65 гл. 19—23). Мы вѣримъ, что такъ все и будетъ и... скоро будетъ.

Господи! Спаси Россію и Государя, вразуми русскій народъ!..
Свящ. *І. Добронравовъ.*

Необходимость для церковнаго проповѣдника владѣть ораторскимъ искусствомъ.

Церковная проповѣдь, разсматриваемая, какъ словесное сочиненіе, относится къ произведеніямъ ораторскаго искусства. Проповѣдникъ, какъ и свѣтскій ораторъ, имѣеть дѣло съ толпой, которой долженъ ясно и толково передать свои мысли. Чтобы повліять на своихъ слушателей, заставить согласиться съ высказываемыми имъ истинами, проникнуться однородными съ нимъ чувствами, для церковнаго проповѣдника такъ же, какъ и для оратора, необходимо искусство.

Такая простая и, повидимому, ясная истина въ настоящее время встрѣчаетъ возраженіе со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ проповѣдниковъ. Среди нихъ находятся такіе, которые утверждаютъ, что искусство не нужно проповѣднику, что оно въ достаточной мѣрѣ замѣняется воодушевленіемъ, искренностью и правдивостью чувства проповѣдующаго. Такое направленіе, ложное въ своемъ основаніи, создалось въ видѣ реакціи и въ противовѣсъ современной безжизненной схоластической проповѣди. Но защитники такого односторонняго направленія церковной проповѣди, возстающіе противъ ея сухости и мертвенности, впадаютъ въ другую крайность. Они забываютъ техническую сторону дѣла и секретъ успѣха проповѣди видятъ во внутренней силѣ оратора, въ степени его ораторскаго воодушевленія, а главное—въ его любви къ тѣмъ, кому онъ говоритъ. Любовь, по ихъ мнѣнію, замѣняетъ все: и предварительную подготовку и техническую обработку церковнаго слова. Въ отвѣтъ на горячій, полный любви, глубокой вѣры и непоколебимаго убѣжденія, призывъ она раждаетъ любовь и довѣріе въ сердцахъ слушателей, вызываетъ слезы умиленія, готовность покаяться, исправить жизнь свою,—словомъ, подчиняетъ себѣ со всею властностью сердце человѣка. Такъ говорили въ Петербургѣ члены Общества любителей ораторскаго искусства, обсуждая недавно положеніе

священника о. Григорія Петрова: „нѣтъ проповѣди, какъ искусства“ ¹⁾. Такъ разсуждаетъ въ *третьей* части своего „Загѣйника“ и самъ священникъ Петровъ, влагая, по обычаю, свои слова въ уста другого лица—дьякона Альбигойскаго. На собраніи проповѣдниковъ, обсуждающихъ условія успѣшности проповѣди, послѣдній въ разрѣзъ большинству, говоритъ почти то же самое.

„Сила, пастырской проповѣди,—разсуждаетъ о. дьяконъ,—должна быть въ духѣ, а не въ словахъ. Горѣ наше въ томъ, что намъ нечего выражать, а не въ томъ, что мы не умѣемъ выражать. Пастырь-проповѣдникъ—не актеръ, и его слова—не игра. Его слово—огонь и свѣтъ, а для этого надо, чтобы у него самого сердце горѣло любовью къ Богу и къ людямъ, къ Божьей правдѣ и къ его немощной паствѣ“ ²⁾.

Народъ спитъ во время красивой и ученой, но бездушной проповѣди, когда спитъ душа проповѣдника, и самъ онъ безучастно относится къ проповѣдуемымъ имъ святымъ истинамъ. „Волновать сердца другихъ можетъ только тотъ, у кого у самого дрожить и волнуется сердце“ ³⁾.

Проповѣднику нужна „обработка его души“, а не „обработка ораторскаго языка“. Техника слова—это только „лакировка“, „позолота“. „Конечно, когда нѣтъ золота на всю вещь, довольствуются позолотой, и вмѣсто дуба или орѣха лакируютъ подъ дубъ или орѣхъ“. Но вѣдь забота проповѣдника должна быть не о „видимости дѣла“, а о самой „сути“ его,—не о „ласканіи слуха“ и не о „чесаніи ушей“ красивыми звуками, а о дѣйствиіи на сердца слушателей живою и сильною рѣчью, идущею отъ живого и сильнаго духомъ сердца. „Сердцу можно говорить только сердцемъ, а не „языкомъ“, каковъ бы онъ ни былъ“ ⁴⁾.

¹⁾ „Церковный Вѣстникъ“ 1905 г., № 6.

²⁾ „Загѣйникъ“, ч. III. Свящ. Петровъ. Сиб. 1905 г., стр. 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 48.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 48—49.

Со словами о. дьякона нельзя не согласиться, но лишь до известной степени. Пастырь-проповѣдникъ, дѣйствительно, не актеръ, но искусство—не театральное, бьющее на эффектъ, а свое—церковно-ораторское искусство—ему безусловно необходимо. И споръ здѣсь основанъ на простомъ недоразумѣніи.

Никто не станетъ возражать противъ того, что убѣдительность и силу проповѣди сообщаетъ лично одушевляющее проповѣдника чувство. Безъ любви къ паствѣ слово его будетъ безжизненнымъ. Но почему, при любви и воодушевленіи, не имѣть и технической подготовки—искусства простого, понятнаго изложенія и яснаго, отчетливаго и выразительнаго произношенія,—это не понятно. На войнѣ храбрость для солдата—все. Но почему же и храбраго солдата считаютъ необходимымъ долго готовить къ бою, учить владѣть усовершенствованнымъ оружіемъ и т. д.?—Потому, что съ одной отвагой, но безъ оружія въ рукахъ, въ сраженіи онъ будетъ бесполезенъ.

Такъ и проповѣдникъ. Оружіе его—слово, при помощи котораго онъ долженъ передать воодушевляющія его чувства и мысли своей паствѣ. И словомъ своимъ онъ долженъ владѣть въ совершенствѣ. Вообразите его безъ этого оружія въ моментъ проповѣди предъ народомъ: въ какомъ жалкомъ положеніи онъ окажется, когда неумѣіе говорить заставитъ его постоянно останавливаться, краснѣть и заикаться, а глухой, сдавленный, слабый голосъ и неясное произношеніе лишатъ слушателей возможности даже разобрать, понять и уяснить себѣ смыслъ его словъ.

Сколько есть проповѣдниковъ съ усвоенной со школьной скамьи дурною привычкою говорить скороговоркой, пришепетывая, картавя, неясно, неразборчиво, сквозь зубы, тихо, съ запинками, съ постоянно повторяющимся какимъ-либо однимъ словомъ или слогомъ, употребляемымъ вмѣсто присловія! Какое впечатлѣніе можетъ произвести на слушателей, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, даже самая одушевленная проповѣдь?.. Отъ волненія и робости, отъ неумѣія говорить предъ

собраніемъ иной проповѣдникъ совершенно теряется, комкаетъ и проглатываетъ слова, и въ конечномъ результатѣ—пучаетъ только себя.

Если допустить мысль, что слово есть „позолота“ и „лакировка“ и имѣетъ только относительное значеніе для дѣла проповѣди, замѣняя по нуждѣ недостатокъ и убожество внутренняго содержанія, то и тогда развѣ оно излишне для Церкви? Развѣ нѣтъ равнодушныхъ къ своему проповѣдническому дѣлу пастырей? развѣ такъ много воодушевленныхъ любовью ораторовъ, чтобы пренебрегать и „позолотой“? Не молчить ли, напротивъ, по общему свидѣтельству, наше „живое“ церковное слово? Не стоять ли далеко отъ теченія жизни наши проповѣдники?.. Если нѣтъ въ нашемъ духовенствѣ апостольской ревности, искренняго воодушевленія и участія; если въ отвѣтъ на требованія жизни выступаютъ на церковной кафедрѣ пастыри съ „убогой тетрадкой“ и говорятъ „куда-то въ пространство“, а не къ живымъ людямъ съ ихъ нуждами: то не лучше ли примириться съ мыслью, что искусство въ такихъ случаяхъ отчасти можетъ замѣнить недостатокъ внутренняго содержанія? Пусть, по крайней мѣрѣ, эта „поддѣлка“ будетъ напоминать о живомъ словѣ, котораго лишена паства, въ настоящее время почти повсюду оставленная безъ живого слова.

Не порицать, а привѣтствовать надо искусство, тѣмъ болѣе, что и при внутренней содержательности блестящая внѣшность и искусное произношеніе не повредятъ проповѣдническому дѣлу. Священникъ Петровъ, какъ и выводимый имъ въ „Затѣйникѣ“ дьяконъ Альбигойскій, видятъ въ церковномъ проповѣдникѣ человѣка не только съ огнемъ въ душѣ, а и съ прекрасными голосовыми средствами. Но и такіе проповѣдники-самородки никакъ не могутъ рассчитывать, особенно во время произнесенія большихъ рѣчей, на постоянное одушевленіе. Они могутъ скоро устать, не соразмѣривъ своего голоса съ силой, растратить слишкомъ рано голосовыя средства, которыя должны достигнуть особой силы въ

извѣстныхъ мѣстахъ или въ концѣ произношенія. Вотъ тутъ-то и искренно-одушевленному оратору приходятъ на помощь знаніе теоріи, изученіе извѣстныхъ общихъ необходимыхъ приѣмовъ дикціи и управленія голосовыми средствами,—и тогда талантливый проповѣдникъ, явившись во всеоружіи знанія, достигнетъ еще большіхъ, еще лучшихъ результатовъ.

Сторонники выразительнаго чтенія считаютъ безусловно необходимымъ ввести его изученіе въ духовныя семинаріи и академіи¹⁾. Для будущаго пастыря и учителя выразительное чтеніе необходимо, какъ могущественное средство для религіознаго просвѣщенія въ храмѣ и внѣ его, на вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и народныхъ чтеніяхъ.

В. Острогорскій въ своей книгѣ—„Выразительное чтеніе“—говоритъ, между прочимъ: „весьма важно, именно у насъ въ Россіи, умѣть читать выразительно народному учителю, особенно сельскому. Заброшенный въ глухую деревню, вдали отъ города, осенью и зимой совершенно разобщенную съ человѣческимъ міромъ, среди грубыхъ полудикарей, въ которыхъ, однако, всегда можно пробудить человѣческое чувство, умѣющій читать учитель—истинное благодѣяніе. Сколько наслажденія доставитъ онъ не только дѣтямъ, но и ихъ родителямъ, всѣмъ взрослымъ деревни, читая имъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера лучшія произведенія родныхъ поэтовъ, пробуждая въ слушателяхъ чувство, воображеніе, мысль, любознательность, бесѣдуя о прочитанномъ, иллюстрируя чтеніе картинами въ волшебномъ фонарѣ! Какое великое значеніе имѣютъ такія чтенія для поднятія въ глазахъ народа авторитета учителя!“²⁾

Что можно возразить противъ авторитетнаго мнѣнія этого педагога?—А развѣ все здѣсь сказанное не приложимо въ равной—или даже большей—степени и къ пастырю Церкви?..

¹⁾ См., напр., В. Острогорскій, „Выразительное чтеніе“, М. 1901, стр. 67.

²⁾ Тамъ же, стр. 18—19.

Странно, поэтому, слышать, какъ пастыри Церкви, да еще лучшіе, сами сознательно отказываются отъ могущественнаго средства воздѣйствія на человѣческую душу, считаютъ его излишнимъ и даже бесполезнымъ. Не впадаютъ ли они здѣсь явно въ другую, не менѣе опасную для церковной проповѣди, крайность и ошибку?..

М. Васильевъ

Границы вѣротерпимости.

Читателямъ извѣстно уже ¹⁾, какъ, къ сожалѣнію, лже-истолкованъ польско-католическими фанатиками нашей западной окраины—Холмщины и Подляшья—благодѣтельный и шій въ основѣ своей Высочайшій Указъ 17-го апрѣля, начавшими открытый походъ противъ Православной Церкви, открытое, сопровождаемое часто разными насиліями, совращеніе сыновъ ея въ католичество. Толкуется онъ вкривъ и вкосъ и многими обыкновенными, такъ сказать, смертными, не дающими себѣ труда вникать въ самый корень вещей, относящимися болѣе или менѣе поверхностно къ весьма и весьма серьезнымъ вещамъ. Въ виду этого, считаемъ не бесполезнымъ привести здѣсь взглядъ проф. М. Красножена на *границы вѣротерпимости* („Московск. Вѣдом.“ 1905 г., № 163), который онъ обосновываетъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ на историческіе документы и мнѣнія какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ ученыхъ авторитетовъ.

Русскій народъ,—говоритъ проф. Красноженъ,—искони вѣковъ отличался рѣдкою вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ. По свидѣтельству извѣстнаго Олеарія, посѣтившаго Россію въ первой половинѣ XVII столѣтія, „не слышно, чтобы русскіе насильно кого обращали въ свою вѣру, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные, или рабы“. И дѣйствительно, когда,

¹⁾ „Свобода.. отъ совѣсти“, № 31-й „Руков. для сельск. паст.“ за 1905-й годъ.

напр., при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ опредѣлялись права завоеванныхъ нами сѣверо-западныхъ областей, то сдавшимся жителямъ Дерпта. (нынѣ, по-старому, Юрьева) было, между прочимъ, объявлено (въ іюлѣ мѣсяцѣ 1558-го года): „Граждане дерптскіе остаются при своей религіи Аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, давно, какъ и школы ихъ“. Этотъ историческій фактъ, должно сказать, въ высшей степени замѣчательнъ: въ то время, когда русскіе съ такою вѣротерпимостью относились къ покореннымъ иновѣрцамъ, Западъ переживалъ ожесточенныя религіозныя войны съ ихъ печальной памяти спутниками—безпощаднымъ, чисто-варварскимъ сожженіемъ протестантскихъ книгъ и храмовъ, Варооломеевскою ночью и ауто-да-фе.

Далѣе, когда 30-го августа 1721-го года между Россіей и Швеціей былъ заключенъ Ништадтскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи земель оставлены права, привилегіи, обыкновенія и преимущества, которыми они пользовались при шведскомъ правительствѣ. Въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ статьею 10-ю постановлено: „въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе совѣсти, а напротивъ того, евангелическая вѣра, церкви и училища, и чтò къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема“.—Побѣдитель оставляетъ, такимъ образомъ, побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры греческаго исповѣданія во вновь приобрѣтенныхъ областяхъ самому себѣ.

Въ царствованіе императр. Екатерины II въ основаніе отношеній правительства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ имперіи положено было самое широкое начало вѣротерпимости: „Въ столь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами,—читаемъ въ *Наказѣ*,—весьма бы вредный для спокойствія и безопасности былъ бы порокъ—запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ“. Въ одномъ изъ указовъ 1773-го года императрица внушала Св. Синоду: „Какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и Ея Величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, въ семь поступать изволить, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“. Въ указѣ импер. Александра I отъ 1816-го года говорится: „Ученіе Спасителя, пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насиліями и казнями; истинная вѣра порождается благодатію Господнею, чрезъ убѣжденіе, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами; жестокость же не убѣждаетъ, паче ожесточаетъ“.

Въ самое послѣднее время, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ составленныхъ Св. Синодомъ правилъ для руководства при разсмотрѣніи и разрѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, во 2-й день іюля 1898-го года, Высочайше соизволилъ, одобривъ эти правила, собственно-ручно начертать на нихъ слѣдующія знаменательныя слова: „Надѣюсь, что эти правила удовлетворятъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ и предотвратятъ всякую смуту, разсѣиваемую въ народѣ врагами Россіи и православія. *Поляки безвозбранно да чтутъ Господа-Бога по латинскому обряду*, русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицей выше всего чтутъ и любятъ Православную Церковь“.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое христіанское государство обязано уважать основанную на сущности вѣры свободу совѣсти и религіи своихъ подданныхъ; однако, *принципъ христіанской терпимости отнюдь не требуетъ и равноаго отношенія государства ко всемъ признаннымъ и терпимымъ имъ религіознымъ обществамъ.*

Хотя религія есть дѣло совѣсти, дѣло внутренняго человека, но нельзя забывать, что религіозное міровоззрѣніе такъ охватываетъ всего человека, такъ сливается съ его общимъ міровоззрѣніемъ, съ его научными и жизненными интересами, что правила религіозныя весьма часто становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, главными правилами общественной и индивидуальной дѣятельности человека; а потому, государство не можетъ относиться безразлично не только къ тѣмъ вѣроученіямъ, которыя въ ихъ виѣшнемъ проявленіи, въ ихъ культѣ, представляются несомвѣстимыми съ государственною моралью (скопчество, мормонство и т. п.), но и съ тѣми, которыя, въ ихъ принципахъ и положеніяхъ, идутъ въ разрѣзъ съ охраняемыми государствомъ принципами моральнаго и общественнаго порядка.

Справедливость требуетъ, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемою государствомъ истиной: принципъ справедливости не есть принципъ абсолютнаго равенства. Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей истинѣ и къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ.

Въ области *личноаго* религіознаго убѣжденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти и не можетъ дѣйствовать въ этой области ни мечемъ, ни тюрьмой, ни лишеніемъ гражданскихъ правъ. „Мы,—говоритъ великій преобразователь Россіи въ пунктѣ 2-мъ манифеста своего отъ 16-го апрѣля 1702-го года,—по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пецись о блаженствѣ души своей“.—Но

отъ свободы *личнаго* исповѣданія должно отличать свободу *религіознаго соединенія*, публичнаго культа, образованія религіозныхъ обществъ. Безграничная и безусловная свобода подобныхъ „соединеній“ уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости. Такихъ публичныхъ религіозныхъ обществъ государство не можетъ оставить безъ своего надзора и регламентаціи.

Въ свою очередь, и Церковь, признавая принадлежность къ ней существенно необходимою для спасенія, не можетъ относиться къ другимъ религіознымъ обществамъ равнодушно и допускать безразличіе (индиферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры, а также не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное общество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ Церкви безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право *ни во что не вѣрвать* признаетъ на Западѣ *государство*, но *никогда не признавала ни одна христіанская Церковь*. Справедливо замѣчаютъ даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, пронстекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ; что индиферентизмъ есть самая опасная форма враждебности религіи.

Самое правильное и вмѣстѣ единственное разрѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными вѣроисповѣданіями въ нашемъ обширномъ отечествѣ проф. Красноженъ видитъ въ слѣдующихъ словахъ въ Божѣ почивающаго незабвеннаго Государя Императора Александра III: *„Православной Церкви—господство; каждой вѣрь—почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила; но каждой народности да будетъ свобода во всемъ. что этому объединенію и подчиненію не препятствуетъ“*.

Притча о неправедномъ домоправителѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Что же хорошаго сдѣлалъ домоправитель въ искупленіе своей вины?—Онъ, прежде всего, созналъ отчетливо и ясно свою неправоту и заслуженность наказанія. Отпущенный послѣ предупрежденія господиномъ, управитель не ронцетъ ни на кого, не негодуетъ; о предстоящемъ удаленіи отъ должности говорить съ глубокимъ сокрушеніемъ, но безъ малѣйшаго раздраженія и недовольства. Такое спокойное отношеніе къ факту удаленія отъ должности въ человѣкѣ, для котораго съ этимъ удаленіемъ соединялась потеря *всякихъ* средствъ къ жизни, можетъ быть объяснено только однимъ—глубоко продуманнымъ и прочувствованнымъ убѣжденіемъ въ своей виновности и заслуженности наказанія. Насколько глубоко и интенсивно это убѣжденіе въ евангельскомъ домоправителѣ видно изъ того, что, подобно блудному сыну, считавшему для себя великою милостію попасть въ число наемниковъ отца своего, и онъ мечтаетъ не о томъ, чтобы умиловленіемъ господина возвратитъ себѣ прежнее, потерянное неразумной дѣятельностію, положеніе, а лишь о томъ, чтобы попасть какъ-нибудь въ дома должниковъ господина своего, хотя бы тоже въ качествѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, „единого отъ наемникъ“. А какою безпомощностію, какимъ глубокимъ сознаниемъ своего безсилія вѣетъ отъ словъ управителя: „что мнѣ дѣлать? Господиго мой отнимаетъ у меня управленіе домою: копать не могу, просить стыжусь“ (Лк. 16, 3)! Не ясный ли это отзвукъ словъ блуднаго сына: „сколько наемниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода“ (Лк. 15, 17)? Не громкій ли это вопль раскаянія?

Что же? Ограничивается ли евангельскій домоправитель однимъ сердечнымъ раскаяніемъ?—Нѣтъ,—онъ старается

¹⁾ См. № 34-й за 1905 г.

еще *заглядитъ* раньше сдѣланные грѣхи. Съ этою именно цѣлію задуманъ имъ планъ перемѣны долговыхъ расписокъ.

Но тутъ мы встрѣчаемся съ обычнымъ весьма распространеннымъ взглядомъ на дальнѣйшій поступокъ домоправителя, какъ на новое *беззаконное дѣяніе*.

Посмотримъ, можно ли считать этотъ взглядъ единственно вѣрнымъ и даже достаточно обоснованнымъ.

Противъ него и въ пользу нашего мнѣнія говоритъ, прежде всего, та *увѣренность* въ успѣхѣ, съ какой приступаетъ управитель къ дѣлу. Такая увѣренность управителя могла покоиться, конечно, только на непоколебимомъ сознаніи безусловной правоты, законности и похвальности принятаго рѣшенія. Онъ дѣйствуетъ открыто.

Обыкновенно же тотъ, кто рѣшается на обманъ, старается скрыть его отъ другихъ, въ особенности отъ того, противъ кого обманъ задуманъ. Съ этою цѣлію онъ спѣшитъ исполнить его.

Домоправитель *торопитъ* перваго должника господина, отъ успѣха сдѣлки съ которымъ зависѣлъ весь успѣхъ его намѣренія. По окончаніи сдѣлки съ первымъ, когда его страхъ улегся, онъ говоритъ второму должнику: „возьми и напиши“, не прибавляя слова „скорѣе“. Со слѣдующими должниками онъ долженъ былъ, безъ сомнѣнія, обходиться тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ съ большимъ числомъ успѣвалъ покончить и чѣмъ больше пріобрѣталъ въ свою пользу данныхъ.

Что управитель уже не торопится, подтверждается и тѣмъ, что онъ призываетъ должниковъ господина „каждаго порознь“. Человѣку, дорожащему временемъ, такой способъ дѣйствія едва ли былъ выгоденъ и удобенъ. Объяснять призывъ „каждаго порознь“ желаніемъ управителя „скрыть отъ господина своего сдѣлки свои съ должниками хитрѣе, чтобы не обнаружить новыя его продѣлки“ (Толк. Еванг. еп. Михаила, 3, 499), едва ли правдободно. Возможность раскрытія „новыхъ продѣлокъ“ управителя отъ того, что должники были призваны „каждый порознь“, только болѣе уве-

личивалась. Дѣло въ томъ, что опасность раскрытія преступленія грозила не со стороны должниковъ, а со стороны господина, который, безъ сомнѣнія, скорѣе могъ поймать управителя на мѣстѣ преступленія въ томъ случаѣ, когда должники являлись поодиночкѣ. Должники же, разъ согласившись заодно съ управителемъ на незаконный поступокъ, во всякомъ случаѣ должны были предпочитать молчаніе, чтобы, въ случаѣ раскрытія продѣлки домоправителя, и самимъ не пострадать за соучастіе съ нимъ.

Не совсѣмъ обычнымъ для человѣка, совершающаго обманъ, является и выборъ управителемъ мѣста и времени для выполненія своего плана. Сдѣлки съ должниками онъ совершаетъ открыто, не стѣсняясь, днемъ—и притомъ въ домѣ хозяина; а это едва ли могло способствовать сокрытію преступленія, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что донесшіе господину должны были зорко слѣдить за дѣйствіями домоправителя и, по всей вѣроятности, находились тамъ же, въ домѣ господина.

Еще болѣе странно то, что управитель, призывая должниковъ, *прямо и рѣшительно* предлагаетъ каждому изъ нихъ принять участіе въ выполненіи задуманнаго имъ, не постаравшись, какъ требуетъ того житейское благоразуміе, заблаговременно, какимъ-либо путемъ, разузнать, кто изъ должниковъ и какъ отнесется къ его предложенію. Это было, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно и неосторожно. Стоило въ числѣ должниковъ хоть одному оказаться человѣкомъ добросовѣстнымъ, и вся затѣя управителя рухнула бы безвозвратно. Такой должникъ, съ негодованіемъ отвергнувъ оскорбительное для него предложеніе, не преминулъ бы, сейчасъ же по выходѣ отъ управителя, повѣдать о преступныхъ замыслахъ управляющаго хозяину. А вѣдь такимъ добросовѣстнымъ человѣкомъ могъ оказаться и первый призванный управителемъ должникъ. Между тѣмъ, должники безмолвно соглашались съ предложеніемъ и, не выразивъ ни недоумѣнія, ни

радости, ни недовольства, молча и безъ возраженія исполняютъ требованіе управителя, какъ нѣчто *должное*. Такое единодушное согласіе всѣхъ понятно лишь въ томъ случаѣ, если признать поступокъ управителя законнымъ и справедливымъ.

Наконецъ, въ пользу законности поступка управителя говорить и его отношеніе къ замѣняемымъ имъ распискамъ. Какъ человѣкъ, рѣшившійся на подлогъ, онъ долженъ бы былъ, замѣняя прежнія расписки должниковъ новыми, уничтожать первыя, предупреждая этимъ возможность попасть имъ въ руки хозяина и послужить уликой. Управитель же не только ихъ не уничтожаетъ, но и не отбираетъ, а передаетъ должникамъ. „Возьми твою расписку,—говоритъ онъ должнику,—и замѣни новою“.

Ясно, что замѣна одиѣхъ расписокъ другими была вполне законна, и слѣды ея не представляли для управителя ничего опаснаго или непріятнаго.

Но самое *главное* свидѣтельство въ пользу законности поступка управителя—это *похвала* господина по адресу послѣдняго. Совершенно *не возможно* допустить, чтобы господинъ, въ которомъ необходимо видѣть Господа, зная, какъ дерзко издѣвается надъ его правами и властію и нагло нарушаетъ законъ управитель, могъ притти въ такой восторгъ отъ *мошеннической* продѣлки управителя, чтобы похвалить его за его дѣяніе.

Въ текстѣ сказано: „*похвалилъ*“; а чтобы не подумали, что это было простое удивленіе предъ безцеремонностью и нахальствомъ управителя, указано и то, что именно господинъ похвалилъ: *мудрость*. Для примиренія—въ сущности *непримиримой*—съ беззаконностью поступка управителя похвалы господина, толкователи обыкновенно говорятъ, что „дѣйствіе управителя можно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны предосудительной оно заслуживаетъ порицанія; но какъ дѣйствіе предусмотрительности и благоразумія (этого именно въ поступкѣ управителя, если видѣть въ немъ обманъ, какъ

показано выше, и нѣтъ), оно, если не особенно одобрительно, то представляетъ достаточную аналогію съ христіанскою доблестью, которая долженствовала бы преобладать, но которая слаба въ большинствѣ послѣдователей Христа, равнодушныхъ и къ увѣщаніямъ и къ упрекамъ. Въ дурномъ человѣкѣ должно различать энергію его отъ честолюбія и, рассматривая отдѣльно, одно хвалить, другое порицать. Такъ и Господь нашъ различаетъ здѣсь неправоту управителя отъ его предусмотрительности: первая можетъ заслуживать только Его строгій упрекъ, послѣдняя можетъ быть одобрена для возбужденія Его послѣдователей къ подобной же предусмотрительности, потребной въ дѣлахъ высшей важности“ (Тренчъ, Толкованіе притчей І. Христа, стр. 368; ср. Толк. Евангеліе еп. Михаила, кн. 3, стр. 499).

Можно, конечно, всякое дѣйствіе человѣка рассматривать со сколькихъ угодно сторонъ; но несомнѣнно, что *нравственная* цѣнность извѣстнаго дѣйствія или поступка обусловливается *соотвѣтствіемъ* преслѣдуемой имъ цѣли и употребляемыхъ при этомъ средствъ требованіямъ закона Божія, совѣсти и человѣческимъ законамъ. Всякое дѣйствіе, *не удовлетворяющее* этимъ требованіямъ, а тѣмъ болѣе идущее съ ними въ разрѣзъ, *тѣмъ безнравственнѣе* и дальше отъ похвалы, чѣмъ болѣе прилагается къ нему усердія и энергіи. Говорятъ: похвалены энергія и умъ управителя.—Но энергія и умъ хороши въ человѣкѣ лишь тогда, когда являются доброй живительной силой, когда неуклонно шагъ за шагомъ ведутъ человѣка по пути нравственнаго усовершенствованія. Когда же, вмѣсто того, они сѣютъ зло и несправедливость, являясь грозной разрушительной силой, то, кромѣ негодованія къ обладателю ихъ и сожалѣнія къ себѣ, ни въ комъ ничего другого возбудить не въ состояніи.

Такимъ образомъ, все убѣждаетъ въ томъ, что поступокъ управителя необходимо рассматривать, какъ исполнѣ законное, доброе и справедливое дѣяніе.

Въ чемъ состоялъ онъ, не трудно догадаться, если вспомнить раньше сказанное о томъ, кто были должники евангельскаго господина, и если выкинуть въ характеръ тѣхъ расписокъ, которыя выдали они въ первый разъ управителю.

Должники господина—это люди, которые, покушая запасы естественныхъ произведеній хозяйства управителя, пользовались у послѣдняго кредитомъ. Отсюда у нихъ долги господину. Но кто велъ какія-либо коммерческія дѣла въ кредитъ или только наблюдалъ за этимъ, тотъ знаетъ, что и теперь, при совершеніи сдѣлокъ въ кредитъ, рѣдкій кредиторъ не облагаетъ своихъ должниковъ извѣстными процентами. Проценты уплачиваются ими тотчасъ же при заключеніи сдѣлки, или отсрочиваются до времени уплаты долга и въ такомъ случаѣ большею частію вносятся въ расписки и векселя какъ *дѣйствительный* долгъ. Особенно необходимо бываетъ это тамъ, гдѣ недобросовѣстный кредиторъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ должника, требуетъ слишкомъ большихъ процентовъ, которыхъ должникъ сразу уплатить не можетъ, а внести въ расписки безъ риска отвѣтственности предъ закономъ нельзя. Такъ было, по всей вѣроятности, и съ домоправителемъ. Считая продажу въ кредитъ за одолженіе, онъ требовалъ съ покупателей платы извѣстныхъ процентовъ, которые, за неимѣніемъ у покупателей наличныхъ средствъ для ихъ уплаты въ моментъ совершенія сдѣлокъ, отсрочивались до времени уплаты долга и вносились въ расписки, какъ дѣйствительный долгъ. Отсюда ясно, что первоначальныя расписки не соответствовали дѣйствительности. Обозначенная въ нихъ сумма долга превышала дѣйствительную на столько, сколько взято было съ каждаго должника процентовъ. А если такъ, то, уменьшая количество долга въ новыхъ распискахъ, управитель отбрасывалъ только то, что *незаконно* было наложено,—другими словами—уничтожалъ допущенную несправедливость, *заглаждалъ* свой управительскій грѣхъ. Такъ какъ размѣръ процентовъ не былъ чѣмъ-либо постояннымъ, то понятно и то, почему одному дол-

жнику сбавлено пятьдесят мѣръ со ста, а другому—только двадцать.

Могутъ сказать, что такое толкованіе опровергается вопросомъ управителя: „сколько ты долженъ?“ Очевидно, управитель не знаетъ, кто изъ должниковъ сколько долженъ; тѣмъ болѣе не можетъ онъ знать, на кого сколько наложено процентовъ и, слѣдовательно, заставляетъ писать цифру долга въ новыхъ распискахъ наобумъ. Самые отвѣты должниковъ: „сто мѣръ масла“, „сто мѣръ пшеницы“ какъ будто подтверждаютъ то, что старыя расписки соответствовали дѣйствительной суммѣ долга.

Но вопросъ о количествѣ долга не обозначаетъ того, будто управитель не знаетъ, кто сколько долженъ. Вопросъ предлагался лишь для того, чтобы сильнѣе подчеркнуть оказываемую должникамъ услугу, подобно тому, какъ и мы нерѣдко прибѣгаемъ, для усиленія впечатлѣнія, къ вопросамъ тамъ, гдѣ для насъ все ясно и извѣстно. Домоправитель говорилъ какъ бы такъ: „знаешь ли, сколько ты долженъ бы отдать мнѣ? 100 мѣръ? А я вотъ что дѣлаю: вмѣсто 100, ты заплатишь только 50“. Отвѣты же должниковъ иными и не могли быть. Сколько бы они ни были должны въ дѣйствительности, юридически они считались должниками въ размѣрѣ, указанномъ расписками.

Такъ понимаемый поступокъ управителя вполне заслуживалъ похвалы. Имъ управитель доказалъ искренность своего раскаянія, загладилъ свою вину, обнаружилъ вниманіе къ словамъ хозяина и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ значительную услугу хозяйству господина. Снявъ съ имѣнія пятно пріобрѣтенной имъ, вслѣдствіе предшествовавшей управительской дѣятельности, дурной репутаціи, онъ снова привлекъ тѣхъ покупателей, которые, тяготясь процентами, готовы были уже отказаться на будущее время и отъ кредита и отъ продуктовъ. И всѣ купцы, раньше отказавшіеся отъ коммерческихъ сдѣлокъ, въ виду ихъ тяжести, теперь могли снова войти въ торговыя сношенія съ имѣніемъ, благодаря чему всѣ произведенія хо-

зайства снова получили возможность своевременнаго сбыта и, будучи продаваемы въ болѣе свѣжемъ и неиспорченномъ видѣ, приобрѣтали большую цѣнность, увеличивая тѣмъ сумму доходовъ.

Въ этомъ поступкѣ дѣйствительно обнаружилась мудрость управителя въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ умѣнье находить наилучшія средства для достиженія поставленныхъ цѣлей.

Произведенною замѣною счетовъ управитель не только далъ „отчетъ“ въ управленіи имѣніемъ и избѣжалъ грозившаго ему осужденія, но и заслужилъ похвалу господина, а можетъ быть—даже удержалъ за собою и прежнюю должность. По крайней мѣрѣ, изъ того обстоятельства, что, послѣ похвалы господина, въ Евангеліи ничего не говорится объ оставленіи домоправителя отъ должности, дѣйствительно, можно предположить, что милостивый и незлобивый господинъ, увидѣвъ раскаяніе управителя и фактическое возвращеніе его на путь прежней честной жизни, обѣщающее скорое исправленіе разстроенныхъ дѣлъ имѣнія, оставилъ его на прежнемъ мѣстѣ.

Теперь вполне понятно, *въ чемъ* евангельскій домоправитель долженъ служить образцомъ для мытарей, и *какъ* относится къ нимъ все содержаніе евангельской притчи.

Мытарямъ, какъ богатый человекъ притчи управителю, единый богатый въ собственномъ смыслѣ Господь ввѣрилъ для управленія часть Своего безконечно-великаго имѣнія и даровалъ безусловную свободу въ управленіи имъ, требуя лишь одного—сообразоваться съ предначертаніями Его святой воли. Но мытари, какъ и домоправитель, не сумѣли правильно воспользоваться дарованными имъ свободою и властью. Въмѣсто того, чтобы смотрѣть на богатство, какъ на средство, данное Богомъ для болѣе легкаго и безпрепятственнаго достиженія ими самими и ихъ ближними предначертаній воли Божіей о спасеніи людей, они поставили богатство цѣлію своей жизни и стали заботиться объ одномъ—объ умно-

женіи своихъ богатствъ. Такое ненормальное отношеніе къ богатствамъ привело и ихъ, какъ домоправителя, къ „расточенію“. Начавъ искать богатства ради богатства и считая всякое средство, способствующее скопленію его, законнымъ, они, во-первыхъ, лишали себя и другихъ тѣхъ драгоцѣннѣйшихъ благъ духовныхъ, которыя въ преизбыточествующей степени получили бы, если бы пользовались имѣніемъ правильно, и, такимъ образомъ, *расточали* естественные плоды духовные, отъ правильнаго пользованія богатствомъ происходящіе; во-вторыхъ, вслѣдствіе всецѣлаго погруженія въ заботы о стяжаніяхъ, оставляли безъ вниманія и упражненія свои духовныя силы и дарованія, составляющія лучшее имѣніе Божіе, заглушали и истощали ихъ, и, такимъ образомъ, *расточали* лучшее богодарованное богатство духовное; въ-третьихъ, незаконными налогами и поборами отнимали заработанные трудомъ и усиліями достатки своихъ соотечественниковъ и, такимъ образомъ, *расточали* матеріальное богатство ближнихъ, составляющее также имѣніе Божіе; наконецъ, въ-четвертыхъ, лишними поборами и процентами заставляли своихъ соотечественниковъ по необходимости посвящать заботамъ о земномъ больше времени, чѣмъ сколько тратили бы тѣ, не подвергаясь ихъ несправедливости, и *небречь* о богатствѣ духовномъ, ослабляя ихъ духовныя силы, и, такимъ образомъ, *расточали* духовное богатство своихъ ближнихъ. И вотъ, пока мытари, преслѣдуя мірскія цѣли, не нарушали интересовъ своихъ ближнихъ несправедливостью, хищничествомъ и насиліями, до тѣхъ поръ Господь какъ бы не замѣчалъ, что вѣренное Его благостію „богатство гніеть“, „одежды поѣдаются молью“, „золото и серебро“ ржавѣеть. Когда же они дарованное имъ богатство сдѣлали орудіемъ насилія и несправедливости, тогда притѣсняемая ими правда, подобно крови Авеля, „возопила на небо“, тогда плачь обиженныхъ и слезы притѣсняемыхъ стали восходить къ престолу Всевышняго и какъ бы доносить Господу на беззаконныхъ мытарей, что они *расточаютъ* имѣніе Его.

Во время пришествія въ міръ Спасителя жалобами на притѣсненія и поборы мытарей была полна вся Іудея. Господь, разнообразными средствами и способами призывавшій мытарей къ *отчету*, наконецъ, обращается къ нимъ съ особеннымъ призывомъ къ покаянію, примѣромъ блуднаго сына приглашая опомниться и очнуться отъ нравственнаго усыпленія. Божественный призывъ Спасителя не остался безплоднымъ. Подъ влияніемъ Его милостиваго, любвеобильнаго гласа, мытари сдѣлались въ душѣ учениками Христа-Спасителя, возлюбили ученіе Его и осудили путь грѣха. Но для полнаго и всецѣлаго приобщенія къ кругу истинныхъ учениковъ Христовыхъ имъ *слѣдуетъ* еще сдѣлать то, чтò сдѣлалъ приточный управитель—*загладить* свои неправды. Съ этою цѣлію они должны „призвать должниковъ“ своего небеснаго Господина—своихъ соотечественниковъ, на которыхъ они безстѣсненія не разъ налагали свои обременительные проценты, и *возвратить* имъ, по возможности, все, неправедною лихою съ нихъ нажитое; должны, подобно умилившемуся Закхею-мытарю, въ сокрушеніи сердечномъ воскликнуть: „Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо“ (Лк. 19,8), и затѣмъ показать на дѣлѣ, что это восклицаніе вызвано дѣйствительно искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, а не лицемѣріемъ. Но мытари не дѣлаютъ этого, и потому вполне заслуживаютъ порицанія. Эту мысль и выражаетъ слѣдующій стихъ: „сыны вѣка сего догадливіѣ сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“, т. е. сыны вѣка сего умнѣе въ человѣческой мудрости и въ житейскихъ дѣлахъ (въ своемъ родѣ), чѣмъ сыны свѣта въ небесной мудрости, въ дѣлахъ спасенія (въ своемъ родѣ). Въ то время какъ представитель первыхъ, евангельскій домоправитель, легко и скоро понялъ, чтò нужно ему для спасенія отъ нищеты и убожества вещественныхъ, и разумно осуществилъ необходимое, ставшіе сынами свѣта мытари не понимаютъ, что царство Божіе есть царство правды, любви и самоотвер-

женія, и не догадываются, что должны сдѣлать для спасенія отъ убожества душевнаго.

Что же поддерживаетъ и питаетъ эту недогадливость сыновъ свѣта, и что необходимо для устраненія ея?—Отвѣтомъ на это служить вторая часть притчи—учительная.

Главная причина, почему сыны свѣта менѣе догадливы, чѣмъ сыны вѣка сего,—раздвоенность первыхъ: имъ хочется и быть послѣдователями Христа, и обладать тѣмъ, что не имѣетъ цѣны для царствія Божія. Чтобы пріобрѣсти мудрость, необходимо сознать пагубность такого настроенія и освободиться отъ него. Необходима полнѣйшая и безусловная преданность Господу, отречение отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей, отъ всего улаждающаго грѣховное тѣло. Необходимо отказаться отъ привязанности къ богатству и заботиться не о сохраненіи или умноженіи его, а о томъ, чтобы „пріобрѣтать себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ“, или—другими словами—чтобы употреблять пріобрѣтенныя матеріальныя блага на дѣла любви и милосердія. Нѣкоторыхъ смущаетъ совѣтъ Спасителя „пріобрѣтать друзей богатствомъ неправеднымъ“. По смыслу его—говорять—выходитъ какъ будто такъ, что можно человѣку добиваться богатства всякими неправдами, а потомъ, удѣляя частицу этого злопріобрѣтеннаго стяжанія, „сокровища беззаконныхъ“ (Притч. 10, 2), на дѣла благотворительности, а все остальное присвоивъ себѣ, при помощи заступничества лицъ, благодотворенныхъ этою частицею, достигнуть блаженства въ „вѣчныхъ кровахъ“. Но такое толкованіе основано на недоразумѣніи. Здѣсь дается совѣтъ мытарямъ, богатство которыхъ хотя дѣйствительно было злопріобрѣтеннымъ, но уже существовало, какъ *фактъ*, совершившійся *раньше*. Слѣдовательно, давая совѣты мытарямъ относительно способа достиженія ими „вѣчныхъ крововъ“, Спаситель не имѣлъ никакого повода говорить—и дѣйствительно не говорилъ—о томъ, какъ *пріобрѣтатъ* богатство, чтобы съ его помощью запастись друзьями небесными, а долженъ былъ сказать—и сказалъ—о томъ, какъ

употреблять въ цѣляхъ спасенія богатство, уже раньше пріобрѣтенное путемъ несправедливымъ. Но и въ этомъ объемѣ совѣтъ Спасителя не означаетъ того, будто благотворительное употребленіе богатства, несправедливо пріобрѣтеннаго, можетъ, сверхъ покрытія совершенныхъ при пріобрѣтеніи его неправдъ, образовать нѣчто въ родѣ какого-то излишка добра, который бы далъ человѣку право на вѣчное блаженство. У людей, обладающихъ злопріобрѣтеннымъ сокровищемъ, все несправедное богатство должно уйти на покрытіе неправдъ; на пріобрѣтеніе же друзей должно идти лишь то, что пріобрѣтено по́томъ и трудомъ...

Итакъ, притча о несправедномъ домоправителѣ является дополненіемъ къ притчѣ о блудномъ сынѣ, раскрывая дальнѣйшій моментъ въ процессѣ обращенія человѣка къ Богу—*заложденіе* неправды грѣха, *плоды* покаянія и добрыя дѣла, точно такъ же, какъ слѣдующая притча—о богачѣ и Лазарѣ—служитъ какъ бы иллюстраціей къ заключительнымъ словамъ притчи о домоправителѣ. *К. Перевозниковъ.*

Пастырскій судъ чести.

Въ виду особыхъ обстоятельствъ пастырскаго служенія, создающихся нашимъ временемъ, на страницахъ Екатеринославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей помѣщенъ довольно любопытный проектъ священника Н. Боголюбова, предлагающаго учредить „взаимный надзоръ пастырей другъ надъ другомъ“, или „пастырскій судъ чести“. Ни для кого, конечно, не тайна, что среди священниковъ, къ величайшему прискорбію, есть не мало такихъ, которые далеко не отвѣчаютъ запросамъ пастырства какъ по характеру своей дѣятельности, такъ и по своему внѣшнему благоповеденію. Въ каждомъ благочинническомъ округѣ духовенство, болѣе или менѣе близко соприкасаясь другъ съ другомъ приходами и имѣя полную возможность встрѣчаться, знаетъ—или, по крайней

мѣрѣ, можетъ знать—какъ всѣхъ священниковъ своего округа, такъ и cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, несравненно лучше, чѣмъ знаетъ ихъ духовная консисторія. Въ округѣ хорошо знаютъ, „чѣмъ живъ“ тотъ или другой пастырь, знаютъ и частную и служебную его жизнь и дѣятельность. Это *знаніе* о. Боголюбовъ и предлагаетъ использовать для развитія въ духовенствѣ „нравственнаго самосознанія и для укрѣпленія въ немъ энергіи“. Лучшимъ средствомъ для этого могутъ служить пастырскія собранія, которымъ должно быть предоставлено право не только разсматривать доклады, проекты и вопросы, но и оцѣнивать дѣятельность и поступки священниковъ своего округа и разсматривать нерѣдко возникающія между ними на почвѣ различныхъ недоразумѣній и взаимныхъ столкновеній тяжёбныя дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность пастырскихъ собраній—можно сказать съ увѣренностью—была бы на высотѣ своей задачи, являясь вполне безпристрастной: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы пастырское собраніе, въ полномъ составѣ всего благочинническаго округа, гдѣ не менѣе 10—20 священниковъ, было, такъ сказать, заражено духомъ лицепріятія. Конечно, судъ товарищей-пастырей надъ пастыремъ же являлся бы лишь *мнѣніемъ* пастырскаго собранія, сообразуясь съ которымъ, епархіальный преосвященный изрекалъ бы уже окончательный свой приговоръ. Всѣ ли проступки и преступленія пастырей должны подлежать суду товарищей, или только извѣстный ихъ кругъ, этого вопроса о. Боголюбовъ рѣшать не беретъся.

При этомъ онъ предвидитъ слѣдующее возраженіе: „если предоставить пастырямъ право суда чести, то тогда они будутъ собираться только для разбора *казусныхъ дѣлъ*, или же, въ противномъ случаѣ, подобныя дѣла будутъ въ полномъ застоѣ“.—Но бояться подобной перспективы,—говоритъ о. Боголюбовъ,—не приходится—и вотъ почему. *Во-первыхъ*, по каждому благочинническому округу не такъ ужъ много наберется разныхъ неприятныхъ дѣлъ, чтобы ихъ нельзя было въ свое время разсмотрѣть пастырскому собранію. *Во-вто-*

рыль,—и это главное,—при существованіи суда чести, пороковъ и преступленій какъ противъ должности, такъ и противъ нравственности среди духовенства будетъ гораздо меньше, чѣмъ замѣчается ихъ теперь, при настоящемъ правовомъ положеніи духовенства. При существованіи суда чести, нравственное самосознаніе пастырей возвысится настолько, что оно не сможетъ индифферентно или даже терпимо относиться къ такимъ явленіямъ въ жизни пастыря, которыя задѣваютъ честь всего духовенства, какъ сословія, унижаютъ авторитетъ пастыря, служатъ къ пагубному соблазну пасомыхъ въ приходѣ и даютъ поводъ недоброжелателямъ и врагамъ духовенства лишній разъ бросить въ него комомъ грязи. Развитие нравственного самосознанія даетъ право надѣяться и на то, что судъ товарищескій будетъ не только нелицепріятнымъ, но и безопаднымъ къ порочнымъ дѣйствіямъ подвергшагося ему пастыря. Эта же нелицепріятность и безопадность вызвала бы, въ свою очередь, въ средѣ іереевъ съ порочными наклонностями и привычками чувство самохраненія, а отсюда—естественное желаніе стать лучшими, такъ какъ они знали бы, что предъ судомъ чести никакія увертки или хитрости не спасутъ ихъ отъ правильной оцѣнки ихъ поступковъ и вообще ихъ жизни и дѣятельности. А если бы иной іерей, опускаясь все ниже и ниже „на дно“, пересталъ бы бояться самаго суда чести, то ему оставалось бы, конечно, лишь одно: совсѣмъ выйти изъ среды духовенства—или за штатъ, или даже и изъ духовнаго званія.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатагь дозволяется. Кіевъ, 22 го августа 1905 гоа.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Шовицкаго.